ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
МИЛЮТИН

ДНЕВНИК
1873–1882

ТОМ 2

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Граф Дмитрий Алексеевич Милютин (1816–1912) – военный министр, член Государственного совета, почетный член Академии наук и всевозможных военных академий; энциклопедически образованный ученый, один из самых прогрессивных и просвещенных государственных деятелей своего времени. В историю граф Милютин вошел как сподвижник Александра II, во время правления которого в течение двадцати лет – с 1861-го по 1881-й – возглавлял Военное министерство и провел реформы, кардинально изменившие русскую армию. В 1874 году была отменена всеобщая воинская повинность для всех классов, сокращен общий срок службы с 25 до 16 лет, упразднены тяжелые телесные наказания, созданы кадетские гимназии, юнкерские училища, Военно-юридическая академия, специальные программы обучения для военных заведений, женские врачебные курсы, проведена военно-судебная реформа и т. д. Многие годы граф Милютин вел дневник, который, согласно его завещанию, был передан в Императорскую академию Генерального штаба. Дневник охватывает период с 1873 по 1900 год и не раз подвергался авторской переработке; при этом оказались вычеркнуты, по соображениям дипломатичности, а иногда и несущественности, детали (слова, предложения, а иногда и целые абзацы). В 1947 году Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР выпустил академическое издание «Дневника» – с 1873 по 1882 год, – поместив в сноски всё вычеркнутое автором. В настоящем издании сноски (за исключением явных повторов) размещены в квадратных скобках в самом тексте для удобства чтения. Курсивом напечатаны слова, дважды подчеркнутые автором.

- Дмитрий Алексеевич Милютин
  -
  - 1878 год
  - 1879 год
  - 1880 год
  - 1881 год
  - 1882 год
  - Аннотированный указатель
  - Иллюстрации
- notes
  - 1
  - 2

- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46

- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90

- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134

- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141

Дмитрий Алексеевич Милютин
Дневник
1873–1882
Том 2

Текст публикуется по изданию:

Государственная Ордена Ленина библиотека СССР имени В. И. Ленина

Отдел рукописей

Дневник
Д. А. Милютина
1873–1882
Москва
1947

Текст приведен в соответствие с нормами современной орфографии.

1878 год

2 января. Понедельник. Первый день года провел я так же, как и в другие годы: утро в разъездах по дворцам, затем среди семьи и родных. После обедни во дворце и завтрака государь позвал меня в кабинет и прочел полученные с театра войны телеграммы. Сегодня же, хотя и не мой день доклада, я приглашен был во дворец вместе с канцлером, который прочел редактированные им ответные письма от имени государя к обоим императорам. Государь остался очень доволен этими проектами и благодарил князя Горчакова, который был бодрее и свежее, чем обыкновенно.

Кроме того, обсуждался ответ на полученный вчера по телеграфу запрос Лондонского кабинета, можем ли мы удостоверить, что ни в каком случае не займем полуострова Галлиполийского и берега Дарданелл. В этом вопросе князь Горчаков видит как бы косвенный ответ на последний наш меморандум, в котором канцлер спрашивал, в чем же, наконец, заключаются «интересы Англии», нарушения которых, по-видимому, так опасается Лондонский кабинет. Князь Горчаков хотел было отвечать безусловным обещанием, что Галлиполи и Дарданеллы вовсе не входят в наши соображения. Однако ж я счел нужным сделать оговорку, «à moins que les troupes turques ne se concentrent sur ce point»[1]. Я указал на карте, что в случае отступления турецкой армии от Адрианополя на Галлиполи наша армия не могла бы идти прямо на Константинополь, оставив у себя на фланге неприятеля в сильнейшей укрепленной позиции.

Вечером получена прямо из Константинополя телеграмма от султана Абдул-Гамида. Повелитель мусульман убеждает императора склониться к миру, уведомляет о посланных в Казанлык уполномоченных и умоляет, чтобы немедленно же были остановлены все наступательные движения наших войск. На телеграмме этой государь написал, что мы все-таки должны неуклонно держаться принятого нами плана, то есть не прежде начинать переговоры о *перемирии*, как по получении от Порты положительного согласия на заявленные нами основания мира.

3 января. Вторник. После моего доклада вошли в кабинет государя князь Горчаков и граф Игнатьев. Речь шла о том, не следует ли Игнатьеву теперь же ехать в Бухарест, чтобы предварительно сговориться с румынским правительством. Канцлер противился и желал задержать отъезд Игнатьева. Мне сдается, что он сомневается в успехе начатых переговоров, и в этом случае он может быть прав. Государь требовал, чтобы все

вопросы относительно предстоящих переговоров о мире были теперь же подробно разобраны и разъяснены канцлером и графом Игнатьевым. В помощь последнему избран Влангали, бывший посланник наш в Китае, ныне живущий за границей в отставке.

На вчерашнюю телеграмму султана сочинен ответ, крайне лаконический и сухой. Государь прочел нам телеграмму от королевы Виктории, которая также убеждает его согласиться на просимое Портою перемирие. Личное вмешательство королевы в политику есть явление новое для Англии; оно начинает уже возбуждать в стране неудовольствие. По донесениям графа Шувалова, там продолжается агитация; кажется, в правительстве еще ничего не решено. Воинственный первый министр [Дизраэли] выходит из себя, придумывает всякие уловки, чтобы запастись оружием в предстоящей парламентской борьбе. До сих пор ему не удается вызвать какой-нибудь с нашей стороны предлог к воспламенению воинственности в обществе; ему бы хотелось до открытия парламента выведать наши условия мира. Сегодня в заседании английского совета министров решено заявить нам, что Англия не может допустить отдельного мирного договора между Россией и Портой.

После доклада я был в заседании Комитета министров. Обсуждалось представление министра путей сообщения об увеличении подвижного состава Одесской железной дороги; представление это вызвано заявлением Военного министерства; вероятно, поэтому и встретило сильные возражения и отвергнуто.

Перед обедом заехал ко мне граф Игнатьев, чтобы переговорить по некоторым[2] вопросам, касающимся предстоящих переговоров о мире. Он жалуется на бесплодное, в продолжение нескольких часов, совещание с князем Горчаковым, который не мог войти в серьезное рассмотрение ни одного из этих вопросов.

5 января. Четверг. В происходившем сегодня у государя после моего доклада совещании по делам иностранной политики присутствовали, кроме канцлера и меня, граф Игнатьев, Гирс и барон Жомини. Предметом совещания были условия мира, изложенные Игнатьевым в форме проекта прелиминариев мирного договора. Дело, казалось бы, заслуживало самого серьезного обсуждения; однако же чтение Игнатьева выслушали почти без всяких замечаний и бóльшая часть поставленных им вопросов осталась без категорического разрешения.

Взамен того сочинена тут же князем Горчаковым телеграмма к главнокомандующему действующей армией: ему подтверждается прежнее указание стараться протянуть переговоры и по возможности долее не объявлять турецким

уполномоченным наших условий. Теперь главная цель этой проволочки состоит в том, чтобы сначала сойтись с Австрией, которая уже начинает портить нам дело. Граф Шувалов извещает из Лондона, что Андраши даже побуждает англичан противодействовать отдельным переговорам нашим с Турцией, обещая им поддержку Австрии.

Сомнительно, чтобы ответное письмо государя к императору Францу-Иосифу (отправленное только сегодня) могло произвести благоприятный оборот в эгоистической политике Венского кабинета: для этого нужны не одни только фразы, не искусная только редакция, но какие-нибудь более существенные, реальные удовлетворения; говоря попросту, нужно подкупить Австрию, нужна ей взятка; а мы всё требуем бескорыстной платонической дружбы.

12 января. Четверг. Опять целую неделю не имел возможности заглянуть в свой журнал, а между тем в течение этой недели много произошло заслуживающего внимания. Но именно потому я и не имел ни минуты досуга, что ежедневно случались экстренные занятия, совещания; приходилось по целым часам сидеть над разборкою шифрованных телеграмм и над шифровкою ответов. Дела военные и политические пошли с такой быстротой, что опередили самые смелые наши предположения. Решительное поражение Сулейман-паши под Филиппополем[3], занятие Адрианополя, прибытие турецких уполномоченных в Казанлык – всё это шло одно за другим, так что не успевали опомниться и соображать.

В прошедший вторник я был приглашен к обеду в Зимний дворец вместе с князем Горчаковым. По окончании обеда государь принял нас обоих в своем кабинете и предложил обсудить, как далее вести дело. Мое мнение состояло в том, чтобы, во-первых, местом переговоров о мире вместо Одессы или Севастополя назначить Адрианополь; а во-вторых, в случае, если начатые в Казанлыке предварительные переговоры окажутся безуспешными, продолжать безостановочно наступление на Константинополь и вести дело к радикальному разрешению восточного вопроса, сообща со всею Европой. К удивлению моему, князь Горчаков не возражал, и государь, отпуская нас, сказал, что каждый из нас еще подумает о возникших новых соображениях.

Но вслед за тем получены телеграммы от великого князя Николая Николаевича о том, что турецкие уполномоченные затруднились принять наши условия и запросили новые инструкции из Константинополя. Главнокомандующий сам извещает о своем намерении идти прямо на Константинополь, в

надежде под самыми стенами его решить вопрос, и на этот случай спрашивает некоторых указаний. Телеграммы эти пришлись совершенно кстати.

Вчера же, в среду, после церемонии крестин новорожденного великого князя Бориса Владимировича, государь позвал нас троих – князя Горчакова, графа Игнатьева и меня – в свой кабинет и вторично прислал за нами после обеда, в 7 часов вечера. Здесь окончательно обсуждалось, что отвечать великому князю Николаю Николаевичу. Прямо из Зимнего дворца мы втроем поехали к канцлеру и там общими силами сочинили длинную телеграмму, которую потом генерал Мещеринов шифровал целую ночь. Сегодня утром телеграмма эта, одобренная государем, отправлена по назначению.

Сегодня во время моего доклада граф Игнатьев откланялся государю и получил окончательные приказания, а вечером уехал через Москву и Киев в Бухарест, где должен окончательно сговориться с румынским правительством и затем спешить далее в Главную квартиру армии. Там он будет в постоянной готовности к переговорам при содействии Нелидова. При этом я снова настаивал на том, чтобы теперь же обратиться к Европе с предложением начать сообща разрешать восточный вопрос. Однако же все нашли это преждевременным. Само собою разумеется, что и в моих мыслях было дождаться результата начатых переговоров в Казанлыке.

Пока я был сегодня в заседании Военного совета, приезжал ко мне великий князь Константин Николаевич; позже он прислал спросить, буду ли я дома в 9 часов вечера. Разумеется, я сам поехал к нему: он продержал меня около часа, развивая свои соображения относительно радикального разрешения восточного вопроса. В сущности его идеи сходятся с теми, которые и я высказывал в последних совещаниях у государя. Но он берет дело шире и настаивает на полном изгнании турок из Европы, на обращении Константинополя в вольный город и открытии проливов. Великий князь сознавался, что не имеет случая проводить свои мысли и потому передает их мне, прибавив, однако ж, что уже высказывал их графу Игнатьеву и графу Адлербергу.

14 января. Суббота. Вчера получены тревожные известия из Лондона. Первоначально из телеграмм графа Шувалова, а вслед затем даже из газетных телеграмм видно, что английский премьер-министр опять взбеленился под тем предлогом, что мы не объявляем о наших условиях мира, а между тем войска наши всё продолжают двигаться вперед. В Лондоне распустили ложные слухи, будто мы идем на Галлиполи (хотя на днях еще было

положительно подтверждено, что мы не пойдем в ту сторону, если только англичане не вздумают вмешаться); Лейярд сообщил из Константинополя наши условия в искаженном виде.

Всё это послужило поводом воинственному Биконсфильду для того, чтобы заявить наконец открыто намерение внести в парламент билль об ассигновании экстраординарного кредита на вооружения и дать приказание английскому флоту вступить в Дарданеллы. Двое из влиятельнейших министров – лорд Дерби и Карнарвон – подали в отставку. Между тем граф Шувалов успел обнаружить мошеннические проделки Лейярда и объявил английским министрам настоящие наши условия. С другой стороны, сам султан воспротивился входу английского флота в Дарданеллы, опасаясь, чтобы вмешательство Англии не расстроило начавшихся переговоров с Россией. Биконсфильд должен был отменить данное флоту приказание и таким образом еще раз выказал свою опрометчивость [и дурь. Об этом результате лондонских проделок мы узнали только сегодня утром.]

Обо всем этом узнали мы только сегодня утром, а между тем пришли известия из Константинополя через Берлин (от принца Рёйсса), будто Порта соглашается на заявленные нами условия. В сегодняшних газетных телеграммах говорится так, будто перемирие уже заключено. Между тем в формальном заключении перемирия можно сомневаться, потому что великий князь Николай Николаевич, выехав из Казанлыка 12-го числа, еще находится с турецкими уполномоченными в пути и только завтра должен прибыть в Адрианополь, где, по всем вероятиям, и начнутся переговоры об условиях перемирия. Впрочем, надобно иметь в виду, что известия из Константинополя через Западную Европу должны доходить до нас ранее, чем от великого князя главнокомандующего, пока не устроено прямое с ним телеграфное сообщение.

Сегодня после своего доклада я опять присутствовал при докладе государственного канцлера. Государь спокоен и говорит, что видит в теперешнем обороте дел перст Божий. Доверие к Венскому кабинету сильно поколебалось. Граф Андраши начинает сближаться с Англией. Даже и в отношении к германскому императору, другу и дяде, возникают уже сомнения: на днях он телеграфировал государю, что отправил ему собственноручное ответное письмо, а вслед за тем, как обнаружилось из разбора шифрованной телеграммы на имя германского посла Швейница, приказал ему не представлять государю отправленного письма, а дождаться присылки другого, на перемену. Что значит эта замена одного письма другим, пока трудно объяснить. Во всяком случае,

этот факт выказывает некоторую нетвердость, шаткость в настроении Берлинского кабинета. Канцлер был прав, сказав сегодня государю, что его величеству не на кого возлагать надежд, кроме самого себя.

Вчера прибыл сюда из Бухареста румынский генерал князь Гика, тот самый, который во всё время похода состоял при особе государя. Наконец и князь Горчаков сознал необходимость категорических объяснений с румынами. Жаль, что несколько поздно.

Великий князь Константин Николаевич с горячностью продолжает высказывать мысль, о которой говорил мне в четверг вечером. Вчера он приехал ко мне прямо от князя Горчакова, которому также развивал свой план с присоединением еще новой идеи – обращения государя к русскому народу с манифестом, в котором необходимо торжественно заявить об изгнании турок из Европы и нашем бескорыстном желании устроить судьбу христианского населения Балканского полуострова. Великий князь говорил, что канцлер поддается этим мыслям, намеревается доложить о них государю и советует самому великому князю заняться редакцией предположенного манифеста.

Такая податливость канцлера показалась мне сомнительной. Сегодня утром, когда мы вышли вместе из кабинета государя, я спросил князя Горчакова, почему же он умолчал о проектах великого князя Константина Николаевича. Тогда канцлер с обычной своей горячностью восстал против этого проекта и сказал мне, что «вовсе не обещал великому князю доложить государю о такой бессмыслице».

Вечером получил я от великого князя приглашение заехать к нему на несколько минут. Я нашел у него Сольского, которому он поручил было проектировать манифест. До входа в кабинет великого князя мы успели обменяться с Сольским несколькими словами, из которых я мог заметить, что он совершенно не разделяет мнений великого князя и желал бы отклонить его от задуманного проекта. Очевидно, что если известия о согласии Порты на условия мира справедливы, то не может уже быть и речи об изгнании турок из Европы.

Великий князь рассказал нам, что сегодня же утром имел случай развить свои предположения государю, который, выслушав его, не высказал, однако же, никакого заключения. Иначе и быть не могло: кто знает характер и приемы государя, тот мог предсказать великому князю, что фантастические его проекты будут встречены одним молчанием. Впрочем, и сам великий князь при изменившихся теперь обстоятельствах уже и не настаивает на своем проекте манифеста, а только выражает

желание, чтобы наша дипломатия взяла инициативу в приглашении Европы к общему соглашению относительно восточного вопроса. Такого рода мнение и я вполне разделяю. Тут даже и спора нет.

15 января. Воскресенье. Надеялся я воспользоваться свободным утром, чтобы заняться дома некоторыми отложенными делами, но ошибся в своем расчете: государь потребовал меня к себе вместе с государственным канцлером. Случайно был и великий князь Константин Николаевич. Речь шла о полученном из Берлина ответном письме императора Вильгельма и о депешах из Вены. Государь находит последние несколько более успокоительными; Новиков старается смягчить разлад с графом Андраши. Письмо же императора Вильгельма вовсе не таково, как ожидали: оно сухо и бесцветно.

Иностранные газеты продолжают утверждать, что мирные условия подписаны. Правильнее надобно сказать, что предъявленные нами основные пункты будущих переговоров приняты султаном; подписание же этих основных пунктов [еще даже и не перемирия] может последовать разве только сегодня, то есть по приезде в Адрианополь великого князя главнокомандующего и турецких уполномоченных. Полученная же сегодня от великого князя телеграмма помечена только 12-м числом из Эски-Загры.

18 января. Среда. До сих пор нет известия от великого князя Николая Николаевича о том, приняты ли действительно Портою наши предложения. Полученные сегодня от него телеграммы помечены 14-м числом, 9 часами вечера, из Адрианополя; только в этот день и приехал он туда; о переговорах нет ни слова. Между тем сегодня государь получил вновь телеграмму прямо от самого султана, который почти выражает удивление, что до сих пор нет ответа от нашего главнокомандующего и что военные действия не приостанавливаются.

Из Вены и Бухареста сведения весьма неудовлетворительные. Австрия всё более и более принимает враждебное к нам положение и сближается с Англией. Румынское правительство протестует против предполагаемого возвращения отторгнутой от России в 1856 году части Бессарабии и вместе с тем жалуется на бесцеремонное обращение наших военных властей. В Англии правительство решило просить у парламента экстраординарный кредит. Всё это похоже на собирающиеся тучи.

Государь опять очень озабочен. Сегодня он три раза присылал за мной: раз утром и два раза вечером. Между прочими поводами к тому была полученная от великого князя Николая Николаевича странная телеграмма, в которой он просит приготовить одну

пехотную дивизию 10-го корпуса к амбаркации[4] в Севастополе. Куда и зачем намерен он отправить эту дивизию – ни слова; да и как же решиться на такое рискованное предприятие, когда Черное море во власти турецкого флота. Великий князь Константин Николаевич, которого государь пригласил для этого дела вместе со мною, также находит предположение брата несообразным. Думаю, что оно и не состоится.

Сегодня же утром я посетил клинический госпиталь, где лежат многие раненые и больные, привезенные из действующей армии. Обедали у меня Боголюбов и Соболев, приехавшие на короткое время: один – из Черногории, другой – с Балкан. Боголюбов описывал нам дивные похождения черногорских богатырей, а Соболев – последние необычайные усилия наших войск на Шипке. К сожалению, я должен был два раза оставить своих гостей, уезжая во дворец.

21 января. Суббота. Все последние дни прошли в лихорадочном ожидании известий из Адрианополя о ходе переговоров. Каждый день мне приходилось быть у государя вместе с князем Горчаковым. Подозреваю, что великий князь Николай Николаевич нарочно тянет переговоры, чтобы продолжать подвигаться вперед и иметь наслаждение[5] вступить в Константинополь. Вчера я высказал эту мысль государю и по его приказанию отправил вчера же вечером телеграмму великому князю с повелением ускорить заключение перемирия, коль скоро Порта действительно примет заявленные нами основания.

Еще сегодня утром государь был очень озабочен тем, что замедление в переговорах подает новый повод к враждебным против нас толкованиям и недоверию. В Вене и Лондоне эксплуатируют это неловкое положение. Полученные вновь государем собственноручные письма австрийского и германского императоров не удовлетворили ожидания и надежды нашего государя; князь Горчаков готовит ответы, а между тем им заявлено уже согласие наше на собрание конференции. Теперь идет переписка только о месте, где соберутся уполномоченные. Наш канцлер настаивает, чтобы в конференции участвовали *les chefs des cabinets*, разумеется, чтобы самому играть роль и рисоваться перед Европой. Видно, он всё еще не чувствует своего старческого упадка.

Наконец сегодня вечером получена радостная телеграмма от великого князя Николая Николаевича (от 19-го числа) о подписании как основных пунктов предстоящих переговоров о мире, так и условий перемирия. Нашим уполномоченным удалось выговорить оставление турками крепостей придунайских и Эрзерума. Странно только, что в телеграмме никак не упомянут

срок перемирия.

Такой результат во всяком случае нельзя не признать блестящим, превышающим далеко те ожидания, на которые мы имели право даже и по сдаче Осман-паши. Каково бы ни было дальнейшее направление дипломатического вопроса, мы можем все-таки сказать, что военная кампания закончилась великолепно. Невольно припоминаешь, в каком положении мы были в августе и сентябре; да и позже, не далее двух месяцев тому назад. Могли ли мы 19 ноября мечтать, что 19 января, среди глубокой и холодной зимы, наша армия будет угрожать Константинополю и принудит султана подчиниться всем нашим требованиям?

Вчера я обедал во дворце вместе с генералом Обручевым и прибывшими с театра войны полковниками Генерального штаба Боголюбовым и Соболевым. Их величества были очень любезны и внимательны к ним; но мне было жаль, что им не дали побольше рассказать о том, чему они стали свидетелями. Именно Боголюбов мог бы порассказать о Черногории много интересного, особенно для императрицы.

Вчера же были получены две не совсем приятные телеграммы: одна – с Кавказа о неудачном деле 18 января под Батумом (атака позиции у Цихисдзири), другая – из Адрианополя о пожаре в деревянной казарме, в которой только что расположился лейб-гвардии Московский полк. Пожар случился ночью так быстро, что не успели даже спасти знамя и бывшие при нем в карауле 11 солдат погибли.

23 января. Понедельник. Вчера перед обедней государь потребовал меня вместе с князем Горчаковым. Мы поздравили государя с успешным заключением перемирия; но он не обольщает себя преждевременной радостью и видит черные тучи впереди, на дипломатическом горизонте. Теперь идет обмен мыслей относительно выбора пункта для конференций, а с этим вопросом тесно связывается и выбор лиц, уполномоченных от заинтересованных держав. Государь намерен опять писать императору Вильгельму и напомнить ему об обязанностях, взаимно принятых на себя тремя союзными императорами[6]. Государь высказал нам свое убеждение в том, что, несмотря на подписание оснований мира с Турцией, мы отнюдь не должны ослаблять наших военных мероприятий, а, напротив, следует держаться в полной готовности к возобновлению и даже развитию борьбы. Только при этом условии возможно еще ожидать успешного результата предстоящих конференций.

После обедни в Малой церкви Зимнего дворца прошло благодарственное молебствие по случаю перемирия, с пушечной пальбой. Улицы разукрашены флагами. После того был развод, по

окончании которого государь подозвал к себе всех присутствовавших генералов и офицеров и произнес несколько слов, заканчивавшихся той же мыслью. Манеж огласился неумолкаемыми криками «ура!». Очевидно, что слова эти адресованы были не столько к наличной военной публике, сколько к целой Европе.

Сегодня я обедал у австрийского посла барона Лангенау. После обеда был у меня разговор *a parte* с хозяином. Он прикинулся добродушным и выражал уверенность в том, что между нами и Австрией дело уладится как нельзя лучше.

24 января. Вторник. Приехав утром во дворец к докладу, я узнал о случившемся за четверть часа перед тем происшествии с генералом Треповым. В обычный час приема просителей какая-то стриженая девица (одна из так называемых «нигилисток») выстрелила в Трепова из револьвера и нанесла ему серьезную рану в бок. Генерал Мезенцов приехал доложить государю, что поступок этот объясняют местью за какого-то студента Боголюбова, которого Трепов высек еще прошлым летом, когда тот содержался в тюрьме.

После доклада я сейчас же поехал навестить раненого и нашел его лежащим на кушетке среди нескольких хирургов, ощупывавших рану и пропускавших дренаж. Все двери были настежь; множество народа в комнатах: ходили, разговаривали; не похоже было вовсе, что мы у постели больного, только что раненного. Он говорил со мною, хотя на лице видны были физические страдания. Говорят, рана тяжелая и небезопасная.

Среди доклада моего государь, по обыкновению, принял канцлера. Речь шла о выборе места для предстоящих конференций. Граф Андраши уже предложил всем кабинетам назначить конференции в Вене. Почти все уже приняли это предложение; только Берлинский кабинет воздержался пока, в ожидании согласия с нашей стороны. Князь Горчаков находится в большом затруднении: если конференция пройдет в Вене, то, по принятому обычаю, председательствовать будет Андраши, и тогда уполномоченным нашим никто не может быть другой, кроме Новикова. Но канцлер сам признает невозможным положиться на него, а между тем не хочет его обидеть назначением другого представителя.

Высказано предположение о предварительном тайном соглашении в Вене между представителями трех императоров. Если б установилось между ними твердое согласие, то можно было бы смелее выступить на общую конференцию, где бы ни было решено ей осуществиться.

Сегодня в Комитете министров состоялось продолжительное

прение по вопросу о соединении в одних руках трех железных дорог – Одесской, Киево-Брестской и Бресто-Граевской.

28 января. Суббота. Положение политическое всё более и более усложняется; отказ наш на предложенный графом Андраши съезд в Вене усиливает охлаждение между нами и Австрией; в Англии правительство берет верх и разжигает страсти, распуская ложные известия и клеветы на наш счет. Палата под этим впечатлением вотировала огромным большинством просимый кабинетом кредит в 6 миллионов фунтов стерлингов. На Германию мало надежд; она держится нейтрально и повторяет, что должна щадить Австрию. Даже Франция начинает поддакивать Англии. Таким образом, опять вся Европа поднимается против нас. И за что? За то, что нам посчастливилось добиться решительного успеха над Турцией и заставить ее подписать очень выгодные для нас условия перемирия.

Сегодня, кроме обыкновенного утреннего доклада у государя вместе с князем Горчаковым, мы оба вторично приглашены были во дворец в восьмом часу вечера. Мы нашли государя в крайне возбужденном состоянии. Причиною тому было формальное заявление Лондонского кабинета о вступлении английской эскадры в Босфор под предлогом защиты британских подданных в Константинополе. Государь называет этот акт «пощечиной» нам; с горячностью говорил он, что честь России ставит ему в обязанность принять решительные меры – ввести наши войска в Константинополь. Хотя мы оба, князь Горчаков и я, старались обсудить это решение несколько хладнокровнее, опасаясь испортить дело излишней поспешностью, однако же государь сказал, что принимает на одного себя всю ответственность перед Богом, и тут же продиктовал мне телеграмму к великому князю Николаю Николаевичу.

Возвратившись домой, я немедленно же занялся шифрованием телеграммы, но, посылая ее на подпись государю, счел долгом напомнить ему, что, вероятно, условие об оставлении турками дунайских крепостей еще не приведено в исполнение и мы лишимся очень важной выгоды, если принятое ныне решение прервет условия перемирия. Государь, возвратив мне мою записку, нашел мое замечание справедливым и разрешил сделать в телеграмме добавление. Шифрованная телеграмма отправлена только в 12 часу ночи.

29 января. Воскресенье. Опять я был сегодня утром приглашен во дворец вместе с князем Горчаковым. Получено извещение, что к английской эскадре в Босфоре присоединятся суда и некоторых других государств. О вступлении английского

флота в Босфор уже напечатано даже в здешних газетах. Государь находит необходимым неотлагательно объявить о своем решении вступить в Константинополь. Но приказание, отправленное только в прошлую ночь, дойдет до великого князя Николая Николаевича не ранее, как на четвертый день. Несмотря на это, решено сегодня же по телеграфу объявить через послов наших о вчерашнем решении и послать телеграмму прямо самому султану.

В то время как мы обсуждали все невыгоды нашего положения, вошла в кабинет императрица и приняла участие в совещании. Она вполне понимает затруднение, в которое будет поставлен наш главнокомандующий, если решение о вступлении наших войск в Константинополь сделается известным всей Европе и самому султану прежде, чем узнает об этом наш главнокомандующий. Я, сколько мог, настаивал, чтобы по крайней мере сама редакция нашего заявления не имела характера положительного решения. Князь Горчаков, выходя из кабинета, обещал мне еще подумать, как изменить первоначальную, набросанную им карандашом редакцию. Тем не менее я все-таки опасаюсь, что произойдет серьезное недоразумение, поскольку до сих пор не устроено телеграфное сообщение с Адрианополем. Некоторые из последних телеграмм шли из армии через Константинополь и Вену. Таким путем пришло и сегодня извещение Игнатьева о прибытии его в Адрианополь. К сожалению, турецкие уполномоченные уже уехали из Главной квартиры в Константинополь.

Государь отменил сегодня развод, мотивируя тем, что при разводе не мог бы ничего не сказать по поводу настоящего положения дел и принятого важного решения. Признаюсь, я не думал, чтобы государь придавал такое значение общественному мнению.

30 января. Понедельник. Утром был приглашен во дворец (хотя это не день моего доклада) с великим князем Константином Николаевичем и князем Горчаковым. Одобрена и отправлена телеграмма государя к султану с извещением о намерении ввести русские войска в Константинополь. Князь Горчаков предложил, как мне кажется, удачную мысль: заявить Германии, что в случае собрания конференции в одном из небольших городов Германии председательство должно по праву принадлежать князю Бисмарку. Германского канцлера ожидают в Берлине завтра или в среду. Государь в хорошем расположении духа. Послана мною телеграмма великому князю Николаю Николаевичу о том, что в случае высадки англичан где-либо на турецком берегу войска наши должны неотлагательно вступить в Константинополь.

Сегодня большой парадный обед в Белой зале в честь приехавшего на днях итальянского чрезвычайного посланника графа де Лонэ с извещением о вступлении нового короля Гумберта I на престол.

Папа Пий IX наконец оставил этот мир; давно пора. Конклав соберется в Риме, несмотря на сильную партию, настаивавшую на выборе другого пункта.

31 января. Вторник. Каждый день что-нибудь новое, изменяющее политическое положение. Султан противится вступлению английской эскадры в Босфор, может быть, именно вследствие нашего заявления о том, что оно заставит нас ввести войска в Константинополь. Другие морские державы приостановились испрашивать султанский фирман[7]. [Таким образом, англичане опять в дураках и, конечно, будут еще более вымещать на нас свою злобу.]

3 февраля. Пятница. Со вторника оставался я дома по болезни, что представляло немало затруднений, потому что каждый день государь присылал за мной и я должен был письменно сообщать ему свои мнения и соображения по поводу ежедневно получаемых телеграмм весьма тревожного свойства. Сегодня же государь сам удостоил меня своим посещением и просидел у меня около получаса. Его беспокоит нахальное вторжение английской эскадры в Мраморное море, вопреки протестам и просьбам султана. Сегодня, согласно с поданным мною мнением, еще раз сделана уступка Англии: несмотря на нарушение с ее стороны нейтралитета, мы снова заявили в Лондоне, что все-таки не займем Галлиполи, если только англичане не высадятся ни на одном пункте берега европейского или азиатского. Впрочем, не думаю, чтобы и эта уступка укротила бы воинственный азарт Биконсфильда.

4 февраля. Суббота. Здоровье мое позволило мне выехать сегодня к докладу. По обыкновению, был и князь Горчаков. Читали вслух донесение великого князя Николая Николаевича о переговорах и подписании конвенций: выговоренные условия в некоторых пунктах оказываются еще выгоднее для нас, чем было предположено. Между прочим, в статье о будущей автономии Болгарии вовсе исключено пребывание турецких войск в некоторых пунктах этой страны. Видно, что Порта признала себя вполне и окончательно побитою. Теперь ежедневно продолжается телеграфная переписка между нашим государем и султаном. Последний поставлен англичанами в безвыходное положение. Он всё еще надеется, что королева Виктория снизойдет к его мольбам и выведет эскадру из Мраморного моря; но отсюда ему беспощадно отвечают: «Тщетны твои надежды; английские суда

не уйдут, а потому и мы вступим во что бы ни стало в твою столицу».

11 февраля. Суббота. В течение целой недели продолжались по-прежнему ежедневные совещания у государя с князем Горчаковым; но кроме него и меня еще прибавились наследник цесаревич и великий князь Владимир Александрович, приехавшие с Дуная 6-го числа. С каждым днем дела политические принимают всё более мрачный вид; Англия лезет в драку и, несмотря на нашу уступчивость, придумывает всё новые предлоги для разрыва. Лейярд доставляет в Лондон ложные известия, которыми Биконсфильд пользуется, чтобы возбуждать общественное мнение против России. Хотя в Адрианополе продолжаются переговоры между Игнатьевым и Савфет-пашой, а турки, исполняя добросовестно условия перемирия, очищают крепости на Дунае и Эрзерум, султан, подстрекаемый Лейярдом, ищет помощи Англии для возобновления борьбы с нами.

Великий князь Николай Николаевич до сих пор не решается преодолеть демаркационную линию, несмотря на телеграммы государя о вступлении в Константинополь. Я нахожу, что он поступает благоразумно, по возможности отдаляя катастрофу. Вступление наших войск в Царьград, несомненно, послужит сигналом для англичан и турок к возобновлению войны, и, таким образом, мы сами отречемся от громадных выгод, которые приобрели заключением предварительных условий мира и перемирия.

Вместо того чтобы ускорять, сколь возможно, созыв конференции, наш старец тянет дело и, решившись сам не ехать в Баден, до сих пор остается в недоумении, кого назначить представителем России. Преимущественно имеется в виду граф Шувалов; но в то же время опасаются его удаления из Лондона при настоящих натянутых отношениях. Из Лондона ожидается новый меморандум, который, по-видимому, имеет угрожающий характер, и может поэтому ускорить неизбежный разрыв с Англией, а вслед затем и с Австрией.

18 февраля. Суббота. Прошла еще целая неделя, и политический горизонт нисколько не разъяснился. Войска наши, с согласия султана, перешли через демаркационную линию, и главнокомандующий переехал в Сан-Стефано, под самые почти стены Константинополя. Там продолжаются переговоры Игнатьева с Савфет-пашой; но турки тянут дело, рассчитывая на конференции и подмогу Англии. Им объявлено, что Россия не согласится приступить к конференции, пока не подписан мирный договор с Портой. Игнатьеву дано знать, чтобы он не настаивал на уступке нам турецких броненосцев, так как это требование

более всего встревожило не только Порту, но и англичан. В Англии продолжаются усиленно работы по вооружению. В Австрии также шевелятся; Совет министров намерен просить у палат экстраординарный кредит в 60 миллионов гульденов.

Князь Горчаков заболел; я видел его раз в постели; очень слаб и телом, и головой. Сегодня вместо него был с докладом у государя Гирс. Наш канцлер всё еще не теряет надежды поправиться и опять мечтает ехать на конгресс, который уже предлагает собрать в Берлине под председательством Бисмарка.

19 февраля. Воскресенье. Мир с Турцией подписан в Сан-Стефано! Общая радость и ликование!

Еще вчера вечером была телеграмма от великого князя Николая Николаевича о том, что турки по наущению Лейярда, поддерживаемого послами австро-венгерским и даже французским, нарочно затягивают переговоры и главное затруднение встречается в определении азиатской границы и денежного вознаграждения. Прочитав эту телеграмму, я уже приготовил было проект ответа в том смысле, чтобы разрешить Игнатьеву согласиться на некоторые уступки; но [каково было мое удивление, когда] встав сегодня утром, я нашел на своем столе шифрованную телеграмму великого князя и, немедленно разобрав ее, прочел следующие эксцентрические строки: «Крупно поговорив вечером с уполномоченными, переговоры пошли хорошо на лад»; а вслед за тем получил от государя телеграммы Игнатьева, извещавшие вчера же, что турки уступили нам всё, что предположено было приобрести на азиатской нашей границе, с включением и всего Баязетского санджака[8]. В 11 часу утра поехал я во дворец и нашел государя в отличном настроении. Он прочел мне несколько телеграмм, из которых видно, что Бисмарк склоняется к перенесению конгресса в Берлин, о чем сделано уже от нас предложение.

По поручению государя я заехал к канцлеру; нашел его уже сидящим в кресле; но голова так слаба, что он совсем не может связать двух идей. Тем не менее старик толкует о поездке своей в Берлин. «Je serai coulant[9], – говорит он, – но потребую самых широких полномочий».

От князя Горчакова успел еще возвратиться во дворец до конца обедни, а после завтрака отправился к разводу. Перед окончанием развода государь сказал мне, что получил новую телеграмму от великого князя Николая Николаевича, который сообщает, что переговоры пошли успешно и есть надежда на подписание мира в течение дня.

Действительно, в седьмом часу вечера, когда мы только что кончили обед среди собравшегося, по обыкновению, воскресного

нашего кружка, вдруг вбегает мой сын – дежурный сегодня флигель-адъютант – и объявляет, что приехал из дворца по приказанию государя, чтобы объявить мне о подписании мира. Вслед за тем фельдъегерь привез мне от государя телеграммы великого князя и графа Игнатьева. Возвращая их государю, я приложил письменное поздравление, которое возвратилось ко мне с отметкою карандашом: «Спасибо от души тебе; ибо твоему усердию мы обязаны многим в достигнутых результатах». Пушечные выстрелы из крепости возвестили городу радостную новость; улицы и без того были уже иллюминованы и украшены флагами (по случаю праздника вступления на престол), к тому же сегодня первый день Масленицы и потому на улицах толпы народа и большое оживление.

20 февраля. Понедельник. Сегодня были во дворце выход и благодарственный молебен по случаю заключения мира. Перед выходом я был у государя, который показал мне полученную вчера от султана телеграмму и ответ на нее, а также телеграмму государя к императору Вильгельму и его ответ. Граф Игнатьев телеграфирует, что подписанный договор весьма близко подходит к проектированному им в Петербурге, с некоторыми лишь частными вариантами; что территория будущего княжества Болгарского прикасается к Эгейскому морю, а денежное вознаграждение определено в 300 миллионов рублей.

На выходе не было конца поздравлениям. Однако же общая радость парализуется опасениями враждебных действий со стороны Англии и Австрии. Счастливый мир, подписанный у ворот Константинополя, и все плоды блестящей кампании могут быть опрокинуты на предстоящих конференциях. Поэтому государь согласился с моим мнением, что следует несколько выждать, прежде чем приступить к возвращению наших войск из Турции. Если в самом деле Англия серьезно замышляет войну с нами, то для нас весьма важно удержать в своих руках Босфор как вход в Черное море. Подписанный вчера в Сан-Стефано договор назван «предварительным», *paix préliminaire*; требуется еще санкция Европы; и утвердит ли она беспрекословно все подписанные условия – еще неизвестно…

От великого князя Николая Николаевича получено прискорбное известие, что вчера скоропостижно умер князь Черкасский; как сказано в телеграмме – от апоплексии мозга. Перед этим он выдержал сильный тиф; начал было поправляться и уже занимался делами, так что кончина его последовала совершенно неожиданно. Жаль человека умного и способного. Он имел свои недостатки, навлекшие на него нападки со всех сторон. Но при нашей бедности в людях, обладающих государственными

способностями, потеря такого человека крайне прискорбна.

25 февраля. Суббота. Подписанный в Сан-Стефано мирный договор, как кажется, ратифицирован султаном; граф Игнатьев собирается завтра выехать из Константинополя вместе с турецким военным министром Реуф-пашой, отправляемым сюда в качестве чрезвычайного посла, для окончательного обмена ратификациями. Между тем ведется деятельная дипломатическая переписка уже не о конференции в Бадене, а о конгрессе в Берлине. Почти все кабинеты уже изъявили согласие на это новое предложение; Венский кабинет принял его даже с удовольствием. Вообще, отношения наши с Австро-Венгрией сделались в последние дни несколько мягче, даже любезнее; но в газетах венских и пештских уже заговорили о занятии Боснии и Герцеговины [а это было бы лучшим признаком желания Венского кабинета возвратиться к прежнему секретному соглашению с нами]. В Лондоне перенесение конференций в Берлин принято с гримасой, с оговорками.

В течение минувшей недели завязалась по телеграфу переписка с главнокомандующим действующей армией относительно возвращения части войск в Россию и предстоящего распределения сил. Государь безусловно одобрил предложенные мною соображения, но сам еще не высказывает никаких определенных мнений. Я настаиваю на том, чтобы его величество собрал у себя некоторых компетентных лиц для совещания о стратегическом нашем положении в случае войны с Австрией и Англией.

Канцлер наш несколько поправился, начал снова приезжать во дворец и доволен перспективой конгресса в Берлине, где готовится пускать громкие фразы перед другими *chefs de cabinet*. Кажется, только от Англии будет просто уполномоченный – лорд Лайонс.

26 февраля. Воскресенье. В первый раз день рождения наследника цесаревича празднуется с особой торжественностью – большим выходом при дворе. Для объяснения этого нововведения ожидали какого-нибудь знаменательного обращения государя к дипломатическому корпусу, однако ж ничего подобного не было: государь, проходя через тронную залу, поговорил вполголоса с каждым из дипломатов поочередно, начиная с лорда Лофтуса, с которым, как говорят, был любезен, и кончая князем Гикой, которого, говорят, резко оборвал.

28 февраля. Вторник. Несмотря на первую неделю Великого поста, я был приглашен к обеду во дворец с князем Суворовым и графом Адлербергом. Поводом к этому приглашению было то, что 50 лет тому назад в этот день князь Суворов был назначен

флигель-адъютантом.

1 марта. Среда. У государя было совещание касательно распределения сил и образа действий в случае новой войны с Англией и Австрией. Принимали участие великие князья – наследник, Владимир Александрович и Константин Николаевич, – граф Гейден, Лесовский, Обручев и я. Тотлебен не мог приехать по болезни. Чем более обсуждаем наше будущее военное положение, тем более оно представляется в неприглядном виде. Как ни желательно удержать за собой Босфор и не впустить неприятельские флоты в Черное море, остается сомнение, возможно ли это при имеющихся силах.

Вечером получил я от государя для прочтения копию подписанного в Сан-Стефано договора. Чтение этого акта оставило во мне впечатление чего-то недоконченного, непрочного. Каждый пункт договора подаст повод к придиркам и возражениям со стороны наших недоброжелателей на конгрессе.

2 марта. Четверг. Государь доволен договором, хотя я указывал на кажущиеся мне в этом акте недомолвки и неудобства. Тем не менее он сознает угрожающую нам опасность в случае разрыва с Англией и Австрией. Канцлер сегодня прямо заявил, что не ручается за сохранение мира и надобно быть готовым на всё. Англия так и лезет в неприятности, как будто ищет поводов к размолвке.

Около 3 часов пополудни приехал в Петербург граф Игнатьев вместе с Реуф-пашой, турецким военным министром. Игнатьев заехал ко мне вечером, и мы успели о многом с ним переговорить. По-видимому, он мало еще ознакомлен с общим политическим положением. Так как решено, что он едет вместе с князем Горчаковым на конгресс, то я стараюсь расположить его к примирительному ведению дела в будущем. После наших военных успехов, после такого удачного исхода кампании мы можем быть уступчивы и великодушны.

3 марта. Пятница. Утром, по своему обыкновению, объезжал я военно-учебные заведения; но должен был поспешить во дворец к совещанию, назначенному в 1½. На этот раз, кроме канцлера, великих князей и меня, участвовали граф Игнатьев и граф Адлерберг (последний, вероятно, случайно, как находившийся во дворце).

И государь, и канцлер видят положение дел в черном цвете; князю Горчакову не нравится предложение князя Бисмарка прежде конгресса собрать предварительное совещание между посланниками шести больших держав в Берлине для установления программы подлежащих обсуждению вопросов. Наш канцлер отвергал эту мысль безусловно, а я подал голос в пользу

того, чтобы не безусловно противиться предложению Бисмарка, и государь согласился с этим мнением, что было явно неприятно князю Горчакову. Он бодрится и, как и Игнатьев, показывает вид равнодушия к тому, состоится конгресс или нет. Но ведь отмена конгресса есть война, и, может быть, не с одною Англией, а с половиною Европы. И какое ему дело до того, можно ли надеяться на счастливый исход подобной войны при настоящей обстановке, когда военные наши силы и средства чувствительно потрачены и потрясены? По-прежнему он будет с цинизмом отговариваться тем, что война его не касается; пожалуй, ему будут даже приятны наши военные неудачи. Лишь бы ему сохранить свой ореол!

В 4 часа приехал ко мне с визитом Реуф-паша. Мы имели длинный разговор. Это человек лет 50, высокий, сухощавый, с европейскими манерами и весьма порядочно объясняющийся по-французски. Он говорил скромно, с оттенком грусти, что Турция подавлена, обессилена; что единственное ее спасение заключается в дружеских отношениях с Россией; даже были намеки на оборонительный и наступательный союз. Реуф уверяет, что дело решено между Россией и Портой окончательно и до Европы не касается; что конгресс не может ничего ни прибавить, ни убавить и т. д.

Не знаю, в какой степени было чистосердечно это заявление; но когда я стал клонить речь к тому, чтобы принять общими силами меры к защите Босфора и преграждению пути английскому флоту, Реуф, словно не понимая меня, заговорил о другом и даже, позабыв сказанное прежде, начал хвастливо уверять, что Турция имеет еще до 250 тысяч войска и все материальные средства для защиты не только Босфора, но и Дарданелл. Главным же предметом нашего разговора был вопрос о возвращении турецких пленных. Мы расстались весьма дружелюбно, а через полчаса после его отъезда я отдал ему визит. Адъютант мой Арапов назначен мною состоять при Реуфе на время его пребывания в Петербурге.

4 марта. Суббота. В начале моего доклада государю присутствовал граф Игнатьев для разъяснения некоторых сомнений относительно наших распоряжений в трактате по военной части. Опять рассуждали о возможности удержания Босфора в случае войны с Англией. К сожалению, предположенное по этому предмету совещание не может состояться по болезни Тотлебена. Я очень боюсь, что мы теряем время и не успеем ничего приготовить к неизбежной, по-видимому, войне. Великий князь Николай Николаевич, который всегда торопится в распоряжениях, заботится уже о перевозке

морем гвардии и гренадер, вместо того чтобы заняться прежде всего восстановлением благоустройства в своей армии, весьма дезорганизованной и не готовой к новой войне.

Сегодня Реуф-паша имел аудиенцию у государя. Она продолжалась около получаса, и по всему видно, что турецкий посол очень доволен приемом. Пока не знаю еще, какие были разговоры; слышал только от моего адъютанта, что Реуф выпросил разрешение государя теперь же отпустить с ним пленного Осман-пашу. Завтра Реуф представится императрице.

6 марта. Понедельник. Вчера после обедни и перед разводом было у государя совещание, в котором присутствовал и великий князь Константин Николаевич. Англия устраивает новые затруднения относительно конгресса; очевидно, она вовсе не хочет, чтобы дело уладилось, а, напротив того, решилась во что бы ни стало на разрыв с нами. Государь и канцлер потеряли уже надежду на мирный исход дела; положено телеграфировать великому князю Николаю Николаевичу, чтобы он принял меры к занятию Босфора и сосредоточил свои силы.

После совещания был развод, на котором присутствовал Реуф-паша. Перед обедом получил я приказание государя приехать вечером во дворец. Было опять совещание с канцлером и великим князем Константином Николаевичем по поводу полученных от великого князя Николая Николаевича двух телеграмм о том, что турки чинят затруднения к посадке наших войск на суда у Буюкдере, а англичане объявили Порте о решении своем ввести в проливы эскадру в случае приближения русских войск к Босфору. Сведения эти сильно встревожили государя. Приехав домой, я приготовил телеграмму к великому князю Николаю Николаевичу, чтобы он приостановил отправку гвардии и гренадер и готовил всё на случай войны с Англией.

Сегодня, после обычного своего приема в канцелярии Военного министерства, я был у государя для доклада о том, к каким распоряжениям следовало бы ныне же приступить для усиления нашего военного положения. Вместе с тем государь прочел мне полученные новые телеграммы из Берлина и Лондона. Князь Бисмарк разъясняет свое предложение о предварительном совещании несколько в ином смысле, чем в прежнем заявлении генерала Швейница, – в смысле более для нас удобном.

Вечером получена шифрованная телеграмма от великого князя Николая Николаевича к государю. Не видя возможности разобрать эту телеграмму нашим военным шифром, я послал ее для разбора графу Адлербергу и Гирсу (в Министерство иностранных дел); оба они также не признали этот шифр своим. В

первом часу ночи ко мне приехал граф Адлерберг от государя с той же несчастной телеграммой, и нам удалось, после долгих попыток, добиться наконец толка: оказалось, что телеграмма написана военным шифром, но в совершенно искаженном виде. Содержание телеграммы относится к вопросу о занятии Босфора и лишь подтверждает прежние сведения.

7 марта. Вторник. Совещание у государя по поводу телеграмм о нахальстве англичан, угрожающих вступлением в Босфор, происходило в два приема. Государь раздражен и крайне нервен. Между ним и князем Горчаковым случилась горячая схватка; оба рассердились из-за пустяков: государь, подстрекаемый членами семьи, желал, чтобы заявлено было не только в Лондоне, но и перед Европой, о новых нахальствах англичан; канцлер находил это неуместным, бесцельным. Он дошел до того, что отказался положительно подписать всякое подобное заявление, и готов был сказаться больным.

Сцена эта происходила при втором нашем совещании, назначенном в 3½ часа, в присутствии великого князя Константина Николаевича и графа Игнатьева. Спор кончился ничем. Мне поручено было проектировать телеграмму к великому князю Николаю Николаевичу. Шифровка и разборка телеграмм отняли у меня бóльшую часть дня.

В 3 часа был у меня Реуф-паша, чтобы проститься. Он уезжает сегодня же вечером. По-прежнему министр дает самые дружественные заверения и вчера, в разговоре с Игнатьевым, почти дал положительное обещание уладить дело Босфора. Игнатьев изложил весь этот разговор на бумаге и прочел самому Реуфу, который пожелал оставить себе копию. Быть может, он и чистосердечен; но сможет ли привести в исполнение даваемые обещания, когда во главе турецкого правительства стоит отъявленный приверженец англичан[10], а все пружины в Порте в руках Лейярда?

11 марта. Суббота. Вчера во дворце был большой парадный обед по случаю дня рождения императора Вильгельма.

В последние дни политические дела мало подвинулись вперед. Англия продолжает заявлять какие-то свои[11] условия для участия в конгрессе, но в таких выражениях, что трудно даже понять, в чем заключается различие во мнениях обоих кабинетов. Это какой-то диалектический спор, основанный на обоюдных недоразумениях и запутанных выражениях, а из-за него происходит остановка в созыве конгресса. По-видимому, Англия сама не знает, под каким благовидным предлогом расстроить конгресс.

Из Вены же последние сведения были как будто несколько

успокоительнее. Принц Александр Гессенский был приглашен в Вену и вел переговоры с императором Францем-Иосифом и с графом Андраши. Вчера на совещании у государя было прочитано письмо принца. Из него видно, что в Австрии нашли недостаточно любезным последнее письмо государя и вообще остались недовольны всем ведением дела с Турцией без соучастия Австро-Венгрии. Ясно, что в Вене желали бы иметь более осязательный повод к занятию Боснии и Герцеговины.

Государь по соглашению с канцлером решил послать в Вену Игнатьева, чтобы разъяснить возникшие недоразумения и постараться уладить их. С ним посылается новое собственноручное письмо государя к императору Францу-Иосифу. По мнению многих выбор Игнатьева для этого поручения неудачен: Игнатьева не любят в Вене; он состоит в личной вражде с Андраши. Но канцлер прямо признает, что другого нет, кто мог бы исполнить подобное поручение. Граф Игнатьев выезжает завтра. Ему дана *carte blanche* придумать в договоре с Турцией приемлемые для нас изменения, чтобы только успокоить Австро-Венгрию.

18 марта. Суббота. Целую неделю не выхожу из комнаты по болезни; первые дни не мог вовсе заниматься делами; можно было опасаться тифа. Сегодня намеревался выехать с докладом, но врачи не пустили, и действительно было бы преждевременно; чувствую себя еще очень слабым.

Граф Гейден после доклада у государя приехал ко мне, чтобы передать приказание его величества. В эту неделю политическое положение еще мрачнее, чем прежде; лорд Дерби вышел из правительства; в Англии призывают резервы; о конгрессе уже нет и речи. Телеграммы от графа Игнатьева из Вены еще не заключают в себе ничего определенного. Государь встревожен, видит необходимость разрыва с Англией; а канцлер всё по-прежнему чего-то выжидает и только рассылает ответные телеграммы в стиле древних авгуров.

Граф рассказал мне, что сегодня опять была в его присутствии сцена между государем и канцлером, который при чтении записки, составленной по моему поручению генералом Обручевым о настоящем положении дел, не хотел даже входить в рассуждения, повторяя, что теперь дело до него не касается. Государь с горячностью опроверг этот взгляд канцлера, высказав ему, что в настоящих обстоятельствах политику нельзя так отделять от военных вопросов, и приказал графу Гейдену поручить мне составить телеграмму к великому князю Николаю Николаевичу относительно предстоящего образа действий. Князю Горчакову он приказал побывать у меня, чтобы сговориться

относительно редакции телеграммы.

В то время как мы с графом Гейденом сочиняли телеграмму, приехал ко мне генерал Обручев, а вслед за ним неожиданно влетел в мой кабинет сам канцлер с бароном Жомини. Мы прочли ему только что сочиненную телеграмму; но и тут он устранил себя от всяких рассуждений, повторяя только свою обычную фразу, что умывает руки, так как уже полтора года не следуют его советам и мнениям. Я пробовал поставить категорический вопрос: да что же, по его мнению, можно бы теперь нам делать?! Имеет ли он что-либо предложить, чтобы избежать войны? Канцлер не дал прямого ответа на эти вопросы. Бросив несколько бойких фраз, он удалился в сопровождении неразлучного своего наперсника.

Сочиненная мною телеграмма была переписана, и, прежде чем я успел отослать ее на высочайшее утверждение, приехал ко мне сам государь. Он пробыл у меня с полчаса; разумеется, разговор шел исключительно о теперешнем натянутом положении дел и новых проделках Лондонского кабинета, причем государь повторил слышанное мною уже не раз замечание: «Когда честный человек ведет дело честно с человеком бесчестным, то всегда останется в дураках». Проектированная телеграмма была вполне одобрена и отправлена.

В то время, пока у меня в кабинете велись все эти серьезные разговоры, внизу молодежь моя беззаботно веселилась: шла репетиция домашнего спектакля. Перед обедом же навестил меня Грейг. И он уже перестал заступаться за британцев.

21 марта. Вторник. Вчера выехал в первый раз из дому. К часу дня был приглашен во дворец вместе с князем Горчаковым, а потом ездил в манеж для предварительного осмотра новых орудий, вводимых в нашей артиллерии. Сегодня был во дворце с обычным своим докладом, по окончании которого присутствовал при докладе канцлера. Ожидают вечером возвращения графа Игнатьева из Вены и по разным признакам полагают, что он не привезет нам ничего утешительного. Из Лондона ожидается циркуляр ко всем большим дворам, но какого содержания – неизвестно.

Государь очень озабочен известиями, доходящими из армии о здоровье и в особенности о нравственном состоянии князя Николая Николаевича, который, по-видимому, был в полном очаровании из-за окончания войны и в твердом уповании на возвращение в Россию. Теперь, начав получать настоятельные повеления о приготовлениях к занятию Босфора, он, как кажется, совсем потерял бодрость духа и находит во всем затруднения. Государь очень недоволен вялым его образом действий и

неисполнением повелений; идет речь даже о том, чтобы заместить великого князя другим лицом, и по этому случаю мне было поручено переговорить с генералом Тотлебеном, хотя он еще не оправился от болезни. Вчера, когда я представлялся императрице, чтобы выразить мою признательность за участие, с которым она интересовалась ежедневно о моей болезни, она также завела разговор о замещении великого князя Николая Николаевича. Я упомянул в числе кандидатов о великом князе цесаревиче, но императрица резко восстала против этой кандидатуры: «Non, de grâce, c'est impossible»[12].

Сегодня государь при большом числе присутствующих смотрел новые орудия в Инженерном манеже. Всем понравилось более всего скорострельное орудие Барановского (калибра 2,5 дюйма). По общему желанию артиллеристов государь разрешил переменить цвет окраски артиллерийских лафетов и зарядных ящиков: вместо яркой зеленой будет введена темно-зеленая краска, более практичная во всех отношениях.

22 марта. Среда. В 11 часов утра собрались у государя, кроме двух великих князей, князь Горчаков, граф Игнатьев, граф Адлерберг и я. Посольство Игнатьева оказалось решительно безуспешным; привезенные им сведения о настроении Австрии и требованиях, заявляемых графом Андраши, превосходят всё, что можно было ожидать худшего. Венский кабинет уже не довольствуется условиями Рейхенбергского соглашения. Между тем в газетах напечатано содержание циркулярной ноты Лондонского кабинета к представителям Англии в главных государствах. Циркуляр этот появился в газетах ранее, чем официально предъявлен кабинетам. Поразительна наглость, с которою англичане извращают факты и толкуют по-своему условия Сан-Стефанского договора.

Государь, конечно, раздражен и взволнован; он снова выражал неудовольствие действиями главнокомандующего, в особенности недостаточно энергичными распоряжениями по поводу занятия Босфора. Князь Горчаков по-прежнему не хочет ничего отвечать на английский циркуляр, повторяя, что всякие новые объяснения будут напрасны. Я решился высказать противное мнение: нам нет никакой выгоды ускорять разрыв, а, напротив, если даже война неизбежна, то лучше протянуть долее переговоры. Во всяком случае, нельзя оставить английский циркуляр без ответа; молчание наше будет принято Европой за сознание нашей неправоты, а нахальства английские послужат к обвинению России в действительных честолюбивых замыслах. Я доказывал, что при каких бы невыгодных условиях не состоялся теперь конгресс, он все-таки мог бы привести дело к более

благоприятному разрешению, чем может в любом случае привести новая война, угрожающая нам самыми гибельными последствиями.

Государь во многом соглашался с моим мнением, но канцлер упорно оставался при своем *non possumos*[13] и предлагал мне взять на себя редакцию ответного циркуляра. Спор кончился, как обыкновенно, ничем: положено было дождаться получения, с одной стороны, английского циркуляра официальным путем, с другой – ответного письма от императора Франца-Иосифа, которое может прийти дня через два.

Страшно подумать, что в такой критический момент, когда, может быть, решается будущность России, политика ее в таких бессильных, старческих руках! У князя Горчакова не только нет никакой инициативы в ведении дела (что было и прежде главным его недостатком), но даже нет мысли; он исключительно отделывается редакциею коротких ответных телеграмм, в которых большей частью одни неопределенные фразы без конкретного содержания.

23 марта. Четверг. Еще не получены ни английский циркуляр, ни письмо австрийского императора, поэтому сегодня князь Горчаков и не был во дворце. Государь потребовал к себе генерала Тотлебена и предварил его о намерении своем послать его в действующую армию, первоначально в помощь главнокомандующему, а потом и для замещения его в случае болезни. Генерал Тотлебен откровенно высказал государю, в каких натянутых отношениях он с давних времен находится к великому князю Николаю Николаевичу.

Перед обедом заезжал ко мне граф Игнатьев; говорил о том, что в Министерстве иностранных дел нет ровно никакой руководящей программы. Я убеждал его изложить свой взгляд письменно для представления государю.

24 марта. Пятница. У государя опять было совещание о мерах против распространения социалистической пропаганды. Участвовали Валуев, Тимашев, Мезенцов, граф Толстой, граф Пален и я. Говорили много, но большей частью всё давно известное и пережеванное; ничего, конечно, не придумали. Решено только, чтобы названные лица (кроме меня) снова собрались и потолковали. Вперед можно предвидеть, что и на этот раз дело окончится одними бессодержательными фразами.

Граф Игнатьев опять был у меня и сказал, что ему удалось наконец убедить канцлера приготовить ответ на ожидаемый английский циркуляр; но и тут, по словам Игнатьева, проектированный бароном Жомини ответ, так же как и все прежние телеграммы и ноты князя Горчакова, заключается в

одних пустых фразах. Снова я убеждал графа набросать, хотя бы в виде конспекта, содержание ответа, которого заслуживает нахальство английского циркуляра. Не знаю, исполнит ли он обещание; ему не хочется раздражать против себя князя Горчакова, который и без того уже злобствует и на графа Игнатьева, и на меня. Тщеславию его и эгоизму нет предела.

25 марта. Суббота. По случаю дня Благовещения и полкового праздника Конной гвардии утренний мой доклад и следовавший за тем доклад канцлера были прерваны, можно сказать, на половине слова; к тому же канцлер заявил, что необходимо присутствие графа Игнатьева. Поэтому суждения по вопросам политическим были назначены вечером в 8½ часов. Потеряв много времени на поздравление двух юбиляров – генерал-адъютантов Бистрома и Глинки-Маврина, – а потом на полковой парад, я отпросился у государя не быть на обеде во дворце и успел набросать наскоро программу ответа, который, по моим понятиям, следовало бы дать на английский циркуляр маркиза Солсбери.

Утром я представил государю записку, составленную по тому же предмету графом Игнатьевым; записку эту государь удержал у себя, так как граф не желал становиться в препирательство с канцлером и уже уговорил его приложить при проектированном им кратком циркулярном ответе подробное разъяснение всех затронутых в английском циркуляре вопросов – для восстановления в истинном свете условий Сан-Стефанского договора.

Когда мы собрались вечером у государя – канцлер, великий князь Константин Николаевич, граф Игнатьев и я, – то государь, предваренный мною заранее, сказал князю Горчакову о подготовленном проекте ответа. Я прочел этот проект, предварительно объяснив, что он составлен на тот случай, если мы еще желаем возобновить предложение о созыве конгресса; главная развиваемая мною тема заключается именно в том, чтобы выставить перед Европой, что не мы отказываемся от обсуждения вопросов общей политики в Европейском ареопаге, а, напротив, считаем откровенное соглашение между всеми заинтересованными державами единственным средством для установления окончательного мира и удовлетворительного разрешения восточного вопроса.

По прочтении моего проекта государь, великий князь Константин Николаевич и граф Игнатьев отозвались сочувственно; но князь Горчаков, хотя и не выказал неудовольствия и раздражения, которых я ожидал, однако же объявил, что не согласен с общим духом проекта и считает

возможным только разве воспользоваться некоторыми местами его. Он взял проект в свой портфель, и затем совещание обратилось в простую беседу.

Когда мы вышли из государева кабинета и обменялись несколькими словами, я еще раз удостоверился, что канцлер наш уже охладел к предложению о конгрессе, видя, что ему не удастся играть на нем роль победителя или, как некоторые выражаются, не удастся «козырять». В этом мнении поддерживает его граф Шувалов, который в своих депешах твердит о возможности и преимуществах отдельного соглашения с Англией. Он уверяет, будто со времени выхода лорда Дерби из правительства мирное настроение в Англии заметно более прежнего. Министры королевы даже спрашивали у графа Шувалова, правда ли, что граф Игнатьев в бытность свою в Вене в разговоре с каким-то корреспондентом газеты «Daily Telegraph» заявил, что Россия не воспротивилась бы занятию англичанами какого-либо острова в виду Дарданелл, хоть, например, Митилены. Многие думают, что виды Лондонского кабинета в том и заключаются, чтобы при настоящем раздроблении Турции, которому она вовремя не воспрепятствовала, поживиться каким-нибудь приобретением для усиления своего положения в Средиземном море. Граф Игнатьев заметил сегодня, что Россия могла бы подарить Англии хоть два или три таких островка, лишь бы покончить дело без войны.

Как ни прискорбны для нас подобные уступки после победоносной кампании, не могу, однако же, не признать, что еще прискорбнее будет рисковать новой войной против половины Европы. Все благоразумные люди понимают, что при настоящих обстоятельствах война была бы для нас бедствием; во всяком случае, она не могла бы доставить нам более выгодный мир и более поддержать достоинство России. Один только наш канцлер, в постоянной заботе о своей популярности, продолжает «козырять» и под влиянием газетного *quasi*-патриотизма мечет громы на всю Европу – конечно, только на словах и в телеграммах. Он опять разглашает в петербургских салонах, что проучил бы Европу, если б «министр военных сил» (sic!) не заявлял о неготовности армии к войне.

26 марта. Воскресенье. В 10½ часов утра состоялась торжественная встреча на станции Николаевской железной дороги приехавшего с Кавказа великого князя Михаила Николаевича со всем его семейством. К часу, то есть между обедней и разводом, было у государя совещание (князь Горчаков, граф Игнатьев и я), в котором присутствовал и великий князь Михаил Николаевич. Канцлер прочел составленный бароном Жомини проект объяснительной записки, которая должна быть

приложена к ответному циркуляру. Записка эта составлена по материалам Игнатьева; многое заимствовано из моего вчерашнего проекта. Вообще, записка эта показалась мне удовлетворительною; по крайней мере в ней в первый раз наше Министерство иностранных дел дает себе труд войти в объяснения по самому существу дела, не ограничиваясь одними бессодержательными фразами.

27 марта. Понедельник. После обыкновенного моего приема в министерстве представляющихся и просителей я должен был к 11½ часам быть во дворце. Назначили совещание в двух актах: сначала политическое, при участии канцлера, а потом военное, с генералом Тотлебеном и адмиралом Лесовским; в обоих участвовали великие князья Константин Николаевич, Михаил Николаевич и Владимир Александрович, граф Игнатьев, граф Адлерберг и я. Оба совещания продолжались более 4 часов. Вследствие полученных от великого князя Николая Николаевича письменных объяснений настоящего положения дел государь заметно изменил свой взгляд на занятие Босфора; он видит теперь, что задача это нелегкая, что приведение в исполнение требований, которые он много раз выражал относительно скорейшего занятия Босфора, неминуемо повело бы к разрыву с Англией, а может и с Турцией.

В то же время из Берлина получено телеграммой предложение князя Бисмарка войти в переговоры с Лондонским кабинетом об удалении английского флота из Мраморного моря, с условием, чтобы и мы отвели наши войска от Константинополя. Предложение это[14] единогласно одобрено; однако же и тут канцлер хотел ввернуть свои дополнительные условия, которые имели бы непременным последствием неисполнимость предложения. Старик долго и горячо спорил, но вынужден был наконец редактировать ответную телеграмму согласно требованию государя, то есть в смысле безусловного согласия на предложение.

Впрочем, мы все заметили, что при более точном определении условий должно оказаться недоразумение: если английский флот выйдет даже из Дарданелл, например к Безике, то все-таки он будет от Босфора в каких-нибудь 30 или 36 часах пути; наши же войска и в теперешних позициях находятся от берега Босфора в 40 часах; следовательно, им не пришлось бы вовсе отходить назад.

Были еще другие предметы обсуждения, вызвавшие упорные возражения со стороны канцлера. Он был сегодня особенно раздражителен и упрям, так что государь вышел из себя и высказал старику довольно колкие упреки. Между прочим дело

шло о том, чтобы несколько смягчить наши отношения с Румынией и войти с нею в переговоры о новой военной конвенции. Канцлер упорно отказывался от всякого участия в этом деле, повторяя, что оно касается Военного министерства и для заключения означенной конвенции достаточно послать военное лицо. Пришлось уступить его капризу, и решили возложить это поручение на полковника Боголюбова, так хорошо показавшего себя в Черногории. Под конец совещания государь ласково протянул руку князю Горчакову, как бы в виде примирения; старик был тронут и сказал: «J'ai déjà dît bien de fois, sire, que Vous êtes une sirène»[15].

Во втором совещании, военном, обсуждался сам вопрос о занятии Босфора с точки зрения исполнения. Генерал Тотлебен высказал свой план действий, хотя он и признает операцию эту весьма трудной и[16] рискованной. Государь прочел письмо, полученное от великого князя Николая Николаевича в ответ на сделанный ему государем вопрос о состоянии здоровья. Великий князь главнокомандующий сознавался в полном расстройстве своем и выражал потребность отдохновения. Вследствие этого государь объявил генералу Тотлебену намерение свое возложить на него командование армией, но выждав прибытия генерал-майора князя Имеретинского, посланного великим князем Николаем Николаевичем для дополнительных словесных разъяснений. Его же, князя Имеретинского, прочит генерал Тотлебен в начальники штаба.

Четырехчасовое совещание очень утомило меня; после болезни силы мои еще не вполне восстановились. Тем не менее я должен был еще ехать в Государственный совет, где великий князь Константин Николаевич назначил мне свидание для объяснений по какому-то делу; но я приехал туда, когда все уже разъехались.

28 марта. Вторник. При докладе моем и потом при совещании с государственным канцлером присутствовали наследник цесаревич (в первый раз после болезни) и великие князья Михаил Николаевич и Владимир Александрович; при совещании же – еще и граф Игнатьев.

Совещание было сегодня непродолжительное и не заключало в себе ничего важного, кроме разве телеграммы великого князя Николая Николаевича. Он еще до извещения о предложении князя Бисмарка узнал уже от турецких министров, что султан на просьбу о выходе английского флота из Мраморного моря получил от королевы ответ: она и рада бы исполнить это желание своего друга с условием, чтоб и русские войска отошли на соответственное расстояние от Константинополя, но не решается

сама предложить это России, опасаясь, чтобы последняя не обиделась на такое заявление. Известие это подтверждает догадку, что самое предложение князя Бисмарка внушено ему из Лондона.

После совещания я продолжал свой доклад и представил расчет наших сил и распределение их на случай войны.

После доклада был у великого князя Константина Николаевича, которой желал переговорить со мной о предположенном образовании в случае войны особого вида каперства – посредством русских частных судов только с некоторыми военными атрибутами, под названием «морского ополчения».

Был на панихиде по умершем генерал-лейтенанте Леонтьеве, начальнике Академии Генерального штаба. Жаль этого человека, дельного и добросовестного труженика. Он много принес пользы Академии и Генеральному штабу. Предполагается на его место назначить Драгомирова, который вследствие раны едва ли когда-нибудь сможет возвратиться к полевой службе.

Наконец, успел я быть и в Комитете министров, где рассматривалось представление министра путей сообщения о выдаче концессии [знаменитому еврею] банкиру Блиоху на постройку железной дороги в Царстве Польском от Ивангорода до Домброва с ветвью к Колюшкам (на Лодзь). Комитет нашел это представление несвоевременным.

30 марта. Четверг. Вчера присутствовал я на отпевании покойного генерала Леонтьева. Потом происходило опять двойное совещание во дворце. Сначала собственно по военному вопросу, с участием генерала Тотлебена и адмирала Лесовского, о действиях на берегах Босфора, а потом по вопросам политическим, с князем Горчаковым и графом Игнатьевым. Из всех соображений и расчетов убедились, что предложение, сделанное будто бы князем Бисмарком об удалении как английской эскадры, так и наших войск от Константинополя, будет иметь для нас больше невыгодных, чем выгодных результатов. Решено, по предложению Тотлебена, сделать распоряжение, чтобы нужные для защиты Босфора мортиры и мины были немедленно погружены на суда и держались в готовности к отплытию из наших портов по первому приказанию.

Во втором акте совещания князь Горчаков прочел проект депеши к послу нашему в Вене Новикову в виде инструкции по поводу наглых заявлений графа Андраши. Малейшее замечание кого-либо из присутствующих, не исключая даже и самого государя, раздражало канцлера. Я настоял на том, чтобы не делать уступки Австрии насчет распространения ее вглубь Старой

Сербии до Митровицы. Князь Горчаков, чуждающийся всяких географических данных, хотел было и тут, по своему обыкновению, отделаться вспышкою; но государь молча взял карандаш и собственноручно изменил место, о котором шла речь.

Сегодня после моего доклада опять совещание, и опять канцлер выходил из себя. Поводом к тому было желание государя, чтобы граф Игнатьев теперь же, пока еще не решен вопрос о сборе конгресса, поехал в Константинополь чрезвычайным послом, чтобы попробовать побороть влияние Лейярда. Князь Горчаков и слышать об этом не хотел; повторял несколько раз одно и то же – что не может ехать один на конгресс и вынужден будет сказаться больным. Как ни объяснял государь, что в случае созыва конгресса Игнатьев успеет приехать в Берлин, старик как будто не понимал и всё твердил свое. Мы, присутствующие, дивились терпению государя, который на сей раз сохранил спокойствие, что было нелегко. С князем Горчаковым нет возможности обсуждать дело; он не слушает, не усваивает того, что ему говорят, и привык перебивать собеседника на первых словах, не входя вовсе в существо предмета. Можно ли ожидать чего-нибудь хорошего для России от такого представителя ее интересов на конгрессе?

Из дворца я заехал к великому князю Михаилу Николаевичу. И он, и великая княгиня Ольга Федоровна [на сей раз] были со мной очень любезны…

2 апреля. Воскресенье. Ежедневно продолжаются наши совещания по делам политическим. Предложение князя Бисмарка принято обеими сторонами, но Англия заявила, что выведет свой флот из Дарданелл только в том случае, если мы отведем наши войска до Адрианополя. Подобное условие, конечно, мы принять не можем; в таком смысле и дан сегодня ответ князю Бисмарку, причем по предложению моему добавлено, что всякое наше движение из теперешних позиций поставит нас в невозможность предупредить английский флот в Босфоре, а потому необходимо придумать какие-нибудь другие гарантии взамен предположенного первоначально расчета – равенство расстояний по времени пути. В этом смысле я уже говорил и прежде, при встрече с германским послом Швейницем, который вполне понимает несообразность английского предложения и всю неравномерность обоюдных уступок.

Вчера вечером приехал князь Имеретинский с поручением от великого князя Николая Николаевича словесно объяснить государю положение дел, состояние армии и самого главнокомандующего. Князь Имеретинский умеет хорошо и дельно говорить; рассказ его произвел на государя сильное

впечатление. Сегодня утром, когда мы собрались в кабинете его величества (князь Горчаков, Тотлебен, князь Имеретинский и я), государь уже совсем иначе говорил о возможности захвата Босфора. Он увидел, что дело это не только не легкое, но даже едва ли возможное при настоящих обстоятельствах. В случае же, если отойдем хотя бы на шаг назад, мы должны совсем уже отказаться от этого предположения и, впустив англичан в Черное море, едва ли будем в состоянии удержаться и за Балканами. Тотлебен справедливо заметил, что в случае малейшей нашей неудачи под стенами Константинополя (где турецкая армия быстро формируется и умножается) положение наше может сделаться критическим. А неудача весьма возможна – в виду сильных укреплений, воздвигнутых турками перед нашими глазами, при крайне трудной местности, необеспеченности сухопутных и морских сообщений, а главное – по причине расстройства армии.

Князь Имеретинский вполне подтвердил то, что уже нам было известно: в продолжение более двух месяцев спокойной стоянки за Балканами начальством армии ничего почти не сделано для восстановления материального и нравственного ее благоустройства; между тем как со стороны турок, после понесенного страшного ущерба, кипела и кипит работа для восстановления военных сил. Турки всё время морочили нашего наивного главнокомандующего, который убаюкивался как ребенок почетными и радушными приемами и льстивыми уверениями министров и в особенности Реуф-паши, прикинувшегося приверженцем союза с Россией. На деле же, как по всему видно, турки не потеряли еще надежд: лишь только решится разрыв наш с Англией, Порта, без сомнения, разорвет Сан-Стефанский договор и пойдет вместе с англичанами против нас. Как же нам помышлять о захвате Босфора!

Государь должен был идти к обедне; прервав наше совещание, он приказал нам остаться, чтобы возобновить его после обедни и завтрака, перед разводом. Князь Горчаков удалился; остались только Тотлебен, князь Имеретинский и я, присоединился еще граф Адлерберг. Государь сам высказал сомнение в возможности захвата Босфора и опасение, что армия наша за Балканами может быть поставлена в весьма трудное положение. Я воспользовался случаем, чтобы поставить вопрос: если при таком обороте дел можно опасаться, что мы будем *принуждены* отступить к Балканам, то не лучше ли заблаговременно и по собственному почину отвести войска, дав этому отступлению значение политической уступки, чтобы иметь право требовать и от Англии более надежных гарантий, чем одно

удаление ее флота к Безику?

Государь принял эту мысль сочувственно и выразил желание, чтобы я переговорил с князем Горчаковым; но я просил избавить меня от объяснений с ним, сказав прямо, что говорить с ним спокойно о деле нет возможности. Впрочем, заметил я, заявленное мною предположение найдет себе место в ближайших совещаниях, когда будут получены ответы из Берлина и Лондона на сегодняшний наш отказ; тогда сам собою представится вопрос: что же мы можем предложить взамен высказанного Англией предположения?

Вчера и сегодня в городе нет другого разговора, как только о скандале, случившемся в пятницу по окончании судебного процесса госпожи Засулич, выстрелившей в генерала Трепова и ранившей его. К общему удивлению, суд оправдал ее, и собравшаяся на улице толпа произвела демонстрацию в честь преступницы и ее защитника. Уличный беспорядок кончился несколькими выстрелами из толпы, которая после того разбежалась, а на месте остался убитый молодой человек и раненая девушка. Сама преступница, освобожденная уже судом, скрылась. Такой странный конец дела подал повод к самым нелепым толкам. Вся публика разделилась на два лагеря: весьма многие[17], если не большинство, пришли в восторг от оправдательного решения суда; другие же скорбели о подобном направлении общественного мнения.

Всякое подобное дело возбуждает в обществе толки и протесты, с одной стороны, против нового нашего судопроизводства и в особенности против института присяжных, а с другой стороны – против произвола и самодурства административных властей.

3 апреля. Понедельник. В 11 часов утра назначено собрание Совета министров под личным председательством государя. Предметом совещания было обсуждение экстренных мер для устранения случаев, подобных делу девицы Засулич, то есть чтобы не оставались безнаказанными преступления против должностных лиц, обязанных ограждать общество от покушений политических пропагандистов. Министр юстиции прочел записку, приготовленную им по предварительному соглашению с некоторыми другими министрами [но без моего ведома]: граф Пален не нашел другого средства помочь беде, как только взвалить дела подобного рода на военные суды, хотя сам же предполагает исключить женский пол из подсудности военному суду. Я вынужден был возражать, и поддержали меня многие из присутствовавших; сам государь отверг проект министра юстиции.

Казалось, взяло верх другое мнение: чтобы дела означенного рода изъять из общего порядка судопроизводства с присяжными, а производить в особых присутствиях, установленных собственно для дел по государственным преступлениям. Такое решение вопроса было бы самое простое и логичное; но вдруг явилась оппозиция со стороны великого князя Константина Николаевича, который начал горячо доказывать, что предлагаемая мера не может быть проведена второпях и, как весьма важное изменение существующего судебного устава, подлежит внесению в Государственный совет.

Дело еще усложнилось заявлением великого князя Михаила Николаевича о необходимости изменения состава и военных судов; спор дошел до того, что у графа Палена вырвалось странное для министра юстиции мнение о необходимости такого суда, который решал бы «по приказанию начальства». У других же родилось кровожадное желание смертной казни. Наконец сам государь, в порыве нетерпения и не находя исхода, вспылил, упрекнув всех своих министров в нежелании или неумении принять какие-либо решительные меры, и в заключение строго потребовал, чтобы граф Пален, Валуев и я непременно сговорились втроем и представили какое-либо окончательное предположение. Тем и закончилось собрание.

После того князь Горчаков и я приглашены были в кабинет государя, так же как и великие князья, для прочтения новых телеграмм из Берлина и Лондона по поводу переговоров о выступлении британского флота из Мраморного моря. Государь спросил у канцлера мнение его о том, не следует ли теперь же начать мобилизацию наших войск по поводу созыва в Англии резервов. Вместо серьезного обсуждения столь важного вопроса князь Горчаков ответил в двух словах, что ничего не имеет против мобилизации, как будто вопрос вовсе до него и не касается; а государь, столь же легко обратившись ко мне, сказал: «Так надобно исполнить». Само собой разумеется, что такое внезапное, сказанное на лету заключение нельзя принять за положительное и, конечно, я возобновлю вопрос завтра или при первом удобном случае.

Из дворца мы все отправились в Государственный совет, где после общего собрания было заседание Особого присутствия по делам о воинской повинности. Обсуждали предположение Морского министерства об учреждении крейсерства посредством частных судов под видом «морского ополчения» [и тут выказалось удивительное легкомыслие]. Великий князь Константин Николаевич намеревался уже опубликовать составленное положение в таком виде, как будто правительство уже решило

приступить к снаряжению крейсеров. Мне удалось, однако же, приостановить неосторожную меру, объяснив, что гласное снаряжение крейсеров в то самое время, когда мы ведем переговоры в Берлине, было бы противоречием и неуместным вызовом Англии на войну. Решено было дать публикации несколько иную форму.

По возвращении домой я немедленно пригласил к себе статс-секретаря Философова (главного военного прокурора), объяснил ему дело, обсуждавшееся сегодня в Совете министров, и поручил съездить к графу Палену для личных с ним объяснений. Философов совершенно разделяет мой взгляд на вопрос. Он застал графа Палена с его товарищем, сенатором Фришем. Объяснение с ними возымело результатом то, что они оба согласились с правильностью наших доводов и отказались от своего предположения о передаче в военные суда дел, которые затрудняют судебное ведомство. Сенатор Фриш взялся приготовить в короткое время предположение на тех именно основаниях, которые указывались и в Совете министров, – именно в том смысле, чтобы означенные дела подлежали суду в Особом присутствии судебных палат без участия присяжных.

4 апреля. Вторник. После моего доклада было обычное совещание с канцлером; но довольно короткое, так как государь торопился к молебствию в Малую дворцовую церковь. Я также остался к молебствию, после которого был завтрак, а затем совещание по азиатским делам. Участвовали, кроме великих князей (в числе их и Михаил Николаевич), генерал-адъютант Крыжановский, граф Игнатьев, Гирс и я.

Из дворца я отправился в Комитет министров, а потом председательствовал в Комитете по делам польским. Тут мы объяснились с графом Паленом, Валуевым и Мезенцовым и пришли к соглашению относительно задачи, возложенной на нас государем во вчерашнем совещании: положено отказаться от предположения графа Палена о передаче в военные суды дел по преступлениям против должностных лиц и вместо того производить этого рода дела в судебных палатах без участия присяжных.

5 апреля. Среда. В 11 часов утра назначено совещание у государя; кроме великих князей, князя Горчакова и меня приглашены генерал Тотлебен, граф Игнатьев, князь Дондуков-Корсаков и князь Имеретинский. Долго обсуждали вопрос о возможности занятия Босфора. Приехавший только вчера вечером из Сан-Стефано генерал-лейтенант Анненков был призван в заседание для личного доклада о настоящем положении дел в армии. Анненков смотрит на вещи в менее черном цвете, чем

князь Имеретинский; однако же и по его словам, занятие Босфора с каждым днем делается всё более затруднительным и даже рискованным.

Приняв эту исходную точку, мы перешли к обсуждению вопроса об условиях, на которых могли бы согласиться на предложения, сделанные Англией через посредство Бисмарка. Я старался по-прежнему объяснить, что, отказываясь от занятия Босфора и соглашаясь отвести нашу армию до Адрианополя, мы должны придать сколь можно большую цену этой уступке нашей и выторговать себе возможные выгоды. Но прежде всего мы должны сговориться с Портой и обязать ее: 1) не выдвигать войск далее ныне занимаемых позиций, 2) не укреплять их и 3) очистить крепости Шумлу, Варну и Батум. В самом ответе Лондонского кабинета упоминается о предварительном нашем соглашении с Портой.

Но канцлер никак не мог понять и это простое дело; он, по обыкновению, разгорячился, спорил долго, повторяя всё одно и то же, и, наконец, подсунул мне свой портфель и бумагу, чтобы я сам проектировал ответную телеграмму на английские предложения. Все присутствовавшие переглядывались между собой, не скрывая удивления; те, кто видел нашего канцлера в первый раз в таком совещании, были поражены его старческим слабоумием.

Только после долгих объяснений и с помощью самого государя удалось наконец сочинить телеграмму в несколько строк. Затем были еще кое-какие разговоры; но терпение государя уже начинало истощаться, подошел час завтрака, а между тем в приемной комнате ожидал аудиенции английский полковник Велеслей, приехавший в Петербург только на несколько дней, чтобы забрать свое имущество и совсем распроститься с Россией. Выходя из государева кабинета, я обменялся с англичанином несколькими словами и затем, заехав домой переодеться, поспешил к 2 часам в манеж.

Здесь был смотр только что прибывшим из Сан-Стефано гвардейской роте и полуэскадрону, составлявшим почетный конвой государя во время прошлогоднего похода. Сама императрица и цесаревна проехали перед фронтом в коляске.

После смотра просидел до шестого часа в Военном совете.

6 апреля. Четверг. После моего доклада было у государя два совещания. Одно по политическим и военным делам, в присутствии князя Горчакова и генерала Тотлебена, другое – с участием графа Палена и генерала Мезенцова, по вопросу о порядке судебного преследования виновных в насильственных действиях против должностных лиц. В первом совещании решены

были два вопроса: 1) повременить с мобилизацией армии (пришлось объяснять канцлеру, что мобилизация вовсе не значит пополнения убыли в действующей армии) и 2) переговоры с турками по поводу предположенного отвода нашей армии одновременно с английским флотом начать только по прибытии генерала Тотлебена к армии. Кроме того, прочитаны были заготовленные мною инструкции генералу Тотлебену и Дрентельну. Во втором же совещании граф Пален доложил о соглашении нашем по данной нам задаче и решено было провести составленное предположение через Государственный совет. Великий князь Константин Николаевич на сей раз не возражал.

На завтрашний день назначался высочайший осмотр разложенных в залах дворца картографических работ. Сегодня я обошел и осмотрел эти работы; но осмотр их государем отложен до Фоминой недели.

Генерал Тотлебен выехал вечером в армию. С тем же поездом отправился мой сын навстречу персидскому шаху.

7 апреля. Пятница. Сегодня в совещании наш канцлер показал себя уже совсем выжившим из ума. Речь шла опять об ответе на предложения князя Бисмарка и англичан относительно обоюдных условий для выступления английского флота из Мраморного моря и нашей армии от Константинополя. Князь Горчаков ничего не понимал, всё перепутал и вдобавок горячился и сердился, считая себя правым. Точно так же мало понимал он и вопрос о требованиях Австрии относительно территориальных разграничений на Балканском полуострове. Мы все дивились долготерпению и спокойствию государя.

Вчера и сегодня были у меня особые совещания касательно составления инструкции генерал-адъютанту князю Дондукову-Корсакову, по случаю назначения его императорским комиссаром в Болгарии. Вчерашнее совещание было потрачено преимущественно на рассмотрение общей инструкции по делам политическим и гражданским, а сегодняшнее – почти исключительно на предположения об организации болгарской военной силы.

Во дворце происходил большой обед для офицеров возвратившегося из похода государева Гвардейского конвоя. Мы были все в походной форме.

8 апреля. Суббота. После доклада моего было обычное совещание. Сначала речь шла опять об ответе на предложения князя Бисмарка. Читали депеши нашего посланника в Берлине; из них ясно, что и на берлинских друзей нечего слишком рассчитывать. Бисмарк положительно уклоняется от участия в

наших недоразумениях с Австрией; видимо, бережет более свои отношения с Веной, чем с нами. После общих вопросов политических перешли к вопросу азиатскому. Я прочел составленный протокол первого по этому предмету совещания. Протокол этот был одобрен и утвержден.

Из дворца ездил в технический комитет Интендантства. Показывали мне разные образцы и проекты по части обмундирования и снаряжения войск.

15 апреля. Суббота. Вся Страстная неделя прошла однообразно, и нечего было отмечать в дневнике. Князь Горчаков заболел; в ежедневных совещаниях политических участвовал Гирс, и через это дело шло лучше, потому что можно было каждый вопрос обсуждать спокойно, не горячась. Сегодня были приглашены, сверх обыкновенного состава совещания, еще барон Жомини, великие князья Константин Николаевич и Михаил Николаевич и граф Адлерберг.

В первый раз, можно сказать, занялись существом дела, а не одною формальною стороной дипломатических сношений; обсуждали, на какие именно уступки можем мы согласиться, чтобы успокоить непомерный аппетит Австрии и оторвать ее от союза с Англией. Тут, как говорю, в первый раз раскрыли карту, сличили границы по разным проектам, начиная с проекта Константинопольской конференции, и пришли к заключению, что должны пожертвовать единством Болгарии и согласиться на разделение ее на две области, лишь бы обе были одинаково самобытны. По моему настоянию положено противиться до крайности присоединению к Австрии узкой полосы Старой Сербии, оставляемой в виде барьера между княжествами Сербским и Черногорским, дабы не допустить непосредственного соприкосновения территорий Австрии и Болгарии. В таком смысле и решено дать инструкцию послу Новикову.

Обсуждался также и ответ графу Шувалову, которому поручается войти в прямые переговоры с маркизом Солсбери (выражавшим не раз согласие на сделку с нами). Это было бы легко сделать, если бы мы могли послушаться советов Бисмарка и уступить на всех статьях нахальным требованиям обоих наших противников. Сегодня в совещании я прямо высказал, что совет Бисмарка уступить Австрии всё, что она желает приобрести на западной половине Балканского полуострова, есть совет предательский, в интересах одной Германии. Чего же хочет Англия, мы даже еще и не знаем. Удастся ли графу Шувалову выпытать это у маркиза Солсбери, прежде чем разразится какой-нибудь неожиданный для нас катаклизм, – это вопрос.

Всю истекшую неделю я был завален работой: ко всем

обычным делам прибавились награды на Пасху, приготовление инструкций для князя Дондукова-Корсакова, разговоры с приезжими начальниками округов и проч., и проч.

16 апреля. Светлое воскресенье. По обычаю, ночь Светлого воскресенья проведена во дворце, в толках о наградах, производствах, назначениях и других новостях. Производство двух великих князей главнокомандующих в фельдмаршалы, увольнение великого князя Николая Николаевича от командования армией вместе с его начальником штаба Непокойчицким, назначение главнокомандующим генерала Тотлебена, затем бесчисленное производство в полные генералы и генерал-лейтенанты занимало общее внимание, так что позабыли почти о трудном нашем политическом положении и собирающихся грозных тучах.

17 апреля. Понедельник. Несмотря на торжественный день рождения государя императора, и сегодня после обедни происходили продолжительные совещания: одно – по внешним делам политическим, другое – по вопросам внутренним. В первом совещании участвовали, кроме Гирса (канцлер всё еще болен), граф Игнатьев и граф Адлерберг. Государь снова поднял вопрос о выборе лица для назначения представителем России в Константинополе. Игнатьев, всё еще ожидавший этого назначения, окончательно устранен, и решено обратиться к князю Лобанову-Ростовскому, бывшему некогда посланником в Константинополе, а теперь товарищу министра внутренних дел. Выбор этот поддерживал всегда наследник цесаревич; но прежде канцлер противился тому, а теперь, по-видимому, сам предлагает князя Лобанова. Государь намерен завтра предложить ему пост чрезвычайного посла в Константинополе (*en mission extraordinaire*[18]).

В совещании же по внутренним делам участвовали министры внутренних дел, юстиции и государственных имуществ. Беседовали опять о принятии решительных мер против проявлений революционных замыслов, всё более и более принимающих дерзкий [и смелый] характер. Рассказывали разные факты, читали тайные воззвания; между прочим встревожили государя рассказом о каком-то офицере Резервного батальона, формируемого в Петербурге (Энгельгардте), который этой ночью на попойке с товарищами высказал будто бы намерение стать на сторону бунтовщиков при предполагаемом на нынешний день восстании. Батальонный адъютант ночью же прискакал к шефу жандармов с этим донесением, а между тем Энгельгардт в испуге бежал и скрылся.

Затем свернули опять речь на студентов вообще и в

особенности на Медико-хирургическую академию, Московское техническое училище, Женские медицинские курсы и проч. Мне пришлось, против всякого желания, выступить в роли защитника этих учреждений. Государь, в мрачном и тревожном настроении, заметил: «Вот как приходится мне проводить день моего рождения». Предлагались разные крутые меры: усиление и систематизирование административной высылки (Мезенцов), закрытие некоторых учебных заведений (граф Пален), усиление и вооружение полиции (Тимашев). Дошло даже до того, что произнесено было выражение «объявить Петербург на военном положении»!

К счастью, всё ограничилось разговором, который под конец свернулся на личный вопрос о Трепове и о нынешнем состоянии петербургской полиции. Тимашев не пощадил Трепова, за что получил резкий упрек от государя и вышел из собрания с длинным лицом. Тем не менее решено приискать преемника Трепову, так как и помощник его, генерал-майор Козлов, объявил сегодня государю, что не может оставаться долее в этой должности при Трепове. Тут неожиданно граф Пален указал кандидата для замещения должности Трепова – князя Голицына, бывшего командира лейб-гвардии Финляндского полка, а ныне атамана Уральского казачьего войска. Государь приказал мне вызвать его сюда по телеграфу.

18 апреля. Вторник. После моего доклада было обычное совещание по делам политическим. На этот раз участвовал и князь Лобанов-Ростовский, которому только перед самым совещанием государь предложил временный пост посла в Константинополе. Сегодня не было никаких важных новостей; прочитаны некоторые телеграммы, показывающие только, что ни в Константинополе, ни в Лондоне нет надежды на благоприятный оборот дел. Хотя вчера еще была приготовлена бароном Жомини, при участии Игнатьева, записка (*prometoria*) для нашего посла в Вене, с приложением всех уступок, какие только можем мы сделать в угоду Австрии, однако же записка эта не могла быть прочитана сегодня. Притом в совещании не присутствовал граф Игнатьев и потому чтение важного этого документа отложено на завтра.

В 2 часа было у меня совещание по поводу предложения генерал-адъютанта графа Баранова построить *временную* железную дорогу к Мемельскому порту, чтобы на время войны открыть для нашей торговли лишний исток к нейтральному порту. В этом совещании участвовали, кроме самого графа Баранова, Рейтерн, Посьет и Гирс. Окончательное решение вопроса отложено до другого совещания, для предварительного

сбора нужных справок.

Вчерашняя история с офицером Резервного батальона разъяснилась довольно пошлым образом: оказалось, что этот несчастный пьет запоем и прежде уже лечился в госпитале от *delirium tremens*.

22 апреля. Суббота. Новые предложения Англии относительно условий для одновременного отвода наших войск и английского флота от Константинополя решительно невозможно принять; они просто нахальны. Берлинский же кабинет только передает обоюдные заявления, как телеграфист; пользы мало от такого посредничества. В Константинополе дела наши идут всё хуже; турки возобновили работы по укреплению окрестностей Константинополя. Тотлебен не может добиться очищения крепостей; мало того, теперь турки уже прямо отказываются исполнять это требование, заявляя, что Сан-Стефанский предварительный договор не есть окончательный и Европа может изменить его условия. В то же время Дервиш-паша протестует против движения наших войск даже к Артвину (в Азиатской Турции). Всё ясно показывает, что турки ожидают войны.

Между тем в Министерстве иностранных дел с помощью графа Игнатьева заготовлены новые инструкции Новикову; они отправлены в Вену с полковником Боголюбовым, чтобы последний помог послу нашему в вопросах географических и этнографических, затронутых в инструкции. С другой стороны, в Лондоне начались прямые сношения графа Шувалова с маркизом Солсбери, который выразил готовность открыть виды и требования Англии, если только граф Шувалов возьмется лично привезти эти заявления в Петербург и объяснить их русскому правительству. На это дано графу Шувалову разрешение с предоставлением ему, проездом через Берлин, заехать во Фридрихсруэ для свидания с князем Бисмарком. Соответственно положению дел в Лондоне и Вене даны инструкции и послу нашему в Берлине. Кроме того, государь написал собственноручное письмо императору Вильгельму по поводу присланных им крестов и медалей для раздачи по усмотрению нашего государя [отличившимся в последнюю кампанию].

Вообще, благодаря болезни князя Горчакова работа в Министерстве иностранных дел в последнее время пошла с большею энергией и большим смыслом. Князь Лобанов-Ростовский уже совсем готов к отъезду в Константинополь; а сюда едет послом турецким Шакир-паша, командовавший турецкими войсками в Орхание. Князь Дондуков-Корсаков уехал в Болгарию. Давно ему пора приняться за устройство администрации в этой злополучной стране.

Сегодня, в 2 часа, была встреча великого князя Николая Николаевича на станции Варшавской железной дороги. Всё обошлось заведенным обычным порядком. Толки, ходившие прежде о том, будто готовится бывшему главнокомандующему Забалканской армией неприязненный прием, оказались вздором. Однако же надобно сказать, что не было и восторгов.

27 апреля. Четверг. В понедельник все наличные в Петербурге военные чины представлялись новому фельдмаршалу, великому князю Михаилу Николаевичу, а вчера, в среду, было такое же представление другому фельдмаршалу, великому князю Николаю Николаевичу. Вчера же государь осматривал картографические и топографические работы Военного и Морского министерств.

Политические дела мало подвинулись вперед. Вот уже более четырех дней ни от графа Шувалова, ни от Новикова нет телеграмм и потому неизвестны ни результат последнего совещания нашего посла в Лондоне, ни впечатление, произведенное в Вене нашими последними категорическими заявлениями. Между тем граф Шувалов выехал уже из Лондона, сегодня должен быть у князя Бисмарка в Фридрихсруэ, а завтра – в Берлине у императора Вильгельма.

По известиям от генерала Тотлебена и от Ону[19], турки соглашаются на оставление Шумлы и Варны, но противятся сдаче Батума и ставят новое условие – дозволение войскам их, по удалении нашей армии к Адрианополю, занять прежнюю, Чаталджанскую позицию. В бывшем вчера совещании государь решил отказать в этом требовании, так как в первых предложениях князя Бисмарка, принятых и Англией, положительно выражено, что при определении нейтральной полосы после удаления русской армии от Константинополя турецкие войска не должны выходить вперед из занимаемых ныне позиций под самым Константинополем.

29 апреля. Суббота. Вчера получена телеграмма от Новикова, весьма неутешительная. Андраши решительно отвергает наши примирительные предложения, находя их не только недостаточными, но даже еще более для Австрии невыгодными, чем условия Сан-Стефанского договора. Таким образом, всё более и более исчезает надежда на сближение с Австрией. Можно ли ожидать чего-либо более благоприятного из Лондона? Завтра вечером ожидают сюда графа Шувалова; не думаю, чтобы он привез нам оливковую ветвь.

Государь, к удивлению, сохраняет полное спокойствие. Сегодня после моего доклада он принял в моем присутствии Гирса, а потом пошел, по обыкновению, в церковь – по случаю дня

рождения великого князя Сергея Александровича. После завтрака государь раздавал знаки для ношения на груди всем офицерам почетного конвоя, состоявшего при нем во время прошлогоднего похода. Всё идет своим порядком, и нельзя было бы догадаться, что мы накануне грозной и опасной для нас войны.

2 мая. Вторник. В воскресенье был развод на площадке перед Зимним дворцом. Приказано было на развод явиться в парадной форме для приветствования криком «ура!» вновь приехавшего фельдмаршала великого князя Николая Николаевича.

После развода оба фельдмаршала пошли к государю и просили его также принять звание фельдмаршала. Признаюсь, я полагал, что это странное предложение будет отвергнуто, но, к удивлению моему, в тот же день государь приказал наложить на свои погоны и эполеты знак фельдмаршальских жезлов.

Не менее странно было отданное на разводе приказание, чтобы с завтрашнего дня все войска Петербургского гарнизона и чины Свиты носили походную форму.

Не могу объяснить себе логический повод к такому распоряжению. Невольно у каждого рождается предположение – уж не объявлена ли война?

Между тем в воскресенье же вечером приехал граф Шувалов с таинственным поручением от Лондонского кабинета. На другой день, то есть вчера, не было другого разговора, как об этом приезде: что привез граф Шувалов – мир или войну? Разумеется, всякий толковал по-своему, а газеты глубокомысленно обсуждали всевозможные гипотезы. Мне не удалось вчера видеть графа: он заехал ко мне, пока я был в Государственном совете, где между прочим обсуждалось предположение Морского министерства о «добровольном морском ополчении». Многие из членов Государственного совета высказали опасение, чтобы учреждение крейсерства на предположенных основаниях не признали нарушением международного права и наши добровольные крейсеры не были бы названы простыми каперами или даже пиратами. Скептики же полагают, не без основания, что все затеи с крейсерами на деле окажутся ничтожною попыткою, над которою Англия будет смеяться; гора родит мышь.

Сегодня при моем докладе государь заговорил об английских условиях, привезенных графом Шуваловым, но не вошел в подробности в виду назначенного в час пополудни совещания по этому предмету и выразил только свое недоверие к твердости слова английских министров; вместе с тем он указал необходимость сохранения в строгой тайне предстоящих сегодня обсуждений. Между докладом и совещанием я заехал с визитом к

графу Шувалову, которого не застал дома, и к графу Игнатьеву, которого нашел в постели в сильной лихорадке.

В час собрались в кабинете государя великие князья (наследник, Константин Николаевич, Николай Николаевич и Михаил Николаевич и Владимир Александрович), граф Адлерберг, граф Шувалов, Гирс и я. После чтения нескольких новых депеш Новикова граф Шувалов прочел подробное изложение переговоров его с маркизом Солсбери, происходивших в четыре приема перед отъездом нашего посла из Лондона. Чтение это и словесные объяснения графа Шувалова произвели на всех довольно благоприятное впечатление, может быть, потому, что мы все ожидали от английских министров чего-нибудь очень скверного. В сущности же требования Англии оказываются гораздо умереннее австрийских, так что все мы согласились с мнением графа Шувалова, что для нас выгоднее сделать уступку Англии, чтобы сойтись с нею, чем подчиняться непомерным, нахальным требованиям графа Андраши.

Затем мы вошли в обсуждение вопроса, составляющего главный узел английских условий, – о границах Болгарии, разделении ее на две части и устройстве обеих ее половин. Конечно, для нас всего неприятнее настойчивое требование Англии, чтобы Болгария была разделена Балканами на северную и южную; за то англичане соглашались на весьма широкую автономию обеих половин. Все были согласны в том, что можно в крайности пойти и на такую уступку, если только Англия согласится не противиться на конгрессе всем прочим статьям Сан-Стефанского договора и не возьмет назад своего слова. В заключение, решено снова собраться завтра, и к тому времени граф Шувалов взялся изложить письменно сущность сегодняшнего совещания.

5 мая. Пятница. В среду было второе совещание у государя с участием графа Шувалова, который прочел протокол постановленного накануне. При этом дополнительно выяснились некоторые частные вопросы относительно предстоящих графу Шувалову переговоров.

Вчера, в четверг, после моего доклада было опять совещание; но граф Шувалов не присутствовал; приглашение не застало его дома. Сегодня же было последнее с ним объяснение; завтра он выезжает обратно в Лондон, но намерен опять заехать в Фридрихсруэ к князю Бисмарку. Сегодня был уже затронут открыто щекотливый вопрос о личностях, которые назначаются представителями России на конгрессе в случае, если он состоится. Граф Игнатьев окончательно устранен; участие князя Горчакова сомнительно; в случае же, если он не будет в

состоянии ехать на конгресс, первым представителем России будет граф Шувалов, вторым – Убри, а в помощь им за кулисами – Кумани (секретарь посольства в Париже) и полковник Генерального штаба Боголюбов. Граф Шувалов настаивает на том, чтобы назначен был Нелидов, в качестве третьего русского уполномоченного.

Вчера я был во дворце на большом обеде, данном для офицеров возвратившегося из похода Собственного е. в. конвоя. Сегодня же происходил на площадке перед дворцом смотр прибывшего Гвардейского экипажа, а после того – прибивка новых знамен для 2-го, 3-го и 4-го батальонов гвардейского Резервного полка. Церемония эта происходила в Белой зале обычным порядком.

11 мая. Четверг. Сегодня была торжественная встреча шаха Персидского [Насреддина]. Крайне несимпатичная личность, так же как и вся свита его. От границы его сопровождали генерал-адъютант князь Меншиков и сын мой.

В продолжение недели не было ничего примечательного в политическом отношении, кроме разве небольшого возмущения в Константинополе, имевшего, по-видимому, целью свергнуть султана Абдул-Гамида и возвести на престол Мурада. Попытка была подавлена.

От графа Шувалова получена телеграмма после свидания с князем Бисмарком в Фридрихсруэ. На сей раз граф вынес более выгодное впечатление о настроении германского канцлера, который обещал по первому извещению графа Шувалова из Лондона о благоприятном приеме нашего ответа немедленно разослать приглашения на конгресс. Надеемся завтра получить от графа столь нетерпеливо ожидаемое извещение, от которого зависит решение вопроса войны или мира.

Князь Горчаков всё еще болен; ему хотелось отсрочить конгресс, но государь не согласился на это, находя крайне невыгодной для нас потерю каждого лишнего дня. В душе государь желал бы, чтобы болезнь помешала нашему канцлеру ехать в Берлин.

По вопросу об очищении турками крепостей Шумлы, Варны и Батума до сих пор нет никаких известий. Из Вены также ничего нового. Как будто везде пауза в ожидании сигнала из Лондона.

На этой неделе приехал в Петербург фельдмаршал князь Барятинский. Я увиделся с ним только сегодня на станции железной дороги, в ожидании шаха. Он опять пробовал задобрить меня, уверяя, что никогда не изменял [своих прежних] приязненных ко мне отношений и что нам нужно действовать заодно. С дозволения государя я поручил генералу Обручеву

объяснить князю Барятинскому все наши соображения на случай войны:

Обручев был у него раза два и каждый раз в продолжение почти целого утра должен был выслушивать пустую болтовню, не имея возможности приступить к серьезному делу. Тут вполне обрисовался человек таким, каким я всегда его знал: тщеславный, суетный [легкомысленный], исключительно занятый своею личностью.

12 мая. Пятница. Назначенный сегодня для шаха парад отложен на завтра, по случаю дождя. Утром государь прислал за мной, так же как и за Гирсом. Прочитана первая телеграмма графа Шувалова из Лондона, после двух его разговоров с маркизом Солсбери. Известие это удовлетворительнее; но решительного пока еще ничего: сегодня и завтра назначены совещания министров, так что граф Шувалов надеется сообщить что-нибудь положительное только в воскресенье. Между тем Бисмарк нашел нужным несколько отсрочить открытие конгресса – до 11 июня – в угоду графу Андраши. Отсрочке этой очень обрадовался наш канцлер; он поручил Гирсу доложить государю, что вполне надеется оправиться к началу конгресса. Государь сам посетил князя Горчакова и нашел его в удовлетворительном состоянии; но вслед за тем ему сделалось хуже, и явилось опасение – не есть ли это приступ водяной.

Из дворца я заехал к великому князю Михаилу Николаевичу, пригласившему меня к себе для некоторых объяснений по делам службы; завтракал у него в семейном кругу.

К обеду я был приглашен во дворец. Обед был в Белой зале; кроме царской фамилии, было только небольшое число приглашенных. Шах явился в каком-то пестром архалуке, хотя и увешанный бриллиантовыми украшениями; из свиты же его был только садразам[20] Гусейн-хан. Шах держит себя с комической важностью, даже с некоторой надменностью; ему прощают (как дикарю) и смеются над ним. Нет конца анекдотам на его счет. Встав из-за стола и подав руку императрице, он объявил ей свое удовольствие: «Diné – bon»[21].

13 мая. Суббота. После моего доклада государь принял при мне Гирса, который доложил, что князь Горчаков сам сознает уже невозможность поправиться ко времени конгресса. В полдень назначен был парад в присутствии шаха. Несмотря на отсутствие гвардии, все-таки весь Царицын луг был, как обыкновенно, уставлен войсками. На лицо представились 30 тысяч человек (43 батальона, 43 эскадрона и 80 орудий), в блистательном виде. Многие из присутствовавших выказывали удивление при виде такой массы войск в Петербурге; но только некоторые понимали,

что присутствие этих войск есть наглядный результат совершившихся в течение последнего десятилетия преобразований во всей нашей военной системе.

После смотра состоялся завтрак в доме принца Ольденбургского, хотя сам принц Петр Георгиевич в отсутствии. Общее внимание было обращено на шаха, который непомерно много пьет вина за всеми завтраками и обедами, так что почти всегда выходит из-за стола навеселе.

Роскошный завтрак не помешал парадному обеду, назначенному в Зимнем дворце (в Концертной зале). Перед обедом государь сказал мне на ухо, что из Лондона получено довольно хорошее известие, и приказал после обеда прийти в кабинет, так же как Гирсу и великим князьям.

Когда мы собрались, прочитана была телеграмма графа Шувалова, который извещает о результате происходивших вчера и сегодня совещаний. Англичане соглашаются на бóльшую часть пунктов данной графу Шувалову инструкции и предоставляют конгрессу решить вопрос о разграничении Болгарии на две половины, но делают какие-то новые оговорки относительно западной границы, хотя в телеграмме остается неясным предлагаемое ими направление. Граф Шувалов надеется на подписание секретного протокола этих предварительных соглашений, с которыми Россия и Англия явятся на конгресс. Телеграмма графа Шувалова произвела на государя благоприятное впечатление; однако ж для окончательного ответа положено опять собраться завтра после обедни, а между тем спросить у графа Шувалова пояснения некоторых пунктов его телеграммы.

14 мая. Воскресенье. К часу пополудни собрались опять у государя те же лица, которые участвовали во вчерашнем совещании. Мы были порадованы новою телеграммой графа Шувалова, который извещает, что на запросы графа Андраши о том, будет ли Англия поддерживать притязание Австрии относительно города Антивари, Боснии и Герцеговины, английское правительство дало категорический ответ: оно признает вполне справедливым предоставить черногорцам доступ к морю и допустить занятие австрийскими войсками Боснии только на такой же срок, какой русские войска будут занимать Болгарию. Если это справедливо, то подобный оборот дел был бы для нас весьма благоприятен; Австрия осталась бы с носом.

Другая телеграмма графа Шувалова менее приятная: Англия настоятельно требует, чтобы до начала конгресса наша армия одновременно с английской эскадрой удалилась от Константинополя. Граф от себя прибавляет, что считает крайне

нужным согласиться на это предложение, не связывая его с оставлением турками Шумлы, Варны и Батума. По обсуждении этого вопроса решено отвечать графу Шувалову, что мы не можем отойти от Константинополя, не добившись оставления хотя бы двух первых из названных крепостей, и что князю Лобанову и генералу Тотлебену даны приказания возобновить настояния по этому вопросу. Также сообщено графу Шувалову, чтобы он старался не связывать переговоров о конгрессе с вопросом об удалении наших войск и английского флота от Константинополя.

После совещания я ездил к директрисе [женского] Патриотического института Эмилии Антоновне Пущиной с печальным поручением от государя по случаю смерти единственного ее сына, командира Киевского гренадерского полка, прежнего моего адъютанта, умершего близ Родосто от тифа. Государь принимает теплое участие в семействе Пущиных, в память покойного Николая Николаевича Пущина, долго занимавшего место директора Дворянского полка, преобразованного в Константиновское военное училище. Вчера, когда я доложил государю о смерти молодого Пущина, он заплакал и поручил мне лично передать старушке, сколько он тронут ее несчастиями.

Сегодня был еще обед для шаха у наследника цесаревича. Шах опять пил не в меру и после обеда был навеселе.

15 мая. Понедельник. После обыкновенного моего приема в канцелярии Военного министерства было опять совещание во дворце в два приема – до завтрака и после. Потом я сидел до 5 часов в Государственном совете и лишь только успел отобедать, снова был потребован во дворец. Поводом к этому внезапному собранию была вновь полученная телеграмма от графа Шувалова, который настоятельно[22] просит разрешения государя на безотлагательное подписание состоявшегося между ним и маркизом Солсбери соглашения. Граф, видя беспрестанные колебания английских министров, опасается, что всякое промедление в подписании может расстроить всё дело.

Между тем в телеграмме нет вовсе разъяснения недоумений наших по весьма существенным пунктам его прежней телеграммы от 12 мая. Так, например, мы не могли найти ни на какой карте названия того пункта, которым английские министры хотят определить заранее западную границу Болгарии. Настойчивое требование графа Шувалова поставило государя в трудное положение: утвердить соглашение на веру, не зная в точности условий, было бы крайне рискованно; отказать же графу Шувалову – и всё дело конгресса может разрушиться. Решено отвечать разрешением подписать составленный акт с тем, однако

же, чтобы окончательное утверждение его последовало по получении текста и по разъяснении сомнений, в особенности относительно определения западной границы Болгарии.

Сегодня же обсуждался вопрос о том, выгодно ли нам сохранить и занимать дунайские крепости (Силистрию, Рущук и Виддин), как предполагает генерал Тотлебен, и не лучше ли поспешить со срытием их, как было прежде предположено. По приказанию государя, я телеграфировал генералу Тотлебену, что в случае войны занятие всех трех крепостей повело бы к опасному раздроблению наших сил и материальных средств, а потому хорошо бы укрепления Силистрии и Виддина разрушить, сохранив временно только Рущук.

16 мая. Вторник. От графа Шувалова получена телеграмма, разъясняющая недоумение наше относительно западной границы Болгарии. Выходит, указанная англичанами линия – та самая, которую требовал граф Андраши для отделения Болгарии от Македонии; но австро-венгерский канцлер допускал Болгарию до Эгейского моря и не требовал разделения Болгарии на две части. Таким образом, английские условия в отношении Болгарии, на которые мы теперь соглашаемся, еще невыгоднее австрийских; но за то, по-видимому, Англия обещает поддержать во всем остальном наши условия Сан-Стефанского договора, не исключая распространения Черногории до морского берега и уступки нам Батума.

Канцлер наш сам сознает, что нечего ему думать об участии в конгрессе. Я полагаю, что, кроме болезни, есть и другая причина, по которой конгресс уже не так заманчив для него, как прежде: он видит, что представителю России на конгрессе придется играть не очень блистательную роль и что он должен будет сделать такие уступки, которые отнимут окончательно у маститого нашего канцлера остатки прежней его популярности.

Персидский шах со всей своей грязной свитой уехал на Варшаву и далее в Берлин. Государь, проводив его до станции железной дороги, сам переехал в Царское Село. Вечером же простились мы на станции Московской железной дороги с великим князем Михаилом Николаевичем и его семейством.

20 мая. Суббота. В четверг отправился я в первый раз с докладом в Царское Село. В течение предыдущих двух дней накопилось несколько телеграмм и других известий; из них самые важные, конечно, из Лондона и Константинополя. Английские дипломаты настаивают, чтобы наша армия отошла от Константинополя прежде собрания конгресса, а потому и не принимают еще приглашения на этот конгресс; мы же продолжаем настаивать, чтобы отступлению нашему

предшествовало оставление турками если не всех трех крепостей, то по крайней мере двух – Шумлы и Варны. Между тем по известиям из Константинополя видно, что сами англичане подстрекают турок не сдавать нам крепостей. Таким образом, мы находимся *dans un cercle vicieux*[23].

В среду, как я узнал, государь был встревожен полученными телеграммами и выразил досаду тем, что в ту же минуту не были при нем ни министр иностранных дел, ни военный. Отсюда родилось желание, чтобы мы оба, Гирс и я, переселились в Царское Село. За Гирсом послали сейчас же; но он, несмотря на свою робкую натуру, решился объяснить государю, что у него нет возможности жить в Царском, потому что дела министерства совсем остановятся. Я не знал еще об этом, когда в четверг государь выразил и мне то же желание. Случайно вышло, что я дал тот же ответ, объяснив, что, живя в Царском, я все-таки должен буду ездить ежедневно в город, а потому нахожу более удобным, если уж признается нужным, приезжать из города в Царское ежедневно. На этом и остановились, хотя государю это было неприятно. Он даже упомянул, что в прежние времена ни военный министр, ни министр иностранных дел не встречали затруднения жить всегда там, где жил государь.

Несмотря на эти не совсем приятные объяснения, я получил приглашение остаться к обеду; а потому решил на этот раз переночевать в Царском Селе. В пятницу государь потребовал к себе Гирса и меня к 11 часов утра. Прочли телеграмму графа Шувалова, который извещал, что накануне протокол подписан им и маркизом Солсбери, но все-таки окончательное решение вопроса о конгрессе зависит от удаления нашей армии из-под Константинополя. Вследствие этого решено было подтвердить князю Лобанову необходимость скорейшего очищения турецких крепостей, причем нашему послу в случае крайности предоставлялось уступить даже и требованию турок относительно права занять укрепленную Чаталджанскую позицию. В то же время телеграфировано послу нашему в Берлине, чтобы склонил князя Бисмарка действовать на турок через принца Рёйсса, а графу Шувалову снова дано знать, что без оставления турками по крайней мере Шумлы и Варны мы не можем отойти от Константинополя, как бы сами ни желали ускорить решение этого вопроса.

В одной из последних телеграмм граф Шувалов писал, что Солсбери не находит препятствий к исполнению турками нашего требования; но между тем, по сведениям, Лейярд всеми силами противится этому. Графу Шувалову приказано предложить маркизу Солсбери со своей стороны оказать содействие

скорейшему исполнению желанного обеими сторонами отвода войск от Константинополя.

В пятницу я оставался в Царском до трех часов, и мы успели с Гирсом отредактировать все телеграммы, назначенные к отправлению нашим послам в Лондоне, Берлине, Вене и Константинополе.

Сегодня я опять ездил в Царское с докладом. Никаких еще положительных ответов нет. Турецкие министры обещали князю Лобанову сегодня же решить вопрос об оставлении крепостей. За неимением новостей прочитаны отправленные вчера телеграммы, а также извещения графу Шувалову и Убри о назначении их представителями России на конгрессе. Оба они просят разрешения перед открытием конгресса приехать хоть на два дня в Петербург.

По случаю именин великого князя Алексея Александровича я должен был явиться на прием по окончании обедни и к завтраку; но к трем часам опять был уже в Петербурге и, чтобы несколько рассеяться и отдохнуть нравственно, поехал прокатиться по островам с дочерью Ольгой. Погода была прекрасная, и мы вполне насладились яркой свежей зеленью островов.

21 мая. Воскресенье. По случаю именин великого князя Константина Николаевича ездил утром из Царского Села в Павловск, а потом вместе с Гирсом [и Капнистом] сочиняли проекты ответных телеграмм к нашим послам, с уведомлением их о положении дел как в Лондоне, так и в Константинополе. Всё утро прошло в ожидании назначения государем общего нам обоим доклада. Государь принял нас только в четвертом часу, и притом мы были приглашены к обеду, так что должны были оставаться в Царском до девяти вечера.

Перед обедом получено из Берлина известие о новом покушении на жизнь императора Вильгельма. На этот раз обошлось не так благополучно, как прежде[24].

22 мая. Понедельник. Приехав в Царское Село, я узнал от Гирса о важной новости: граф Шувалов извещает, что Англия согласилась на конгресс, не связывая открытие его с вопросом об удалении нашей армии от Константинополя. Такой оборот дела в Лондоне может облегчить и решение вопроса об оставлении турками крепостей. По этому предмету от генерала Тотлебена и князя Лобанова получены известия о продолжении переговоров с турками. Граф Шувалов сегодня же вечером выезжает из Лондона. На беду, князь Горчаков, примирившийся уже с мыслью о том, что не будет участвовать в конгрессе, снова поднял вопрос о своей поездке в Берлин. Несмотря на болезненное состояние, старик всё еще не теряет надежды порисоваться; со вчерашнего дня горизонт

как будто начал проясняться и наш престарелый канцлер снова увидел для себя луч надежды: хорошо пойдет дело на конгрессе – его имя украсит еще один из важных исторических актов нашего века; пойдет худо – ничто не помешает ему, из-за болезни, уехать куда-нибудь на воды и отказаться от подписания позорного для России приговора.

Государь потребовал меня вместе с Гирсом в 11½ часов утра. Как всегда прочитаны были все полученные телеграммы и проектированные ответы. Между прочим было несколько телеграмм о вчерашнем прискорбном происшествии в Берлине. Оказывается, раны императора Вильгельма серьезнее, чем полагали. В его лета можно опасаться неблагоприятного исхода, а кончина его может иметь чрезвычайно важное влияние на ход всей европейской политики. Трудно предвидеть, какие могут быть последствия, особенно для России.

К трем часам я возвратился из Царского в Петербург.

24 мая. Среда. Вчера после моего доклада государь поехал из Царского Села в Петербург и потому доклад по дипломатической части принял уже в вагоне, во время пути. Подъезжая к городу, он сказал нам (Гирсу и мне), что ему предстоят две неприятные задачи: навестить двух больных подагриков – князя Горчакова и князя Барятинского – и отклонить одного от намерения ехать на конгресс, а другого – от желания командовать армиями. Государь, как я потом узнал, исполнил эту тяжелую двоякую обязанность. Однако же князя Горчакова он нашел в лучшем положении, чем ожидал, хотя всё еще в постели. Старик так настойчиво доказывал необходимость личного участия его в предстоящем решении восточного вопроса, что государь должен был уступить и согласиться на назначение от России трех представителей: князя Горчакова, графа Шувалова и Убри. Этот триумвират оправдывается назначением также и от Англии трех уполномоченных: Биконсфильда, Солсбери и Одо Росселя. Наш канцлер опять встрепенулся и увлекся радужными мечтами о роли, которую он разыграет на конгрессе.

Иначе кончилось дело с князем Барятинским. Он всё утро ожидал к себе императора в полном разгаре самообольщения: готовился к приему государя, составлял в соображении своем целый план беседы о стратегии и политике. Генерал Обручев, от которого я потом и узнал эти подробности, должен был на этот раз выслушивать еще более, чем в другие дни, фантастические бредни фельдмаршала: что он скажет государю, какие даст ему советы и т. д. По словам Обручева, князь Барятинский высказывал такие странные, ультра-либеральные теории, что ему, Обручеву, даже было как то неловко слушать.

Фельдмаршал всё ждал, что по приезде в Петербург государь прикажет подать завтрак в помещение, занятое во дворце князем Барятинским, и представится удобный случай к продолжительной беседе с глазу на глаз. Но каково было разочарование: государь, позавтракав у себя в комнатах, ездил потом в разные места по городу и только около трех часов зашел к князю Барятинскому, вместо длинных политических разговоров прямо объявил фельдмаршалу, что при болезненном его положении невозможно и думать о командовании армиями, пробыл у него всего с четверть часа и уехал обратно в Царское Село.

В продолжение этого короткого посещения его величества Обручев ожидал в приемной комнате; прошло еще некоторое время; наконец он был снова приглашен фельдмаршалом, который с видом покорности судьбе объявил о результате свидания с императором. Таким образом, все продолжавшиеся так долго ежедневные совещания князя Барятинского с Обручевым и другими лицами о военных приготовлениях, о планах кампании и прочем остались без последствий; фельдмаршал намерен через несколько дней уехать обратно в свой скит, в Скерневицы, и снова погрузиться в свое безотрадное бездействие.

Князь Барятинский, имея ежедневные и продолжительные свидания с Обручевым, говорил ему, разумеется, о многом, вовсе и не касающемся военных дел. Между прочим несколько раз он заводил речь обо мне; очевидно, для того, чтобы слова его были мне переданы. Он уверял, что ссора между нами произошла просто от недоразумений, что он никогда не переменялся в отношении ко мне и крайне сожалеет о том, что с моей стороны осталось такое злопамятство. Впрочем, он говорил отчасти в таком же смысле и мне самому, когда мы случайно сошлись с ним на станции железной дороги. Князю, конечно, должно быть неприятно, что я не был ни разу у него, кроме официального визита в первый день его приезда. В виду скорого его отъезда постараюсь заехать к нему на прощание.

Сегодня, приехав в Царское Село, я был приглашен к государю вместе с Гирсом. Тут услышал я от самого государя о результате обоих его вчерашних визитов. Он объявил, что возвращается к прежнему предположению относительно распределения командования армиями в случае войны, то есть командование Юго-Западной или Средней армией будет поручено наследнику цесаревичу, а начальником его штаба будет Обручев. Затем государь прибавил: «А я предоставляю себе самому руководствовать действиями всех трех армий для связи между ними, и ты будешь у меня как начальник штаба, по званию военного министра».

Не знаю, радоваться ли или скорбеть о том, что князь Барятинский снова сошел со сцены. С ним было бы, конечно, много хлопот; но не менее неудобств и трудностей предвижу и при новой комбинации. Чем более вдумываешься в ожидающее нас в случае войны положение, тем страшнее становится перспектива и тем сильнее желаешь избегнуть войны. При настоящей обстановке война была бы гибельна для России.

Полученные вчера и сегодня телеграммы из Лондона и Константинополя не заключают в себе ничего рельефного. Солсбери объявил Бартоломею (оставшемуся во главе посольства нашего по выезде графа Шувалова), что Лейярду приказано только воздержаться от противодействия оставления турками крепостей.

В Константинополе новая перемена в личном составе правительства: едва только был назначен Мехмед-Рюшди-паша верховным визирем, и вот уже он свергнут, а на место его назначен Савфет-паша, оставшийся и министром иностранных дел. Вопрос об оставлении крепостей из-за этих беспрестанных перемен и колебаний вперед не подвигается. Ежедневно можно ожидать в Константинополе новой катастрофы.

25 мая. Четверг. Сегодня после своего доклада я, по обыкновению, присутствовал при докладе Гирса. Читали новые телеграммы о состоянии здоровья императора Вильгельма; управление государством принял временно наследный принц. Современное положение дел представляется государю в мрачном свете. Он не полагается на мирный исход конгресса и подозревает Лондонский кабинет в затаенном намерении только протянуть время, дабы лучше приготовиться к войне. На этот раз уже пришлось мне несколько успокаивать государя: если б Англия прямо вела дело к войне, то не было бы ей надобности забавляться комедией конгресса; протянуть время она могла и без конгресса; а если Англия не желает, чтобы Шумла и особенно Варна были заняты нами, то едва ли потому, что считает войну

неизбежною, а просто в том расчете, что всякое усиление нашего положения на театре войны может сделать нас менее уступчивыми на конгрессе.

После доклада у государя мы с Гирсом вместе читали приготовленный бароном Жомини проект инструкции уполномоченным нашим на конгрессе. Проект этот будет обсуждаться в субботу в совещании, для которого государь намерен приехать в Петербург.

Сегодня, в отсутствие мое, приезжал ко мне с визитом фельдмаршал князь Барятинский.

26 мая. Пятница. Ездил я в Царское без доклада, но, по обыкновению, присутствовал при докладе Гирса. Турки продолжают тянуть дело. Государь в мрачном настроении, тем более что императрица заболела серьезно. Прибывшие вчера вечером послы – граф Шувалов и Убри – представлялись государю.

В час пополудни на Софийском плаце (в Царском Селе) был смотр двух прибывших с Дона вновь сформированных казачьих полков третьей очереди.

Возвратившись в Петербург, я счел долгом учтивости посетить фельдмаршала князя Барятинского. Он продержал меня часа два и столько наговорил всякой всячины, переходя с одного предмета на другой, что я устал слушать. Всеми силами старается он задобрить меня и восстановить прежние хорошие между нами отношения; рассказывал не без горечи о последнем своем свидании с государем; но главной темой его россказней, по обыкновению, были разные личности и сплетни.

Вечером был у меня граф Шувалов. Мы имели с ним продолжительный и интересный разговор по вопросам, касающимся предстоящего конгресса. Он не отчаивается в успехе конгресса и мирном исходе; но не скрывает от себя и больших трудностей, а потому приготовляется ко всякого рода каверзам. Мы перебирали все вопросы, которые могут возникнуть, и все уступки, которые могут от нас потребоваться.

27 мая. Суббота. После доклада моего в Царском Селе государь отправился в 11 часов утра в Петербург и в пути читал некоторые полученные депеши. В час пополудни назначено было совещание у князя Горчакова. Приняли в нем участие государь, наследник цесаревич, великий князь Владимир Александрович, князь Горчаков, оба приехавших посла, Гирс, барон Жомини, граф Адлерберг и я. Совещание продолжалось более 2½ часов. Граф Шувалов прочел меморандум своего соглашения с маркизом Солсбери и по каждому пункту были более или менее продолжительные прения. В особенности много говорено было о

требовании Англии, чтобы наша армия отошла от Константинополя еще до начала конгресса, не обусловливая оставление турками дунайских крепостей.

Государь говорил с некоторым раздражением, особенно когда речь шла о требуемых от нас новых уступках. Но граф Шувалов с твердостью и спокойствием ставил вопрос за вопросом, и должно отдать ему справедливость: он один вник в подробности дела и развивал свои соображения систематически. Он даже решился под конец совещания затронуть предположение, которое я высказал ему вчера вечером в виде мечты несбыточной – о переустройстве Турецкой империи на федеративных началах. Князь Горчаков, не выждав даже конца изложения, хотел было заживо похоронить нашу комбинацию; однако ж государь поддержал нас, сказав, что высказанная мысль с давних пор была любимою мечтой не только его самого, но и покойного императора Николая.

В заключение государь сказал графу Шувалову, что он может попытаться, при удобном случае, пустить в ход эту мысль, хотя бы в виде частного разговора. Если она и не будет иметь практических последствий, то все-таки самая постановка вопроса на широкие, рациональные основы, чуждая всякой односторонности, равномерно распространенная на все национальности Оттоманской империи, придала бы русской политике на конгрессе неизмеримо большее достоинство, чем преследование узких эгоистических интересов, какие будут, конечно, отстаивать другие соучастники Европейского ареопага.

Что касается князя Горчакова, то совещание нынешнего дня окончательно показало, что он человек отживший. Он говорил мало, и всякий раз, когда пробовал что-нибудь сказать, выходило как-то невпопад. Он уже не в состоянии схватывать мысли; не может вникать в сущность дела; голова его перестала работать. Как же будет он разыгрывать на конгрессе роль первого представителя России? Граф Шувалов не скрывает своей досады на поездку канцлера в Берлин и не без основания опасается, что неуместные его выходки могут весьма повредить ходу дела.

Во всё время совещания ни Убри, ни Гирс, ни граф Адлерберг, ни великие князья не открывали ртов.

В совещании между прочим решено, чтобы при уполномоченных на конгрессе находились несколько лиц для доставления им нужных справок и сведений относительно мало знакомых местностей и обстоятельств: собственно по дипломатической части – Нелидов (взамен Кумани, который был нарочно выписан из Парижа, но оказался мало подготовленным), а по военной – генералы Анучин (состоявший всё время при

покойном князе Черкасском в Болгарии), Бобриков (много ездивший по Турции, а в последнее время состоявший при сербских войсках) и полковник Боголюбов (долго находившийся в Черногории, а в последнее время ездивший с поручениями в Вену и Лондон). Выбор этих личностей предохранит конгресс от невольных ошибок и недоразумений. С Бобриковым и Боголюбовым я успел сегодня же переговорить; но Анучин, недавно только возвратившийся из Турции, уже уехал вчера из Петербурга к своему месту в Радом (куда он назначен на должность губернатора). Ему послана телеграмма.

28 мая. Воскресенье. Утром был, по обыкновению, в Царском Селе. После обедни и завтрака государь позвал к себе в кабинет графа Шувалова, Гирса и меня, и тут окончательно были выяснены некоторые вопросы, оставшиеся нетронутыми во вчерашнем совещании. На обратном пути из Царского в Петербург ехал я вдвоем с графом Шуваловым, и тут еще раз мы с ним обменялись мыслями относительно федеративной организации Турецкой империи, а также по вопросу о будущем разграничении владений на Балканском полуострове.

Сегодня же был вызван в Царское Село статс-секретарь Набоков по случаю назначения его на место графа Палена министром юстиции. Пост этот – нелегкий при настоящих обстоятельствах, и мне кажется, что Набоков едва ли будет в состоянии справиться с выпавшей на его долю задачей: отстоять либеральные начала нового нашего судоустройства и в то же время удовлетворить требования полицейского произвола.

Болезнь императрицы со вчерашнего дня возбуждает тревожные опасения. Плеврит усилился и превратился в сильное воспаление легких. Доктор Боткин не ручается за исход этой болезни, особенно в виду непомерной слабости больной.

29 мая. Понедельник. Хотя и сегодня я ездил в Царское, однако же на этот раз напрасно: государь меня не потребовал к себе и, по-видимому, со вчерашнего дня в политике не произошло ничего нового. Сегодня утром князь Горчаков уехал в Берлин с бароном Жомини и бароном Фредериксом. Оба посла – граф Шувалов и Убри – уехали еще вчера.

В Царском Селе все озабочены болезнью императрицы: состояние ее не хуже вчерашнего, но общая слабость продолжается.

31 мая. Среда. Вчера утром был я, по обыкновению, в Царском Селе; после своего доклада присутствовал при докладе Гирса. Ничего важного или нового в политике нет.

Сегодня не ездил в Царское Село; в первый раз со времени переезда туда царской фамилии остался в Петербурге по случаю

50-летнего юбилея товарища моего, члена Военного совета Сергея Ивановича Волкова. Юбилей не помешал обычному заседанию Военного совета; но по окончании его весь совет переселился в ресторан Бореля, где давали обед в честь юбиляра.

Вчера были сведения о некотором улучшении в состоянии здоровья императрицы. Сегодня приехала в Царское из Кобурга великая княгиня Мария Александровна, принцесса Эдинбургская.

2 июня. Пятница. Здоровье императрицы продолжает поправляться; по крайней мере считают ее уже вне опасности. Вчера я нашел государя более прежнего в спокойном расположении духа. Сегодня получена телеграмма о происходившем вчера первом заседании Берлинского конгресса. Биконсфильд не мог воздержаться от неприятных объяснений насчет пребывания нашей армии под Константинополем; этой выходкой открылись совещания. Наш канцлер пустил, по своему обыкновению, букет риторический, ограничившись общими фразами; граф Шувалов вошел в некоторые подробности; но князь Бисмарк совсем устранил вопрос об удалении нашей армии и английского флота от Константинополя, объявив, что вопрос этот не подлежит конгрессу. Следующее заседание отложено до понедельника, и положено приступить к делу, начав с вопроса болгарского. Таким образом, несколько дней пройдет еще, прежде чем обрисуется настроение конгресса…

6 июня. Вторник. Сегодня получены с курьером из Берлина письменные донесения князя Горчакова и графа Шувалова как о первом заседании конгресса, так и о последующих особых совещаниях графа Шувалова с Биконсфильдом, маркизом Солсбери и графом Андраши. Донесения эти произвели на государя тяжелое впечатление. Английский первый министр заметно переменил тон со времени бывших в Лондоне соглашений с графом Шуваловым; он почти отступает от тех условий, которые были подписаны маркизом Солсбери и, чтобы сколько-нибудь оправдать такое нечестное поведение, берет предлогом невыгодное впечатление, которое будто бы произвело на английское общество напечатание в газетах самого акта, подписанного графом Шуваловым и маркизом Солсбери. Это нарушение тайны, о сохранении которой так заботились сами английские министры, Биконсфильд приписывает какому-то мнимому корреспонденту одной лондонской газеты из Петербурга (!). Эта очевидная выдумка служит только для прикрытия нескромности английского правительства.

Как бы то ни было, но во вчерашнем заседании конгресса Биконсфильд, со свойственной ему резкостью, поддерживал необходимость турецкого владычества в Южной Болгарии, где, по

мнению англичан, может быть допущена только административная автономия, с оставлением за Портой права держать там войска – вопреки тому, что было положительно условлено в Лондоне. К сожалению, князь Бисмарк (председатель), кажется, принял за правило не допускать в общих заседаниях прений по существу дела, а предоставлять разрешение главных затруднений частному соглашению между заинтересованными сторонами. Так и болгарский вопрос остался пока нерешенным: графу Шувалову предстоит снова вести единоборство с Биконсфильдом. Третье заседание конгресса назначено на завтра (среду). Что касается вопроса об отводе нашей армии и английского флота от Константинополя и связанного с этим оставления Шумлы и Варны, то вопросы эти как будто отложены в сторону; не только не занимаются ими в заседаниях конгресса, но и сами англичане перестали настаивать.

А между тем сегодня же под Константинополем чуть было не дошло до возобновления военных действий. Фуад-паша, исполняющий должность главнокомандующего Константинопольской армией, вздумал было потребовать от начальников наших передовых войск снятия каких-то наблюдательных вышек. Для поддержания этого дерзкого требования выдвинуты были турецкие войска; генерал Тотлебен также приказал нашим войскам занять боевую позицию, но князь Лобанов успел вовремя объясниться с турецкими посланниками, и дело на этот раз уладилось благополучно. Однако является невольно подозрение: не желают ли турки нарочно вызвать нас на столкновение, чтобы помешать мирному исходу дела?

На возвратном пути из Царского Села в Петербург мне пришлось ехать в одном вагоне с турецким послом Шакир-пашой и свитой его. Тут мы познакомились и беседовали дружелюбно.

8 июня. Четверг. Вчера не был в Царском. После заседания Военного совета намеревался ехать на обед к французскому послу Ле Фло; но неожиданно получил по телеграфу приказание государя приехать в Царское Село к 9 часам вечера.

Приехав к назначенному часу, я прямо отправился в государев кабинет, куда собрались в то же время великие князья – наследник цесаревич и Владимир Александрович, – Гирс и граф Адлерберг. Мы нашли государя взволнованным и озабоченным; он прочел нам полученные из Берлина телеграммы: граф Шувалов извещает о горячих прениях, которые он выдержал с английским и австрийским первыми министрами. Требования их относительно Болгарии возмутительны; Биконсфильд нисколько не считает себя связанным условиями, подписанными в Лондоне маркизом Солсбери. Вместе с тем граф Шувалов предваряет об

отправлении в Петербург полковника Боголюбова со словесным докладом и просит немедленного разрешения по некоторым вопросам, которые должны обсуждаться в предстоящем в пятницу заседании.

Выйдя из государева кабинета, мы с Гирсом проектировали ответную телеграмму графу Шувалову, не давая, однако же, категорического разрешения до приезда Боголюбова.

Я остался ночевать в Царском. Сегодня после моего доклада Гирс доложил государю некоторые вновь полученные телеграммы, а затем происходило особое совещание по делу совсем другого рода: по поводу новых проделок великого князя Николая Константиновича, который [как недавно только узнали] еще в феврале обвенчался тайно с некою девицей Дрейер (дочерью оренбургского полицеймейстера) обманным образом, сделав подложную подпись и выдав себя за какого-то отставного полковника. Государь был крайне озабочен и затруднен решением вопроса, как поступить в таком случае: смотреть ли на великого князя на основании прежнего акта, которым он признан в ненормальном состоянии рассудка, или поступить с ним по всей строгости законов. К совещанию приглашен был в качестве эксперта князь Сергей Николаевич Урусов. Говорили долго, но ни к какому окончательному решению не пришли.

В Петербург возвратился я в обыкновенное время. Вечером съехались ко мне Гирс и только что приехавший Боголюбов. Государь пожелал, чтобы мы предварительно выслушали привезенные им известия и, обдумав их, приехали все трое завтра утром в Царское Село. Из рассказов Боголюбова видно, что положение графа Шувалова весьма тяжелое и трудное; в особенности затрудняет его присутствие князя Горчакова. Боголюбов рассказал несколько анекдотических случаев, показывающих до очевидности, что наш маститый канцлер совершенно невменяем.

9 июня. Пятница. Полковник Боголюбов лично доложил государю при Гирсе и при мне всё то, что было ему поручено графом Шуваловым. После того, оставшись один у государя, я счел необходимым передать, что слышал от Боголюбова относительно князя Горчакова; я счел себя даже обязанным это сделать, потому что Боголюбову было поручено графом Шуваловым объяснить мне крайне затруднительное положение, в которое ставит его безотчетная болтовня нашего канцлера.

10 июня. Суббота. После своего доклада остался я, по обыкновению, и при докладе Гирса. Читались полученные от графа Шувалова и князя Лобанова письма. Положение дел представляется государю в весьма черном цвете; он уже не

рассчитывает на успешный исход конгресса, а между тем всё еще возлагает надежды на слово императора Вильгельма, который будто бы *обязан* взяться за оружие заодно с нами, если Австрия вздумает объявить нам войну. Я прочел полученные мною три письма от генерал-майора Горлова из Парижа; он сообщает переданные ему тайным его корреспондентом из Лондона сведения, еще усилившие мрачное наше настроение.

К тому же и болезнь императрицы опять возбуждает опасения…

11 июня. Воскресенье. Сегодня утром я не ездил в Царское Село, что было очень кстати, потому что чувствовал довольно сильную простуду. Однако же перед обедом получил приказание приехать вечером. В 9 часов собрались у государя наследник цесаревич, великий князь Владимир Александрович, граф Адлерберг, Гирс и я. Прочли полученную телеграмму о вчерашнем заседании конгресса, протокол предыдущего заседания и некоторые записки графа Шувалова с вопросами, требовавшими разрешения к завтрашнему дню. Все эти известия малоутешительны; государь раздражен, не в духе, продолжает говорить о неизбежности войны. При всяком случае я стараюсь напоминать, что как бы ни были для нас невыгодны условия настоящего конгресса, они все-таки будут несравненно менее тяжелы и унизительны для России, чем то, что ожидает нас в случае войны, после неизбежного поражения. Наши военные силы так расстроены войной, так разбросаны, что не предвидится никакого вероятия успеха.

С последним вечерним поездом возвратился я в Петербург. Поездка эта не повредила моему здоровью: даже чувствую себя несколько лучше, чем утром.

13 июня. Вторник. Читанные сегодня у государя телеграммы из Берлина о вчерашнем заседании конгресса несколько успокоительнее прежних. Важнейшие пункты Сан-Стефанского договора касательно Болгарии прошли довольно удачно: самостоятельность Болгарского *княжества* (хотя и в стесненных границах), оставление турками Шумлы и Варны, нахождение русских войск в обеих частях Болгарии в течение годичного срока. Всё это вместе составляет уже веский результат войны. Что касается спорных вопросов относительно Южной Болгарии (которой полагают присвоить наименование Восточной Румелии), то после долгих споров не могли еще сойтись на предложенной французскими уполномоченными редакции и решили отложить окончательное постановление на завтрашнее заседание.

Утверждение конгрессом статьи договора об очищении турками Шумлы и Варны доставляет нам благовидный предлог

ускорить отвод нашей Забалканской армии из-под стен Константинополя. Князю Лобанову предписано возобновить переговоры с Портой о крепостях и, в случае невозможности добиться неотлагательного оставления их, по крайней мере настоять на назначении положительного срока.

14 июня. Среда. Сегодня предполагал остаться в городе для заседания Военного совета, но утром получил телеграмму с приказом приехать в Царское Село с часовым поездом. Приехав туда, узнал, что государь уже присылал за мной; когда пришел я в приемную государя, там уже ожидали меня великие князья, граф Адлерберг и Гирс. Последний предупредил меня, что государь встревожен полученными от графа Шувалова известиями. Однако же в прочитанных о вчерашнем совещании телеграммах, так же как и в прежних письменных донесениях, я не нашел ничего тревожного. Конгрессом предположено предоставить туркам право держать войска свои в Южной Болгарии; такое решение, конечно, несогласно с нашими видами, но существенного значения оно не имеет и может остаться вовсе без применения на практике.

При этом я счел уместным снова высказать свой взгляд на те уступки, к которым мы ныне вынуждены перед целою Европой: как бы ни были они для нас неприятны, все-таки нельзя никак сказать, что война ведена нами без результата. Если достигнем хотя бы только того, что теперь уже конгрессом постановлено, то и в таком случае огромный шаг будет сделан в историческом ходе восточного вопроса. Ужели в самом деле мы могли рассчитывать на полное и окончательное решение векового вопроса одной удачной кампанией? Ужели можно было надеяться, что Европа даст нам полную волю распорядиться судьбой Оттоманской империи?

Да мы и сами, начиная войну, отнюдь не имели такого притязания; если ж осуществятся те изменения в политическом и гражданском устройстве христианских областей Турции, на которые Европа уже соглашается, то результат будет громадный и России можно будет гордиться достигнутыми успехами. Начатое нами дело, несомненно, довершится самою силою вещей. Какие бы ни были теперь постановлены европейской дипломатией ограничения в самостоятельности Южной Болгарии, какие бы тесные границы ни были ей назначены, можно обрести уверенность в том, что образуемая ныне на севере Балкан маленькая автономная Болгария послужит ядром для будущего объединения всего болгарского народа в одно самостоятельное государство.

Точно так же и в других христианских областях Турции будет

положено начало будущей автономии. В этом отношении весьма важно не позволить Австро-Венгрии запустить свою немецко-мадьярскую лапу внутрь Балканского полуострова; вот почему я не перестаю при каждом случае напоминать, что всего опаснее для будущего благоприятного разрешения славянского вопроса на Балканском полуострове настойчивое домогательство Австрии присвоить себе не только Боснию и Герцеговину, но даже и часть Старой Сербии до Митровицы. Против такого бессовестного, наглого притязания должны быть направлены главные усилия нашей дипломатии на конгрессе.

15 июня. Четверг. Сегодня в Царском Селе праздновалась годовщина перехода наших войск через Дунай у Зимницы. В саду перед памятником Екатерине II были выстроены команды бывшего при государе в походе почетного Гвардейского конвоя и Гвардейского морского экипажа. После молебствия нижним чинам был дан завтрак, а в 6 часов обед во дворце для всех лиц, находившихся при государе в день перехода за Дунай. Торжество это было ознаменовано новыми наградами: генерал Радецкий назначен шефом полка, генерал Драгомиров – генерал-адъютантом, морской офицер Тудер – флигель-адъютантом.

По окончании обеда государь приказал зайти к нему в кабинет всем участвующим обыкновенно при докладах Гирса по дипломатической части и сверх того великому князю Константину Николаевичу. Поводом к этому совещанию в неурочный час была полученная от графа Шувалова телеграмма о горячем споре, который он имел с графом Андраши по поводу присоединения к Австрии клочка Старой Сербии. Теперь австрийский канцлер уже делает как бы уступку: он не требует *неотлагательного* присоединения этого участка (который принято почему-то называть *enclave*), но желает, чтобы на первый раз Австрия заняла только «военную позицию» у Митровицы, а впоследствии мы не воспротивимся отдельному соглашению между Австрией и Турцией относительно полной уступки этого участка. По выражению графа Шувалова, Андраши «торгуется»: если бы мы поддержали его в этом предположении, то он, в свою очередь, поддержал бы нас в вопросах о Бессарабии и об азиатской границе и не противился присоединению Антивари, Спиц и Дульчиньо к Черногории.

Если граф Андраши так настаивает на нашей поддержке в вопросе об *enclave*, то можно догадываться, что он пока не заручился согласием со стороны других уполномоченных. Но может ли Австрия ожидать именно от России поддержки в таком вопиющем притязании, которое нанесло бы удар всей будущности славянского вопроса на Балканском полуострове? И

добросовестно ли со стороны австрийских дипломатов домогаться нового возмещения за поддержку тех требований наших, относительно которых уже ранее состоялось обоюдное соглашение в секретной конвенции, заключенной в начале прошлого года? Австрийская дипломатия действует как торгаш, который после заключения договора требует для исполнения принятого на себя обязательства еще добавочной приплаты. С такой точки зрения и последовало решение государя отвечать графу Шувалову, чтобы он не входил ни в какие новые обязательства с графом Андраши, а оставался твердо на почве прежней конвенции.

16 июня. Пятница. Государь сегодня приезжал в город, а потому я не ездил в Царское Село и получил приказание быть в Зимнем дворце. Но со вчерашнего вечера никаких новых известий не получено ни из Берлина, ни из Константинополя.

17 июня. Суббота. По случаю приезда из Берлина Нелидова со словесными поручениями от графа Шувалова совещание у государя по делам политическим продолжалось сегодня с 10 часов утра до 12½, так что мой доклад пришлось отложить до часа пополудни и значительно сократить его. Нелидов подробно объяснил ход происходивших до сих пор переговоров на конгрессе. Главная цель его приезда, кажется, заключается в том, чтобы высказать перед государем всю трудность задачи, возложенной на графа Шувалова, который всеми силами старается выторговать всё, что только возможно.

К сожалению, он имеет против себя отчаянных и злых противников; не только приходится ему ежедневно бороться с нахальными и дерзкими представителями Англии и Австрии, но и со стороны всех остальных членов встречает он сопротивление. Даже князь Бисмарк, с которым граф Шувалов был прежде в самых лучших отношениях, не доставляет ему поддержки, которой мы вправе были ожидать. Германский канцлер до крайности нервен, нетерпелив; при малейшем возражении угрожает прервать конгресс и уехать в Киссинген. Андраши и Биконсфильд открыто, цинически заявляют, что им решительно всё равно, какая судьба постигнет тот или другой христианский народ, лишь бы отстоять интересы своей страны.

Телеграммы, полученные вчера вечером и сегодня утром (то есть уже после выезда Нелидова из Берлина), очень неутешительны. Вся Европа оказывается против нас, даже в таких вопросах, в которых мы с уверенностью рассчитывали на поддержку других, как например, в притязаниях Австрии на завладение Боснией, Герцеговиной и *enclave*. [Европа находит это домогательство законным; ни один голос не противится

подобному вторжению Австрии в самый центр Европейской Турции.]

Нахальные требования Австрии возмущают меня до глубины души. К удивлению моему, государь принял эти вопиющие требования весьма спокойно и снисходительно; без дальних рассуждений приказано Гирсу телеграфировать графу Шувалову, чтобы он изъявил согласие на последнее предложение графа Андраши. Конечно, отказ в этом случае неизбежно повел бы к закрытию конгресса и к войне; уже вполне очевидно, что мы имеем против себя не одну Англию, а всю Европу и что ни от кого поддержки ожидать не можем. При такой постановке вопроса нет выбора: приходится на всё соглашаться, во всем уступать.

20 июня. Вторник. Известия из Берлина о вчерашнем заседании конгресса довольно благоприятны. Несмотря на жалобные заявления румынских посланников (Братиану и Когэлничану), допущенных в начале заседания, присоединение Южной Бессарабии к России решено единогласно; выговорено в пользу Румынии только ничтожное изменение южной границы участка Добруджи, предназначенного в обмен на Южную Бессарабию. Решение это явно успокоило государя; камень с плеч упал. Остается еще сомнительная точка – Батум; но и в отношении этого вопроса, кажется, уже последовало предварительное соглашение. Англичане только выговаривают условие, чтобы Батум обращен был в порто-франко. Против этого, конечно, спорить не будем.

Из Константинополя телеграфируют, что Порта соглашается на немедленное отправление комиссии в Шумлу и Варну и просит только подтверждения данного уже обещания, что немедленно по очищении этих крепостей наши войска начнут отходить от Константинополя и начнется передача турецких пленных.

После обычного дипломатического совещания и продолжительного моего доклада было еще одно совещание о великом князе Николае Константиновиче. Пригласили и полковника Ростовцева, приставленного к нему в качестве ментора и опекуна. Решено уже, что, по существующим законоположениям, брак великого князя с девицей Дрейер не может быть признан законным и будет расторгнут; но затем возникает все-таки вопрос, как поступить относительно самого Николая Константиновича. Государь полагал лишить его звания флигель-адъютанта. Я высказал мнение, что такое распоряжение будет иметь вид карательной меры и притом наказания оскорбительного; если же смотреть на великого князя как на человека психически больного, то логичнее было бы совсем его

уволить от службы и поставить в положение больного, требующего ухода и лечения. Так и решено государем. Полковник Ростовцев того же мнения.

21 июня. Среда. Всё утро должен был провести в Красном Селе: сначала объезд лагеря, потом церковный парад Кирасирскому е. в. полку по случаю полкового праздника; затем учение учебному кавалерийскому эскадрону и, наконец, завтрак для офицеров Кирасирского полка с приглашенными начальствующими лицами. Всё это проделано по стереотипному шаблону, с пунктуальностью религиозного обряда.

Перед тем как садиться на лошадь, я был у государя, который прочел мне телеграмму из Берлина о вчерашнем заседании конгресса. По-видимому, дело пошло удовлетворительно; но со стороны турок всё более и более замечается склонность к тому, чтобы не подчиниться постановлениям конгресса. Порта не дала еще согласия на вступление австрийских войск в Боснию и Герцеговину, тянет дело Шумлы и Варны, усиливает свои позиции под Константинополем; а с азиатской границы получено известие, что против аванпостов нашего отряда у Артвина были даже выстрелы. В Батуме и окрестностях кипят приготовления к возобновлению военных действий. Вообще, можно опасаться еще бóльших осложнений.

25 июня. Воскресенье. Работы на конгрессе пошли, на мой взгляд, удовлетворительно. Во вчерашнем заседании почти решен вопрос об азиатской границе, с включением Батума. Но тут же возникло новое черное пятно: англичане заговорили о срытии укреплений Батума и поставили в зависимость от этого вопроса решение другой, более важной статьи – о проливах. На этом дело пока остановилось. Сведения об этом получены только ночью.

Сегодня утром получил я телеграмму от государя с приказанием приехать на Царскосельскую станцию с поездом, отходящим в 12½ часов, чтобы заняться делами политическими на пути из Царского в Петербург. Однако же мне не удалось исполнить это приказание: на железной дороге мне объявили, что поезд, с которым я должен был ехать, не может подойти к Царскосельской станции прежде отхода от нее императорского поезда; поэтому я должен был дождаться государя на здешней станции. Государь, не вникнув в объяснение, почему мне было физически невозможно приехать в Царское Село, выказал свое неудовольствие.

Пришлось остаться несколько минут в вагоне на станции, и здесь прочитаны были полученные телеграммы в присутствии наследника, великого князя Константина Николаевича и Гирса. На меня телеграммы эти подействовали успокоительно, быть

может, потому, что я ожидал чего-нибудь худшего от вчерашнего заседания конгресса; государь же опять был в раздражительном настроении и повторял, что не верит в мирный исход дел и что Англия действует с предвзятым намерением втянуть нас в войну. Относительно Батума решено дать нашим уполномоченным на конгрессе указание, чтобы в случае новых требований Англии относительно укреплений Батума отвечать, что хотя мы вовсе не имеем намерения укреплять этот пункт, но не можем допустить включения в трактат каких-либо ограничений державных прав монарха в пределах его империи.

Со станции железной дороги государь с прочими членами царской семьи поехал в крепость на панихиду по случаю годовщины дня рождения императора Николая I, а я поспешил в Зимний дворец, где назначено было в 2 часа представление государю офицеров, кончивших курс в Академии Генерального штаба; тут же представлялись многие из находящихся в Петербурге раненых офицеров. Представление это кончилось почти в 3 часа, на полчаса позже часа, назначенного для съезда в дом Министерства двора по случаю 50-летнего юбилея в генеральских чинах графа Владимира Федоровича Адлерберга. Государь приехал туда уже около 3½ часов, залы были набиты битком чинами Свиты, придворными и офицерами Выборгского полка (носящего имя графа). Слепого юбиляра водил под руку сын его граф Александр Владимирович, называя ему всех собравшихся. Сам государь также сопровождал слепого старца. Грустно было смотреть на отжившего царедворца: в этом почете было что-то [невольно] напоминавшее погребальный обряд.

27 июня. Вторник. Приехав сегодня в Царское Село к докладу, опять нашел государя в раздражительном настроении по поводу полученного известия о новой неожиданности со стороны англичан, о новом нахальстве их. В то время, когда конгресс спорил и рядил о разных подробностях устройства судеб Турецкой империи, Англия тайком, под сурдинку, заключила оборонительный союз с Портой и за то приобрела остров Кипр. Первое полученное государем известие по телеграфу встревожило его своей неясной редакцией: можно было предположить, что Англия гарантирует Порте теперешние ее азиатские границы и, следовательно, как бы восстает против условленного уже присоединения к России части турецкой территории. Но Гирс и я постарались успокоить государя, объяснив, что гарантия дается Англией только на будущее время и, следовательно, новый договор равносилен прежнему требованию Англии, чтобы Россия обязалась не покушаться впредь на распространение своих владений за счет Турции.

При этом я высказал мнение, что захват Кипра англичанами представляет для нас даже успокоительную в некотором отношении сторону, так как можно было ожидать от нахальства британских посланников еще больше неприятных для нас притязаний: отрешаясь от заветного своего принципа неприкосновенности и целости Оттоманской империи, Англия могла бы заявить теперь свои права на более крупную добычу. Мы сами в своих прежних соображениях уже мирились с мыслью о предоставлении англичанам одного из больших островов Архипелага, что было бы гораздо для нас неудобнее занятия ими Кипра. Что же касается новых наших границ азиатских, то для достоинства русского правительства даже предпочтительнее, чтобы неприкосновенность их была гарантирована непосредственным договором между Англией и Портой, чем каким-либо данным нами формальным обязательством.

Все эти соображения несколько успокоили государя; однако же вопрос о Батуме всё еще не решен окончательно; он отложен на завтрашнее заседание конгресса.

30 июня. Пятница. Продолжаю ездить каждый день в Царское Село. Известия из Берлина обнадеживают в скором окончании конгресса; завтра должен быть окончательно подписан протокол. Заявление наших уполномоченных о необходимости определить на самом конгрессе порядок исполнения его постановлений не привело ни к какому результату, как, впрочем, и можно было предвидеть. Что же касается новой проделки Англии, ухватившей себе остров Кипр под носом европейского конгресса, то до сих пор об этом не было заявлено конгрессу вовсе и, вероятно, эта возмутительная проделка пройдет бесследно; все молчат, хотя во Франции и в Италии очень недовольны.

Вчера приехал из Берлина генерал-майор Бобриков; сегодня утром он докладывал государю о работе особой военной комиссии, которой конгрессом поручено было обсуждение нового разграничения областей на Балканском полуострове. Рассказы Бобрикова рельефно выказывают[25] крайнюю недобросовестность английских и австрийских офицеров и пассивное подчинение им офицеров французских и итальянских. Как ни горячо представители наши – генерал-лейтенант Анучин, генерал-майор Бобриков и полковник Боголюбов – отстаивали интересы освобождаемых христианских областей, как ни отличались они перед всеми другими превосходством знаний и искусством аргументации, во всех вопросах брало верх большинство, покорное заранее полученной инструкции держаться заодно с англичанами.

От князя Лобанова и генерала Тотлебена получены сведения, что турецкие комиссары вчера отправились наконец вместе с русскими на пароходе «Константин» в Варну для совместных распоряжении по оставлению турками Шумлы и Варны.

4 июля. Вторник. В последние дни ничего нового, кроме известий о подписании трактата в Берлине, прощальном обеде у германского наследного принца и толков о возмутительном нахальстве англичан. Биконсфильд не присутствовал в последних заседаниях конгресса под предлогом болезни. Получена копия с трактата, но единственный экземпляр у государя, который не успел еще рассмотреть этого объемистого документа. Сегодня вечером ожидают графа Шувалова, а завтра князя Горчакова.

Несмотря на подписание трактата, никто [почти] еще не верит в мирный исход дела. До сих пор нет известий о Шумле и Варне. Только в Румынии дела приняли благоприятный оборот: Братиану официально заявил и Стюарту и Дрентельну, что румынское правительство вынуждено покориться решению Европы и не будет противиться отторжению Южной Бессарабии. Сегодня получено известие, что в официальной бухарестской прессе уже объявлено о приведении румынской армии на мирное положение и роспуске резервов. Вследствие этого известия предполагается и наши войска (11-й корпус) отодвинуть от Бухареста к Пруту.

5 июля. Среда. Вчера вечером были у меня только что приехавшие из Берлина граф Шувалов, генерал-лейтенант Анучин и полковник Боголюбов. Первый из них пробыл несколько часов и рассказывал о подробностях конгресса, между прочим – и о неловких промахах старого нашего канцлера, который несколько раз портил дело. Граф Шувалов верит в реальность заключенного трактата и удивляется скептицизму, найденному им в Петербурге. Однако же сам он слышал от маркиза Солсбери предположение, что турки могут уклониться от передачи нам Батума.

Сегодня утром я ездил в Царское Село, как по случаю Царского дня (именин великого князя Сергея Александровича), так и чтобы присутствовать при докладе графа Шувалова. Государь принял его только после обедни и завтрака, и, кажется, довольно холодно. Около получаса граф Шувалов оставался вдвоем с государем, а потом приглашены были в кабинет наследник цесаревич, великий князь Владимир Александрович, граф Адлерберг, Гирс и я. Государь по-прежнему в дурном расположении духа; полагаю, на него оказывают влияние выходки наших газет, бабьи толки и дерзкие нападки истых русофилов по поводу сделанных на конгрессе нашими уполномоченными

уступок. Хотя все эти уступки разрешались верховной властью и признавались неизбежными, однако же государь, по-видимому, недоволен результатом и чувствует себя оскорбленным и униженным.

Генерал-лейтенант Анучин и полковник Боголюбов показывали государю карты с нанесенными новыми границами. Графу Шувалову будет назначен впоследствии особый доклад о тех распоряжениях, которые он считает нужными с нашей стороны для постепенного осуществления условий Берлинского трактата.

8 июля. Суббота. Князь Горчаков, приехав из Берлина в четверг вечером, явился в пятницу утром в Царское Село и представился государю бодрым и с довольным видом; *il fait bonne mine à mauvais jeu*[26]. Однако ж государь нашел его невыносимым, отозвался в том смысле, что с ним «трудно говорить»: одни громкие фразы, витает в пространстве, не касаясь почвы. Об успокоении его старых костей нет и речи.

Между тем произошла смена другого, не столь устаревшего министра. Рейтерн наконец решился покинуть пост министра финансов, к чему уже давно готовился. Несмотря на данный ему по этому случаю похвальный рескрипт с приложением Андреевского ордена, Россия едва ли должна печалиться об его удалении. Но, к сожалению, замена его очень неудачная: министром финансов назначен Грейг, который едва ли поправит финансы России, а при этом может из самонадеянности наделать много бед. *Il ne doute de rien*[27], как говорят французы. Притом он находится в близких связях с некоторыми тузами финансового мира, в чем, впрочем, и Рейтерн был небезгрешен. На место Грейга государственным контролером назначен Сольский, человек способный, ловкий в делах, чиновник [в высшем смысле слова]. Государственным же секретарем назначен Перетц, весьма способный делец и хороший редактор.

Вчера в Красном Селе назначена была лагерная заря. Как всегда, съехалось немало дам и любопытных петербуржцев, чтобы потолкаться в толпе около Царской ставки, пока хор из нескольких сот музыкантов разыграет три-четыре музыкальных пьесы и закончит молитвой, после чего все расходятся и разъезжаются. Я был приглашен к чаю за императорский стол в палатке. Государь показал только что полученную от генерала Тотлебена телеграмму о вступлении наших войск в Шумлу. Известию этому можно порадоваться как важной победе, одержанной без пролития крови. Камень свалился с плеч. Теперь есть надежда, что турки оставят вскоре и Варну, и тогда по крайней мере в Европейской Турции можно будет перейти на

мирное положение. Останется вопрос о Батуме. Есть много поводов опасаться, что там дело уладится не так скоро; и пока Батум не в наших руках, мы должны занимать Эрзерум и быть готовыми к какому-нибудь новому усложнению дел.

Сегодня утром я имел доклад у государя, и потом уже был общий смотр войскам Красносельского лагеря. Недавно только сформированные части – резервный полк, учебный полк, резервные артиллерийские бригады, запасные гвардейские батальоны – представились все в прекрасном виде, как старые войска. По окончании смотра прошел, по обыкновению, завтрак под навесом, на вершине так называемого Царского валика[28]. Возвратился я в Петербург в четвертом часу.

15 июля. Суббота. Всю неделю провел в переездах между Петербургом и Красным Селом; погода была отвратительная. Вчера происходил последний общий маневр, после которого окончательно распростились с Красным Селом. Сегодня же ездил в Царское Село с докладом и по случаю именин великого князя Владимира Александровича.

Дела политические мало подвинулись вперед. Оставление турками Шумлы производится крайне медленно; о Варне же, а подавно Батуме еще нет и речи. Поэтому невозможно приступить к отводу наших войск от Константинополя и возвращению их в Россию. Никто не верит в полное прекращение войны, и по всем признакам можно опасаться больших смут среди населения Турции. В Европе же продолжается глухой ропот на Англию за ее секретную сделку с Портой.

На днях были у меня вместе граф Шувалов и Убри. Не только первый, но и второй с насмешкой рассказывают анекдоты о князе Горчакове. Я имел случай два раза видеть его при докладах у государя: он бодрится, принимает позы победителя, но умственные способности его в полном упадке; все признаки старческого маразма. Он употребляет самые наивные ухищрения, чтобы устранять графа Шувалова от обсуждения общих политических вопросов, и хочет уверить всех, что всё дело должно быть выработано в частных совещаниях между графом Шуваловым, Гирсом и мною.

Однако же мы добились того, что государь назначил сегодня совещание, в котором, кроме канцлера и двух великих князей, участвовали граф Шувалов, Убри, Гирс и я. Совещание продолжалось почти полтора часа. Несмотря на все старания князя Горчакова не допустить обсуждения общих вопросов политики, графу Шувалову удалось прочесть приготовленный им ряд вопросов, касающихся исполнения постановлений Берлинского конгресса, и таким образом хотя бы кое-что было

разъяснено; по крайней мере установлены были главные начала, на которых уже можно будет разработать подробные инструкции и частности исполнения.

Коснулись и вопроса о кандидатурах в князья Болгарии и на место генерал-губернатора Восточной Румелии. И тут канцлер доказывал, что вовсе не следует затрагивать этот вопрос. Если слушать его, то пришлось бы сложить руки и предать будущность естественному течению случайных обстоятельств. Крайне грустно и прискорбно, что в такую важную эпоху политика России в таких немощных руках.

Граф Шувалов обращается с канцлером с явным пренебрежением, почти не говорит с ним. Гирс совершенно парализован присутствием канцлера. Что касается Убри, то это вполне безгласная личность. Завтра он уезжает обратно в Берлин.

17 июля. Понедельник. Вчера и сегодня не ездил в Царское Село и оба дня оставался дома за делами. Воспользовался свободным утром, чтобы заняться с генералом Мещериновым и Величко постановкой основных начал будущей организации резервных войск. Затем съехались ко мне граф Шувалов и Гирс, чтобы вместе разработать соответственно постановлениям Берлинского конгресса новую инструкцию императорскому комиссару в Болгарии, князю Дондукову-Корсакову.

Сегодня государь ездил в Кронштадт для смотра флота.

20 июля. Четверг. Вчера опять было у меня продолжительное совещание с графом Шуваловым и Гирсом по предмету составления новой инструкции князю Дондукову. Работа эта кончена и сегодня представлена государю.

Вчера получены телеграммы из Константинополя не совсем согласные между собою. Князь Лобанов извещает, со слов Савфет-паши, что в Варну посланы приказания о сдаче этой крепости. Между тем генерал Тотлебен передает свой разговор с Осман-пашой, который[29] оправдывает задержки с выходом турецкого гарнизона из Варны неимением для него помещения на зиму. Тотлебен предложил Осман-паше на первое время поделить Варну и укрепления ее между войсками русскими и турецкими. Сераскир обещал обсудить это предложение в совете. Такова обычная уловка турок, чтобы уклониться от положительного ответа.

После моего доклада государю приглашены были к его величеству князь Горчаков и барон Жомини. Речь шла о статье, составленной бароном Жомини для газет, и об инструкции князю Дондукову; затем обратились к предположению использовать для ускорения перевозки наших войск из Турции в Россию купленные в Америке для крейсерства три больших парохода. Решено

отправить эти пароходы под купеческим флагом. Князь Горчаков хотел непременно вступить по этому предмету в объяснения с турками и обещать им, что пароходы не останутся в Черном море. Он так упрямо настаивал на этом, что государь вышел из обычного своего терпения и произошла опять маленькая сцена между ним и канцлером.

На днях решено, что царская фамилия едет в Крым; государь предложил мне сопровождать его и пробыть при нем в Ливадии.

22 июля. Суббота. Вчерашний день провел в Кронштадте вместе с наличными членами моей семьи. Смотрели некоторые форты, действие артиллерии, некоторые суда нашего флота и, между прочим, большие пароходы, только что купленные в Америке для крейсерства.

Сегодня был в Царском Селе. Императрица всё еще слишком слаба и не принимала поздравлений. После обедни и завтрака происходило небольшое совещание, в котором, кроме всегдашних лиц, участвовал и граф Шувалов. Он уезжает в отпуск на воды; князь Горчаков также заявил о своем намерении уехать на будущей неделе.

Получен наконец от султана ответ на телеграмму государя: он извещает, что послано в Варну приказание немедленно передать русским войскам некоторые из передовых укреплений этой крепости и что вслед за этим будет сделано такое же распоряжение относительно Батума; затем следуют несколько фраз о желании восстановления мирных отношений. Государь не совсем удовлетворен этим ответом; но полагаю, что по занятии хоть лишь нескольких фортов Варны будет приказано начать вывод наших войск из-под Константинополя. Всё на этот случай подготовляется; даны приказания расформировать некоторые части войск и управления, сформированные на случай разрыва с Англией и Австрией; предписано остановить и распустить отряды, собранные на границе Туркестанского округа и на Атреке в видах демонстративных действий в сторону Индии, и проч.

Общественное мнение в России настроено крайне враждебно правительству, особенно в Москве. Берлинский трактат возбуждает почти общее неудовольствие. Причиной тому можно считать разочарование. Ожидали чего-то колоссального, и когда мечты идеалистов не осуществлялись, когда явилась практическая действительность, все возопили на нашу дипломатию и на всё правительство. Запевалой постоянно является в Москве Иван Сергеевич Аксаков; несколько крайних сторонников его вторят ему. Сумасбродная речь Аксакова в Славянском обществе повела к тому, что сначала поведено было Аксакову сложить с себя звание председателя Общества, а затем и

совсем Общество закрыто. Факт прискорбный. Он неминуемо произведет невыгодное для нас впечатление в славянских землях, где смотрели на Московское славянское общество как на орган, через который само правительство русское проявляло свое сочувствие и покровительство славянщине. Жаль, что наши немногочисленные деятели общественные редко обладают политическим тактом; они почти всегда своими увлечениями портят дело, которому служат.

26 июля. Среда. Вчера, по обыкновению, после моего доклада был в моем же присутствии доклад князя Горчакова. На сей раз пригласили и Гирса, по случаю передачи ему временно Министерства иностранных дел; канцлер [окончательно] простился с государем, переехал из Царского Села в город и намерен завтра уехать в Вильдбад. Но об оставлении места старик перестал говорить вовсе; он едет [только] для того, чтобы «отдохнуть» от своих подвигов.

Вчера я был на дипломатическом обеде у французского посла Ле Фло, в честь приехавшего в Петербург бывшего президента Северо-Американских Соединенных Штатов Гранта. Еще в понедельник в его же честь был дан обед у американского посланника; я уклонился от приглашения и потом узнал, что хозяин дома и его почетный гость так усердно заливали в себя бокалы шампанского, что к концу обеда сделались совсем неприличными. Вчерашний обед был сравнительно чинный; Грант, по обыкновению своему, всё молчал и только на тост хозяина ответил краткою речью в честь Франции. Зато американский посланник во весь обед острил и отпускал шуточки, хотя и довольно пошлые, однако же возбуждавшие смех в соседях. Это личность довольно оригинальная; говорят, что он имеет репутацию хорошего адвоката. [Что касается Гранта, наружность его ничего не выражает.]

29 июля. Суббота. Вчера было у меня совещание по особому высочайшему повелению для обсуждения мер, какие следует принять, чтобы противодействовать тайным революционным и социалистическим кружкам, группирующимся преимущественно в университетских городах, в особенности в Киеве, Одессе и Харькове. В этом совещании участвовали Валуев, Мезенцов, Набоков (новый министр юстиции) и Маков (товарищ министра внутренних дел). Результатом нашего совещания было признание совершенной необходимости усилить средства полиции и жандармской части и принять некоторые меры второстепенные.

Сегодня получено наконец известие о вступлении наших войск в Варну. 27-го числа Бутырский и Московский пехотные полки заняли 4 передовых форта и часть города. Теперь

открывается возможность начать отправление наших войск из-под Константинополя и выдачу турецких пленных. Государь, однако же, приказал Гирсу напомнить, кому следует, что отвод наших войск от Константинополя должен быть начат одновременно с удалением английской эскадры. Что же касается Батума, то всё еще продолжается обмен телеграммами; но, кажется, турки начинают подаваться и на уступку этого пункта. Кавказское начальство уже сделало приготовления к направлению туда войск несколькими колоннами, частью морем.

Сегодня при нашем общем докладе с Гирсом государь объявил, что берет и его с собою в Ливадию. Как ни старался бедный Гирс уклониться от этой поездки, выставляя вперед барона Жомини, однако же государь выразил непременное свое решение, а относительно барона объявил, что не считает возможным ни иметь его при себе в Крыму, ни оставить здесь за старшего в Министерстве иностранных дел. Уже прежде князь Горчаков просил государя взять барона Жомини в Крым; но ему было отказано наотрез. Государь вспомнил недавно высказанное самим канцлером мнение о бароне, которого он сравнил с хорошим адвокатом, умеющим с необычайною легкостью и красноречием доказывать и да и нет. Действительно, барон Жомини – отличный редактор, но без всяких убеждений; совершенный космополит, ко всему равнодушный; притом же очень болтливый.

31 июля. Понедельник. Сегодня я был приглашен государем сопровождать его в поездке в Кронштадт. Главной целью этой вторичной поездки государя был осмотр мин Уайтхеда сначала в мастерской, а потом при спуске на воде[30]. Кроме того, осматривали вновь построенный броненосец «Генерал-адмирал», и, наконец, государь посетил цесаревну на ее собственной яхте «Царевна».

На пути в Кронштадт государь принял доклад Гирса в моем присутствии. Положение дел в Турции всё более возбуждает опасений о будущем. Австрийцы наткнулись в Боснии на серьезные затруднения. Конечно, нам нечего жалеть о том; но дурно то, что, по всем признакам, турецкое правительство приняло коварный план действий: оно по наружности как бы держит себя в стороне, а между тем закулисными распоряжениями поднимает местное мусульманское население. Так, рука Порты видна ясно и в Боснии против австрийцев; точно так же надобно ожидать ее тайного противодействия и нам в Лазистане[31].

4 августа. Пятница. В последние дни было много толков по случаю происшествий в Одессе. В Военно-окружном суде

слушалось дело по политическому преступлению: о вооруженном сопротивлении, оказанном полиции и жандармам при аресте подозрительных личностей. 24-го июля вечером Военный суд постановил строгий приговор: главный виновник Ковальский приговорен к смертной казни, другие – к каторжным работам и ссылке. Объявление этого приговора подало повод к уличным беспорядкам; пришлось вывести войска; из толпы раздались выстрелы, которыми убиты 2 человека в толпе и ранены 4 солдата. При этом полиция действовала непростительно вяло и неразумно; градоначальник граф Левашов, облеченный званием военного губернатора при объявленном в городе военном положении, совсем не показался ни в суде, ни во время беспорядков, несмотря на то, что беспорядки эти заранее предусматривались, даже назначены были части войск в распоряжение военного губернатора. На месте происшествия никто арестован не был; только уже в ночь и на другой день начались аресты по домам.

Вся эта история возбудила большое неудовольствие государя; приказано было вести дело самым решительным образом и привести приговор суда в исполнение неотлагательно. Казнь совершена 2 августа.

По поводу одесских происшествий получены были некоторыми лицами и здесь в Петербурге анонимные письма с угрозою убийства в случае приведения в исполнение смертного приговора над Ковальским. Такое письмо получил и я. Но первой жертвой мщения пал генерал Мезенцов – как шеф жандармов.

Сегодня утром в десятом часу я был удивлен приходом ко мне некоего Бодиско, с которым некогда случилось мне познакомиться за границей. В смущении рассказал он, что был свидетелем только что совершившегося перед окнами его квартиры (на Михайловской площади) покушения на жизнь Мезенцова, который имел привычку по утрам гулять пешком в этой части города, вместе с приятелем своим Макаровым. Два неизвестных человека, подъехав в дрожках, бросились на Мезенцова и Макарова; один нанес кинжалом рану в грудь Мезенцову, другой выстрелил из револьвера в Макарова, но промахнулся, и оба, вскочив опять на дрожки, уехали. Не случилось тут ни полицейского, ни даже извозчика, так что едва отыскали экипаж, чтобы довезти раненого домой.

Я поспешил навестить бедного Мезенцова; нашел его окруженным врачами и подчиненными. Он был очень бледен; пульс слаб; он показал мне свою рану, которая не казалась очень опасною; кровоизлияние было уже остановлено. Врачи обнадеживали, что рана не опасна. Однако же в шестом часу

приехал ко мне адъютант Мезенцова, молодой граф Гейден, с известием о кончине его.

Убийство Мезенцова произведет еще более тяжелое впечатление, чем недавнее покушение на Трепова. Тогда кончилось только ранением, теперь же смертью; тогда преступница была налицо, предана суду и предлогом к преступлению была месть за грубое обращение Трепова с одним из политических арестантов в тюрьме; теперь же преступники скрылись и, вероятно, останутся безнаказанными; преступление не извиняется никаким поводом со стороны жертвы: Мезенцов вел дела [довольно] гуманно, не имел личных столкновений с преступниками. Мне даже всегда казалось, что он, по своей натуре, совсем непригоден для своего *emploi*. С молодых лет он был *un bon vivant* и в то же время набожен. Убийство подобного человека не может быть объяснено иначе, как сатанинским планом тайного общества навести террор на всю администрацию. И план этот начинает удаваться. Малодушные люди, подобные, например, графу Левашову в Одессе, прячутся, бездействуют и потакают самым опасным для общественного спокойствия преступлениям.

6 августа. Воскресенье. Вчера при докладе моем государю зашла, конечно, речь о несчастном происшествии с Мезенцовым. Государь очень озабочен положением дел. Решено ехать в Крым не через Одессу, а через Николаев. Говорили также о замещении Мезенцова: государь назвал князя Дмитрия Мирского (помощника наместника Кавказского); но наследник цесаревич высказался не в пользу этой кандидатуры и предложил своего кандидата – генерал-майора Черевина. По-моему, оба эти кандидата одинаково не соответствуют условиям должности.

Генерал-лейтенант Селиверстов, нынешний товарищ шефа жандармов, на пути из Петербурга в Царское Село рассуждая со мной о настоящем трудном положении дел, представлял в самом жалком виде всё устройство полицейской части. Он указывал на недостаток способных личностей и на скудость отпускаемых денежных средств. То же самое высказал он и государю. На обратном пути в Петербург Селиверстов сказал мне, что государь приказал ему вступить в должность шефа жандармов и главноначальствующего III Отделением, не выяснив, однако же, в виде ли временного только исправления должности, или в ожидании предположенного назначения его на открывшееся место.

Вчера же, при докладе вместе с Гирсом, я счел нужным обратить внимание государя на предстоящее вступление наших войск в Батум. Государь назначил крайний срок – 15 августа;

о чем и объявлено Порте. Если последняя будет продолжать отделываться двусмысленными ответами нашему послу и не даст положительного повеления Дервиш-паше передать Батум нашим войскам, то можно опасаться вооруженного столкновения и какой-нибудь катастрофы. По предложению моему государь приказал Гирсу телеграфировать и князю Лобанову для объявления Порте и другим державам, что неисполнение турками обязательств, возложенных на них Берлинским трактатом, может повести к весьма прискорбным последствиям, ответственность за которые падет на Порту. Кроме того, я счел полезным на всякий случай, для облегчения задачи нашим кавказским войскам, послать к берегам Аджарии три военных парохода, вооруженных пушками большого калибра. С этим предложением поехал я, по возвращении в город, к адмиралу Лесовскому, и мы с ним вместе сочинили телеграмму к адмиралу Аркасу.

Сегодня я опять ездил в Царское Село по случаю праздника Преображенского полка и Гвардейской артиллерии. На дворе Царскосельского дворца был обычный парад запасному батальону и запасным батареям, после чего завтрак с обычными тостами.

7 августа. Понедельник. Хотя понедельник не день моего доклада, однако же я получил с вечера приказание приехать в Царское Село вместе с Гирсом и Лесовским. Поводом к этому совещанию послужили некоторые полученные вчера телеграммы. Между прочим князь Лобанов сообщает, что турки просят продлить назначенный государем срок очищения Батума хотя бы на 10 дней, то есть до 25 августа. Решено согласиться на эту отсрочку, которая и нам доставляет более времени, чтобы принять меры на случай, если вступление войск в Батум встретит вооруженное сопротивление. В этих видах делаются распоряжения об отправлении из Николаева к берегам Аджарии двух вооруженных пароходов.

После совещания у государя мы с Лесовским и флигель-адъютантом Барановым сочинили инструкцию командиру этой импровизированной эскадры, а с Гирсом проектировали несколько телеграмм, как по вопросу о Батуме, так и о передаче пленных турок. Этот последний вопрос очень интересует Порту, но до сих пор не может уладиться.

8 августа. Вторник. Сегодня доклад мой был частью в Царском Селе, частью – в вагоне на пути из Царского в Петербург. Государь приезжал сюда на погребальную церемонию покойного Мезенцова. Стечение народа было большое. Происшествие 4 августа возбудило в публике сильное негодование. В III Отделении говорят, будто напали на след преступника [но это еще сомнительно]. Замещение должности шефа жандармов всё не

решено: государь предлагал это место графу Баранову (Эдуарду Трофимовичу), который, однако же, уклоняется.

Прямо с погребальной церемонии все министры съехались в Зимний дворец в заседание Совета министров. Предметом совещания были опять меры против дерзких попыток тайного революционного кружка. Прочитали протокол совещания, бывшего у меня 28 июля, потом Валуевым прочитана лично им составленная записка; затем записка, поданная за двойной подписью Макова и Селиверстова (управляющего Министерством внутренних дел и исправляющего должность шефа жандармов); наконец, предложение министра юстиции Набокова. Всё изложенное в этих четырех записках было одобрено государем, несмотря на то, что некоторые из затронутых вопросов возбудили продолжительные и горячие прения. Отличился в них преимущественно Валуев, который с несвойственной ему резкостью опрокинулся на нового министра финансов Грейга. Министр юстиции защищал прокуратуру, но произвел довольно жалкий эффект. В конце концов предположен целый ряд разнородных мер; но кто и как выполнит их – это еще вопрос впереди.

В нынешнем нашем заседании удивляло многих присутствие графа Баранова и генерал-майора Черевина; кроме наследника и меня, никто не мог объяснить себе, по какому поводу эти лица тут находились.

Я продолжаю получать анонимные предостережения и угрозы. Сегодня адъютант мой Чичерин принес полученное им такое же письмо. Из III Отделения дали знать, что вчера во время панихиды по Мезенцове какой-то подозрительный человек у подъезда выспрашивал, который из проходивших генералов военный министр. Этого же человека заметили и сегодня суетившимся на пути государя от станции железной дороги к дому III Отделения, так что наконец его арестовали.

Тяжелое чувство испытываешь в этой атмосфере, как бы пропитанной миазмами тайных замыслов и преступных попыток подпольной шайки невидимых врагов общества, посягающих не только на нынешние государственные порядки, но на весь общественный и даже семейный строй. До сих пор еще не выяснено вполне: есть ли эта шайка – доморощенное проявление крайних политических учений, доведенных до фанатизма и абсурда, или тут действуют органы внешней, интернациональной организации. Во всяком случае, нет сомнения, что наши домашние злоумышленники находятся в тесной связи с заграничными руководителями.

13 августа. Воскресение. В последние пять дней не

произошло ничего заслуживающего особенного внимания. С 10-го числа началась посадка наших войск на суда в Сан-Стефано и других портах Мраморного моря. Переговоры о Батуме продолжаются: вчера князь Святополк-Мирский должен был съехаться в Кутаисе с турецким комиссаром для обсуждения подробностей передачи Батума. Два турецких парохода пришли в Севастополь за пленными турками, и первый эшелон посажен на суда вчера же, 12-го числа.

Сегодня ездил я в Царское Село, чтобы откланяться императрице, которую не видал с самого начала ее болезни. Грустно было видеть, как императрица [страшно] изменилась; худоба чрезвычайная, старческое лицо. Откланялся также и цесаревне. Завтра остаюсь весь день дома, чтоб успеть приготовиться в дорогу.

21 августа. Понедельник. Ливадия. Ровно неделю провел в пути. В прошлый понедельник вечером приехал в Царское Село, откуда в полночь тронулся императорский поезд на Вильну и Брест, и утром 16-го числа остановился у станции Киверцы. Отсюда государь и за ним вся свита отправились в экипажах к городу Луцку (15 верст), при котором расположен лагерь 8-й пехотной дивизии с несколькими казачьими полками. Смотр был непродолжителен, и вся поездка от железной дороги в Луцк и обратно заняла менее четырех часов времени. Точно так же и на другой день, 17-го, от станции Дерожни ездили в лагерь у Межибужья, где собрано до 25 батальонов с целой кавалерийской дивизией и несколькими казачьими полками.

18-го числа в 8 часов утра прибыли в Одессу и прямо со станции поехали в экипажах на место смотра, позади лагеря; тут кроме армейских войск находились и первые перевезенные из-под Константинополя части гвардии – лейб-гвардии Уланский его величества полк, гвардии Волынский и часть Петербургского гренадерского. Все опасения относительно посещения государем Одессы оказались, как и следовало ожидать, совершенно пустыми страхами: с места смотра государь приказал, неожиданно для одесской публики, ехать прямо через город в гавань, вместо того чтобы объезжать кругом города по железной дороге, как предназначалось по маршруту. Разумеется, улицы, по которым мы проскакали, были пусты; но на пристани собралась густая толпа народа.

Пароход «Ливадия» отчалил от Одессы ровно в полдень, а вечером того же дня подошел к Николаеву. Пристань была иллюминована разноцветными огнями и переполнена народом. Государь сошел с парохода и прямо вошел в толпу. По обеим сторонам его пути были выставлены непрерывными шпалерами

учебные заведения, вперемежку с полицейскими; следовательно, меры предосторожности были приняты.

Государь переночевал на пароходе и на другой день утром отправился в экипаже через весь город к Адмиралтейству; на пути останавливался у собора, а после осмотра Адмиралтейства проехал за город на место смотра. Там выстроена была вся 34-я пехотная дивизия и некоторые прибывшие с Мраморного моря части гвардии (2-й гвардейской пехотной дивизии и лейб-гвардейский Гусарский полк). В полдень смотр был окончен, и мы снова отплыли на пароходе «Ливадия»; останавливались у Очаковских укреплений, осматривали их, а к утру следующего дня пристали к Графской пристани в Севастополе. Здесь был смотр 13-й пехотной дивизии и еще некоторых частей гвардии (лейб-егерский полк и часть Измайловского). Это был последний из предположенных смотров. Везде государь был очень доволен войсками; резервные дивизии, наскоро сформированные, представились не хуже старых войск. К гвардейским же частям, как и следовало ожидать, государь был особенно внимателен и благосклонен; вызывал офицеров, всех солдат, украшенных знаком, разговаривал с ними и много раз благодарил.

Когда мы возвратились со смотра в Севастополь, то нашли уже наш пароход у станции железной дороги, куда только что прибыла императрица. Переезд выдержала она весьма хорошо, имела вид несравненно менее болезненный, чем в то время, когда я откланивался ее величеству неделю тому назад в Царском Селе. В полдень пароход «Ливадия» вышел из Южной бухты, и к 4 часам мы были уже в Ялте. Во всё время нашего путешествия погода была прекрасная; море совершенно тихое. Снова увидел я с удовольствием прелестный Южный берег Крыма.

Я водворился в Ливадии; но не теряю надежды отлучаться отсюда в свой безмятежный уголок по прибытии туда моей семьи.

22 августа. Вторник. Жизнь в Ливадии заведена совершенно в том же строгом и единообразном порядке, как и в прежние годы. Те же часы завтрака, прогулки, обеда, вечернего собрания. Всё делается по уставу, и не допускается ни для кого из живущих здесь какое-либо покушение на независимость. Однообразие этой жизни прерывается только какими-либо торжественными днями, молебствиями или смотрами. Так, сегодня была отпразднована годовщина занятия Ловчи. Гвардейская конвойная рота угощалась после молебствия перед дворцом обедом под тенью дерев; офицеры же были все приглашены к царскому завтраку и потом к обеду.

Вечером ездил я в Ялту встречать мою семью. Пароход очень запоздал, так что пришлось мне дожидаться его до девяти часов

вечера. Из Ливадии же моя семья отправилась в Симеиз только в 11 часу.

Полученные в последние дни политические известия несколько успокоительнее прежних. Дело о передаче нам Батума, кажется, улажено; войска наши уже подвинулись на всех путях и 25-го числа должны вступить в самый Батум. Со стороны туземного населения вовсе не встречается вооруженного сопротивления, которым так пугали нас. С другой стороны, в Европейской Турции международная комиссия, собиравшая в Родопских горах материалы для обвинительного акта против русских войск и русского управления, по-видимому, слишком уж пересолила, так что взведенным ею гнусным клеветам никто не верит[32].

Генерал Тотлебен с князем Лобановым имел горячие объяснения с Савфет-пашой и Османом; по-видимому, они достигли соглашения о мерах к прекращению искусственно возбужденной агитации. Вследствие полученного сегодня от генерала Тотлебена письма приостановленную амбаркацию наших войск снова разрешено продолжать.

Прибывший сюда с поручениями от князя Дондукова-Корсакова управляющий его гражданской канцелярией генерал-майор Домонтович изображает положение дел в Болгарии и Румелии вовсе не в тех черных красках, в каких оно представлялось нам по письменным донесениям и газетным известиям. По словам его, болгары даже в Забалканском крае уже довольно оперились, чтобы не бояться новой реакции со стороны мусульманской части населения. Устройство земского войска, местной полиции, судебной части, школ идет, как видно, весьма успешно.

25 августа. Пятница. В среду после доклада я отправился навестить мою семью в Симеизе и пробыл там до 4 часов следующего дня. К вечеру четверга мне следовало возвратиться в Ливадию, чтоб успеть пересмотреть привезенные фельдъегерем из Петербурга бумаги прежде часа, назначенного для отплытия государя с ялтинского рейда в Севастополь. Яхта «Ливадия» тронулась в 11½ часов вечера, и сегодня рано утром мы прибыли в Севастополь, где находились уже полки Преображенский и Семеновский в полном составе. Полкам этим назначен был смотр в 9 часов утра. Разумеется, государь отнесся к ним еще благосклоннее и задушевнее, чем ко всем другим; много раз благодарил, поздравлял, назначил разом четырех новых флигель-адъютантов (полковника графа Граббе, капитанов Рейтерна, Рокасовского и Попова). Смотр окончился ранее 11 часов, и немедленно же мы отчалили от Графской пристани, а к 4 часам

дня были уже снова на ялтинском рейде.

Во время вечернего собрания подали государю, сидевшему за карточным столом, телеграмму великого князя Михаила Николаевича с известием о занятии Батума нашими войсками. В 11 часов утра (сегодня), как было условлено, генерал-адъютант князь Святополк-Мирский вступил в город с несколькими батальонами. Всё совершилось спокойно и в порядке.

Известие это, конечно, весьма обрадовало и государя и всех присутствующих. До сих пор Батум оставался у нас чем-то вроде кошмара; теперь, кажется, должны устраниться и последние наши опасения в неисполнении турками условий Берлинского трактата. Можно надеяться, что и в Европейской Турции улягутся пугавшие нас смуты; по крайней мере замыслы гнусной комиссии по родопским делам обратились уже в пуф. Заключительный протокол подписан только делегатами Турции и Англии, да самим сочинителем этого памфлета (французом). Прочим же делегатам послы запретили подписывать эту бессовестную [и смешную] белиберду.

30 августа. Среда. Провел в Симеизе воскресенье и утро понедельника; вечером того же дня возвратился в Ливадию; нашел груду бумаг, привезенных фельдъегерями из разных мест. Вчера имел обычный свой доклад, а потом совместно с Гирсом читались полученные дипломатические известия.

Вечером того же дня полковник Фуллон принес мне конверт с высочайшим рескриптом о пожаловании мне графского достоинства. Эта новая награда была для меня совершенною неожиданностью; откровенно говоря, она не доставила мне особенного удовольствия. Тем не менее я почел долгом немедленно явиться к государю для принесения благодарности. Рескрипт написан в самых лестных выражениях; полагаю, что редактором его был граф Адлерберг.

Сегодня в Ливадии большой съезд для поздравления государя. Приехали многие из начальников гвардейских войск, высаженных в Севастополе. Государь снова собирается туда, чтобы видеть эти войска.

3 сентября. Воскресенье. Симеиз. В последние дни я завален массою поздравительных телеграмм, на которые с трудом успеваю отвечать: одни полуофициальные от разных начальствующих лиц и подчиненных, другие – частные от приятелей и знакомых. Можно подумать, что те и другие более радуются моему новому титулу, чем я сам и моя семья.

В четверг и в пятницу доклады Гирса по иностранной политике (или, вернее, обычное чтение полученных телеграмм и депеш) происходили не в кабинете государевом, а на балконе

императрицы [которая постоянно следит за внешней политикой и прочитывает дипломатическую переписку. Теперь признано более удобным, чтобы она лично присутствовала при докладах и чтениях Гирса.] При этом бывает и граф Адлерберг, который отчасти исполняет обязанность чтеца; я же присутствую в качестве слушателя. Здоровье императрицы всё еще очень непрочно; она слаба, кашляет и, вдобавок, начала чувствовать лихорадочные явления. В четверг, кроме утреннего чтения, я приглашен был и к обеду в собственные покои императрицы.

В политике не произошло ничего примечательного; продолжаются всё те же проделки англичан, которые решительно забрали Турцию под свою опеку. Из всех больших держав одна лишь Англия и теперь дала уклончивый ответ на предложение Берлинского кабинета общими силами принудить Турцию к исполнению постановлений Берлинского конгресса. Лондонский кабинет находит преждевременным подобное вмешательство западных держав. Дело в том, что Англия теперь проводит собственные свои планы, которые, конечно, ближе ей к сердцу, чем интересы Греции, Австрии или христианского населения Турции. Чтобы провести свои собственные цели, особенно в отношении Малой Азии, Лондонский кабинет не только не перечит Порте в других вопросах, но даже поддерживает и поощряет ее к пассивному сопротивлению.

Однако же Англии не удалось воспрепятствовать уступке нам Батума – собственно только из-за нашего энергического образа действий. Дела наши в том крае пока обошлись весьма благополучно; со стороны местного населения, даже магометанского, вовсе не видно того враждебного к нам расположения, которым нас пугали. Теперь приступили к отводу войск из Эрзерума и Алашкартской долины. Затруднение встречается только в том, что христианское население очищаемых нами областей Турции неудержимо стремится к переселению в наши пределы[33].

В пятницу на ночь мы отправились на пароходе «Ливадия» в Севастополь, где утром 2 сентября представились на смотр государя гвардейские полки Уланский и Драгунский, гвардейская Донская батарея, а также Орловский пехотный полк и один батальон Елецкого полка, геройски выдержавшие страшную стоянку на Шипке. К 4 часам того же дня мы возвратились в Ливадию, и я поспешил уехать оттуда в свой тихий приют симеизский.

10 сентября. Воскресенье. Опять пишу в своем Симеизе. Вся неделя прошла без всяких примечательных фактов. В Ливадию приезжали генералы Радецкий и Никитин: первого принимали

при дворе особенно любезно – как героя Шипки; а второй приехал за получением инструкций по случаю назначения его в Бухарест вместо генерала Дрентельна. Последнего предполагается назначить начальником III Отделения, то есть шефом жандармов. Назначение это решено вопреки моему мнению, не раз выраженного о том, что генерал Дрентельн, при несомненных достоинствах [как генерал и человек] не будет тем не менее соответствовать условиям предназначаемой ему должности. Увидим, что получится.

Войска продолжают прибывать из портов Мраморного моря в Одессу, Николаев и Севастополь. Государь собирается опять ехать в последний из этих портов для смотра прибывших туда трех полков 9-й дивизии и ожидаемых гренадер. Между тем в Ливадию ожидают прибытия самого главнокомандующего генерала Тотлебена вместе с послом князем Лобановым.

Смуты в западной части Балканского полуострова и двуличная политика Порты, подстрекаемой Лейярдом, заставляют нас приостановить дальнейшее возвращение наших войск из Турции. Опасно было бы при таких обстоятельствах оставить там только 50 тысяч человек на мирном положении. Генералу Тотлебену разрешено удержать, до разъяснения положения дел, 12-й и 14-й корпуса. Распоряжение это вызывает новые огромные расходы и, несомненно, подаст опять повод к запросам со стороны западных держав, даже к новым обвинениям в нарушении Берлинского трактата. Англия опять отказалась от предложения Берлинского кабинета принять совместные меры для побуждения Порты к исполнению договора, кабинет не находит основания к подобным побудительным мерам, и понятно: может ли Англия осуждать образ действий Порты, которая всё исполняет, что подсказывает ей Лейярд? Дело другое, когда поднимется гвалт против России, что она не исполняет своих обязательств относительно Турции; тогда Англия первая будет возмущаться неисполнением Берлинского трактата.

Новым поводом к раздражению Англии против России служат дела афганские. В Лондоне не могут переварить, что Шир-Али[34], не допуская к себе британское посольство, принял чрезвычайно радушно русское посольство Столетова. Но какой поднимется крик, когда узнают, что сам афганский владетель прислал свое посольство в Ташкент с просьбой о принятии Афганистана под покровительство России и с заявлением, что он не примет англичан в Кабуле без «разрешения» генерала Кауфмана. Такой неожиданный для нас самих оборот дела, которому мы и не придавали особенного значения, может повести к большим усложнениям, как в наших отношениях с Англией, так и вообще в

положении дел в Средней Азии. Генерал Кауфман не решился сам дать направление завязавшимся сношениям с афганским владетелем и просил разрешения прислать в Ливадию генерала Столетова для личного доклада и получения инструкций.

12 сентября. Вторник. Вчера вечером возвратился я из Симеиза в Ливадию вместе со старшей дочерью. В пути она открыла мне причины замечаемого уже некоторое время печального ее настроения и свое намерение удалиться от света. Решение ее крайне опечалило меня, так что и до сих пор не могу прийти в себя. Между тем вчера же, по возвращении в Ливадию, я должен был отправиться на пароход по случаю новой поездки государя в Севастополь. Сегодня утром там происходил осмотр прибывшим двум полкам 2-й гренадерской дивизии и двум же полкам 9-й. На этот раз погода не совсем благоприятствовала: шел довольно сильный дождь. В поездке нашей участвовал наследный принц Мекленбург-Шверинский, приехавший только вчера в Ливадию, на пути в Тифлис к своей невесте великой княжне Анастасии Михайловне.

Когда мы возвратились в Ливадию (около 4 часов дня), я узнал от дочери, что она уже имела разговор о своих планах с императрицей. Стало быть, дело решено бесповоротно, на днях она уже собирается в путь.

13 сентября. Среда. Сегодня приехали из Константинополя генерал Тотлебен, посол князь Лобанов-Ростовский и посланник наш в Афинах Сабуров. В два приема мы собирались в кабинете государя – Тотлебен, князь Лобанов, Гирс и я. Князь Лобанов доложил государю о любопытных разговорах своих в последние дни с одним из приближенных к султану лиц. По поручению последнего он завел речь о желании Порты сблизиться с Россией будто бы для того, чтобы освободиться от английского гнета. Но в таком неожиданном заявлении можно заподозрить только азиатскую уловку.

Между тем дела в Албании и Македонии возбуждают серьезные опасения; само правительство турецкое бессильно в тех областях[35].

Князь Лобанов и генерал Тотлебен не доверяют мирному осуществлению условий Берлинского трактата, и вот почему они, по соглашению между собой, признают необходимым усилить войска наши за Балканами. На мое замечание, что мера эта вызовет упреки и протесты со стороны других держав, князь Лобанов приискал весьма утонченное объяснение: Берлинский трактат будто бы определяет срок только *оккупации* Болгарии и силу оккупационного корпуса, а не касается действующей армии, выступление которой определяется лишь Сан-Стефанским

договором. Обязательное же исполнение этого договора начнется для нас не прежде, как по подписании мирного договора между Россией и Турцией. Между тем договор этот еще не заключен, и от нас самих зависит отсрочить заключение его на неопределенное время. Такая иезуитская аргументация приводит к странному выводу: с одной стороны, мы не вправе иметь за Дунаем более 50 тысяч человек войска, и то лишь до определенного срока, а с другой – можем иметь целую армию на неопределенное время.

С Сабуровым (Петром Александровичем) познакомился я впервые; мы сидели рядом за столом и вели разговор во всё продолжение обеда.

14 сентября. Четверг. Утром после моего доклада опять происходило совещание по делам политическим с генералом Тотлебеном и послом князем Лобановым. Оба они уезжают отсюда завтра вечером.

Дочь моя Лиза уехала сегодня вечером; я проводил ее до Орианды; она переночует в Симеизе, а завтра жена проводит ее до Севастополя. Императрица, сам император, молодые великие князья и, можно сказать, всё ливадийское общество выказали ей при этом случае много сочувствия и сердечной доброты. В особенности задушевно было прощание императрицы.

15 сентября. Пятница. Сегодня я приглашен был к столу их величеств с генералом Тотлебеном и князем Лобановым. После вечернего собрания они оба отправились на пароход и едут вместе до Севастополя, откуда Тотлебен направится на Бургас, а князь Лобанов – прямо в Константинополь.

22 сентября. Пятница. Прошла целая неделя довольно однообразно и спокойно. В прошлую субботу, по заведенному порядку, ездил я в Симеиз; но пробыл там только одни сутки: в воскресенье на ночь предполагалось ехать опять в Севастополь, где находилась полная бригада прибывших из Турции гренадер. Приехав вечером в Ливадию, я узнал, что по случаю бурной погоды поездка отменена и впредь новых поездок уже не имеется в виду.

По части политики никаких выдающихся известий не было. Главный предмет на очереди – ожидаемый разрыв между Англией и афганским эмиром. Англия серьезно готовится к войне. Для нас было бы невыгодно дать предлог британцам утвердиться в Афганистане; поэтому генералу Кауфману телеграфировано, чтобы он вывел эмира из заблуждения, если тот рассчитывает на материальную нашу поддержку.

На этой неделе я был три раза приглашаем к столу их величеств.

25 сентября. Понедельник. В субботу, после доклада и завтрака в Ливадии, я, по заведенному порядку, отправился на два дня в Симеиз. Но мне не удалось вполне воспользоваться этим отпуском. В ночь с воскресенья на понедельник меня разбудил фельдъегерь, присланный с приказанием быть у государя в 11 часов утра. Поэтому сегодня утром я должен был возвратиться в Ливадию. Явившись к государю вместе с Гирсом и графом Адлербергом, узнал, что причиною моего внезапного требования были полученные от генерала Тотлебена известия: едва наши войска начали отходить от Константинополя, как в покинутых ими местах начались уже насилия и убийства. Тотлебен счел необходимым остановить обратное движение войск, приказал 13-му корпусу двинуться за Балканы и просит приготовить в Одесском округе целый корпус на случай, если понадобится сменить 12-й корпус в [Восточной] Болгарии. Депеши и письма от князя Лобанова также представляют положение дел в черном цвете.

Государь озабочен. При чтении депеш в кабинете государя присутствовала императрица. По моему предложению, решено было предоставить в распоряжение генерала Тотлебена на означенный случай 15-ю и 36-ю пехотные дивизии, которые и не предполагалось пока приводить на мирное положение.

13 октября. Пятница. Почти три недели не открывал я своего дневника. В Ливадии жизнь течет однообразно; ничего выдающегося не случилось. По субботам уезжал я в свой мирный Симеиз и возвращался по понедельникам, вечером. Погода чудная, и всё, как говорится, обстоит благополучно. Тем не менее ежедневные наши совещания у государя с Гирсом, а иногда и с графом Адлербергом, продолжаются по-прежнему. В последнее время они обратились в чтение полученных с разных сторон депеш и телеграмм, часто в кабинете императрицы.

В ходе политических дел не случилось ничего примечательного; все темные, запутанные вопросы остаются пока нерешенными. Наши войска в Румелии остановлены на линии Адрианополя и усилены уже подошедшими 13-м и 14-м корпусами. Под прикрытием их продолжается переселение болгар, и теперь наши власти уже не противятся этому переселению, а, напротив, покровительствуют ему, в видах усиления в Южной Болгарии национального элемента.

Международная европейская комиссия по устройству Восточной Румелии после нескольких заседаний в Константинополе переместилась в Филиппополь; первые попытки английского делегата (Друммонд-Вольфа) в смысле враждебном нам и болгарам искусно отражены нашими делегатами

(полковником Шепелевым и князем Цертелевым), так что на первых порах ничего дурного не произошло. Тем не менее присутствие комиссии в Филиппополе крайне неприятно для князя Дондукова-Корсакова, который и поспешил перенести свое пребывание и центральное управление княжества Болгарского в Софию (10 октября).

В Румелии началась сильная агитация против европейской международной комиссии. Агитация эта, направленная против основных положений Берлинского конгресса, не принесет делу болгарскому никакой пользы, а скорее повредит ему. Уж и теперь распространяют слухи о болгарских бандах, образуемых в Македонии, будто бы под предводительством русских офицеров. Впрочем, брожение в том крае не подлежит сомнению. История так называемой «Албанской лиги» и до сих пор кажется загадочной. Мне сдается, что вся эта лига выдумана как маска для прикрытия противодействия Порты постановлениям Европы, в особенности в отношении Черногории, Боснии и Герцеговины.

Турецкое правительство уже открыто заявило протест против дальнейшего движения австрийских войск к Новому Базару и Митровице. В этих местах сосредоточиваются, как говорят, значительные турецкие силы. Хотя циркуляр турецкий по этому предмету произвел во всей Европе невыгодное для Порты впечатление и даже помог австрийскому правительству в серьезном внутреннем кризисе, угрожавшем всей политике графа Андраши, однако же Австрия все-таки объявила, что *пока* не намерена еще занять Новобазарский округ.

Чем натянутее становились отношения Австрии с Портой, тем снисходительнее и милостивее венское правительство относилось к Черногории и Сербии. Не только обещало содействовать скорейшей передаче Подгорицы и Спужа черногорцам, но даже разрешило провоз в Черногорию оружия и патронов. Тем не менее Подгорицу все-таки турки не сдают и делимитационная комиссия[36] для Черногории не собирается. Другие делимитационные комиссии хотя и собрались, но неохотно приступают к делу. Только на днях пришли наконец к соглашению о том, чтобы независимо от болгарской комиссии образовать особую комиссию для Восточной Румелии и чтобы все комиссии подчинить ведению послов в Константинополе, однако же и теперь на это не получено еще согласия Франции.

Напротив, с Румынией дела наши пошли на лад. 5 октября совершилась формальная передача Южной Бессарабии в русское управление. Теперь идут переговоры о передаче Добруджи румынам. Но тут встречается задержка, поскольку признается необходимым предварительно установить условия для полного

обеспечения тыла и сообщений наших войск на время оккупации. Переговоры по этому предмету ведутся согласно указаниям, получаемым генералом Никитиным (только что заступившим место генерала Дрентельна) от главнокомандующего.

Главным предметом, обращавшим на себя внимание Европы в последнее время, были дела афганские. Англия серьезно готовится к войне; печать европейская смотрит на это дело как на прямой повод к войне между Англией и Россией. Генерал Столетов всё еще ожидает приезда графа Шувалова, который, как видно, не торопится с приездом. Он должен быть завтра.

Пересмотрев дневник за последнее время, замечаю, что я вовсе ничего не упомянул о приезде сюда генерал-майора Столетова, ездившего в Кабул посланцем от генерала Кауфмана и вызванного сюда в Ливадию для личных объяснений по делам Афганистана. Столетов привез весьма интересные сведения о существующем в том крае враждебном настроении против Англии и чрезвычайно дружественном приеме в Кабуле русского посольства. По этому предмету происходили у государя два раза совещания, результатом которых стало решение вызвать сюда графа Шувалова и познакомить его с вопросом афганским при содействии Столетова. По возвращении графа Шувалова в Лондон предполагается сделать попытку к восстановлению прежних полюбовных соглашений с Англией по делам Средней Азии в тех видах, чтобы, по возможности, отклонить какое-либо решительное со стороны Англии предприятие против Афганистана, независимость которого существенно необходима для поддержания в Азии равновесия в политическом положении России и Англии.

17 октября. Вторник. Граф Шувалов приехал в Ливадию в субботу утром, но не мог представиться государю потому, что приехал он в партикулярном одеянии, а багаж его остался позади. Я имел с ним непродолжительное свидание и уехал в свой обычный час в Симеиз, где пробыл воскресенье и часть понедельника. Возвратившись сюда вчера к вечеру, я попал на спектакль, устроенный для развлечения молодых великих князей Сергея Александровича и Павла Александровича. Оба они играли в двух пьесах: русской (сцены из «Ревизора» Гоголя) и французской; спектакль вообще удался как нельзя лучше.

После спектакля я имел вторично разговор с графом Шуваловым до позднего часа ночи, а сегодня, после моего доклада, были мы втроем у государя: граф Шувалов, Гирс и я. Однако же на сей раз не коснулись афганских дел; читались (у императрицы) депеши из Константинополя, привезенные вчера на пароходе «Веста». Возникает новый и совершенно неожиданный

для нас предмет забот: оказывается, болгарские шайки, производящие набеги на пограничные с Болгарией части Македонии, формировались в крае, занятом нашими войсками и состоящем в нашем управлении; в голове этих шаек, как говорят, есть отставные русские офицеры. Местное наше начальство не могло не знать о формировании этих шаек, так же как о ходившей по всей Болгарии подписке на дело болгарского восстания в Македонии. Можно с некоторой достоверностью предполагать, что всё это делалось даже с ведома самого князя Дондукова-Корсакова. Государь крайне этим недоволен.

Недоброжелатели наши, конечно, воспользуются случаем, чтобы опять поднять крик против наших интриг, двуличности и недобросовестности. Между тем начавшееся движение не обещает ничего хорошего для славянского дела, а, напротив, может иметь самые невыгодные последствия. Это повторение прежних проделок московских славянофилов во время сербского восстания; те же добровольцы, то же безрассудство в предприятиях, тот же расчет волею-неволею втянуть русское правительство в новую войну. Необходимо остановить движение в самом начале; в таком смысле даны повеления генералу Тотлебену и князю Лобанову.

18 октября. Среда. После чтения в кабинете императрицы вновь полученных дипломатических депеш было совещание по афганским делам. Участвовали в нем, кроме Гирса и меня, граф Шувалов и генерал-майор Столетов. По полученным из секретных источников сведениям, англичане намерены сделать попытку мирного разрешения дела с афганским эмиром. Тем лучше для нас. Поэтому решено, чтобы генерал Кауфман присоветовал эмиру действовать примирительно во избежание войны… Граф Шувалов принял на себя войти в переговоры в Лондоне с целью отклонить войну между Англией и Афганистаном, возобновив прежнее наше с Англией соглашение, основанное на сохранении независимости Афганистана.

Обедал я, как и вчера, в комнатах императрицы, а вечером был в спектакле, в котором актерами были солдаты конвойной гвардейской роты.

20 октября. Пятница. Утром происходило у государя непродолжительное совещание: Гирс прочел проект инструкции графу Шувалову для объяснений его с графом Андраши в проезд через Вену и с князем Бисмарком в Берлине. Граф Шувалов получил сверх того словесные пояснения от самого государя. Главной целью предстоящих свиданий с обоими канцлерами поставлено прощупать настоящее настроение Венского кабинета, чтобы убедиться, есть ли возможность восстановить желаемое

князем Бисмарком прежнее единство в действиях трех империй в отношении Турции.

Перед завтраком была панихида по случаю годовщины смерти императрицы Александры Федоровны; а после завтрака всё ливадийское общество было приглашено великими князьями на чай, на Эреклике, в виде последней прощальной прогулки перед отъездом. Я не участвовал в этой прогулке по случаю приезда сюда из Симеиза жены моей и сына.

24 октября. Вторник. В субботу, 21-го числа, великие князья Сергей Александрович и Павел Александрович отправились около полудня на пароходе «Ливадия»; первый – через Одессу в Кобург (к сестре своей великой княгине Марии Александровне Эдинбургской), а второй – через Севастополь в Петербург. В Ялте проводы были великолепные. С ними же отправились и граф Шувалов и генерал-майор Столетов (получивший отпуск за границу).

После доклада и завтрака отправился я в Симеиз вместе с сыном и провел там воскресенье и понедельник. От приезжих гостей узнал о несчастии, постигшем яхту «Ливадия». В ночь на 22-е число, в сильный туман, яхта наткнулась на подводный риф у Тарханкутского маяка и поднявшимся сильным волнением поставлена была в опасность. Великий князь Сергей Александрович, все другие пассажиры и экипаж успели добраться до берега в катерах; но вещи перетаскивали уже с большим трудом по канатам. Посланные на помощь пароходы из Севастополя и Одессы не могли подойти к пострадавшей яхте, которая всё еще и теперь бьется о камень. Великий князь и прочие пассажиры должны были ехать на лошадях через Евпаторию в Симферополь, где сегодня вечером и сели на железнодорожный поезд. Жаль прекрасную яхту, которая должна сильно пострадать.

По известиям, полученным от Тотлебена, вся поднятая тревога о болгарских шайках и болгарском восстании оказывается новою выдумкой наших друзей турок и англичан.

Если и появились шайки, то вне пределов занятого нашими войсками пространства и состоят они преимущественно из мусульман, нападающих на христианское население. Нельзя хладнокровно переносить такую постоянную, систематическую ложь и клевету.

Между тем делимитационная болгарская комиссия прибыла в Силистрию и приступает к проведению новой границы Румынии к югу от Добруджи. Полковник Боголюбов доносит, что румыны сильно интригуют, чтобы им уступлена была Силистрия или по крайней мере граница их начиналась при Дунае от самой крепости. Боголюбов настаивает на точном выполнении

постановления Берлинского конгресса, все же прочие члены комиссии против него и поддерживают притязания румын. Сами министры Братиану и Когэлничану прибыли в Силистрию, чтобы действеннее [интриговать и] влиять на комиссию.

31 октября. Вторник. В течение недели ничего не случилось замечательного. Политическое положение по-прежнему неопределенно; переговоры с Портой о передаче Подгорицы черногорцам не подвинулись ни на шаг. Князь Дондуков-Корсаков получил разрешение прибыть в Ливадию.

8 ноября. Среда. В истекшую неделю прежний застой в политике и прежнее однообразие в нашей ливадийской жизни. В воскресенье возвратился из Петербурга граф Адлерберг и приехал доктор Боткин, которого ожидали с нетерпением, чтобы решить вопрос о том, куда императрице ехать на зиму – в Петербург или за границу. Боткин, как умный человек, решил ехать в Петербург, к великому удовольствию самой императрицы и окружающих ее, за исключением, однако же, А. Н. Мальцевой, которая сильно интриговала, чтобы уехать с императрицей за границу.

Вернувшись в понедельник вечером из Симеиза в Ливадию, я узнал, что уже назначены дни выезда государя – 17-го числа, приезда в Москву – 19-го и в Петербург – 22-го. Императрица же продлит свое пребывание здесь еще несколько дней после отъезда государя и прибудет в Петербург только к 1 декабря. Бóльшая часть ливадийского общества радуется предстоящему отъезду из Крыма, а я чуть не плачу, покидая этот благодатный климат.

Осень стоит чудесная: 5 и 6 ноября я гулял с дочерьми по горам около Симеиза в летнем кителе до 6 часов вечера!

Вчера рано утром приехал сюда князь Дондуков-Корсаков. Можно было ожидать, что ему достанется сильная головомойка за безрассудную его болтовню, наделавшую нам много хлопот и возбудившую общее недоверие к нашим политическим видам. Однако же, по-видимому, всё ограничилось мягким упреком: Дондуков вышел от государя с всегдашнею своею улыбкой и веселой развязностью. Он так же много говорит, как и прежде, и нисколько не кажется смущенным. Это человек более «салонный», чем деловой [более легкомысленный, чем даровитый]. Он всё еще не может переварить Берлинский трактат и продолжает сомневаться в возможности его исполнения относительно болгарского вопроса.

С ним приехал генерал-майор Домонтович. Это человек дельный, с хорошим направлением, но узким взглядом политическим. Из разговоров, которые я имел с обоими вчера и сегодня, можно заключить, что они считают вопрос о Южной Болгарии (так называемой Восточной Румелии) неразрешимым.

Оба дня князь Дондуков обедал у их величеств, за обедом рассказывал много анекдотического; но серьезного совещания по делам еще не было. Сегодня утром государь позвал нас (Гирса, графа Адлерберга и меня) довольно поздно, и времени едва достало только на прочтение (в присутствии императрицы) депеш, полученных из Вены от графа Шувалова и Новикова. Первый описывает свои разговоры с графом Андраши в Пеште и подтверждает то, что мы уже знали в общих выражениях из телеграммы: положение графа Андраши перед палатами, особенно венгерскими, так поколеблено, что он не смеет даже показать открыто свое желание действовать заодно с нами. Рядом с уверениями его, равно как и самого императора Франца-Иосифа, о дружественном расположении к нам мы встречаем от Австро-Венгрии только затруднения по всем вопросам и никакой действительной подмоги.

Андраши не хочет понять затруднительности нашего положения, заставляющего нас против воли отсрочивать возвращение нашей армии из-за Балкан. Он, вместе с английскими посланниками, видит неисполнение Берлинского трактата только с нашей стороны, не признавая причины тому в неисполнении Портой условий того же договора. В особенности упорно отвергают наше требование заключить отдельный акт об утверждении условий Сан-Стефанского договора, которых не коснулся Берлинский конгресс. Мы знаем, что английский посол в Константинополе имеет инструкции настойчиво отклонять Порту от подписания с нами этого договора, без которого мы, со своей стороны, не можем считать мир с Турцией окончательно заключенным.

Точно так же английское влияние в Бухаресте противодействует соглашению нашему с Румынией относительно передачи ей Добруджи. Когэлничану, подстрекаемый английскими дипломатическими агентами, не подается ни на какие уступки; дело тянется в диалектических препирательствах. Сегодня перед обедом Гирс явился ко мне вместе с генералом князем Гикой (румынским уполномоченным в Петербурге), чтобы общими силами прийти к какому-нибудь соглашению. Я старался вразумить князя, говоря, что мы, передавая Румынии Добруджу, ничего другого не хотим, как только сохранить сообщения нашим войскам, остающимся в Турции в силу Берлинского трактата; что при этом никаких задних мыслей у нас нет; но что, с другой стороны, мы не можем согласиться на предлагаемую румынскими дипломатами редакцию потому именно, что она может дать повод к новым пререканиям и недоразумениям. После долгих споров князь Гика редактировал, под диктовку Гирса, проект

обоюдного заявления в таких общих и эластичных выражениях, что, кажется, и румынские дипломаты должны бы вполне удовольствоваться. Увидим, не выдумают ли они новых изворотов.

На днях получено известие о покушении на жизнь итальянского короля в Неаполе. Король Гумберт отделался легкой раной; но министр Кайроли, кажется, ранен довольно тяжело. Сегодня же телеграмма извещает о взрыве бомбы Орсини[37], брошенной среди толпы народа, собравшейся на одной из площадей Флоренции в виде сочувственной королю демонстрации.

9 ноября. Четверг. После моего доклада было у государя совещание в присутствии князя Дондукова. По всем вопросам относительно дел Северной и Южной Болгарии даны ему указания. Шла между прочим речь и о кандидате на княжеской престол; но вопрос этот не разрешен категорически. Заметно, что государь склоняется к принцу Баттенбергу, тому самому, который участвовал в прошлогоднем походе и находился бóльшую часть времени при Императорской главной квартире. Но, по словам князя Дондукова, этот выбор был бы принят болгарами несочувственно. Во всяком случае, болгарам положено объявить заранее, что не будет допущен выбор никого из русских подданных.

Кроме совещания собственно по болгарским делам, обсуждался и общий вопрос о дальнейшем ведении дела в отношении Порты. Вследствие полученных от графа Шувалова сведений о настроении графа Андраши необходимо теперь дать положительные указания князю Лобанову и Новикову. Решено категорически заявить Порте, что армия наша снова начнет обратное движение не иначе, как при двух условиях: по заключении предъявленного Порте мирного договора и по передаче Подгорицы черногорцам. Что же касается обеспечения участи христианского населения, остающегося под властью Порты, то, по моему предложению, решено не ставить этот сложный вопрос в число условий, от которых зависит отвод нашей армии, а просто объявить Порте, что если она ничего не сделает для успокоения христианского населения и тем побудит его к переселению вместе с нашей армией в пределы Болгарии, то мы вынуждены будем озаботиться исключительно водворением этой массы переселенцев и воспротивимся возвращению в Болгарию (северную и южную) мусульманских беженцев.

Между завтраком и обедом всё ливадийское общество было приглашено на прощальный праздник в гвардейской конвойной роте по случаю отправления ее в Петербург. Государь и

императрица также приехали взглянуть на приготовленные на плацу казармы несколько сцен, разыгранных солдатами. После этой забавы офицеры роты угощали гостей в павильоне. К обеду они все были приглашены во дворец, и государь обедал за общим столом.

Во время обеда пришла телеграмма о том, что Англия, не получив от афганского эмира в назначенный срок ответа на посланный ему ультиматум, решила объявить ему войну и начать военные действия.

20 ноября. Понедельник. Москва. В течение последней недели пребывания в Крыму не произошло в политике ничего примечательного. Продолжалась прежняя игра в жмурки: князь Лобанов безуспешно домогается заключения с Портой окончательного мирного договора; Англия продолжает через Лейярда подстрекать турок к сопротивлению; Австро-Венгрия продолжает вести двуличную игру ради неловкого положения графа Андраши перед венгерским сеймом и делегациями. Одно ново: с румынами наконец добились соглашения относительно Добруджи, хотя и тут мы должны были удовольствоваться обменом нотами, составленными в самых общих, неопределенных выражениях, и, положившись на авось, впустить в Добруджу румынские войска и румынские власти. Войска их, в присутствии самого князя Карла, перешли на правую сторону Дуная 14, 15 и 16 ноября.

17 ноября, в пятницу, государь выехал из Ливадии сухопутно, через Алушту в Симферополь. Часть свиты отправилась морем через Севастополь. Я проехал в первый раз по живописной дороге через Алушту. Императрица осталась еще на некоторое время в Ливадии. Моя семья также проживет еще несколько недель в Симеизе, пользуясь восхитительною осенью.

19-го числа, в воскресенье, приехали мы вечером в Белокаменную. Встреча была, как всегда, восторженная. Сегодня утром происходили обычный большой выход во дворце и шествие по соборам, а потом государь ездил по разным заведениям и между прочими посетил 1-ю и 2-ю военные гимназии, в которых я встретил его величество. После того заезжал я в 4-ю военную гимназию, Юнкерское училище и учительскую семинарию военного ведомства. Разъезды эти заняли всё утро; во дворце был большой обед, а вечером раут у генерал-губернатора князя Долгорукова. Везде толпы народа, несмотря на слякоть и сырую погоду. [Москва остается всё та же.]

Завтра назначен смотр войскам Московского гарнизона, а после обеда – от города офицерам и солдатам в Манеже (Экзерциргаузе).

Раут в Москве есть для меня одно из самых тяжких испытаний. Встречаю сотни лиц, которые должен знать и которых не узнаю. Каждому надобно что-нибудь сказать, и приходится изобретать фразы без содержания. Бывают, конечно, и весьма неловкие *qui pro quo*.

25 ноября. Суббота. Петербург. С прибытия в Петербург утром 22-го числа снова потекла тяжелая моя петербургская официальная жизнь. В первый же день объехал я все дворцы, а вечером [пришлось ехать опять] встречал на станции железной дороги фельдмаршала великого князя Михаила Николаевича с семейством. В тот же вечер пушечные выстрелы с крепости возвестили городу рождение нового великого князя – Михаила Александровича.

В четверг после доклада моего был смотр всем войскам Петербургского гарнизона и затем большой завтрак у принца Петра Георгиевича Ольденбургского.

В пятницу съезд в Зимний дворец на молебствие по случаю новорожденного великого князя; затем визиты.

Наконец, сегодня после доклада была опять церемония прибивки георгиевских знамен, вновь пожалованных некоторым частям гвардии. Впереди предстоит еще такой же ряд ежедневных торжеств, церемоний и выездов. При таком образе жизни дела отходят на второй план; не успеваешь даже справляться с обычными текущими занятиями. Наши общие доклады с Гирсом, в четверг и сегодня, были крайне спешны и коротки; а между тем политика идет своим ходом. В Лондоне открылись заседания парламента; в Константинополе перемена правительства. Еще не знаем, какое направление примут дела в Лондоне и Константинополе. При новых объяснениях графа Шувалова с маркизом Солсбери и графом Биконсфильдом, английские министры были необычно кротки и любезны, так что граф Шувалов даже убоялся, не готовят ли они нам какую-нибудь ловушку, новый сюрприз. Перемена же турецкого правительства во всяком случае вновь затормозит начатые князем Лобановым переговоры с Савфетом.

6 декабря. Среда. Более десяти дней не открывал своего дневника. День за днем проходил среди суеты, празднеств, визитов.

26 ноября, воскресенье, был Георгиевский праздник, отличавшийся от прежних огромным числом наличных георгиевских кавалеров. В тот же день обед у государя для некоторых старших кавалеров.

27 ноября, понедельник, угощение нижних чинов – кавалеров в Михайловском манеже, а потом в Зимнем дворце большой

парадный обед для всех генералов и офицеров, кавалеров Святого Георгия.

28 ноября, вторник, годовщина взятия Плевны – молебствие во дворце и обед у великого князя Николая Николаевича. Этим закончились собственно торжества; но гости и до сих пор еще не разъехались, а потому всё еще много движения.

Преобладающим предметом забот правительства и городских толков были опять волнения учащейся молодежи. Сходки в Медико-хирургической академии, в Университете и Технологическом институте приняли значительные размеры и резкий характер. 29 ноября, в среду, толпа студентов, несмотря на противодействие полиции, прошла по улицам от Воскресенского моста до Аничкова дворца, чтобы подать адрес наследнику цесаревичу. Градоначальник, генерал-майор Зуров, успокоил толпу, приняв от нее адрес, и толпа спокойно разошлась. Но на другой день сотни две студентов собрались в одном из дворов Медико-хирургической академии с требованием академическому начальству объявить о результате поданного адреса и освободить нескольких студентов, арестованных накануне по распоряжению полиции.

Сам градоначальник заехал в Академию и, после объяснений с начальством, собирался уже уехать, как неожиданно для всех наткнулся на собравшуюся толпу студентов. Сначала он предложил им разойтись; но вскоре, выведенный из терпенья дерзостью и нахальством толпы, решил расправиться с ней силой: жандармы и казаки окружили студентов, арестовали их и всех повели под конвоем в казармы лейб-гвардии Московского полка, где они и до сих пор остаются под арестом.

Случай этот, разразившийся совершенно неожиданно для самих студентов, подал повод к новым сходкам и волнениям. Каждый день студенты в Академии, Университете и Технологическом институте собираются в большом числе, заявляя свои требования. Полиции разрешено отныне распоряжаться не только во дворах заведений, но и внутри зданий, что, в свою очередь, производит сильное неудовольствие не только в массе учащихся, но и в среде профессоров.

Между тем в прошлую пятницу (1 декабря) происходило у государя во дворце совещание о мерах к прекращению беспорядков. Решено было публиковать объявление о том, что всякие сходки положительно воспрещаются и в случае неповиновения учащихся восстановление порядка [даже] в стенах самого заведения возлагается на полицию. Объявление это должно быть напечатано завтра.

Для исполнения этого общего распоряжения положено в

каждом из заведений установить новые строгие дисциплинарные правила, чтобы твердостью и строгостью сломить самоволие молодежи и восстановить авторитет начальства. К сожалению, все принимаемые меры оказываются бессильными против козней агитаторов, искусно завладевших легкомысленной молодежью, которую используют как орудие своих злодейских замыслов. Подметные печатные листки разжигают страсти юношей и заглушают все благоразумные советы и внушения начальства.

В политике всё тот же застой, как и прежде. Князь Горчаков, приехав из-за границы, вступил в свою должность; однако же Гирс продолжает ездить вместе с ним к докладу. Наш маститый канцлер приободрился на вид; но, так же как и прежде[38], слаб умственно. Во все три раза, что я присутствовал при докладах князя Горчакова и Гирса, не было ничего, что стоило бы занести в дневник. Упомяну разве о том, что вследствие полученных известий от графа Шувалова решили послать генералу Кауфману повеление отозвать наше посольство из Кабула, заявив Шир-Али-хану о полученном от английского правительства заверении в сохранении и на будущее независимости афганского владения. Удовольствуется ли эмир этим успокоительным заявлением – сомнительно. Но если он ожидал от нас чего-нибудь другого, то это с его стороны прискорбное заблуждение. Материальной помощи ни в каком случае мы не могли ему подать.

20 декабря. Среда. Опять длинный пробел в моем дневнике за целые две недели. Постараюсь, сколько могу, припомнить, что было в течение этого времени выдающегося.

В политике тот же застой, что и прежде; выжидательное положение. В Западной Европе начинают много толковать о необходимости занятия Южной Болгарии смешанными силами (*occupation mixte*); в румелийской международной комиссии (в Филиппополе) тянут дело, теряя время на бесполезные споры; сами комиссары не верят в практическую прочность своей работы. В Константинополе новые турецкие министры расточают перед русским послом медоточивые речи, а между тем заключение окончательного мирного договора всё откладывается день за днем.

Возникает опять мысль о том, чтобы уплата наложенной на Турцию 300-миллионной контрибуции была обращена в зачет дани с княжества Болгарского. Мысль эта была высказываема еще во время Берлинского конгресса; но мы устранили ее, понимая вполне затаенную цель наших врагов – поставить Россию в неловкое положение относительно созданного ею княжества. Вероятно, и теперь предположение это будет отклонено.

Из Афганистана нет верных сведений: английские

телеграфные известия не всегда подтверждаются, а те, которые доходят через Ташкент, весьма запаздывают. Из последней телеграммы генерала Кауфмана от 14 декабря видно, что в конце ноября Шир-Али был еще в Кабуле. Следовательно, английские известия о его бегстве, свержении и о возведении сына его Якуба оказались ложными или по крайней мере преждевременными.

Студенческие волнения в Петербурге несколько притихли в последние дни. Министр народного просвещения опять выступил было в поход против Военного министерства: вчера он пришел жаловаться государю на распоряжение, сделанное по Медико-хирургической академии и будто бы противоречащее общим распоряжениям по университетам. К счастью, я был еще во дворце после моего доклада; государь позвал меня, и я имел возможность опровергнуть новые каверзы графа Дмитрия Толстого.

Вчера праздновалась годовщина боя под Ташкисеном[39]. Утром происходило молебствие в соборе Преображения, а в 6 часов большой обед во дворце на 320 приглашенных. Государь произнес речь, в которой благодарил гвардию в самых теплых выражениях. Он был растроган до слез.

Получено прискорбное известие из Астрахани о появлении в одной из станиц Астраханского казачьего войска пятнистого тифа, похожего на чуму. Станица оцеплена; приняты карантинные меры.

22 декабря. Пятница. От князя Лобанова из Константинополя получено известие, что вчера происходило первое совещание с турецкими министрами об окончательном русско-турецком мирном договоре. Первые статьи нашего проекта прошли с некоторыми лишь изменениями в редакции. Остановились пока на вопросе о том, по какому курсу считать рубль для уплаты Турцией определенных в Сан-Стефано 300 миллионов контрибуции.

Известия о появлении чумы в Астраханской губернии оказываются преувеличенными; кажется, эпидемия в Ветлянской станице уже прекратилась.

Вчера прибыло в Петербург китайское посольство.

24 декабря. Воскресенье. Вчера поздно вечером получил я шифрованную телеграмму от генерала Кауфмана о том, что афганский эмир выехал из Кабула и просит разрешения приехать в Петербург, чтобы представить на суд русского императора свое столкновение с англичанами. По поводу этого неожиданного известия сегодня мы с Гирсом были приглашены перед обедней во дворец. Решено дать ответ генералу Кауфману в том смысле, чтобы отклонить Шир-Али от его намерения и не усложнять еще

более наших отношений, и без того уже натянутых, с англичанами.

31 декабря. Воскресенье. Истекшая неделя, последняя в настоящем году, не представляла ничего замечательного ни в делах политических, ни в обыденной жизни.

Переговоры князя Лобанова с турецкими министрами приведены благополучно к окончанию посредством некоторых неважных уступок, преимущественно редакционных; но турки не решились еще подписать формального акта, а только приняли *ad referendum*[40], то есть говоря попросту, не смели подписать без окончательного позволения султана и Лейярда. Точно так же и по вопросу о передаче Подгорицы черногорцам пока еще ничего не приведено в исполнение. Между тем сами турки, или, лучше сказать, пособники их в румелийской комиссии, сделали предложение продлить еще на 3 месяца работу этой комиссии, на что все державы охотно дали согласие. Мы согласились с оговоркой, что наша администрация останется в Восточной Румелии до окончательного утверждения и введения выработанной комиссией организации.

В надежде на скорый конец всех проволочек со стороны Порты, генерал Тотлебен серьезно приготовляется вывести остающуюся часть армии из Турции, оставив в Болгарии и Восточной Румелии только «оккупационные» войска. Князь Дондукову даны указания относительно отделения румелийского земского войска от болгарского и заблаговременной замены в первом русских кадров туземными.

На днях получены сведения не совсем утешительные о положении дел в Закаспийском крае. Движения Красноводского отряда в минувшее лето, по-видимому, не произвели выгодного для нас впечатления на кочевое туркменское население. Большие скопища текинцев дерзко подошли даже к нашему Чикишлярскому приморскому посту. Приехавший на днях полковник Генерального штаба Гродеков, отважно пробравшийся из Ташкента до Астрабада, рассказывает, что соседние с Хорасаном туркменские племена сделались крайне дерзкими относительно русских и недавно захватили в плен некоторых наших солдат в окрестностях нового укрепления Чат, основанного Ломакиным при слиянии Сумбара с Атреком.

По поводу этих известий вчера, в субботу, было совещание у великого князя Михаила Николаевича. Кроме меня, приглашены были Гирс и специалисты наши, близко знакомые с азиатскими странами – все трое из Генерального штаба. Пока еще не пришли ни к какому конкретному заключению и положили выждать обещанных Зиновьевым (посланником нашим в Тегеране)

обстоятельных сведений, собранных в прошлое лето во время поездки нашего консула Бакулина по северной окраине Хорасана.

Предполагавшееся в прошлую среду совещание по студенческим делам не состоялось по случаю внезапной болезни Валуева. Первая неделя рождественских праздников прошла довольно тихо, по крайней мере в нашем доме, чему отчасти причиной была болезнь дочерей. Только вчера, в субботу вечером, заехал я на полчаса в 3-ю военную гимназию взглянуть, как молодежь чистосердечно веселилась, а сегодня проведем вечер в семейном кругу и будем наслаждаться пением Прянишникова. Так простимся со старым 1878 годом.

1879 год

4 января. Четверг. Год начался с надежд на мирный оборот политических дел. Во все последние дни, каждое утро, собирались у государя князь Горчаков, Гирс и я в присутствии наследника цесаревича; читали телеграммы князя Лобанова о переговорах его с турецкими министрами и проекты ответов. Посол наш уже теряет терпение; он объявил туркам, что не допускает более споров по статьям, по которым состоялось уже соглашение. По всем вероятиям, на днях договор будет подписан.

На второй день года при докладе моем государь показал мне телеграмму, полученную императрицею от моей старшей дочери из Костромы. Она просит настоятельно разрешения отправиться на Нижнюю Волгу, чтобы от имени императрицы, председательницы российского Красного Креста, помогать больным в местностях, где свирепствует эпидемия, или, как многие ее называют, чума. Императрица пожелала лично со мною переговорить по этому предмету; после обедни и завтрака я пошел к ее величеству и был совершенно успокоен ею: она решила отвечать моей дочери, что не считает своевременным ее предположение и советует ей выждать разъяснения обстоятельств. Надеюсь, что дело тем и кончится.

Вчера, 3-го числа, был во дворце большой обед по случаю годовщины прошлогодних блестящих битв гвардии под Филиппополем. Приглашены были все офицеры Преображенского полка и Гвардейской артиллерии.

Сегодня после моего доклада была встреча на железнодорожной станции великого герцога и герцогини Мекленбург-Шверинских. Прямо со станции отправился я на совещание, назначенное у Валуева по студенческим делам. Мы сидели до шестого часа; говорили много и пришли к решению никаких новых мер не принимать.

6 января. Суббота. Ни вчера, ни сегодня не было дипломатических известий, а потому не было и совещаний у государя. Сегодня утром происходила обычная крещенская церемония; но государь, по нездоровью, не выходил на иордань. К обеду был я приглашен во дворец вместе с несколькими служившими на Кавказе генералами по случаю полкового праздника Кабардинского пехотного полка. Само собою разумеется, что предметом разговора был исключительно Кавказ. Императрица не вышла к столу.

8 января. Понедельник. Вчера был официальный (первый) прием у турецкого посла. Я не счел нужным явиться к нему на

поклон; да, кажется, и не я один воздержался от посещения представителя падишаха.

Сегодня утром, во время моего приема в канцелярии Военного министерства, государь прислал за мной. Я нашел во дворце князя Горчакова и Гирса. Мы были приглашены по поводу полученных вчера донесений от генерала Кауфмана, который доставил копии с полученных им писем Шир-Али-хана и генерала Разгонова с пути их из Кабула к нашим границам. Генерал Кауфман придает особенную важность прибытию эмира в русскую столицу и видит в этом факте знамение русского влияния на Востоке. Канцлер и Гирс не разделяют этого взгляда и настаивают, чтобы не дозволять Шир-Али-хану продолжать путешествие.

Я высказал мнение, что можно, конечно, под какими-нибудь предлогами замедлить его путешествие, пока граф Шувалов не выяснит намерений Англии относительно новых границ индийских ее владений, но что было бы[41] невыгодно для нас теперь же безусловно оттолкнуть владетеля Афганистана, кинувшегося под крыло России. Если б мы получили категорическое обязательство от Лондонского кабинета не распространять ост-индской границы к северу от Гиндукуша и сохранить независимость Афганистана, то, конечно, лучше было бы избегнуть всякого нового повода к раздражению нашей соперницы на Востоке. Если же, напротив, окажется необходимым готовиться к предстоящему рано или поздно разрыву с Англией, то было бы нерасчетливо прервать начавшиеся связи с Афганистаном. Так и порешили: не отказывая прямо афганскому эмиру в приезде, предложить генералу Кауфману задерживать его, пока генерал-адъютант граф Шувалов выяснит намерения Англии, особенно же степень достоверности полученного от генерала Горлова известия о предположенной новой границе ост-индских владений до самой реки Аму.

В Государственном совете заседание было весьма короткое и незанимательное. К 5 часам члены Военного совета собрались в ресторане Бореля к обеду в честь двух товарищей, праздновавших на днях свои 50-летние юбилеи: генералов Резвого и Гана. Последний сам не мог приехать по болезни.

9 января. Вторник. По окончании моего доклада, в присутствии наследника цесаревича и великого князя Михаила Николаевича, состоялся доклад князя Горчакова и Гирса. Читан и одобрен проект телеграммы к генералу Кауфману. Я прочел полученное вчера письмо генерал-адъютанта князя Дондукова о положении дел в Македонии, где явно обнаружены происки Австрии.

В Комитете министров было длинное заседание по поводу внесенного наместником кавказским представления о сети железных дорог на Кавказе. Кроме лиц, обыкновенно принимающих участие в рассмотрении железнодорожных дел, сегодня присутствовали наследник цесаревич, великие князья Константин Николаевич и Михаил Николаевич. После многоречивых и длинных диссертаций Грейга и Посьета и высказанных другими членами соображений, пришли к такому решению: 1) не задаваться начертанием целой железнодорожной сети на многие годы вперед, а ограничиться определением только наиболее нужных и неотложных линий; 2) считать решенным уже делом, что при первой возможности и, вероятно, вскоре будет приступлено к постройке Тифлис-Бакинской линии, и, одновременно с нею, допустить постройку линии к Батуму и улучшение Ростово-Владикавказской линии; 3) иметь в виду прежде других дорогу от Владикавказа в Петровск и от Тифлиса к Александрополю, с ветвью в Эривань, чтобы впоследствии продлить обе эти ветви до Карса и Джульфы [если надобность в этом подтвердится]. Таким решением вопроса, по-видимому, остался доволен и сам кавказский наместник.

10 января. Среда. Большой парадный обед во дворце в честь немецких гостей. Вечером раут у германского посла [но я не был].

12 января. Пятница. Целый день посвящен торжеству бракосочетания великой княжны Анастасии Михайловны с наследным принцем Мекленбург-Шверинским [Фридрихом-Францем III]: утром выход, обряд бракосочетания, поздравления; затем обед в Николаевской зале; вечером опять съезд во дворце на бал.

21 января. Воскресенье. Вся прошлая неделя была посвящена свадебным празднествам: в воскресенье – *spectacle gala*, во вторник – бал в Аничковом дворце, в среду – большой бал в Зимнем дворце, в четверг – бал у великого князя Владимира Александровича; сегодня, наконец, – бал в Дворянском собрании. Кроме сегодняшнего, я должен был показываться на всех прочих, хотя бы на короткое время. Завтра часть немецких гостей – владетельный великий герцог с великой герцогиней и братом – уезжает восвояси. Молодые остаются еще до конца недели.

Рядом с балами и праздниками предметом городских толков и забот была астраханская чума. Не столько известия с низовий Волги, сколько чересчур предусмотрительные распоряжения венского и берлинского правительств[42] произвели у нас переполох. Во вторник в Комитете министров обсуждалось представление управляющего Министерством внутренних дел о

принятии решительных мер не только против распространения заразы, но и для искоренения ее в зараженных местах посредством сожжения целых станиц и селений. В заседание Комитета были приглашены некоторые лица в качестве экспертов; в том числе врачи Боткин, Здекауер, Розов. Комитет не только одобрил предложенные Маковым меры, но признал нужным принять и другие; между прочими – послать на места доверенное лицо с обширными полномочиями. После заседания были между нами разговоры о выборе этого лица; называли трех кандидатов: Трепова, графа Лорис-Меликова и Гурко.

На другой день, в среду, я был приглашен во дворец вместе с Маковым и Дрентельном для доклада государю о вчерашнем решении Комитета и для выбора командируемого лица. Государь сначала высказался в пользу Трепова, но потом склонился на Лорис-Меликова. В пользу его мы все трое подали голос. В тот же день граф Лорис-Меликов был позван во дворец; через два дня готова была ему инструкция, и на днях он отправляется на место с многочисленной свитой. Между тем приняты меры и по военному ведомству для оцепления всей Астраханской губернии, хотя по последним известиям болезнь почти прекратилась.

Политические дела остаются в прежнем неразрешенном виде. В Константинополе всё еще не подписывают мирного договора; передача Подгорицы и Спужа черногорцам всё еще не исполнена; на греческой границе съехались комиссары греческие и турецкие, но никаких еще переговоров не было. Между тем румыны самовольно, без всякого предварения наших властей, выдвинули свои войска на спорную еще границу Добруджи с Болгарией, опираясь на решение большинства комиссии, против которого протестовал русский комиссар Боголюбов. Вчера было по этому поводу совещание у государя; решено потребовать, чтобы румыны отвели свои войска по крайней мере из-под стен Силистрии.

Сегодня после развода было совещание у великого князя Михаила Николаевича по вопросу о действиях, предстоящих в нынешнем году в Закаспийском крае. Кроме меня, были Гирс, граф Гейден, Генерального штаба генерал-майоры Гурчин и Глуховской и полковник Куропаткин. Объяснения, данные Глуховским и Куропаткиным, привели нас всех к заключению в пользу решительных действий с целью занятия пункта среди самого оазиса Текинского. Даже осторожный Гирс подал мнение в пользу такого образа действий, который, впрочем, не противоречит последним соображениям и нашего посла в Тегеране Зиновьева.

23 января. Вторник. Вчера утром меня потребовали во дворец, где я нашел князя Горчакова и Гирса. Получено известие,

что принято соглашение между черногорскими и турецкими комиссарами о передаче 27-го числа Подгорицы, Спужа и других пунктов. После этих благоприятных известий читали депеши из Вены и Берлина о распоряжениях, сделанных нашими соседями по поводу воображаемой чумной заразы. В распоряжениях этих явно проглядывает недружелюбное к нам расположение и желание всячески причинять нам затруднения. Кроме того, канцлер прочел проект циркуляра, который, по мысли самого государя, предполагается адресовать ко всем большим державам после подписания нашего мирного договора с Портой. В циркуляре этом предлагается войти в общее соглашение на тот случай, если все старания Европы поддержать распадающееся здание Турецкой империи окажутся тщетными. Цель циркуляра заключается в том, чтобы «Европа» не допустила *ни одну* из больших держав ни в каком случае завладеть Константинополем и Дарданеллами. О Босфоре умолчено с умыслом, по приказанию самого государя. (Проект этого циркуляра оставлен был без последствий.)

Вчера утром ездил я проститься с великим герцогом Мекленбург-Шверинским [Фридрихом-Францем II], который вчера же и уехал. Молодые уезжают завтра!

Заседания в Государственном совете не было, а вместо того у великого князя Константина Николаевича собралось Особое присутствие по воинской повинности. Просидели почти до 5 часов.

На днях получены от генерала Тотлебена соображения его на тот случай, если б армия наша должна была остаться в Турции и готовиться к новой войне. По этому вопросу я должен был иметь сегодня доклад у государя. Также назначен был мне сегодня же доклад в присутствии великого князя Михаила Николаевича о предположенной экспедиции в Закаспийском крае. Последние эти предположения в том виде, в каком они были постановлены в бывшем в воскресенье совещании, утверждены государем безусловно.

Что же касается соображений генерала Тотлебена и полученных от князя Дондукова касательно земского войска Южной Болгарии, то я счел своею обязанностью в присутствии трех великих князей высказать государю всю опасность нашего положения, если б наша армия осталась в Европейской Турции и если б в самом деле мы вовлечены оказались в войну с большею частью Европы. Я откровенно доложил о доходящих разными путями сведениях о[43] распространяемом будто бы нашими властями в болгарском населении убеждении, что русские войска не выйдут из этого края и что от самих болгар зависит вынудить

нас остаться наперекор Берлинскому трактату. В Болгарии ходит по рукам прокламация, в которой дается совет будущему болгарскому земскому собранию отказаться от выбора князя до тех пор, пока не объединится вся Болгария в том составе, в каковом она была предположена Сан-Стефанским договором. Если бы осуществилась подобная макиавеллиевская комбинация, то мы были бы поставлены в самое трудное положение перед Европой. Без сомнения, нас обвинили бы в интриге, в нарушении Берлинского договора.

Государь вполне согласился с этим мнением, хотя и высказывал, с другой стороны, опасение, что войска наши не могут остаться равнодушными свидетелями новых зверств и новой резни, которые могут возобновиться при первом обратном шаге нашей армии. Как ни веско подобное соображение, однако государь разрешил мне сегодня же шифрованной телеграммой известить генерала Тотлебена, что он не допускает ни в каком случае и мысли о дальнейшем оставлении армии в Европейской Турции или о продлении оккупации долее постановленного Берлинским договором срока. Притом генералу предложено немедленно начать отвод армии и возвращение ее в Россию, лишь только князем Лобановым будет подписан договор с Портой и Подгорица перейдет черногорцам. Из полученной вчера от князя Лобанова телеграммы видно, что переговоры его с турецкими уполномоченными приведены к окончанию, так что остается только подписать договор, что надеется он исполнить завтра.

В Комитете министров сегодня обсуждалась составленная в Министерстве внутренних дел инструкция графу Лорис-Меликову, в его присутствии.

27 января. Суббота. В прошлую среду я был приглашен к обеду во дворец. Кроме меня, были баварский принц Арнульф, граф Лорис-Меликов, Маков, князь Голицын (уральский атаман) и Крыжановский. Главным предметом разговора были, конечно, воспоминания о недавней кампании и зараза в низовьях Волги. Принимаемые в Европе предохранительные карантинные меры имеют вид враждебного против России заговора. Даже Румыния ограждается от нас карантинным кордоном не только по Пруту, но и по Нижнему Дунаю, прерывая таким образом наши сообщения с войсками, остающимися за Дунаем. По этому предмету были обсуждения (в четверг) при совместном нашем докладе с канцлером и Гирсом. Представителям России в Берлине, Вене и Бухаресте поручено протестовать против преждевременных и ненужных стеснений русской торговли и международных сношений.

В четверг происходил во дворце (в Концертной зале) бал, на

который был приглашен почти весь дипломатический корпус; государь [однако] держал себя со всеми холодно и сдержанно. Напрасно ждали мы в среду и четверг телеграммы из Константинополя о подписании мирного договора. Вечером во время бала пришло известие, что подписание отложено до субботы вследствие якобы желания самого султана изменить одно слово в ноте, которая по условию должна служить дополнением к договору.

Вчера утром отслужена панихида в годовщину смерти покойного моего брата Николая. Потом было у меня совещание по некоторым вопросам, возбужденным следственной комиссией, учрежденной под председательством генерала Глинки-Маврина, по интендантским делам действующей армии в минувшую войну. В совещании этом участвовали государственный контролер Сольский и полевой контролер при действующей армии Черкасов.

Сегодня утром, по обыкновению, после своего доклада присутствовал я при докладе князя Горчакова и Гирса. Читались депеши графа Шувалова по афганским делам. Посол наш находит неудобным заводить теперь речь с английскими министрами в том смысле, как было ему отсюда указано. И канцлер, и сам государь согласились с этим мнением, но после некоторых моих объяснений положено редактировать новую инструкцию графу Шувалову для устранения всякого недоразумения.

Опять день прошел, и всё еще нет телеграммы из Константинополя о подписании договора.

28 января. Воскресенье. Наконец сегодня утром получены по телеграфу известия как о подписании мирного договора в Константинополе, так и о передаче турками черногорцам Подгорицы, Спужа и других пунктов. Оба события совершились вчера. Известия эти быстро распространились в среде военной публики, собравшейся к разводу, по окончании которого государь подозвал к себе всех присутствовавших генералов и офицеров, объявил им радостную новость и снова выразил свою благодарность войскам за подвиги, совершенные ими в последнюю войну.

На разводе французский посол Ле Фло объявил мне, что покидает свой пост, не желая служить с новым президентом республики (Греви). Вместо него назначается к нам послом генерал Шанзи, имя которого сделалось весьма известно во второй период Прусско-французской войны. О старике Ле Фло будут жалеть в Петербурге; его здесь любили и уважали.

29 января. Понедельник. Сегодня утром, после обычного моего приема (по понедельникам) в канцелярии Военного министерства, я был во дворце вместе с князем Горчаковым и

Гирсом. Несмотря на вчерашние хорошие известия, государь был в мрачном расположении духа и обошелся весьма неласково с канцлером. Когда мы вошли в кабинет, государь, передавая князю Горчакову письмо с разными льстивыми фразами, полученное им от Биконсфильда, сказал князю с неудовольствием: «A Votre place je me serais offensé d'une telle flatterie; évidemment il se moque de Vous»[44]. Канцлер проглотил эту горькую правду и начал объяснять, что назначаемый к нам на место лорда Лофтуса новый английский посол всегда был другом России и принадлежит к либеральной партии, следовательно, он не из числа приверженцев теперешнего торийского правительства. Однако же государь сказал, что, несмотря на то, ничего хорошего не ожидает от Биконсфильда. Затем канцлер прочел заготовленный ответ на последние депеши графа Шувалова по афганскому делу. Были еще объяснения по разным второстепенным вопросам.

В Государственном совете прошли сегодня весьма продолжительные прения по двум серьезным делам: об отмене узаконений относительно предельного роста (процентов) и заключения в тюрьму за долги. Значительное большинство высказалось в пользу отмены по обоим делам, несмотря на веские возражения меньшинства.

4 февраля. Воскресенье. В течение всей прошлой недели не было ничего заслуживающего внесения в дневник. Ожидали присылки заключенного 27 января мирного договора, который и получен в прошлую пятницу (2 февраля). На другой день, то есть вчера, государь собрал у себя на совещание канцлера с его товарищем, великих князей – наследника цесаревича и Владимира Александровича, – графа Адлерберга и меня. Прочитан был еще раз редактированный графом Адлербергом проект манифеста о заключении с Турцией договора, и решено не отлагать предположенного по этому случаю торжества, так как по телеграфу известно, что султанская ратификация договора уже отправлена из Константинополя. Известны теперь из прочитанных депеш князя Лобанова и все подробности установившегося наконец [хотя и с большими трудами] соглашения.

Предположенное торжество состоялось сегодня. От всех участвовавших в походе частей войск Петербургского гарнизона расставлены были взводы в залах Зимнего дворца. В Николаевской зале поставили амвон; митрополит прочел манифест, и затем отслужили благодарственное молебствие.

Сведения с низовий Волги совершенно успокоительные: больных с признаками заразы уже нет. Паника, кажется, угомонилась; самое слово «чума» уже начинают произносить почти с улыбкой…

6 февраля. Вторник. Сегодня получены из Бухареста сведения, что румынское правительство, по-видимому, образумилось, узнав о приказании, данном барону Стюарту, выехать из Бухареста; временно останется там статский советник Якобсон, только для ведения текущих дел. Кажется, на румын подействовали и назидания из Вены и Берлина. Братиану объявил Стюарту, что, согласно нашему требованию, Добруджа не будет включена в карантинную сферу и останется свободною для прохода наших войск; румынские же войска, занявшие было под Силистрией форт Араб-Табию, отойдут назад. При этом румынский министр выразил сожаление княжеского правительства о том, что оно навлекло на себя неудовольствие российского императора, и желание снова заслужить его милостивое расположение.

Как ни мало доверия заслуживают льстивые речи румынских министров, однако же все-таки хорошо, что мы избегнем лишних затруднений и неприятностей. Заметна и в Вене, и в Берлине некоторая перемена в тоне: австро-венгерский посол барон Лангенау заявил Гирсу, что граф Андраши дал румынам положительный совет держать себя скромнее и не вызывать нас на ссору. Из Берлина пишут в том же смысле и, кроме того, поддерживают наше требование, чтобы консул наш в Софии, Давыдов, принимал наравне с консулами других больших держав участие в совещаниях по введению в Болгарии нового политического устройства.

Государственный канцлер наш, видя такую перемену в настроении Европы относительно нас, снова начинает уже хорохориться, приписывая себе успешный оборот дел, между тем как в действительности он во всё время оставался в неведении относительно происходившего в политике. Даже с послами он уже не входит в личные сношения, предоставляя всю обузу Гирсу.

После заседания Комитета министров был я на совещании у великого князя Михаила Николаевича по поводу предстоящей передачи Ижевского и Сестрорецкого оружейных заводов новым лицам в [прежнее] коммерческое управление. В совещании этом участвовали генерал Баранцов и несколько артиллерийских генералов. Великий князь вмешался в это дело потому, что оно уже подало повод к городским пересудам и толкам. Надобно придумать, как оградить артиллерийское ведомство от новых нареканий и подозрений. Я лично очень рад тому, что великий князь, несмотря на временное только пребывание свое в Петербурге, взялся за такое щекотливое дело: он один мог, по своим личным отношениям с почтенным [и добрым] А. А. Баранцовым, подействовать на его убеждения, не возбуждая его

раздражительности.

Вечером получил я телеграмму от князя Дондукова о том, что сегодня он выезжает из Софии в Тырново для открытия там народного собрания.

10 февраля. Суббота. В среду был бал во дворце, в Концертной зале, а завтра опять бал в Эрмитаже, несмотря на то, что в четверг скончался граф Григорий Александрович Строганов после долгой и мучительной болезни; сегодня же происходило погребение его. Я не был на этом обряде, чувствуя себя нездоровым, и завтра также не намерен выезжать.

Вчера получено известие, что румын заставили очистить Араб-Табию и отойти от Силистрии. Но и тут не преминули они выставить свое отступление как добровольную и временную уступку Европе, в надежде благоприятного для них решения спорного вопроса о новой границе. Канцлер прочел вчера государю проектированные циркулярные депеши к нашим послам относительно всех вообще вопросов, касающихся будущих границ княжества Болгарского. Но едва ли удастся логическими доводами опровергнуть преднамеренное, с враждебною против нас целью направление всего дела международными комиссиями.

Сегодня назначено открытие народного собрания в Тырнове, куда прибыл для этого князя Дондуков. Наше Министерство иностранных дел опасается какой-нибудь демонстрации, которая может расстроить весь план действий; недоверие к самому князю Дондукову заставило государя поручить генералу Тотлебену вести наблюдение за точным исполнением данных императорскому комиссару инструкций. К тому же неожиданное появление генерала Черняева в Филиппополе заставляет опасаться каких-нибудь новых затей этого сумасбродного честолюбца. Государем дано повеление генералу Тотлебену распорядиться о немедленном возвращении Черняева в Россию.

Также получена от генерала Кауфмана из Ташкента телеграмма, что Шир-Али, остановленный болезнью в пути, находится в безнадежном состоянии: у него открылась гангрена в ноге.

12 февраля. Понедельник. Чувствуя себя не совсем здоровым, я не выезжал два дня и избежал вчерашнего бала в Эрмитаже.

Из Тырнова получены сведения об открытии болгарского народного собрания; торжество совершилось в полном порядке, и князь Дондуков заявил надежду на беспрепятственное выполнение нашей программы. Вчера же был смотр, собранным в Тырнове болгарским войскам (5 дружин пехотных, сотня конная и батарея). По свидетельству нашего комиссара, эти зачатки

болгарской армии представились весьма удовлетворительно – к изумлению собравшейся многочисленной публики и европейских консулов.

17 февраля. Суббота. Истекшая неделя (первая Великого поста) должна быть отмечена двумя событиями: кончиной великого князя Вячеслава Константиновича и тревогою, вызванною в городе поступившим в клинику Боткина больным, у которого ученый наш профессор нашел признаки чумы.

Великий князь Вячеслав Константинович скончался неожиданно для всех, после нескольких дней сильных болей в голове. По вскрытии тела нашли во внутренней части черепа нарост, от которого произошел туберкул в оболочках мозга. Сегодня тело перевезено в Петропавловскую крепость с обычным церемониалом, а завтра будет погребение.

Профессор Боткин, первый объявивший, что болезнь в станице Ветлянской есть чума, нашел ту же чуму и в заболевшем дворнике Артиллерийского училища. Такое внезапное открытие, конечно, всполошило весь Петербург; управляющий Министерством внутренних дел Маков поспешил в Зимний дворец, и здесь, вместе с Боткиным, перед глазами самого государя сочинена была статья для «Правительственного Вестника» о появившейся чуме. Эта страшная весть в официальной газете разом произвела переворот на бирже; все иностранные дипломаты переполошились. Но каково было общее удивление, когда на другой день целая врачебная комиссия, освидетельствовав больного, отвергла положительно чуму и признала болезнь его – сифилисом. Тогда всё опрокинулось на Боткина; в одной из газет появилась резкая передовая статья, озаглавленная крупными буквами: «Разоблачение авторитета Боткина». Только что принятые карантинные меры отменены, и умы успокоились; хотя сам Боткин все-таки продолжает считать болезнь чумою.

Вчера я узнал, что их величества собираются ехать в Крым 20 марта, кажется, только на весеннее время. Сегодня же при докладе государь объявил мне свое желание, чтобы я сопровождал его.

26 февраля. Понедельник. Опять длинный пробел в моем дневнике. В течение прошлой недели приехал в Петербург новый английский посол лорд Дефферин. С первых свиданий с нашим канцлером он успел обольстить его своею беззастенчивою лестью; князь Горчаков в восторге от нового представителя Великобритании, так же как и от посланницы, которая не менее своего супруга горазда на комплименты. Канцлер уже мечтает о сближении нашем с Англией.

Государь не увлекается этими иллюзиями, но, со своей стороны, высказывает некоторые надежды на сближение с Францией. Приезд нового посла французского генерала Шанзи ожидается в скором времени; о нем слышны отзывы весьма благоприятные; но время приезда его выбрано не совсем удачно – как раз перед отъездом государя в Крым, назначенным уже 17 марта.

Сегодня получена телеграмма о внезапной смерти фельдмаршала князя Барятинского. Он скончался от апоплексического удара в Швейцарии, где жил в последнее время с несчастной своей помешанной женой. Новость эту я узнал в Аничковом дворце, куда ездил утром поздравить наследника цесаревича с днем его рождения.

27 февраля. Вторник. После доклада присутствовал при обычном докладе канцлера и Гирса. Первый из них прочел меморию, в которой был записан разговор его с лордом Дефферином, и потом обсуждались разные вопросы, которые государь имел в виду затронуть в своем разговоре с английским послом в назначенной сегодня же аудиенции. Князь Горчаков с наивностью юноши надеется на лучший оборот дел от нашего сближения с Англией. Но когда мы вышли из государева кабинета, Гирс сказал мне, что всё это простое ребячество и из разговоров канцлера ничего путного не выйдет. Государь сегодня прямо объявил князю Горчакову о своем желании, чтобы он остался в Петербурге, а в Ливадию ехал Гирс. Старик сумел скрыть свою досаду.

В 12 часов в Большой церкви Зимнего дворца отслужена панихида по умершем фельдмаршале князе Барятинском. Кабардинский полк продолжает называться и впредь его именем, несмотря на то, что звание шефа полка принимает сам государь.

Сегодня же был во дворце обед по случаю отъезда французского посла Ле Фло.

Утром сегодня приехала из Костромы старшая моя дочь, Елизавета, после шестимесячной разлуки с семьей.

1 марта. Четверг. Сегодня я закончил свой доклад государю прочтением записки о предположенном преобразовании Медико-хирургической академии, которой считаю необходимым придать характер специального *военного* заведения, имеющего целью подготовку врачей собственно для военного ведомства. Предполагается (по крайней мере на первое время) откинуть первые два курса, принимать прямо на третий студентов, прошедших первые два курса в университетских факультетах, и вместе с тем предоставить всем учащимся стипендии, дабы всех их сделать обязательно-служащими в военном ведомстве. Этими

мерами имеется в виду достигнуть двух выгод: во-первых, усилить годичный выпуск при гораздо меньшем общем числе учащихся и, во-вторых, при двухлетнем перерыве приема на первые два курса облегчить водворение между учащимися старших курсов нового порядка и более строгой дисциплины.

Государь одобрил эти главные основания и разрешил рассмотреть их в особом совещании под председательством Валуева, дабы ускорить их опубликование в ближайшее время, еще до окончания текущего учебного года.

К концу моего доклада доложили государю о графе Толстом, министре народного просвещения. Его позвали в кабинет в моем присутствии, и, когда государь высказал ему в общих чертах мои предположения о преобразовании Медико-хирургической академии, граф Толстой, совершенно нежданно для меня, выразил полное свое сочувствие этому проекту. Затем он докладывал государю о странной, по выражению министра, выходке Совета Петербургского университета, который по поводу бывших в последнее время студенческих волнений представил графу Толстому записку, приписывающую вину этих беспорядков самому правительству и принятой системе полицейского над студентами надзора, с устранением всякого влияния университетского начальства и профессоров. По предложению графа Толстого, положено объявить Совету университета, что он вышел из пределов законной компетенции, и поставить ему на вид неуместность заявления.

Во всё продолжение доклада графа Толстого я слушал молча. При всем моем несочувствии к настоящему университетскому режиму, основанному исключительно на полицейском надзоре за учащейся молодежью, с безусловным воспрещением всякой корпоративной связи между студентами, я, однако же, затруднился бы сказать что-либо в защиту ученого сословия профессоров, выказавшего достаточно свою несостоятельность в деле поддержания порядка и дисциплины среди учащихся и противодействия их увлечениям. С самого начала студенческих волнений профессора, вместо того чтобы дружно бороться с опасными и губительными для молодежи влияниями, сами либеральничали, искали популярности между студентами и, враждуя между собой, потеряли всякий авторитет. [Поэтому, при всем моем отвращении к тенденциям графа Толстого, я, однако же, на сей раз должен был слушать молча его доклад и ничего не мог сказать в пользу университетских педагогов. Решение министра объявить Совету университета, что он вышел из пределов законной компетенции и поставить ему на вид его заявления, кажется мне решением умеренным и вполне

заслуженным.]

Из дворца заехал я к Валуеву, чтоб уговориться с ним относительно предстоящего совещания по делу преобразования Медико-хирургической академии; затем заехал в Константиновское военное училище, а позже было у меня совещание с генералом Крыжановским и генерал-майором князем Голицыным (атаманом Уральского казачьего войска) относительно высланных в Туркестанский округ в 1874 году уральских казаков.

Заезжал ко мне Набоков (министр юстиции) с объяснениями по делам одесской следственной комиссии (генерала Глинки-Маврина). Набоков – хороший человек, знающий свое дело, но чиновник до мозга костей.

4 марта. Воскресенье. Вчера после моего доклада происходил обычный доклад князя Горчакова и Гирса. Из секретных источников вполне выяснилось, что Англия действует двулично: в то время как новый посол лорд Дефферин расточает здесь всякие любезности и обещает сближение, маркиз Солсбери дает Порте советы, как подготовить вступление турецких войск в Восточную Румелию. Государь очень озабочен будущим положением дел по выступлении наших войск из Румелии и Болгарии. Уже и теперь, в присутствии наших войск, население в Ямполи и Сливне воспрепятствовало Шмидту принять тамошние кассы; произошли беспорядки, выведены были войска, в том числе местные дружины, которые, по свидетельству генерала Столыпина, исполнили свою обязанность превосходно[45].

После доклада государь ездил осмотреть вновь построенный для гвардейского Саперного батальона манеж вместе с церковью. Там встретил я его величество вместе с инженерным начальством и всеми офицерами батальона. Государь нашел, вопреки доходившим до него сетованиям духовных лиц (в особенности протопресвитера Бажанова), что нет никакого неудобства в соединении церкви с манежем. Однако же я намерен просить государя отказаться от употребления манежа для учебных строевых занятий батальона, чтоб успокоить благочестивых прихожан.

Сегодня после развода поехал я отдать визит английскому послу, который заезжал вчера ко мне, предупредив о своем желании познакомиться со мной. Я нашел лорда Дефферина в самом любезном настроении; почти целый час мы беседовали, сперва о предметах житейских, но потом перешли на политику, а потом, наконец, он вызвал свою жену и представил меня леди Дефферин. Если б можно было придавать серьезное значение маниловским речам английского посла, то нечего было бы и

желать лучшего: Россия и Англия были бы как Барбос и Полкан крыловской басни. Но, к сожалению, между этими речами посла и действительною политикой английских министров нет ничего общего. Когда я уходил от лорда Дефферина, он настойчиво просил, чтобы между нами установился откровенный и дружеский обмен мыслями.

После визита английскому послу было у меня совещание по китайским делам. Принимали в нем участие Грейг, Гирс, барон Жомини, Бютцов (посланник наш в Пекине) и Мельников (управляющий Азиатским департаментом); со стороны же военной – граф Гейден, Обручев, Казнаков (генерал-губернатор Западной Сибири), полковники Куропаткин и Каульбарс. Совещание продолжалось почти три часа. Главный вопрос состоял в том, должны ли мы непременно возвратить Кульджу китайцам, и если должны, то какие за это выговорить для себя выгоды в наших отношениях с Китаем. Пришли к заключению, что достоинство государства требует от нас честного исполнения обещания, неоднократно повторенного, – возвратить Кульджу, но не прежде, чем добившись от китайцев положительных уступок, как по некоторым вопросам торговым и по удовлетворению многих прежних наших претензий, так и по исправлению нашей границы с Китаем к северу от Тянь-Шаня, а в особенности по обеспечению участи народонаселения уступаемой нами китайцам Илийской области.

5 марта. Понедельник. Во время обычного моего по понедельникам приема в канцелярии министерства приехал ко мне граф Шувалов, только что прибывший из Лондона на короткое время. Он пробыл у меня довольно долго, и, конечно, разговор шел исключительно о настоящем положении дел на Балканском полуострове. Граф Шувалов горячо поддерживает необходимость смешанной оккупации (*occupation mixte*) Восточной Румелии, против чего восстает канцлер. Может быть, граф Шувалов и прав; до сих пор не придумали другого средства, чтобы устранить вступление в Румелию турок немедленно по выходе оттуда наших войск. Я возражал только против слишком уж ничтожной цифры предположенных союзных контингентов: говорено было всего о 10 тысячах солдат от всех государств вместе. Вопрос этот будет обсуждаться завтра в кабинете государя. Я обещал поддерживать мнение графа Шувалова.

Между прочим он рассказал мне интересные подробности своих разговоров с маркизом Солсбери и князем Бисмарком. Последний явно отвернулся от нас и всецело связался с графом Андраши. По словам графа Шувалова, лорд Дефферин отправился из Лондона в Петербург вовсе без инструкций, почти не

видевшись ни с Биконсфильдом, ни с Солсбери, и сам признавался Шувалову, что не имеет определенной программы. В свою очередь, он высказывал, какое встречает затруднение вести дела в Петербурге, не зная, с кем говорить и кто, собственно, ведет дела политические. По-видимому, вчерашний наш разговор, хотя сам по себе весьма поверхностный, показался ему все-таки содержательнее, чем объяснения его с канцлером.

6 марта. Вторник. После моего доклада было у государя совещание, в котором, кроме всегдашних участников, присутствовал граф Шувалов. Главным предметом суждений было предложение последнего относительно *occupation mixte*. Граф отлично развил свою мысль; напротив, князь Горчаков, горячо возражавший, выказал, более чем когда-либо, совершенную свою немощь. Он горячился, путался и не в состоянии был выразить ни одной определенной мысли. Гирс не разделял мнения графа Шувалова, но молчал.

После довольно продолжительных прений государь решил вопрос согласно с предположениями графа Шувалова и против канцлера. Графу Шувалову поручено вместе с Гирсом редактировать циркулярную телеграмму в смысле согласия на предусмотренную Берлинским конгрессом меру для обеспечения Восточной Румелии по выступлении русских войск (*occupation mixte*). Князь Горчаков заявил, что предоставит Гирсу подписать циркуляры, так как принятое решение противно его убеждению.

В Комитете министров происходили сегодня продолжительные и горячие прения о предположенных министром путей сообщения мерах к усилению Харьково-Николаевской железной дороги. Адмирал Посьет отличается замечательною неумелостью в делах; ни одно представление его в Комитет министров и в Государственный совет не проходит благополучно: или сильно переиначивается, или вовсе опрокидывается.

8 марта. Четверг. У статс-секретаря Валуева было продолжительное совещание по двум вопросам: во-первых, по предположению моему о преобразовании Медико-хирургической академии, а во-вторых, по предположению графа Толстого о недопущении семинаристов в университеты и другие высшие учебные заведения без особого гимназического экзамена. Предположение об Академии принято всеми весьма сочувственно; однако же и тут Грейг не мог пропустить случая, чтобы своими[46] мудрствованиями, высказанными обычным докторальным тоном, напустить тумана в деле совершенно простом и ясном. Напротив, граф Толстой был неимоверно сговорчив и любезен. Мы с Исаковым не надивимся такой перемене в настроении его. Дело о

преобразовании Академии, так давно нас заботившее, может теперь считаться решенным.

10 марта. Суббота. Вчера воспользовался я свободным утром, чтобы посетить Академию Генерального штаба и военно-юридическую. К обеду был приглашен во дворец.

Сегодня после моего доклада было совещание по политическим делам, с участием графа Шувалова. По прочтении некоторых полученных уже ответов на циркулярную телеграмму нашу о союзной оккупации (*occupation mixte*) граф Шувалов высказал новые свои соображения о том, чтобы предложить занятие Восточной Румелии только австрийскими и английскими контингентами, турецкие войска чтобы не вступали вовсе в Восточную Румелию, а русские – продолжали бы занимать южную полосу княжества Болгарского.

Князь Горчаков и Гирс возражали на это предложение, настаивая на предлагавшихся прежде канцлером платонических гарантиях неприкосновенности и независимости Восточной Румелии. [Я, со своей стороны, согласился с мнением князя Горчакова о невыгодах оставления в Восточной Румелии одних австрийцев с англичанами, но и выказал полное недоверие мое к тем средствам, которые канцлер считает достаточными гарантиями неприкосновенности Восточной Румелии.] Мое мнение состояло в том, чтобы оставаться при прежнем предложении *occupation mixte*; в случае же положительного отказа некоторых государств принять участие в этой совместной операции, допустить, согласно предложению графа Шувалова, ограничение оккупации лишь некоторыми контингентами, однако же ни в каком случае не менее трех государств.

Государь высказывался в том же смысле, но потом перешел на другой вопрос, который уже некоторое время преимущественно занимает его: предложение державам постановить с общего соглашения, что в случае окончательного распада Турецкой империи не будет допущено занятие Константинополя и проливов ни одною из больших держав. Граф Шувалов находит, что подобное предложение не может быть сделано в форме [гласного] письменного циркуляра; что необходимо предварительно нащупать расположение каждого из заинтересованных кабинетов путем конфиденциальных разговоров.

С этим мнением и я вполне согласен; но думаю, что в настоящее время инициативу подобного предложения нам принять на себя было бы опасно, даже и в простом разговоре. Да если б даже и осуществилось наше предложение, можно ли подобному дипломатическому соглашению придавать серьезное

значение? При теперешнем положении дел Англия уже владеет фактически и Константинополем, и проливами. Настоящий хозяин в столице Турции уже не султан, а представитель Англии; всё идет к тому, чтобы власть султана окончательно обратилась в одну фикцию, подобно тому как в Египте хедив уже взят вполне под опеку Англии и Франции. Флот английский, хотя и вышел из Мраморного моря, может во всякое время снова войти в проливы и даже в Черное море; никто ему препятствовать не будет. Турецкие батареи на берегах Босфора и Дарданелл, конечно, не откроют огня по британскому флоту. Следовательно, никакие дипломатические соглашения не могут уже восстановить прежнего порядка вещей, основанием которого были, во-первых, пресловутая неприкосновенность (*intégrité*) империи Оттоманской и, во-вторых, замкнутость проливов. Оба эти основных начала прежнего международного права по восточному вопросу уже разрушились; осталась только вывеска «Турецкая империя».

Сегодня был большой парадный обед во дворце по случаю дня рождения императора Вильгельма. День этот празднуется ежегодно; но мне показалось, что в нынешний раз не было уже той задушевности, которая систематически выказывалась на этом торжестве в прежние годы: обед прошел как-то холодно и заздравных тостов почти не было слышно.

15 марта. Четверг. Во все последние дни происходили у государя совещания по политическим делам в присутствии графа Шувалова. Почти исключительным предметом этих совещаний был вопрос о смешанной оккупации (*occupation mixte*) Восточной Румелии. Дело пока затрудняется разными оговорками, по которым не получается установить согласие. До сих пор только Австрия и Англия изъявили согласие на посылку своих контингентов; прочие же одобряют наше предложение в принципе, но уклоняются от участия в оккупации. Мы же не можем допустить австро-английской оккупации; не можем допустить и турецких войск, так как главная цель нашего предложения в том именно и заключалась, чтобы устранить вступление их в пределы Восточной Румелии. Англичане предлагают ограничить расположение турецкого контингента двумя пунктами: в Бургасе и Ихтимане. Как ни неприятно для нас согласиться на такое предложение, все-таки в нем можно видеть большой выигрыш, если мы через это устраним занятие Балканского хребта турками.

По всем этим вопросам граф Шувалов имеет ежедневные совещания с лордом Дефферином, который продолжает любезничать с нашими дипломатами; беседуя то с графом Шуваловым, то с князем Горчаковым, то с Гирсом, часто путает

дело и сообщает в Лондон отчеты не всегда точные. Да как и ожидать, чтоб английский посол передавал точно всё, что слышит у нас, если наш государственный канцлер не знает, где Бургас, а где Ихтиман, и не хочет взглянуть на карту. Всё перепутано в его старческой голове.

На днях приехал новый французский посол генерал Шанзи, сегодня он представлялся государю. Я не видал еще его; но сегодня, возвратившись домой около шести часов, нашел у себя записку с приглашением приехать запросто к английскому послу на обед, чтобы познакомиться с генералом Шанзи; однако же я уклонился от этого приглашения.

Во вторник было опять покушение на убийство генерала Дрентельна. На этот раз преступление неизвестных злоумышленников отличалось особенною дерзостью: среди белого дня, когда генерал Дрентельн ехал в карете в Комитет министров вдоль Летнего сада, злоумышленник обогнал его верхом, выстрелил в карету и ускакал вдоль набережной Большой Невы. Генерал Дрентельн погнался за ним в карете; городовые также поскакали на извозчиках, но, конечно, не могли нагнать всадника. Только у Воскресенского проспекта генерал увидел лошадь злоумышленника; ее водил городовой, который показал, что с лошади упал всадник, сел на извозчика и уехал, обещав за лошадью прислать. Злоумышленник был до того дерзок, что после совершенного преступления спокойно доехал до какой-то табачной лавочки, купил там папирос и потом пошел пешком. До сих пор его не нашли; лошадь же была куплена им у содержателя манежа, где он несколько недель учился верховой езде.

Город сильно взволнован; безнаказанность злоумышленников и неспособность полиции возбуждают общее негодование. На другой же день появились печатные листки, в которых с цинизмом выставляется это новое покушение в виде кары за самоволие администрации и предрекается исполнение в другой раз приговора подпольного судилища.

Мы сидели в Комитете министров, когда распространилась весть о случившемся. Генерал Дрентельн после напрасной погони за преступником сам приехал в Комитет и рассказал, что и как было. По приказанию государя было сегодня же у Валуева совещание о том, какие меры принять против повторяющихся преступлений тайных злодеев. Вопрос этот уже столько раз обсуждался, что казалось лишним снова терять время на совещания. Но на этот раз поводом к возобновлению обсуждений послужило присутствие в Петербурге графа Шувалова, который, по своей прежней опытности в должности обер-полицеймейстера, а потом шефа жандармов, вызвался предложить некоторые

придуманные им меры. Мы выслушали эти предложения, и затем произошел продолжительный обмен мыслями, подавший повод к горячим пререканиям между министрами внутренних дел и юстиции. Маков с некоторым укором отозвался о вмешательстве прокурорского надзора в полицейские дела; Набоков счел своим долгом защитить свое ведомство. Дельнее всех говорил Дрентельн, который вообще выказывает замечательную умеренность и спокойствие.

Все участники совещания признали полезным и важным одно из трех предложений графа Шувалова: предоставление городской полиции некоторых прав для водворения более строгого надзора за живущими в столице и некоторых больших городах. Другая из предложенных им мер – обещание денежных наград и освобождение от всякого наказания тех из соумышленников преступлений, которые откроют виновных, – не нашла сочувствия ни в ком из присутствовавших. Что же касается третьей меры – высылки разом из столицы всех подозрительных, – то мера эта подала повод к разнообразным суждениям. В пользу ее высказались Маков и граф Толстой; сомневались в пользе ее Набоков и Грейг; Дрентельн и я – решительно возражали против предоставления полицейским властям подобного произвола, составляющего уже и теперь главный повод к справедливому неудовольствию и ропоту даже между людьми самыми благоразумными и спокойными. Я заметил, что перемещение из столицы хотя бы нескольких сот людей, состоящих на дурном замечании у полиции, нисколько не достигнет цели и даже не уменьшит зла, а только восстановит окончательно общественное мнение против правительства.

Председатель (Валуев) не высказал своего личного мнения; он должен был прекратить заседание по причине позднего часа. Чтобы прийти к какому-нибудь положительному заключению, положено вторично собраться завтра.

Сегодня был у нас в доме маленький музыкальный вечер: пели Прянишников и старик Опочинин; первый – как артист, второй – как любитель.

17 марта. Суббота. Вчера генерал Шанзи сделал мне визит, но не застал меня дома. Сегодня после доклада я отдал ему визит. Беседа наша продолжалась с полчаса, но ограничилась обычным светским разговором. Новый посол имеет симпатичную наружность, любезен, но сознается, что совершенно новичок в дипломатии.

Вечером был я на лекции подполковника Плюцинского в зале Инженерного училища.

18 марта. Воскресенье. На разводе присутствовал новый

французский посол генерал Шанзи. После развода заехал ко мне великий князь Николай Николаевич вместе со своим начальником штаба графом Павлом Андреевичем Шуваловым.

20 марта. Вторник. Сношения дипломатические касательно Восточной Румелии подвигаются туго. Италия подается на то, чтобы принять участие в смешанной оккупации, хотя и обставляет свое согласие разными оговорками. Но Порта артачится. Вопрос идет о том, где можно с меньшими неудобствами допустить присутствие турецкого контингента. Мы уже согласились было на занятие им Бургаса; но Столыпин на сделанный ему запрос ответил, что отнюдь не следует туда допускать турок, и указал на некоторые пункты близ южной границы Восточной Румелии в горах Родопских.

Сегодня во дворце был большой парадный обед в честь обоих новых послов – английского и французского.

21 марта. Среда. Бóльшую часть утра провел я в изучении картографических работ, приготовленных в залах Зимнего дворца для осмотра их завтра государем; поэтому не поехал в заседание Военного совета. Обедал во дворце с графом Шуваловым и Гирсом. После обеда, за чашкой кофе, читались полученные новые телеграммы и дипломатические депеши.

22 марта. Четверг. После моего доклада было обычное совещание по делам политическим, с участием графа Шувалова. Решено взять почин относительно плана предстоящей оккупации Восточной Румелии. Полагаем предложить распределение районов для каждого из пяти контингентов.

После совещания государь осматривал картографические и съемочные работы.

23 марта. Пятница. В прошедшем сегодня совещании у государя заявлены были вновь полученные предложения от Порты и от Лондонского кабинета: является мысль вместо смешанной оккупации довольствоваться согласием Порты на назначение генерал-губернатором Восточной Румелии нашего кандидата Алеко-паши (Вогоридеса) и оставление при нем на годичный срок международной комиссии, а также ее обещанием не вводить своих войск ни на Балканы, ни в другие части Румелии, за исключением одного только пункта, например, Бургаса. Предложение это обсуждалось сравнительно с прежним предположением о смешанной оккупации в том случае, если б контингенты были только от Англии, Австрии, России и Турции.

Граф Шувалов продолжает отдавать предпочтение этому последнему предположению. Канцлер и Гирс, как и прежде, не сочувствуют оккупации вообще и склонны к принятию турецкого предложения. Я не высказал положительного мнения. Решено

отложить вопрос до завтра, в ожидании приезда генерала Тотлебена, который и прибыл вечером. Прямо с железной дороги он поехал к государю, а потом заехал ко мне. Я объяснил ему в коротких словах, как теперь поставлен вопрос, подлежащий обсуждению в завтрашнем совещании. Тотлебен решительно высказался против смешанной оккупации и в пользу турецкого предложения. Мнение свое он основывает на том соображении, что румелийские болгары уже настолько оперились, что турки не посмеют вступить в Восточную Румелию. По мнению Тотлебена, Турция в полном распадении; болгары же вооружены и [уже] готовы к борьбе, так что турки в случае вступления в Восточную Румелию встретят упорное сопротивление. Генерал в рассказах своих выставляет настоящее положение болгарского народа в весьма утешительных красках.

24 марта. Суббота. Обсуждавшийся во вчерашнем совещании вопрос относительно Восточной Румелии был снова предметом совещания сегодня, в присутствии генерала Тотлебена. Пришли к заключению, что настаивать на прежнем предложении нашем о смешанной оккупации во всяком случае было бы бесполезно; остается принять новые гарантии, предлагаемые Портой и Англией; но при этом выторговать всё, что возможно, для большего обеспечения Южной Болгарии от вторжения турок.

27 марта. Вторник. В прошлое воскресенье весь день потратил на полковое празднество конной гвардии: парад, завтрак у полкового командира (флигель-адъютанта полковника барона Фредерикса), обед во дворце.

Вчера и сегодня происходили обычные совещания по делам политическим с участием графа Шувалова и Тотлебена. Продолжаем обсуждать разные меры к устранению замешательств после выхода наших войск из Восточной Румелии. Еще неизвестно, как приняты в Лондоне и Константинополе наши оговорки к сделанным Портой и Англией новым предложениям. Являются новые затруднения и опасения: с одной стороны, в Восточной Румелии, по мнению Тотлебена и Столыпина, появление не только турецких войск, но и турецкого генерал-губернатора не обойдется без сопротивления. С другой – в Тырнове народное собрание постановило, вопреки прежним надеждам нашим, не приступать к избранию князя, предоставив это решение особому собранию выборных депутатов. Через это избрание князя значительно отдаляется, и почти нет уже возможности ввести окончательное правительство в Болгарском княжестве прежде истечения срока, назначенного Берлинским трактатом для русского управления. Что же будет в промежуток времени от 23 апреля до прибытия будущего князя? Решено

телеграфировать князю Дондукову, чтобы он старался ускорить открытие нового чрезвычайного собрания и настоял на выборе князя ранее срока оккупации. Также телеграфировано ему и Столыпину, чтобы настойчиво велось дело вооружения болгар по обеим сторонам Балкан и развития образовавшихся в среде их «гимнастических дружеств».

28 марта. Среда. Отъезд в Крым еще отложен на 11 апреля; предлогом выставляется холодная погода. Сегодня совещание у государя было назначено позже обыкновенного, в половине второго, по случаю церковной службы, хотя государь не говеет на этой неделе. Рассуждали опять о положении дел в Болгарии и Восточной Румелии, по поводу полученных донесений от князя Дондукова и разговоров, которые вчера имели канцлер и граф Шувалов с лордом Дефферином. Генерал Тотлебен, оказывается, внушил особенное доверие к себе английскому послу, который думает, что для полного успокоения Европы было бы полезно окончательную эвакуацию Болгарии и Румелии поручить Тотлебену. По всему видно, что к князю Дондукову никто не имеет доверия, его заподозрили в неискренности действий и подстрекательстве болгар к сопротивлению.

Были также сегодня рассуждения о том, полезно ли графу Шувалову ехать обратно в Лондон через Вену; граф Шувалов высказывает надежду склонить графа Андраши на нашу сторону в вопросах, предстоящих делимитационным комиссиям; князь Горчаков опасается попытки графа Шувалова оторвать Австрию от Англии или, как он сам выражается, изолировать Англию.

Перед самым выездом моим из дому на совещание получил я записку от английского посла с просьбой назначить ему час свидания, по возможности немедленно. По окончании совещания я сам заехал к лорду Дефферину. Он встретил меня с большою предупредительностью и объяснил цель нашего свидания желанием узнать мои личные мнения, прежде чем отправить курьера в Лондон с донесением о последних своих разговорах с князем Горчаковым, графом Шуваловым и Тотлебеном. По словам лорда Дефферина, он задался целью убедить свое правительство в искренности и прямоте намерений русского правительства относительно Восточной Румелии и[47] побороть общее недоверие к нашей политике. После всего уже слышанного им от названных лиц ему хотелось еще иметь мое заявление о наших видах.

Само собой разумеется, что я подтвердил ему всё, что было решено в последних наших совещаниях, и формулировал по возможности конкретно наши соображения о мерах к предупреждению нового кровопролития и беспорядков на Балканском полуострове по выходе наших войск и прекращении

нашей администрации в крае. Я перечислил ему и разъяснил следующие пункты: 1) турецким войскам оставаться лишь в местностях, ныне ими занимаемых на южной окраине Восточной Румелии в Родопских горах, и не занимать никаких других пунктов; 2) в дружинах румелийских удержать наших офицеров; 3) поспешить с работами делимитационных комиссий, пока там еще находятся наши войска; 4) распределить выступление наших войск таким образом, чтобы арьергард их оставался в одном из центральных пунктов Восточной Румелии по возможности долее; наконец, 5) поспешить с назначением генерал-губернатора в Восточную Румелию и введением органического устава к сроку нашей оккупации, то есть к 3 мая, равно как и водворением к тому же времени княжеского правительства в Северной Болгарии.

По всем этим пунктам лорд Дефферин вполне соглашался со мной, *il abondait dans mon sens*[48] и даже сознавался в том, что упорное желание Англии дать Турции оборонительную линию по Балканам есть такая же фикция, как прежде был пресловутый принцип всей восточной политики – *l'intégrité de l'Empire Ottomane*[49]. Слушая медоточивые речи британского посла, сожалеешь только о том, что они не имеют ничего общего с решениями и действиями британского правительства.

31 марта. Суббота. В последние три дня не произошло ничего нового; дипломатические соглашения не подвинулись ни на шаг. Не было даже обычных совещаний у государя. Взамен того у меня собирались два дня сряду совещания по особым вопросам: вчера о направлении устраиваемого морского канала от Кронштадта до Петербурга и расположении порта на Гутуевском острове; а сегодня – об инструкции, составляемой руководству комиссии, назначенной (под председательством генерал-адъютанта Глинки-Маврина) расследовать злоупотребления в действиях бывшего полевого интендантства для продовольствования армии.

На днях приехал опять в Петербург великий князь Михаил Николаевич. Сегодня я просидел у него с час времени.

1 апреля. Светлое воскресенье. Давнишний обычай христосования с государем у заутрени отжил свой век. Когда все съехались во дворец, к общему удивлению, объявлено было, что государь христосоваться не будет. Многие озадачены и недовольны. Тем не менее почти вовсе уже и не христосовались между собой.

В течение дня по городу ходили слухи о том, будто бы ночью ожидали каких-то беспорядков. В действительности же только найдены были [опять] в разных местах новые противоправительственные печатные воззвания.

2 апреля. Понедельник. Опять покушение на жизнь государя! Утром, когда я только встал и оделся, дежурный фельдъегерь вошел сказать, что желает видеть меня полковник князь Трубецкой, чтобы передать что-то важное о случившемся с государем. Выйдя поспешно в приемную, я увидел князя Александра Васильевича Трубецкого, только что приехавшего из Ташкента, того самого, который в молодости был блестящим кавалергардским офицером, потом мужем знаменитой Тальони, консулом в Марселе, а затем впал в долги и нищету и нашел снова пристанище в военной службе в Туркестанском крае. Он рассказал мне, что был очевидцем, как во время прогулки государя, близ Певческого моста, шедший навстречу ему неизвестный человек сделал из револьвера несколько выстрелов и немедленно был схвачен; что государь остался невредим и, сев в первый попавшийся экипаж, доехал до дворца.

Пораженный таким известием, я немедленно поехал во дворец, где нашел уже нескольких министров, в том числе князя Горчакова, Валуева, Дрентельна. Вслед за тем постепенно съехались и другие. Государь позвал к себе Валуева, Дрентельна, Макова и меня, чтобы обсудить меры, какие нужно принять по случаю настоящего положения дел, и приказал нам сегодня же собраться и составить предположение об учреждении в обеих столицах и других больших городах временных военных генерал-губернаторов, с применением правил военного положения. Государь казался спокойным и судил в умеренном смысле; присутствовавший при этом наследник цесаревич высказывался гораздо энергичнее и круче.

К 11 часам собралась уже целая толпа в коридорах дворца и в ротонде. Пока шла обедня в Малой церкви и потом молебствие, вся Белая зала наполнилась съехавшимися «особами обоего пола», как пишется в гоф-фурьерских повестках. Государь с императрицей и всей царской семьей прошел из Малой церкви в Белую залу и на всем пути встречал восторженные изъявления преданности, а когда показался в Белой зале, то раздались громовые крики «ура!». Потом его величество показался на балконе перед собравшейся на площади толпой народа. Мгновенно улицы запестрили флагами, и целый день не было другого разговора, кроме рассказов об утреннем событии. Разумеется, более всего толковали о личности преступника, который, как говорили, принял яду; но его заставили принять противоядие и полагают, что он не ускользнет от судебного возмездия. При первых допросах он назвал себя Соловьевым, отставным чиновником[50].

В два часа назначено было у Валуева совещание. Кроме лиц,

уже принимавших участие в прежних совещаниях по тому же предмету, приглашен был, по моей просьбе, главный военный прокурор статс-секретарь Философов. После трех часов споров и суждений пришли к заключению, чтобы Философов, вместе с министром юстиции Набоковым, проектировал к завтрашнему дню указ Сенату относительно учреждения временных военных генерал-губернаторов и инструкцию для них.

Вечером был у меня генерал-адъютант граф Лорис-Меликов, только что приехавший с низовий Волги. Хотя, по-видимому, там всё успокоилось, однако же он намерен еще возвратиться туда в конце Святой недели, чтобы сделать окончательные распоряжения о снятии карантинов и роспуске войск, собранных для оцепления Астраханской губернии.

4 апреля. Среда. Вчера утром перед моим докладом было у государя совещание с участием генерала Дрентельна относительно предстоящих назначений на должности временных генерал-губернаторов в Петербурге, Харькове, Одессе и отчасти в Москве. Государь еще колебался. К двум часам опять съехались к Валуеву для совещания относительно проектированного статс-секретарем Философовым указа Сенату. Проект был одобрен с неважными редакционными поправками. Тем не менее прозвучало немало разглагольствования по вопросу о соединении власти гражданской с военной и затруднительности решения вопроса о выборе лиц для Петербурга.

Сегодня утром представил я государю вчерне проектированный указ, в присутствии генерала Дрентельна. Тут же окончательно решены все назначения: в Петербурге генерал Гурко назначается временным генерал-губернатором и вместе с тем помощником главнокомандующего войсками округа вместо барона Бистрома, назначаемого в Военный совет. В Москве остается генерал-губернатором князь Долгоруков; но вместо Гильденштубе (назначаемого в Государственный совет) командующим войсками округа назначается генерал-адъютант Казнаков, вместо которого начальство в Западной Сибири возлагается на генерал-адъютанта графа Бреверна де Лагарди, много уже лет остающегося вне действительной службы.

В Харьков назначается генерал-адъютант граф Лорис-Меликов на обе должности – генерал-губернатора и командующего войсками; занимавший эту последнюю должность генерал Минквиц определяется в Военный совет. Наконец, в Одессе права генерал-губернатора предположено предоставить генерал-адъютанту Тотлебену, которому и без того предстояло пробыть некоторое время в Одессе для окончания дел по управлениям армии. Таким образом разрешился трудный вопрос

о перестановке. Кроме того, предположено командиром гренадерского корпуса назначить графа Шувалова (Павла) вместо генерал-адъютанта Ганецкого 1-го, назначаемого в Военный совет, а начальником штаба Петербургского округа – генерал-адъютанта князя Имеретинского.

После доклада моего я остался во дворце для молебствия в память 2 апреля; а к шести часам приглашен был к обеду с генерал-адъютантом Шуваловым и Тотлебеном и статс-секретарем Гирсом. Главным предметом разговоров за обедом было событие 2 апреля. Государь объяснял некоторые подробности, неверно передаваемые в газетных известиях. Отовсюду приходят бесчисленные телеграммы с выражениями сочувствия и преданности императору, чудесно спасенному от руки злодея. Говорят, что преступник, сначала упорно молчавший и смотревший угрюмо, начинает понемногу проговариваться.

7 апреля. Суббота. В городе только и разговоров, что о преступных замыслах, о новых будто бы попытках против служащих лиц, о бесчисленных арестах. Как будто самый воздух пропитан зловещими ожиданиями чего-то тревожного. Ходят самые неправдоподобные слухи и выдумки. Высшая полиция встревожена получаемыми секретными предостережениями. Одновременно в Москве и здесь были намеки на то, что злоумышленники, видя неудачу одиночных покушений, намереваются произвести новую попытку уже скопом. Поэтому в прошлую ночь приняты были чрезвычайные меры по войскам Петербургского гарнизона. В разных местах города секретно расположены части войск; полки удержаны в казармах. Сегодня подписан приказ о назначении временных генерал-губернаторов в Петербург (Гурко), Харьков (Лорис-Меликов) и Одессу (Тотлебен).

Вчера государь показывал мне пальто, которое было на нем 2 апреля; оказывается, оно было прострелено; на ноге государя заметно пятно в том месте, где, по-видимому, ударила пуля, не пробив, однако, сапога.

Политика в застое. Хотя вчера было совещание, последнее перед отъездом графа Шувалова, однако же никаких новых сведений не предъявлено. Продолжается только назойливое со стороны англичан препирательство с нами о том, что считать пунктами принципиальными при определении новых границ Болгарии и Румелии и что частностями (*détail*), предоставляемыми решению делимитационных комиссий простым большинством голосов. При этом, разумеется, главное внимание обращено на балканскую границу. Мы считаем принципиальным условием проведение границы по гребню хребта, по водоразделу; англичане домогаются, чтобы мы

предоставили большинству комиссии окончательно решать вообще все отступления от означенной нормальной линии; но мы не можем согласиться на такое широкое толкование слова: *question de détail*. На этом пока и остановились препирательства между лордом Дефферином и Гирсом.

Сегодня отправлен фельдъегерь прямо в Тырнов к князю Дондукову с инструкцией относительно порядка эвакуации из Болгарии и Румелии. Кроме официальных бумаг я послал своеручное длинное письмо, в котором старался пояснить князю Дондукову те затруднения, которые можно предвидеть в случае замедления в выборе князя Болгарии, и предстоящий нам образ действий.

Сегодня было у меня совещание с генерал-адъютантом Крыжановским и Казнаковым, в присутствии графа Гейдена и генерал-лейтенанта Богуславского, по вопросу о применении воинской повинности к инородческому населению азиатских округов. Вопрос этот почти нисколько не подвинулся со времени введения устава о воинской повинности в империи; даже не установился взгляд на основные начала, которых следует держаться.

15 апреля. Воскресенье. Ливадия. 12 апреля их величества с великой княгиней Александрой Иосифовной выехали из Петербурга в Крым. Кроме всегдашних лиц свиты, ехали в царском поезде и мы с Гирсом. Путешествие совершилось со всеми обычными удобствами, и сегодня мы уже обедали в Ливадии. Крым нашли мы в восхитительном виде: деревья в цвету, зелень свежая, яркая. Какая противоположность с природой, только что покинутой нами на севере!

В последнюю неделю перед отъездом из Петербурга всё еще продолжались толки о назначении новых временных генерал-губернаторов и определении предоставляемых им чрезвычайных прав. Против первоначального предположения последовали лишь немногие перемены: командующим войсками Московского военного округа решено назначить генерал-адъютанта графа Бреверна де Лагарди, а Казнакова оставить на своем месте в Западной Сибири. Объявление в приказе обо всех новых назначениях и перемещениях отложено на 17 апреля.

По внешней политике также продолжался обмен телеграмм по вопросу о предоставлении бóльших или меньших полномочий разграничительным комиссиям. Граф Шувалов, проездом через Вену, без надобности вошел в объяснение с графом Андраши, который нахально восстал даже против того, что уже было окончательно улажено и с англичанами, и с Портой.

Между тем Тырновское народное собрание закончило

возложенное на него составление органического статута для Болгарии и затем закрыто. Сегодня же должны уже собраться там новые депутаты в чрезвычайное собрание для выбора князя.

18 апреля. Среда. В понедельник ездил я в Симеиз, чтобы взглянуть, всё ли готово к приему ожидаемой вскоре семьи. Я наслаждался, как в дни юности, осматривая все уголки дома, все чаиры[51], огороды, фонтаны.

Возвратился в Ливадию к обеду, то есть к 7 часам. В этот день ожидали приезда греческой королевы Ольги Константиновны; но она прибыла только в полночь, когда перестали уже ожидать ее.

Вчера утром был съезд в Ливадии по случаю торжественного дня рождения императора. Поздравительных телеграмм масса; мне пришлось отправить множество ответных от имени его величества. Перед самым обедом получена телеграмма от князя Дондукова, который, со свойственной ему ловкостью, подогнал к этому дню выбор князя только что съехавшимся новым народным собранием. По нашему указанию выбран единогласно принц Александр Баттенберг, племянник императрицы, участвовавший с нами в кампании 1877 года в Болгарии.

Эту весть государь принял с видимым удовольствием; в тот же вечер разосланы телеграммы ко всем дворам и к отцу принца, брату императрицы. По окончании обеда меня позвали в гостиную императрицы вместе с графом Адлербергом и Гирсом. Здесь мы нашли великую княгиню Александру Иосифовну и царственную ее дочь королеву Ольгу. Императрица не совсем довольна выбором ее племянника на болгарский престол; по-видимому, она мало доверяет прочности и счастливой будущности этого нового государства.

Сегодня утро было свободно, и я съездил в Ялту навестить бедного больного Александра Алексеевича Зеленого. Я нашел его в еще более печальном состоянии, чем был он в прошлом году. Потрясающее воздействие произвела на больного беспощадная суровость, с которою государь обошелся с ним в день своего приезда в Ливадию, когда Зеленый встретил его величество на крыльце Ливадийского дворца: проходя мимо Зеленого и едва приостановившись, государь гневно сказал ему, что злодейское покушение 2 апреля совершено его родственником – мужем его племянницы. Такой неожиданный упрек совершенно ошеломил больного, который сначала даже ничего не понял и растерялся; с трудом вспомнил он, что лет шесть назад одна из дочерей его родной сестры покинула родительский дом и с тех пор о ней не было в семье никаких сведений. Сегодня Зеленый объяснил мне, что эта девушка, совращенная нигилистами, вышла за какого-то неизвестного ему человека, которого, однако же, после короткого

времени, бросила. Этот человек и оказался злодеем, покусившимся на цареубийство.

20 апреля. Пятница. С приезда в Ливадию я пользуюсь непривычным мне досугом. Только по утрам, на какой-нибудь час времени, мы с Гирсом и графом Адлербергом являемся в кабинет государя для прочтения полученных новых известий по делам политическим и для обсуждения ответов. Чтение это происходит в кабинете императрицы или на ее балконе. Затем, кроме обязательного присутствия за обедом, всё остальное время свободно: пользуюсь им для прогулки и чтения – два удовольствия, которые я могу себе позволить только теперь, как редкое исключение из обычной моей жизни.

Прочел я замечательную статью профессора Градовского, помещенную в одном из ежемесячных журналов: «Социализм на западе Европы и в России». Автор мастерски разъясняет ненормальное явление наших русских «социалистов», которые заимствовали на западе только имя, но действуют и думают совершенно в ином смысле. То, что называется в Европе «социализмом», совершенно чуждо нам; у нас это экзотическое растение, для которого нет пригодной почвы. Градовский весьма верно указывает причины, создавшие у нас «нигилизм», и обстоятельства, помогающие безобразным деяниям наших пропагандистов и революционеров. Дело в том, что при всей чудовищности проповедуемых ими принципов, они не только не встречают отпора в обществе, но даже находят благоприятствующую почву в массе недовольных существующим порядком вещей.

И я, со своей стороны, постоянно высказывал и высказываю эту самую мысль; но Градовский изложил ее с бóльшим умением и тактом; он сумел высказать много таких истин о настоящем нашем, можно сказать, хаотическом положении, которые в другой форме не могли бы появиться в печати.

Действительно, нельзя не признать, что всё наше государственное устройство требует коренной реформы, снизу доверху. Как устройство сельского самоуправления, земства, местной администрации, уездной и губернской, так и устройство центральных и высших учреждений – всё отжило свой век, всё должно получить новые формы, согласованные с великими реформами, совершенными в 60-х годах. К крайнему прискорбию, такая колоссальная работа не по плечам теперешним нашим государственным деятелям, которые не в состоянии подняться выше точки зрения полицеймейстера или даже городового. Высшее правительство запугано дерзкими проявлениями социалистической пропаганды и думает только об охранительных

полицейских мерах, вместо того чтобы действовать против самого корня зла. Появилась зараза – и правительство устраивает карантинное оцепление, не предпринимая ничего для самого лечения болезни.

Высказывая эти грустные мысли, невольно задаешь себе самому вопрос: честно ли ты поступаешь, храня про себя эти убеждения, находясь в самом составе высшего правительства? Часто, почти постоянно гнетет меня этот вопрос. Но что же делать? Плетью обуха не перешибешь; я был бы Дон Кихотом, если бы вздумал проводить взгляды, совершенно противоположные существующим в той сфере, среди которой вращаюсь; взгляды эти сделали бы невозможным мое официальное положение и не принесли бы ровно никакой пользы делу. Я убежден, что нынешние люди не в силах не только разрешить предстоящую задачу, но даже и понять ее. Для успокоения же собственной совести было бы одно средство – удалиться от правительственной деятельности, что и составляет уже давно предмет задушевной моей мечты; но возможно ли было предпринять такой шаг в последние годы и скоро ли можно будет осуществить свою давнишнюю мечту?

22 апреля. Воскресенье. Сегодня утром приехал в Ливадию князь Дондуков. После обедни и завтрака государь принял его доклад в присутствии моем, а также Гирса и графа Адлерберга. Разумеется, главным предметом доклада было избрание на болгарский престол принца Александра Баттенберга, соображения о его прибытии в Болгарию, о приеме им депутации, даже о том, в каком мундире должен он явиться и какую русскую ленту следует на него надеть. Впрочем, князь Дондуков привез с собой целую кипу докладных записок по разным вопросам, преимущественно о ликвидации нашего управления и оккупации в Болгарии. Завтра он уже намерен отплыть обратно в Варну.

24 апреля. Вторник. Вчера праздновался в Ливадии день рождения короля эллинов [Георга I] и именины великой княгини Александры Иосифовны. Это не помешало длинному докладу князя Дондукова в присутствии моем и Гирса. Более всего было толков о приезде и вводе во владение нового болгарского князя Александра. Телеграф не перестает действовать.

Между тем из Константинополя известия удовлетворительные: в субботу генерал Обручев представлялся султану, был принят очень благосклонно и сегодня должен был продолжать путь в Филиппополь; он везет, кроме русской прокламации к населению Восточной Румелии, также официальное заявление от имени султана о том, что Порта, сохраняя за собою права, предоставленные ей Берлинским

трактатом, не намерена пользоваться ими относительно ввода турецких войск на Балканы или в какие-либо другие части Восточной Румелии. Такое заявление много успокоит взволнованные умы болгар и, что весьма важно, сделает вовсе излишними все неприятные объяснения с Англией и Австрией; обе они останутся в стороне с нахальными своими домогательствами.

Сегодня князь Дондуков-Корсаков уехал обратно в Варну.

30 апреля. Понедельник. В прошедшую пятницу, 27-го числа, ездил я навстречу моей семье, которая от Симферополя приехала в Ялту в экипажах. Проведя некоторое время в Ялте со своими, я возвратился к вечеру в Ливадию. В субботу утром жена и дети, по пути в Симеиз, заехали ко мне. Когда я пришел с докладом, государь объявил мне, совершенно для меня неожиданно, что требует, чтобы я не иначе ездил в Симеиз, как в сопровождении казака. Как ни отговаривался я от [неудобной] этой охраны, однако же не мог отклонить высочайшую волю; ко мне прислан кавказский казак из Собственного е. в. конвоя для сопровождения меня в тот же день в Симеиз.

Другая новость была для меня приятная: государь, узнав через графа Адлерберга о желании моем избегнуть поездки с его величеством в Берлин и Варшаву, чтобы провести некоторое время на отдыхе со своей семьей, весьма любезно изъявил на это полное свое согласие. Перспектива поездки в Германию в свите государя была для меня вовсе непривлекательна.

После доклада моего и чтения дипломатических известий у императрицы я поспешил отправиться в Симеиз. На пути под разными предлогами старался отсылать от себя вперед провожавшего меня казака. В Симеизе провел я время до сегодняшнего вечера в совершенном бездействии. Это *dolce far niente*[52] среди прелестной местности, в дорогой семье, есть действительный отдых не только физический, но и душевный.

Возвратившись к обеду в Ливадию, я уже нашел здесь принца Александра Баттенберга. Когда собрались к обеду, государь объявил, что производит князя Болгарского в генералы русской службы и назначает его шефом 13-го стрелкового батальона, в воспоминание участия принца в первом походе генерала Гурко за Балканы, при чем особенно отличилась 4-я стрелковая бригада. Князь высказал мне свои опасения насчет предстоящих ему затруднений. В четверг прибудет сюда болгарская депутация.

4 мая. Пятница. Князь Болгарский всю неделю знакомился с положением дел и предстоящею ему задачей. Приехавшая вчера болгарская депутация представлялась сегодня князю в столовой дворца. Она состоит из епископа, господ Стоилова, Бурмова,

Караконосова, одного мусульманина и одного крестьянина. Князь был в мундире русского уланского полка (Вознесенского), в генеральских эполетах, с лентой Белого орла и в болгарской шапке. После взаимного обмена приветствиями и речами депутацию повели в гостиную, где принял ее государь. Хотя бóльшая часть депутации говорит по-русски, однако же государь сказал им речь по-французски с тем, чтобы слова его были понятны и самому князю Александру. Епископ отвечал прекрасною речью по-русски.

После этого официального приема болгар пригласили к общему завтраку, а потом к обеду. Болгары держали себя весьма прилично и непринужденно; даже крестьянин выказал необыкновенный такт. Депутация намерена пробыть здесь дня три; князь же Александр отправляется завтра в Одессу, откуда объедет все большие дворы. В этом путешествии сопровождает его Стоилов.

5 мая. Суббота. Утром отслужено в дворцовой церкви напутственное молебствие с провозглашением многолетия болгарскому князю, болгарскому войску и болгарскому народу. Сам князь и болгарские депутаты были тронуты до слез. После завтрака князь сел на пароход «Пендераклия» и отплыл в Одессу, где ожидает его торжественная встреча.

8 мая. Вторник. Воскресенье и утро понедельника провел я в Симеизе в полном отдохновении. Вчера возвратился в Ливадию к обеду и нашел груду привезенных из Петербурга бумаг. Сегодня имел продолжительный доклад у государя, после чего его величество принял только что приехавшего из Константинополя посла князя Лобанова-Ростовского. После короткого с ним разговора с глазу на глаз приглашены были в кабинет граф Адлерберг, Гирс и я. Читалось, в присутствии самого князя Лобанова, любопытное письмо его, в котором выставлены ясно проделки Австрии и коварные виды ее на преобладание на Балканском полуострове. Князь Лобанов в частном разговоре с султаном имел случай раскрыть ему глаза и предостеречь от замыслов Австрии, поддерживаемых Англией и Германией. Разговор этот произвел такое впечатление на султана, что он приостановился было с подписанием уже заключенного с австрийцами договора касательно Новобазарского санджака и согласился на утверждение этого странного договора только тогда, когда австрийцы согласятся на уничтожение подписанных уже перед тем секретных условий тесного союза между Австрией и Портой против России. Князь Лобанов случайно открыл существование этой секретной сделки и успел еще вовремя расстроить ее.

Перед обедом князь Лобанов просидел у меня более часа. С ним вести дело приятно; он человек живой, хотя несколько поверхностный. Ему готовится какое-то новое назначение; догадываюсь, что в Лондон, на место графа Шувалова; в Константинополе его заместит Сабуров, а вместо последнего в Афины назначается Нелидов, наш сотоварищ в Болгарской кампании 1877 года.

10 мая. Четверг. Сегодня рано утром прибыли в Ялту генерал-адъютант Тотлебен из Одессы и турецкий чрезвычайный посол Намык-паша из Константинополя. Государь принял Тотлебена сейчас после моего доклада, а турецкого посла в час, после обедни, которую их величества слушали в большой церкви по случаю храмового праздника (Вознесения). Намык-паша – восьмидесятилетний старик; говорит по-французски, хотя с трудом; он когда-то бывал в Петербурге; несколько раз занимал пост верховного визиря и был одним из уполномоченных при подписании Сан-Стефанского договора. Рассказывают о нем, что, подписав этот тяжелый для Турции трактат, он заплакал.

Государь принял его в кабинете, наедине; вся свита была собрана на подъезде дворцовом, в мундирах и походной форме. Аудиенция продолжалась недолго; после нее паша был приглашен к завтраку, а потом и к обеду. Привезенное Намык-пашой султанское письмо в ответ на посланное с Обручевым письмо нашего государя не заключает в себе ничего другого, кроме [любезных] банальных фраз. Не того ожидали у нас от этого посольства: князю Лобанову было заявлено султаном, что вместе с Намык-пашой приедет секретарь султана Зиат-бей, пользующийся неограниченным доверием. Присылка такого лица придавала посольству характер конфиденциального, важного поручения, и сам султан предварял князя Лобанова, что посылает такое лицо именно с целью передать через него самые сокровенные личные мысли свои.

Князь Лобанов предполагал, что предметом этих таинственных объяснений может быть та же несбыточная мечта, о которой наш посол слышал еще осенью прошлого года и тогда же докладывал о том государю в Ливадии. Однако же все эти предположения не осуществились: почти в самый момент выезда Намык-паши из Константинополя поездка Зиат-бея была отменена. Можно догадываться, что султан в последнюю минуту спохватился, сообразив, что посылка в Ливадию такого доверенного лица возбудит подозрения западных друзей Порты, которых султан боится, хотя и не доверяет им.

Последние сведения из Восточной Румелии и даже из Болгарии были несколько тревожны: по донесениям наших

дипломатических агентов, начиная с князя Цертелева, можно опасаться сильного брожения умов и нарушения порядка при введении нового органического статута. Дипломаты прямо обвиняют наших военных в умышленной агитации и даже в рассылке прокламаций. Наиболее подозреваемый в этих происках – служащий в наших войсках болгарин полковник Кесяков – был даже переведен, по особому высочайшему повелению, на службу в княжество Болгарское.

Между тем полученные сегодня телеграммы от Столыпина и Обручева совершенно успокоительны. Появление Обручева как в Сливне, так и во всех других местах Восточной Румелии встречается с восторгом, с заявлениями преданности русскому царю. Генерал Столыпин положительно оправдывает Кесякова, утверждая, что волнение умов вызвано исключительно несочувственным в народе назначением начальником румелийской милиции и жандармерии Виталиса. Отец Виталиса Перот служил некогда при русском посольстве в Константинополе, сын же служил во французских войсках в Алжирии и офранцузился.

Вся сегодняшняя суета в Ливадии по случаю приезда гостей не помешала мне между завтраком и обедом съездить часа на два в Симеиз по случаю дня рождения дочери Надежды. Короткое это посещение семьи, вне урочного воскресного отпуска, разумеется, доставило мне более удовольствия, чем обычные ежедневные мои пешеходные прогулки по ближайшим окрестностям Ливадии.

17 мая. Четверг. В последние дни сведения из Петербурга о состоянии здоровья великой княгини Марии Павловны после родов были не совсем благоприятные; сегодня же получена телеграмма, что она в опасном положении. Известие это внезапно произвело переворот во всех планах: решен отъезд их величеств в субботу утром, прямо в Петербург. Таким образом, разлетелись и мои мечты об отдыхе в Симеизе на время поездки государя в Берлин и Варшаву. Не знаю даже, удастся ли завтра проститься со всеми членами семьи моей. Жена с несколькими из дочерей намеревалась приехать в Ялту и остаться до воскресенья, чтобы представиться императрице. Теперь приедет она, чтобы проститься со мной.

Политических новостей не было за последние дни, кроме благополучного вступления Александра Вогоридеса в управление Восточной Румелией. И тут едва не случилась беда: по приказанию султана Вогоридес выехал из Константинополя в феске; известие об этом взволновало горячие головы болгарских патриотов. Столыпин послал навстречу Вогоридесу дипломатического чиновника Неклюдова, чтобы убедить его не

являться в Филиппополь в феске, так как он, Столыпин, не отвечает за благополучный прием его. Вогоридес послушался, надел болгарскую шапку, и всё обошлось к общему удовольствию. Новый правитель Восточной Румелии очень был доволен, благодарил Столыпина, который на другой же день выехал из Филиппополя в Сливно, чтобы оставить Вогоридеса хозяином в новом его звании.

18 мая. Пятница. Все распоряжения были уже сделаны к отъезду двора из Ливадии на завтрашнее утро; уже перевозился на пароход багаж. Ко мне приехала вся семья, чтобы проститься. Жена, имевшая намерение представиться императрице в воскресение, получила разрешение представиться сегодня же, в своем дорожном туалете. Каково же было удивление и радость, когда после завтрака вдруг узнали, что отъезд отменен и всё остается по прежнему предположению, то есть государь едет 24-го числа в Берлин, а императрица 2 июня – в Петербург. Телеграммы из Петербурга успокоили вполне насчет здоровья великой княгини Марии Павловны.

Вчера вечером приехал в Орианду великий князь Константин Николаевич; сегодня же прибыл из Константинополя генерал Обручев с полковником Шепелевым. Миссия их имела полный успех. Последние известия, сообщаемые князем Лобановым по возвращении его [и Намык-паши] из Ливадии, представляют отношения наши с Портой в самом розовом цвете. Депеши из Лондона и Вены также свидетельствуют о существующем там примирительном настроении. Гирс, которого я всегда называю оптимистом, торжествует.

21 мая. Понедельник. В субботу утром, придя к докладу, нашел я государя снова в беспокойстве по поводу здоровья великой княгини Марии Павловны: полученная телеграмма сильно встревожила их величества и заговорили опять об отъезде в Петербург, если не на другой же день, то в понедельник, то есть сегодня. Несмотря на то, после доклада я все-таки отправился, по своему обыкновению, в Симеиз, сделав, однако же, распоряжение, чтобы меня своевременно известили о часе отъезда. В ежеминутном ожидании такого извещения я провел весь вечер субботы среди своей семьи, на террасе дома, любуясь очаровательной картиной моря при свете полного месяца.

В воскресенье утром прискакал ожидаемый казак с письмом от генерала Салтыкова, но с успокоительным известием о состоянии больной великой княгини. Об отъезде в Петербург, как пишет Салтыков, опять перестали говорить. Однако же несколько позже посетившая нас соседка княгиня Мария Васильевна Воронцова привезла нам из Ливадии свежую новость: по-

прежнему назначен на 24-е число отъезд государя в Берлин и вслед за ним уезжает императрица в Петербург.

Сегодня возвратился я в Ливадию ранее обыкновенного, чтобы поспеть к обедне по случаю дня именин великого князя Константина Николаевича. Вместе со мной приехала в Ливадию и жена моя, получившая ранее приглашение от государыни императрицы. В Ливадии нашли мы многочисленный съезд моряков русских и греческих, а также двух приезжих дипломатов наших: Ионина – министра резидента в Черногории и Хитрово – генерального консула в Македонии. Сведения, вчера сообщенные нам княгиней Воронцовой, подтвердились, но никто не может объяснить, что именно побуждает императрицу ускорить свой отъезд, если последние известия о больной успокоительны, тогда как для собственного ее здоровья возвращение в Петербург в теперешнее время весьма нежелательно.

К обеду царскому было много приглашенных; императрица не вышла; зато были королева Греческая, ее родители и братья и моряки греческие и русские. После обеда *les habitués*[53] были приглашены в гостиную императрицы. Ее величество очень любезно извинялась, что утром, озадаченная видом множества новых лиц, не была достаточно внимательна к моей жене. Чем ближе узнаешь императрицу, тем более ценишь ее внимательность и обходительность.

23 мая. Среда. Вчера телеграммы из Петербурга снова были в тревожном смысле; опять заговорили об отмене поездки в Берлин; однако же до вечера не было решения. Эта продолжительная неизвестность и колебания сделались для всех невыносимы, так что сегодня утром, когда государь потребовал к себе графа Адлерберга и меня и объявил нам об окончательном решении своем отказаться от поездки в Берлин и выехать 25-го числа утром вместе с императрицей в Петербург, даже и я почти обрадовался, несмотря на всё прежнее желание мое провести какую-нибудь недельку на отдыхе в Симеизе. Государь при нас отправил на телеграфную станцию телеграмму императору Вильгельму и немедленно же сделал все распоряжения к отъезду. Я воспользовался свободным днем, чтобы съездить еще раз в Симеиз проститься со всеми своими. К тому же сегодня годовщина нашей свадьбы. Бóльшую часть дня провел я в семье и возвратился в Ливадию уже к вечернему собранию. Грустно было покидать Симеиз в такое восхитительное время года, имея в виду через четыре дня погрузиться снова в безотрадный, омут петербургской [чиновничьей] жизни.

29 мая. Вторник. Петербург. Утром 25-го числа, в пятницу, покинули мы благословенный берег Крыма. Их величества с

великой княгиней Александрой Иосифовной и великими князьями Сергеем Александровичем и Дмитрием Константиновичем с многочисленною свитой отплыли от Ялты на пароходе «Эреклик». До Севастополя сопровождали их королева Ольга Константиновна, отец и брат ее (великие князья Константин Николаевич и Константин Константинович).

Плавание и всё дальнейшее путешествие до Петербурга совершилось вполне благополучно и с обычными удобствами. Часть пути сопровождали государя временные генерал-губернаторы одесский – генерал-адъютант Тотлебен – и харьковский – граф Лорис-Меликов. Везде бросались в глаза принятые чрезмерные полицейские предосторожности; на платформах не было толпы, которая в прежние времена бросалась с одушевлением приветствовать царя; везде пусто, везде гробовое молчание.

Через Москву проехали ночью; все спали крепким сном. В понедельник, около шести часов вечера, императорский поезд остановился у Царскосельской станции. Наследник и цесаревна встретили государя еще в Гатчине. На платформе нашел я старшую дочь Елизавету, с которой и доехал до Петербурга.

В самый день приезда, 28 мая утром, совершена казнь Соловьева, покусившегося на жизнь государя 2 апреля. Он был повешен на Смоленском поле, в виду большой толпы народа [при совершенной тишине и покое].

Сегодня утром ездил я в Царское с докладом, представлялся особам императорской фамилии, присутствовал при обычном молебствии и, возвратившись к трем часам в Петербург, нашел у себя всех начальников главных управлений Военного министерства и многих других лиц. Само собою разумеется, что, кроме разговоров, я завален массою ожидавших моего возвращения бумаг и писем. Нужно несколько дней, чтобы сколько-нибудь разобраться.

31 мая. Четверг. Сегодня 25-летняя годовщина назначения государя шефом Прусского уланского полка. По этому случаю прислана от этого полка депутация. Государь принял ее утром, а потом в честь ее был дан в Царском Селе большой парадный обед. Поэтому и я должен был оставаться там весь день; возвратился только в 9 часу вечера. Вместе с тем праздновалась и золотая свадьба императора Вильгельма, взамен вчерашнего дня.

12 июня. Вторник. Давно не заглядывал в свой дневник; ничего не было заслуживающего упоминания. В политике спокойствие; исключение составляет только неслыханная циничная расправа трех или четырех держав с несчастным хедивом египетским Измаил-пашой. Из-за денежных интересов

западных спекулянтов Англия и Франция решили свергнуть с престола вассала Порты! А Германия, желая везде играть первенствующую роль, прихлопнула приговоренного к низвержению. Хедив пока еще противится, но, по всем вероятиям, уступит свое место новому ставленнику Европы.

Дела греческие и по разграничению Черногории не подвинулись ни на шаг. В Восточной Румелии созданной нами милиции угрожает распад благодаря [неспособности и просто] непригодности Виталиса к роли начальника военных сил. Князь Болгарский уже объехал всю Европу и собирался прибыть в Константинополь; но, к общему удивлению, султан отклонил его посещение из опасения каких-нибудь народных манифестаций в столице. Князь Александр, думаю, не будет плакать и проедет *incognito* мимо Царьграда.

Внутренние наши дела, так же как и политика, в каком-то застое, но будущее представляется в мрачном свете. По возвращении из Крыма я нашел в Петербурге странное настроение: даже в высших правительственных сферах толкуют о необходимости радикальных реформ, произносится даже слово «конституция»; никто не верует в прочность существующего порядка вещей. В числе нескольких правительственных лиц и я получил из-за границы экземпляр печатного анонимного письма, адресованного государю, где на 60 страницах *in* 4°, на хорошем французском языке указывается опасность настоящего положения России и необходимость решительного изменения системы управления, предлагается ввести конституцию с двумя палатами [то есть с Боярской думой] и полностью примириться с Польшей. Государь, получив этот памфлет и узнав от князя Горчакова, что прислан экземпляр и мне, спрашивал меня, читал ли я его. В то время я не успел еще прочесть, а после его величество уже не заговаривал об этом.

В городе сильное и неприятное впечатление произвело убийство некоего старого ростовщика Власова и его кухарки. Обнаружено, что убийца гвардейский офицер, прапорщик лейб-гвардии Саперного батальона Ландсберг. Побуждением к преступлению послужили долги и векселя.

Сегодня в Царском Селе происходила церемония крестин новорожденного великого князя Андрея Владимировича.

16 июня. Суббота. Вчера в Царскосельском дворце был большой обед в воспоминание о переправе через Дунай в 1877 году: приглашены были, в походной форме, наличные участники этой кампании и преимущественно находившиеся в Императорской главной квартире. Героем дня был Драгомиров.

Египетский хедив низложен как будто султанским фирманом,

но в действительности распоряжением Англии и Франции. Хотя личность Измаил-паши и не заслуживает никакого сочувствия, однако же настоящий случай есть небывалый пример наглого самоволия Англии, подкрепленного угодливостью Франции. Две западные державы решают вопрос о низложении и возведении государей; султан является исполнительным орудием их. Германия и Австрия дали свое согласие; но они были спрошены уже тогда, когда вопрос был решен; Италия еще не давала своего заключения, а со стороны России было прямо заявлено, что дело требует общеевропейского соглашения. Несмотря на то, факт совершился; Измаил-паша вынужден был отречься; старший сын его Тевфик провозглашен хедивом, но с некоторым ограничением прежних политических прав наместников султана в Египте.

18 июня. Понедельник. Сегодня было у меня длинное совещание по китайским делам: Гирс, посланник наш в Китае Бютцов, генерал Кауфман, Мещеринов, Обручев и полковник Куропаткин обсуждали условия предстоящего нового договора с китайцами по случаю возвращения им Кульджи. Переговоры с китайским послом давно уже ведутся здесь Бютцовым, но теперь генерал Кауфман заявляет такие предположения, которые совершенно идут вразрез с бывшими доселе объяснениями. Кауфман предлагает отказаться лучше от всякого изменения прежней нашей границы, а зато взять с китайцев крупный денежный куш – до 60 миллионов рублей, которые употребить на постройку Среднеазиатской железной дороги. Его поддерживает один Куропаткин. Все прочие находят предосудительным входить с китайцами в подобную торговую сделку.

Вопрос о пути князя Болгарского наконец решен. Настояние самого князя увидеться с султаном хотя бы приватно, на несколько минут, понравилось падишаху, который и пригласил своего вассала в загородный дворец. Князь Александр 19-го числа садится в Бриндизи на русский пароход (вопреки всем интригам Англии) и будет в Константинополе в пятницу или субботу, а в Варне – в воскресенье. Таким образом, всё улаживается по нашей программе.

19 июня. Вторник. После своего доклада присутствовал при докладе Гирса. Кроме вопроса египетского и депеш Зиновьева из Тегерана, мы доложили о вчерашнем нашем совещании по китайским делам. Предложение генерала Кауфмана, по-видимому, понравилось государю, но никакого решительного мнения не высказано. Я был приглашен к царскому обеду вместе с Гирсом и генералом Баранцовым, представлявшимся по случаю отъезда за границу.

21 июня. Четверг. Опять провел почти весь день в Царском

по случаю полкового праздника гвардии Кирасирского полка. Виделся с Николаем Павловичем Игнатьевым, вызванным по высочайшему повелению из деревни; он был несколько озадачен, узнав, что вызван для назначения на временную должность генерал-губернатора в Нижнем на время ярмарки. Он вовсе к этому делу не подготовлен; а между тем предположенное назначение это оскорбило московского генерал-губернатора князя Долгорукова, только что вступившего в генерал-губернаторские права в районе Московского военного округа [и нижегородского губернатора графа Кутайсова. Последнему ставят в недостаток и вину слабость не всегда говорить правду и хвастать; но если дело в этом, то, конечно, Игнатьев заткнет Кутайсова за пояс.]

Сегодня утвержден государем приказ о закрытии полевых управлений бывшей действующей армии и об учреждении временной комиссии для окончания дел и счетов этих управлений. Генерал Тотлебен назначен членом Государственного совета (с оставлением временным одесским генерал-губернатором), а генерал-лейтенант Скворцов (бывший полевой интендант армии) – главным интендантом на место генерал-адъютанта фон Кауфмана, назначенного товарищем генерал-инспектора по инженерной части. Я рад этим перемещениям. Михаил Петрович Кауфман давно тяготится своею должностью, и, каков бы он ни был на новом месте, для меня легче и приятнее будет вести дело с ним, чем с Тотлебеном [тяжелым до крайности]. Для интендантской же части Скворцов свежий человек.

30 июня. Суббота. На этой неделе два раза оставался я после доклада в Царском Селе по случаю приглашений к царскому обеду (во вторник и сегодня); в прошлый же четверг после доклада присутствовал на учении гвардейского Финского стрелкового батальона.

В политике не было ничего примечательного. Более всего продолжаются толки о египетском вопросе; дела же Румелии и Болгарии, а также недоразумения по разграничению Черногории и Сербии, по греческой границе – всё это отошло на задний план и подвигается весьма медленно, или, лучше сказать, совсем не двигается. Между тем князь Александр Болгарский весьма удачно дебютировал в новой своей роли: присягал в Тырнове, произносил речи на болгарском языке, везде принимается с восторгом и теперь должен быть уже в своей столице Софии. Князь же Дондуков, назначенный шефом одной из болгарских дружин, уже отправился через Варну в Одессу и затем с болгарской депутацией едет в Петербург.

9 июля. Понедельник. Опять десять дней промежутка в

моем дневнике. В прошлую неделю не было ничего заслуживающего внимания. Сегодня было у меня продолжительное совещание по китайским делам: генерал Кауфман настаивает на том, чтобы Кульджу не иначе уступать китайцам, как наложив на них 60 миллионов рублей контрибуции в виде штрафа за все самодурства их пограничных властей. С этим мнением никто не согласился. Положено продолжать начатые Бютцовым переговоры по прежней программе.

18 июля. Среда. Вчера оставался я весь день в Царском Селе и обедал у их величеств в самом тесном обществе: только великий князь Алексей Александрович и Гирс. Государь озабочен ходом политических дел; особенно опасается, чтобы с выходом наших войск из Восточной Румелии турецкие войска по наущениям Англии и Австрии не вступили бы в эту область. Генерал Столыпин 15-го числа телеграфировал из Бургаса, что в этот же день покидает берег Румелии с последней оставшеюся там частью русских войск. Стало быть, окончательное очищение нами Румелии исполнено даже неделею ранее обязательного срока. Из княжества Болгарского последние войска наши также выступают на днях. Теперь-то и настанет критический момент: английские и австрийские агенты подстрекают турок ввести свои войска в Румелию, а с появлением там турок снова может вспыхнуть пожар. Из тайных источников известно, что Германия положительно во всем поддерживает Австрию. До чего опозорилась и унизилась европейская политика, можно судить по тем гнусным побуждениям, которыми объясняется настойчивость германского канцлера в еврейском вопросе в Румынии. Достоверно известно, что князь Бисмарк находится в руках банкира Блейхредера, который понес большие убытки на румынских железных дорогах.

19 июля. Четверг. Сегодня после доклада моего и потом вместе с Гирсом я снова был приглашен остаться в Царском Селе к обеду. Пользуясь первым днем хорошей погоды, я совершил большую прогулку в парке. За обедом, кроме Гирса и меня, были великий князь Алексей Александрович и граф Адлерберг. После обеда императрица завела разговор о поездке своей в Югенгейм, и только теперь узнал я об этом новом предположении. Впрочем, поездка эта, как говорят, не изменяет прежнего плана поездки в Крым.

22 июля. Воскресенье. Вчера приехал мой сын с кавказских Минеральных вод, где лечился после тяжкой болезни. Я не виделся с ним с самого отъезда моего в Крым в апреле.

Сегодня ездил я в Царское по случаю дня именин

императрицы; после обедни, за завтраком, сидел я насупротив ее величества и был поражен болезненным ее видом. Она заметно опустилась в последние два дня. Отъезд ее назначен 27-го вечером; в Крым ее величество поедет только в средине сентября.

26 июля. Четверг. В прошлый вторник, по обыкновению, после доклада я присутствовал при докладе Гирса. Хотя в политических делах нет ничего важного и нового, однако же в мелочах всё более и более проявляется общее во всей Европе враждебное нам настроение. Во всех комиссиях наши делегаты не находят поддержки ни в ком. Германия уже положительно является везде заодно с Австрией. Государь продолжает оставаться озабоченным.

Во вторник я опять был приглашен к царскому обеду и потому должен был сидеть в Царском Селе до вечера и прямо оттуда отправиться на лошадях в Красное. Здесь пробыл вчерашний весь день и сегодня до трех часов пополудни. Учения утром и вечером, в жаркий день, очень утомили меня. На всех смотрах, учениях и маневрах присутствует много иностранцев и в том числе два посла: германский (генерал Швейниц) и французский (генерал Шанзи). Заметно отсутствие германских и австрийских офицеров, которые в прежние годы всегда составляли главный контингент иностранных военных гостей.

Отъезд императрицы за границу отложен до 30-го числа.

В Красном Селе представлялся государю князь Дондуков-Корсаков; прибывшая вместе с ним болгарская депутация будет принята в воскресенье.

1 августа. Среда. В прошлую пятницу ездил я в Царское Село, чтобы поздравить императрицу, а вечером в Красное Село, где опять были учения в субботу утром и вечером. Едва отдохнув дома утром воскресенья, вечером снова в Красное Село. В понедельник и во вторник были там большие учения всей кавалерии, небольшого отряда, действовавшего с боевыми патронами, и, наконец, общее учение всех войск лагерного сбора. В эти два дня в числе приглашенных были английский и турецкий послы, также присутствовал австрийский генерал Кальноки, прибывший для временного замещения посла барона Лангенау. Все заметили, что государь, подъехав к послам, подал руку им всем, кроме турецкого, с которым во всё время был весьма нелюбезен.

Утомительный день понедельника окончательно привел меня в распадение, так что во вторник я уже не имел сил присутствовать на учении и уехал из Красного прямо в Царское на лошадях, чтобы проститься с государыней императрицей, которая вечером того же дня уехала за границу. Она имела такой

болезненный и истощенный вид, что все провожавшие смотрели на нее со стесненным сердцем, думая про себя, что, быть может, прощаемся с нею навеки.

Переночевав в Царском, я имел сегодня доклад вместо завтрашнего дня. Государь заметил, как худо я переношу утомление и в особенности верховую езду; с обычною своей внимательностью и благосклонностью спросил меня, не пожелаю ли я быть освобожденным от сопровождения его величества в Варшаву и ехать прямо в Крым.

Я благодарил государя за такое милостивое предложение, но сказал, что до отъезда его надеюсь еще поправиться и укрепиться в силах.

После своего доклада присутствовал при докладе Гирса. По-прежнему продолжаются недоразумения и пререкания в делимитационных комиссиях – как черногорской, так и азиатской. Лето пройдет, и не будет границ ни для Черногории, ни для наших новоприобретенных областей закавказских. Германские делегаты во всех комиссиях явно и систематически действуют заодно с австрийскими, что значит – заодно с англичанами и турками; таким образом, наши делегаты всегда остаются в меньшинстве, даже в тех случаях, когда на их стороне Франция и Италия.

Сегодня вечером скачка в Красном Селе; в последние годы я освобождал себя от этого удовольствия; а теперь, вдобавок, и состояние здоровья оправдывает мое отсутствие.

9 августа. Четверг. С 4-го по 8-е число происходили большие маневры в окрестностях Царского Села с перерывом по случаю празднества лейб-гвардии Преображенского полка 6 августа. В первый день маневров (в субботу) я, по нездоровью, не присутствовал; но с 5-го числа до нынешнего дня находился в Царском Селе, откуда во вторник и среду сопровождал государя на маневрах.

В продолжение этого времени политические дела, конечно, отодвинулись на второй план. Однако ж в этот промежуток времени заслуживает исключительного внимания написанное государем письмо к императору Вильгельму. В нем с обычною откровенностью высказано неудовольствие на образ действий Берлинского кабинета по восточным делам, несогласный с установившимися издавна дружественными отношениями между Россией и Пруссией. При этом прямо указывается на недостойные истинно государственного человека личные побуждения германского канцлера (намек на враждебное расположение князя Бисмарка к князю Горчакову).

В то же время государь имел случай высказать свой взгляд

английскому послу Дефферину, который во всё время с замечательным любопытством присутствовал на маневрах вместе с послами германским, французским и турецким, а также генералом Кальноки. Ко всем нам вообще государь относился очень сдержанно; но в последний день маневров (вчера), прощаясь на привале, беседовал долее, чем с другими, с лордом Дефферином. Позже, уже в Царском Селе, и я имел с ним длинный разговор: сначала рассуждали мы о спорных вопросах, возникших в комиссии по новой азиатской границе; но потом речь перешла на общие вопросы восточной политики. Если верить буквально заверениям британского посла, то можно заключить, что мы теперь в самых дружественных отношениях.

11 августа. Суббота. Вчера был на дипломатическом обеде у французского посла. Генерал Кальноки сказал мне, что увольнение графа Андраши решено и только остается еще неизвестным выбор ему преемника.

Сегодня после моего доклада был продолжительный доклад Гирса. Главным предметом было безвыходное, запутанное положение вопросов по разграничению как Черногории, так и Добруджи и в Азии. По всем этим трем вопросам предложено мною дать новый оборот делам. Гирс взял назад заготовленные им проекты депеш, чтобы переделать их. Некоторое время спустя он зашел ко мне, и мы снова [долго] обсуждали высказанные мною предположения.

Заходил ко мне также в Царском Селе наш посланник в Афинах Сабуров. От него узнал я любопытные вещи. Недели три тому назад Сабуров в Киссингене обедал у Бисмарка, который выразил ему сетования на русское правительство, то есть преимущественно на князя Горчакова. По словам Сабурова, германский канцлер перед последней войной предлагал нашему канцлеру войти в ближайшее с нами соглашение; но князь Горчаков будто бы не дал этому предложению никакого хода. Не зная подробностей дела, не могу судить, насколько справедлив упрек князя Бисмарка, но не вижу тут ничего невероятного: в последние годы князь Горчаков выезжал исключительно на фразах, отписываясь в общих выражениях, как будто боясь затронуть самое существо дела и потому избегая всякого категорического соглашения. Очень может быть, что и на предложения Бисмарка дан был какой-нибудь уклончивый, бессодержательный ответ.

По возвращении моем в город заехал ко мне князь Орлов; он также говорил мне, что, по его убеждению, князь Бисмарк был бы не прочь опять сойтись с нами и что для этого стоило бы только Убри заменить графом Шуваловым. Известно, что наш посол в

Берлине не пользуется расположением германского канцлера.

Государь говорил, что в Варшаву прибудет фельдмаршал Мантейфель с поручением от императора Вильгельма. Можно полагать, что посольство это вызвано письмом государя к германскому императору. Любопытно, какое произвело оно действие.

Сегодня обедал у меня один из товарищей юности – Николай Иванович Свечин, с которым мы не видались много лет.

15 августа. Среда. В воскресенье ездил я в Царское Село для представления государю вновь выпущенных из военно-учебных заведений офицеров; а в понедельник из Царского Села в Усть-Ижорский лагерь по случаю высочайшего осмотра работ 1-й саперной бригады. Всё утро этого дня шел сильный дождь. Возвратившись в Царское Село, я остался там ночевать, а во вторник имел продолжительный доклад, начавшийся в Царскосельском дворце, продолжавшийся на железной дороге и оконченный уже совместно с Гирсом в Зимнем дворце. Вчера во весь день был сильно занят делами и приемами, а сегодня почти исключительно приготовлениями к путешествию. Выезжаю из Петербурга в 10 часов вечера; с Александровской же станции (из Царского Села) отъезд государя назначен в полночь.

Всегда с удовольствием покидаю Петербург; но тем более, когда в перспективе пробыть месяца два или три на прелестном Южном берегу Крыма.

В последние дни политические дела по-прежнему ограничивались кляузными препирательствами по разграничительным комиссиям и толками о правительственном кризисе в Австрии. Вчера получил я частную записку от английского посла с просьбою дать ему указания для решения вопроса о спорном пункте азиатской границы близ Караургана. Лорд Дефферин, уезжая завтра же в Лондон, очень желал бы уладить там это дело. Я ответил ему сегодня утром, советуя совсем отстранить английского делегата от решения вопроса об означенном пункте, выбор которого должен решиться в русско-турецкой комиссии без его участия. Не знаю, понравится ли этот совет в Лондоне.

Этими строками заканчиваю пребывание свое в Петербурге. Через час выезжаю.

18 августа. Суббота. Варшава. Выехали из Царского Села в полночь 16-го числа; затем остановка в Динабурге на два часа: смотр и учение 25-й пехотной дивизии; в 7½ часов приезд в Вильну на ночлег; мне отведено помещение во дворце; вечер у генерала Альбединского на даче.

17-го утром смотр под Вильной 27-й пехотной дивизии и шести полкам кавалерии. После смотра генерал Драгомиров показывал свой оригинальный способ обучения роты и эскадрона без команды, по знаку саблей; по-моему, это пустое фиглярство. В 11 часов утра выезд из Вильны. В три часа дня остановка в Гродне: смотр 26-й пехотной дивизии. Во всех трех пунктах войска представились в блестящем виде. В 11 часов вечера приезд в Варшаву.

Массы народа у станций и на улицах.

Сегодня утром встретился в приемной у государя (в Бельведере) с прусским фельдмаршалом Мантейфелем. Он привез ответное письмо от императора Вильгельма и уверения в прежних дружественных отношениях. Прибыла также депутация австрийская с командующим войсками в Галиции генералом Нейпергом во главе. Здесь же нашли мы наших красносельских приятелей французов и итальянцев и самого посла французского Шанзи.

В полдень государь поехал в собор. Я не сопровождал его, чтобы избегнуть лишнего утомления, так как со вчерашнего дня опять чувствую себя не совсем здоровым и берегу свои силы к смотру. В час пополудни смотр всем собранным под Варшавой войскам (70½ бат.) на Макатовском поле. Обед в Бельведере; приглашены главные военные начальники, фельдмаршал Мантейфель и австрийский генерал. Вечером театр, куда я, однако ж, не поехал; остался дома, чтобы [отдохнуть и] заняться бумагами, привезенными фельдъегерем из Петербурга.

20 августа. Понедельник. Вчера, в воскресенье, государь был в Лазенках у обедни и на церковном параде от гвардейских улан и гусар; затем в Бельведере завтрак и мой доклад; большой обед в Лазенках; наконец, вечером спектакль в Померанчарне, куда, однако ж, я не поехал.

Сегодня утром учение всей кавалерии на Макатовском поле [весьма удачное], потом завтрак в Бельведере; после того имел я доклад вместе с Гирсом, сделал визит здешнему архиерею Леонтию, обедал в Бельведере; вечером предстоит бал в замке у графа Коцебу.

Между тем произошла неожиданная перемена в планах государя: в ответ на привезенное фельдмаршалом Мантейфелем письмо императора Вильгельма государь предложил по телеграфу своему дядюшке свидание на границе, в Александрове. Ответ получил только вчера вечером: германский император с удовольствием принимает предложение и в среду оба императора съедутся и объяснятся лично по поводу возникшей размолвки.

Государь передавал нам (мне и Гирсу) свои разговоры с

Мантейфелем, который всегда считался[54] другом России. Он не особенно сочувствует германскому канцлеру и его политике и употребит возможное влияние свое на то, чтобы устранить поводы к охлаждению между двумя родственными императорами. Опасаюсь, что все эти медоточивые речи останутся только речами. Личные объяснения и уверения во взаимной дружбе между монархами не изменят ни на волос планов [упрямого и настойчивого] Железного канцлера.

С Кавказа получено печальное известие о внезапной смерти генерала Лазарева: он умер в Чате, от карбункула. Старшим в отряде остается пока генерал Ломакин; но великий князь кавказский главнокомандующий намерен заменить Лазарева генералом Тергукасовым. Кто бы ни был назначен, перемена главного начальника отряда среди исполнения трудного предприятия против ахалтекинцев не может не произвести некоторого, хотя бы временного, расстройства в ходе экспедиции.

21 августа. Вторник. Вчерашний день закончился балом в замке. Я оставался недолго в удушливой атмосфере битком набитых зал и ранее полуночи уехал домой.

Сегодня утром происходил двухсторонний маневр на Повонзском и Белянском полях. Государь выразил войскам свое удовольствие, назначил начальника окружного штаба князя Шаховского генерал-адъютантом. К обеду в Лазенках были приглашены все военные начальники и иностранные офицеры, с которыми государь и простился. Вечером опять спектакль, и опять я остался дома.

23 августа. Четверг. Вчера мы выехали из Варшавы в 8 часов утра и в первом часу пополудни прибыли на пограничную станцию Александрово, где всё уже было приготовлено к приему германского императора. Ему назначили помещение на самой станции; нашему же государю – в соседнем доме таможенного ведомства. Я остался в вагоне, так же как и бóльшая часть государевой свиты.

Около двух часов прибыл поезд императора Вильгельма. На платформе была выстроена привезенная сюда накануне из Варшавы рота С. – Петербургского гренадерского короля Фридриха-Вильгельма III полка. После обычных приветствий и представлений оба императора удалились в покои, приготовленные для высокого гостя, и оставались там с глазу на глаз около часа. Когда же наш государь возвратился к себе, император Вильгельм пошел отдать ему визит; а в 5 часов все собрались к обеду, приготовленному в помещении германского императора. После обеда император Вильгельм обошел всех присутствовавших; подошел и ко мне, очень любезно беседовал

несколько минут; затем мы разошлись, а императоры опять остались вдвоем.

С императором Вильгельмом прибыл опять фельдмаршал Мантейфель (успевший съездить из Варшавы навстречу императору); в свите были также генерал-адъютанты Альбедиль (заведующий военной канцелярией императора), Лендорф и князь Радзивилл и лейб-медик Лауер. Между пруссаками я имею репутацию германофоба; на беду, только за несколько дней перед этим в немецких газетах появились статейки, в которых высказывалось, будто за устранением канцлера от дел в России нет собственно министра иностранных дел и я один, находясь безотлучно при государе, имею влияние на политику России, чем и объясняется происшедшее с некоторого времени охлаждение между нами и Германией. Как ни нелепы подобные газетные сплетни, однако ж они производят впечатление, и потому немудрено, что при встречах с германскими государственными людьми я постоянно слышу намеки, правда иногда в виде шутки, на мои враждебные замыслы против Германии. Такие намеки не раз слышал я и от фельдмаршала Мантейфеля, который и в Варшаве, и в Александрове выражал мне с каким-то особенным удовольствием, что не нашел во мне того неприязненного настроения, которое мне приписывают. Он, по-видимому, был даже удивлен, когда услышал от государя, в первый же день пребывания в Варшаве, что может откровенно говорить со мной о политических делах, так же как и с Гирсом и графом Адлербергом. Об этом было немедленно передано Мантейфелем по телеграфу и Бисмарку в Гаштейн, и самому императору.

Сегодня утром государь передавал Гирсу и мне некоторые отрывки из своих бесед с императором Вильгельмом. Прежде всего нужно было объясниться насчет письма, которое государь писал своему дяде и которое сначала несколько озадачило последнего. Государь успокоил его, объяснив, что письмо написано им собственноручно и вовсе не имеет значения официального. Затем беседа шла уже совершенно в дружественном тоне; император Вильгельм уверял государя в своей неизменной дружбе к нему и готовности на соглашение по всем политическим вопросам, по которым интересы наши не противоречат интересам Германии. Государь в особенности напирал на противодействие, оказываемое нашим видам германскими делегатами во всех международных комиссиях на Балканском полуострове. Император Вильгельм обещал устранить поводы к подобным с нашей стороны упрекам.

Генерал Вердер по поручению императора Вильгельма принес мне знаки ордена Черного орла и передал, что император

приглашает меня к себе в 11 часов утра. В назначенный час явился я к нему в новой ленте и благодарил за этот знак внимания. Император посадил меня и продержал около трех четвертей часа, так что я имел возможность высказать ему многое, что, по словам, сказанным мне потом фельдмаршалом Мантейфелем, было совершенно ново для императора. Он начал разговор с выражения полной своей надежды уладить те «три пункта», которые озабочивают нашего государя (1-й – разграничение Черногории, 2-й – исходный пункт на Дунае новой границы между Румынией и Болгарией и 3-й – предоставление туркам военной дороги через территории Восточной Румелии и Болгарии).

Я ответил, что благоприятное разрешение этих трех вопросов, конечно, весьма желательно, но вопросы эти совершенно частные, местные; тогда как дружественное содействие Германии нужно России в других, гораздо более обширных и важных задачах современной политической обстановки.

Император сначала как будто не понял меня или хотел дать другой оборот разговору. «Теперь, – сказал он, – всё заключается в скорейшем приведении в действие Берлинского трактата, а потому-то особенно важно решение означенных трех вопросов, о которых были разговоры с государем». «Но разве ваше величество, – сказал я, – действительно полагаетесь на прочность и долговечность того порядка вещей, который придуман на Берлинском конгрессе?» На это император как бы с испуганным видом спросил: «А разве вы думаете снова переделывать постановления Берлинского трактата?» – «Конечно не с нашей стороны, – сказал я, – будет попытка к этой переделке; Россия, кажется, представила довольно доказательств своего бескорыстия. Но вопрос в том, удовлетворено ли Берлинским трактатом христианское население Турции; долго ли будет оно сдерживаемо в нынешних ненормальных условиях существования. Рано или поздно появятся снова признаки неудовольствия; могут возникнуть беспорядки; быть может, даже вызовут их сами представители и агенты заинтересованных держав, которые не преминут воспользоваться предлогом для вмешательства и снова поднять страшный восточный вопрос. Может ли тогда Россия, при всем своем миролюбии и уступчивости, остаться равнодушною зрительницей того, что будет делаться на Балканском полуострове?»

Император подтвердил мои слова о бескорыстии России; отозвался с похвалами о той роли, которую Россия приняла на себя в последнюю войну; даже прямо сказал, что Россия одна решилась поддержать мечом честь Европы; сделала то, чего не

решились сделать все прочие державы. Тогда я заметил: «И какое же получила она за это вознаграждение? Ей возвратили оторванный от нее же ничтожный клочок Бессарабии и, вместе с тем, заставили поспешно очистить занятые войсками области Турции, а между тем Австрия и Англия свободно хозяйничают на Балканском полуострове и все прочие державы поддерживают их[55]в нарушение международного права». «Но ведь Россия изъявила заранее согласие на присоединение Боснии к Австрии» – возразил император. «Но разве Австрия довольствуется одною Боснией? Она прямо заявляет свои притязания на всю Старую Сербию и на доступ к Эгейскому морю».

При этом я обратил внимание императора Вильгельма на странные, небывалые в истории конвенции, заключенные в последнее время Австрией и Англией с Портой. «Занятие в мирное время стратегических позиций в пределах чужого государства может быть понято не иначе, как разве в смысле приготовления к предвидимой новой войне или даже на случай окончательного распада Оттоманской империи. Если действительно можно опасаться такой катастрофы в близком будущем, то будет ли вся Европа до конца поддерживать те державы, которые явно посягают на беззаконные захваты, и противодействовать во всем России, которая одна остается верною трактатам и политическим традициям? Вот в каком смысле я осмелился выразить перед вашим величеством мой личный взгляд на дружественное содействие, которое Россия может ожидать со стороны Германии».

Император Вильгельм очень внимательно слушал, иногда прерывал вопросом или знаком согласия; затем начал объяснять политическое положение самой Германии, поставленной как бы между двух огней. Объяснения его похожи были на извинения; по словам его, Германия, постоянно имея перед собой угрозу со стороны Франции, не может явно разорвать ни с Австрией, ни с Англией, а потому вынуждена сохранять нейтральное положение и действовать весьма осторожно.

На это я позволил себе возразить, что подобная пассивная политика недостойна Германии, которая ныне довольно могущественна и довольно высоко стоит во мнении целой Европы, чтобы одним своим голосом, не обнажая меча, не допустить общеевропейской коалиции против векового своего друга и союзника.

Продолжительный наш разговор закончился самыми любезными со стороны императора Вильгельма заявлениями; он простился со мной весьма радушно; но в результате осталось во

мне неутешительное впечатление: по всему видно, что Германия слишком уже далеко зашла в своем сближении с Австрией и Англией; нам нечего ожидать от нее искренней поддержки, и притом личные заявления императора, хотя бы и самые чистосердечные, останутся одними платоническими уверениями в дружбе, между тем как на деле политику ведет железная рука германского канцлера, озлобленного лично против князя Горчакова и против самой России.

(Занесенный мною в дневник по горячим следам разговор с императором Вильгельмом не сходен с тем, в каком виде передан он самим императором князю Бисмарку в письме от 5 сентября, помещенном в книге Буша «Bismarck. Some secret pages of his history». По-видимому, внимание императора остановилось преимущественно на той части разговора, которой я, со своей стороны, придавал наименьшее значение [считая ее только вступлением в беседу]. В дневник занесена, конечно, лишь небольшая доля того, что говорилось в продолжение трех четвертей часа.

В приведенной выше книге Буша сохранены драгоценные для истории документы, разоблачающие тогдашние козни князя Бисмарка, опутавшие престарелого императора[56]).

Выходя от германского императора, я встретил нашего государя, шедшего к дяде, чтобы вместе позавтракать перед расставанием. Я успел показать свою новую ленту и доложить государю, что только что имел продолжительный разговор с императором Вильгельмом. На платформе станции увидел я Гирса, разговаривавшего с Мантейфелем;

я подошел к ним и в присутствии Гирса сказал Мантейфелю, что считаю своим долгом передать ему в нескольких словах сущность нашей беседы с императором. Мантейфель одобрил сказанное мною и обещал со своей стороны поддержать перед императором тезис, который я развивал ему. Не знаю, в какой степени можно положиться на искренность фельдмаршала-дипломата.

Вскоре платформа станции приняла оживленный вид; снова стояла рота гренадерского Петербургского полка; мало-помалу скучились все лица обеих свит, и на рельсах уже стояли два императорских поезда: немецкий и русский. Около часа пополудни оба императора вышли на платформу; государь наш ввел своего дядю в вагон и распростился с ним; немецкий поезд тронулся в сторону Пруссии, а мы немедленно же расселись в свои вагоны и покатили обратно на Варшаву.

Приехав туда около 6 часов вечера, отобедали в Бельведерском дворце, пока перевозился багаж с одной станции

на другую; около 8 часов собрались на станции Тереспольской железной дороги, где нашли множество военных, чиновников, дам, съехавшихся провожать государя. Вагон императорский был буквально завален букетами цветов. Во втором часу ночи поезд наш остановился в Бресте.

24 августа. Пятница. Переночевав в вагоне, государь в 9½ часов утра произвел смотр 2-й бригаде 17-й пехотной дивизии, в составе которой находится Бородинский полк его величества. Я испросил разрешение употребить время на осмотр крепости, строящихся передовых фортов и вновь выстроенных помещений для интендантского склада. Вот уже третий день погоды ясной и теплой после продолжавшихся до сих пор постоянных дождей как в Петербурге, так и на всем нашем пути до Варшавы включительно.

В пути я имел доклад у государя; читались также полученные дипломатические депеши. Много говорилось о вчерашнем свидании с императором Германским. Я доказывал Гирсу, что все бывшие разговоры не будут иметь никаких результатов, если князь Бисмарк останется в стороне. В немецких газетах уже появилось заявление (по-видимому, официозное) о том, что свидание двух императоров произошло помимо канцлера и не имеет никакого политического характера.

Гирс также думает, что надобно теперь обратиться к князю Бисмарку и что всего удобнее было бы поручить объяснение с ним тому же Сабурову, который уже имел с ним разговор и передал содержание этой беседы в замечательной записке, заслужившей полное одобрение государя. Его величество счел даже возможным показать Мантейфелю и самому императору Вильгельму некоторые места этой записки, где Сабуров мастерски развивал мысли свои о необходимости сближения нашего с Германией. Записка эта была приведена в доказательство того, что наши правительственные взгляды совершенно расходятся с ярыми статьями русской журналистики, на которую постоянно жалуются немецкие государственные люди. Не только Мантейфель, но и сам император Вильгельм в разговорах и с государем, и с Гирсом, и со мной приписывали большую долю охлаждения между двумя империями журнальной полемике. Они не хотят верить, что, несмотря на самодержавное правление, у нас журналистика может иметь известную свободу в выражении мнений о вопросах внешней политики. Напрасно мы старались вразумить немцев в том, что они придают несуществующую важность нашим газетным статьям; немцы твердят одно: если б ваши газеты не позволяли себе задевать нас, то и наши газеты прекратили бы враждебную России полемику. На это я сказал императору, что

кроме германских газет есть другие, еще более нам враждебные – австрийские и английские. Можно ли заставить русскую журналистику скромно молчать, когда за границей ежедневно появляются статьи самые обидные для русского достоинства и чести?

26 августа. Воскресенье. Ливадия. Вчера приехали в Одессу в четыре часа пополудни и немедленно отправились на лагерное место, где выстроены были войска. После обычного смотра и церемониального марша произведен небольшой маневр; всё кончилось к шести часам, а в 7 часов мы были уже на пароходе и отчалили от пристани при громких криках толпы, треске ракет и фейерверка.

На границе Одесского округа государя встретил генерал Тотлебен; во время пути он жаловался государю на генерала Семеку за то, что последний не хотел вполне подчиниться ему, Тотлебену. Государь обошелся очень холодно с генералом Семекой и, когда мы были уже на пароходе, сказал мне, что надобно положить конец этим неправильным отношениям двух начальств. Я отвечал, что единственный способ состоит в том, чтобы устранить генерала Семеку и соединить в лице генерала Тотлебена должности генерал-губернатора одесского и командующего войсками округа.

Переход от Одессы до Херсонского маяка был довольно беспокойный; особенно ночью сильно качало. Только обогнув Херсонес, мы отдохнули от качки и прибыли в 5 часов вечера в Ялту. В Ливадии у дворца была выстроена рота гренадерского Эриванского полка; после обычной встречи отслужили молебствие, и затем я отпросился к себе в Симеиз.

28 августа. Вторник. Пробыв сутки в своем мирном затишье, я вполне насладился спокойствием среди семьи. Вчера вечером, возвратившись в Ливадию, нашел у себя груду привезенных фельдъегерем бумаг. Сегодня был длинный доклад и вместе с Гирсом, и отдельно. Получено важное известие о восстании в Кабуле: английская миссия истреблена, в голове ее – майор Каваньяри, имя которого сделалось так известным в последнее время. Сам Якуб-хан арестован инсургентами. Такой неожиданный оборот дел в Афганистане поведет к новым усложнениям; но в любом случае Англия на некоторое время будет поставлена в трудные обстоятельства и понизит тон своего голоса.

Гирс доложил государю о нашем разговоре относительно поручения Сабурову войти в официальные объяснения с князем Бисмарком. Мысль эта вполне одобрена государем; Сабурову уже телеграфировано, чтобы скорее прибыл сюда. Одно затруднение –

как обойти нашего старца-канцлера? Посвятить его в предположенный план – можно опасаться, что он испортит дело, если не прямым противодействием, то болтовней своей; скрыть же от него можно только ненадолго, а потом еще более опасаться противодействия с его стороны. В бывших в последнее время беседах и фельдмаршал Мантейфель, и сам император Вильгельм прямо высказывали, что одною из серьезных помех в отношениях наших с Германией являются личности князя Горчакова и посла нашего в Берлине Убри. Государю это вполне известно.

4 сентября. Вторник. Неделя прошла спокойно, почти незаметно. В политике затишье. Получено через Персию известие о том, будто наш Закаспийский отряд имел жаркое дело с текинцами, разбил их и рассеял.

Вчера получено от императрицы известие, что она окончательно отказалась от приезда в Крым вследствие настоятельных требований доктора Боткина, убежденного в лихорадочном свойстве здешнего климата. А между тем погода восхитительная. Я провел субботу, воскресенье и понедельник в Симеизе.

7 сентября. Пятница. Вечером в понедельник возвратился я из Симеиза в Ливадию. На другой день приехал сюда бывший каш посланник в Греции Сабуров, вызванный сюда из-за границы, чтобы возобновить переговоры с князем Бисмарком и попытаться извлечь практическую пользу из свидания двух императоров в Александрове. В среду утром я зашел к Гирсу и застал у него Сабурова. Мы имели втроем продолжительное совещание; надобно было ознакомить Сабурова с подробностями происходивших в последнее время объяснений, словесных и письменных, разъяснить и проверить разные соображения относительно будущей нашей политики.

После этого разговора я уехал в Симеиз по случаю дня рождения одной из дочерей и возвратился в Ливадию в тот же вечер. В этот короткий промежуток времени Сабуров успел, на основании бывшего утром разговора, редактировать целый мемуар, который мы и прочли вместе в четверг утром. Сегодня же приехал из Константинополя князь Лобанов-Ростовский. В присутствии его, Гирса, Сабурова, графа Адлерберга и моем записка Сабурова была прочитана государю и вполне им одобрена. Но тут встретилось новое неожиданное усложнение. Жомини сообщает из самого секретного источника (перлюстрированной телеграммы), что князь Бисмарк изъявляет *согласие* на свидание с князем Горчаковым.

Известие это несколько удивило нас: можно догадываться, что сам канцлер и клеврет его, барон Жомини, вызвали такое

заявление со стороны Бисмарка. Но чего же хорошего можно ожидать от встречи двух канцлеров, особенно под впечатлением только что пропечатанной во всех европейских газетах статейки о разговоре, происходившем [будто бы] в Бадене между князем Горчаковым и редактором газеты «Le Soleil»? В этом разговоре князь Горчаков будто бы произнес какую-то фразу в том смысле, что он всегда питал высокое уважение к Франции и тем приобрел честь быть ненавидимым Бисмарком. Такого рода заявления со стороны русского канцлера, хотя бы даже и не буквально верно переданное печатью, конечно, не может облегчить сближение его со злопамятным и резким канцлером германским. А вдобавок князь Горчаков так отстал от дел и так ослабел умственными способностями, что даже опасно допустить его входить в серьезные разговоры. Он может окончательно испортить дела наши с Германией и расстроить предположения наши относительно свидания Сабурова с Бисмарком.

Сегодня утром отслужена панихида в память покойного наследника Николая Александровича, а потом произведены государем смотр и учение находящейся здесь роте Эриванского гренадерского полка.

11 сентября. Вторник. Пробыв три дня в Симеизе, возвратился, по обыкновению, в Ливадию вчера вечером. Князь Лобанов и Сабуров уже уехали: один – обратно в Константинополь, другой – на свидание с Бисмарком, в Берлин. Я виделся с ними обоими в последний раз в Алупке у соседки нашей княгини Воронцовой.

18 сентября. Вторник. В течение недели не было ничего замечательного. В субботу прибыло в Ялту китайское посольство с русским посланником в Пекине Бютцовым для окончательного подписания трактата и прощального приема…

Между тем получена не совсем приятная телеграмма от генерала Ломакина о действиях Текинского отряда. Можно догадываться, что передовой его отряд наткнулся неосторожно на многочисленное скопище текинцев, укрепившихся близ Геок-Тепе, и понес значительную потерю. Телеграмму эту, вместе с несколькими другими, привез мне Гирс в Симеиз в прошлое воскресенье. Вчера же, возвратившись оттуда вечером в Ливадию, узнал я еще о полученной телеграмме Сабурова, спрашивающего разрешение прибыть обратно в Ливадию, что ему и разрешено. Видно, что объяснения его с князем Бисмарком настолько были важны, что Сабуров не счел возможным сообщить о результате в телеграмме или письменно.

Вчера вечером государь отправился в Севастополь. Пароход «Эреклик» снялся с якоря ровно в полночь. Сегодня утром

произведены в Севастополе смотр и учение 13-й пехотной дивизии. К 5 часам вечера мы уже были в Ливадии.

Сегодня же вечером [со срочным пароходом] приехал сюда генерал-майор Паренсов, занимающий должность военного министра в Болгарии, с письмом князя Александра к государю. Он привез и мне письмо от флигель-адъютанта Шепелева.

Говорят, что прибыл также в Ялту князь Дондуков-Корсаков.

21 сентября. Пятница. Полученные в течение недели известия из Текинского отряда показывают, что дело 28 августа было положительно неудачно. Урон наш оказывается более значительным, чем было заявлено в первой телеграмме, а несоразмерно большое число убитых (173 на 230 раненых нижних чинов и 7 убитых офицеров на 16 раненых) подтверждает слух, дошедший через Тегеран, что отряд наш подвергся ночному нападению врасплох. По другим слухам, из Бухары, после кровопролитного боя 28-го числа наши войска будто бы овладели Карызом. Надобно ожидать более подробных и точных сведений, чтобы судить, в какой степени это дело было для нас невыгодно. Во всяком случае, неудача наша поднимет дух противника, уронит наш престиж в крае и будет радостью для наших европейских врагов, если только дела не поправятся новыми блестящими успехами с прибытием генерала Тергукасова.

В продолжение недели, кроме обычных докладов, были у государя совещания по азиатским делам (с генералом Кауфманом) и по болгарским. Письмо князя Болгарского и служащее ему дополнением письмо Шепелева показывают, что в новорожденном княжестве начались уже политические усложнения ради соперничества двух партий, называемых консервативною и либеральною. Можно ожидать, что с открытием нового народного собрания нынешнее консервативное правительство не удержится. У князя заметна склонность к мерам крутым, к *coup d'état*[57]. Шепелев, напротив, старается удерживать его на конституционной почве. В совещании между Гирсом, князем Дондуковым и мною единогласно положено советовать князю действовать осторожно, согласно с мнением Шепелева. Государь сам склоняется к тому же образу действий, но отвечать князю Александру отложил до ожидаемого приезда сюда Давыдова, нашего генерального консула в Софии.

Вчера подписан договор с Китаем – Гирсом и китайским послом Чун Хоу; сегодня китайское посольство откланялось государю.

25 сентября. Вторник. В субботу после доклада я уехал из Ливадии и, как обыкновенно, пробыл в Симеизе до вечера понедельника. Сегодня, при докладе, государь сказал мне, что,

судя по полученным в мое отсутствие телеграммам и по рассказам приехавших из Болгарии и Восточной Румелии Давыдова и князя Цертелева, дела с Портой идут недурно; но что касается германской политики, то на всяком шагу обнаруживается всё более недоброжелательство и враждебность князя Бисмарка. Он продолжает при всяком случае сваливать на русское правительство вину происшедшего охлаждения между Россией и Германией и для этого выставляет факты ложные или извращенные. Так, например, он не раз высказывал, будто мы сосредоточиваем значительные силы на прусской границе, причем ссылался даже на мои объяснения с императором Вильгельмом в Александрове, тогда как в действительности не было говорено об этом ни слова, речь шла только о новом устройстве у нас резервных батальонов.

После докладов моего и Гирса происходил смотр и потом учение вновь прибывшей в Ливадию для караулов роте Литовского пехотного полка. Вечером прибыл фельдъегерь из-за границы с письмом от императрицы из Югенгейма. Он же привез записки князя Орлова и Сабурова о разговорах их с Бисмарком. Записка Сабурова ожидалась нами с особенным нетерпением. Я не прочел еще ни той, ни другой.

Из Закаспийского края всё еще нет письменных известий в дополнение и пояснение телеграммы о деле 28 августа. С тех пор прошел уже почти целый месяц.

26 сентября. Среда. Утром государь позвал меня с Гирсом, чтобы прочитать полученные вчера записки Сабурова и князя Орлова о разговорах их с князем Бисмарком. Обе записки весьма интересны, особенно же сабуровская. Князь Бисмарк излил перед ними все обвинения и упреки, которыми старается выказать. Некоторые из этих упреков были просто нелепы: например, будто массы нашей кавалерии сосредоточены на германской границе, угрожают Восточной Пруссии быть отрезанною от остальной части государства; при этом князь ссылался на мои объяснения в Александрове, приписывая мне слова, которых я вовсе не говорил.

Также повторялись жалобы на русскую журналистику; но в особенности жаловался Бисмарк на письмо нашего государя к императору Вильгельму и снова напоминал, что сделанные им будто бы перед самою войной предложения о заключении союза были отклонены князем Горчаковым. Однако ж все эти упреки высказаны были Сабурову в [гораздо более] мягких формах и таким тоном, будто Бисмарк желал только мотивировать свои подозрения и опасения насчет намерений России.

После этих предварительных объяснений разговор перешел

на более практическую почву: разобраны были важнейшие вопросы современной политики. Бисмарк, с обычным своим видом прямоты и откровенности, сам заводил речь и об отношении своем к Австрии, и о последнем своем посещении Вены. Он уверял, что целью этой поездки было оторвать Австрию от союза с западными государствами и в этом отношении он достиг полного успеха. Общий результат разговора был, по донесению Сабурова, более благоприятен, чем можно было ожидать. Бисмарк обещал восстановить дружественные отношения Германии к России. Первым вопросом, по которому Бисмарк обещал свою поддержку, постановлено было недопущение вступления турецких войск в Восточную Румелию.

Германский канцлер был заметно польщен вниманием, выказанным лично ему русским императором присылкою Сабурова. Личное его раздражение смягчилось. Он даже выразил готовность встретиться с князем Горчаковым и предать забвению прошлые размолвки. Впрочем, в разговоре с Сабуровым Бисмарк коснулся таких интимных вопросов относительно некоторых личностей, в том числе и[58] особ германского императорского семейства, что Сабуров не решился всё высказанное изложить на бумаге и предоставил себе дополнить свое донесение личным докладом государю в Ливадии.

Вообще признано необходимым всё это дело держать в совершенной тайне от нашего канцлера и Министерства иностранных дел! [В каком другом государстве может существовать подобный порядок вещей!]

Несмотря на успокоительный результат поездки Сабурова, мне сдается, что все-таки не следует слишком полагаться на мнимую прямоту и откровенность германского канцлера. В[59] объяснениях его слышится фальшь и лукавство. Тем не менее было бы с нашей стороны неполитично обнаружить какое-либо недоверие или сомнение; надобно во что бы ни стало восстановить наши дружественные отношения с Германией, хотя бы для виду; другого союзника нет у нас в Европе. Если не удастся нам сойтись с Германией, то нам грозит коалиция целой Европы против нас: Россия очутится одна против всех.

Сегодня получена наконец из Тифлиса телеграмма, в которой упоминается о прибытии генерала Тергукасова к действующему в Закаспийском крае отряду. В телеграмме упоминается, что войска найдены им в отличном состоянии, дивизион переяславских драгун отослан назад в Чикишляр (для чего – неизвестно) – вот и всё; ничего о деле 28 августа и последствиях его. Можно предположить, не затерялось ли какое-либо донесение.

Из Югенгейма получены известия о выезде оттуда

императрицы в Канн.

2 октября. Вторник. Из полученных с Кавказа телеграмм видно, что Закаспийская экспедиция решительно не удалась. После [неудачного] дела 28 августа Ломакин счел необходимым отойти к Беурме, как он говорит, из опасений недостатка в боевых припасах. Расстройство же перевозочных средств (вследствие падежа верблюдов) заставило Ломакина совсем отвести отряд назад, так что Тергукасов по прибытии к отряду доносит по телеграфу только об обратном движении войск, словно экспедиция окончена. Таким образом, судьба судила Ломакину во второй раз показать перед полудикими туркменами свое бессилие и неспособность; вместо того чтобы поправить прошлогодние свои промахи, он и в нынешнем году повторил то же позорное отступление перед этой сволочью и тем окончательно уронил честь русского оружья в Средней Азии.

Счастливее нас англичане: все невзгоды для них обращаются в выгоду. Есть известия уже о вступлении английских войск в Кабул, по-видимому, без сопротивления. По всем вероятиям они легко справятся с Афганистаном и решат его судьбу так, как заблагорассудят.

Сегодня приехал опять Сабуров. Вероятно, завтра услышим его рассказы о разговорах с князем Бисмарком и узнаем, насколько можно ожидать от них серьезного, практического результата.

3 октября. Среда. После непродолжительного приема Сабурова наедине государь пригласил в кабинет Гирса, графа Адлерберга и меня, чтобы выслушать дополнительные донесения Сабурова о его разговорах с Бисмарком. Чтение было весьма интересное, и достигнутые результаты оказываются весьма удовлетворительными. Князь Бисмарк даже формулировал письменно основные пункты предлагаемого им соглашения, или конвенции. Сущность их заключается в том, что каждая из договаривающихся держав обязывается, в случае столкновения другой с какой-либо третьей державою, воспрепятствовать образованию коалиции против союзной державы. При этом категорически высказано, что покушение всякой державы к овладению Дарданеллами и Босфором считается враждебным действием против России.

Князь Бисмарк не остановился на такой общей формуле: он предлагал даже войти в ближайшие соглашения на случай могущего быть распада Турции. Притом брался привлечь и Австро-Венгрию к предположенному соглашению, уверяя, что постоянною его [основною] идеей, во всё его политическое поприще, был и будет тройственный союз России, Германии и

Австрии. Недавно подписанный в Вене протокол имеет главной целью оторвать Австро-Венгрию от сближения с западными державами.

Государь, вполне одобрив начала, положенные в основание совещаний Сабурова с князем Бисмарком, заявил, что еще в 1873 году были заключены на подобных же началах секретные соглашения – сперва в Петербурге, лично с императором Германским, а потом в Вене – с императором Австрийским. Государь вынул из своего портфеля два запечатанных конверта, на которых была надпись: «В случае моей смерти вручить государю императору». Вскрыв конверты, государь прочел нам обе конвенции. Одна была подписана в Петербурге двумя фельдмаршалами – графом Бергом и Мольтке – и ратифицирована подписями и печатями императоров Александра II и Вильгельма. Другая конвенция, редактированная графом Андраши, была подписана императорами Александром II и Францем-Иосифом. В обеих сущность заключалась во взаимном обязательстве военной помощи в случае *нападения* какой-либо враждебной державы. В конвенции с Германией был даже определен размер этой помощи – в 200 тысяч войска.

О существовании этих двух конвенций до сих пор известно было только наследнику цесаревичу, князю Горчакову и мне; в Германии знали только князь Бисмарк и граф Мольтке; император Вильгельм не решился даже показать наследному принцу. Гирс и Сабуров были несколько удивлены таким неожиданным для них открытием; невольно вырвался у них вопрос: почему же в последнее время, при возникновении недоразумений с нашими соседями, не напомнили им о существовании этих конвенций? Государь сказал, что князь Горчаков постоянно противился тому и не сочувствовал заключенным конвенциям, может быть, только потому, что они были заключены помимо него.

Сабуров при докладе государю о своей поездке в Баден упомянул, что князь Горчаков, которого он там встретил, даже не поинтересовался о цели приезда Сабурова; по своему обыкновению, канцлер забросал его пустозвонными фразами о какой-то *с в о е й* политике, о намерении по приезде в Петербург дать делам новый оборот и т. п. Всё это говорилось при посторонних лицах, так что не могло быть и речи о разговорах Сабурова с князем Бисмарком.

По окончании совещания Гирс остался на несколько минут в кабинете государя, чтобы наедине поднять щекотливый вопрос, который уже неоднократно был предметом наших с ним разговоров; а именно – о необходимости выбора, для успеха

предпринятых переговоров, вполне способных, искусных лиц. Если ведение дела будет поручено нынешнему нашему послу в Берлине, под высшим руководством князя Горчакова, то, по нашему убеждению, лучше вовсе и не начинать. По словам Гирса, государь был явно озадачен такою откровенною постановкой вопроса; но сказал, что подумает и поговорит в другой раз.

В течение дня два раза мы сходились втроем – Гирс, Сабуров и я – для совещания о том же предмете: как вести затеянное дело. Мы все одного мнения, что ничего путного не выйдет, если государь не решится наконец откинуть в сторону всякие церемонии с князем Горчаковым, Убри, Новиковым и компанией. Притом, по моему мнению, и медлить нельзя: *il faut battre le fer quand il est chaud*[60]. События политические бегут с необычайной быстротой. Если нельзя ранее декабря взяться решительно за переговоры с Бисмарком, то по крайней мере следует для начала завести с ним переписку и по его же собственному предложению отклонить вступление турецких войск в Восточную Румелию.

Сегодня ездил я в Ялту навестить бедного больного – Александра Алексеевича Зеленого и отдать визит князю Дондукову-Корсакову.

4 октября. Четверг. После моего военного доклада, пока не вошел еще Гирс, государь заговорил со мной о вчерашнем докладе Сабурова: «Я очень доволен им; мне кажется, дело начато им хорошо». На это я отвечал, что теперь успех будет зависеть от того, кому поручат вести далее это дело; что трудно ожидать хорошего результата, если переговоры будут возложены на Убри под руководством князя Горчакова. На это государь сказал: «Знаешь, какая пришла мне мысль? Назначить его же, Сабурова, на место Убри».

Та же мысль была и у меня; я высказывал ее не раз Гирсу, который, однако же, как мне казалось, не очень сочувствовал ей. Когда вошел Гирс, государь продолжал тот же разговор о перемещении Убри в Вену или в Рим, а Новикова – в Константинополь. О Горчакове же, хотя и отзывался не раз как о человеке, выжившем из ума и впавшем в детство, он, однако ж, не высказал никакого решительного намерения. Между тем все вышеозначенные перемещения и самое ведение секретных переговоров невозможны, пока князь Горчаков находится во главе Министерства иностранных дел. Ни Гирс, ни я, конечно, не могли высказать этой правды во всей ее полноте; но при удобном случае постараюсь навести речь на этот щекотливый предмет.

Во всяком случае, предположенные перемещения не могут быть приведены в исполнение ранее возвращения государя в Петербург. До того же времени может еще многое измениться и

разъясниться.

Сабуров сегодня не показывался; у него сильная мигрень.

По случаю праздника казачьих войск было сегодня молебствие, потом угощение обедом казаков Собственного конвоя.

5 октября. Пятница. У нас что ни день, то какое-нибудь торжество, какая-нибудь церемония. Сегодня, кроме дня рождения герцогини Эдинбургской (великой княгини Марии Александровны) и праздника Ливадийской школы, праздновали 25-летний юбилей первого бомбардирования Севастополя! Кажется, что тут праздновать? Лучше бы позабыть эту печальную эпоху. Но у нас не пропускается никакой случай отслужить молебствие, выстроив роты перед аналоем и прокричать «ура!». Нынешний юбилей ознаменовался возведением генерала Тотлебена в графское достоинство и возложением Святого Андрея на адмирала Новосильского. Генерал Тотлебен в восторге. После молебствия государь скомандовал «На караул!» новому графу и провозгласил ему «ура!».

Приехал сюда знаменитый строитель мостов военный инженер Струве, только что произведенный в генерал-майоры по случаю происходившего на днях в Петербурге открытия нового моста через Неву против Литейной улицы, названного именем императора Александра II. Струве вызван по случаю командирования его делегатом в специальную комиссию, предположенную для решения на месте вопроса, есть ли действительно пункт, удобный для постройки моста через Дунай восточнее Силистрии. Я имел с ним довольно продолжительное свидание и объяснил ему всё дело, для которого он вызван.

Также приехал сюда государственный контролер статс-секретарь Сольский. С ним я имел длинные совещания[61] о ходе дела комиссии, учрежденной в Одессе для расследования действий полевого интендантства и товарищества по продовольствию армии в последнюю войну. Назначение председателем этой комиссии генерал-адъютанта Глинки-Маврина оказывается решительно неудачным.

11 октября. Четверг. Ничего замечательного ни в политике, ни в нашей ливадийской жизни, кроме разве перемены правительства в Константинополе и приезде сюда полковника Боголюбова, который, отдав отчет в исполнении поручения по разграничению Болгарии, едет опять в Софию, чтобы там наладить предстоящие работы по обозначению на местности новой границы. Сабуров уехал в понедельник.

19 октября. Пятница. В последнее время всё внимание и толки в целой Европе были обращены на странную, нахальную

речь, произнесенную в Манчестере маркизом Солсбери. Не было еще примера, чтобы среди мира министр иностранных дел позволил себе так бесцеремонно высказать враждебное отношение к другому государству. Солсбери, так сказать, открыл карты в политической игре, происходящей со времени Берлинского конгресса.

Он прямо объяснил своим слушателям, что все проделки больших государств были направлены против России. Конечно, мы вполне чувствовали и понимали это; но не ожидали такого цинического объявления во всеуслышание со стороны наших завзятых противников.

Вчера, при докладе, я спросил государя, удобно ли после этой речи нашему послу оставаться в Лондоне. К тому же сам Шувалов настойчиво просит об отозвании его и нетерпеливо ожидает увольнения под предлогом болезни. Вчера же разрешено ему выехать из Лондона. Не худо, если на некоторое время пост русского посла не будет замещен.

Сегодня же получено от князя Лобанова неожиданное извещение о том, что Лейярд, взбешенный переменой турецкого правительства во время его поездки в Сирию и особенно назначением Махмуда Недим-паши, считаемого другом России, угрожает Порте прибытием английского флота под тем предлогом, что обещанные реформы в Малой Азии не приводятся в исполнение. Что за цинизм! Что за нахальство! Это разбой среди белого дня! И вся Европа смотрит на это беспрекословно, даже поддерживает британское самодурство.

Сегодня приехал с Кавказа флигель-адъютант князь Долгоруков (Николай Сергеевич), командир Кабардинского полка. Он командовал авангардом Ахалтекинского отряда. Рассказы его неутешительны. По всему видно, что генерал Ломакин потерял голову и пал духом. Князь Долгоруков думает, что возобновить экспедицию будет очень трудно, по причине недостатка верблюдов в самой стране.

Вчера ездил я с государем на ялтинский рейд, осматривать прибывшую сюда «поповку». Сам адмирал Попов показывал [все свои ухищрения] и демонстрировал свое детище. В особенности хитро устроены подъемные станки под орудиями (12-дюймовые), приводимые в движение паром. В техническом отношении превосходно; но в морском никто не верует в «поповки»; общее мнение громко порицает то, что заказанная в Англии новая императорская яхта строится с применением типа «поповок». Постройка эта будет стоить громадных денег; а к воссозданию флота нашего в Черном море и не думают приступать.

23 октября. Вторник. Возвратившись вчера вечером из

Симеиза в Ливадию, узнал, что вчера же приехал из Константинополя посол наш князь Лобанов. Накануне отъезда он имел аудиенцию у султана, который высказывал ему свои неудовольствия на англичан под впечатлением новой угрозы Лейярда. Впрочем, по известиям из Лондона, тревога, возбужденная в Константинополе этой угрозою, успокаивается. Английское правительство объясняет, что английская эскадра получила приказание идти на зимовку в один из портов Малоазиатского берега вовсе без политической цели, а по заблаговременно принятому Адмиралтейством предположению. Но как же согласовать такое объяснение с угрозою Лейярда? Стало быть, посол, по собственному произволу, воспользовался случайным передвижением флота, чтобы запугать турецкое правительство?

Сегодня утром после моего военного доклада был доклад Гирса. Кроме мелких текущих дел речь шла опять о предстоящих соглашениях с Германией. [Сабуров уже вызывается ехать в Варцин к князю Бисмарку[62]; Гирс еле сдерживает прыть молодого кандидата на пост русского посла в Берлине.] Гирс прочел набросанные им мысли об основных пунктах, которые следовало бы постановить при предстоящих переговорах с Бисмарком, в особенности для достижения главной нашей цели – обеспечения неприкосновенности Дарданелл и Босфора. Я высказал мнение, что предполагаемые условия не дают никакой действительной гарантии против захвата проливов англичанами. Государь соглашается со мной; он желал бы, чтобы неприкосновенность проливов была признана общеевропейским договором. Ввиду возможности совершенного разложения Турецкой империи я наводил на мысль о коллективной оккупации проливов. Вопрос так сложен и труден, что нужно обдумать его не торопясь, пока можем еще спокойно обсуждать, до прибытия нашего государственного канцлера из-за границы. Гирс постоянно озабочен этим пугалом.

Погода вдруг переменилась; с утра и во весь день проливной дождь.

25 октября. Четверг. Вчера Гирс прочел государю составленную им дельную записку по поводу предстоящих переговоров Сабурова с князем Бисмарком, а вечером мы собрались втроем – Гирс, князь Лобанов и я, чтобы проектировать самые условия предполагаемого договора с Германией. Мы старались так формулировать взаимные обязательства, чтобы договор доставил нам действительное, насколько возможно, обеспечение на случай войны с Англией, в особенности относительно покушения последней на проливы. Я советовал

князю Лобанову и Гирсу при докладе государю настоять на неотлагательном отправлении Сабурова в Варцин, дабы направить дело до приезда государя и князя Горчакова в Петербург.

Так и было сделано сегодня утром. После моего доклада государь пригласил нас троих вместе; проектированные нами 6 пунктов были прочитаны и одобрены. Затем решено не отлагать отправление Сабурова; но тут представился вопрос: как уладить дело в отношении Убри? Ведение переговоров в Варцине посторонним лицом, в то время как Убри оставался бы в бездействии в Берлине, было бы не только обидно для него лично, но и несовместно с достоинством посла. Притом Убри пользуется особым расположением государя. Придумали вызвать его сюда в Ливадию под видом личных с ним совещаний; здесь открыть ему предположенный план действий, а пока он будет в отсутствии из Берлина, отправить туда Сабурова с чрезвычайной миссией. [Так и сделали.] Сегодня же телеграфировано в Берлин и получен уже от Убри ответ.

К сожалению, князь Лобанов уезжает сегодня же в ночь обратно в Константинополь, с дозволением вслед за тем отправиться в отпуск. Я не мог не выразить ему, при прощании, крайнего сожаления, что в такую важную минуту пост русского посла в Константинополе остается вакантным. Интригам Лейярда оставляется свободное, бесспорное поле.

Из Бухареста получены известия о благоприятном результате работ технической комиссии на Дунае: всеми делегатами единогласно признан удобным для постройки моста пункт, указанный генералом Струве и Карышевым, в 26 верстах от Силистрии. Теперь предстоит уже путем дипломатической переписки решить самый вопрос о пограничной болгаро-румынской линии. Единственный предлог к проведению границы у самых ворот Силистрии теперь устранен формальным образом.

Со вчерашнего дня вдруг наступила холодная погода: вершины гор покрылись снегом и термометр сегодня вечером спустился до нуля.

31 октября. Среда. Еще в конце прошлой недели получено было известие об отправлении из Берлина сюда курьера с письмом от императора Вильгельма. Курьера этого мы ждали с нетерпением; он приехал в прошедшую ночь и привез собственноручное письмо германского императора с приложением меморандума, подписанного в Вене канцлерами германским и австро-венгерским. Меморандум этот, оказывается, не заключает в себе ничего прямо враждебного России, и если только не был заключен еще какой-либо секретный договор, то

пресловутое свидание Бисмарка с Андраши, наделавшее столько шума в Европе, повело только к довольно невинному обмену мыслями о взаимной поддержке в видах охранения мира и приведения в исполнение условий Берлинского договора.

Государь потребовал к себе утром Гирса, графа Адлерберга и меня, чтобы вместе прочесть письмо императора Вильгельма. Оно написано в дружеском тоне и, по-видимому, с тою главною целью, чтоб оправдать политику Германии за последнее время в отношении Австрии и России. По словам императора Вильгельма, ему было крайне прискорбно узнать, что случайное совпадение свиданий императоров в Александрове и канцлеров в Вене было истолковано многими органами печати как признак двуличности германского правительства. Тем не менее император возвращается к прежним нелепым упрекам в наших будто бы враждебных действиях против Германии. Всё это, казалось, было уже достаточно разъяснено и опровергнуто в Александрове; однако же выходит, что император Вильгельм остается и доселе под влиянием коварных внушений Бисмарка. Государь вспомнил, что в 1866 году, перед Австро-прусской войной, князь Бисмарк точно так же уверил короля Вильгельма в том, что Австрия будто бы угрожает Пруссии войной, и, несмотря на все фактические опровержения этой неправдоподобной выдумки, король, нынешний император Германский, остался и до сих пор в убеждении, что война была вызвана Австрией.

После короткого обсуждения письма императора Вильгельма государь поручил Гирсу редактировать проект ответа.

1 ноября. Четверг. Сегодня утром, еще до моего доклада, Гирс пришел ко мне, чтобы прочесть набросанный им проект ответного письма императору Вильгельму. Я присоветовал ему сделать некоторые дополнения. После же доклада моего проект был прочитан государю, который в свою очередь приказал добавить о предположенном замещении нашего посла в Берлине другим лицом, более подходящим к настоящим требованиям. Таким образом, вопрос этот решен бесповоротно, и нечего уже опасаться расстройства дела с возвращением князя Горчакова. Можно полагать, что император Вильгельм примет с удовольствием назначение Сабурова. Однако ж решение это не совсем по вкусу Гирса, который только исполняет беспрекословно приказания государя, не решаясь откровенно высказывать свои убеждения.

Погода сегодня ненастная, так что я должен был отказаться вовсе от обычной прогулки и воспользовался свободным временем, чтобы набросать свои мысли по поводу вновь выраженных императором Вильгельмом укоров. Мне кажется, что

было бы опасно оставить эти странные укоры без категорического опровержения. То, что теперь есть не более чем воображаемый призрак, фантом, может потом укорениться в понятиях престарелого императора и превратиться в реальный повод к разрыву. Записку свою по этому предмету я передал Гирсу.

2 ноября. Пятница. Ответное письмо императору Вильгельму сегодня переписано набело государем и должно быть отправлено завтра утром с тем же прусским фельдъегерем, который привез письмо германского императора.

Продолжается дождливая погода; два дня сряду я не выходил из комнаты, кроме перехода через двор во дворец.

7 ноября. Среда. Во время моего отсутствия из Ливадии (3-го, 4-го и 5-го – дни моего пребывания в Симеизе) приехал генерал Струве с отчетом о результате работ международной технической комиссии, собранной для решения вопроса, есть ли на Дунае, к востоку от Силистрии, такой пункт, где можно устроить переправу для соединения Румынии с новоприобретенною Добруджей. Генерал Струве и инженер путей сообщения Карышев указали такое место, вполне удобное для устройства моста, даже железнодорожного, если б когда-нибудь могло возникнуть предположение о таком сооружении. Все делегаты вынуждены были признать возможность устройства здесь переправы; но они не остановились на этом прямом решении вопроса, поставили еще другой вопрос: где сравнительно удобнее устроить переправу – в указанном ли русскими делегатами пункте или против самой Силистрии? Разумеется, все пришли к единогласному заключению о преимуществе последнего пункта. Но такая постановка вопроса совершенно выходит за пределы задач комиссии специально-технической. [Если б дело шло о выборе *лучшего места* для переправы через Дунай, то, конечно, можно было бы выбрать еще выгодные пункты; но разве вопрос был о лучшем сообщении между Румынией и Болгарией?] Очевидно, делегаты съехались с уже предвзятым, тенденциозным заключением в интересах Румынии.

Возвратившись в понедельник вечером из Симеиза, я должен был, кроме приготовления обычного своего доклада к следующему дню, заняться чтением привезенных генералом Струве протоколов и приложенных к ним записок и мнений, что заняло половину ночи. Во вторник утром я переговорил лично с генералом Струве и вместе с ним зашел к Гирсу, а после моего доклада мы с Гирсом совместно доложили государю привезенные генералом Струве сведения, при этом он лично представился его величеству.

Вечером я зашел к Гирсу, чтобы прослушать набросанный им наскоро проект циркулярной депеши, в которой сообщается другим кабинетам наше заключение по вопросу технической комиссии на Дунае. Проект этой депеши прочитан сегодня государю и высочайше одобрен; но вместе с тем положено предварительно послать депешу только в Берлин, чтобы заручиться по крайней мере поддержкою одной Германии, прежде чем входить в соглашение с прочими кабинетами. Такое обращение к берлинскому двору будет пробным камнем для испытания на деле искренности князя Бисмарка в переговорах его с Сабуровым. Любопытно знать, произведет ли воздействие на расположение Берлинского кабинета ответное письмо нашего государя императору Вильгельму и заявленное намерение заменить Убри новым послом, более приятным Бисмарку? Предположение это уже перестало быть тайной: о нем извещены и Сабуров, и Убри; вероятно, будет написано и самому князю Горчакову, а это равнозначно опубликованию во всеобщее сведение.

Сегодня являлись ко мне камергер Прокудин-Горский с полковником Струве (Густавом, братом генерала, владельцем известного механического завода в Коломне). Они вместе разработали проект железной дороги от Оренбурга до Аральского моря, в связи с пароходством по рекам Сыр и Аму. Проект этот мне более нравится, чем другой, патронируемый Кауфманом, – узкоколейной дороги прямо от Оренбурга до Ташкента. По моему мнению, узкоколейную дорогу ни в каком случае допустить нельзя; а ширококолейная до Ташкента потребует громадных сумм и пойдет по необозримым пустыням. Дорога же к Аральскому морю сравнительно удобоисполнимее; пароходство по рекам Сыр и Аму, во всяком случае необходимое, свяжет с русскою железнодорожною сетью наиболее населенные и производительные части Средней Азии, лежащие по долинам обеих этих рек. Полковник Струве внушает доверие; это человек практичный, доказавший свою разумную опытность. Я обещал поддержать его проект.

Брат его, генерал Струве, вчера же уехал в Петербург.

8 ноября. Четверг. Сегодня после моего доклада государь, предупрежденный мною о проекте полковника Струве, принял его весьма милостиво и пожаловал орден Святого Владимира 4-й степени. Замечательно, что полковник Струве до сих пор не имел ни одного ордена, так же как и брат его, генерал Струве, знаменитый строитель мостов.

Князь Лобанов, пользуясь разрешенным отпуском, выехал из Константинополя. Крайне неудачно выбрано время; не понимаю,

как государь согласился допустить отсутствие посла в Константинополе именно в такой момент, как теперь. Англия продолжает свои угрожающие демонстрации. Получено известие, что по требованию Лейярда султан уже согласился на назначение Бекер-паши на какую-то странную должность – инспектора реформ в Малой Азии[63]. Очень опасаюсь какого-нибудь нового, неожиданного со стороны Англии *coup de main*[64]. Я говорил с генералом Тотлебеном о том, какие меры можно нам принять на случай, если Порта попросит нашей помощи для преграждения английскому флоту вторжения в Мраморное море и подступа к Царьграду. Также и Гирсу дал я мысль воспользоваться первым моментом паники в серале, чтобы предложить султану нашу дружескую помощь.

Такой оборот дел напомнил бы время, наступившее после войны 1828–1829 годов, когда русский десантный корпус занял берега Босфора для защиты Константинополя от угрожавшей со стороны египетского паши опасности. Было бы в высшей степени замечательно, если бы Россия из врага Турции обратилась бы в защитницу ее против отъявленной ее покровительницы.

Сегодня приезжала ко мне в Ливадию дочь Ольга; с нею ездил я в Ялту навестить Дондуковых-Корсаковых.

16 ноября. Пятница. В истекшую неделю не было в политике ничего замечательного. Князь Лобанов уехал из Константинополя, передав дела первому драгоману [Михаилу Константиновичу] Ону и оставив свободное поле нахальству британского посла. Последние донесения Ону довольно успокоительны; казалось, и дело о передаче Гусинье и Плава черногорцам вполне улаживалось; Порта уже дала положительные повеления Мухтар-паше двинуться с войсками в Гусинье, чтобы обеспечить мирную передачу в управление черногорского комиссара Божо Петровича. Но сегодня получена телеграмма о новой катастрофе: Мухтар-паша убит! Таким образом, оправдалось опасение его подвергнуться участи Мехмета-Али. Опять новые осложнения.

С другой стороны получаются ежедневно тревожные сведения из Софии. Народное собрание оказалось совершенно враждебным существующему правительству и выбрало своим председателем Каравелова – главу оппозиции. От нашего правительства даны князю Александру благие советы: держаться на почве законной и стараться образовать новое правительство. Хотя князь и обратился к Каравелову, однако же по всему видно, что так называемая «либеральная партия» не внушает князю ни сочувствия, ни доверия. Кроме наших русских представителей при князе, прочие иностранные агенты, и в особенности австро-

венгерский, подстрекают молодого, неопытною князя к *coup d'état*, роспуску собрания и даже к уничтожению конституции. Наш военный агент флигель-адъютант Шепелев старается всеми силами предостеречь князя от опасных последствий таких резких действий. Шепелеву разрешено приехать в Петербург для личных объяснений.

Мой сотоварищ Гирс на днях уехал для осмотра пожалованной ему земли в Мелитопольском уезде и для ввода во владение. Он присоединится к нашему поезду на пути, в Мелитополе. Что касается меня, то я провел обычным порядком первые два дня недели в Симеизе, а в среду, 14-го числа, вся моя семья приехала сюда: часть ее (две дочери и сын) продолжала путь на Симферополь, в Петербург; а жена с одной из дочерей (Надей) возвратилась еще на некоторое время в Симеиз. Вчера я ездил к ним, чтоб окончательно проститься.

Погода во всю неделю отвратительная; в горах выпал снег; проливной дождь размыл дороги, так что я с трудом доехал до Симеиза и возвратился в Ливадию только сегодня утром, прямо к докладу. Государь на прощание с ротами, отбывающими здесь караульную службу, сделал им смотр. В Ливадии уже два дня суетятся: укладываются, отправляют тяжести на пароход, а завтра, 17-го числа, уезжаем отсюда сухим путем на Симферополь.

С грустью покидаю Крым. Не только жаль расстаться с югом, но страшно подумать о переходе к петербургской жизни.

20 ноября. Вторник. Москва. Выехав из Ливадии 17-го числа утром, государь и вся свита доехали уже поздно вечером до Симферополя, откуда по железной дороге благополучно прибыли в Москву вчера, около 10 часов вечера. Въезд государя в Первопрестольную сопровождался обычными восторженными криками толпы, ожидавшей царского проезда по иллюминованным улицам. Но едва въехали мы в Кремлевский дворец и не успели еще разобраться в своих помещениях, как узнали с удивлением, что второй поезд, шедший на полчаса позже первого, с частью свиты, прислугой и багажом, при самом въезде в предместье Москвы потерпел крушение от взорванной мины. Очевидно, злодейское это покушение было приготовлено против царского поезда; совершенно случайные обстоятельства ввели злоумышленников в заблуждение: царский поезд обыкновенно идет на полчаса позже другого, свитского поезда; на сей же раз он был пущен от самого Симферополя получасом ранее, чем было назначено по маршруту, впереди свитского.

Взрыв произведен был в то самое мгновение, когда к месту заложенной мины подходил второй поезд. Паровоз успел

проскочить, а шедшие за ним два багажных вагона повалились на бок; все прочие вагоны от толчка сошли с рельсов, но, к великому счастью, остались неповрежденными, и ни один человек не пострадал.

Сегодня утром только и разговоров о подробностях злодейского покушения. По предварительной разведке оказалось, что близ места взрыва находится домишко, который месяца два тому назад был куплен каким-то приезжим, выдававшим себя за саратовского мещанина. Он жил в доме вдвоем с женщиной, по-видимому, очень скромно. После взрыва, когда вошли в дом, никого уже там не было, но в подвальном этаже найдены явные следы подкопа.

Государь взволнован этою новой варварской попыткой. При парадном выходе он обратился с обычной речью к многочисленным представителям городских сословий и упомянул с сокрушением о вчерашнем событии. В то же время получено было из Петербурга неприятное известие, что преступник Мирский, присужденный военным судом к смертной казни за покушение против Дрентельна и участие в противоправительственной агитации, получил от генерала Гурко смягчение наказания: смертная казнь заменена каторгой.

Общее [прискорбное] впечатление, произведенное в городе вчерашним событием и чудесным спасением государя, не расстроило программы дня. После выхода во дворце и шествия в Успенский собор, произведен смотр части Московского гарнизона в Манеже (по случаю значительного мороза); потом государь ездил по разным заведениям; в 7 часов обед во дворце, затем театр и, наконец, раут у генерал-губернатора князя Долгорукова. [Что касается меня, я сделал несколько визитов и отказался от театра, а на рауте был только несколько минут.]

Сюда вызван посол наш в Вене Новиков. Государь объявил ему о своем намерении переместить его в Константинополь. Новиков вышел из кабинета государя явно недовольный. Это бы еще ничего; но беда в том, что и в Константинополе мало прока можно ожидать от такого вялого посла.

Были у меня Фадеев и потом здешний городской голова Третьяков для объяснений по предположению их образовать русскую компанию для торговли с Болгарией и судоходного с нею сообщения. Я советовал им привлечь к этому делу московское купечество. [Кажется, они подаются.] Завтра соберутся у меня некоторые из главных тузов.

24 ноября. Суббота. Петербург. Второй день пребывания нашего в Москве был еще утомительнее первого. Утром доклад, затем два смотра в Манеже, в промежутке между ними осмотр

храма Христа Спасителя и посещение почтенных стариков Мельниковых; потом завтрак у государя для всех военных начальников; вечером русский театр, откуда поехали прямо на станцию железной дороги, и отъезд из Москвы в 11 часов вечера.

Происшествие 19 ноября наложило на всё наше пребывание в Москве какой-то мрачный колорит. Под этим же тяжелым впечатлением совершился и наш переезд в Петербург. Принимались все возможные меры для предохранения царского поезда от какой-нибудь новой опасности; в этих видах даже не было дано знать в Петербург о часе прибытия, отчего войска Петербургского гарнизона, всё офицерство, начальство и даже императорская фамилия ожидали несколько часов на улицах и на вокзале, при морозе в 16°. Всякие телеграфные сообщения были приостановлены. На беду, ночью поднялась метель, так что пришлось на некоторых станциях остановить поезд и ждать расчистки пути.

Таким образом, мы прибыли в Петербург только около трех часов пополудни и прямо со станции отправились все в Зимний дворец, где отслужено было благодарственное молебствие. При этом находились почти все наличные члены царского семейства (кроме наследника и цесаревны, которые по болезни оставались в Царском Селе) и главные лица придворного синклита. Государь был грустен и серьезен; настроение его отражалось и на всех присутствовавших.

Приехав домой, я нашел у себя ожидавших уже несколько часов начальников главных отделов Военного министерства, адъютантов и некоторых других лиц. Впрочем, они не задержали меня; остальную часть дня я провел с тремя дочерьми и сыном, занимался разборкой привезенных с собою и ожидавших меня бумаг.

Вчера, в пятницу, назначен был смотр всем войскам Петербургского гарнизона; но он был отменен по причине сильного мороза, и я употребил часть утра на разъезды по дворцам. Застал только великого князя Владимира Александровича, который говорил исключительно о неудачной Текинской экспедиции. По возвращении домой я принимал бóльшую часть начальников главных управлений, и разговоры с ними продлились до 6 часов. Вечером завален бумагами.

Сегодня имел я доклад у государя, в присутствии великого князя Владимира Александровича. О политике почти не было разговора. Гораздо позже, как потом я узнал, государь принял князя Горчакова с Гирсом. Я же между тем почти всё утро провел в разъездах: поздравил великую княгиню Екатерину Михайловну по случаю ее именин, посетил 3-ю военную гимназию и сделал

несколько визитов; между прочим – государственному контролеру Сольскому, с которым встретилась надобность переговорить по делу Одесской следственной комиссии, и Валуеву, у которого просидел довольно долго. Беседа была интересная: о настоящем натянутом положении и внутренней, и внешней политики, о ненормальном ведении дел дипломатических и проч. Валуев коснулся давнишних своих проектов преобразования Государственного совета; рассказал кое-что о недавнем пребывании своем в Баден-Бадене, где виделся с государственным канцлером.

Среди этого разговора нашего приехал Гирс, который передал нам интересные подробности своей первой встречи с канцлером и бывшего сегодня доклада у государя. Князь Горчаков в присутствии барона Жомини хотел было озадачить Гирса, приняв грозный, начальственный тон; по словам Гирса, произошла сцена довольно бурная: Гирс разгорячился, поднял голос и канцлер укротился. К удивлению, государь как будто не замечает слабоумия князя Горчакова; и надобно сказать, что последний перед государем умеет удивительным образом подтянуться на каких-нибудь четверть часа. Но после такого кратковременного напряжения душевных сил, едва выйдя из дверей царского кабинета, он снова опускается и начинает обычное свое самовосхваление, доходящее до предела, близкого к форме умственного расстройства, называемого «горделивым умопомешательством». Для него не существует ничего в мире, кроме его собственной особы; делами он не занимается, да и не в состоянии заниматься.

Если он останется официальным главою Министерства иностранных дел, а Гирс будет негласным работником, если на главных дипломатических постах будут оставаться прежние личности, то едва ли можно ожидать лучшего оборота дел, даже несмотря на перемещения их одного на место другого. Убри едва ли будет в Вене действовать успешнее, чем действовал до сих пор в Берлине; Новиков окончательно уронит наше положение в Константинополе; князь Лобанов будет нулем в Лондоне, да и Сабурову едва ли удастся уладить дело в Берлине. Недаром в публике острят: «А вы, друзья, как ни садитесь, всё в музыканты не годитесь».

С Сабуровым я встречался уже два раза, мы сговорились съехаться, чтобы потолковать [основательно] о программе предстоящих ему переговоров с князем Бисмарком. Но я начинаю опасаться, что и тут ничего не выйдет;

потому, во-первых, что секрет уже нарушен, а во-вторых, потому что Сабуров, как мне кажется, несколько легкомысленно

относится к своей задаче.

В самый день приезда в Петербург я имел во дворце коротенький разговор с великим князем Константином Николаевичем о современном нашем внутреннем положении. Он просил меня заехать к нему на днях, чтобы докончить начатую беседу.

Между тем из Болгарии и Черногории получены известия не совсем благоприятные. Князю Александру не удалось составить новый смешанный кабинет, во главе которого стал бы Каравелов; народное собрание не согласилось изменить свой адрес; решено распустить собрание. Шепелев предсказывает важные усложнения. Из Черногории же получено известие о кровопролитном столкновении турок с черногорцами в Гусинье. Подробности еще неизвестны, но, кажется, черногорцы одержали верх, с большими, однако же, потерями.

26 ноября. Понедельник. Вчера утром я сделал несколько визитов, между прочими – Сабурову, Абазе, Грейгу и другим. С Сабуровым мы имели довольно продолжительный разговор, в котором я, со своей стороны, старался уточнить, что переговоры его с Бисмарком не представляли бы для нас никакой положительной цели, если б оставлен был в стороне вопрос восточный. Для нас это самое больное место, и вся наша забота именно в том и должна состоять, чтобы не допустить никаких изменений в нынешнем *status quo* на Балканском полуострове. Сабуров в присланной мне накануне записке своей возлагает слишком большие надежды на предполагаемое усиление наших морских средств в Черном море. Я доказывал, что создание флота не может быть делом двух-трех лет, особенно при настоящем взгляде Морского министерства и настоящих финансовых средствах.

С Александром Аггеевичем Абазой также имел я продолжительный разговор о настоящем внутреннем положении России; он высказывал мысль о совершенной необходимости новых существенных реформ в государстве. Я возражал, что не имею никакой надежды на осуществление такого желания в близком будущем, так как необходима для того полная перемена и в личном составе, и в настроении высшей правительственной власти.

Грейга не застал дома; но едва возвратился к себе, как он сам ко мне приехал. Мы переговорили только о средствах к сокращению расходов военных, чтобы уравновесить смету будущего 1880 года. При заявленных Военным министерством цифрах ожидается в общей росписи дефицит до 25 миллионов, чего допустить невозможно.

Нынешний день прошел весь в торжествах по случаю Георгиевского праздника. Утром обычный выход и внутренний парад в залах Зимнего дворца; потом обед на 750 кувертов. Всё обошлось по заведенному порядку. За столом государь произнес сначала тост в честь императора Вильгельма, старейшего из георгиевских кавалеров 1-й степени; затем тост всем кавалерам этого ордена; после чего я принял на себя (как старший из кавалеров 2-й степени) поднять бокал за здравие и долгоденствие самого государя. Как следовало ожидать, тост этот вызвал шумные и продолжительные возгласы «ура!» при звуках народного гимна.

Сегодня нашел я у себя в числе визитных карточек и карточку князя Горчакова.

27 ноября. Вторник. После моего доклада государь приказал мне подождать прибытия князя Горчакова с Гирсом, на случай если б у них в докладе оказалось что-либо, требующее моего присутствия. Однако же Гирс предварил меня, что у них нет вовсе никаких дел, кроме канцелярских мелочей, а потому я и не остался, а воспользовался свободным утром, чтобы сделать еще несколько визитов; между прочим – министру внутренних дел Макову. По дороге заехал в Военно-юридическую академию и в приготовительные классы Пажеского корпуса.

Позже был у меня генерал Гурко. Он выражал сетования свои на настоящие неловкие отношения его с наследником цесаревичем, который, будучи корпусным командиром, а следовательно, подчиненным главному начальнику округа, не хочет войти в свою роль и ставит его, Гурко, в самое фальшивое положение. С самого назначения генерала Гурко в настоящую его должность наследник цесаревич не скрывал своего к нему нерасположения.

Сегодня в манеже было угощение обедом нижних чинов, кавалеров военного ордена. Я не присутствовал при этом; пропустил также и заседание Комитета министров, в котором заседать – терять время. По болезни генерала Игнатьева (отца) председательствует принц Петр Георгиевич Ольденбургский. [Можно представить себе, что это за комическое заседание.]

28 ноября. Среда. Сегодня, по случаю годовщины взятия Плевны, было утром молебствие в Малой церкви Зимнего дворца, а в 6 часов – большой обед, к которому были приглашены все лица, находившиеся в свите государя во время кампании, и все наличные начальники частей войск, участвовавших в осаде Плевны.

Торжества эти не помешали мне заехать утром в Пажеский корпус, а позже председательствовать в Военном совете.

29 ноября. Четверг. Принц Петр Георгиевич Ольденбургский несколько раз заявлял мне, что имеет надобность видеться со мной, и требовал, чтобы я назначил ему час свидания. Условлено было, что я приеду к нему сегодня после моего доклада. Оказалось, что [вся] цель этого свидания состояла в том, чтобы еще раз убедить меня в необходимости общего разоружения Европы и установления вечного мира. С горячностью и всегдашнею бессвязностью принц повторял всё, что я много раз уже слыхал от него: и о письмах его к Наполеону III, Тьеру, Бисмарку, и о произнесенных им в разных случаях спичах о мире, и даже о сочиненной им самим, для своего памятника, эпитафии и проч., и проч. Можно бы подумать, что находишься в психиатрической больнице.

Продолжительная эта аудиенция принца не избавила меня от обеда, к которому я получил вчера приглашение. Обеды принца по четвергам [справедливости ради] бывают обыкновенно очень изысканы, притом место хозяйки занимает принцесса Евгения Максимилиановна – женщина чрезвычайно милая и симпатичная [к которой нельзя не питать сочувствия].

Утром посетил я Инженерную академию и училище.

30 ноября. Пятница. Ездил в Аничков дворец расписаться у наследника цесаревича, который только вчера переехал в Петербург из Царского Села, где удержан был болезнью долее, чем предполагал. Затем бóльшую часть утра провел в осмотре военно-учебных заведений.

1 декабря. Суббота. После моего доклада происходило у государя совещание по делам политическим. Участвовали, кроме наследника цесаревича и великого князя Владимира Александровича, князь Горчаков, Гирс, Убри, Сабуров и я. Речь шла о программе предстоящих переговоров Сабурова с Бисмарком. Хотя проект был составлен Гирсом еще до приезда канцлера и последний до сих пор не усвоил себе существа дела, однако же у него хватило ловкости в присутствии государя разыграть роль главного руководителя: он сам прочел проект программы и, воздержавшись от рассуждений, довольно искусно скрыл отсутствие мысли и знакомства с делом. Сабуров несколько возражал на включение в программу вопроса о проливах; Гирс и я доказывали, что выпустить этот важнейший для нас вопрос значило бы заключать с Германией условия без всякой для нас выгоды.

Государь одобрил программу; Сабуров успокоился объяснением, что результат соглашения относительно проливов будет, конечно, зависеть от большей или меньшей податливости германского канцлера, большей или меньшей искренности его

желания сблизиться с нами.

Сегодня, в час пополудни, происходил в манеже первый высочайший смотр войскам гвардии – Преображенскому полку и лейб-гвардии Саперному батальону. Такие смотры будут повторяться по три и четыре раза в неделю, вплоть до Рождества. Государь освободил меня от присутствия на этих смотрах в те дни, когда будут у меня другие служебные обязанности.

Визит турецкому послу.

2 декабря. Воскресенье. На разводе государь был как-то особенно не в духе; подъехав к турецкому послу, высказал ему неудовольствие свое по поводу новых замедлений в передаче Гусинье черногорцам.

По сведениям из Афганистана положение там англичан приняло неблагоприятный оборот.

3 декабря. Понедельник. Прием в канцелярии Военного министерства представляющихся и просителей был сегодня особенно многочисленный.

Потом заседание Государственного совета. Обменялся несколькими словами с Валуевым опять по поводу любимой его мысли о преобразовании Государственного совета. После же заседания и Особого присутствия по делам воинской повинности остался я наедине с великим князем Константином Николаевичем. Тот же вопрос – что нам делать, чтобы выйти из настоящего невыносимого положения? Я высказал великому князю мнение, что при настоящем общем неудовольствии в России нельзя ограничиться какою-либо одною мерой, и притом такой фиктивной, как предлагаемое, например, привлечение в состав Государственного совета некоторого числа временных делегатов от земств. Что будут делать эти представители земства в составе Государственного совета, когда все заботы высшего правительства направлены к усилению мер строгости, когда предоставлен администрации, на всех ее ступенях, полный произвол, когда вся Россия, можно сказать, объявлена в осадном положении? При настоящем настроении государя было бы совершенно несвоевременно возбуждать вопрос о какой бы то ни было реформе, имеющей характер либеральный. Великий князь не противоречил мне и, по-видимому, соглашался с моим взглядом.

В субботу, во время моего доклада, государь рассказал новый анекдот о принце Петре Георгиевиче Ольденбургском. Он просил у государя аудиенции по особо важному делу; государь подумал, что действительно могло встретиться какое-нибудь дело по Комитету министров, в котором принц временно председательствует за болезнью генерала Игнатьева. Принц начал

свой доклад с того, что в настоящих трудных обстоятельствах каждый верноподданный должен помогать правительству и со всею откровенностью высказывать свои мысля о средствах к спасению царя и государства; что он, принц Ольденбургский, нашел это средство. Оно состоит в том, чтобы государь объявил торжественно манифестом, что отныне, вместе с императорской короной и скипетром, будет хранить под общим колпаком (sic!) экземпляр свода законов!!! Каково было удивление государя, когда он выслушал такой мудрый совет!

4 декабря. Вторник. После своего доклада государю я присутствовал при докладе князя Горчакова и Гирса, а потом участвовал во вторичном совещании по тому же предмету, который обсуждался в субботу, и из тех же лиц.

Канцлер прочел составленную бароном Жомини инструкцию для Сабурова; в ней объяснено довольно верно и со свойственным барону мастерством изложения соотношение настоящих интересов Германии и России, причем указано, в чем именно для нас наиболее желательно получить от Германии обеспечение. Очевидно, что на первом плане поставлено ограждение Черного моря от вторжения английских эскадр. Однако же Сабуров продолжает пугаться такой постановки вопроса; он как будто боится затронуть его в предстоящих переговорах с Бисмарком.

Составленный бароном Жомини проект инструкции не был предварительно показан ни Сабурову, ни Гирсу, а потому государь отложил утверждение инструкции под предлогом ожидаемого прибытия английского посла Дефферина, который проездом через Берлин получил неожиданно приказание от своего правительства заехать в Варцин к князю Бисмарку.

После совещания я посетил Академию Генерального штаба и Павловское военное училище. Обедал во дворце.

Сегодня утром приехали из Крыма жена с дочерью Надеждой. Теперь вся почти семья в сборе, кроме одной из младших дочерей, находящейся еще у тетки в Бессарабии.

6 декабря. Четверг. Получена телеграмма о том, что английские войска вынуждены были очистить Кабул и занять позицию в некотором от него расстоянии, где они окружены большими скопищами афганцев. Сообщения их прерваны.

После доклада у государя ездил я в Аничков дворец для поздравления наследника цесаревича и цесаревны по случаю именин старшего их сына.

О здоровье императрицы известия неблагоприятные. Вчера доктор Боткин отправился в Канн.

Военный наш агент в Париже барон Фредерикс вызван в Петербург по случаю добытых им через одного отставного

австрийского офицера секретных сведений о военных приготовлениях в Австрии. Барон Фредерикс показал мне эти сведения; нельзя не признать их весьма важными и для нас полезными. В них обнаруживается целая система тайных разведок, производимых австрийскими агентами в наших пределах.

8 декабря. Суббота. После своего доклада государю я присутствовал при докладе князя Горчакова с Гирсом. Читался проект дополнительной инструкции Сабурову. Государь прочел несколько строк из своего письма к императрице, где он сообщает ей сущность разговора графа Шувалова с Бисмарком во время недавнего проезда нашего бывшего посла в Лондоне. Бисмарк с цинизмом открыл Шувалову все свои проделки: раздраженный письмом государя к императору Вильгельму, а затем свиданием в Александрове, Бисмарк немедленно же вошел в соглашение с Австрией, заручился согласием со стороны Франции и запросил Англию, пошлет ли она свои флоты в Балтийское море в случае войны между Германией и Россией. Таким образом, Бисмарк прямо составлял коалицию против нас.

Граф Шувалов, бывший до сих пор ярым приверженцем Бисмарка и рассчитывавший на дружеские с ним отношения, теперь говорит, что при настоящем его настроении не предвидит никакой возможности восстановить согласие между Россией и Германией. Вместе с тем граф потерял всякие иллюзии и в отношении Англии: с теперешним правительством, пока оно держится, не может быть никаких соглашений.

Князь Горчаков перебивал рассказ государя передачею своих разговоров с приехавшим на днях английским послом лордом Дефферином и чтением своей переписки с Биконсфильдом. И в разговорах этих и в переписке ничего не было, кроме общих фраз, не ведущих ни к какому практическому результату. По всему видно, что английское правительство в настоящее время чувствует себя непрочным; неудачи в Афганистане, волнения в Ирландии, расстройство экономическое ставят кабинет в затруднительное положение. Государь слушал канцлера без особенного внимания; даже несколько раз отвечал ему с неудовольствием. Невозможно не замечать ослабления умственных способностей в старце, несмотря на все усилия его казаться бодрым, еще способным к работе.

После доклада я отдал визит графу Шувалову и просидел у него часа полтора. Он передал мне много любопытных подробностей о своих разговорах с английскими министрами перед отъездом из Лондона, а также с Бисмарком в Варцине. Затем мы перешли к настоящим предположениям о сближении с

Германией и миссии Сабурова.

11 декабря. Вторник. В воскресенье и понедельник я не выезжал из дома, чтобы отделаться от гриппа, преследующего меня почти с самого приезда в Петербург. Это дало мне возможность вчера собрать у себя совещание для обсуждения предположений об укреплении Ковны, Гродны и Осовца. К обеду же я пригласил съехавшихся случайно наших военных агентов в Вене, Париже и Софии – генерал-майора Фельдмана, флигель-адъютантов барона Фредерикса и Шепелева.

Барон Фредерикс привез любопытные сведения относительно приготовлений Австрии к войне с Россией, которые он добыл секретно за деньги у одного отставного австрийского офицера. Шепелев же привез письмо болгарского князя Александра к нашему государю и два письма Паренсова ко мне. В обоих этих письмах речь идет о возникших в последнее время столкновениях и затруднениях в юном княжестве. Кроме усложнений парламентских, возникла и размолвка между князем и его военным министром. Притом оказывается различие и во взглядах между Давыдовым и Шепелевым. Первый, верный своей роли дипломата, поддерживает в князе наклонности к самовластию и вместе с иностранными дипломатами, особенно австрийским, даже подстрекает молодого, неопытного князя к роспуску палаты. Напротив, Шепелев вместе с Паренсовым старались отклонить князя от всякого антиконституционного действия; советовали ему не связывать своего имени с той или другой партией и не бояться так называемых либералов или радикалов.

Дипломатические интриги и немецкие тенденции самого князя взяли верх: он распустил народное собрание. Но этого мало: по внушению Давыдова он задумал произвести настоящий *coup d'état*, и какое же для этого предполагалось средство? Чтобы князь немедленно приехал в Петербург и отсюда отправил в Болгарию манифест об отмене конституции. Можно ли придумать что-либо более нелепое, особенно в устах русского дипломата? Шепелев вчера имел продолжительную аудиенцию у государя; он откровенно и подробно объяснил положение дел в Болгарии.

Сегодня же, после моего доклада, было совещание с Гирсом по болгарским делам. Князь Горчаков не приехал по болезни, действительной или притворной – неизвестно. [Государь сказал, что князь дуется из-за своего сына. Старший сын канцлера, князь Михаил Горчаков, бывший посланником в Мадриде, только что уволен от этой должности и заменен Кудрявским.] Без канцлера дело идет удобнее. Государь прочел нам письмо князя Александра, а Гирс – письмо Давыдова. Хотя Гирс сам замечал противоречия и несообразности во мнениях Давыдова, однако же

не совсем избежал его влияния и, как кажется, уже готов был поддержать склонность князя Александра к насильственной мере (*coup d'état*); я же, напротив, горячо настаивал на необходимости держаться на почве легальной.

Мое мнение взяло верх; государь, вероятно уже подготовленный вчерашними объяснениями Шепелева, приказал заготовить ответное письмо князю Болгарскому в том смысле, чтобы советовать ему действовать в конституционном порядке. Если изменения в конституции оказываются действительно необходимыми, то они должны быть проведены законным путем, через народное собрание. [Но для этого, конечно, нужно взяться за дело умеючи и употребить в пользу магическое влияние в крае слова и воли русского царя.]

По выходе нашем из государева кабинета мы встретились в приемной с князем Дондуковым-Корсаковым, который только что приехал из Крыма. Он вполне поддержал мое мнение и намерен был в том же смысле говорить государю.

Мы обменялись с Гирсом еще несколькими мыслями о других современных вопросах и, между прочим, о предположенных переговорах в Берлине. Крайне прискорбно, что между Гирсом и Сабуровым уже началась рознь. Гирс жалуется, что Сабуров действует исподтишка, помимо Гирса, стараясь провести через слабоумного канцлера свое желание выделить из программы переговоров вопрос о проливах. Гирс справедливо полагает, что с устранением этого самого важного для нас условия не стоит и вести переговоры. В этом мы все трое согласны: Гире, граф Шувалов и я. Сабуров же, по-видимому, боится заговорить с Бисмарком о проливах, может быть, потому только, что не догадался коснуться этого вопроса при своих прежних беседах с ним. Опасаюсь, что из-за этого всё начатое дело пойдет вкривь и вкось; проку из него не будет.

Сегодня являлась ко мне многочисленная депутация от новообразовавшегося общества воспособления военному духовенству с поднесением мне звания почетного члена. В голове депутации был престарелый почтенный протоиерей Покровский, главный священник армии и флота.

15 декабря. Суббота. После своего доклада присутствовал при докладе князя Горчакова и Гирса (правильнее было бы сказать – одного Гирса, ибо канцлер ограничился простым заявлением: «Mon portefeuille est vide; permettez â Girs de vider le sien»[65]). Сущность этого доклада состояла в чтении составленного в Министерстве иностранных дел проекта ответного письма от государя к князю Болгарскому. Ответ редактирован в смысле записки Шепелева, то есть князю

советуется действовать легально, без *coup d'état,* несмотря на то, что отец молодого князя – Александр Гессенский – в письме к государю выражает противоположное желание.

Государь утвердил проектированный ответ и приказал Шепелеву быть готовым к отъезду в Софию в будущий понедельник. Давыдов, узнавший из телеграмм, в каком смысле будет ответ, конечно, не может оставаться представителем России в Софии, на первый раз положено уволить его в отпуск и на то время командировать в Софию Кумани (из Парижа). Гирс и сам князь Горчаков не [совсем] в пользу этой кандидатуры, поддерживаемой почему-то императрицей и наследником.

Перед обедом был у меня Нелидов, приехавший из Дрездена, где он находится временно в качестве русского посланника, в ожидании назначения в Афины. Нелидов – развитой и даровитый человек, прекрасно говорит и пишет, но, сколько мне кажется, склонный к увлечениям и парадоксам. Я спрашивал его мнения о том, какие побуждения можно предполагать в неприязненном отношении Бисмарка к России за последнее время. Нелидов думает, что Бисмарк не имеет прямо в виду воевать с нами, и объясняет его беспокойную политику желанием вывести Германию тем или другим путем из настоящего экономического кризиса. Такое объяснение кажется мне очень парадоксальным: странный способ выводить государство из кризиса, раздражая общественное мнение против сильного соседа.

17 декабря. Понедельник. Обедал я во дворце с послами князем Лобановым и Новиковым, с Гирсом, князем Дондуковым и Валуевым.

Телеграмма из Индии возвещает какую-то победу англичан над афганцами. В какой мере заслуживает доверия это известие, покажут последствия.

18 декабря. Вторник. После своего доклада присутствовал я при докладе князя Горчакова и Гирса. Читалась между прочим записка барона Жомини о том, следует ли при предстоящих переговорах Сабурова с Бисмарком ставить необходимым условием (*sine qua non*), чтобы включена была в один общий акт статья о проливах, или можно заключить договор, ограничиваясь только тремя пунктами, прежде намеченными самим князем Бисмарком при разговоре его с Сабуровым в Варцине? Сабуров настаивает на том, чтобы не усложнять и не затруднять возлагаемого на него дела требованием добавочного условия о проливах; канцлер подается на это мнение, и в том же смысле редактировано заключение в записке барона Жомини. Мы с Гирсом продолжаем доказывать, что вопрос о проливах есть существеннейший, если не единственный наш интерес,

обеспечение которого может вознаградить нас за принимаемые в отношении Германии обязательства. Я объяснил, что требования наши по этому вопросу могут ограничиться хотя бы только признанием Германией общеевропейского значения закрытия проливов. А признание это необходимо потому, что без этой оговорки останется неизвестным, в каких именно случаях Германия сочтет себя обязанною поддержать Россию: будет ли прорыв чьего-либо флота в Черное море или занятие Босфора считаться одним из тех *casus belli*, в которых Россия воспользуется выгодами предполагаемого договора с Германией. Государь решил, чтобы в инструкции, уже изготовленной для Сабурова, оставалось указание на вопрос о проливах, с предоставлением Сабурову в случае положительного отказа Бисмарка включить эту статью в договор просить новых высочайших указаний…

В Комитете министров было сегодня продолжительное заседание. Я редко бываю в Комитете, но на сей раз надобно было присутствовать при обсуждении нескольких дел, более интересных, чем обычные комитетские дела. Во-первых, щекотливый вопрос о запрещении декабрьской книжки «Вестника Европы», в которой напечатана остроумная и колкая статейка в ответ на помещенное в предыдущей книжке того же издания официальное заявление от Министерства народного просвещения по поводу выходок «Вестника» против нынешней системы гимназического образования. Министр внутренних дел остановил книжку, и, так как «Вестник Европы» славится аккуратным появлением номеров в первый же день каждого месяца, неполучение до 18-го числа книжки обратило на себя общее внимание, а публика с напряженным любопытством ждала решения Комитета министров. К общему удивлению, граф Толстой не только не настаивал на запрещении книжки, но даже признал распоряжение министра внутренних дел неправильным на том основании, что само Министерство народного просвещения официальным заявлением подало повод к возражению. После продолжительных переговоров решено было Комитетом выпустить книжку.

Другое дело, по поводу которого приехал в Комитет и великий князь Константин Николаевич (появляющийся только в исключительных случаях), касалось чрезвычайных прав, временно предоставленных генерал-губернаторам по охранению в крае порядка и безопасности. По этому предмету проектированы некоторые новые правила насчет соглашения министра внутренних дел с управляющим Министерством юстиции и шефом жандармов. Великий князь попробовал было поднять вопрос о ненормальности предположенных широких полномочий;

но[66] докторальное возражение Валуева против всякого ограничения полновластия генерал-губернаторов так озадачило всех, что проект прошел почти без прений.

Точно так же не обсуждалось и третье дело: всеподданнейший отчет генерал-адъютанта графа Игнатьева (бывшего посла) за время исправления им должности генерал-губернатора на Нижегородской ярмарке. Записка эта вполне характеризовала автора ее: первая половина заключала в себе беззастенчивое самовосхваление, доходившее до колоссальных размеров (в этой же части записки безжалостно принесен в жертву губернатор Нижнего граф Кутайсов, которому уже и приказано просить увольнение от должности). В другой же половине записки граф Игнатьев счел себя вправе перебрать все недостатки и болячки нашего современного государственного строя и указать лекарства против этих болячек.

Записка эта напечатана и разослана членам Комитета, однако же без резолюции, положенной государем на подлиннике. Мне говорили, что резолюция эта неодобрительная. Крайне было бы трудно и щекотливо обсуждать все пункты, затронутые запискою Игнатьева. Если б это и было возможно допустить при настоящем настроении в высших сферах, то для этого потребовалось бы целое заседание или даже несколько заседаний; а Комитет приступил к этому делу только в пятом часу, когда все присутствующие, уже утомленные, с нетерпением ожидали конца заседания. К тому же немыслимо вести серьезные прения под председательством принца Петра Георгиевича Ольденбургского.

Записка Игнатьева прошла почти без всяких разговоров; удовольствовались заявлением министра внутренних дел, что указываемые графом Игнатьевым меры относительно устройства ярмарки обсуждаются в министерстве; тем и закончилось заседание.

19 декабря. Среда. Сегодня двойное торжество: годовщина назначения государя шефом лейб-гвардии Павловского полка и годовщина боя под Ташкисеном в 1877 году. На происходившем утром параде Павловского полка я не присутствовал, не столько по случаю заседания Военного совета, сколько потому, что был озабочен весьма серьезною работой: пересмотром военной сметы на 1880 год для изыскания средств к сокращению ее до 17 миллионов рублей вследствие настоятельного требования департамента экономии. Задачу эту удалось разрешить, конечно, не без чувствительного пожертвования некоторыми интересами военного ведомства.

Годовщина боя под Ташкисеном была отпразднована большим парадным обедом на 300 приглашенных в Николаевской

зале Зимнего дворца, с обычными в таких случаях тостами и воспоминаниями.

Вчера вечером прошел официальный прием у английского посла. Мое появление на этом приеме было буквально моментальное. Английские физиономии прояснились вследствие успокоительных известий из Афганистана: по официальным донесениям, генерал Робертс, соединившись с колонной генерала Хау, отбросил окруживших укрепленный лагерь афганцев и намеревается снова занять Кабул.

20 декабря. Четверг. Доклад у государя. Известие о покушении на жизнь испанского короля и королевы [Альфонса XII и Марии-Христины]. В два часа дня кончина председателя Комитета министров генерал-адъютанта графа Павла Николаевича Игнатьева.

После доклада я заехал к Александру Васильевичу Головнину и просидел у него довольно долго. Как всегда, наслышался много любопытных рассказов о закулисных делах в высшем административном и придворном мире. Головнин – редкий и оригинальный субъект: сидит почти безвыходно дома, а между тем всё знает, всё читает, со всеми переписывается.

Снова было у меня совещание по вопросу о сокращении сметы. Завтра предложения наши будут заявлены департаменту экономии; надеюсь, что наши финансисты возрадуются.

22 декабря. Суббота. Вчера после смотра в манеже был я на панихиде по графу Павлу Николаевичу Игнатьеву. Сын его, Николай Павлович, говорил мне, что перед самою смертью покойник написал письмо к государю с просьбой об увольнении от должности. Он не решился отправить это письмо, утешая себя надеждой, что получив облегчение, сам поедет во дворец и лично будет просить государя. По словам Николая Павловича, покойник намеревался убедительно просить, чтобы заместителем его не был Валуев, которого направление признавал вредным и опасным. А между тем в городе уже говорят именно о назначении Валуева, что и весьма вероятно. Ему удалось приобрести доверие государя своими демосфеновскими фразами и замечательною гибкостью.

Возвратившись вчера с панихиды, я нашел у себя визитную карточку Валуева с довольно странною надписью карандашом: «Приезжал просить благосклонного расположения вашего сиятельства». Взглянув на эту загадочную карточку, я подумал, не есть ли это иносказательное извещение о новом назначении.

Сегодня последовали один за другим, обычным порядком, доклады у государя: сначала военный, а потом – по делам иностранной политики. Затем я был на смотру, последнем из

всей длинной серии высочайших смотров войскам Петербургского гарнизона.

24 декабря. Понедельник. Утром был на отпевании покойного графа Игнатьева в его домовой церкви, откуда тело перевезено на Петергофскую железную дорогу.

25 декабря. Вторник. После обычного моего доклада я остался во дворце у обедни. Тут я встретился с Валуевым – новым председателем Комитета министров – и князем Ливеном – новым министром государственных имуществ. Оба, кажется, очень довольны.

26 декабря. Среда. Вследствие личного приглашения, полученного мною от председателя съезда естествоиспытателей и ученого зоолога Северцова, я присутствовал сегодня во втором общем собрании этого общества, в актовой зале университета. Зала была полна; читали рефераты профессора Менделеев, Тимирязев, Доброславин, Меншуткин.

Обедал я во дворце.

29 декабря. Суббота. Вчера, пользуясь свободным утром, я делал обязательные визиты и, между прочими, французскому послу, у которого несколько засиделся. Генерал Шанзи полагает, что новое французское правительство Ваддингтона будет действовать в умеренном духе и постарается поддержать мирные сношения со всеми державами; дипломатические представители Франции останутся на своих местах.

Сегодня после доклада был я при докладе князя Горчакова и Гирса. Читался проект инструкции князю Лобанову-Ростовскому, назначенному послом в Лондон. Проект этот редактирован в одну ночь бароном Жомини, со свойственными его перу легкостью и изяществом. Гирс жаловался, что канцлер не дает времени не только чтоб обдумать основательно подобный серьезный проект, но даже чтобы перечитать написанное; выдергивает буквально из-под пера[67] пишущего и кладет в свой портфель, отправляясь к докладу в Зимний дворец.

Когда по прочтении проекта государь спросил, не имею ли я что-либо заметить, я отвечал, что в таком серьезном деле трудно отдать себе полный отчет по беглому чтению; но что мне показалось не совсем правильной постановка вопроса среднеазиатского как сопоставление образа действий англичан и наших при разных гипотезах; мне кажется ошибочным класть на весы как равные грузы Герат и Мерв. Государь приказал передать мне прочитанный проект, дабы я мог обсудить его на досуге, что я и сделал; сегодня же вечером доставил Гирсу мои замечания.

В Государственном совете было сегодня же заседание, в котором утверждена финансовая роспись на 1880 год.

Утверждение это составляет в сущности одну формальность, так как рассмотренные и сведенные в департаменте экономии сметы всех министерств всегда утверждаются целиком в общем собрании. Но в последние годы великий князь, председатель, вместе с государственным секретарем стараются обставить эту формальность чем-то похожим на парламентские прения: главным запевалой в заседании почти всегда является Александр Васильевич Головнин – единственный член Совета, дающий себе огромный труд изучать всю массу сметных цифр и приготовлять к этому дню небольшую коллекцию замечаний или запросов, которые дают повод министру финансов и председателю департамента экономии произносить целые речи в назидание безмолвным слушателям.

Сегодня речь эту произнес председатель департамента Александр Аггеевич Абаза; речь была блистательная; оратор выставил заслуги и министра финансов, и государственного контролера, благодаря которым достигнуто на будущий 1880 год равновесие между расходами и доходами. Министр финансов, в свою очередь, воспользовался случаем, чтобы покадить председателю департамента экономии. Впрочем, при этом выпала некоторая частица восхваления и на долю министра военного, которому поставлено в главную заслугу то, что он испросил высочайшего дозволения допустить в личном составе армии некомплект на 36 тысяч человек.

Действительно, я нашел необходимым прибегнуть и к этой мере, для доведения во что бы ни стало итога военной сметы до назначенной мне предельной цифры; но собственно эта одна мера дала сбережения всего около 1 400 000 рублей, тогда как в целом урезано из военной сметы до 17 миллионов рублей. На самом деле, вероятно, такое сокращение и не осуществится вполне: придется все-таки издержать значительную часть урезанных миллионов под рубрикой сверхсметных или чрезвычайных ассигнований. Это вполне известно и нашим финансистам, но им хотелось во что бы ни стало подвести баланс в итогах расходов и доходов. Цель эта достигнута, эффект произведен, и при этом признано политичным указать в особенности на сокращение армии на 36 тысяч человек.

Председатель Совета (великий князь Константин Николаевич) в своем заключительном слове подкрепил заявление председателя департамента экономии и министра финансов в том смысле, что принятая мера должна быть выставлена перед Европой как первый шаг к сокращению наличного числа войск, как пример другим державам, наконец, как фактическое опровержение толков о мнимых воинственных намерениях наших.

Окончательно постановлено обратить на этот факт внимание русской и иностранной печати.

Вечером я присутствовал вместе с двумя дочерьми в 3-й военной гимназии на драматическом представлении, после которого были танцы. Это второй вечер, устраиваемый начальством гимназии для воспитанников. Будет еще третий в будущую среду для старшего возраста. Мне приходится показываться на всех этих вечерах, чтобы не обидеть ни того, ни другого возраста, так как появление мое среди этих милых юношей, по-видимому, ценится ими. Заведение это идет превосходно, и я посещаю его всегда с особенным удовольствием.

31 декабря. Понедельник. Сегодня не мой докладной день, однако же я получил приказание быть во дворце к 11½. Приглашены были князь Горчаков, Гирс и новый посол в Лондоне князь Лобанов. Канцлер доложил государю сделанные вследствие моих замечаний изменения в проекте инструкции князю Лобанову, но доклад старика был так бессвязен и так сбивчив, что вызвал вопросы со стороны самого князя Лобанова и побудил меня снова войти в довольно длинные разъяснения нашего положения в Средней Азии по отношению к Англии. Государь много помог мне и облегчил эту задачу, резюмировав весьма ясно и отчетливо мои объяснения.

Я знал, что мое мнение по этому предмету противоположно взгляду наследника цесаревича, который не раз высказывался резко против всяких соглашений с англичанами. Я же, напротив, старался объяснить, что нам нет расчета предоставлять нашим противникам полную свободу действий и ошибаются те, кто воображают, будто мы можем что-либо выиграть, сохраняя за собою такую же свободу действий. По географическим и другим условиям все выгоды, какие могли бы мы в будущем иметь в виду в тех краях, не могут уравновесить невыгод, которые могут нанести нам новые, ненасытные и ничем не стесняемые захваты англичан.

Соображение это я развивал настойчиво в присутствии наследника цесаревича; государь вполне усвоил себе ту же точку зрения, так же как и Гирс и князь Лобанов. Последний благодарил меня за то, что я категорически постановил вопрос о том, чего должны мы домогаться от Англии в отношении Средней Азии. Князь намеревается 3 января выехать из Петербурга к новому посту.

Между тем предположенное назначение Нелидова в Афины расстроилось вследствие его собственного отказа от назначения. Придумывают новые комбинации.

Конец 1879 года я провел тихо с семьей. Истекший год был

для всех преисполнен забот и волнений всякого рода. Что-то принесет нам наступающий год?

1880 год

3 января. Четверг. Первые два дня нового года прошли бесследно. Вчера вечером я был опять в 3-й военной гимназии на драматическом представлении воспитанников старшего возраста.

Сегодня после доклада заехал в Министерство иностранных дел, чтобы повидаться и переговорить с Гирсом, а к полудню пригласил меня к себе наследник цесаревич, чтобы переговорить по поводу поданной его высочеству записки флигель-адъютантом капитаном 1-го ранга Барановым о средствах борьбы нашей с Англией на море. Баранов, на днях только приговоренный морским военным судом к отставке от службы за дерзкие выходки против морского начальства[68], находится под покровительством наследника цесаревича; он был главным деятелем в устройстве «Добровольного флота»[69] и навлек на себя гонения со стороны Морского министерства систематической оппозицией «поповкам». Баранов полагает, что в случае войны самым чувствительным для Англии орудием в наших руках будут крейсеры; а потому предлагает значительно увеличить число их, иметь несколько быстроходных, вооруженных подводными самодвижущимися минами. С этой целью рекомендуются недавно изобретенные одним русским механиком подводные лодки, которые, по уверению Баранова, превосходят всё, что до сих пор было изобретено в этом роде, простотою конструкции, дешевизной и эффективностью. Одна такая лодка, сделанная для образца, показывается в Гатчине, на пруду перед дворцом. Баранов очень уговаривал меня съездить посмотреть эту лодку; сам наследник намерен ехать в Гатчину на будущей неделе.

Его высочество пожелал посоветоваться со мной о том, каким путем можно было бы провести предположение Баранова, минуя Морское министерство. После довольно продолжительного обмена мыслями мы пришли к заключению, что собственно подводными лодками может заняться и Военное министерство, в видах усиления обороны приморских крепостей. Если эти лодки будут приняты в инженерном ведомстве и окажутся действительно удачными, Морское министерство, несомненно, воспользуется ими; тем более что в этом деле имя Баранова может быть совершенно устранено. Расходов значительных на это дело не потребуется, и потому инженерное ведомство не затруднится принять его на свою смету.

Гораздо труднее решить вопрос о приобретении новых крейсеров – по значительности требуемых на это денежных средств. Я все-таки советовал попробовать, не удастся ли и в этом

деле оставить на первое время в стороне имя Баранова, а приготовить записку от «Добровольного флота» и прямо представить ее государю. Наследник цесаревич при этом сказал мне, что генерал-адъютант Лесовский оставляет должность управляющего Морским министерством и его место, вероятно, займет контр-адмирал Пещуров. В таком случае, по мнению его высочества, может быть, удастся воздействовать и на самого генерал-адмирала в пользу предпринимаемого усиления средств.

Кроме этого дела, наследник цесаревич разговорился и о разных других предметах, не исключая вопросов политических. В первый раз случилось мне иметь с его высочеством продолжительный и серьезный разговор [и, признаюсь, я был предельно изумлен слышать от него дельные и разумные суждения].

5 января. Суббота. Вчера был у меня Победоносцев, с которым имел я длинный разговор по делу, обратившему на себя внимание наследника цесаревича. Во время этого разговора получил я от государя для прочтения телеграмму, которой английское правительство извещает лорда Дефферина, будто туркмены в больших силах напали на гарнизон наш в Чикишляре и вытеснили его с этого поста. Известие это как-то подозрительно: трудно себе объяснить, как и куда могла отступить эта горсть людей, оставленных на Чикишлярском посту, если неприятель был так многочислен, что выбил наш гарнизон. Вероятно, узнаем вскоре, как было в действительности.

Сегодня после своего доклада присутствовал при докладе Гирса. Сам канцлер не приехал по болезни; может быть, сказался больным, как полагает и Гирс. Потом участвовал в заседании Соединенных департаментов Государственного совета, а к обеду был приглашен в Зимний дворец. Обед был почти фамильный: наследник с цесаревной, великий князь Владимир Александрович с Марией Павловной и великий князь Алексей Александрович; затем были, кроме меня, приглашены граф Адлерберг и Гирс. Перед самым обедом получена телеграмма из Канна: состояние здоровья императрицы возбуждает большие опасения. На днях едет туда граф Адлерберг, чтобы распорядиться о возвратном переезде больной в Петербург. Все спрашивают себя, как выдержит она такое путешествие в настоящую суровую зиму. Не везут ли ее только для того, чтобы здесь похоронить?

6 января. Воскресенье. Обычного крещенского парада не было; государь по нездоровью слушал обедню в Малой церкви с великими княгинями и небольшим числом близких лиц; все же прочие особы императорской фамилии были в Большой церкви, где служил митрополит и откуда направился своим порядком

крестный ход на иордань.

Заезжал ко мне Сабуров, чтобы проститься перед отъездом к новому посту в Берлин. Мы имели продолжительный разговор, преимущественно касательно постановки при предстоящих переговорах с Бисмарком вопроса о проливах.

Обычный воскресный вечер у нас в доме был на сей раз закончен появлением ряженых, которые протанцевали весело под импровизированную музыку на фортепиано.

9 января. Среда. В понедельник было первое в новом году заседание Государственного совета. Вновь назначенный членом Совета великий князь Алексей Александрович занял, по особому высочайшему указанию, место против председателя, с правой стороны столика, заменяющего трибуну. Слева сел Валуев, также по особому повелению, хотя прежний председатель Комитета министров сидел вместе с прочими членами Государственного совета, по старшинству.

Вчера, во вторник, после доклада присутствовал я при докладе князя Горчакова и Гирса. Читали проект общей инструкции новому послу в Берлине Сабурову, приготовленной независимо от той частной и секретной инструкции, которая была уже прежде составлена относительно переговоров с князем Бисмарком. Эта общая инструкция написана бароном Жомини так же изящно и легковесно, как всё, что выходит из-под его плодовитого пера. Это мастерской очерк настоящих политических отношений, но без всяких положительных, категорических указаний; он мог бы служить прекрасной передовой статьей для номера газеты на новый год.

Барон Жомини, со своей стороны, жалуется на то, что не получает ни от кого положительных указаний о видах нашей политики, а потому пишет наобум, по внушению собственного своего размышления. Гирс сказал мне, что в последние дни барон даже не виделся с князем Горчаковым и будирует старика, который, без своей правой руки чувствует полную беспомощность и вовсе перестал заниматься делами. Барон Жомини начал присылать ко мне на просмотр свои работы прежде отсылки их к канцлеру. Так, он сегодня прислал мне черновой проект инструкции, приготовленной для нового посла в Вену Убри. Этот проект совершенно сходен с утвержденным вчера проектом инструкции Сабурову. Я возвратил его барону без всяких замечаний.

В присланной мне вчера Гирсом телеграмме Зиновьева из Тегерана сообщаются секретные сведения, переданные ему о предложениях персидскому правительству английского посланника Томсона занять Герат, но на таких условиях, которые

поставили бы Персию в вассальные отношения к Англии и враждебные к нам. По желанию Гирса я сообщил ему мое мнение о том, в каком смысле посланнику нашему в Тегеране следовало бы отвечать персидскому первому министру. Мнение это принято Гирсом, и сегодня же Зиновьеву отправлена ответная телеграмма, редактированная по обоюдному нашему соглашению. Вместе с тем согласились мы и насчет ответа персиянам на заявления их о мнимом их праве на Мерв. Очевидно, что англичане стараются втянуть персиян в сферу своих замыслов, явно направленных против нас.

В понедельник я был приглашен на обед к английскому послу вместе с моей женой; но мы оба уклонились от этого приглашения под вымышленными предлогами, отчасти чтобы избегнуть скучных, натянутых и неискренних разговоров, отчасти же и потому, что вечером того же дня была назначена генеральная репетиция представления, которое затеяли мои домашние и друзья. Я пригласил на это представление до 40 воспитанников 3-й военной гимназии – всех тех, которые были действующими лицами в драматических и музыкальных пьесах на бывших в гимназии трех вечерах. Мне хотелось чем-нибудь побаловать этих милых ребятишек [к которым чувствую особенную нежность].

Один из них, Сеславин, прекрасно продекламировавший на последнем вечере в гимназии стихотворение Пушкина «Скупой рыцарь», предложил мне повторить это представление у нас; мигом съездил он за костюмом и, неожиданно для всех присутствовавших, мастерски сыграл свою пьесу. Вчера же, во вторник, было уже настоящее представление пьесы «Осадное положение»; приглашенное общество, по-видимому, осталось довольно исполнением.

Сегодня, после обычного заседания в Военном совете, я опять обедал во дворце с Гирсом, бароном Шернвалем и генерал-адъютантом Аминовым. За обедом были великие князья Алексей Александрович и Павел Александрович; последний только что возвратился из Канна; здоровье императрицы продолжает возбуждать большие опасения. Тем не менее решено перевезти ее в Петербург.

11 января. Пятница. Вчера после доклада заехал в приготовительный пансион Николаевского кавалерийского училища – заведение вновь устроенное, или, лучше сказать, преобразованное. Сегодня же объехал Пажеский корпус, приготовительные его классы и Юридическую академию, где слушал лекцию профессора Кавелина.

По случаю оставления бароном Лангенау поста австро-

венгерского посла в Петербурге, сегодня в честь его дан обед в Зимнем дворце; я был в числе приглашенных.

Телеграммы, полученные из Тифлиса и Тегерана, положительно опровергают пущенное английскими газетами известие о нападении текинцев на Чикишляр. Было только в конце декабря нападение на транспорт с провиантом, верстах в 80 от Чикишляра; но дело это не имеет никакой важности – вполне обыкновенное в туркменских степях.

12 января. Суббота. После доклада я был в заседании Соединенных департаментов Государственного совета; потом посетил меня граф Комаровский, только что приехавший из-за границы и желавший передать мне собранные им сведения относительно военных приготовлений Германии. Граф Комаровский – москвич, но больше живет за границей; построил православную церковь в Праге, а теперь намерен основать в Вене газету славянского направления. Он убежден в том, что Германия вместе с Австрией готовятся к войне с нами; он слышал, будто Бисмарк во время пребывания своего в Вене заводил речь о присоединении Саксонии к Пруссии, с вознаграждением саксонской династии другим престолом (что сходится с рассказом генерала Тухолки, приехавшего на днях из Царства Польского и передавшего мне распущенные между поляками слухи о намерении Бисмарка восстановить Королевство Польское в пользу саксонского дома).

От князя Бисмарка можно ожидать самых[70] несбыточных затей. Но, по мнению многих (разделяемому, кажется, государем и великими князьями), все воинственные демонстрации германского канцлера против России имели целью только подготовить общественное мнение к решенному усилению германской армии 11 новыми полками и 32 батареями.

14 января. Понедельник. В общем собрании Государственного совета прошли наконец два дела, которые тянутся уже несколько лет, несмотря на все настояния Военного министерства: о выдаче ссуд городам и земствам на постройку казарм и положение об офицерах запаса. По обоим делам были заявлены в собрании лишь неважные замечания. После же общего собрания обсуждались три дела в Особом присутствии по воинской повинности.

Был у меня генерал Скобелев; мы имели довольно длинный разговор о приготовлениях и планах новой экспедиции против текинцев в случае, если б состоялось предположение о назначении его, Скобелева, начальником отряда.

15 января. Вторник. После своего доклада присутствовал при докладе князя Горчакова и Гирса. Не было ничего важного;

теперь более всего интересно узнать, как встретит Бисмарк Сабурова.

После доклада был я на смотру Кирасирского его величества полка в манеже и потому пропустил заседание Комитета министров.

Вечером ездил на первый официальный прием у французского посла.

21 января. Понедельник. Ровно неделю не заглядывал в свой дневник. Не было ничего заслуживающего внимания: в политике какое-то затишье; идет переписка об обмене для черногорцев Гусинье и Плава на другие участки, прилегающие к южной границе. У нас здесь ежедневные смотры полкам, приведенным из загородного расположения; смотры крайне однообразные и бесполезные.

Сегодня я должен был обедать у германского посла, но вместо того был приглашен к обеду в Зимний дворец. Ожидают послезавтра приезда императрицы, которая уже выехала из Канна и благополучно проследовала через всю Францию. Сегодня были известия о проезде ее через Кельн.

22 января. Вторник. Первые известия, которых ожидали мы с нетерпением из Берлина от Сабурова, наконец получены, но, увы, весьма неуспокоительные. Сабуров жалуется, что Бисмарк, приехавший в Берлин, прислал к нему Радовица сказать, что не может принять Сабурова ранее, как через несколько дней. Это уже одно кажется Сабурову дурным знаком. К тому же Радовиц завел речь опять о дислокации наших войск в Царстве Польском, упрекая нас в том, что, несмотря на заявления германского правительства по этому предмету, мы все-таки не сделали никакого изменения в наших распоряжениях. Сабуров пишет, что сделал резкое возражение на такое нахальное притязание, отказавшись совершенно входить в объяснения по делам нашего внутреннего военного управления.

Тем не менее подобный разговор Радовица при одном из первых свиданий с нашим новым послом кажется недобрым предзнаменованием. Такой прием представляется особенно странным и неожиданным после предшествовавших дружеских бесед Бисмарка с Сабуровым. По прочтении письма Сабурова (князем Горчаковым) государь, по-видимому, всё еще успокаивает себя предположением, что германский канцлер считает нужным еще продолжать разыгрывать комедию мнимой враждебности России к Германии, чтобы вернее провести закон об усилении армии, зная, как эта мера непопулярна в Германии. Король Саксонский в разговоре с Нелидовым не скрыл своего недоверия к германскому канцлеру и его политическим затеям; но объяснил

усиление армии преимущественно опасениями со стороны Франции и Италии.

На днях, при ночном обыске в одном доме в Петербурге, случайно напали на типографию во время работы: печатались листки революционного издания «Народная воля». В квартире находились пятеро, в том числе две женщины; все они пробовали обороняться револьверами, но все-таки были взяты, кроме одного, успевшего застрелиться. Случай этот составляет предмет общих толков в городе уже несколько дней. Предполагают, что лишивший себя жизни был одним из главных деятелей подпольной работы. Однако ж до сих пор еженощные обыски и беспрестанные аресты не привели ни к какому положительному результату и только увеличивают общее неудовольствие и ропот.

Никогда еще не было предоставлено столько безграничного произвола администрации и полиции. Но одними этими полицейскими мерами, террором и насилием едва ли можно прекратить революционную подпольную работу, принявшую уже такие значительные размеры. Трудно искоренить зло, когда ни в одном слое общества правительство не находит ни сочувствия, ни искренней поддержки. Грустно видеть, какими мерами считается необходимым охранять особу государя, который ездит не иначе, как окруженный конвоем; шеф жандармов, генерал-губернатор, градоначальник и даже министр внутренних дел также ездят по городу с казаками.

Сегодня в манеже был последний смотр войскам гвардии.

23 января. Среда. Императрица прибыла благополучно в Петербург в 4 часа; государь с сыновьями и невестками встретил больную в Гатчине. Строго было запрещено кому-либо находиться на вокзале или во дворце, чтобы не обеспокоить императрицу. Однако ж граф Баранов, исправлявший в отсутствие графа Адлерберга обязанности министра двора, видел больную, когда ее вынесли из кареты и внесли во дворец. Приехав ко мне прямо из дворца, он говорил, что был поражен ее худобою и истощенным видом. С императрицей приехали великий князь Сергей Александрович и герцогиня Эдинбургская Мария Александровна.

24 января. Четверг. После доклада ездил я в Аничков дворец. К обеду был приглашен в Зимний дворец, вместе с Гирсом и князем Сергеем Николаевичем Урусовым. Императрица, конечно, не выходила из своей комнаты; она слишком слаба и никого еще не видит. За столом же были герцогиня Эдинбургская Мария Александровна и три брата ее – Алексей, Сергей и Павел Александровичи. Государь опять чувствует лихорадочное состояние.

От Сабурова получено еще одно письмо, в котором он дает отчет о своем первом свидании с князем Бисмарком. По-видимому, свидание это было холодное и бесцветное. Германский канцлер, предупрежденный, без сомнения, Радовицем, не затронул вопроса о дислокации русской кавалерии на прусской границе; но Сабуров сам навел речь на этот предмет и выразил удивление, что подобный неосновательный упрек со стороны германского правительства, несмотря на данные нами неоднократные объяснения, возобновляется сызнова при каждом случае. Князь Бисмарк свалил всё на Прусский генеральный штаб (подразумевая, собственно, графа Мольтке), которому будто бы наша дислокация не дает спать по ночам.

26 января. Суббота. Вчера мой сын отправился в Англию, куда командирован для испытания новых приспособлений к паровозам (рутьерам), двигающимся без железных рельсов. Если испытание даст хорошие результаты, предполагается употребить такие паровозы в значительном числе на первый раз в Закаспийской степи для перевозки тяжестей.

Сегодня после доклада я присутствовал при докладе князя Горчакова и Гирса. Получены новые известия от Сабурова, которые, впрочем, немедленно по получении князем Горчаковым посланы к государю и от него к наследнику цесаревичу, так что ни я, ни даже Гирс не видали еще этих бумаг. По словам же государя, Сабуров, донося о своих разговорах с князем Бисмарком, не затрагивал еще вопросов, составлявших предмет прежних его частных бесед с германским канцлером, который, по-видимому, не хочет теперь возобновлять переговоров, начатых им самим несколько месяцев ранее. Князь Горчаков прибавил, будто Бисмарк даже высказал Сабурову, что не слишком и дорожит удержанием за Германией Эльзаса и Лотарингии. Такому заявлению трудно поверить; можно полагать, что наш старик понял как-нибудь вкривь прочитанные наскоро донесения Сабурова.

Непостижимо, как человек с такою репутацией ума и способностей может в старости сойти со своего пьедестала и утратить даже чувство собственного достоинства. Князь Горчаков вовсе перестал заниматься делами; он только продолжает разыгрывать перед посторонними роль великого государственного человека, но уже не в силах сообразить самое простое дело. Приходя к докладу вместе с Гирсом, он приносит в своем портфеле две-три бумажонки о пожаловании кому-нибудь ордена или о перемещении какого-нибудь чиновника и затем передает Гирсу дальнейший доклад государю и только тут впервые слышит сам докладываемые дела. Вся эта комедия

повторяется при каждом докладе; но каково было мое удивление, когда сегодня по окончании доклада мы вышли из кабинета государя, князь Горчаков удалился и Гирс показал мне полученное им от Сабурова секретное частное письмо, в котором он просит успокоить государя относительно начатых с Бисмарком переговоров, но отнюдь не говоря о них ни слова нашему канцлеру. Недоверие Бисмарка к князю Горчакову и его камарилье так велико, что малейшая нескромность может расстроить всё дело. Сабуров убедительно просит никому не говорить о начатых переговорах, кроме государя и меня. Вот до чего доходит ненормальное положение нашей политики: серьезные дела дипломатические не иначе могут идти, как при условии совершенного устранения от них самого канцлера и его приближенных!

Вместе с Гирсом ходил я в апартаменты императрицы, чтобы проведать о ее здоровье. Нам дали прочесть утренний бюллетень, довольно успокоительный. Камердинер императрицы дополнил его некоторыми словесными рассказами и подал лист бумаги, чтобы записать наши имена.

После того я заехал к баронессе Нине Карловне Пиллар, которая сообщила мне некоторые крайне грустные подробности о состоянии императрицы. По словам баронессы, императрица обратилась в скелет; не имеет сил даже двигать пальцами, ничем не может заниматься. Надобно полагать, что первая встреча с нею должна была произвести тяжелое впечатление на государя, который с того дня также чувствует себя нехорошо, жалуется на лихорадочное состояние и слабость. Сегодня я нашел его заметно изменившимся: лицо бледное, впалое, глаза поблекшие.

Сегодня была панихида по моему брату Николаю, но я не поспел к ней. Заехал в Военно-топографическое училище, чтобы сделать отеческое внушение юношам по случаю найденной на днях у одного из них пачки подпольных листков «Народной воли». Я счел нужным предостеречь их от вредных знакомств и влияния людей злонамеренных. Не знаю, произвели ли мои слова впечатление на юношей; не разыграл ли я роли повара в басне «Кот и Повар».

Перед обедом заехал ко мне министр финансов Грейг. Мы имели с ним продолжительный разговор о настоящем политическом положении. Грейг постоянно отвергает возможность войны. Не знаю, говорит ли он это по убеждению или для того только, чтобы отказывать в отпуске сумм на военные расходы, вызываемые возможною близостью войны.

28 января. Понедельник. Вчера государю так нездоровилось, что отменены были и воскресный развод, и прием

представлявшихся. Сегодня ему лучше.

Вчера я присутствовал в Военно-юридической академии на защите диссертации одного молодого преподавателя гражданского права Гольмсгена. Диссертация оказалась слабою.

Сегодня, после обычного своего приема в канцелярии Военного министерства, присутствовал я в заседании Государственного совета. Оно кончилось очень рано; а на будущий понедельник, как нам объявлено, и совсем не будет заседания – «по неимению дел»! Чего же желать лучшего?

Бароном Жомини прислан мне на просмотр сочиненный им проект инструкции новому послу в Константинополе Новикову, возвращенный мною с неважными лишь замечаниями. В препроводительном письме барон Жомини снова жалуется на свое положение: не получая никаких указаний от канцлера, не присутствуя при докладах у государя, он должен импровизировать по собственному вдохновению инструкции и ответы послам. Очевидно, барона гложет желание быть приглашаемым вместе с Гирсом к докладам в кабинет государя.

Я прочел сегодня присланные мне Гирсом последние депеши Сабурова. В одной из них нашел я следующие замечательные строки: князь Бисмарк, говоря о возможности войны с Россией или Австрией, заметил Сабурову: «У нас есть верное средство вывести Францию из игры, вернув ей кусок, который мы у нее взяли, но вы же понимаете, что к этому средству можно прибегнуть только в крайнем случае».

К этому Сабуров от себя прибавляет: «Думаю, что должен открыть этот довод; он может быть важен для нашего союза с Францией»[71].

29 января. Вторник. В прошедшую ночь в Петербурге полиция накрыла еще одну подпольную типографию; захватили трех мужчин и одну женщину во время самой работы: они готовили новый листок под нелепым заглавием «Черный передел».

Здоровье государя поправляется; он возвратил мне сегодня составленную генералом Обручевым дельную записку о распределении наших сил в случае войны с Германией и Австрией; изложенные в ней соображения одобрены его величеством. По этому случаю государь снова заметил, что не верит воинственным намерениям, приписываемым Германии, тем не менее соглашается с необходимостью заняться неотлагательно приведением наших западных крепостей в бóльшую готовность к обороне.

В Комитете министров я должен был отстаивать представление Военного министерства о дозволении ввозить

беспошлинно калиевую селитру, насколько это будет признано необходимым для пополнения в ней годичной потребности нашей. Как и следовало ожидать, представление это встретило сильное возражение со стороны министра финансов. Однако же Комитет постановил довольно благоприятное решение.

Я должен был оставить Комитет среди заседания по случаю полученного приглашения от наследника цесаревича приехать к нему в 2½ часа. Его высочество снова советовался со мной по делу, лично его занимающему, – о развитии «Добровольного флота» в видах увеличения числа крейсеров. Я советовал предварительно переговорить с министром финансов и затем уже подать государю составленную Барановым записку.

30 января. Среда. В Военном совете сегодня обсуждался проект учреждения в мирное время корпусных интендантских управлений – как приготовительной меры для формирования органов полевого интендантского управления в военное время. После долгих споров мною предложено отложить окончательное решение вопроса до рассмотрения нового положения об устройстве полевых управлений в военное время.

Обедал я во дворце с графом Барановым и прибывшими из разных мест генералами – графом Лорис-Меликовым, Скобелевым и Гурчиным. Последний привез с Кавказа предположения о будущих военных действиях в Закаспийском крае.

2 февраля. Суббота. В ожидании приезда князя Александра Болгарского возобновились обсуждения дел в том крае. Полученные мною письма от Шепелева и Паренсова предвещают, что князь едет с намерением убедить государя в необходимости неотлагательного *coup d'état*, то есть отмены конституции, а вместе с тем будет просить о назначении кого-либо другого на место Паренсова, с которым князь и его приближенные не ладят. Шепелев и Паренсов, предвидя эти происки, подкрепляемые последними донесениями Давыдова, просят отвратить удар, могущий быть бедственным для юного княжества.

Письмо Шепелева я давал прочесть Гирсу и прочел самому государю; но, к сожалению, заметил, что последняя депеша Давыдова, писанная им как бы на прощание с Болгарией, произвела впечатление как на государя, так и на наследника. Последний сильно предубежден против Паренсова. Конечно, я старался разъяснить дело иначе.

Сегодня при докладе князя Горчакова и Гирса возобновился разговор о разномыслии между дипломатическим и военным агентами нашими в Софии. Гирс, конечно, выгораживает Давыдова. Государь, однако же, решил, чтобы мы втроем – Гирс, князь Дондуков и я – собрались для совещания по болгарскому

вопросу. Сегодня же происходило это совещание у меня перед обедом. Князь Дондуков горячо доказывал Гирсу односторонность взглядов Давыдова и вредные для нашего влияния в Болгарии последствия всякого насильственного переворота. Отнять у Болгарии дарованное ей под русским знаменем политическое устройство – значит играть в руку австрийцам и другим врагам славянства и нашим.

Гирс защищался слабо; но мы отложили письменное изложение результатов нашего совещания до приезда Шепелева. Ожидали его сегодня, так как он намеревался приехать за день до князя. Утром прошло даже во дворце фальшивое известие, будто и сам князь уже приезжает сегодня. Великий князь Сергей Александрович поспешил поехать навстречу ему на станцию железной дороги; однако же возвратился один; а вечером получена из Москвы телеграмма, что болгарский князь приедет только 4 февраля, то есть в понедельник, вместе с Шепелевым.

Были у меня граф Тотлебен, приехавший из Одессы, и министр юстиции Набоков, лечившийся за границей. В Петербург съезжаются все к 19 февраля. Из всех генерал-губернаторов и командующих войсками в округах останутся на своих местах только двое: Казнаков – в Омске и Кауфман – в Ташкенте.

Гирс показывал мне частное письмо, вновь полученное им от Сабурова, который на днях должен уже приехать сюда с личным докладом о своих переговорах с Бисмарком; он просит держать в полной тайне от канцлера цель приезда.

Из Ташкента получена телеграмма о том, что Абдурахман-хан утвердился в Бадахшане и намерен двинуться на Кундуз.

Сегодня же утром заезжал я к Победоносцеву, чтобы переговорить о развитии «Добровольного флота» и о подводных лодках Джевецкого, а потом осматривал в Главном инженерном управлении привезенные генерал-майором Берхом модели грюзоновских башен[72] и батарей.

3 февраля. Воскресенье. Были у меня болгарин Минков и посол наш в Берлине Сабуров. Первый, приехавший сюда из Николаева по случаю ожидаемого прибытия болгарского князя, пространно объяснял мне свои мнения о настоящем положении Болгарии и необходимости оставаться на легальной почве конституции, держась нейтрально между партиями, интригующими друг против друга. Мнение Минкова в этом случае должно иметь вес, потому что это человек умеренный, не принадлежащий ни к какой партии.

Сабуров сидел у меня очень долго и подробно сообщил, в чем состояли его объяснения с князем Бисмарком. По словам нашего посла, можно надеяться на заключение самых выгодных для нас

условий с Германией; князь Бисмарк сам склонен к установлению полной солидарности между нами как относительно Эльзаса и Лотарингии, так и по вопросу, особенно нас заботящему, – о проливах в Черном море. Но Бисмарк ставит два непременных условия: втянуть в наше соглашение Австрию, от которой он не может отделиться, и держать переговоры совершенно в тайне от князя Горчакова. Последнее условие всего труднее будет исполнить: захочет ли государь устранить нашего канцлера? Еще в Ливадии он сказал как-то Гирсу: «Je ne veux rien faire derrière le dos du chancelier!»[73]. В этом-то, по-видимому, второстепенном условии Сабуров и видит главный камень преткновения для дальнейшего хода дела. Он приготовил записку для государя и предполагает просить, чтобы записку эту не показывать князю Горчакову. Я советовал Сабурову даже не представлять записку, пока не получит согласия государя на ведение дела в тайне от князя Горчакова.

4 февраля. Понедельник. После обычного своего приема в канцелярии Военного министерства заехал расписаться у приехавшего сегодня утром князя Болгарского, а затем был на панихиде по умершем вчера бароне Ливене. Служба свела меня с ним еще в 1835 году, когда по окончании курса в Военной академии я поступил в Гвардейский генеральный штаб. Тогда полковник барон Ливен был уже обер-квартирмейстером всей пехоты Гвардейского корпуса. Он был любим всеми товарищами и подчиненными; отличался добродушием и приятным обращением, но не имел твердых убеждений, в душе был остзейский барон. Его любил покойный государь Николай Павлович, который почему-то считал его большим стратегом и давал ему нередко политические поручения за границу, требовавшие ловкости и гибкости. При настоящем государе барон Ливен обратился более на придворную службу и в последние годы занимал должность обер-егермейстера. Он пережил всю свою семью: жену, двух дочерей и сына. Скончался он на восьмидесятом году жизни.

Были у меня приехавшие с болгарским князем флигель-адъютант Шепелев и подполковник Тимлер, занимающий в Болгарии должность товарища военного министра. Они подтвердили всё то, что было уже отчасти мне известно об отношениях князя Александра к Паренсову, к русским офицерам и вообще о положении дел в крае.

5 февраля. Вторник. 10 часов вечера. Сейчас возвратился из Зимнего дворца, где нашел страшный переполох по случаю взрыва во дворце, произведенного, как надо полагать, миною, подложенною под помещением главного караула. Караульное это

помещение приходится как раз под теми двумя залами, где в отсутствие императрицы и во время ее болезни накрывается обеденный стол для царской семьи. Сегодня назначен был общий фамильный обед по случаю приезда принца Александра Гессенского. Взрыв произведен в 6 часов 20 минут, то есть в такое время, когда обыкновенно сидят за обедом. Взрывом этим пробит свод караульного помещения, приподнят пол той залы, где обыкновенно сидят после обеда, а в самой столовой треснула стена. Вместе с тем разбиты окна во всех трех этажах; перебита посуда на обеденном столе, но что прискорбнее всего, убито 9 солдат караула (лейб-гвардии Финляндского полка) и ранено более 40 человек.

По счастливой случайности обед был сегодня назначен несколько позже обыкновенного, в ожидании прибытия принца Гессенского с шестичасовым поездом, так что взрыв произошел именно в то мгновение, когда государь встретил и обнял принца в Фельдмаршальской зале. Взрыв был так силен, что его слышали не только в окрестных зданиях, но и на Мойке. Вместе со взрывом погасло в залах и коридоре газовое освещение. Другое счастливое обстоятельство: императрица почивала так крепко, что даже не слышала взрыва и до сих пор не знает об этом страшном происшествии; ей сказали, что случился взрыв газа.

Фельдъегерь прискакал ко мне из дворца с известием о случившемся. Немедленно же я поехал во дворец; на площади и во дворцовом дворе находились пожарные части; во дворце, по лестнице и в коридоре – суета, беспорядок, грязь, запах газа. В коридоре я нашел бóльшую часть царской семьи; тут же встретился с принцем Гессенским и обоими его сыновьями: князем Болгарским и младшим его братом, служащим в английском флоте. Государь позвал меня в кабинет. Как и в других прежде бывавших подобных ситуациях он сохранил полное присутствие духа, видя в настоящем случае новое проявление перста Божьего, спасающего его в пятый уже раз от злодейских покушений. Настоящий случай как-то особенно поразителен. Всякому приходит на мысль – где же можно искать спокойствия и безопасности, если в самом дворце царском злоумышленники могут подкладывать мины…

Постепенно коридор дворца наполнялся приезжавшими, спешившими выказать свое участие и удовлетворить свое любопытство. Мне надоело слышать и говорить всё одно и то же со всяким вновь приезжавшим; я пошел осмотреть залы, под которыми произведен взрыв, а потом спустился и в самое помещение караула. Там усердно работали при свете факелов и фонарей, чтобы открыть следы подкопа или мины. Тут же были

лица судебного ведомства, сам министр юстиции, генерал Дрентельн и множество всякого люда. Все толковали, расспрашивали, высказывали разные предположения. Ходили уже разные легенды и сплетни. От многих я слышал (в том числе от принца Гессенского), будто кто-то выстрелил из пистолета в одну из придворных карет, когда принц и сопровождавшие его особы царской фамилии подъезжали к дворцу. Говорили, что карета, к счастью, была пустая, что стрелявший арестован. Были и другие, еще более сомнительные рассказы. Думаю, что всё это только выдумки: у страха глаза велики. [Тем не менее не скрою от себя, что и я приехал домой с тяжелыми впечатлениями.]

Возвращаюсь, однако же, к сегодняшнему утру. После своего доклада я оставался при докладе князя Горчакова и Гирса. Государь сказал нам, что князь Болгарский, узнав о совещаниях наших по делам Болгарии, выразил желание, чтобы мы переговорили с ним прежде, чем докладывать государю о результате наших суждений. Кроме того, говорилось о делах персидских, китайских, а также о том, что по первым донесениям князя Лобанова из Лондона видно нежелание английских министров входить с нами в объяснения по азиатским делам. Они не находят нужным связывать себя в действиях, *ils veulent avoir les coudées franches*[74].

Когда мы все трое вышли из государева кабинета, Гирс шепнул мне на ухо, что ему приказано подождать в приемной после удаления канцлера. Через несколько минут его позвали опять в кабинет, и тут государь, с глазу на глаз, стал говорить о том, что накануне доложено было Сабуровым. По-видимому, государь сам убедился в невозможности вести успешно переговоры с Бисмарком иначе, как с устранением князя Горчакова. Гирсу приказано приехать снова во дворец к двум часам, чтобы прочесть секретную записку, представленную Сабуровым. Условлено ничего не говорить об этой записке князю Горчакову и сообщить ее только мне одному.

Из дворца заехал я в Комитет министров, где у меня было дело; но пробыл там не более получаса и поехал к Сабурову, с которым снова имел продолжительный разговор. Мы обменялись мыслями и предположениями относительно дальнейших переговоров в Берлине и Вене.

К 3½ часам предположено было второе совещание по делам болгарским. С этою целью съехались ко мне Гирс, князь Дондуков и Шепелев. Пришлось опять поспорить с Гирсом, который не может высвободиться из-под влияния ложных воззрений Давыдова. Гирс считает достаточным повторить князю Болгарскому прежний совет – оставаться на легальной почве; мы

же все трое доказывали ему, что подобная слишком общая фраза ничего не определяет в практическом исполнении; что нужно водить молодого князя на помочах; что необходимо его отклонить от разных вредных и невыгодных для нас стремлений и затей. После долгих и горячих споров было условлено, что Гирс повидается с князем Александром и постарается сперва выведать от него, с какими вопросами, предложениями и желаниями прибыл он в Петербург; а затем уже обсудить, в каком смысле нужно составить записку для представления государю. На этом мы разошлись; но я все-таки просил Шепелева неотлагательно приступить к редактированию записки по условленной между нами программе.

После совещания, Гирс сказал мне *a parte*, что был у государя, что записка Сабурова была прочитана [и одобрена], что по приказанию государя она будет мне сообщена с тем, чтобы потом нам собраться у государя для обсуждения, в присутствии самого Сабурова. Вечером я получил записку от Гирса и прочел ее. В ней изложена сущность разговоров Сабурова с Бисмарком и приложены набросанные предварительно условия, на которых германский канцлер считает возможным установить соглашение между тремя империями. Если Бисмарк ведет дело искренно, без каких-либо задних мыслей, то, по моему мнению, мы не можем желать ничего лучшего.

6 февраля. Среда. В 11 часов утра я поехал на вынос тела покойного барона Ливена; лютеранский пастор своей длинной немецкой речью продержал нас довольно долго, так что, едва возвратившись с печальной церемонии, я поспешил во дворец, где был назначен в час пополудни съезд к молебствию. Залы запасной половины дворца переполнились военными и гражданскими чинами и дамами; государя и царскую семью приветствовали восторженными криками «ура!». О вчерашнем происшествии узнал я некоторые новые подробности: между прочим, что взрыв произведен из помещения, где жили мастеровые, из числа которых один столяр, получивший в тот самый день расчет, ушел и скрылся. Полагают, что мина была положена в печку. По окончании церемонии императрица позвала к себе мою дочь и поручила ей съездить в госпитали и осмотреть вчерашних раненых.

Из дворца отправился я в Военный совет, где обсуждался проект нового положения об эмеритальных пенсиях[75]. Блестящее состояние эмеритальной кассы позволяет ввести в положение многие новые льготы и увеличить самый размер пенсий. Вновь составленное положение предполагается объявить 19 февраля. Поэтому необходимо было неотлагательно рассмотреть проект, и

мы просидели в Совете до шестого часа. Было много споров, но в конце концов проект прошел почти без изменений.

8 февраля. Пятница. Пользуясь свободным утром по пятницам, я и сегодня с 10 часов утра ездил по военно-учебным заведениям. В первом часу, когда я был в Юнкерском училище на Петербургской стороне, прискакал дежурный при мне фельдъегерь с известием, что государь требует меня к себе к 12 часам. Назначенный час уже прошел; я поспешил прямо во дворец как был, в сюртуке. Приехав туда, узнал, что государь назначил совещание о мерах, какие нужно принять вследствие последнего злодейского покушения. В совещании участвовали, кроме наследника цесаревича, Валуев, Дрентельн, Маков, граф Адлерберг и я.

Государь, объяснив цель совещания и невозможность терпеть долее такое ненормальное положение в самой столице, предложил на обсуждение предположения, возбужденные некоторыми лицами (кто эти лица – не знаю; догадываюсь, что должен быть Трепов, а может, и граф Адлерберг): 1) нужно ли сохранить в Петербурге должность временного генерал-губернатора, учрежденную в прошлом году в видах усиления местной власти, но к сожалению, не оправдавшую ожиданий и 2) не следует ли учредить особую следственную комиссию или принять другие чрезвычайные меры по случаю последнего злодейства.

На эти вопросы высказались различно: Дрентельн и Маков – в пользу упразднения генерал-губернаторства, но против следственной комиссии; кроме того, Маков говорил о каких-то мерах строгости, не определяя, каких именно; Валуев очень длинно и с обычною своею фразеологиею говорил в защиту и генерал-губернатора, и градоначальника, и полиции, с пафосом призывал на помощь «все общественные силы» и предлагал другие подобные же отвлеченные, неуловимые меры; граф Адлерберг что-то отрывочно говорил против формальностей и стеснительности существующих законов и судебного порядка, в особенности настаивал на том, чтобы арестованным по политическим преступлениям на допросах не дозволять отмалчиваться, а *заставлять* их высказываться.

Государь прервал его, спросив с неудовольствием, каким же образом заставлять, разве пыткою?.. Мне говорили, что слово «пытка» было действительно не только на уме некоторых господ, но даже на языке. И кто же первый имел смелость произнести это страшное слово? Принц Петр Ольденбургский! Наследник, со своей стороны, настаивал на учреждении следственной комиссии, ссылаясь на пример бывшей комиссии под председательством

графа Муравьева, и явно высказывал недоверие свое к III Отделению.

Я опровергал пользу следственной комиссии [при настоящих обстоятельствах] и вообще бесполезность всяких мер, которые не ведут к желанной цели, как достаточно убеждает опыт. Вместе с тем объяснял свое мнение о неудобстве в столичном управлении двух инстанций – генерал-губернатора и градоначальника – и пришел к тому заключению, что самая слабая наша сторона заключается в низших органах полиции, в исполнителях и ближайшем надзоре; что не следует жалеть денег и поощрений, чтобы иметь способных и надежных агентов тайной и явной полиции.

Привожу только сущность говоренного в этом совещании, но касались еще многого: и разрозненности полицейских властей, и строгого обыска *всех* живущих в столице, и ответственности домохозяев за квартирантов, и проч., и проч. Трудно поверить, до каких нелепостей доходят люди, когда хотят во что бы ни стало выказать свое усердие и государственный взгляд, не имея в голове никакой ясной мысли. Государь заключил совещание, приказав нам опять собраться и потолковать между собой, а пока пригласил в кабинет генералов Гурко и Зурова, чтобы прочесть при них формальный акт произведенного дознания о происшествии 5 февраля, с показанием экспертов. Тут опять говорилось о разных подробностях, о личностях, живущих в подвалах и нижнем этаже дворца, об исчезнувшем столяре и т. д. Государь показывал нам найденные при аресте некоторых личностей кроки расположения Зимнего дворца. О том же, что главная вина случившейся катастрофы должна пасть на дворцовое начальство, о беспорядке во дворце, о беспечности министра двора, конечно, не могло быть и речи в присутствии самого графа Адлерберга – друга царского.

Расходясь после совещания, мы сговорились опять сойтись завтра в помещении Комитета министров.

9 февраля. Суббота. По окончании моего доклада приглашены были в кабинет государя князь Горчаков и Гирс. В докладе их не было ничего любопытного: прочтены телеграммы из Пекина и Тегерана и ответы на них, составленные по предварительному между Гирсом и мною соглашению. Дела с Китаем усложняются; в Пекине не хотят ратифицировать договор, заключенный китайским послом в Петербурге.

Гирс беседовал с князем Болгарским, который уверял, что вовсе не имел приписываемых ему намерений ни относительно насильственного переворота (*coup d'état*), ни о допущении в болгарские войска немецких офицеров, и уверял в полной своей

преданности России. Впрочем, князь Александр сказал, что при настоящих обстоятельствах считает вовсе неуместным даже заводить речь о болгарских делах не только с государем, но даже и с отцом своим.

После доклада князя Горчакова и Гирса государь приказал мне остаться и пригласил в кабинет генерала Дрентельна для прочтения записки, представленной следственной комиссией о бывшем 5 февраля происшествии. Дело это начинает несколько выясняться. Есть довольно явные признаки того, что лицо, скрывшееся в день взрыва, было в самом деле не простым мастеровым, а, по-видимому, умышленно вкралось во дворец под видом мастерового вследствие заранее задуманного преступного плана.

Я уехал из дворца около полудня, когда съезжались туда Валуев, Маков, Гурко, Набоков и, сверх того, находился в качестве дежурного генерал-адъютанта граф Лорис-Меликов. Так как мне не приказывали оставаться, то я и удалился, а к часу, как было вчера условлено, приехал в помещение Комитета министров, куда вскоре после меня приехали Валуев, Дрентельн, Маков и, несколько позже, граф Адлерберг. С удивлением, узнал я от них, что они были собраны во дворец, чтобы выслушать решение государя, совершенно противоположное мнению, которое было им высказано во вчерашнем совещании. Генерал-губернаторство в Петербурге упраздняется; учреждается новая верховная распорядительная комиссия под председательством графа Лорис-Меликова, на место которого назначается в Харьков князь Дондуков-Корсаков.

Такое неожиданное решение изумило не одного меня. Очевидно, был вчера сильный напор на государя; мнение, внушенное наследнику цесаревичу, взяло верх. «О чем же теперь остается нам рассуждать?» – спросил я у моих коллег. Нашлось, однако же, достаточно тем для нашего совещания часа на полтора. Валуев выложил весь собранный им запас разных мер, большею частью маловажных, отчасти неисполнимых и даже странных. Так, например, он снова настаивал на том, чтобы домохозяева несли ответственность за неблагонадежных квартирантов (в чем поддерживал его сильно граф Адлерберг); предлагал запретить всякие увеселительные сборища под предлогом благотворительных целей и т. п. Существенная мера была принята одна – усилить число околоточных в Петербурге и подчинить пригородные местности начальству городской полиции. Любопытно было выслушать объяснения графа Адлерберга о существующих в Зимнем дворце порядках: с его точки зрения всё устроено прекрасно и быть иначе не может.

В городе много ходит толков и пересудов; все в напряжении; говорят о подметных письмах, угрожающих поджогами на 19 февраля.

10 февраля. Воскресенье. Утром, после развода, было у меня совещание с Гирсом и Сабуровым относительно условий предполагаемого соглашения с Германией и Австрией. Придумывали, каким порядком может быть ведено это дело без участия государственного канцлера князя Горчакова.

Прежде чем кончилось наше совещание, приехал ко мне граф Лорис-Меликов. Когда мы остались с ним вдвоем, он сообщил мне о вчерашнем неожиданном для него решении государя. По словам его, Валуев, Маков, Набоков и Дрентельн были, видимо, поражены, услышав это решение, но Валуев нашелся и не полез в карман за словом; с обычною своею важностью, расстановкой и густым басом он произнес следующую фразу: «Хотя вчера я выражал свое мнение против меры, ныне решенной вашим величеством, но теперь, узнав, что выбор председателя выпадает на такое лицо, как граф Лорис-Меликов, – я вполне сочувствую такому решению…» и т. д. Граф Лорис-Меликов понял свою новую роль не в значении только председателя следственной комиссии, а в смысле диктатора, которому как бы подчиняются все власти, все министры. Оказывается, в таком именно смысле проповедовали «Московские ведомости» несколько дней тому назад; а известно, что «Московские ведомости» имеют влияние в Аничковом дворце и многие из передовых статей московской газеты доставляются Победоносцевым – нимфой Эгерией Аничкова дворца. Вот и ключ загадки.

Лорис-Меликов, как человек умный и гибкий, знающий, в каком смысле с кем говорить, выражался с негодованием о разных крутых, драконовских мерах, которые уже навязывают ему с разных сторон. Думаю, он и в самом деле не будет прибегать к подобным мерам, обличающим только тех, кто испугались и потеряли голову. Но достигнет ли он того, чего от него ожидают, – не знаю.

В городе распускают всякие толки. Воскресные мои гости привозили каждый какое-нибудь известие, более или менее тревожного характера. Завтра, вероятно, узнаю, что из всей этой белиберды правда, а что выдумка. Странно, что в народе ходит недобрая молва о великом князе Константине Николаевиче; выводят какие-то подозрения из того случайного факта, что в день взрыва во дворце великий князь был в Кронштадте.

11 февраля. Понедельник. Во время приема моего в канцелярии Военного министерства приехал от князя Болгарского адъютант (болгарин Увалиев) с вопросом, застанет ли меня князь

дома завтра между 3 и 5 часами. Я отвечал, что в эти часы буду занят, но постараюсь сам зайти к нему после утреннего доклада у государя.

В заседании Государственного совета великий князь Константин Николаевич сделал предложение поднести государю, в день 25-летнего юбилея его царствования, адрес от Государственного совета. Заседание было очень непродолжительное.

После заседания было у меня длинное совещание по вопросу о предстоящих действиях в Закаспийском крае. Прочли прежде всего записку графа Гейдена, в которой выставлены все невыгоды и бесплодность наших действий в этом крае, и, в заключение, предлагалось не только ничего там не предпринимать, но даже совсем очистить Закаспийский край. С таким мнением никто, конечно, из участвовавших в совещании не согласился; напротив, многие убедительно доказывали, что всякий шаг назад в Азии был бы гибельным; что даже остановиться нельзя без больших опасений в виду предприимчивости и наступательной политики Англии. Дельнее всех говорили Скобелев и Обручев. Значительное большинство высказывалось в том смысле, что на первое время задачей нашей должно быть прочное устройство базы на линии Чат – Кизыл-Арват. Однако же мы не успели договорить до конца и отложили окончание совещания на завтра.

12 февраля. Вторник. Государь при докладе моем объявил мне для внесения в приказ о новых назначениях графа Лорис-Меликова и князя Дондукова и об увольнении генерала Гурко от должности петербургского временного генерал-губернатора. Никаких объяснений при этом дано не было, так, будто я уже должен знать всё, что было решено без меня. На вопрос, был ли я вчера в совещании, я ответил, что у меня было особое совещание по азиатским делам. После моего доклада вошел Гирс без портфеля; князь Горчаков совсем не явился. Затем вошел генерал Дрентельн, в присутствии которого государь опять повторил о внесении в приказ новых назначений.

Прямо от государя зашел я к князю Болгарскому, но, заметив, что он уже торопился идти к завтраку, оставался у него недолго; мы сговорились, что он приедет ко мне в пятницу.

Опять было совещание по вопросу о предстоящих действиях в Закаспийском крае. Мы все пришли к заключению, что в нынешнем году задача наша должна заключаться в прочном утверждении на линии Кизыл-Арвата и в устройстве железнодорожного сообщения этого пункта с Красноводском. Много было споров. Граф Гейден остался при своем прежнем мнении.

Во время совещания заехал ко мне Сабуров; я принял его в особой комнате. Он прочел мне переделанную редакцию проектированных условий нового тройственного союза.

Вечером государь уехал в Лисино на охоту.

13 февраля. Среда. Утром продолжительное заседание в Военном совете. Вечером, в 10 часу, ездил на станцию Московской железной дороги встречать великого князя Михаила Николаевича, который со своею семьей приехал в одном поезде с государем, возвратившимся с охоты. Затем был на бале у французского посла Шанзи; впрочем, только показался хозяевам и сейчас же уехал.

15 февраля. Пятница. Вчера объявлено в приказе о новых назначениях графа Лорис-Меликова и князя Дондукова-Корсакова и об увольнении генерал-адъютанта Гурко. В городе много толков о назначении графа Лорис-Меликова; ожидают от него чего-то необыкновенного; читают красноречивое воззвание его к обывателям столицы. Но вместе с тем являются всякого рода вопросы, которых пока никто решить не может: из кого будет состоять новая верховная *распорядительная* комиссия? Чем она будет распоряжаться? Какое соотношение ее с III Отделением?.. Прежние толки и легенды об ожидаемых бедствиях все-таки не прекращаются; есть малодушные, уезжающие из Петербурга.

Сегодня утром, когда я, по обычаю своему, собирался выехать для посещения некоторых учебных заведений, фельдъегерь приехал с приказанием от государя, чтобы я был во дворце в 10 часов утра. Так как пятница не мой день доклада, я подумал, не случилось ли что-нибудь важное; но оказалось, что государь потребовал меня, только чтобы отдать некоторые приказания относительно наград, предназначаемых по случаю предстоящего празднования несколькими полками 50-летия шефства его величества.

Едва возвратился я домой, приехал ко мне великий князь Михаил Николаевич: он просидел с час времени; мы переговорили о многом, но преимущественно о предстоящих действиях в Закаспийском крае и вообще о положении наших азиатских дел. Великий князь рассуждает разумно, хотя заметен в нем недостаток твердых убеждений. Впрочем, недостаток этот все-таки гораздо предпочтительнее излишней самоуверенности [некоторых других].

В 4 часа, как было условлено, приехал ко мне князь болгарский Александр, который просидел почти два часа. Кроме некоторых маловажных вопросов, по которым он намеревается просить государя, более всего князь говорил мне о двух своих задушевных заботах: во-первых, о том, что в военном ведомстве

как у него в Болгарии, так и у нас в России, продолжают титуловать его светлостью, тогда как дипломаты всех стран, не исключая и русских, дают ему титул высочества. Князь убедительно просил меня устранить такую аномалию и доложить о его просьбе государю. Другим предметом нашей беседы были генерал Паренсов и так называемая, радикальная партия Болгарии. Князь горько жаловался на своего военного министра и заявил, что считает невозможным долее оставить его в этой должности. Если всё то, что рассказывал мне князь Александр справедливо, то я должен буду признать его правым, а Паренсова – человеком в высшей степени бестактным и пристрастным.

Князь очень молод, не имеет никакой выдержки и положение его действительно трудное среди борьбы партий, при крайней неразвитости народа, которым призван он править. Я старался, сколько мог, навести князя на более спокойное отношение к такому положению вещей; советовал терпеливо переждать эпоху брожения в стране, только что начинающей жить своею жизнью после многовекового рабства. Но юный князь себе на уме, хочет идти напролом и угрожает, в случае неудачи, совсем сбросить корону!

16 февраля. Суббота. Сегодня был у меня очень продолжительный доклад у государя: кроме подробностей и мелочей по поводу предстоящего торжества 19 февраля и предположенных в этот день наград, много времени заняло новое положение об эмеритуре военного ведомства, о котором предположено объявить в означенный день. Потом я оставался при докладе князя Горчакова и Гирса. Государь, вследствие моего доклада о вчерашнем моем разговоре с князем Болгарским, спросил мнения канцлера и его товарища касательно титулования и решил употреблять в нашем военном ведомстве титул *высочества*, несмотря на то, что в болгарской конституции, нами же проектированной, положительно установлен титул *светлости*. Были еще рассуждения о болгаро-румынской границе (об Араб-Табии), о выдаче французским правительством Гартмана, уличаемого в подкопе под железною дорогой в Москве[76], и проч.

Наступил уже полдень, когда я вышел из кабинета государя. Я успел заехать к великому князю Михаилу Николаевичу, чтобы расписаться, и к графу Гейдену, чтобы передать ему некоторые из приказаний государя. По возвращении домой принимал известного немецкого заводчика Грюзона, предлагающего нам свои услуги для постройки броневых батарей его системы. Еще приезжал Ростислав Фадеев, желающий вновь поступить на службу.

17 февраля. Воскресенье. На разводе видел приехавших вчера великого князя Николая Николаевича и герцога Эдинбургского; после же развода сделал им обоим визит.

18 февраля. Понедельник. Вместо вторника ездил сегодня во дворец с докладом и потому отменил обычный свой прием в канцелярии Военного министерства. Доклад был продолжительный и касался преимущественно распоряжений и наград на завтрашний торжественный день.

В первом часу представлял я государю разные работы, приготовленные в Военном министерстве к 19 февраля. Первое место заняло сочинение в пяти больших томах, заключающее в себе исторический очерк деятельности Военного министерства за 25-летие; труд этот представил генерал-лейтенант Богданович с сотрудниками: генерал-майором Свиты Шильдером, полковником Хорошхиным и Евреиновым. Затем представлен был генерал-майором Лалаевым исторический очерк военно-учебных заведений, а полковником Стрельбицким – карта России в масштабе 10 верст и атлас карт, изображающих постепенное приращение территории России в настоящее царствование. Наконец, инженерное ведомство представило планы крепостей, виды разных местностей театра последней войны и акварель генерал-лейтенанта Клема, изображающую эпизод из детских игр государя. Все эти работы были осмотрены его величеством внимательно и благосклонно, а потом я испросил награды авторам.

По случаю панихиды в Петропавловском соборе заседание Государственного совета было назначено позже обыкновенного – в 3 часа. Оно продолжалось недолго; между прочим прочитан был и утвержден проект адреса, который предположено завтра поднести государю от Совета. После этого заседания происходило другое в Комитете министров, в котором адмирал Посьет подвергся нападкам за бездействие Министерства путей сообщения относительно состояния железных дорог; сверх того обсуждался [наскоро составленный] проект правил обращения со взрывчатыми веществами. Заседание Комитета окончилось в шестом часу. В обоих заседаниях присутствовал в первый раз граф Лорис-Меликов.

Вечером приехал из-за границы мой сын. Результат осмотренных им новых изобретений в Англии оказался малоудовлетворительным.

19 февраля. Вторник. 25-летний юбилей настоящего царствования отпразднован с особенною торжественностью.

В десятом часу утра я уже был в приемной государя, и около 10 часов его величество со всей своей семьей вышел на балкон

дворца, обращенный к Разводной площадке и Адмиралтейству. На площадке были выстроены музыканты и певчие всех частей Петербургского гарнизона, а за ними – команды от тех же частей. Генералы и офицеры стояли ближе к балкону. Хор исполнил несколько торжественных гимнов; в промежутках между пьесами раздавались крики «ура!», сливавшиеся с гулом выстрелов артиллерии, поставленной на набережной Васильевского острова.

В исходе 11 часа представлялась государю вся многочисленная свита его, наполнившая приемную и соседнюю с ней бильярдную комнату. Государь сказал несколько задушевных слов, обратив особенное свое внимание на немногих стариков, носящих еще вензель императора Николая. Они стояли особняком: граф Сергей Григорьевич Строгонов, граф Коцебу, Клюпфель, князь Суворов, адмирал граф Гейден, князь Меншиков, граф Ржевуский, барон Притвиц. Затем в Белой зале собрались офицеры всех гвардейских полков, шефом которых сделался государь 25 лет тому назад. В числе их стал и я с офицерами лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. Государь опять сказал несколько слов и благодарил за службу, а потом прошел через всю залу к депутациям, прибывшим в Петербург от армейских полков, которых государь также считается шефом. Нужно ли говорить, что при всех представлениях, ответом на приветственные слова государя были восторженные «ура!».

В 11½ часов собрались опять в приемной комнате члены Государственного совета. Председатель наш, великий князь Константин Николаевич, прочел приготовленный адрес, на который государь отвечал выражением благодарности Совету за его законодательные труды.

Ровно в полдень большой выход в церковь к молебствию. Редко бывало такое многолюдное собрание, особенно дам. По возвращении из церкви был завтрак собственно для царской фамилии, и, наконец, привезены были во дворец представительницы от всех женских институтов.

День прошел благополучно, без всяких страшных злодеяний, о которых ровно две недели слышали столько нелепых толков и предсказаний. Полицейские меры были приняты с избытком; даже, кажется, пересолили.

Ожидали на нынешний день великих милостей: манифеста, наград и прочего; но не слышно ничего замечательного, кроме возведения Валуева в графское достоинство. Зато он выступал сегодня с еще большею, чем обыкновенно, важностью и торжественностью.

20 февраля. Среда. Опять новое злодеяние подпольных деятелей: какой-то Млодецкий, еврей по рождению, мещанин

города Слуцка, бросился на графа Лорис-Меликова и выстрелил в него в упор, когда он выходил из кареты у своего подъезда. Преступник не побоялся совершить покушение возле двух стоявших у подъезда часовых, двух верховых казаков, конвоировавших экипаж, и торчавших тут же городовых. К счастью, пуля не задела графа, а только пробила шинель и вырвала клочок мундира на спине. Злодей пробовал убежать, но тут же был схвачен.

Узнав об этом происшествии во время заседания Военного совета, немедленно по окончании его поехал я к графу Лорис-Меликову и нашел его дом полным посетителей, приезжавших осведомиться о его здоровье и показать свое сочувствие. При мне приезжали наследник цесаревич, почти все великие князья, министры, даже дамы. Лорис-Меликов был спокоен и должен был каждому поочередно рассказывать о случившемся.

21 февраля. Четверг. После своего доклада присутствовал при начале доклада графа Лорис-Меликова с генералом Дрентельном. Прочли составленный акт о вчерашнем происшествии. Сегодня же военный суд уже приговорил преступника к смертной казни, которая и будет приведена в исполнение завтра, на Семеновском плацу. В первый раз дело решается с такой быстротой. Любопытно знать, какое впечатление произведет такая спешная расправа: наведет ли она страх на злодейскую шайку, или еще более озлобит ее.

Граф Лорис-Меликов держится превосходно: сохраняет полное спокойствие и присутствие духа, вовсе не озлоблен и не испуган. Он говорил мне, что по разным признакам и сведениям надобно полагать, что настоящее время избрано революционерами для осуществления решительных злоумышлений и надобно ожидать неотлагательно новых покушений самого резкого характера.

Сегодня же вечером, рассказывают, при проезде государя по Дворцовой набережной какой-то человек устремился к карете его величества, но был своевременно схвачен сопровождавшими казаками. Не знаю еще никаких подробностей этого случая.

С 2 часов до 5 продолжалось совещание у великого князя Михаила Николаевича по вопросу о предстоящих действиях в Закаспийском крае. В совещание это были приглашены всё те же лица, которые участвовали в прежних совещаниях у меня; только вместо действительного статского советника Мельникова от Министерства иностранных дел был Гирс, а сверх того еще новые два лица: генерал-адъютант князь Святополк-Мирский и адмирал Свинкин, командир Бакинского порта. Говорено было очень много; большею частью повторялись те же мнения, которые

высказывались в прежних совещаниях и точно также ни к какому положительному заключению не пришли. Условились ожидать от государя назначения окончательного у его величества совещания, с участием министра финансов.

25 февраля. Понедельник. Вчера воскресный развод был отменен по случаю нездоровья государя. Я провел весь день дома, что случается со мною очень редко. Сегодня же, вместо обычного своего приема в канцелярии Военного министерства, я должен был утром участвовать в совещании, назначенном государем по вопросу о предстоящих действиях в Закаспийском крае. Кроме великих князей – наследника цесаревича и Михаила Николаевича – участвовали граф Гейден, Грейг, Обручев, Скобелев, Гирс и барон Жомини. Первоначально я объяснил сущность дела, предположения кавказского начальства с изменениями, предложенными генералом Скобелевым, расчеты издержек и, в заключение, необходимость устройства железной дороги от Красноводска до Кизыл-Арвата, от которой можно впоследствии ожидать даже значительных сбережений в расходах.

Когда я закончил, граф Гейден повторил прежние свои доводы против всяких новых предприятий в Закаспийском крае. Зато генерал Обручев очень дельно и рельефно выставил необходимость серьезных мер в Азии в виду агрессивной политики англичан; он мастерски обрисовал общее положение дел. Генерал Скобелев подтвердил эти соображения; затем и Гирс, хотя с некоторыми изворотами и оговорками, признал необходимость нашего утверждения на рубеже Ахалтекинского оазиса; барон Жомини прочел приготовленную им в том же смысле записку.

После всех поднял голос министр финансов. Можно было вперед предвидеть, в каком смысле он будет говорить: по обычаю своему, он начал так резко критиковать всё, что делалось до сих пор в Азии, так докторально доказывал, что мы своими затеями задираем Англию и вызываем ее на борьбу, что государь прервал его и довольно строго перевел вопрос на практическую почву. Но так как Грейг заявил, что до настоящего заседания не имел никаких сведений о предположениях, подлежащих обсуждению, то государь, спешивший покончить совещание, приказал еще раз собраться у великого князя Михаила Николаевича, чтобы окончательно сговориться с министром финансов и затем уже представить дело на окончательное решение его величества.

Мы разошлись недовольные друг другом и сговорились снова собраться у великого князя в среду. Прямо из дворца поехал я в Государственный совет, где, впрочем, заседание было непродолжительно.

Государь крайне сердит на французское правительство, решившее не выдавать негодяя Гартмана, главного виновника московской катастрофы 19-го прошлого ноября. Французы мотивируют свой отказ тем, будто бы не представлено нами достаточных улик против преступника. Настоящею же причиною считают, с одной стороны, слабость нынешнего французского правительства перед угрозами радикалов, а с другой – подстрекательство Биконсфильда, у которого, как говорят, Фрейсине[77] спрашивал совета.

26 февраля. Вторник. После доклада у государя я присутствовал при докладе князя Горчакова и Гирса. Прочитаны были телеграммы князя Орлова по делу о Гартмане, заявление генерала Шанзи по этому предмету, затем английское предложение о международной комиссии для решения вопроса греко-турецкого.

Из Зимнего дворца поехал я в Аничков дворец для поздравления наследника цесаревича с днем рождения. Потом было у меня совещание с командующим войсками трех пограничных округов – Виленского, Варшавского и Киевского, относительно плана распределения наших сил в случае войны с Германией и Австрией. Генерал Обручев прочел вкратце составленное им и предварительно уже одобренное государем предположение, которое должно быть принято в основание для подробной разработки полного плана устройства театра войны. Все три начальника округов одобрили предположения наши без всяких изменений.

Вечером приехал ко мне генерал Дрентельн с неожиданным известием, что сегодня же утром, вследствие доклада графа Лорис-Меликова, III Отделение подчинено последнему, а Дрентельн уволен от должности шефа жандармов с назначением членом Государственного совета. Существование одновременно III Отделения и вновь учрежденной верховной комиссии было бы, конечно, несообразностью; Лорис-Меликов уже несколько дней приговаривался к тому, чтобы подчинить ему III Отделение. Но решение государя по этому предмету последовало так внезапно и так резко в отношении Дрентельна, что этот честный, добросовестный, вполне почтенный человек не может скрыть своего огорчения. Еще более обидело его предложение принять место помощника главнокомандующего Петербургским округом великого князя Николая Николаевича – взамен генерала Гурко, который решительно отказался от этой должности. Дрентельн уже многие годы был сам начальником военного округа, затем состоял на правах министра, и после того занять второстепенное место помощника значило бы «из попов в дьяконы». Вопрос о

замещении Гурко остается открытым. Великий князь Николай Николаевич желал иметь помощником графа Павла Шувалова; но выбор этот не понравился государю. Я указал на другого кандидата – генерала Костанду, нынешнего начальника артиллерии Петербургского округа.

27 февраля. Среда. Еще продолжительное совещание у великого князя Михаила Николаевича по вопросу о Закаспийском крае. Министр финансов произнес длиннейшую речь, доказывая, что мы должны оставаться в Азии в совершенном бездействии, что всякое наше предприятие грозит в будущем бедствиями. Однако же он никого в этом не убедил; один граф Гейден остался вместе с Грейгом при прежнем своем мнении. Барон Жомини говорил не много, но дельно и высказал одну новую мысль: было бы желательно в виду новых выборов в Англии и открытия новых палат выждать до мая месяца и не предпринимать ничего такого, что могло бы укрепить положение настоящего правительства Биконсфильда.

28 февраля. Четверг. После доклада у государя я зашел к князю Александру Болгарскому, чтобы устно дать ответ на письмо, в котором он очень настойчиво просил изменить награду, пожалованную государем состоящему при князе в должности гофмаршала прусскому поручику Ридезелю. Князь Александр опять жаловался на Паренсова, описывал свое затруднительное положение и свои желания. Он не может найти преемника Паренсову и продолжает мечтать, чтобы государь сам назначил кого-либо из генерал-адъютантов с авторитетом для исполнения должности болгарского военного министра. По всему видно, что пребывание в Петербурге не отрезвило юного князя; даже кажется мне, что в нем более прежнего укоренилось самодурство, которое не доведет его до добра.

Гирс заехал ко мне, чтобы переговорить о делах китайских и о прощальной аудиенции Сабурова у государя. Решено, что Сабуров будет вести в Берлине переговоры втайне от князя Горчакова и доносить прямо государю. Сабуров, как сказал мне Гирс, озабочен теперь продолжающимися со стороны Бисмарка домогательствами об отводе нашей кавалерии от границы. Он опасается, чтобы этот, по-видимому, пустой предлог к пререканиям не послужил камнем преткновения для предположенного соглашения нашего с Германией. В таком смысле составлена им записка, которую Гирс передал мне, предоставив этот вопрос на мое усмотрение. Мне кажется, что Сабуров увлекается излишними опасениями; но если б даже германское правительство и в самом деле придавало серьезное значение этому вопросу, то, по моему мнению, все-таки мы не

можем сделать ни малейшей уступки, унизительной для достоинства России. Дальнейшая настойчивость Бисмарка в подобном вопросе была бы признаком намерения его искать предлог для разрыва.

1 марта. Суббота. В присутствии великого князя Михаила Николаевича докладывал государю о результате последнего совещания по вопросу о Закаспийском крае. Несмотря на поданную вчера министром финансов длинную записку, в которой подробно изложены все аргументы, приведенные им в самом совещании, государь утвердил заключение большинства и окончательно назначил генерал-адъютанта Скобелева начальником Закаспийского отряда.

После военного доклада я оставался при докладе Гирса. Прочитана была записка Сабурова, по мнению которого следовало бы для устранения всякого предлога к неприязненным отношениям между Германией и Россией сделать уступку в вопросе о расположении нашей кавалерии по границе. Я представил дислокационную карту, которая наглядно выказывает всю неосновательность немецких домогательств. Государь выразил решительно, что нечего и толковать о каком-либо изменении дислокации в угоду Бисмарку.

Читано было любопытное письмо Убри из Вены. Он сообщает слышанное им совершенно конфиденциально от одного лица (которого не называет) объяснение политики австрийской за последние два года и обстоятельства удаления графа Андраши. Оказывается, заключение Сан-Стефанского мира до такой степени раздражило австрийского канцлера, что он непременно требовал объявления войны России, но император Франц-Иосиф положительно воспротивился; и с этого времени началось охлаждение между императором и канцлером. Князь Бисмарк, также злобствовавший на Россию, поддерживал графа Андраши как своего вернейшего союзника и старался всеми силами отсрочить удаление его от дел. Свидание обоих канцлеров в Гаштайне и потом приезд Бисмарка в Вену были последними попытками германского канцлера удержать своего друга у кормила правления Австрии. Но это не удалось ему, и результат всей этой дипломатической кампании далеко не соответствовал замыслам Бисмарка.

Вчера был у меня полковник граф Ростовцев, приставленный дядькой к великому князю Николаю Константиновичу. Ростовцев говорит, что окончательно убедился во время прошлогоднего путешествия по реке Аму в ненормальном состоянии умственных способностей Николая Константиновича; но, к сожалению, бывшее недавно его свидание с отцом в Твери принесло скорее

вред, чем пользу, потому что великий князь Константин Николаевич не хочет признавать психического расстройства в своем сыне и в своих с ним объяснениях внушил ему новые сумасбродства. Ростовцев описывал мне проделки Николая Константиновича с хивинским ханом, который в угоду племяннику русского падишаха пустил воду из Аму в старое русло, но, к счастью, воды этой было так мало, что никаких дурных последствий от того не произошло. Эта комедия только потешила Николая Константиновича и удовлетворила его сумасбродную жажду славы.

3 марта. Понедельник. Вчера опять отменен был развод; государь потребовал меня во дворец в первом часу, чтобы отдать некоторые приказания. Тут, во дворце, узнал я от великого князя Николая Николаевича, что он, переговорив со своим братом Михаилом Николаевичем, доложил уже государю, не спросив моего мнения, о назначении генерал-адъютанта Столыпина начальником артиллерии Петербургского округа на место генерала Костанды, назначенного помощником главнокомандующего Петербургского округа. Я был крайне удивлен и такому выбору, и бесцеремонному обращению со мной как военным министром. Столыпин, правда, начал службу в артиллерии; но оставил ее уже 30 лет и, следовательно, вовсе не знаком с нынешним ее материальным и техническим состоянием. Я прямо высказал это и великому князю, и самому государю. Считаю такое назначение совершенною несообразностью.

Вчера вечером молодежь забавлялась у нас в доме танцами до поздней ночи и весело встретила наступивший Великий пост.

Сегодня пришлось мне видеть множество разнородных личностей. С утра обычный прием в канцелярии Военного министерства; был между прочими и Столыпин, узнавший уже от генерала Баранцова о моем сопротивлении его назначению. Я откровенно высказал ему свое мнение и посоветовал отказаться самому от предлагаемого места. Прямо от меня поехал он к обоим великим князьям. По возвращении моем домой приехал ко мне и сам великий князь Михаил Николаевич с объяснениями. Однако же я все-таки не поддаюсь и прямо сказал нашему почетному генерал-фельдцейхмейстеру[78], что буду решительно противиться назначению Столыпина.

Приезжал ко мне еще принц Александр Гессенский и довольно долго сидел; предметом разговора, конечно, было тяжелое положение его сына в Болгарии и желание его тем или другим способом изменить настоящий неудобный порядок вещей в этой стране. Принц просил меня поспешить с приготовлением, совместно с Гирсом, инструкций для дальнейшего ведения дел в

Болгарии.

Посещения великого князя и принца одновременно с множеством других личностей, приезжавших по делам, не помешали назначенному у меня совещанию о будущем устройстве военно-санитарной части в составе полевого управления действующей армии. Совещание продолжалось более двух часов и кончилось лишь в шестом часу, когда уже было пора собираться к обеду во дворец. Обед был почти исключительно семейный: кроме государя и его детей (в том числе Марии Александровны), принц Гессенский и оба сына его. Посторонних же было только двое: Гирс и я. Мне пришлось сидеть между великой княгиней Марией Александровной (герцогиней Эдинбургской) и великим князем Алексеем Александровичем.

После обеда, когда государь удалился со всеми своими детьми, мы остались вчетвером: принц Гессенский, князь Болгарский, Гирс и я. Около часа еще мы толковали о том, как вести далее дело в Болгарии и каким порядком добиться столь желанного изменения болгарской конституции. Мы с Гирсом старались, сколько могли, склонить обоих принцев к умеренности и терпению; но юный князь Александр изливал бесконечные жалобы и упреки: ему хотелось бы скорее порешить дело, у него в кармане уже есть готовый проект новой конституции. Всё более и более убеждаюсь, что ничего хорошего ожидать нельзя.

4 марта. Вторник. Доклад у государя. Потом присутствовал при докладе Гирса; князь Горчаков болен, слег в постель. Заезжал я к великому князю Николаю Николаевичу, чтобы переговорить о выборе лица на должность начальника артиллерии Петербургского округа; он не настаивал на Столыпине, выбор которого принадлежит Михаилу Николаевичу. Затем заехал к генералу Баранцову, больному; он кается в том, что дал свое согласие на такой странный выбор. Еще навестил генерала Дрентельна, которого нашел в обычном невозмутимо-спокойном настроении. В Комитете министров не мог быть, так как назначил прием нескольким лицам: графу Тотлебену – по случаю отъезда его обратно в Одессу; князю Оболенскому, комиссару нашему в Румынии; генералу Эрнроту, рекомендованному князю Болгарскому для замещения Паренсова в должности болгарского военного министра; наконец, Стоилову, секретарю князя Болгарского. Стоилов – очень молодой человек, образованный и, как кажется, разумный. Его мнения и суждения о настоящем положении дел в Болгарии и предстоящем князю образе действий нахожу умеренными и основательными.

Получены телеграммы из Китая весьма неблагоприятные: в Пекине сильное возбуждение против иностранцев. Посланники

европейских дворов потребовали присылки эскадр к берегам Китая.

6 марта. Четверг. После доклада у государя я зашел к принцу Александру Гессенскому, который завтра уезжает из Петербурга. Опять настойчивые просьбы о снабжении его сына инструкциями и оказании ему поддержки. Из дворца заехал в Министерство иностранных дел, чтобы переговорить с Гирсом о составлении такой инструкции для Кумани, которая послужила бы и самому князю Болгарскому указанием пути действия. Затем были у меня Шепелев и Эрнрот; последний, кажется, соглашается принять должность военного министра в Болгарии. Шепелев показал мне собственноручную заметку князя Александра о том, что требуется от русского генерала, который примет означенную должность. Записка эта редактирована ребячески и с неуместными претензиями. На месте Эрнрота я не принял бы должности на таких условиях.

Прочитанная мною в переводе статья Раулинсона, помещенная в одном из английских журналов, о настоящих планах англичан в Азии, привела меня в крайнее негодование: нахальство и цинизм старого руководителя английской политики в Азии[79] переходит все границы; выводы его основаны на самых ложных сведениях и клевете против наших действий. Очень кстати приехал ко мне генерал Столетов; я передал ему статью Раулинсона и присоветовал написать резкое опровержение, так как в статье много говорится лично о нем и его посольстве в Кабул в 1878 году.

8 марта. Суббота. Вчера опять приезжали ко мне Шепелев и Тимлер с поручениями от князя Болгарского. Вечером же получил я от Гирса черновой проект инструкции для Кумани. Инструкция написана мастерским пером барона Жомини; общее ее направление я одобрил, но сообщил Гирсу только некоторые частные замечания.

Сегодня перед докладом (который был назначен несколько позже обыкновенного по случаю того, что государь приобщался) я заехал к великому князю Михаилу Николаевичу, чтобы переговорить по одному неважному делу, о котором мне приходилось сегодня же докладывать государю. Тут узнал я от великого князя, что дело о назначении начальника артиллерии в Петербургском округе, наконец, улажено: Столыпин уехал обратно в свой корпус, а на открывшуюся вакансию решено представить генерал-лейтенанта Штадена, начальника артиллерии Одесского округа. На него указывал я с самого начала; но выбор этот почему-то не нравился обоим великим князьям; теперь они сами предлагают его. Я слышал, что

предположение о назначении Столыпина оскорбило всех артиллеристов. Тем более я доволен, что мне удалось расстроить эту неудачную комбинацию.

При докладе моем государю коснулась речь назначения генерала Эрнрота взамен Паренсова; государь уже предупрежден болгарским князем и настроен в смысле записки, которую вчера читал мне Шепелев и которую князь намеревался представить государю на утверждение. Я не мог воздержаться от возражения против притязаний юного князя, чтобы русский генерал, облеченный званием болгарского министра, был не более чем беспрекословным исполнителем приказаний князя и чтобы всякое ослушание его считалось равносильным ослушанию самого императора российского. А в черновой записке князя так именно и было выражено.

После моего доклада вошли в кабинет Гирс и барон Жомини; последний прочел составленную им инструкцию для Кумани, с изменениями по вчерашним моим замечаниям. Надобно отдать справедливость редакторскому искусству барона: он не только пишет изящно, но еще имеет необыкновенный талант из небольшого запаса данных ему основных идей с быстротою создать целое стройное изложение. Государь одобрил проект, однако же сказал Гирсу, что прежде утверждения его следует прочесть князю Александру. Опасаюсь, что ему проект не поправится; он составлен совсем не в том духе, в каком настроен князь.

Шепелев опять был у меня и уже по поручению князя прочел мне записку, радикально переделанную из той, которая первоначально была набросана самим князем. В этом измененном виде требования его к военному министру делаются возможными; так что, вероятно, Эрнрот не встретит затруднения принять должность. Тем не менее положение его в Болгарии будет незавидное.

Столетов принес и прочел мне составленное им опровержение статьи Раулинсона; я сделал некоторые замечания и предложил Столетову прочесть статью Гирсу, чтобы уговориться с ним, где и как напечатать. [Как будто я предугадал, что возражение окажется нужным.] Вечером же Гирс прислал мне секретное письмо нашего посла в Лондоне о том, что в Англии продолжают, по-видимому, рассчитывать на эффект, который произведет опубликование найденных будто бы в Кабуле документов, компрометирующих нашу политику в отношении Афганистана. Князь Лобанов случайно узнал, что в числе этих документов, хранимых пока в глубокой тайне, заключается какой-то договор наш с афганским владетелем. Можно догадываться,

что речь идет о том проекте договора, который замышлялся Столетовым во время пребывания его в Кабуле в 1878 году, но который оставлен был в проекте без всяких последствий.

Гирс, сообщая мне письмо князя Лобанова, выражает желание, чтобы по поводу этого мнимого договора с Шир-Али-ханом было представлено Столетовым категорическое объяснение. Я дал знать Гирсу, что желание его предугадано мною и требуемое объяснение уже изложено Столетовым в прочитанной мне сегодня утром статье в ответ на клеветы Раулинсона.

10 марта. Понедельник. Сегодня, по случаю дня рождения германского императора, был большой парадный обед во дворце, в Концертной зале, с музыкой и обычным тостом, произнесенным государем во имя дружбы двух родственных императоров. Обед этот был вместе с тем и прощальным для князя Болгарского, который завтра уезжает со всею своею свитой. Дела его наконец улажены: инструкция, приготовленная для Кумани, окончательно утверждена; генерал Эрнрот принял назначение на должность военного министра, и завтра в приказе будет объявлено об увольнении его из русской службы. Однако же Эрнрот имел довольно неприятные объяснения с князем Александром, который прямо потребовал, чтобы военный министр обязался беспрекословно исполнять приказания князя, даже и в том случае, если б дело дошло до *coup d'ètat*. Эрнрот отклонил такое условие, на это князь выразил ему уверенность, что получит повеление прямо от государя. Однако же сегодня государь, приняв Эрнрота и выслушав его сомнения относительно образа действий, в случае экстралегального решения князя, не дал ему никакого положительного ответа и сказал только, что подобное решение не может быть принято князем без испрошения особых указаний государя. Так по крайней мере передал мне Эрнрот, приехав ко мне после представления государю. Впрочем, эти слова вполне соответствуют и смыслу данной Кумани инструкции. Теперь дело лишь в том, чтобы сам князь искренно подчинился мудрым и умеренным советам своего высокого покровителя, чтобы не испортил всего дела какими-нибудь юнкерскими выходками и порывами нетерпения. Из некоторых переданных мне слов его догадываюсь, что я не в милости у него; он видит во мне главного противника его антиконституционных стремлений и заступника за тех русских [офицеров и чиновников] и болгар, которых он считает красными.

Вчера на разводе государь обошелся очень сухо с послами: никому из них не подал руки, а генералу Шанзи даже высказал строго свое неудовольствие по случаю освобождения Гартмана.

По газетным сведениям, последний открыто объявил себя в Англии главным виновником московского преступления, а английское правительство щедро наделяет его деньгами, чтобы дать ему возможность удрать за океан.

11 марта. Вторник. При докладе моем государь передал мне свои разговоры с болгарским князем и генералом Эрнротом и между прочим упомянул, что князь Александр, в числе многих жалоб на Паренсова, упрекает его в том, что он, будучи болгарским министром, продолжал обращаться ко мне за инструкциями и разрешениями. После докладов, моего и Гирса, я зашел к князю и имел с ним объяснение по поводу переданного мне государем. Я заявил ему категорически, что Паренсов не получил от меня ни единого ответа на его письма, ни единого разрешения, и только раз было ему телеграфировано мною, чтобы он не забывал, что он министр Болгарского княжества. Князь Александр всё это сам признал и удостоверил меня в том, что упреки его относились исключительно к Паренсову. Князь спешил к государю в полной форме, и мы наскоро простились с ним. Вечером он уехал.

Из дворца заехал я к князю Дадиану, чтобы поздравить его с днем 50-летнего его юбилея и назначения генерал-адъютантом. Старик рассыпался в благодарностях и выражениях удовольствия.

В Исаакиевском соборе была панихида по умершему 9-го числа генерал-адъютанту Зеленому. Он умер в Ялте, после долгих и тяжких страданий. Мы были с ним очень дружны; могу сказать даже, что Александр Алексеевич Зеленый был один из весьма немногих моих коллег, с которым я был в приятельских отношениях.

Обедал я у Веры Аггеевны Абазы с Иваном Сергеевичем Тургеневым и Самариным.

15 марта. Суббота. В последние три дня отовсюду получались сведения неутешительные. Китайцы, по-видимому, готовятся не на шутку к войне с нами; начальству трех округов – Туркестанского, Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского – даны по телеграфу приказания готовиться на случай разрыва и быть осторожными на границе. Из Константинополя телеграфируют, что суд над убийцей нашего подполковника Куммерау не приговорил его к смертной казни[80], так что представители всех держав сочли нужным вмешаться в дело и обратились к Порте с коллективным энергичным протестом. Дела по греко-турецкой и черногорской границам не подвигаются вперед.

Вчера я получил два любопытных письма: одно из Бухареста, от полковника Тугенгольда, который изображает в черных

красках настоящее положение дел в Румынии и враждебное настроение против нас. Румынское правительство также решилось усилить свою армию и мечтает воспользоваться предполагаемою войною Германии и Австрии против России, чтобы округлить себя на наш счет. Так-то забывается всё, чем Румыния обязана России.

Другое письмо из Берлина от Сабурова, в ответ на мое письмо, в котором я объяснял ему, почему все упреки князя Бисмарка за дислокацию нашей кавалерии в пограничной с Пруссией полосе нельзя принимать иначе, чем придуманный им предлог к ссоре. Сабуров, признавая вполне верность моих объяснений и, по-видимому, поняв всю неосновательность этих упреков германского канцлера, продолжает, однако же, убеждать меня, что из-за этого пустого предлога могут незаметно для нас родиться серьезные поводы к разрыву.

Хотя в первых разговорах с Сабуровым князь Бисмарк не возобновлял вопроса о нашей кавалерии и даже запретил Швейницу поднимать этот вопрос в Петербурге, однако же Сабуров сам возвратился к нему, желая своими объяснениями окончательно устранить всякое сомнение германского канцлера. Несмотря на то, у Бисмарка, по замечанию Сабурова, не искореняется запавшая злоба. Он видит в расположении нашей кавалерии не столько серьезную опасность для Германии, сколько угрозу с нашей стороны, недоверие к соседу и приписывает эту враждебную, по его мнению, меру, конечно, не самому государю нашему, а тем близким к нему личностям, которым в Германии приписывают неизлечимую германофобию. Личность эта, конечно, русский военный министр. Не знаю, кому я обязан такой репутацией; но что бы я ни делал, уже не выбьешь из головы каждого немца убеждение, что я главный враг Германии и виновник охлаждения между двумя родственными императорами. Вот слова Сабурова: «Бисмарк вас не любит; он считает вас своим настоящим соперником. Он отуманен самыми ложными о вас сведениями, которые я стараюсь и буду продолжать стараться рассеять…» и т. д.

Моему же влиянию приписывает он попытки сближения России с Францией: несмотря на все опровержения, Бисмарк продолжает уверять, что из достоверных источников ему известно, будто генерал Обручев, в бытность свою прошлой осенью во Франции, имел поручение («хотя не от самого правительства») завязать связи с французским правительством, *au moins de sonder le terrain*[81]. Обручев положительно отвергает это ложное показание Ваддингтона, который, по-видимому, хотел выслужиться перед германским канцлером, уверив его, будто отверг предложенный Россией союз. Если это не поклеп на

Ваддингтона со стороны самого Бисмарка, то становится гадко, до чего унизилась ныне Франция.

Сегодня я взял с собою к докладу письма Сабурова и Тугенгольда, а также полученные из Иркутска и Омска телеграммы. Но прежде чем я доложил их государю, приглашен был Гирс, который прочел полученные им от Сабурова более обстоятельные сведения о происходивших у него беседах с Бисмарком. Сабуров нашел в последнем гораздо меньшее желание войти с нами в тесное сближение, чем выказывал он за месяц перед сим. Бисмарк ссылался на встреченное им со стороны австро-венгерского министра (иностранных дел) барона Гаймерле нерасположение к сближению с нами. По уверению германского канцлера, было бы ему легче в прежнее время уладить дело с графом Андраши. Сабуров, как кажется, начинает опасаться неудачи начатых им переговоров, по крайней мере далеко не так верует, как прежде, в чистосердечие Бисмарка и даже пугает нас затаенными замыслами его вести дело к войне. Впрочем, во всей Европе также считают войну между нами и Германией неизбежною. Из-за чего – никто не скажет.

Доклад мой кончился довольно поздно; после того я присутствовал в Академии Генерального штаба при разборе стратегических задач, решаемых офицерами дополнительного курса; а затем в Медико-хирургической академии на пробной лекции доктора Чирьева по физиологии. Это один из немногих удавшихся стипендиатов баронета Вилье. Лекция его была весьма занимательна; масса слушателей, большею частью студентов, держала себя совершенно прилично. Вообще между учащейся молодежью замечается как бы успокоение; давно уже не было никаких скандалов.

18 марта. Вторник. После доклада моего и доклада вместе с Гирсом зашел в Николаевскую залу Зимнего дворца, где выставлены для государя картины Верещагина, наделавшие столько шуму и возбудившие ожесточенные споры между поклонниками его таланта, большею частью ультра-реалистами, и противниками, признающими эти картины не воспроизведением сцен минувшей войны, а профанацией войны, злобною карикатурой того, что составляет гордость и святыню для народного чувства. Действительно, Верещагин, неоспоримо талантливый художник, имеет странную наклонность выбирать сюжеты для своих картин самые непривлекательные; изображать только неприглядную сторону жизни и, вдобавок, придавать своим картинам надписи в виде ядовитых эпиграмм с претензиями на [мизантропическое] остроумие. Так, например, изобразив на трех картинах часового, занесенного снегом и

замерзающего, он над всеми этими изображениями пишет: «На Шипке всё спокойно». На картине, изображающей государя и свиту его под Плевной, в виду кровопролития, он надписывает: «Царские именины». Впрочем, эта надпись, красовавшаяся в Париже, здесь, конечно, исчезла.

Не имея возможности быть на выставке, привлекавшей массы народа, я рад был удобному случаю лично проверить слышанные мною бесконечные толки об этих картинах; и должен сознаться, что, обойдя весь ряд картин, вынес грустное впечатление. Самого художника не было в зале; государь, пожелав видеть картины, не желал видеть самого автора.

Из дворца отправился я в Академию Генерального штаба и вторично слушал чтение задачи одного из выпускных офицеров. Затем сидел в двух комитетах: Кавказском и Комитете министров. Последний продолжался весьма долго, по случаю споров о железнодорожном вопросе. Возвратившись домой в пятом часу, я должен был к 6 часам ехать к обеду во дворец, куда приглашен был вместе с Гирсом и князем Орловым, послом нашим в Париже. Отъезд его оттуда, вслед за прискорбным делом Гартмана, принят в целой Европе за выражение неудовольствия и охлаждения между Россией и Францией, к великой радости князя Бисмарка. Это случайное охлаждение неизбежно повлияет на успех переговоров Сабурова в Берлине. Германский канцлер, успокоенный насчет возможного сближения России с Францией, будет иметь меньше побуждений искать сближения с Россией.

Возвратившись вечером домой, я нашел свой письменный стол заваленным бумагами и телеграммами. С самого утра я не мог подойти к столу, были спешные дела, а тут, как нарочно, меня вызывали в залу слушать пение Прянишникова. Мне пришлось попеременно то слушать музыку и болтовню собравшихся гостей, то урывками работать в кабинете и через это простоять потом за своей конторкой до глубокой ночи.

19 марта. Среда. После заседания Военного совета заехал ко мне князь Орлов. Он передал мне некоторые разговоры свои с князем Бисмарком проездом через Берлин и подтвердил то, что писал Сабуров в последних своих письмах. В Германии приписывают лично мне воинственные стремления, считают меня главным подстрекателем к войне с Германией. Кто и почему сделал мне такую репутацию?

21 марта. Пятница. Утром присутствовал на практических занятиях в Военно-юридической академии, а затем заехал в приготовительные классы Николаевского кавалерийского училища. В 2 часа назначено было у меня совещание о мерах к приведению крепостей наших в бóльшую готовность на случай

войны. Совещание продолжалось за 5 часов. В продолжение его приезжал ко мне министр финансов Грейг, чтобы убедить меня в необходимости, по его политическим соображениям, не приступать в нынешнем году к постройке предположенных новых укреплений в Ковне, Гродне и Осовце. По этому поводу он вошел в пространные рассуждения о наших финансах, о политике и т. д.

23 марта. Воскресенье. Известия из Англии составляют главный предмет разговоров: на выборах в парламент либеральная партия (виги) получила сильное большинство; полагают, что торийский кабинет уступит место либеральному правительству, в котором главными действователями будут Гренвиль, Дерби, Гладстон и Гартингтон. Сегодня на разводе лорд Дефферин с довольным видом напомнил мне, что несколько недель назад он уже пророчил такой исход дела.

Приехал в Петербург наследный принц Мекленбург-Шверинский с прелестной супругой Анастасией Михайловной. После развода я заехал расписаться у них.

24 марта. Понедельник. В 10 часов утра заехал на короткое время в Военно-топографическое училище, где происходят теперь экзамены, а потом, вместо обычного своего приема в канцелярии министерства, отправился во дворец на совещание по вопросу, возбужденному наследником цесаревичем, о развитии добровольного крейсерского флота как главного орудия для нашей борьбы с Англией. По приказанию государя, я прочел вслух записку, составленную для наследника цесаревича капитаном 1-го ранга Барановым под руководством Победоносцева. В совещании присутствовали, кроме великих князей – наследника, Константина Николаевича и Алексея Александровича – министр финансов Грейг, управляющий Морским министерством Лесовский и я. Само собою разумеется, что морякам записка была не по нутру; они объясняли, что и сами постоянно имели в виду в случае войны с Англией действовать посредством крейсеров, но не могут согласиться с мнением, будто Россия должна ограничиться одними только крейсерами, отказавшись вовсе от броненосных судов. В этом отношении они, конечно, правы; в записке Баранова, действительно, заметно некоторое увлечение; но вопрос, который затрагивал наиболее самолюбие моряков и который, между тем, не высказывался гласно, вот каков: будут ли наши новые крейсеры строиться Морским министерством или управлением «Добровольного флота»? Решено было, что второе совещание будет происходить у великого князя адмирала, уже без участия самого государя.

Из дворца поехал я в Государственный совет. После весьма короткого заседания общего собрания происходило заседание

Особого присутствия по воинской повинности. Здесь пришлось мне несколько поспорить с нашим председателем, великим князем Константином Николаевичем. После заседания был разговор о нашем положении в Приморской области и Тихом океане в случае разрыва с Китаем. Из некоторых выражений великого князя заметно, что в голове его уже твердо сидит мысль о перенесении военного порта из Владивостока в залив Ольги. Я доказывал нерасчетливость такого предположения: если находят затруднительным оборонять подступы к Владивостоку, то еще труднее будет оборонять и новый порт, и Владивосток, который все-таки совсем забросить нельзя.

26 марта. Среда. Вчерашний день весь был затрачен на обычные торжества полкового праздника Конной гвардии. Утром доклад, потом церковный парад, завтрак у полкового командира, обед во дворце.

Сегодня, во время заседания Военного совета, получил я приглашение к обеду во дворец. Приглашенных было более обыкновенного: кроме домашних особ царской семьи, были великий князь Владимир Александрович и наследный принц Мекленбургский, оба с супругами, затем граф Адлерберг, Гирс, Тимашев и Литвинов (как дежурные) и я.

27 марта. Четверг. Утром доклад. К часу совещание у великого князя Константина Николаевича, для вторичного [более подробного] обсуждения прочитанной в понедельник записки о развитии крейсерного флота. Приняли участие в совещании: великие князья – наследник цесаревич и Алексей Александрович, – Грейг, Лесовский и я. Спорили до 5 часов и все-таки никакого соглашения не достигли. Моряки, подкрепленные министром финансов, отстаивали свою программу, доказывая необходимость постройки больших броненосцев. Наследник цесаревич спокойно и с видимым хладнокровием поддерживал свою тему и до конца остался при своем. Я, со своей стороны, старался примирить оба крайних мнения, поддерживая необходимость развития средств крейсерства, но в то же время не исключая и необходимости соразмерного числа броненосцев.

По окончании совещания, когда великие князья наследник цесаревич и Алексей Александрович уехали, генерал-адмирал начал мне объяснять новые проекты свои для постройки будущих броненосцев. Оказывается, Морское министерство намерено продолжать и впредь строить нечто вроде «поповок», несколько видоизмененных, по образцу строящейся в Англии императорской яхты (новой «Ливадии»). Великий князь с восторгом говорит об этих измышлениях адмирала Попова и ожидает только результата первых испытаний со строящейся яхтой, чтобы заложить на

наших штабелях громадный броненосец, который должен превзойти все существующие в мире суда, на удивление всей Европе. Страшно подумать, сколько еще миллионов будет потоплено на эти фантазии.

30 марта. Воскресенье. Барон Жомини прислал мне проектированную им инструкцию князю Лобанову по поводу ожидаемой перемены английского правительства. Одобрив этот проект, я сделал только одно замечание: в случае новых соглашений с Англией относительно Афганистана при настоящих обстоятельствах уже было бы для нас невозможно установить демаркационную линию между районами британского и русского влияния по Амударье. Замечание это было принято, указанное мною место инструкции исправлено, а сегодня барон Жомини прислал мне на просмотр дополнительную депешу нашему послу в Лондоне, более обстоятельно развивающую мысль о разграничении означенных районов влияния хребтом Гиндукуша. Мысль эта была высказана мною еще перед отъездом князя Лобанова, при последней его аудиенции у государя.

Сегодня в 10 часов утра ездил я на вынос умершего на днях тайного советника Киттары. Смерть его есть чувствительная потеря для Военного министерства: этот человек как ученый и опытный технолог был весьма полезен нашему интендантству; Киттары обязаны мы введением научного элемента в делах, касающихся довольствия войск.

После печальной церемонии поехал я во дворец по случаю представления государю выпущенных вновь из Академии Генерального штаба офицеров, а затем был, по обыкновению, на разводе.

1 апреля. Вторник. Вчера был приглашен к обеду во дворец. Сегодня, после доклада, был в двух заседаниях: Комитета министров и Комитета по делам польским.

В последние два дня озабочен я более всего семейными делами: в воскресенье вечером, когда разъехались гости, обыкновенно собирающиеся у нас в этот день, младшая дочь моя Елена поразила меня неожиданной новостью: капитан Генерального штаба Гершельман (сын генерал-адъютанта) сделал ей предложение. Во весь вчерашний день семья была в волнении: обдумывали, обсуждали, а вечером решили дать согласие. Сегодня были у нас родители и братья жениха, а вечером, когда молодежь собралась для репетиции пьесы, разыгрываемой на нашем домашнем театре, все гости узнали нашу семейную[82] новость.

3 апреля. Четверг. Вчера после заседания Военного совета посетил я семейство Гершельман и познакомился с матерью и

сестрой жениха. Вечером опять собралось шумное общество молодежи для репетиции театрального представления.

Сегодня после доклада заехал в Министерство иностранных дел и имел продолжительное совещание с Гирсом, бароном Жомини и Мельниковым, в особенности по двум вопросам; во-первых, по так называемому вопросу об Араб-Табии, то есть о разграничении Болгарии с Румынией в окрестностях Силистрии; и, во-вторых, о возобновлении работ по разграничению нашему в Малой Азии. По обоим вопросам, особенно по второму, я старался подстрекнуть наших дипломатов, чтобы не поддавались наглости англичан, которые в обращении с нами позволяют себе возмутительную бесцеремонность.

4 апреля. Пятница. Утром было у меня продолжительное совещание по делу о мерах для обороны восточно-сибирской окраины в случае разрыва с Китаем. В совещании участвовали, кроме лиц Военного министерства, вновь назначенный восточно-сибирским генерал-губернатором генерал-лейтенант Анучин, прибывший на днях из Приморской области тамошний губернатор адмирал Эрдман и начальник инженеров Восточно-Сибирского округа полковник Унтербергер. Военное положение края представляется в неутешительном виде; отсутствие правильной местной администрации, неспособность прежнего главного начальства в Иркутске, скудость всех средств в крае привели дела в такое положение, что трудно что-нибудь сделать в короткое время для защиты этой отдаленной окраины от какого-либо враждебного покушения, даже одних китайцев.

Обедал я во дворце с Гирсом, послом Новиковым и генерал-адъютантом графом Игнатьевым.

7 апреля. Понедельник. В субботу после моего доклада состоялся высочайший смотр в манеже Донскому казачьему № 1 полку, прибывшему на время в Петербург. Вчера на разводе я имел разговор с австрийским послом Кальноки о румыно-болгарской границе; при этом я прямо высказал ему, что весь этот несчастный вопрос Араб-Табии возбужден Австрией. Вечером воскресное общество у меня было многочисленнее, чем обыкновенно; в числе гостей был Иван Сергеевич Тургенев.

Сегодня всё утро провел во дворце по случаю высочайшего осмотра картографических и топографических работ военного ведомства.

9 апреля. Среда. Вчера, после доклада моего и потом вместе с Гирсом, был я у Баранцова, чтобы проведать больного и переговорить по некоторым делам. При мне приехал к нему великий князь Михаил Николаевич. Мы просидели втроем часа два.

Сегодня всё утро провел в разъездах по заведениям, отказавшись и от Военного совета, и от осмотра работ ведомства путей сообщения во дворце. Успел побывать в Инженерной академии и училище, в приготовительных классах Пажеского корпуса и, наконец, в Николаевском госпитале, где обошел несколько палат, а потом присутствовал на экзамене слушательниц медицинских курсов.

11 апреля. Пятница. Вчера после доклада заехал на экзамен в Военно-топографическое училище, потом принимал множество разных лиц по службе, а вечером был на музыкальном вечере во 2-й военной гимназии.

Сегодня утром осматривал некоторые новые образцы повозок для полкового обоза, потом посетил Константиновское училище, а затем был на совещании у великого князя Константина Николаевича по вопросу о мерах обороны Приморской области.

14 апреля. Понедельник. Вчера был полковой праздник лейб-гренадерского полка; по этому случаю утром парад, а потом обед во дворце. Сегодня утром заехал я к великому князю Михаилу Николаевичу с поздравлением по случаю дня рождения великого князя Николая Михайловича, который заболел скарлатиной и отделен от семьи. Потом обычный прием представляющихся и просителей, а затем совещание у великого князя Константина Николаевича по вопросу о новом административном устройстве Приморской области. После продолжительных толков пришли к единогласному заключению о необходимости учреждения особого начальника области по гражданской и военной части, независимо от морского начальства во Владивостоке, остающегося исключительно в звании главного командира над портом.

15 апреля. Вторник. Утром при докладе государь завел речь о записке, поданной вновь наследником цесаревичем о развитии «Добровольного флота», то есть об увеличении числа крейсеров. Его высочество цесаревич высказывается против постройки больших броненосцев, которые (по расчету Морского министерства) должны обходиться не менее 8 миллионов рублей каждый. Государь передал мне для прочтения записку, представленную министерством в подтверждение его плана постройки больших броненосцев с ежегодным ассигнованием чрезвычайного кредита по 8 миллионов в год.

После доклада я остался и при докладе Гирса. Теперь главная забота сосредоточивается на делах черногорских: вероломный, предательский образ действий турок при передаче черногорцам уступленной части территории к стороне Скутари привел наконец всю Европу в негодование. Так же как и по делу убийства

подполковника Куммерау, все представители больших держав в Константинополе действуют единодушно, не исключая даже и Лейярда. Перемена правительства в Англии сильно уже повлияла на отношения между державами, и наше положение заметно улучшилось. Германский канцлер, по-видимому, побуждает Австрию присоединиться к предположенному соглашению нашему с Германией. В своих интимных беседах с Сабуровым, Бисмарк выражается с неудовольствием о Хаймерле, преемнике графа Андраши. К 17 апреля ожидаем прибытия сюда военных депутаций – как из Берлина, так и Вены.

В заседании Кавказского комитета были продолжительные прения в присутствии великого князя наместника кавказского, по двум крупным делам: о сложении с грузинского дворянства старых долгов в Закавказский приказ и об устройстве майората князя Дадиан-Мингрельского. Великий князь почти ничего не говорил; за него поддерживал интересы грузинского дворянства князь Святополк-Мирский против велеречивого министра финансов, поддерживаемого, как всегда, государственным контролером Сольским и (почти всегда) председателем департамента экономии Абазой.

19 апреля. Суббота. В четверг, в день рождения государя, не было никакого празднования по случаю Страстной недели. Я имел обычный доклад, а после представлялись государю военные депутации прусская и австрийская. Во главе первой прислан генерал Тресков, а второй – генерал Рамберг.

Вчера был у меня итальянский посол Нигра; он привозил ко мне рекомендовать назначенного вновь итальянским агентом капитана Вичино Паллавичини. Был у меня также некто Schacher – француз, женатый на русской, владелец значительных фабрик и заводов в России, Румынии и Франции. Он изобрел аппарат для автоматического шифрования секретных телеграмм и депеш. Я пригласил генерала Мещеринова и Величко (специалистов Главного штаба по части шифрования), чтобы показать им замечательный прибор и испытать употребление его. Мы попробовали сравнить действие прибора с обычным нашим способом шифрования. С первого же раза оказалось явное преимущество прибора. Изобретатель оставил в моем распоряжении несколько экземпляров этого остроумного изобретения для дальнейшего испытания.

Вчера же было у меня вторичное совещание по делу обороны Приморской области. Много спорили и разошлись почти в 6 часов.

Сегодня был обычный доклад, после которого меня призвали снова в кабинет государя вместе с министром финансов: он продолжает противиться началу в нынешнем году инженерных работ, предположенных в Ковне, Гродне и Осовце. Видя недоумение, в которое был поставлен государь нашими противоположными взглядами, я решил сделать уступку и согласился отложить начало работ до будущего года, тем более что Грейг уверял, будто подобное наше распоряжение может расстроить его планы по какой-то предпринятой им кредитной операции.

Во дворце, несмотря на Страстную субботу, был сегодня парадный обед для прусской военной депутации. Государь и великие князья, как водится, были в прусских мундирах; никаких тостов не произносили. Австрийской депутации дан обед в другой день.

Собираюсь теперь отправиться снова во дворец на обычную встречу Пасхи.

21 апреля. Понедельник. Сегодня официально праздновался день рождения государя, взамен 17 апреля, который пришелся на Страстной четверг.

Во дворце состоялся опять обед для австрийской военной депутации: точное повторение субботнего обеда.

Утром было у меня опять совещание о мерах обороны Приморской области. Предположения об усилении там войск, о формировании стрелковой бригады и устройстве военных управлений обсуждены во всех подробностях, и теперь остается только редактировать всеподданнейший доклад.

23 апреля. Среда. Вчера после своего доклада присутствовал при докладе Гирса, который, между прочим, представил свою переписку с Сабуровым и доложил о своих разговорах с лордом Дефферином. С переменой английского правительства наши отношения уже начинают заметно улучшаться: германский канцлер [несколько] переменил тон, по-видимому, опасаясь, чтобы сближение наше с Англией не охладило нашего желания сблизиться с Германией. Новое же английское правительство вызывает нас на соглашение по разным стоящим на очереди вопросам, особенно по черногорскому. Ввиду таких благоприятных обстоятельств барон Жомини редактировал новую меморию, в которой напоминает предшествующие бесплодные попытки европейских держав водворить лучший порядок вещей на Балканском полуострове, указывает главную тому причину –

недостаток принудительных мер к исполнению Портой постановлений Европы – и приходит к заключению, что и в настоящее время главные условия Берлинского трактата могут остаться мертвой буквой, если все большие державы не примут действительных мер к принуждению Порты. Такою мерою барон Жомини считает совместное действие на берегах Албании и Эпира морских сил европейских держав, а в случае надобности, и с десантными войсками.

Государь одобрил эту черновую меморию и приказал иметь ее в виду для заявления державам, когда наступит удобный момент, то есть когда выкажется окончательно, какие последствия будет иметь только что предъявленная Порте в Константинополе коллективная нота по черногорскому делу.

Граф Лорис-Меликов заехал ко мне и долго сидел в кругу моей семьи. Он торжествует свою победу над графом Толстым, увольнение которого от должности министра народного просвещения и обер-прокурора Синода произвело всеобщую радость. Известие это мгновенно распространилось повсюду; все ликуют и с любопытством расспрашивают о преемнике его. Предназначается на пост министра народного просвещения тайный советник Андрей Александрович Сабуров – попечитель Дерптского учебного округа, брат посла в Берлине. О нем слышны хорошие отзывы, но говорят, что он человек слабого характера. На место же обер-прокурора Синода назначен Победоносцев, который, по слухам, в восторге от этого назначения. Граф Лорис-Меликов не без больших затруднений достиг своей цели: государь упорно поддерживал Толстого; но вынужден был наконец решиться на удаление министра, умевшего заслужить всеобщую ненависть. Мера эта, несомненно, произведет хорошее впечатление во всей России, и Лорис-Меликову скажут все искреннее спасибо.

Вчера был у нас родственный обед для семейства жениха – Гершельмана.

Сегодня утром ездил я поздравлять именинниц: великих княгинь Александру Иосифовну и Александру Петровну. Обеих я не видел уже давно по случаю их болезненного состояния. И сегодня первая из них не принимала; вторую же я видел во время обедни: она давно уже совсем без ног, ее возят в подвижном кресле. В продолжение обедни она сидела посреди церкви, окруженная плотно теснившеюся толпою всяких старух, стариков и детей, которые по окончании службы подходили к ней и с любовью целовали ее руки, иные же христосовались. Я был тронут этой картиной, особенно при совершенном отсутствии членов великокняжеской семьи; в церкви не было даже ни одного

чиновного лица.

Перед обедом приехал ко мне английский посол толковать о том, как уладить затруднения, возникшие по поводу возобновления работ делимитационной комиссии на азиатской нашей границе. Английский делегат настаивает на том, чтобы приступить неотлагательно к этим работам на месте, начав их с определения пункта новой границы у Караургана. Мы же с Гирсом настаиваем на том, чтобы англичанин приступил к работе на южной половине границы только тогда, когда означенный пункт у Караургана будет окончательно определен первой комиссией, состоящей исключительно из русского и турецкого делегатов. Лорд Дефферин прямо высказал мне, что не видит возможности прийти к какому-либо соглашению с Гирсом, который в подобных вопросах ни на что не решается без меня. После продолжительных объяснений мы наконец пришли, по-видимому, к компромиссу, который удовлетворил английского посла; он намерен сообщить мое предложение своему коллеге.

Был у меня еще барон Кёне, специалист наш по части геральдики. Уже с прошлого года он стремится получить от меня согласие на проектирование нового графского герба. До сих пор я старался под разными предлогами отклонять эти пустяки; но Кёне уверяет, что составление нового герба обязательно, что он обязан представить проект на высочайшее утверждение. Я просил его убедительно избавить меня от заботы сочинять себе герб, и если уже необходимо, чтобы кто-нибудь сочинил его, то чтобы он сам проектировал и притом сколь возможно проще, без всяких вычур и эмблематических затей.

25 апреля. Пятница. Немало был я удивлен сегодня посещением графа Дмитрия Андреевича Толстого, который многие годы не ступал ко мне ногой. Он сказал, что приехал проститься, покидая должность министра, и прибавил, что с радостью прекращает навсегда препирательства со мной. Я дал шутливый оборот его словам, и мы дружелюбно побеседовали с полчаса, как будто всегда были друзьями. Он с цинизмом доказывал неосновательность всех упреков и жалоб против него и его управления. Назначения Сабурова и Победоносцева уже объявлены в газетах.

Вечером был я на музыкальном вечере в 1-й военной гимназии.

26 апреля. Суббота. Граф Коцебу пишет мне, что решился наконец просить у государя увольнения от должности, чувствуя ослабление здоровья. Сегодня же при докладе государь передал мне прошение графа Коцебу и высказал свое намерение заместить его графом Тотлебеном, на место которого назначить графа

Игнатьева. Я выразил сомнение относительно административных способностей графа Тотлебена и пригодности его для Варшавы, заметив притом, что ему было бы, вероятно, сподручнее находиться в Вильне, поблизости от своих имений, тогда как Альбединский, по моему мнению, более соответствовал трудному посту правителя в Царстве Польском. Вместе с тем я напомнил о генерале Дрентельне, которого жаль оставлять долго в бездействии и который, вероятно, принял бы охотно пост в Одессе. Государь возразил, что Тотлебену уже объявили о предстоящем перемещении его в Варшаву; что этот пост особенно важен в военном отношении; но что во всяком случае, прежде решения вопроса, он посоветуется с министром внутренних дел и некоторыми другими лицами.

27 апреля. Воскресенье. Утром ездил я расписаться в Аничковом дворце по случаю дня рождения одного из детей наследника. Развод и осмотр новобранцев отменили по ненастной погоде; но в половине второго я был приглашен во дворец вместе с графом Валуевым, графом Лорис-Меликовым и Маковым. Предметом совещания было замещение графа Коцебу; сегодня государь уже не так положительно, как вчера, выражал намерение свое назначить графа Тотлебена в Варшаву, а допускал возможность назначения его в Вильну; но приказал вызвать сюда Тотлебена, чтобы лично переговорить с ним. О назначении в Одессу графа Игнатьева уже не было речи, а возникла мысль об учреждении временного генерал-губернаторства в Поволжье, чтобы граф Игнатьев, по примеру прошлого года, был сначала назначен временным генерал-губернатором в Нижний на время ярмарки, а по окончании переместился бы в Казань.

По поводу всех этих соображений граф Валуев вздумал высказать свое мнение в том смысле, что в случае назначения Тотлебена в Варшаву было бы весьма нежелательно, чтобы он взял с собой тайного советника Панютина, оставившего по себе нехорошую память как в Варшаве, так и в Вильне. С этим мнением вполне согласны были и Лорис-Меликов, и Маков. Но государь, переменив мгновенно тон, строго спросил: «Почему это?» Когда же граф Валуев заметил, что Панютин слишком крутого нрава, то государь с еще большею строгостью сказал: «Это-то и нужно с поляками». Затем он начал объяснять свой взгляд на систему действий относительно Польши. После исторического вступления, начиная со времен Александра I и до последней польской смуты, государь резюмировал свою систему так: «Я знаю вполне, что поляков нельзя никогда сделать русскими; я этого и не добиваюсь; но надобно, чтобы управление в Польше было русское, и я, пока жив, не переменю своей

политики». Государь напомнил, что было сделано в его царствование для Польши, о миссии моего брата Николая и, в заключение, сказал: «Я желаю, сколько возможно, улучшить быт народа в Царстве Польском, но не допущу ни малейшего послабления в правительственной системе». Тем кончилось совещание.

Когда мы вышли из кабинета государя, я заметил графу Валуеву, что напрасно он употребил в отношении Панютина выражение «крутого нрава»; не столько крут его нрав, сколько ограничен его разум; Панютин, просто говоря, самодур и притом желающий выслуживаться. Как в Варшаве, так и во всяком другом месте он вреден не по своей крутости, а по узости понятий и односторонности. Благодаря этим свойствам его и при ограниченности ума графа Тотлебена из Одессы высылаются сотни людей в другие местности России только потому, что они кажутся «неблагонадежными». Как будто с переменою места жительства они перестанут быть неблагонадежными. Эта система административной высылки, доведенная в последние годы до крайности, всегда казалась мне какою-то несообразностью.

29 апреля. Вторник. После моего доклада Гирс доложил государю о полученной от английского посла ноте, которою новое английское правительство приглашает большие державы к коллективному действию для принуждения Порты к исполнению условий Берлинского договора. Нота еще переводится, а потому пока невозможно и рассуждать, в каком смысле ответить.

По случаю дня рождения великого князя Сергея Александровича принимал он после обедни поздравления.

30 апреля. Среда. Судя по газетным известиям, дела в Албании принимают угрожающий оборот. Можно опасаться возобновления общей передряги на Балканском полуострове.

К обеду был я приглашен во дворец с Гирсом, Маковым и приехавшим с Кавказа генерал-адъютантом Свистуновым.

2 мая. Пятница. Утром ездил с поздравлением к великому князю Владимиру Александровичу. Вечером был у меня граф Тотлебен, только что приехавший из Одессы. Он рассказывал мне многое о своих распоряжениях и, между прочим, о распоряжениях по университету, в котором все беспорядки он приписывает вине начальства и неспособности попечителя Голубцова. По настоянию Тотлебена граф Толстой сменил Голубцова, но перевел его попечителем же в Киев; как будто там он будет менее неспособен. [Дело в том, что Голубцов управляет имениями графа Толстого.]

3 мая. Суббота. После моего доклада государь принял графа Тотлебена, но, по-видимому, колебался еще, которое из двух мест предложить ему: в Варшаву или в Вильну. В 12 часов назначен

был большой смотр войскам: государь сел верхом у собственного подъезда и проехал сначала мимо всей артиллерии, стоявшей на Дворцовой площадке и вдоль набережной до самого Летнего сада; затем по саду выехал на Марсово поле к правому флангу войск, стоявших на плацу. Смотр удался вполне; погода была прекрасная. После парада был обычный завтрак у принца Ольденбургского.

Сегодня я был приглашен к обеду у английского посла, но незадолго до обеденного часа получил другое приглашение – во дворец. Кроме меня, были за обедом граф Тотлебен и Гирс. Выйдя из-за стола, государь уселся с Тотлебеном у углового окна, из которого открывается прекрасный вид на Неву, поговорил с ним несколько минут и потом, подозвав меня, объявил о своем решении: Тотлебена назначить в Вильну на место Альбединского, которого переместить в Варшаву; в Одессу же назначается Дрентельн. Таким образом, всё уладилось так, как мы желали с Лорис-Меликовым и Маковым. Думаем, что Альбединский, со своею ловкостью и гибкостью, лучше справится в Варшаве, чем узковзглядный Тотлебен. Однако же кажется, по разным приметам, что сам Тотлебен не совсем польщен назначением в Вильну. Пост в Варшаве, по-видимому, более льстил его честолюбию и тщеславию. Но он покорился воле государя, утешая себя удобством Вильны для его домашней обстановки, так как его возлюбленное имение в Кейданах будет под рукой.

6 мая. Вторник. Сегодня собрал я у себя начальников здешних военно-учебных заведений среднего разряда и инспекторов классов, чтобы в присутствии главного начальника генерал-адъютанта Исакова передать им свои замечания к рассмотренным мною письменным ответам выпускных учеников (VII классов) на испытаниях по математике, русскому и иностранным языкам. Вообще я остался недоволен этими работами; результаты усиленных и многолетних трудов для поднятия учебной части в наших общеобразовательных военно-учебных заведениях оказываются, к крайнему моему сожалению, неблестящими. С некоторым удивлением я должен был признать, что из пяти петербургских заведений означенной категории лучшие письменные ответы – в VII классе Пажеского корпуса; а всех слабее – в 1-й военной гимназии.

В прошедшее воскресенье я был приглашен осмотреть механическую выставку Технического общества в так называемом Соляном городке. Председатель общества Кочубей с любезностью показывал мне самые любопытные из выставленных новых машин и аппаратов. Более всего интересны были осветительные аппараты Яблочкова (с которым я здесь и познакомился),

электрические машины Теплова и особенно электромагнитные опыты Крукса, составляющие современную новость в науке.

8 мая. Четверг. Положительно можно сказать, что «наш политический горизонт проясняется». Новое английское правительство заискивает перед нами. Лорд Гренвиль говорит князю Лобанову, что Англия не намерена посягать на независимость Афганистана и готова признать владетелем даже Абдурахмана, хотя он и считается преданным России. В то же время Гренвиль заявил персидскому посланнику, что новый кабинет не намерен продолжать переговоров об уступке Персии Герата на враждебных России условиях; что, напротив, Англия желает в отношении Персии действовать заодно с Россией. В таком же смысле поручено и лорду Дефферину высказать при первом удобном случае лично государю.

По делам Балканского полуострова новое английское правительство также с первых шагов своих показывает желание действовать энергично для принуждения Порты к выполнению условий Берлинского трактата, но не особняком, а совместно со всею Европой. Таким образом, либеральное правительство как будто хочет возвратиться к нашей политике 1876 года и поправить ошибку, которая была тогда сделана консерваторами и которая стала исходной точкою всех дальнейших политических усложнений в Европе.

При сегодняшнем моем докладе разрешено государем несколько довольно значительных вопросов: об увольнении графа Коцебу от должностей варшавского генерал-губернатора и командующего войсками Варшавского округа; о перемещении на место его генерала Альбединского, а на место последнего в Вильну – генерала Тотлебена; о назначении на место последнего в Одессу генерала Дрентельна; об увольнении генерала Зурова от должности петербургского градоначальника; о назначении генерал-майора Тихменева военным губернатором Приморской области, а генерал-майора Красовского – начальником новоформируемой Восточно-Сибирской стрелковой бригады.

Сегодня же утвержден государем коллективный доклад мой с министром финансов и государственным контролером об упразднении существующих в Одессе разных комиссий по делам бывшей действующей армии и перенесении всех этих дел в Петербург, где следственная часть отойдет в ведение военно-судебного ведомства, а расчетная сосредоточится в независимой от Военного министерства комиссии под председательством тайного советника Старицкого. Вся эта новая организация комиссий решена по инициативе его же, Старицкого, и по взаимному соглашению между Военным министерством и

государственным контролером. Я, со своей стороны, очень доволен тем, что устраняю себя от непосредственного вмешательства в неприятные расчетные дела, завещанные жалкой и беспорядочной администрацией бывшей действующей армии.

После доклада я присутствовал на выпускном экзамене Военно-юридической академии, а затем были у меня генерал Альбединский, вызванный сюда по случаю предстоящего перемещения его в Варшаву, великий князь Михаил Николаевич, по случаю отъезда его в Тифлис, и еще многие другие лица.

9 мая. Пятница. Утром ездил я в Соляной городок, где показывали мне для сравнения образцы легких железных дорог француза Дековиля и нашего маститого заводчика Мальцова. Потом долго присутствовал на экзаменах в Инженерной академии и Инженерном училище, а после – в Пажеском корпусе. В настоящий сезон экзаменов во всех учебных заведениях приходится мне посещать их чаще обыкновенного.

Вечером был я на станции Московской железной дороги, чтобы проститься с великим князем Михаилом Николаевичем.

Государь собирается переехать в Царское Село; но переезд откладывается со дня на день, частью по причине холодной погоды, частью[83] потому, что состояние императрицы становится всё хуже и хуже.

13 мая. Вторник. В прошедшую субботу государь переехал в Царское Село, несмотря на холодную и дождливую погоду. Императрица, всё в том же безнадежном положении, остается с младшими сыновьями в Зимнем дворце. Сегодня первая моя поездка в Царское. Дворец Царскосельский показался мне еще более угрюмым, чем в прежнее время: все подъезды, кроме церковного, заперты, ворота в сад заперты; везде кишат городовые, полицейские, переодетые мушары[84]. Государь удерживал меня к обеду, но я отпросился по случаю предстоящей завтра свадьбы мой дочери. В доме суета, хлопоты.

14 мая. Среда. Свадьба моей дочери Елены. День тяжелый в отношении физическом [материальном] и еще более – в нравственном. После раннего обеда молодые уехали в деревню.

В прошедшую ночь окончен суд над одиннадцатью обвиненными в государственном преступлении: двое из них (Михайлов и неизвестный, называющий себя Сабуровым) приговорены к смертной казни, прочие же, в том числе доктор Веймар и несколько женщин, – к каторжным работам. [Во время вечернего заседания, когда был дан на несколько минут перерыв, произошел немалый скандал: исправляющий должность шефа жандармов генерал-майор Черевин, известный своей склонностью к веселой жизни, приехав в суд с какого-то обеда, позволил себе в

нетрезвом виде неприличные шутки с подсудимыми и вызвал с их стороны дерзкие выходки. Можно ли ожидать хороших результатов, когда такие должности, какова должность заведующего секретной полицией, вверяется подобным легкомысленным личностям?]

15 мая. Четверг. Утром ездил в Царское Село: доклад свой докончил в вагоне на обратном пути в Петербург. Государь приезжал в город часа на два, чтобы посетить больную императрицу.

У Александра Аггеевича Абазы было совещание по поводу записки, поданной государю генерал-адъютантом графом Барановым относительно дальнейших работ высшей комиссии по железнодорожному делу. В совещании участвовали, кроме меня, министры путей сообщения и финансов, государственный контролер, графы Баранов и Лорис-Меликов. По своему обыкновению Посьет отвергал предположения комиссии, считая их незаконным вмешательством в специальный круг действий Министерства путей сообщения. Все прочие участники совещания доказывали ему, что железнодорожное дело не есть исключительная специальность одного этого министерства, а дело общее, государственное, затрагивающее разнородные интересы народа и правительства. Все наши аргументы, конечно, не могли успокоить раздражения Посьета против ненавистной ему комиссии графа Баранова. Тем не менее председатель благодаря своему примирительному и мягкому характеру привел к соглашению насчет редакции окончательного нашего заключения, устранив предрешение всяких частностей, наиболее возбуждавших разномыслие.

Прямо с совещания граф Лорис-Меликов приехал ко мне на скромную семейную трапезу.

19 мая. Понедельник. В прошедшую пятницу утром заехал я к князю Горчакову, считая приличным проститься с ним перед отъездом его за границу. За два дня до того он еще выезжал и был у государя, который был удивлен его бодрым и здоровым видом. Но в пятницу я не видел уже канцлера; мне сказали, что он снова занемог; а впоследствии узнал я, что в ту самую ночь с бедным стариком приключился весьма прискорбный случай: он вдруг впал в старческое расслабление рассудка (*dementia senilis*), разбудил своего камердинера, велел ему осветить комнаты и сел с ним играть в карты, но без карт, в воображении. Потом, в продолжение дня, он называл все предметы тою или другою картою.

В субботу, когда я возвращался из Царского Села с государем, Гирс доложил о странном болезненном перевороте в голове князя

Горчакова, но вместе с тем привез от него письмо на имя государя, написанное им в то же утро, совершенно складно и разумно. Тем не менее мания карт возвращалась к нему при каждом случае.

Его уговаривали отказаться от поездки за границу, но старик упорно настаивал и сегодня утром уехал в сопровождении сына Михаила (посланника в Мадриде) и врача. Он непременно хочет представиться императору Вильгельму и видеться с Бисмарком. Желательно, чтобы не допустили его до какого-нибудь скандала. Печальный будет эпилог для такой блестящей биографии.

С отъездом князя Горчакова значительно облегчилось трудное положение Гирса, который избавляется от необходимости исполнять личные приказания государя украдкой от своего прямого начальника, дабы не раздражать старика и беречь его, как балованного ребенка. Но в сущности роль [скромного] Николая Карловича едва ли изменится. Государь уже привык смотреть на себя как на настоящего министра иностранных дел, и, без сомнения, Гирсу останется, по-прежнему, скромная роль секретаря, на котором лежит редактирование депеш по указаниям государя, да по временам личные объяснения с иностранными дипломатами.

Такой способ ведения иностранной политики лично самим монархом представляет большие неудобства и опасность. Даже и при мягком, нерешительном характере императора Александра II, вообще недоверчивого к другим и к самому себе, дела ведутся не путем спокойного обсуждения, а под влиянием минутных, случайных впечатлений. Наскоро прочитанная государем депеша, возвращаемая в министерство с собственноручными высочайшими отметками, часто предрешает направление дела даже без личного доклада министра или заместителя его. Но и при личном докладе не всегда бывает возможно обсудить вопрос с достаточным спокойствием и основательностью, не всегда докладчик (особенно такой скромный, каков Николай Карлович Гирс) может высказать свое мнение с полною откровенностью и независимостью. Поставленное наскоро решение приводится в исполнение, и за последствия никто ответственности не несет.

20 мая. Вторник. Вчерашнее заседание Государственного совета было последнее перед наступлением летнего перерыва.

Сегодня, приехав по обыкновению в Царское Село рано утром, я остался на станции, чтобы докладывать государю в вагоне, на пути в Петербург. Поезд был назначен в 10 часов утра, ранее обыкновенного, по случаю именин великого князя Алексея Александровича. Возвратившись в Петербург, я должен был немедленно облачиться в парадную форму и ехать во дворец к

обедне, чтобы поздравить именинника. Там видел только что приехавшую греческую королеву Ольгу Константиновну и сыновей ее, которые уже большие мальчики. Королева недавно разрешилась шестым уже ребенком, но остается всё по-прежнему моложавою и цветущею. С ней приехал тот же адмирал, с которым я познакомился в Ливадии, но фрейлина другая – весьма некрасивая. Та красавица, которая так забавляла нас в прошлом году в Ливадии своими наивными выходками, как говорят, совсем потеряла рассудок.

К обеду приехали к нам из деревни наши молодые, счастливые и веселые.

21 мая. Среда. Почти весь день провел вне дома: утром ездил поздравить августейшего именинника великого князя Константина Николаевича, который показался только на минуту в приемной комнате, перед самой обедней. Зато великая княгиня Александра Иосифовна, несмотря на свою слабость после продолжительной болезни, и королева Греческая очень любезно обошли всех собравшихся для поздравлений. Великую княгиню я не видел с весны прошлого года, со времени пребывания ее в Ливадии.

К полудню вся наша семья собралась на новоселье к юной чете, на пирог по случаю именин молодой. Потом заседание Военного совета и семейный обед у родителей молодого.

22 мая. Четверг. Печальный день: императрица кончила свою мученическую жизнь.

Обыкновенным порядком я отправился утром в Царское Село; но, прибыв туда, на станции узнал, что государь только что отъехал на экстренном поезде по случаю полученного известия о кончине императрицы. Немедленно же я возвратился в город, где получил приказание приехать в Зимний дворец. Был уже 12 час, когда я вошел с докладом к государю. Он был печален, в нервном состоянии, но имел терпение выслушать мой обычный доклад, хотя с несколькими перерывами. Присутствовал при докладе и наследник цесаревич.

Государь передал мне то, что ему рассказали о кончине императрицы: никто не был при ней в самый момент смерти; неотлучная ее камер-фрау Макушина, войдя в спальню в девятом часу утра, нашла уже бездыханный труп. Можно полагать, что больная кончила жизнь спокойно, без агонии, как бы заснула. При мне Макушина принесла показать государю разные перстни и ожерелья, которые покойная государыня обыкновенно носила на себе. Государь сам разобрал эти вещи, распорядился, которые надеть на покойницу, другие пожелал сохранить у себя на память.

Доклад мой протянулся до исхода первого часа, когда уже

съезжались во дворец все члены царской семьи на первую панихиду.

23 мая. Пятница. Утром ездил я во дворец поклониться праху усопшей императрицы. Тело еще покоится на постели в спальной; публика пока не допускается; приходят только немногие из людей близких. С чувством сердечной скорби приложился я к холодной руке покойницы, лицо ее необыкновенно благообразно, выражение совершенно спокойное. Вид ее тем более поразил меня, что я не видел покойную императрицу с августа прошлого года. И тогда она имела вид печально-болезненный, крайне истомленный, а с тех пор, конечно, еще много выстрадала. Я был глубоко растроган, увидев перед собою бездыханный труп женщины, которая в последние годы внушала мне, поистине, чувство благоговейного почтения. [Это была святая женщина в нравственном отношении и вместе с тем высокого ума и образования.] Она имела благотворное влияние на всю семью, для которой кончина ее будет очень чувствительной утратой. И мы все, близко знавшие обстановку двора, будем нередко вспоминать и скорбеть об отсутствии усопшей.

24 мая. Суббота. Утром в обычный час доклад в Зимнем дворце; около полудня торжественное перенесение тела усопшей императрицы из спальной ее в Большую дворцовую церковь. Вечером опять съезд во дворец к панихиде.

Железнодорожное дело получило неожиданно скорое разрешение: несмотря на сопротивление Посьета, отказавшегося подписать журнал бывшего совещания, государь утвердил этот журнал. Возможно ли после этого министру оставаться на своем месте? Граф Лорис-Меликов уже заговорил о приискании кандидата для замещения Посьета и называет Обручева. На вопрос Лорис-Меликова я ответил, что считаю Обручева способным занять любое место в высшей администрации.

К погребению императрицы ожидают приезда многих иностранных принцев и депутаций. Между прочими приезжает завтра германский наследный принц с многочисленною свитой; затем великий герцог Саксен-Веймарский, принц Александр Гессенский и его сын князь Болгарский.

25 мая. Понедельник. С утра погода дождливая, сильный ветер, на воде почти буря. Несмотря на то, процессия перенесения тела покойной императрицы в Петропавловскую крепость совершилась вполне удачно; к полудню дождь прекратился, на несколько минут даже выглянуло солнце. За колесницей с гробом ехал государь верхом, в мундире Лейб-кирасирского ее величества полка; за ним, также верхом, наследный германский

принц эрцгерцог Вильгельм и принц Александр Гессенский, а затем свита государева; вся же царская семья (мужского пола) шла пешком. При самом входе процессии в крепость государь и мы сошли с коней, и тут мне удалось обменяться приветствиями с приезжими иностранными принцами.

Вечером я был наряжен в число дежурных при гробе с 8 до 10 часов; простояв час до панихиды, потом всю панихиду и после, я был сменен только в 11 часов князем Воронцовым, который не получил своевременно повестки о дежурстве. И не он один был в том же положении; общая жалоба на беспорядок и нераспорядительность в церемониальной комиссии. Когда в 12 часу ночи я возвращался домой, у входа в крепость уже собралась толпа народа; в крепость впускали только небольшими группами.

27 мая. Вторник. Доклад обычным порядком в Зимнем дворце, – сначала военный, а потом вместе с Гирсом. Еще с вечера получил я от германского наследного принца приглашение быть у него в 11 часов утра, но доклад мой окончился не ранее 11½ часов. Принц, уже совсем одетый, встретил меня в своей приемной. Я извинился, что опоздал, и мы вошли в гостиную. После нескольких обычных фраз, сказанных принцем стоя, он вдруг, *abrupto*[85], озадачил меня таким неожиданным и странным вопросом:

– Dites moi, cher comte, est-ce vrai que vous êtes ennemi de l'Allemagne et que vous voulez nous faire la guerre?

– J'espère que Votre Altesse n'y croit pas, car il faut être un idiot pour vouloire faire la guerre à l'Allemagne, surtout dans les circonstances actuelles[86].

Принц улыбнулся и, пригласив меня сесть, начал говорить о необходимости поддержания и на будущее традиционной дружбы между Россией и Германией. Я ответил, что в этом вполне убеждены у нас все люди, сколько-нибудь обладающие здравым смыслом; что если в Германии так распространилось убеждение во враждебном к ней настроении России, то главным образом способствовала тому журнальная полемика, которая постоянно раздувает и преувеличивает всякое возникающее в политике недоразумение. К этому прибавил я, что и созданной мне репутацией германофоба обязан я той же прессе, особенно нашим балтийским немцам.

Слова эти были поняты принцем совсем в ином смысле, чем были мною высказаны. Он начал было отрицать всякие помыслы Германии в отношении прибалтийских наших губерний; конечно, я поспешил объяснить, что об этом не могло быть и речи, что, упомянув о балтийских немцах, я имел в виду исключительно их нерасположение ко мне лично, так как в вопросах внутренней

политики относительно Прибалтийского края стою открыто и неуклонно за объединение государства и, следовательно, являюсь противником всяких притязаний остзейских баронов на сохранение средневековых феодальных привилегий. На этом должен был оборваться наш разговор, так как принц спешил к государю на завтрак и, прощаясь со мною, выразил твердую надежду на сохранение между Россией и Германией лучших отношений.

К часу пополудни поехал я в крепость на панихиду, а по окончании службы оставался на дежурстве при гробе до 4 часов. Жена моя также дежурила и вчера, и сегодня; дочь Елизавета больше времени проводит в крепости, чем дома. Сегодня прибыл князь Александр Болгарский, а вчера – герцог Альфред Эдинбургский и великий князь Михаил Николаевич. Также прибыли депутации шведская и французская; во главе последней – сам посол Шанзи, возвратившийся из отпуска. Опоздали к погребению баварский принц Арнульф и итальянская депутация.

29 мая. Четверг. Вчера совершился обряд погребения императрицы с обычною торжественностью, в присутствии многочисленных иностранных принцев и депутаций. Вскоре после печальной церемонии государь уехал в Царское Село. Сегодня я ездил туда с докладом. В отсутствие мое заезжали ко мне великий князь Михаил Николаевич, баварский принц Арнульф, герцог Эдинбургский и князь Болгарский. Завтра предстоит отдать им всем визиты.

30 мая. Пятница. Сегодня, в девятый день после кончины императрицы, был опять съезд в Петропавловский собор на панихиду. Заезжал к принцу Арнульфу, герцогу Эдинбургскому и князю Александру. У последнего просидел я около получаса; опять жалуется на свое будто бы унизительное положение перед полномочным народным собранием и в то же время озабочен мыслью о возможности движения в Восточной Румелии, с целью соединения с Болгарией. Князю, как кажется, улыбается перспектива стать во главе этого движения; но рядом с честолюбием заметны неуверенность в своих силах и сознание недостаточности средств. Впрочем, князь Александр теперь гораздо спокойнее духом, чем был в прежний свой приезд в Петербург; он отзывался с похвалою о генерале Эрнроте и русских офицерах.

После панихиды было у меня много посетителей, в том числе бельгийские офицеры, прибывшие сюда по случаю погребения.

31 мая. Суббота. Утром был в Царском Селе. После моего доклада присутствовал при докладе Гирса. Отношения наши с Англией становятся всё более дружественными. Сабуров,

приезжавший также в Царское, чтобы откланяться перед возвращением в Берлин, уже менее прежнего хлопочет о своих тайных соглашениях с Бисмарком. Он сам говорит, что при теперешнем положении дел уже нет особенной нам выгоды настаивать на восстановлении тройственного союза.

По возвращении в Петербург нашел у себя ожидавших меня французских офицеров, прибывших с генералом Шанзи в качестве чрезвычайной депутации. В числе их приехал и старинный наш приятель Гальяр, уже в генеральских эполетах.

4 июня. Среда. В последние дни ничего примечательного. Город пустеет; все приезжие по случаю погребения императрицы разъехались; завтра уезжает великий князь Михаил Николаевич, с которым сегодня я имел продолжительный разговор о разных делах по Кавказу. Наступает летний застой в делах; всякий старается под каким-нибудь предлогом вырваться из столицы. Доклады мои государю я должен почти каждый раз сокращать, откладывая всё, что не слишком спешно. Иногда доклад назначается на переезде из Царского Села в Петербург, как например, вчера. У государя заметно утомление, скука; он мало интересуется делами.

23 июня. Понедельник. Более двух недель не раскрывал своего дневника. Не было ничего примечательного ни в политических делах, ни в личной моей обстановке. День проходил за днем; ездил я с докладами в Царское Село, раза два оставался там к обеду. Правда, дипломатическая переписка за это время продолжалась с прежнею интенсивностью; даже стала плодовитее за последние два месяца; но в существе дела мало подвинулась вперед. Берлинская конференция окончилась благополучно: новая граница Греции определена единогласным приговором шести держав; но никто не доверяет осуществлению этого решения европейского ареопага. Порта открыто, с некоторым нахальством, протестует против этого решения и заявляет заранее, что воспротивится ему даже силою оружия. Неужели снова Европа стерпит такой позор?

Когда же князь Лобанов в своей беседе с Гренвилем выразил лично мнение о необходимости поддержания Европы не только морской демонстрацией, но десантом силою не менее 20 тысяч человек, то одно это личное мнение его уже произвело повсюду переполох. Берлинская конференция открыла Европе неожиданный для нее факт: Россия не только не относится враждебно к Греции, но, напротив, покровительствует ей искреннее и настоятельнее, чем державы, которые до сего принимали на себя официальную роль покровительниц.

Сегодня государь ездил в Кронштадт смотреть суда,

отправляющиеся в Тихий океан. Смотр этот был назначен еще в прошлую пятницу; но был отложен по случаю зубной боли у государя. Крейсер «Добровольного флота» «Россия» с войсками, назначенными для образования в Приморской области стрелковой бригады, не мог дожидаться долее и отплыл по назначению. На смотру же сегодня были только крейсер «Европа» и клипера «Пластун» и «Стрелок». Начальником всей эскадры, собирающейся в Тихом океане, назначен адмирал Лесовский, который вместе с тем увольняется от должности управляющего Морским министерством.

Кроме русских судов, государь посетил стоявшие на Кронштадтском рейде иностранные военные суда – итальянское и шведское. Так как осмотр флота кончился довольно рано, то я предложил государю посетить один из вновь отстроенных фортов; тот, которого его величество еще не видел в оконченном виде, – форт № 3, или Башенный. Государь, обойдя форт, обратился ко мне и приказал назвать этот форт моим именем.

27 июня. Пятница. Вчера после доклада я остался в Царском Селе к обеду. Опять стол был накрыт на террасе между дворцом и Камероновской галереей. Приглашены были княгиня Барятинская с дочерью, Грейг и граф Адлерберг.

Сегодня ездил в Красное Село, потому что ровно в полдень прибыл государь из Царского Села. После лагерного развода в Преображенском полку был объезд всего лагеря; затем я завтракал у государя, заехал к дочери моей Гершельман и возвратился к обеду в Петербург. Погода жаркая; порядочно устал.

28 июня. Суббота. После доклада в Царском Селе ездил я в Павловск, где было назначено, под председательством великого князя Константина Николаевича, совещание о том, какая инструкция должна быть дана генерал-адъютанту Лесовскому, начальнику русской эскадры в Тихом океане. В совещании приняли участие, кроме меня, Гирс, Бютцов, Лесовский и вновь назначенный управляющим Морским министерством адмирал Пещуров. На обсуждение предложен был вопрос: какой образ действий может быть допустим для нашей эскадры в случае разрыва с Китаем против китайских берегов и портов – при условии нанесения наименьшего ущерба европейским интересам в тех морях? Исходным пунктом служило заявление Гирса о разговоре, который он уже имел по этому предмету с лордом Дефферином. Прочитано было мнение нашего специалиста по международному праву Мартенса. Вопрос настолько выяснился, что не оказалось разномыслия и положено составить записку совместными силами министерств иностранных дел и морского.

По последним сведениям, полученным из Китая, можно полагать, что настроение тамошнего правительства становится менее воинственным. Есть известия, будто бы Чун Хоу, приговоренный к смертной казни, помилован, как бы в угоду России[87]. Кояндер[88] пишет от первых чисел мая, что английский посланник применяет все старания, чтобы отклонить китайцев от войны, и для того запугивает их. Можно надеяться, что когда китайцы увидят развитие наших сил на море и на сухом пути, воинственный их пыл несколько укротится. Тем не менее принимаемые нами меры должны приводиться в исполнение энергично.

В Константинополе положение дел не обещает ничего хорошего. Порта хитрит и, видя в первый раз единодушное действие Европы, выразившееся в коллективной ноте, пытается теперь задабривать и Россию, и Англию, чтобы войти в отдельные с ними договоры и расстроить единство европейской политики. Султану пришла еще более странная мысль: не решаясь казнить убийцу подполковника Куммерау и получив несколько уже отказов от русского императора на просьбу о помиловании преступника, султан вздумал теперь просить, чтобы этого фанатика отправить в Россию и там снова подвергнуть врачебной экспертизе. Само собой разумеется, что предложение это отвергнуто.

В последние дни прочел я статью, помещенную в двух книжках французского ежемесячного издания «La nouvelle revue» под заглавием «La guerre russo-turque». Статья эта возбуждает много толков своим тенденциозным содержанием: это панегирик великому князю Николаю Николаевичу, написанный как будто под его диктовку. Чтобы выставить его великим полководцем, вся вина неудач в последнюю войну сваливается на государя, Военное министерство, князя Горчакова. Приводятся такие подробности, которые не могли быть никому известны иначе, как из рассказов самого великого князя, например – разговоры его с государем. Но все эти факты извращены и [тенденциозно] перетолкованы. Я нашел статью до такой степени возмутительной, что намерен, если только буду иметь небольшой досуг, набросать кое-какие материалы для составления опровержения.

1 июля. Вторник. Вчера в Петропавловском соборе была панихида по случаю сорокового дня после кончины императрицы, а сегодня в Красном Селе праздновалось 50-летие со времени зачисления государя в Кавалергардский полк. Наличные и прежние кавалергарды поднесли государю серебряную статуэтку императрицы Александры Федоровны. Блестящий праздник будет стоить немало и, вероятно, для многих из офицеров окажется не

по карману. Я не мог воздержаться от выражения перед великим князем Николаем Николаевичем сожаления о том, что в гвардии так пренебрегают не раз повторенными приказами по военному ведомству о воспрещении всяких подписок и складчин между офицерами. Но замечания эти ни к чему не ведут; мне всегда отвечают одно: да, это правда, но ведь государь любит это.

8 июля. Вторник. Сегодня после доклада остался в Царском Селе по случаю приглашения к обеду. За столом были великий князь Алексей Александрович (только что возвратившийся из поездки в Лондон и Штутгарт), граф Лорис-Меликов, Гирс и я. Прочие наличные члены царской семьи (великие князья Сергей и Павел и герцогиня Эдинбургская) заключены в карантин по случаю кори; но дети герцогини всё время бегали и играли вокруг обеденного стола. Главным предметом разговора было прискорбное известие об убийстве вблизи от Филиппополя госпожи Скобелевой, матери нашего героя. Прискорбно в особенности, что убийцами оказываются, как пишут, черногорцы под предводительством русского офицера подпоручика Узатиса, который прежде служил в саперах, отличался храбростью в последнюю кампанию, был под особенным покровительством генерала Скобелева и награжден орденом Святого Георгия. По окончании войны он поступил на службу в Восточной Румелии в звании инженер-капитана. Когда убийцы были схвачены, Узатис тут же застрелился. Непонятно, что побудило русского офицера к такому гнусному преступлению. Надобно выждать результата расследования.

Политические дела не представляют пока ничего решительного: всё продолжаются переговоры между кабинетами о мерах для принуждения Порты к исполнению решений Европы по греческому и черногорскому вопросам. Англия до сих пор ведет дело добросовестно, по-видимому, с искренним желанием достигнуть результатов. Во всем мы с нею соглашаемся и готовы на меры решительные. Напротив, в Париже и Вене не очень желают применения насильственных мер; особенно боятся их в Вене; в Берлине же прямо говорят, что Германия не имеет своих интересов на Востоке. Италию все подозревают в своекорыстных тайных сношениях с албанцами.

Сегодня Гирс докладывал государю о любопытных заявлениях, сделанных ему английским послом о предлагаемом Лондонским кабинетом подписании всеми шестью державами протокола, которым обязались бы все заодно, с устранением всяких частных своих целей, заставить Порту исполнить требования Европы. Кабинет Гладстона до сих пор действует энергично и честно – как в делах европейских, так и в азиатских.

Он намерен вместе с другими державами убеждать китайское правительство покончить миролюбиво недоразумения свои с Россией и уже приступает к выводу английских войск из Кабула. Нам оставалось бы только желать долголетия кабинету Гладстона, но, к сожалению, на это трудно рассчитывать. В Англии уже начинает усиливаться оппозиция либеральному кабинету. Говорят, Гладстон устарел и способности его ослабевают; он заходит слишком далеко в своих ультралиберальных стремлениях в трудном ирландском вопросе, так что некоторые из его сторонников уже покинули его; можно опасаться распадения кабинета.

12 июля. Суббота. Сегодня опять остался в Царском Селе к обеду с графом Лорис-Меликовым и Черевиным. Нового ничего нет. Подтверждаются официально известия о признании англичанами эмиром афганским нашего *protégé* Абдурахман-хана; любопытно знать, на каких условиях.

19 июля. Суббота. За истекшую неделю не случилось ничего такого, что заставило бы открыть дневник. По обыкновению, ездил я с докладами в Царское Село, присутствовал при докладах Гирса и занимался своими военными делами. В политике продолжается тот же «концерт» между шестью большими державами, но, к сожалению, с большими диссонансами и фальшивыми нотами. Гладстон ведет оркестр; все прочие показывают желание идти вместе с ним, чтобы застращать Порту единодушием Европы. Даже согласились на предложение Гладстона подписать протокол, подобный тому, который был некогда подписан перед экспедицией Франции в Сирию – с обязательством всех держав действовать исключительно для достижения общей цели, не преследуя никаких частных, эгоистичных интересов.

Однако же не все соглашаются на этот протокол без оговорок и задних мыслей; у каждого кабинета, как говорится, свое на уме. Австрия даже прямо заявила условие, чтобы даваемое обязательство «бескорыстия» относилось исключительно к настоящему частому случаю, то есть к принуждению Турции исполнить обязательства свои в отношении Черногории и новой греческой границы.

Еще более заметна рознь в вопросе о самих мероприятиях в отношении Порты. Кроме России, никто не хочет предпринять что-либо серьезное. Согласились на морскую демонстрацию, но и тут с оговорками; Австрия поставила непременным условием, чтобы не было на эскадре десантных войск (тогда как та же Австрия перед тем заявляла готовность принять на себя *un mandat de l'Europe* для приведения в исполнение силой оружия

обязательств Турции относительно Черногории); Франция же, которая сначала выступила вперед в греческом вопросе и взяла на себя роль привилегированной покровительницы Греции, теперь совсем пошла вспять и уже заявляет, что согласна участвовать в морской демонстрации только с условием, чтобы не было ни одного выстрела!

Спрашивается – к чему же эта демонстрация? Разве для того, чтобы окончательно осрамить Европу перед азиатским государством, чтобы дать Порте полное право издеваться над так называемым «европейским ареопагом»? Впрочем, и теперь уже, несмотря на полную дезорганизацию и расслабление государства и бездарность правителей его, Порта нисколько не пугается грозных коллективных нот европейских послов: ответные ноты ее по обоим вопросам – и черногорскому, и греческому – явно выказывают нежелание подчиниться решению Европы. Султан, признавая себя бессильным совладать с необузданным своеволием и возбуждением албанцев, в то же время сам, за кулисами, поддерживает их, используя пресловутую «Албанскую лигу» как маску для прикрытия своих попыток спасти ветхий корабль османов от конечного крушения.

Во всей дипломатической переписке за последнее время ясно проглядывает недоверие всей Европы к долговечности существующего порядка вещей на Востоке, установленного знаменитым Берлинским конгрессом. Хотя все в унисон провозглашают твердое намерение поддержать исполнение Берлинского трактата, однако же каждый про себя приготовляется на случай катастрофы не упустить своей доли добычи. Более всех в этом отношении озабочена Австро-Венгрия, которая, очевидно, обуреваема честолюбивыми замыслами касательно всей западной половины Балканского полуострова: она уже и теперь всячески старается подчинить себе Сербию и Черногорию и мечтает об открытии пути к Эгейскому морю. Замечательно, что один из видных австрийских дипломатов – Калай, игравший видную роль в делах восточных за последнее время, не раз заводил весьма конфиденциальные и вполне откровенные разговоры то с князем Цертелевым, то с послом нашим в Вене о возможности соглашения между Австрией и Россией для окончательного и радикального решения восточного вопроса. Он не скрывал при этом желания Австрии присвоить себе западную половину Балканского полуострова. Но в этих вожделениях Австрии является тайным ее конкурентом Италия, которая не совсем бескорыстно держит себя в отношении к албанцам. Здесь, в албанских делах, встречаются и сталкиваются интересы двух соперников.

Что касается Франции и Германии, то они обе держат себя в делах восточных крайне пассивно, как будто опасаясь более всего слишком ввязаться в эти дела и быть застигнутыми врасплох друг другом. Притом обе озабочены внутренними своими делами. Весьма примечательны последние конфиденциальные депеши посла нашего в Берлине Сабурова, который выводит из своих бесед с английским послом Одо Росселем довольно странные предположения о новой политике князя Бисмарка в отношении Франции. По предположениям Одо, Росселя и Сабурова, германский канцлер как будто желает изгладить следы Франко-прусской войны и оставшееся после нее взаимно-враждебное отношение. Эти предположения подробно развиты в секретной депеше Сабурова от 10/22 июля, № 169 и в частном письме его к Гирсу от того же числа.

Между тем дела англичан в Афганистане снова запутываются. Получено известие о полном истреблении одного английского отряда, выступившего из Кандагара под началом генерала Барроу навстречу афганским толпам, приведенным Эюб-ханом из Герата. Поражение это заставит Англию послать в Афганистан новые подкрепления, чтобы отомстить афганцам и поддержать *prestige* британской силы. Таким образом, в то время, когда войска английские начали уже очищать Кабул, когда наследие Дост-Мухаммеда и Шир-Али-хана, по-видимому, утверждалось за Абдурахман-ханом, война вспыхивает вновь и судьба Афганистана становится опять вопросом.

22 июля. Вторник. Вчера ездил я в Смольный (так называемый Собор всех учебных заведений) по случаю панихиды по усопшей императрице. Церковная служба совершалась с особенной торжественностью; здание великолепное, хотя стиль внутренней отделки не соответствует внешней архитектуре.

Сегодня по случаю Царского дня остался я после своего доклада к завтраку, а потом должен был вторично прийти в кабинет государев к докладу Гирса. Пока мы вдвоем ждали в приемной комнате, государь позвал к себе великого князя Николая Николаевича и оставался с ним вдвоем с полчаса. Я догадался, что поводом к этому tête-a-tête была неприличная статья, появившаяся недавно в издании «La nouvelle revue», о которой, кажется, я уже упоминал прежде в своем дневнике. При последнем докладе я представил государю для предварительного просмотра составленную генералом Обручевым ответную статью, в которой мастерски опровергнуты все неприличные выходки хвастливого панегирика великому князю Николаю Николаевичу.

Сегодня государь сказал мне, что прочел статью Обручева, одобрил ее и передал для прочтения графу Лорис-Меликову; но

прибавил, что намерен еще лично поговорить с Николаем Николаевичем. Впоследствии я узнал, что разговор был очень крупный, что, впрочем, я мог и сам заметить, застав еще конец этого разговора, когда вместе с Гирсом вошел в государев кабинет. Как государь, так и великий князь были разгорячены; последний поспешил выйти. Граф Лорис-Меликов рассказал мне, что получил от наследника цесаревича письмо, выражающее крайнее негодование по поводу статьи французского журнала. [Наследник, который обыкновенно не церемонится в выражениях, так выразился о своем дяде: «Если бы я не знал, что он такой дурак, то назвал бы его подлецом».]

На днях приехал наконец новый посол китайский, «маркиз» Цзен[89]. Гирс представил государю копию и перевод привезенного им письма богдыхана к русскому императору. Письмо это написано в умеренном и дружелюбном тоне, но в нем прямо высказывается невозможность утверждения Ливадийского трактата. Гирс испросил у государя разрешение выслушать Цзена, но объявить ему, что настоящие переговоры должны быть ведены в Пекине. Я просил только вести дело так, чтобы не слишком долго оставаться нам в выжидательном положении, которое может истощить нас даже прежде начатия войны.

26 июля. Суббота. В среду вечером я переехал на два дня в Красное Село. В четверг, 24-го числа, был общий смотр войскам Красносельского лагеря в присутствии иностранных послов и великих княгинь. В пятницу, 25-го, утром и вечером – учения военно-учебным заведениям и учебным частям войск, а сегодня утром – боевая стрельба артиллерии. Всё прошло весьма удачно. Дни были жаркие и потому утомительные. В четверг вечером ездил я в лагерь навестить училища и осмотреть вновь выстроенные бараки. В свободные минуты заходил к своей дочери Гершельман и радовался, видя маленькое домашнее хозяйство счастливых молодых.

Великий князь Николай Николаевич дуется на меня; как догадываюсь, за полученную от государя головомойку. Вероятно, он приписывает неудовольствие государя моему наущению. Во все три дня беспрестанно сталкиваясь со мною лицом к лицу, он не здоровался и показывал вид, что не замечает меня.

Политикой во все эти дни вовсе не занимались; Гирса я не видел. Хотя сегодня государь ожидал его в Красное Село, однако же по какому-то недоразумению он не приехал.

29 июля. Вторник. Вчера утром отправился в Красное Село и присутствовал на двухстороннем маневре, а потом был приглашен к обеду у великого князя Владимира Александровича. Сегодня утром был на учении всей кавалерии, а потом имел

доклад у государя, сначала один, а затем вместе с Гирсом. План предстоящих больших маневров значительно сокращен: начнутся только 4 августа, а кончатся 8-го.

8 августа. Пятница. С вечера воскресенья до сего вечера я оставался на маневрах в Ропше и окрестностях ее. Маневры были весьма утомительные, при чрезмерно жаркой погоде; каждый день, выезжая в поле в 7 часу утра, возвращались в Ропшу только в 7 часу вечера, голодные и обожженные солнцем. Ежедневное повторение таких истязаний оказалось мне не по силам. После первого дня маневров я должен был оставаться в Ропше, но сегодня опять был на коне и к вечеру возвратился в Петербург.

Праздник Преображенского полка и гвардейской артиллерии справили 6 августа обычным порядком в Ропше. Великий князь Николай Николаевич не присутствовал на маневрах по болезни. Никто не мог сказать мне, действительная ли это болезнь или только предлог – *bouderie*[90]. В последние дни маневров присутствовали иностранные послы – германский, австрийский, английский и французский.

В продолжение истекшей недели не было ничего нового в политике. Гирс приезжал в Ропшу с докладом, но не привез ничего важного. Продолжаются сношения по телеграфу относительно предположенных коллективных ответов Порте по делам черногорскому и греческому, а также о снаряжении союзной эскадры.

9 августа. Суббота. Сегодня ездил обычным порядком в Царское Село. После своего доклада присутствовал при докладе Гирса. Дела с Китаем принимают, по-видимому, мирный оборот: получена телеграмма от Кояндера, что китайское правительство под впечатлением первых известий от нового посла Цзена решилось удовлетворить давнишние наши претензии к Китаю и, в знак своего дружественного расположения, помиловало несчастного Чун Хоу, который выпущен из тюрьмы. Такой поворот в китайской политике приписывают нашим военным приготовлениям и внушениям послов германского и английского в Пекине. Завтра назначена аудиенция у государя в Царском Селе как китайскому послу Цзену, так и новому японскому. После этой аудиенции предполагается потребовать от китайского посла категорических заявлений о причинах неутверждения Ливадийского договора, а затем будет совещание у меня относительно дальнейшего направления дела.

По восточному вопросу согласие между большими державами поддерживается с большим трудом. Наибольшие затруднения всегда являются со стороны Австрии, а иногда и Франции. Во время маневров я имел с послами разговоры, не лишенные

интереса. Лорд Дефферин высказывал сожаление, что Франция в восточном вопросе идет вспять, всё из своего болезненного страха перед Германией. Ни Франция, ни Германия не приняли на себя редактирование коллективного ответа Порте по греческому делу.

Ныне Англия предложила на обсуждение прочих кабинетов проект инструкции адмиралам, командующим судами союзной эскадры. С нашей стороны решено дать отзыв одобрительный и обещано снабдить русского адмирала соответственною инструкцией. Австрия же и тут тормозит дело какими-то оговорками, так что предположенная морская демонстрация не может быть начата немедленно по истечении данного Порте трехнедельного срока. Срок этот истекает 12/24 августа, то есть послезавтра; а между тем еще идет переписка о редакции инструкции и о сборном пункте эскадры.

Сегодня вечером уезжает отсюда герцогиня Эдинбургская (великая княгиня Мария Александровна) в сопровождении брата, Сергея Александровича. Они едут в Кобург, где ожидает их герцог Альфред Эдинбургский. Я заходил проститься и с великой княгиней, и с великим князем.

Перед отъездом из Царского Села в Петербург зашел к графу Лорис-Меликову, чтобы поинтересоваться о состоянии его ноги вследствие случившегося с ним ровно неделю тому назад падения при спуске с лестницы. Он встретил меня уже на ногах, и между нами завязался разговор о предстоящей поездке нашей с государем в Ливадию. Как-то случайно мы напали на предмет крайне щекотливый – на семейные отношения государя. Лорис-Меликов под большим секретом объявил мне, что давно уже ходившие в городе слухи о браке государя с княжной Долгорукой осуществились. Брак этот совершился 6 июля; свидетелями были генерал-адъютанты граф Адлерберг, граф Баранов и Рылеев.

Лорис-Меликов начал было рассказывать, как государь объявил ему об этом тайном браке и познакомил с новою своею супругой, наименованной княгиней Юрьевской. Но, к сожалению, я должен был прервать этот рассказ в самом начале, чтобы не опоздать на поезд. Теперь важно знать, на какую ногу будет поставлена новая государева семья – и в отношении императорской семьи, и в отношении окружающих государя, и в отношении публики. Вопрос этот будет иметь большое влияние на положение нашего общества в Ливадии, и, признаюсь, я начинаю страшиться ожидающей меня там обстановки, особенно если окончательно решено будет, что моя семья не поедет в Крым из-за болезни дочери Ольги, которая уже давно страдает болью в коленке.

12 августа. Вторник. В воскресенье, 10-го числа, государь

принимал в Царском Селе обоих новых послов – китайского и японского, а вчера Гирс имел с китайцем первое объяснение. Из первых заявлений Цзена видно, что главный пункт Ливадийского договора, против которого возбуждено неудовольствие пекинского правительства, есть оставление за Россией некоторых частей Илийской области. Надобно полагать, что китайцы придают особенное значение долине Текеса и понимают стратегическое значение Музартского прохода. Прочие замечания Цзена на некоторые статьи договора не представляют для нас особенной важности и могут быть легко улажены.

Сегодня при докладе моем государь объявил, что великий князь Николай Николаевич приезжал в Царское Село «с повинною», как выразился сам государь, прибавив, что великий князь все-таки не сознает значения своего поступка. Решено уволить великого князя от должности главнокомандующего войсками Петербургского округа с оставлением в прочих должностях; начальство же округом вверяется наследнику цесаревичу, а великий князь Владимир Александрович назначается командующим Гвардейским корпусом. Обо всех этих переменах будет объявлено по прибытии в Петербург наследника цесаревича, ожидаемого на днях из Гапсаля.

Другое приказание дано мне сегодня же государем относительно ожидаемого 20 августа посещения Кракова австро-венгерским императором. Государь приказал генералу Альбединскому выехать в Краков для приветствования императора Франца-Иосифа и вручения ему письма нашего государя с предложением принять звание шефа 12-го уланского Белгородского полка взамен мнимого шефства несуществующего 15-го уланского Украинского полка. Последний этот полк было предположено еще в 1873 году формировать на Кавказе вместе с другим – 16-м уланским Татарским; но предположение это осталось неисполненным по финансовым соображениям. Трудно объяснить, почему государь вознамерился оказать все эти любезности императору Францу-Иосифу именно теперь, когда отношения наши с Австро-Венгрией всё еще весьма натянуты. Несмотря на все старания восстановить тройственный союз, политика Венского кабинета продолжает быть явно нам враждебной.

Любопытные сведения сообщил мне сегодня государь о собственноручном письме, полученном от германского императора, который, вследствие дошедших до его сведения слухов о мнимом намерении императора Александра II даровать России конституцию, счел нужным во имя родственных и дружеских чувств к своему племяннику предостеречь его от

затруднений представительного образа правления и преподать несколько добрых советов, основанных на долголетнем опыте. Сущность этих советов, изложенных по пунктам в приложенной к письму собственноручной же записке, заключается в том, чтобы сферу действий представительных собраний строго ограничить исключительно обсуждением вопросов чисто законодательных и утверждением трехлетнего бюджета с полным устранением всякого вмешательства в администрацию и политику. Государь поручил Пирсу снять копию с неразборчивой записки императора Вильгельма и приложить русский перевод, а затем прочел нам приготовленное уже ответное письмо, в котором прямо высказывает, что не только не имеет намерения дать России конституцию, но и впредь, пока жив, не сделает этой ошибки.

Ответное это письмо повезет великий князь Владимир Александрович, который сегодня же едет за границу, в Биарриц. Завтра ожидают приезда сюда короля эллинов с королевой [Георга I и Ольги Константиновны].

13 августа. Среда. Назначенное сегодня у меня совещание продолжалось с 10 часов утра до часа пополудни; в нем участвовали со стороны Министерства иностранных дел Гирс, барон Жомини, Бютцов, Мельников; со стороны Морского – контр-адмирал Пещуров, а со стороны военного – граф Гейден, Мещеринов и Соболев. После долгих прений решили ныне же объявить китайскому послу, что ввиду сделанных китайским правительством первых шагов к восстановлению дружественных отношений между обеими империями (готовность удовлетворить прежние наши претензии и помилование Чун Хоу) мы соглашаемся войти в переговоры о некоторых частных изменениях в Ливадийском договоре, не отступая от существенных его оснований; но переговоры эти будут ведены в Пекине нашим посланником Бютцовым, который и отправится туда вслед за сим.

При этом между нами положено: 1) не настаивать на выговоренной в Ливадийском договоре уступке Китаем долины Текеса, если китайцы особенно дорожат ею и согласятся на замену этой местности улучшением границы в других ее частях; 2) допустить в договоре лишь такие изменения, которые не имели бы вида уступки и не уронили бы нашего достоинства, а для этого 3) требовать настойчиво от китайцев скорейшего окончания всех спорных вопросов. Мы все были того мнения, что для России крайне будет невыгодно, если недоразумения наши с Китаем протянутся слишком на долгое время.

14 августа. Четверг. Доклад мой сегодня начался в Царском Селе, а кончился на железной дороге в Петербург. При докладе

присутствовал наследник цесаревич, вчера только возвратившийся из Гапсаля вместе с королем и королевою эллинов. Цесаревну видел я в вагоне. Государь принимал в Зимнем дворце вновь выпущенных из военно-учебных заведений офицеров.

16 августа. Суббота. После своего доклада присутствовал я при докладе Гирса по китайским делам. Государь одобрил заключения нашего совещания и проект ответной ноты китайскому послу.

По возвращении в Петербург сделал я два прощальных визита послам французскому и английскому и пробыл у каждого с полчаса. Генерал Шанзи распространялся о ненормальности настоящего политического положения Европы и весьма откровенно признавал все несообразности в ходе дел со времени Берлинского конгресса. Мы были совершенно одного мнения, что всё теперешнее положение есть большое и грустное *imbroglio*[91], которое может повести к последствиям совершенно неожиданным. На мое откровенное замечание, что наименее рационально из всех действует Франция, особенно в настоящую минуту, Шанзи старался, разумеется, несколько оправдать свое правительство или, лучше сказать, мотивировать шаткость его действий. Что касается английского посла, то он с грустью говорил о настоящих неудачах англичан в Афганистане, и при этом мы оба одинаково не пощадили Биконсфильда, на ответственность которого должны пасть все тяжелые последствия его политики. Как Шанзи, так и Дефферин уезжают из Петербурга завтра же.

По возвращении домой нашел у себя прощальную визитную карточку австрийского посла Кальноки, к которому не успел заехать. Барон Бехтольсгейм, живший здесь столько лет в качестве австрийского военного агента, приезжал вчера проститься: он назначен пока командиром полка в ожидании получения бригады.

22 августа. Пятница. Ливадия. В прошлое воскресенье вечером выехал я в царском поезде из Петербурга. В Колпине сел на поезд государь, а с ним новое тайное семейство его. Узнав об этом, мы все, сопровождавшие его величество, были крайне удивлены и несколько смущены, опасаясь быть поставленными в неловкое положение. Однако ж обошлось без особенных неудобств, кроме того только, что рассадили нас по вагонам несколько иначе, чем в прежние поездки, так что в столовую поезда мы не могли проходить через царский вагон, а должны были каждый раз ловить мгновенные остановки на станциях. Только граф Адлерберг, граф Лорис-Меликов и Рылеев,

посвященные уже в тайну брака, были помещены особо, со стороны женского вагона и столовой. Новая супруга царя, княгиня Юрьевская, с двумя детьми, ни разу не вышла из своего вагона и во всё продолжение пути мы не видели ее ни разу.

Путешествие княгини Юрьевской в царском поезде было решено только накануне отъезда, несмотря на попытку графа Лорис-Меликова отклонить такое решение. По словам его, поводом к такому внезапному решению были бесчисленные предостережения, полученные с разных сторон о приготовленных якобы новых покушениях на жизнь государя во время пути. Женщина, конечно, не упустит такого [удобного] случая, чтобы выказать свое самоотвержение и приверженность: как ей оставить хоть на один день любимого человека, когда ему угрожает опасность! И вот удобный случай, чтобы вступить во все права законной супруги и занять те самые отделения царского поезда, в которых с небольшим за год перед тем ездила покойная императрица.

Москву проехали мы не останавливаясь; также и все другие большие города проезжали ночью. На всем пути были приняты чрезвычайные меры охранения. Многие тысячи солдат и крестьян были поставлены на ноги непрерывною цепью вдоль всего пути. Незадолго перед этим была найдена близ Александровска в полотне железной дороги мина, заложенная еще в прошлогоднюю осень при проезде государя; об этой мине узнали из показаний одного из злоумышленников, участвовавших в покушениях на жизнь императора. Мина не удалась, и только теперь ее отыскали. Открытие это, вместе с разными телеграммами, полученными от тайных агентов и заграничных друзей, усиливало опасения нового покушения. На царский поезд привыкли уже смотреть как на какой-то форт, который ежеминутно может быть взорван миной.

Чем далее подвигались мы на юг, тем погода становилась холоднее. Во вторник утром прибыли в Харьков, сейчас же пересели в дорожные экипажи и около 11½ часов утра прибыли в Чугуев. В 2 часа назначен был смотр войскам Чугуевского лагеря. На беду, пошел сильный дождь с резким ветром. В первый раз пришлось мне стать перед своим 121-м Пензенским полком. Государь остался доволен всеми войсками. Мы возвратились в город промокшие до костей. На другой день утром был маневр на две стороны. Погода прояснилась, но было все-таки свежо. Маневр удался вполне, и результатом его было назначение командира 10-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Свечина генерал-адъютантом.

Возвратившись к трем часам в Харьков, мы немедленно

заняли опять свои места в поезде и отправились далее на юг. Генерал Вердер отделился от нас и уехал в Германию.

Вчера, в четверг, прибыли мы в Симферополь около часа дня. Тут государь с княгинею Юрьевскою и детьми, в сопровождении графа Адлерберга, графа Лорис-Меликова, Рылеева и врача, оставили поезд и поехали в экипажах прямо в Ливадию, а все остальные продолжали путь до Севастополя, куда прибыли в шестом часу вечера. Так как пароход «Эреклик» должен был отплыть только ночью, то мы с Гирсом воспользовались свободным временем, чтобы прогуляться среди развалин города и возвратились к пароходной пристани на катере.

Сегодня, в шестом часу утра, мы были уже на Ялтинском рейде, а в восьмом часу гулял я по тенистой дороге между Ливадией и Ориандой. В 11 часов утра вся свита собралась в дворцовую церковь к заупокойной обедне по императрице и затем к молебствию, после которого государь осмотрел караульные роты и пропустил их церемониальным маршем. Весь остальной день прошел обычным порядком, без всяких изменений против установленных в прежние годы обычаев и распределения времени. Княгиня Юрьевская с детьми заняла то самое помещение, где прежде жила покойная императрица Мария Александровна.

23 августа. Суббота. После короткого доклада государю я ездил в свое имение Симеиз, чтобы осмотреть, всё ли там в порядке, и распорядиться к приезду семьи.

Вчера и сегодня мы с Гирсом не раз сходились для обсуждения ответных телеграмм на полученные новые вопросы по черногорскому делу. Австрия пытается всячески направить по-своему решение этого вопроса; разными новыми предложениями только усложняет его и замедляет приведение в исполнение постановленных уже по общему соглашению решений. Другие державы, не исключая и Англии, мало интересуются выгодами князя Николая и, желая только как-нибудь выгородить себя из созданного ими же самими нелепого положения европейской политики, охотно поддаются на всякое австрийское предложение, лишь бы развязаться с этим нескончаемым вопросом.

Но Россия не может смотреть на дело с таким же равнодушием, не может соглашаться на какие бы ни было новые уступки в пользу турок и во вред Черногории.

Поэтому проектирована циркулярная телеграмма в том смысле, что мы считаем неуместными всякие новые предложения и находим необходимым безусловно настоять на предложенной Англией комбинации, начав с немедленной передачи Дульцинье черногорцам.

26 августа. Вторник. Сегодня, перед началом доклада моего, государь посвятил и меня в тайну своего брака, высказав при этом, как бы в оправдание своего решения, что признавал вступление в этот брак долгом совести и чести. Затем он встал и отворил дверь в соседнюю комнату; тогда вошла в кабинет сама княгиня Юрьевская, которой и был я представлен совершенно просто, естественно, без лишних фраз. Сказав мне несколько вежливых слов, она сейчас же удалилась, а я приступил к своему докладу.

Покончив с военными делами, я присутствовал, по обыкновению, при докладе Гирса. Дело шло всё о том же черногорском вопросе, который не подвигается вперед благодаря интригам Австрии, усложняющей дело всё новыми предложениями, и, отчасти, Франции, желающей, сколь возможно, устранить предположенную морскую демонстрацию.

Под вечер приехала из Петербурга часть моей семьи: две младшие дочери с племянницей. Я выехал навстречу им по дороге в Массандру и вместе с ними переехал в свой милый Симеиз, где разрешено мне проживать с тем, чтобы являться в Ливадию только в дни докладов. Жена же с больною дочерью Ольгой должна оставаться в Петербурге до выздоровления больной.

30 августа. Суббота. С четверга начались мои утренние поездки из Симеиза в Ливадию. Сегодня я намеревался остаться там до вечера, считая приличным в такой торжественный день быть за царским обедом. Но государь уже несколько дней нездоров, не выходит ни к завтраку, ни к обеду. Поэтому после доклада и обедни, окончив наскоро свои занятия в Ливадии, я возвратился к обеду в Симеиз.

Никаких примечательных новостей не вынес я из Ливадии; слышал только, что граф Адлерберг уже объявил формально всем лицам свиты о браке государя.

13 сентября. Суббота. Вот ровно две недели, что я не заглядывал в свой дневник; так однообразен мой образ жизни. Три раза в неделю езжу в Ливадию с докладом; возвращаюсь оттуда в Симеиз около трех часов. Всё остальное время провожу спокойно, тихо, со своими дочерьми. Такою жизнью мог бы я быть вполне доволен, если бы продолжающаяся болезнь дочери Ольги не заставила жену окончательно отказаться от приезда в Крым. Зато вся семья радуется назначению сына моего командиром Крымского (Татарского) дивизиона, с производством в полковники. [Меня давно уже заботило продолжительное оставление его в свите без всяких служебных занятий, да и он сам очень желал выйти из тяжелого положения тунеядца.]

Государь был некоторое время нездоров; даже выписали сюда доктора Боткина; но к приезду его больной уже поправился, а сегодня, несмотря на дождливую и сырую погоду, вопреки всем советам, уже проводил учение одной из рот, находящихся в Ливадии для караулов.

В каждый из моих приездов в Ливадию я присутствую по-прежнему при докладах Гирса и участвую в совещаниях. Дела восточные не только не улаживаются, но принимают опасный оборот. Порта не подчиняется требованиям Европы; с новою же переменою правительства в Константинополе приняла даже положение вызывающее, понимая вполне, что нечего ей опасаться со стороны Европы, которая только пугает союзной демонстрацией, но ничего серьезного предпринять не решится.

Действительно, что предпримет собравшаяся союзная эскадра? Австро-Венгрия не допускает высадки ни под каким видом; Франция не желает никаких враждебных действий. Пресловутое согласие шести великих держав поддерживается только взаимными уступками, совершенно парализующими действия европейской дипломатии. Турки уже прямо отказываются от передачи Дульцинье черногорцам. Английский адмирал, лорд Сеймур, принявший главное начальство над союзной эскадрой, ездил в Цетине, чтобы сговориться с князем Николаем о совместном действии с сухого пути и с моря. Но что выйдет из этого, если союзный флот будет только своим присутствием платонически поддерживать черногорских юнаков[92]? Первый выстрел под Дульцинье может повести к таким усложнениям, какие никто до сих пор не предвидит. Европа может опять очутиться в положении крайне неловком, унизительном, и неужели снова, как в начале 1877 года, перенесет флегматически пощечину от турок!

Между тем австро-венгерский первый министр Хаймерле приезжал в Берлин и имел свидание с князем Бисмарком в Фридрихсруэ. Шла речь о соглашении между Австрией и Россией по делам Балканского полуострова. Германский канцлер опять принимает на себя роль «нотариуса»; конфиденциально сообщает Сабурову о готовности Венского кабинета не противиться слиянию Болгарии с Восточной Румелией при известных условиях с тем только, чтобы Россия дала Австрии волю распоряжаться в Македонии [и на Нижнем Дунае] и помогла ей связать по рукам и ногам Сербию. К счастью, Сабуров не попался в ловушку, понимая, что венские предложения почти нахальны. Но добродушный посол наш в Вене не сознает того; польщенный конфиденциями австрийского первого министра, Убри чуть не умиляется в донесениях своих разговорами с Хаймерле.

21 сентября. Воскресенье. В течение недели положение дел на востоке еще более усложнилось. Союзные кабинеты увидели на практике результаты платонической их политики и убедились в том, что мирная прогулка союзной эскадры, получившая название демонстрации, привела Европу к положению безвыходному и унизительному. Умирающая Турция перед агонией издевается над бессилием целой Европы. После своей дерзкой циркулярной ноты Порта от имени султана (который лично ведет дела, часто помимо своих министров), заявила, что если демонстрация будет отменена, то все вопросы решатся к общему удовольствию до 3 октября (по новому стилю). Срок этот наступил сегодня; еще не знаем, в чем именно заключается это пресловутое разрешение вопроса; но, судя по всему предшествующему, можно ожидать какой-нибудь новой турецкой увертки с целью лишь протянуть время до той поры, когда действия на море сделаются невозможными.

Никто уже и не доверяет обещаниям турецкого правительства; но как Австрия, так и Франция продолжают отказываться от всяких действий, которые могли бы повести к военным столкновениям. Италия выказывает двуличную политику; Германия продолжает играть роль равнодушного зрителя; дошло до того, что Лондонский кабинет спрашивает у нас, что полагали бы мы предпринять в случае окончательного отказа Порты исполнить требования Европы. Гирс видит в этом вопросе желание англичан вызвать с нашей стороны предложение – предпринять решительную угрозу флотом самому Константинополю. Но вчера решили дать Англии ответ уклончивый; мы скажем им вот в каком смысле: вы затеяли дело, так и придумывайте, как распутать его, а мы готовы помогать.

Дело китайское приняло новый оборот; по всем получаемым гласно и негласно известиям, правительство богдыхана, не на шутку напутанное нашими военными приготовлениями и советами дипломатов, очень желает покончить переговоры в Петербурге и дало своему посланнику Цзену полномочия самые обширные, лишь бы не переносить переговоров в Пекин. Полномочия эти доходят даже до разрешения ратифицировать Ливадийский договор без перемены, если окажется невозможным иначе покончить дело, и для того китайское правительство просит продлить условленный в договоре годичный срок для обоюдной ратификации. На это заявление дан ответ, что императорское правительство готово выслушать новые заявления Цзена и если увидит в них действительную возможность мирного окончания дела, то согласно и на продление срока для ратификации. Между тем от генерала Кауфмана вытребовано уже

мнение о том, как полагал бы он выгоднее для нас изменить предположенную в Ливадийском договоре новую границу с Китаем, если б мы нашли необходимым отказаться от удержания за собою всей долины реки Текес с Музартским горным проходом.

25 сентября. Четверг. Обещанное султаном разрешение спорных вопросов оказывается дерзким вызовом целой Европе; султан с нахальством требует отмены морской демонстрации не только по настоящему случаю, но и на будущее время, обнадеживая окончанием спорных дел, однако же не в смысле требований Европы, а согласно желанию самой Порты. При этом напоминается о праве Турции на основании Берлинского трактата занять Балканы. Эта выходка превосходит всё, что до сих пор Турция позволяла себе перед какой-либо из держав. Она вполне понимает бессилие европейского союза и как будто издевается над пресловутым согласием великих держав.

Английское правительство более всех должно чувствовать это оскорбление. Лорд Гренвиль немедленно сделал новое предложение: по невозможности в настоящее время года одним флотом заставить турок уступить Дульцинье черногорцам, обратить союзную эскадру к Смирне и захватить этот порт с его таможней в виде залога, для принуждения Порты исполнить ее обязательства. На предложение это сейчас же дано согласие Россией и Италией; прочие же державы и тут колеблются; еще нет решительных ответов ни из Вены, ни из Берлина, ни из Парижа. Между тем всякая проволочка в таком деле может повредить ему: турки успеют принять свои меры и, пожалуй, не удастся европейскому флоту занять и Смирну без выстрела. Не совсем даже понимаю, как предполагается исполнить это предприятие без десантного войска и при непременном условии избегнуть употребления оружия.

30 сентября. Вторник. В последние мои поездки в Ливадию не узнал я ничего нового о ходе восточного вопроса. Продолжается обмен телеграммами между кабинетами; всё более и более обнаруживается рознь между ними. Австрия и Франция почти уже отказались от участия в предположенном Англией занятии Смирны в виде залога; Германия закулисно убеждает султана уступить Дульцинье безусловно, дабы тем дать благовидный предлог державам отменить начатую союзную демонстрацию. Италия, первоначально так поспешившая согласиться на предложение Англии, теперь ставит условием согласие других кабинетов. Таким образом, только Россия продолжает идти заодно с Англией в решительных мерах для побуждения Турции к исполнению требований Европы. Но и сама Англия не решится действовать только вдвоем с Россией.

Между тем Сабуров из Берлина телеграфирует, что князь Бисмарк заявил ему о согласии Австрии на те условия, на которых еще в феврале месяце предполагалось восстановить тройственный союз. Сегодня при докладе Гирса государю об этих условиях я высказал мнение, что с февраля положение дел значительно изменилось; те условия, которые мы тогда считали для себя желательными, уже теряют свое значение после падения кабинета Биконсфильда, так что проектированные в феврале взаимные обязательства оказываются ныне выгодными только для одной Австрии. Мнение это разделяют и Гирс, и сам государь. Положено выждать более обстоятельных письменных объяснений от Сабурова.

Не вижу также никакой выгоды в том, чтобы султан согласился только на уступку Дульцинье без всяких обязательств по всем прочим вопросам, как будто всё дело и заключается только в передаче одного этого пункта. Если Порта послушается убеждений германского императора и решится передать Дульцинье черногорцам, то Европа обрадуется такому благовидному предлогу для отмены предпринятых морских демонстраций и притворится удовлетворенною; а что же будут делать бедные черногорцы, оставшись одни лицом к лицу с албанцами на всем остальном протяжении спорной границы? Какого решения дождется Греция? Какой исход получат все прочие вопросы, истекающие из Берлинского договора и остающиеся невыполненными?

4 октября. Суббота. Начались на месте непосредственные переговоры черногорцев с Риза-пашой[93] об условиях уступки Дульцинье. Англия видит, что, кроме России, никто не поддержит ее в мерах против Турции.

Переговоры Бютцова с Цзеном не подвигаются так успешно, как мы надеялись. Сегодня мы с Гирсом общими силами сочинили телеграмму к барону Жомини в том смысле, чтобы заявить Цзену наши решительные условия, предупредив его, что в случае невозможности немедленно решить дело в Петербурге на этих основаниях дальнейшие переговоры будут перенесены в Пекин и поручены адмиралу Лесовскому.

Сегодня день полкового праздника гвардейских казаков и Собственного е. в. конвоя; по обыкновению, был в Ливадии молебен, церковный парад конвою и затем обед казакам под навесами у оранжерей. При этом случае в первый раз государь показался в публике и перед частью войск вместе со своей новой супругой и детьми. Мальчик был даже одет в казачью форму Собственного конвоя. Официальное появление княгини Юрьевской произвело на всех нас тяжелое впечатление. Позже,

возвращаясь по почтовой дороге в Симеиз, я встретил коляску, в которой государь катался со своей новой семьей под охраной многочисленного конвоя. Грустно и жаль его.

5 октября. Воскресенье. Утром я занялся приведением к концу начатой мною ранее записки о возможном разрешении восточного вопроса в случае окончательного распадения Оттоманской империи. Быть может, предположения мои – несбыточная утопия; однако же я все-таки намерен показать свою записку Гирсу и спросить предварительно его мнения. Если предлагаемый мною способ решения этого грозного вопроса и окажется несбыточным, то все-таки я твердо убежден, что всего хуже и опаснее оставлять течение дел на произвол случайных обстоятельств и не приготовиться к неизбежной катастрофе заблаговременным соглашением между большими державами.

7 октября. Вторник. Сегодня прибыл в Ливадию наследник цесаревич со всей семьей. Встреча была на пристани в Ялте обычным порядком. По этому случаю я возвратился в Симеиз позже обыкновенного.

Вопросы политические плохо подвигаются вперед. Относительно Дульцинье еще неизвестно, как идет дело между турками и черногорцами. Есть сведения, что в Смирне турки принимают меры обороны: кладут подводные мины, возводят укрепления. Между державами всё более и более обнаруживается рознь. Из донесений Сабурова о его секретных совещаниях с Бисмарком (проезжавшим через Берлин) и Гогенлоэ видно, что германский канцлер возобновляет прежние свои сладкие речи в отношении к нам, уверяет, что Австрия теперь вполне готова сблизиться с нами на основании тех соглашений, которые были начаты еще зимой, то есть признать неприкосновенность Босфора и Дарданелл, возложив охранение этого ключа Черного моря на султана. В этих видах считают необходимым, будто бы в интересах самой России, во что бы ни стало поддержать Порту от окончательного распада – *ergo* противодействовать замыслам кабинета Гладстона. Вся эта хитрая аргументация придумана, вероятно, для того только, чтобы нас заморочить и оторвать от сближения с Англией, чего боятся более всего Германия и Австрия.

Переговоры в Петербурге барона Жомини и Бютцова с китайским послом Цзеном приняли не очень благоприятный оборот. Цзен переменил тон; уже не видно прежнего живого желания его покончить скорее дело в Петербурге. Надобно полагать, что в последнее время китайский посол подпал под влияние кого-либо из наших недоброжелателей.

Сегодня был у меня в Ливадии Каравелов – болгарский

министр финансов; он привез мне рекомендательное письмо от князя Александра и выразил желание посоветоваться со мной по вопросу о железных дорогах в Болгарии. Я высказал ему свое мнение почти в том же смысле, в каком на днях высказывал нашему известному инженеру Струве, а именно: Болгария в настоящее время не может и думать о постройке какой-либо железной дороги; финансы ее не позволяют приступить к такому разорительному предприятию, особенно на условиях, какие предъявлены компанией, называющей себя французской, а в сущности австрийскою, Гирша. Только став твердо на почве финансового своего устройства, Болгария может устоять против напора Австро-Венгрии и ее европейских эксплуататоров.

Каравелов обрадовался, слыша от меня такие суждения, и сознался, что в Болгарии были до сих пор убеждены в желании русского правительства ускорить постройку железной дороги от Систова к Тырнову и далее. Такое странное недоразумение можно объяснить только личными стараниями нашего дипломатического агента в Болгарии Кумали, который явно принял под свое покровительство означенную французско-австрийскую компанию. От меня Каравелов пошел на аудиенцию, назначенную ему государем.

И вот этот человек, которого несколько месяцев тому назад выдавали за вожака красной партии в Болгарии, из-за которого князь Александр чуть было не отказался от болгарского престола, теперь в Ливадии, в кабинете государя, принят милостиво и любезно.

11 октября. Суббота. Кончив свой обычный доклад в присутствии наследника цесаревича, я доложил государю о записке, в которой изложены мною мысли касательно решения восточного вопроса в случае окончательного распада Турецкой империи. Государь пожелал, чтобы я прочел свою записку вслух; в средине чтения вошел Гирс. Государь несколько раз замечал, что многое в моих предположениях согласно с мыслями, некогда высказанными покойным императором Николаем I, и вообще одобрительно отозвался о моей записке, сказав Гирсу, что при случае можно было бы завести речь с Бисмарком в смысле моих предположений.

Со своей стороны, Гирс, соглашаясь в существе с этими предположениями, заявил только опасение, что Румыния и Греция, как государства, пользующиеся уже полной самостоятельностью политической, не пожелают войти в состав предлагаемой мною федерации. На это я заметил, что включение этих двух государств в союз не составляет непременного условия предположенного мною проекта. Наследник же прибавил, что эти

государства должны будут подчиниться решению Европы, если установится общее соглашение в том или другом смысле. В заключение я попросил позволения передать мою записку Гирсу и оставить ее в секретном его портфеле до поры до времени.

Опять имел продолжительную беседу с графом Лорис-Меликовым, который снова советовался со мною о разных имеющихся в виду перемещениях на высшие должности. Кажется, ему удастся склонить государя к смене Грейга, поднять снова вопрос об отмене подушной подати, призвать к новой жизни земство и многое другое, о чем за несколько месяцев перед этим нельзя было бы и заикнуться. Место министра финансов предложено Абазе, но еще не придумано, кого назначить вместо него председателем департамента экономии. Некоторые из предполагаемых новых назначений удивили меня своею неожиданностью: так, например, в попечители университетов московского и петербургского имеются в виду – Петр Федорович Самарин и Константин Дмитриевич Кавелин! Особенно удивляет меня назначение последнего: Кавелина я знаю с молодых лет, люблю его и глубоко уважаю; но никак не могу себя представить его в роли администратора.

В Ливадии наслушался я рассказов о том, что делается в царской семье и в тесном придворном кружке. Говорят о холодных и натянутых отношениях цесаревны с негласной супругой императора, о неловком положении последней при появлении ее в публике, и удивляются тому, что государь явно желает дать своей новой семье официальное положение. От этого жизнь в Ливадии сделалась невыносимою. С каждым днем всё более я доволен, что избавился от нее: остаюсь там только по нескольку часов три раза в неделю и, покончив свои дела, спешу скорее обратно в своей уединенный, спокойный приют.

18 октября. Суббота. В течение всей недели не было ничего, заслуживающего внимания. Политика европейская исключительно сосредоточилась на вопросе о Дульцинье, будто этим одним пунктом и ограничиваются все задачи европейской политики. Англия, выступившая было так задорно против Турции, начинает искать предлога к отступлению, видя положительное нерасположение Франции, Австрии и Германии к принудительным мерам. Турки ясно видят разлад между большими державами и до сих пор уклоняются от передачи Дульцинье черногорцам.

Переговоры с китайцами также идут плохо. Цзен сделался крайне несговорчив, даже резок. Отовсюду получаются сведения о приготовлениях Китая к войне; агенты его деятельно отправляют из Европы и Америки массу хорошего оружия, пороха, пушек,

торпед и проч. Возникает мнение, что наши приготовления слишком незначительны сравнительно с китайскими.

В последний четверг в Ливадии было у меня совещание с Гирсом и Мельниковым о том, в каком смысле заявить Цзену окончательные наши условия. До сих пор Жомини и Бютцов ограничивались только разговорами с китайским уполномоченным, не давая ему положительного письменного ответа на его ноту. Притом разговоры барона Жомини не отличаются ловкостью и выдержкой; это не дипломатические переговоры с азиатом, а легкая салонная болтовня. Теперь мы пришли к тому заключению, что необходимо предъявить Цзену меморию, в которой изложить окончательно наши условия, ограничив их самыми умеренными требованиями. Мельников едет в Петербург со словесными по этому предмету указаниями.

Если Цзен не примет и последних этих условий, то ничего другого не останется, как обратиться к заявленному им же словесно решению: признать Ливадийский договор неутвержденным и остаться *in status quo*, причем мы удержим за собой Илийский край.

19 октября. Воскресенье. Приехал ко мне в Симеиз сын мой, назначенный командиром Крымского татарского дивизиона. Завтра едет в Ливадию представиться государю.

21 октября. Вторник. В прошлый четверг представлялся государю приехавший сюда новый министр народного просвещения Андрей Александрович Сабуров. Во время доклада государь спросил меня, познакомился ли я с ним и имел ли случай с ним беседовать о его предположениях по устройству учебной части. Я ответил, что вовсе его не знаю. Несколько спустя после моего доклада вошел ко мне Сабуров и сказал, что обращается ко мне по приказанию государя, чтобы посоветоваться относительно некоторых предположений по учебному делу, в особенности же по студенческому вопросу, а вслед за тем подробно изложил свои мысли о настоящем ненормальном положении университетов, о необходимости корпоративного устройства учащейся молодежи, о признании права на сходки, общественную кассу и проч., и проч.

Я выслушал его с искренним удовольствием, потому что сам давно уже проповедовал те же мнения и высказывал их во всех бывших совещаниях по учебной части. В таком смысле ответил я Сабурову и выразил ему полную мою готовность поддержать его предположение. Тогда он предложил мне представить государю доклад за общей нашей подписью. Мы сговорились сойтись снова в субботу. В этот день государь опять спросил меня о нашем совещании, и я доложил, что с истинным удовольствием услышал

от нового министра те же самые мнения, которые я уже несколько лет тщетно выражал при каждом случае.

После доклада моего мы сошлись с Сабуровым и прочли подготовленную им вчерне записку, кое-что исправили в ней и дополнили, а сегодня, когда я приехал в Ливадию, нашел уже у себя Сабурова с переписанным набело докладом. Мы оба подписали его и вместе вошли к государю. Сабуров прочел доклад в присутствии наследника цесаревича и, читая, пояснял и развивал наше воззрение на настоящее положение учащейся молодежи и на совершенную необходимость организации этой массы на корпоративных и товарищеских началах. Государь соглашался с нашими доводами и разрешил Сабурову вводить постепенно новые правила отдельно по каждому университету.

Я несказанно рад такому неожиданному для меня повороту студенческого дела. Теперь облегчится и задача Медико-хирургической академии. Нельзя, конечно, обольщать себя надеждой, что с предположенным изменением во взгляде на студенческий вопрос прекратятся всякие поводы к беспорядкам и волнениям в среде учащейся молодежи; но, по крайней мере, отнимется у агитаторов главный и благовидный предлог, которым доселе оправдывались эти беспокойства. Мне известно, что граф Лорис-Меликов разделяет наш образ мыслей по этому вопросу. Наследник цесаревич также поддерживал наше представление.

По дипломатической части сегодня в докладе Гирса не было ничего нового. Дела восточные не подвигаются вперед. Продолжаем получать известия о громадных приготовлениях Китая к войне. Мы, со своей стороны, лишены теперь (в зимнее время) возможности подкрепить наши силы на Крайнем Востоке, не говоря уже о требуемых для того огромных денежных средствах.

25 октября. Суббота. Сегодня в Ливадии после доклада моего виделся с Абазой, который вызван сюда по случаю назначения его министром финансов. Он уже не раз отклонял это предложение; но теперь счел невозможным устраниться, хотя понимает вполне всю трудность принимаемой на себя обязанности при настоящем крайне неблагоприятном положении России, финансовом и экономическом. Для всякого министра финансов главный камень преткновения есть министерство военное; поэтому естественно, что Абаза прежде всего желал объясниться со мной. Я высказал ему, что предместники его совершенно напрасно считали меня своим злейшим противником, что, напротив, я рад всеми силами помогать министру финансов в смысле облегчения наших финансовых затруднений; но вместе с

тем надеюсь, что он также, со своей стороны, будет разумным образом взвешивать настоятельные требования государственной безопасности при нынешней шаткой политической обстановке. Действительно, насколько знаю Александра Аггеевича Абазу, он не будет ни таким[94] самонадеянным, как Грейг, ни таким односторонним и упрямым, как Рейтерн.

Гирса сегодня не видел, так как он прислал сказать государю, что не имеет ничего к докладу. Стало быть, дела политические в застое.

13 ноября. Четверг. Вчера с прискорбием покинул свой Симеиз и переселился в Ливадию. Дочери мои (Надя и Маруся) уехали утром в Севастополь и далее по железной дороге в Петербург, а племянницу Понсэ привез я сюда, к Горбуновым, и сегодня утром проводил ее на пароход, на котором она отправилась в Одессу и далее в Бессарабию к своему отцу. Таким образом, я опять здесь в одиночестве, к счастью, ненадолго: предстоит провести здесь всего несколько дней.

Более двух недель не заглядывал я в свой дневник: нечего было отмечать. Жизнь моя проходила однообразно и спокойно: через день утром в Ливадии с докладом, а в остальное время – в своем излюбленном симеизском приюте. Политические дела в полном застое. Британское либеральное правительство, видя, что кроме России никто другой не хочет действовать настойчиво в отношении Порты, также «спасовало», и вот уже несколько дней ничего не предпринимается ни по черногорскому вопросу, ни по другим требованиям Европы. В самой Англии общественное мнение настроено против энергических мер и особенно против сближения Англии с Россией; поэтому опасность грозила бы нынешнему кабинету, если б он продолжал действовать настойчиво.

Известия с мест приходили весьма неутешительные. Зато как удивила нас полученная сегодня утром телеграмма от нашего адмирала Кремера (в союзной эскадре) о том, что Дервиш-паша, получив от султана положительное повеление передать Дульцинье черногорцам, взялся наконец за оружье, чтобы выгнать албанцев из этого пункта, причем были значительные потери с обеих сторон. Албанцы бежали, и Дервиш-паша предложил черногорцам завтра же занять Дульцинье. Сведение это подтверждено полученною вечером из Цетине телеграммой Шпейера, временно замещающего уехавшего в отпуск Ионина.

Сегодня вечером я был приглашен на чай к государю, и в первый раз случилось мне быть в обществе княгини Юрьевской. Впрочем, я видел ее только за чайным столом; она удалилась в свои комнаты прежде, чем государь окончил обычную свою

партию ералаши.

15 ноября. Суббота. Наконец получены по телеграфу положительные известия о занятии Дульцинье черногорцами. Все очень довольны: князь Николай благодарит государя, который в свою очередь поздравляет князя; а между тем все понимают, что уступка Дульцинье есть со стороны Турции не что иное, как подачка, брошенная Европе, чтобы дать ей предлог к окончательному отступлению от всех требований. Германия и Австрия настойчиво советовали султану сделать эту уступку, обещав, что через это он освободится от всякого дальнейшего давления по остальным вопросам. Франция и Италия ждали передачи Дульцинье, чтобы оправдать свое отступление. Англия также воспользуется случаем, чтобы по крайней мере на некоторое время отложить в сторону восточные дела и заняться своими внутренними вопросами.

Вчера и сегодня я был приглашаем на вечерние собрания у государя и княгини; сегодня же приглашен был также и к обеду. Утром ездил в Симеиз для некоторых окончательных распоряжений и по дороге заехал проститься к княгине Воронцовой и графине Тизенгаузен.

21 ноября. Пятница. Петербург. Выехав из Ливадии 18-го числа утром на Симферополь, где провел часа три у сына, прибыл сегодня утром в Петербург в императорском поезде. Меры, принятые для охранения пути от всяких злодейских покушений, доведены до крайности. Кроме частей войск, расставлено вдоль дороги до 20 тысяч обывателей, конных и пеших. Почти нигде государь не выходил из вагона; на станциях не позволяли быть на платформах ни одному постороннему человеку. Во время самого пути граф Лорис-Меликов получал тревожные телеграммы об аресте разных подозрительных личностей, о провозе каких-то снарядов, орсиньевских бомб и т. п. Боялись даже за переезд в самом Петербурге от вокзала до дворца, так что в столице никто не знал часа приезда государя, а между тем велено было начальству и всем офицерам гвардии находиться на станции для встречи его величества. Таким образом, все ждали в вокзале с 8 часов утра до 10 часов.

Однако же всё обошлось благополучно, и государь спокойно проехал по Невскому проспекту с многочисленным конвоем гвардейских кавалерийских офицеров. Во втором часу назначено было молебствие во дворце: присутствовали исключительно только лица, бывшие в царском поезде, в дорожных костюмах. Молебствие совершалось не в Малой церкви (как бывало обыкновенно), а в приемной комнате перед государевым кабинетом, в котором стоял сам государь с новою своею семьей.

Из императорской же семьи не было никого.

1 декабря. Понедельник. Прошло десять дней со времени возвращения моего в Петербург, и всё это время прошло почти в ежедневных церемониях и торжествах. То Георгиевский праздник, то сдача Плевны, а сегодня 50-летний юбилей принца Петра Георгиевича Ольденбургского. Дела же политические в полном застое. Европа успокоилась; как будто с передачей Дульцинье черногорцам всё улажено и «всё благополучно».

Вчера, в воскресенье, после развода присутствовал в совещании по китайским делам: оно происходило в Министерстве иностранных дел, с участием нового министра финансов Абазы. Общее настроение клонилось к уступчивости, для избежания во что бы ни стало войны с Китаем. Согласились на предложение Гирса не настаивать уже на ратификации Ливадийского договора; а вместо того проектировать новые условия, сообразные с заявлениями китайского уполномоченного, и предъявить их Цзену как наше последнее слово. Посланник наш Бютцов не совсем доволен таким оборотом дела, однако же взялся редактировать новый проект, а барон Жомини принял на себя литературную обработку ноты, которой Министерство иностранных дел обратится к китайскому послу.

4 декабря. Четверг. Сегодня утром приезжал ко мне Бютцов, чтобы показать проектированную в Министерстве иностранных дел ноту с заявлением наших окончательных условий. Вышло совсем не то, что было предположено в совещании 30 ноября: вместо того чтобы, по предположению самого Гирса, решительно объявить Цзену наши условия, Бютцов и Гирс вошли снова в переговоры с китайским уполномоченным и сделали ему новые уступки. Сам Бютцов недоволен мягкостью и уступчивостью Гирса, тем более что, по его словам, Цзен держит себя крайне высокомерно. В проектированной ноте все спорные пункты оставляются на будущее соглашение с китайцами; от Ливадийского договора не остается почти ни одного клочка, что и высказал я откровенно Гирсу при встрече с ним во дворце перед обедом. Дело с китайцами так испорчено, что уже едва ли можно поправить его и восстановить прежний тон наших с ними отношений.

К царскому обеду приглашены были, кроме Гирса и меня, приехавшие из Вены посол наш Убри и военный агент генерал-майор Свиты Фельдман. За обедом присутствовала и княгиня Юрьевская. Час обеда уже не шесть, как прежде, а семь – по-ливадийски.

На днях приезжал ко мне государственный секретарь Перетц с поручением от председателя Государственного совета великого

князя Константина Николаевича, который возымел мысль восстановить в Государственном совете прежний департамент военных дел, давно уже переставший существовать и окончательно упраздненный в 1864 году. Меня крайне удивило такое неожиданное предположение, тем более что упразднение этого мифического департамента, утратившего всякое значение с учреждением Военного совета, совершилось по представлению самого же великого князя Константина Николаевича, вскоре по назначении его председателем Совета. Конечно, я откровенно высказал Перетцу свое мнение о несообразности такого предположения; сам Перетц проговорился, что главной целью великого князя было создание положения брату его, великому князю Николаю Николаевичу, которого предполагалось назначить председателем воскрешаемого департамента. Я не скрыл от моего собеседника, что, независимо от личных отношений моих с Николаем Николаевичем, я сочту невозможным в случае осуществления нового проекта оставаться в должности военного министра и воспользуюсь предлогом, чтобы удалиться на покой, о чем так давно мечтаю. Перетц рассыпался в уверениях, что при таком взгляде моем на предположение председателя Государственного совета не может быть об этом и речи.

6 декабря. Суббота. Сегодня во время моего доклада государь спросил меня, не читал ли я статью в «Московских ведомостях» о том, что будто бы предполагается Военное министерство разделить на две части, подобно прежде существовавшему разделению на собственно министерство и Главный штаб его величества. Я не читал статьи «Московских ведомостей», но слышал уже о появлении этой утки в других газетах. С какой точки зрения взглянул на эту странную выдумку сам государь, я не мог подметить.

После доклада ездил в Аничков дворец поздравить наследника и цесаревну с именинами старшего их сына. Позже был у меня князь Гика, только что возвратившийся к своему посту представителя Румынии при нашем дворе.

Вчера заезжал опять ко мне Бютцов и сообщил о новых разговорах с Цзеном. Давно пора бы прекратить эти разговоры; но Бютцов только теперь принимается за редактирование окончательных условий, которые должны быть предложены китайскому правительству взамен Ливадийского договора. Мы условились, в каком смысле изложить статью, относящуюся к изменениям пограничной черты.

8 декабря. Понедельник. После заседания Государственного совета великий князь Константин Николаевич пригласил меня в свой кабинет, чтобы объясниться по делу, о котором уже говорил

мне, по его поручению, статс-секретарь Перетц. Великий князь уверял меня в том, что он в своем предложении отнюдь не имел намерения что-либо предпринять вопреки моим желаниям, что не решился бы и поднять вопроса, если б не предполагал, что мысль его согласуется с моими мнениями. Я в свою очередь сказал великому князю, что в суждениях своих о делах служебных никогда не руководствуюсь какими-либо личными своими удобствами или желаниями, и повторил те же возражения, которые высказывал уже Перетцу против предположения о восстановлении департамента военных дел. Само собою разумеется, что при этом объяснении (в присутствии Перетца) не было даже произнесено имя великого князя Николая Николаевича.

После заседания Государственного совета заехал я навестить больного А. А. Баранцова, которого нашел в менее тяжелом положении, чем ожидал.

9 декабря. Вторник. После моего доклада у государя продолжительный доклад Гирса. Главным предметом обсуждения были последние разговоры Сабурова с Бисмарком, перед самым отъездом нашего посла из Берлина. Привезенное им самим донесение об этих разговорах не совсем удовлетворяет ожидания государя.

Из дворца ездил я в Академию Генерального штаба, где послушал чтение одного из офицеров выпускного класса. Затем присутствовал в Комитете министров и Кавказском комитете. Перед обедом были у меня Сабуров и Бютцов. Первый выразил желание, чтобы мы с ним и Гирсом предварительно сошлись для серьезного обсуждения последних предложений Бисмарка, прежде доклада о них государю. Бютцов прочел мне проектированные им статьи нового договора с Китаем. Условия эти до того смягчены против Ливадийского договора, что, кажется, со стороны Цзена не может уже быть никаких возражений: мы уступаем ему по всем пунктам. Решено даже отказаться от предложенной им самим прибавки 2½ миллионов рублей к сумме, выговоренной в Ливадийском договоре в вознаграждение наших издержек по занятию Кульджи. Сегодня испрошено Гирсом у государя соизволение на эту великодушную с нашей стороны уступку.

16 декабря. Вторник. В течение недели несколько раз приезжал ко мне посол Сабуров, чтобы снова толковать о редакции предполагаемого соглашения между тремя империями. Мы придумали многие значительные исправления и дополнения к статьям, формулированным князем Бисмарком. Некоторые полезные указания были даны и послом нашим в Вене Убри.

Были также новые совещания по редакции окончательных условий с китайским уполномоченным. Гирс на днях объявил мне с радостью, что Цзен сам предложил прибавку к прежней сумме вознаграждения за оккупацию Илийской долины: вместо 2½ миллионов рублей металлических он уже предлагает 4 миллиона, что с прежними 5 миллионами составит 9. От такой прибавки Гирс полагает не отказываться.

Сегодня после моего доклада назначено было у государя совещание с Гирсом и обоими послами – Сабуровым и Убри – по предполагаемому секретному соглашению между тремя императорами. Окончательно выработанный общими силами проект одобрен государем, и на этот раз наследник цесаревич отозвался также сочувственно. Если князь Бисмарк даст свое согласие на эти условия без изменений, то, кажется, мы можем быть довольны.

Также и по китайским делам, по-видимому, достигнут удовлетворительный исход. Цзен остался весьма доволен предъявленными ему условиями и объявил, что мог бы подписать их без предварительною сообщения в Пекин, но из осторожности все-таки спросит разрешения по телеграфу.

В последние дни я страдал нервной болью во всей правой стороне тела, так что, кроме выезда во дворец в дни докладов, избегал всякого движения.

31 декабря. Среда. Вот и последний день года, оставляющего во многих отношениях тяжелые воспоминания. Последние две недели я не заглядывал в свой дневник; нечего было отмечать в нем. Политика в застое. Вся Европа только и думает о внутренних своих делах, страшно боясь расшевелить опять нескончаемый восточный вопрос. Оба наши посла – Сабуров и Убри – возвратились на свои посты с новою программой для восстановления тройственного союза императоров. Выйдет ли из этого что-нибудь прочное и действительное – трудно предсказывать: дело в том, что у всех трех правительств залегло глубоко в сердце и убеждениях взаимное недоверие. Этим объясняется тот странный факт, что среди общего желания сохранить мир одновременно с самыми дружескими переговорами о союзе принимаются в пограничных областях всех трех империй (особенно же в Германии) деятельные и дорогостоящие военные меры.

В продолжение этих двух недель я выезжал из дому только к докладам во дворец и никуда больше, по причине боли в ноге. Однако же сегодня должен был сделать исключение и присутствовал в экстренном общем собрании Государственного совета по случаю утверждения финансовой росписи на будущий

1881 год. Несмотря на все усилия сократить расходы, оказалось невозможным свести баланс; официально заявлен дефицит в 50 миллионов рублей. По этому поводу сегодня в Государственном совете произнесены были длинные речи: сначала Головниным, который поставил себе специальной обязанностью каждый год высказываться по делу смет; потом министром финансов Абазой и, наконец, государственным контролером.

Во всех речах звучала главная нота – финансы наши расстраиваются только благодаря Военному министерству; единственный способ поправить их – сократить армию и военные требования. Повторение этого мотива вызвало и меня на сцену; я должен был сказать несколько слов, чтобы объяснить почтенному собранию, что размеры наших военных сил зависят не от нашей доброй воли, а от политического положения Европы; что плохую услугу Отечеству окажет тот, кто предложит ослабить наши вооруженные силы ввиду всё продолжающегося возрастания сил и средств соседних с нами держав.

Само собой разумеется, что весь этот обмен речей имел характер[95] рассуждений академических; никто серьезно не верил возможности с нашей стороны подать пример разоружения, проповедуемого принцем Петром Георгиевичем Ольденбургским.

Сегодня получена телеграмма о кровопролитном бое, бывшем 23 декабря под Геок-Тепе, при заложении первой параллели. По соглашению с кавказским начальством решено отныне публиковать известия из Закаспийского края. По желанию Скобелева до сих пор воздерживались от оглашения его распоряжений и действий. Теперь уже наступил момент решительного столкновения; оставлять долее публику в полной неизвестности невозможно. В завтрашних же газетах, как столичных, так и тифлисских, в первый день нового года появятся военные известия из Закаспийского края.

Последнее дело 23 декабря было кровопролитно. Хотя у нас выбыло из строя, по показаниям официальной телеграммы, всего 74 человека, но в числе убитых был генерал-майор Петрусевич, смерть которого Скобелев признает весьма тяжелой потерей.

1881 год

2 января. Пятница. Вчера я был во дворце только с докладом, после которого немедленно возвратился домой. Боль ноги избавила меня от обязанности присутствовать на выходе и объезжать великокняжеские дворцы.

Сегодня совсем не выезжал из дома. Было у меня продолжительное совещание по проекту усиления новыми укреплениями нашей стратегической позиции на Висле. Предварительное предположение разработано особой комиссией (под руководством генерала Обручева) из способнейших наших специалистов по Генеральному штабу, Инженерному корпусу и артиллерии. В сегодняшнем совещании принял участие генерал-адъютант Альбединский с его начальником штаба князем Шаховским и генерал-майором Генерального штаба Пфейфером. Проект вообще одобрен; теперь остается вопрос, дадут ли нам денежные средства для осуществления этого проекта, хотя бы с рассрочкой на несколько лет.

А дело неотложно необходимое ввиду грандиозных мер, принимаемых нашими соседями в пограничных с нами областях. Пруссаки уже настроили громадные крепости и густую сеть железнодорожных путей; теперь австрийцы принялись также за работы. Кроме Кракова мы будем иметь под носом обширный укрепленный лагерь в Перемышле. Несмотря на скудость финансовых средств Австро-Венгрии, делегации в последней своей сессии не пожалели многих миллионов на военные сооружения, явно направленные против России.

3 января. Суббота. После своего доклада присутствовал я при докладе Гирса. Главным предметом его доклада были полученные от Сабурова донесения о беседах его с князем Бисмарком по возвращении в Берлин. Германский канцлер высказывается в самом благоприятном для нас смысле; он не только соглашается на все условия, которые были нами формулированы здесь, но идет еще далее и предлагает изменения и дополнения, выгодные для наших целей. Сабуров удостоверяет в том, что отношение личное Бисмарка к австрийскому первому министру совсем не так любовно, как мы предполагали; что германский канцлер был бы даже не прочь столкнуть Хаймерле, чтобы посадить на его место опять графа Андраши.

Что касается императора Вильгельма, то он выказывает самое теплое сочувствие к делу восстановления тройственного союза. Но весьма сомнительно, примет ли австрийский министр те условия, которые будут заявлены ему от имени Германии.

Сговорились, чтобы условия эти прежде всего были открыты лично императору Францу-Иосифу великим герцогом Саксен-Веймарским, который с этой целью вызван в Берлин. Герцог пользуется полным доверием и уважением всех трех императоров. Наш государь уже написал ему собственноручное письмо. В одно время с объявлением проекта Францу-Иосифу принц Рёйсс заявит его австрийскому первому министру. Таков план, придуманный самим Бисмарком. Все соображения и предложения Сабурова одобрены государем, и в таком смысле Гирс редактировал ответную депешу.

В городе много толкуют о магнетических опытах Ганзена, датчанина, производящего необыкновенные действия над объектами, выбираемыми из публики. На днях он показывал опыты в Педагогическом музее перед большим числом врачей; вчера же был приглашен во дворец. Непостижимая сила, которой один человек может почти мгновенно приводить другого в состояние полного бесчувствия и окоченения, приводит в изумление.

5 января. Понедельник. У меня было продолжительное совещание по вопросам, возбужденным управляющим Министерством народного просвещения Сабуровым относительно университетских порядков. Началом этому делу послужила записка, поданная государю еще в Ливадии за общей подписью Сабурова и моей. Предположения Сабурова о снятии с университетской молодежи драконовских строгостей, введенных со времени беспорядков 60-х годов, приняты были государем одобрительно, но с тем, чтобы подвергнуть их обсуждению всех министров, в ведении которых состоят разные высшие учебные заведения. С этою целью и собрались сегодня у меня граф Лорис-Меликов, Абаза с товарищем Бунге, Посьет, князь Ливен, Победоносцев, Делянов и Исаков. Заседание началось длинным изустным изложением Сабурова; весьма хорошо развил он соображения, по которым мы находим необходимым изменить существующие порядки в университетах и в соответствующих им специальных высших учебных заведениях.

Затем и я сказал несколько слов в пояснение мотивов, побудивших меня сделаться союзником Сабурова в этом деле. Также высказал несколько слов в подкрепление наших предложений граф Лорис-Меликов. После того предложено было мною выслушать мнения Бунге и Исакова, как более всех нас знакомых с университетским бытом. Бунге ограничился несколькими частными замечаниями по содержанию записки Сабурова; но Исаков совершенно для меня неожиданно высказался против предлагаемых новых мер, и затем все прочие

члены совещания, один за другим, в разной степени восстали против них. Сильнее всех напали Делянов и Победоносцев, чего, впрочем, и следовало ожидать. Видя совершенную невозможность прийти к какому-либо соглашению противоположных взглядов, я предложил отложить дальнейшие суждения до другого раза.

Условились собраться в будущую пятницу, и, оставшись вдвоем с Сабуровым, мы стали придумывать, какие уступки можно было бы допустить в наших предположениях, чтобы в будущем совещании привлечь на нашу сторону хотя бы некоторых из числа нынешних наших оппонентов. [Очевидно, что никакого единогласного решения достигнуть невозможно; такие ярые консерваторы, каковы Делянов и Победоносцев, ни в каком случае не могут отречься от своей ретроградной точки зрения. Это неисправимые кастраты.]

Вечером Гирс прислал мне прочитать некоторые новые и весьма любопытные депеши. Сабуров дает отчет об успехе своих переговоров с Бисмарком, который горячо принялся за дело и неотлагательно обращается с предложениями к Венскому кабинету через посредство принца Рёйсса. Великий герцог Веймарский отказался от предложенной ему роли посредника. Другое, приятное, известие – получение китайским послом Цзеном согласия пекинского правительства на предложенные новые условия мирного договора. Китайское правительство даже поручает своему уполномоченному принести благодарность российскому императору за его снисходительные и умеренные условия. Таким образом, теперь уже можно вполне рассчитывать на мирную развязку наших недоразумений с Китаем. Авось не случится опять какого-нибудь неожиданного поворота в Пекине.

Поздно вечером государь прислал мне новую телеграмму с известием от Скобелева. Текинцы сделали вторичную вылазку в ночь на 31 декабря, даже ворвались было в один из наших редутов и увезли одно горное орудие (но без затвора). Бой был кровопролитный; у нас потеря состояла из 52 убитых и 96 раненых. По донесению Скобелева, вылазка эта нисколько не замедлит осадных работ, бомбардировка неприятельских укреплений продолжается еще усиленнее.

6 января. Вторник. Сегодня [не знаю почему] не было обычного выхода во дворце; на церемонии водосвятия присутствовали, кроме духовенства, только великие князья.

Обыкновенным порядком был я с докладом – сначала один, а потом с Гирсом. Государь встревожен ходом дел под Геок-Тепе, зато доволен известиями из Пекина и Берлина. Кояндер прислал копию с любопытной записки, поданной китайскому правительству каким-то сановником, который дает совет теперь

быть уступчивым, чтоб избегнуть войны, но продолжать настойчиво и не жалея средств вооружаться и усиливаться, дабы в свое время быть более, чем теперь, готовыми к борьбе с европейскими противниками. По всему видно, что записка эта выражает действительно принятую китайским правительством политическую программу.

Возвратившись из дворца домой, я поспешил известить по телеграфу начальников наших дальних пограничных округов, чтобы они приостановили все новые военные меры, сопряженные с расходами и предположенные исключительно на случай разрыва с Китаем; но вместе с тем подтвердил, чтобы занялись разработкою плана для будущего военного устройства наших пограничных с Китаем окраин ввиду выяснившегося намерения нашего гигантского соседа развить и преобразовать свои военные силы. Уже теперь Китай не тот, каким был лет 15 тому назад; а кто знает, каким будет он впредь через 15 лет.

10 января. Суббота. Вчера было у меня вторичное совещание по университетскому вопросу. На сей раз мы, по предварительному соглашению с Сабуровым, графом Лорис-Меликовым и некоторыми другими из членов совещания, ограничили вопрос только предположением о преобразовании инспекции студентов и подчинении ее ректору и правлению. Однако же и при таком ограничении вопроса не избежали мы продолжительных и горячих прений только из желания некоторых членов излить свою желчь на новое Министерство народного просвещения. Опять отличились ядовитыми речами Делянов и Победоносцев. К общему удивлению, Исаков примкнул к этим двум пессимистам, в глазах которых студенчество представляется в виде толпы извергов и негодяев, с которыми ничего не поделаешь, какое бы ни придумывалось устройство университетского быта.

Когда вся желчь была излита, все, кроме одного Делянова, заявили с некоторыми оговорками согласие на предложенную меру и даже вынуждены были признать, что университетскому начальству невозможно поставить в обязанность строго преследовать всё то, что запрещалось прежними драконовскими правилами: студенческие столовые, читальни и т. п.

Совещания наши выказали ясно, что дух, царивший в бывшем министерстве графа Толстого, и теперь еще имеет горячих поборников, которые подкапываются под нового министра; с другой стороны, выказалась также слабость и простодушие этого министра. Андрей Александрович Сабуров – хороший, доброжелательный и честный человек; но он не в силах будет долго удержаться на своем трудном посту. Он сохранит его,

только пока его поддерживает всемогущий в настоящее время граф Лорис-Меликов.

Сегодня государь спросил меня о результате наших совещаний. Впрочем, он уже знал из доклада графа Лорис-Меликова о первом заседании, что предположения Сабурова, поддержанные мною в Ливадии и предварительно уже одобренные самим государем, встретили упорную оппозицию.

Сегодня после моего доклада был доклад Гирса; в политике нет ничего примечательного. Продолжается обмен телеграмм и депеш по греко-турецкому вопросу и по другим, менее важным.

Между тем в последние дни произошли у нас значительные перемещения должностных лиц. Киевский генерал-губернатор генерал-адъютант Чертков обиделся ревизией сенатора Половцева и подал прошение об увольнении от должности. Предположено переместить в Киев генерал-адъютанта Дрентельна, на место которого в Одессу – князя Дондукова-Корсакова, а в Харьков назначить князя Святополк-Мирского (старшего). В то же время перемены и в личном составе Петербургского военного округа: князь Имеретинский по настойчивому желанию наследника цесаревича увольняется от должности начальника окружного штаба и замещается генерал-адъютантом Розенбахом, к которому наследник привык во время командования гвардейским корпусом. На место Розенбаха начальником корпусного штаба назначается генерал-майор Игнатьев, командир кавалергардского полка. Все эти перемещения должны быть объявлены на днях.

Сегодня же было у меня совещание по вопросу о предполагаемых изменениях в устройстве Военно-топографического училища и состоящей при нем учебной команды. После того был у меня полковник Пржевальский, только что возвратившийся из четвертого путешествия в Китай. Пржевальский приобрел в Европе известность замечательного путешественника по необыкновенной энергии, выказанной им в трудных и даже опасных странствованиях среди диких пустынь Внутренней Азии. Он представлялся сегодня государю, который принял его особенно благосклонно. Сам Пржевальский и все его спутники получили награды. Знаменитому путешественнику готовят разные чествования.

Обедал у меня поручик Ползиков, адъютант болгарского князя Александра, присланный сюда с письмом к государю и с разными поручениями. Рассказы приезжих из Болгарии представляют тамошнее положение дел не в розовом цвете. Генерал Эрнрот, о котором все без исключения отзываются с большими похвалами, не хочет оставаться военным министром;

а с удалением его угрожают общим бегством и другие, более заметные русские офицеры. Князь Александр не может примириться с положением конституционного князя в полудиком маленьком государстве. По всему видно, что его не покидает мысль о военном *coup d'état*. В письме к государю есть такая фраза о том, что «даже и граф Милютин должен признать долготерпение», выказанное князем Александром, при теперешней «невозможной» конституции. Это намек на те разговоры, которые я имел с ним неоднократно во время пребывания его в Петербурге, и на советы мои не прибегать к замышляемому им перевороту. Эти же замыслы князя Александра, поддерживаемые некоторыми иностранными агентами (в особенности австрийским тонким дипломатом графом Кевенгюллером), кажется, и составляют существенную причину нежелания генерал Эрнрота оставаться болгарским военным министром.

13 января. Вторник. В прошлое воскресенье обычное у меня вечернее собрание было многочисленнее и оживленнее обыкновенного. Знаменитый наш полковник Пржевальский приехал ко мне прямо с обеда, который давали в честь его офицеры Генерального штаба. Мои гости с любопытством слушали его интересные рассказы.

Вчера, в понедельник, было короткое заседание в Государственном совете; но после заседания я оставался довольно долго для объяснений с Абазой, Сольским и Старицким по делу о расчетах с товариществом, продовольствовавшим действующую нашу армию в последнюю войну. Сегодня же докладывал я государю о дальнейшем направлении этого сложного и запутанного дела. Как само товарищество, так и Старицкий, и Сольский, и даже Абаза клонят на мировую. Вопрос лишь в том, какие основания принять для определения цифры надбавки к сумме, которая уже присуждена комиссией Старицкого в уплату товариществу.

После доклада моего и Гирса я председательствовал в Комитете по делам польским. Обсуждался первый отчет, представленный государю новым варшавским генерал-губернатором Альбединским. В отчете этом снова возбуждаются принципиальные вопросы, по которым необходимо дать генерал-губернатору положительные указания от Комитета. Поэтому пришлось толковать довольно много; к счастью, не оказалось слишком большого разномыслия и нетрудно было по всем вопросам прийти к единогласным заключениям.

14 января. Среда. В 10 часу утра государь прислал мне телеграмму, только что полученную от великого князя Михаила

Николаевича, с известием о взятии неприятельских укреплений Геок-Тепе и полном поражении текинцев. По приказанию государя я немедленно же поехал во дворец. Государь был в большой радости, сознавался, что до сей минуты его сильно озабочивала Текинская экспедиция, приказал произвести генерал-адъютанта Скобелева в полные генералы и пожаловал ему орден Святого Георгия 2-й степени. Скобелев, несомненно, заслужил эту награду. Все, даже не расположенные к нему, отдают справедливость его энергии, умению вести дело и замечательной выдержке, которой прежде в нем не признавали. Блистательный успех при Геок-Тепе после прошлогодней неудачи Ломакина[96], несомненно, поправит наше положение не только в Закаспийском крае, но и в целой Азии.

Распорядившись о публикации радостного известия и о наградах Скобелева, я поздравил по телеграфу великого князя Михаила Николаевича и самого победителя. Новость немедленно облетела весь город. Завтра назначен во дворце большой выход с благодарственным молебствием. Это нахожу уже лишним.

Утром был в Военно-топографическом училище, осматривал съемочные работы в Восточной Болгарии; потом в Военном совете и перед обедом успел еще отдать визит австрийскому послу Кальноки.

20 января. Вторник. Вчера, пользуясь облегчением боли в ноге, ездил утром по учебным заведениям, взамен обычного моего по понедельникам приема просителей. Был также в манеже Гвардейской конной артиллерии для осмотра вновь проектированного, значительно облегченного зарядного ящика.

Перед обедом вчера же принимал спутников Пржевальского: двух молодых офицеров – Эклона и Роборовского – и двух солдат Каспийского пехотного полка. Сегодня же они представлялись и государю после моего доклада.

Получена телеграмма с подробностями о штурме Геок-Тепе. Оказывается, успех был еще важнее, чем первоначально нам казалось. Скобелев восхваляет войска свои и называет лиц, особенно отличившихся.

Блестящий успех Скобелева уже произвел сильное впечатление в Европе, тем более что последовал вслед за неудачами, понесенными англичанами в Афганистане, и совпал с их поражениями в Южной Африке. Сегодня вторично заехал ко мне лорд Дефферин и на этот раз застал меня дома. Он добродушно сопоставлял наши успехи с британскими неудачами, объяснял мне положение дел в Капской колонии, но более интересовался нашими видами в Закаспийских степях. Разумеется, я старался успокоить его, однако же высказал, что,

вероятно, Скобелев не остановится на полпути и закончит полное покорение всего Текинского оазиса.

От Сабурова из Берлина получены весьма интересные сведения о том, как приняты в Вене предложения Бисмарка о восстановлении тройственного союза. Государь и Гирс очень довольны этими известиями. Австрия подается на предложения, хотя и тут все-таки проглядывают закоренелое недоверие к нам и какие-то затаенные мысли, которые ничем устранены быть не могут. Бисмарк прочел Сабурову *in extenso*[97] донесение принца Рёйсса и показывал свои на полях отметки, что вполне успокаивает нашего посла относительно искренности намерений германского канцлера.

Заезжал я сегодня в военно-топографический отдел Главного штаба для осмотра съемок Болгарии. Теперь все снятые планшеты вычерчены; приступаем к составлению общей карты в масштабе 3 верст в дюйме.

23 января. Пятница. От Скобелева получены благоприятные известия: передовой его отряд 18 января занял без боя Ашхабад и некоторые другие пункты на восточной окраине Текинского оазиса. Начинают являться от текинцев депутации с изъявлением покорности.

Сегодня утром приехал великий князь Михаил Николаевич со всей своей семьей. Я не мог быть при встрече их на станции железной дороги, а поехал в 12 часу к ним во дворец, где и видел всю семью.

25 января. Воскресенье. 25 лет тому назад великие князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич были поставлены во главе двух важных военно-специальных ведомств: инженерного и артиллерийского; а начальниками штабов приставлены к ним генерал Кауфман, нынешний генерал-губернатор туркестанский, и генерал-адъютант Баранцов. Впоследствии, при преобразовании Военного министерства, эти начальники штабов обратились в «товарищей» своих августейших начальников. Великий князь Михаил недолго начальствовал артиллерийской частью; он был назначен наместником кавказским. Старший же брат хотя и оставался всё 25-летие генерал-инспектором по инженерной части, однако же в действительности мало занимался этой частью и мало принес ей пользы. Было предположено праздновать сегодня юбилеи обоих великих князей; но Николай Николаевич в отсутствии, за границей, а Михаил Николаевич решительно отклонил это празднование, справедливо сознавая, что не он управлял 25 лет артиллерийской частью, а генерал Баранцов. Это – благородная черта.

Вчера было условлено, что все наличные артиллеристы

съедутся сегодня в Главное управление для поздравления не генерал-фельдцейхмейстера, только носящего этот титул, а товарища его, генерала Баранцова. Так и было сделано, совершенно сюрпризом для самого доброго и почтенного юбиляра. Но после поздравления я возвратился домой с угрызениями совести: мне было досадно, что не догадался воспользоваться настоящим случаем, чтобы выпросить у государя какой-нибудь знак внимания старику, хотя бы просто рескрипт. Эта мысль мучит меня весь день. Попробую завтра исправить непростительный промах, хотя бы задним числом.

Несмотря на свою больную ногу, я должен был сегодня влезать на фотографический павильон Деньера по требованию придворного живописца Ботмана, которому заказан государем мой портрет для большого коридора в Зимнем дворце. [Для такой большой чести стоило влезать несколько десятков ступеней.]

26 января. Понедельник. Утром заехал к великому князю Михаилу Николаевичу, чтобы переговорить с ним о некоторых кавказских делах, преимущественно о Закаспийском крае, а также поделиться угрызениями моей совести по поводу вчерашнего юбилея Баранцова. Затем я поехал во дворец и, с согласия великого князя, доложил государю о несбывшихся вчера ожиданиях всей артиллерии. У меня в портфеле были даже два проекта рескрипта Баранцову. Государь принял мое заявление весьма благосклонно и почти изъявил уже согласие на возведение Баранцова в графское достоинство, но потом нашел более уместным отложить эту награду до 19 февраля.

Позже, в заседании Государственного совета, я виделся с великим князем Михаилом Николаевичем и передал ему результат моего доклада. Заседание было весьма непродолжительно.

От Сабурова получены снова чрезвычайно любопытные письма. Император Франц-Иосиф в ответном письме к императору Вильгельму изъявляет с сочувствием полное свое согласие на предположенный тройственный союз, но в то же время принц Рёйсс сообщает князю Бисмарку мелочные замечания барона Хаймерле на редакцию проектированных условий. По этому поводу Сабуров имел продолжительные совещания с Бисмарком, который придумывал всевозможные варианты для успокоения мелочного австрийского министра, с сохранением всего существенного, что было предположено в наших интересах. Благорасположение германского канцлера доходит до того, что Сабуров решается даже затронуть с ним щекотливые вопросы о будущности Балканского полуострова в случае распада империи Османа. При этом он напоминает о моей

записке, составленной прошлой осенью в Ливадии, и спрашивает разрешения при известных благоприятных условиях забросить кое-какие идеи в том смысле, в каком мною изображен был идеал будущей Балканской конфедерации.

Сабуров, со своей стороны, добавляет к моему идеалу свою черту – желание, чтобы России было предоставлено владеть выходом из Босфора в Черное море. Об этом мы говорили уже во время последнего пребывания Сабурова в Петербурге: я высказал ему, что, конечно, предлагаемая им добавка была бы очень желательна для нас как противовес (*compensation*) тем выгодам, которые в моем проекте предоставлялись бы Австрии на Балканском полуострове. Но вместе с тем, говорил я, эта добавка может испугать Англию, а, следовательно, подвергнуть сомнению успех всего проекта.

27 января. Вторник. Сегодня был большой обед у великого князя Михаила Николаевича в честь Александра Алексеевича Баранцова. Участвовали одни артиллеристы – и я в числе их. Обед был с музыкой, тостами и спичами. Генералу Демьяненкову (инспектору классов Артиллерийского училища) было поручено изложить оказанные Александром Алексеевичем заслуги нашей артиллерии. Речь его, очень длинная, вызвала ответную речь со стороны виновника торжества. Генерал Баранцов старался доказать, что не ему следует приписывать все перечисленные заслуги, а самому генерал-фельдцейхмейстеру. Со своей стороны, и великий князь отклонил от себя приписываемую ему честь, ссылаясь на свое отсутствие в последние 18 лет празднуемого 25-летия. Это было, как говорят французы, *combat de générosité*[98]. По правде, всё, что сделано по артиллерии в эту четверть века, всецело следует приписать Баранцову, который и теперь, несмотря на свои лета и частые болезни, продолжает вести дело усовершенствования всех частей артиллерийского ведомства с любовью и, можно сказать, почти с юношескою горячностью.

31 января. Суббота. Сегодня мой доклад происходил в присутствии трех великих князей: наследника цесаревича, Михаила Николаевича и Владимира Александровича. Между прочими слушались и вопросы по делам кавказским: главный – относительно замещения Скобелева, который болен и намерен просить об увольнении от возложенной на него временной обязанности в Закаспийском крае. Я рекомендовал на должность начальника Закаспийского отдела полковника Куропаткина, который в последнюю войну показал себя хорошим боевым офицером и всегда был разумным работником по делам азиатской администрации.

Великий князь Михаил Николаевич клонит к назначению

генерал-лейтенанта Рерберга, бывшего инженера, а теперь начальника Кавказской гренадерской дивизии, человека хорошего, дельного, но далеко менее даровитого. У нынешнего наместника кавказского замечается та же маленькая слабость, в которой укоряли и его предшественников, – стремление к обособлению Кавказской армии, к замещению всех открывающихся в крае должностей своими местными кандидатами, «кавказцами», с устранением личностей посторонних. Имея в виду еще впереди несколько других новых назначений по Кавказской армии, я воспользовался настоящим случаем, чтобы высказать перед самим государем неудобства и невыгоды такой системы.

После моего доклада я присутствовал при докладе Гирса. Нового ничего нет. Проект договора с Китаем окончательно редактирован после долгих и мелочных споров с Цзеном.

Позже было у меня второе продолжительное совещание о новых предположениях по укреплениям в западном нашем пограничном пространстве. На этот раз обсуждались проекты укреплений Дубно и Киева, составленные той же комиссией, которая разрабатывала и проекты укреплений в Варшавском и Виленском округах. После долгих споров проекты комиссии одобрены.

В последнюю неделю как-то особенно много было похорон. Только что похоронили князя Дмитрия Александровича Оболенского, члена Государственного совета, и барона Врангеля, члена Военного совета, и вот хороним еще одного члена Государственного совета – барона Будберга. В то же время похороны двух знаменитых наших писателей Достоевского – (здесь в Петербурге) и Писемского (в Москве).

10 февраля. Вторник. С тех пор как начались мои боли ноги, в первый раз сегодня мог я воспользоваться приглашением к обеду во дворце. Кроме меня, приглашены граф Лорис-Меликов, Гирс, Андрей Алексеевич Сабуров, Черевин и князь Имеретинский. В последнее время обеды в Зимнем дворце уже не те, что были в прежнее время, при покойной императрице; чувствуется какая-то натянутость, неловкость, фальшь. С грустью вспоминаешь прошлое.

За истощением толков об экспедиции Скобелева и о похоронах Достоевского город, по обычаю, принялся за мелкие сплетни. Предметом разных злых шуток и клевет сделался бедный генерал Анненков (Михаил Николаевич), с которым Скобелев поступил предательски [и гнусно]: вместо благодарности за оказанные Анненковым существенные услуги (устройство сообщений в тылу действующего отряда) Скобелев,

неизвестно ради каких побуждений, не донес о ране Анненкова и возбудил какие-то насчет этой раны сомнения. Рана Анненкова сделалась предметом всяких двусмысленных шуток не только в салонной болтовне, но и в газетах[99]. Я старался сколько мог защитить Анненкова от злословных намеков; поддержал его и великий князь Михаил Николаевич; и результатом стало то, что государь принял Анненкова весьма милостиво, почти час разговаривал с ним и слушал его рассказы.

Другим предметом городских толков был Годичный акт в университете в прошлое воскресенье, 8 февраля. Двое или трое из студентов-евреев вздумали с хор крикнуть и бросить листки с воззваниями против министра народного просвещения и университетского начальства. Суматоха была скоро прекращена самими студентами, которые вытолкали нарушителей порядка, а на другой день избили их, не ожидая приговора университетского суда. Тем дело и кончилось. Сабуров видит в этом случае благоприятный признак в смысле настроения большинства студентов; но в городе рады из мухи сделать слона и ухватились за университетскую историю, чтобы посплетничать на Сабурова. Прежние клевреты графа Толстого злорадствуют.

В политике тишь и пустота. В Константинополе должны начаться переговоры с Портой о разграничении ее с Грецией. Бисмарк согласился стать во главе новой дипломатической кампании, между тем как Англия стушевалась, занятая своими домашними заботами: делом ирландским и военными неудачами в Капской колонии[100].

12 февраля. Четверг. По окончании моего доклада государь призвал в кабинет барона Шернваль-Валлена (статс-секретаря по делам Финляндии), чтобы разрешить возникший между ним и мною щекотливый вопрос о сумме в 40 тысяч марок, назначенной финляндским сенатом в виде добавочного содержания военному министру и на его расходы по делопроизводству относительно вновь учреждаемого финляндского войска. Я отказался от этой подачки сената, заявив, что по высочайше утвержденному положению о финляндских войсках на русского военного министра никаких особых обязанностей не возложено, а потому и в особом по этим войскам делопроизводстве надобности не предвидится.

Дело в том, что проект означенного положения был составлен финляндскими дельцами помимо Военного министерства, с полным устранением последнего от заведывания военными силами Великого княжества, и, несмотря на представленные мною весьма существенные возражения против такого обособления и одобрение этих возражений самим государем,

проект финляндцев почти без изменения был поднесен на высочайшее утверждение. Когда же я упрекнул в таком подлоге барона Шернваля, мне заявили в успокоение, что положение вводится только в виде опыта и по истечении 10 лет могут быть сделаны изменения, какие окажутся необходимыми.

Ввиду такого заявления я признавал нужным сохранить за военным министром полную независимость мнения при будущем пересмотре положения и не связывать его никак с управлением Великим княжеством. На первый мой отказ от назначенного финляндским сенатом добавочного содержания барон Шернваль отвечал, что сумма уже ассигнована сенатом, внесена в финансовую роспись и отказ мой произвел бы замешательство в отчетности.

Однако же я настоял на своем отказе, присовокупив, что предоставляю финляндскому правительству, во избежание приводимых неудобств, обратить ассигнованную им сумму на улучшения в размещении русских войск в Финляндии.

Финляндцы, разумеется, поняли колкий мой намек. Письмо мое было представлено государю, который и потребовал по этому случаю барона Шернваля в одно время со мной. Я объяснил государю свои побуждения. Государь решил, чтобы назначенную сенатом сумму все-таки доставили в мое распоряжение для покрытия расходов, какие я признаю полезными.

После доклада я заехал к Гирсу, чтобы переговорить с ним по содержанию вновь полученного письма от нашего посла в Берлине. Сабуров, со своею обычною ретивостью, слишком поспешно и горячо уцепился за мой проект о Балканской конфедерации. Он уже собирается заговорить о нем с Бисмарком и даже ввести его в переговоры с Австрией. Гирс испугался такой несвоевременной фантазии посла и прислал мне заметки, набросанные бароном Жомини по поводу означенного проекта. Я поспешил объяснить Гирсу, что, по моим понятиям, было бы преждевременно теперь заводить речь о моем проекте не только с Австрией, но и с Бисмарком. Я вполне согласился с Гирсом, что прежде надобно закончить переговоры, начатые уже о заключении тройственного союза, дать укрепиться этому союзу и уже после того выждать благоприятных обстоятельств, чтобы завести речь о соглашении *на случай* окончательного распада Турции.

Записка моя была написана вовсе не в виде программы для ведения политики в ближайшее время, а как указание на возможность будущего решения пресловутого восточного вопроса [без общей войны] в тот исторический момент, когда Турецкой империи суждено окончить свое существование. Предварительное же соглашение между большими державами, по моему

предположению, могло бы отвратить тот всеобщий катаклизм и европейскую войну, без которых, по укоренившемуся издавна убеждению, не обойдется окончательное падение Оттоманской империи. Только в таком смысле и полагал я полезным когда-нибудь, при благоприятных условиях, завести речь о будущности Балканского полуострова. Таким образом, между Гирсом и мною нет ни малейшего разномыслия. Поэтому решено было в этом же смысле дать указания и Сабурову. Вечером же Гирс прислал мне на просмотр набросанный рукою барона Жомини черновой ответ послу.

18 февраля. Среда. Трактат с Китаем наконец подписан, и маркиз Цзен уехал. Придется ожидать несколько месяцев известия из Пекина о том, будет ли на этот раз ратифицирован новый договор.

Вследствие наших неоднократных разговоров с Гирсом о замышляемом Сабуровым приступе к переговорам с Бисмарком барон Жомини легко изложил общий план нашей будущей политики в виде инструкции для нашего посла в Берлине. У Жомини замечательная способность скоро схватить чужую мысль и развить ее в стройном, почти изящном изложении. Я сделал только одно замечание о том, что в разных местах записки высказываются почти противоположные соображения относительно будущей участи самого Царьграда: делается ссылка то на тайное Рейхенбергское соглашение (по которому Константинополь должен сделаться вольным городом); то на мою записку, оставляющую его в руках турок; то, наконец, на фразу, вырвавшуюся когда-то у Бисмарка, о предоставлении Салоник австрийцам, а Константинополя – русским.

Я объяснил Гирсу, что в плане нашей политики надобно остановиться на каком-либо одном, определенном решении этого вопроса. Повторю еще раз, что решение вопроса о Константинополе в таком смысле, как намекал Бисмарк, было бы неосуществимою мечтой: оно не было бы допущено ни Англией, ни другими морскими державами. Превращение Константинополя в вольный город есть так же миф неосуществимый: это было бы равносильно передаче мнимого вольного города в руки Англии. Следовательно, остается одно возможное и вместе с тем наименее для нас невыгодное решение – оставление Константинополя во власти турок, но под контролем общеевропейской дипломатии и как составной части Балканской конфедерации.

Прошлое воскресенье (15 февраля) ознаменовалось семейной радостью – рождением сына у дочери моей Елены Гершельман. С тех пор не прекращаются поздравления с приращением семьи.

Сегодня приехал из Крыма сын мой, в отпуск на несколько дней.

1 марта. Воскресенье. Беру перо под тяжелым впечатлением постигшего Россию сегодня утром великого несчастья – страшной, мученической кончины нашего царя-освободителя. Картина, которую представлял кабинет императора Александра II в последние минуты его жизни, оставит навсегда потрясающее воспоминание. Я был в числе свидетелей агонии его: он лежал с раздробленными ногами на походной кровати в бессознательном состоянии, окруженный врачами и многочисленным семейством. Он едва дышал; для поддержания дыхания ему вдували кислород, пока хирурги бинтовали раздробленные члены; княгиня Юрьевская и наследник цесаревич (теперь уже император) держали голову страдальца.

Несмотря на все усилия продлить его жизнь, дыхание совсем прекратилось в 3 часа 35 минут. Протоиерей Бажанов, едва успев причастить умирающего, прочел отходную. Мы, все присутствовавшие, стали на колени вокруг смертного одра и затем перенесли тело в другую комнату – в парадный кабинет. Новый император, глубоко растроганный, отдал некоторые приказания собравшимся около него министрам, и сейчас же были разосланы во все стороны телеграммы о постигшем Россию несчастье.

Трагическая кончина императора Александра II производит впечатление тем сильнее, что совершилась совсем неожиданно, когда преступная крамола казалась подавленною, когда начали изглаживаться из памяти прежние злодейские покушения на цареубийство. Два дня тому назад были арестованы два человека из числа главных злодеев, которых давно уже разыскивали. Еще вчера государь говорил мне об этом с довольным видом и сегодня утром был в особенно хорошем расположении духа. Я видел его на разводе: он подозвал меня к себе для передачи какого-то приказания и в последний раз подал мне руку; он любезно разговаривал с послами, не исключая на сей раз и турецкого.

С развода он уехал в карете вместе с великим князем Михаилом Николаевичем к великой княгине Екатерине Михайловне, а от нее поехал уже один в Зимний дворец. Было около 2½ часов, когда карета, окруженная конвойными казаками, быстро проезжала вдоль Екатерининского канала от Михайловской улицы к Тройному мосту и когда раздался первый взрыв подброшенного под карету снаряда. Карета, поврежденная не очень сильно, остановилась; государь вышел из нее и пошел пешком к тому месту, где лежал раненый казак, которого поднимали сбежавшиеся люди. В то время как государь подходил к этой кучке, под его ноги подбросили второй снаряд. Государь

был страшно изувечен; его подняли, положили на сани и тихо повезли к дворцу. Сначала он сохранял еще сознание и произнес: «Скорее домой»; но когда внесли его во дворец, он уже был без чувств.

В одно время с государем убит один казак, другой ранен, и еще ранены несколько человек в толпе. Одного из злодеев схватили; при первом допросе он прямо назвал себя Рысаковым, слушателем Горного института, и с цинизмом признавал свое преступление; другой, сам изувеченный и принесенный в больницу Конюшенного двора, не открыл своего имени и вскоре умер. Впрочем, о подробностях происшествия и виновниках его пока знаем только по слухам, во многом разноречивым.

После кончины государя, получив приказания от нового императора, я заехал из дворца в Главный штаб, чтобы сделать некоторые распоряжения…

2 марта. Понедельник. В 10 часов утра поехал я в Аничков дворец и имел первый доклад у нового императора. Прием его был очень любезный, можно сказать, задушевный. Сначала мы оба прослезились, вспоминая покойного государя; потом я представил на утверждение заготовленные на нынешнее число высочайшие приказы; получил приказание на первое время не изменять прежнего порядка докладов. По окончании доклада государь очень ласково выразил мне свою уверенность, что я буду и ему служить так же усердно и честно, как почившему родителю его. На это я ответил, что всего душою готов служить ему верою и правдой до тех пор, пока его величество будет признавать мою службу действительно полезной. «Но, – прибавил я, – откровенно доложу, что чувствую себя уже устаревшим и потому убедительно прошу, нимало не стесняясь, отпустить меня на отдых, лишь только ваше величество будете иметь в виду другое лицо для замещения меня. Поверьте, государь, что приму увольнение от должности за великую милость». Государь повторил еще раз, что признает мою службу полезною и желает, чтобы я продолжал свою деятельность.

В полдень назначено было чрезвычайное заседание Государственного совета. Мы собрались в полном комплекте, в парадной форме, без траура. Прочтен был манифест о восшествии на престол императора Александра III и затем журнал заседания. В час пополудни выход во дворце: государь, проходя мимо караулов, останавливался и приветствовал войска краткими речами. В Большой церкви дворцовой министр юстиции прочел манифест; все присутствующие принесли присягу. По возвращении из церкви во внутренние покои государь выходил к представлявшимся ему отдельно Государственному совету (в

Малахитовой зале), Сенату (в Концертной зале) и Свите. Каждый раз его величество обращался с краткою речью, в которой благодарил за верную службу покойному государю и выражал надежду, что заслужит такое же доверие и такую же любовь, какими пользовался почивший родитель. Государь был явственно взволнован; многие из членов царской семьи были в слезах.

В городе всё тихо и спокойно. Сделаны распоряжения о назначении завтра же суда над захваченным злодеем. Из всех округов приходят ответные телеграммы об исполнении предписанной присяги.

Сегодня утром прибыл наконец курьером от Скобелева молодой подпоручик Кауфман (сын Константина Петровича). Я не видел еще привезенных им великому князю Михаилу Николаевичу донесений; молодой Кауфман передал мне только письмо дочери моей [Елизаветы] и рассказывал с одушевлением, как она вела себя геройски во время всей экспедиции и в особенности под Геок-Тепе. По всем полученным сведениям, она успела своим самоотвержением в уходе за ранеными и больными приобрести общее уважение и благодарность. В письмах своих она сообщает известие (которое, впрочем, мы имели уже ранее по телеграфу) о своем решении выйти замуж за князя Сергея Владимировича Шаховского, главноуполномоченного Красного Креста при Закаспийском отряде.

3 марта. Вторник. Сегодня доклад был назначен мне в 11 часов. Когда я прибыл в Аничков дворец, в кабинете государя уже находился Гирс, так что я застал только конец его доклада. Вместе со мной вошел в кабинет и Владимир Александрович. По поводу доложенного Гирсом проекта ответной депеши Сабурову государь выразил твердое свое намерение ни в чем не отступать от политики своего почившего родителя, что и должно быть положительно заявлено как Сабурову, так и князю Бисмарку. Мой доклад (военный) был непродолжителен, и то короткое время, которое занял я у государя, прошло преимущественно в разговоре о возможности сокращения личных докладов. Мне разрешено представить соображения по этому предмету, приняв за основание мнение государя о том, что личного доклада требуют лишь дела, по которым испрашивается какое-либо отступление от установленных правил и заведенных порядков; все же прочие распоряжения могут быть приводимы в исполнение без предварительного доклада. Такой взгляд нельзя не признать вполне основательным [и практичным]; постараюсь широко воспользоваться высочайшим указанием.

Доклад мой был прерван входом в кабинет молодой императрицы с детьми. Они уже были совсем готовы ехать в

Зимний дворец на панихиду. Императрица сказала мне несколько слов по поводу настоящих тяжелых событий и затем вместе с государем выехала; а я вслед за ними также отправился сперва в Главный штаб, навестить мою дочь Гершельман, а потом в Зимний дворец, чтобы поклониться праху покойного императора. В сенях дворца встретил графа Лорис-Меликова, который сообщил мне о новых важных арестах и захвате в прошлую ночь лаборатории, где изготовлялись взрывчатые снаряды. Захваченные при этом злоумышленники пробовали защищаться; один из них сам застрелился; но захватили бывшую с ними женщину и пришедшего потом человека. Оказывается, арестованные 27 февраля личности (один из них по имени Тригони) были главными деятелями, подготовившими преступление 1 марта.

Граф Лорис-Меликов рассказал мне между прочим, что еще в субботу убеждал покойного государя в присутствии нынешнего императора не выезжать из дворца в продолжение четырех дней. К несчастью, совет его не был уважен. Теперь Лорис хлопочет, чтоб и новый император не подвергал себя напрасно риску, и намерен уговорить его переселиться в Зимний дворец, чтобы не кататься по нескольку раз в день вдоль всего Невского проспекта, по одной и той же дороге.

Слышно еще, что Победоносцев подал государю какую-то записку; граф Лорис-Меликов очень опасается тлетворного влияния этого советника царского. Также и граф Валуев обратился письменно к графу Лорис-Меликову с советом, чтобы новый государь ныне же позаботился о завещании на случай какого-либо с ним несчастья, подразумевая назначение состава регентства на время малолетства нынешнего наследника престола. Граф Лорис-Меликов доложил об этом государю, который, выслушав спокойно совет председателя Комитета министров, сказал только, что пером Валуева водил, без сомнения, «дядя Костя».

По окончании панихиды, когда царская семья уже разъехалась, вошел я в комнату, где лежало на кровати тело покойного императора, то есть в тот же большой кабинет, куда перенесено было тело вслед за кончиною. Я был глубоко растроган, увидев этот труп, уже значительно обезображенный. Тяжело было смотреть на его изменившееся лицо с полураскрытым ртом и впалыми щеками. Я не мог удержаться от слез. Старик Подтягин, достойный слуга покойного императора, сообщил мне некоторые подробности горестного события и, между прочим, высказал убеждение свое, что изувеченный злодеями император был внесен во дворец уже в бессознательном

состоянии.

Вечером, в 8 часов было назначено перенесение тела в Большую дворцовую церковь. Вся свита собралась в приемной комнате (соседней с кабинетом, где находилось тело усопшего). С обычной церемонией тело было переложено в гроб, который подняли и понесли все члены императорской семьи. За гробом шли императрица и великие княгини, а за ними свита. Несчастная вдова (княгиня Юрьевская) в минуту переложения тела в гроб не могла сдержать своего отчаяния; с нею сделалась истерика, так что должны были вывести ее в другую комнату.

Гроб пронесли через Николаевскую, Петровскую и Гербовую залы и поставили под балдахин среди церкви. Я не в силах был выстоять до конца службы и прошел пустыми залами в большой коридор, где мы сговорились сойтись с графом Лорис-Меликовым и графом Валуевым, чтобы вместе встретить государя и убедить его не подвергать себя и императрицу случайностям беспрестанными переездами из Аничкова дворца в Зимний и обратно. Однако же нам не удалось видеть государя; мы должны были предоставить графу Лорис-Меликову одному исполнить завтра то, что предполагали сделать сегодня втроем.

4 марта. Среда. Утром и вечером ездил в Зимний дворец на панихиды. К вечерней панихиде подоспели герцог и герцогиня Эдинбургские и великий князь Алексей Александрович. Ожидают приезда очень многих иностранных принцев, в том числе наследного германского принца [Фридриха-Вильгельма].

Государь не подается на убеждения графа Лорис-Меликова о переселении в Зимний дворец. Между тем сегодня открыли новую адскую проделку злодеев: на Малой Садовой, по которой обыкновенно проезжал покойный государь к разводу, устроен был подкоп из одного дома, где неизвестные люди наняли помещение для лавочки. Говорят, что уже прежде возникло подозрение на этих жильцов; но при осмотре помещения ничего замечено не было. После же удавшегося злодеяния 1-го числа обитатели подозрительной лавочки, мужчина и женщина, покинули свое жилье и не возвращались. Исчезновение их подало повод к новому, более тщательному осмотру, и тогда открыли отверстие подкопа; но пока не нашли еще самого заряда.

Признания арестованных и сделанные в последние дни новые открытия, имеющие непосредственную связь со злодеянием 1 марта, усложняют предстоящее судебное производство по этому делу. Поэтому предполагавшееся еще вчера заседание Военно-окружного суда отложено, а может быть, и совсем не состоится. Еще вчера вечером я высказал министру юстиции, что было бы во многих отношениях неудобно и неблаговидно повершить столь

важное государственное дело второпях, почти втихомолку, в простом заседании Военно-окружного суда. Сегодня же Набоков докладывал об этом государю и объяснялся с графом Лорис-Меликовым. Предполагается завтра совещание по этому вопросу. Полагаю, что было бы прилично в подобном важном случае подвергнуть злодеев суду Сената. В таком деле не столько важна поспешность расправы со злодеями, сколько соблюдение необходимого декорума и всех условий строгого юридического порядка.

Страшная, мученическая кончина замечательного государя, царя-освободителя, царствование которого было так обильно благими делами, произвела, конечно, глубокое впечатление не только в среде русского народа, но и за границей. Кроме немногих непримиримых органов крайних революционных партий, во всех газетах, даже английских и французских, высказывается громкое негодование против извергов и скорбь о царственном мученике. В Париже, по случаю полученного известия о кончине русского императора, Сенат и Законодательное собрание единогласным решением закрыли заседание. В Берлине и Лондоне также было выказано много сочувствия не только при дворе, но и в населении и в палатах. Только в австрийском Рейхсрате не признали уместным какое-либо заявление по настоящему случаю.

5 марта. Четверг. В обычный час утром отправился с докладом в Аничков дворец и только там узнал с удивлением, что еще вчера вечером их величества переселились в Зимний дворец. Стало быть, вчера мне передали сведения неверные. В Зимнем дворце государь поместился в той половине, которая некогда была занята императрицей Александрой Федоровной, в угловой части на Неву и к Адмиралтейству. При докладе моем присутствовал великий князь Владимир Александрович, уже не безмолвным слушателем, как прежде, а с правом голоса: по некоторым докладываемым делам великий князь высказывает и свои суждения.

Вечером я был на панихиде в Большой дворцовой церкви. В среде царской семьи видел, кроме герцога и герцогини Эдинбургских, вновь прибывших наследного принца Мекленбург-Шверинского с супругой Анастасией Михайловной и принца Баденского [Вильгельма]. Вынос тела в крепость отложен на субботу.

В городе деятельно продолжаются розыски: говорят, что арестовано еще много личностей и открыты новые склады взрывчатых составов.

6 марта. Пятница. Утром было у государя совещание по

вопросу о том, каким судом судить извергов, участвовавших в последнем зверском злодействе: военным или в Особом присутствии Сената. В совещании участвовали: великий князь Владимир Александрович, министры юстиции, внутренних дел, двора, статс-секретарь Валуев, князь Урусов и я. Набоков обстоятельно изложил доводы в пользу предания суду Сената; с ним уже заранее все мы были согласны; даже великий князь Владимир Александрович поддержал его. [Только граф Адлерберг, по своему обычаю, что-то ворчал.] Государь не возражал по существу дела, но настаивал на сокращении сроков, узаконенных в судебной процедуре. Впрочем, и Набоков предложил некоторые меры к возможному ускорению дела.

Когда вышли мы из государева кабинета, в Малахитовой гостиной уже собралась вся царская семья, чтобы вместе идти в церковь на утреннюю панихиду. Приехали из-за границы великие князья Сергей Александрович и Павел Александрович и Николай Николаевич (старший) с обоими своими сыновьями.

Вечером я был опять на панихиде.

7 марта. Суббота. Крайне утомительный день. По случаю назначенного выноса тела покойного императора из Зимнего дворца в крепость я приехал во дворец к 9½ часам, присутствовал при приеме государем депутаций от полков, шефом которых был усопший император; затем, при перенесении царских регалий в церковь и, не имея силы выстоять всю обедню, выжидал окончания ее в Александровской зале. Вынос тела вместо 11 часов, как было назначено, начался на исходе 12-го. Государь шел за гробом пешком на всем длинном пути через Николаевский и Тучков мосты и кругом крепости через весь Александровский парк в Иоанновские ворота. Разумеется, за ним шли также пешком и все великие князья, иностранные принцы и свита. Погода была не холодная (градуса 2 выше нуля), но при сильном морском ветре, так что мы шли по лужам или по рыхлому снегу и устали порядком. По крайней мере для меня, после недавних болей ноги, это пешеходное передвижение было крайне тяжело, так что во время панихиды в Петропавловском соборе я уже не в силах был стоять; удалился в темный угол церкви, присел на кучу сложенных тут шуб и шинелей и потом едва мог встать на ноги. Вся церемония совершилась благополучно и в порядке, вопреки ходившим в публике разным зловещим предсказаниям о готовившихся новых покушениях.

В газетах напечатана циркулярная депеша Гирса, в которой выражается намерение нового императора продолжать миролюбивую политику своего родителя. Можно полагать, что заявление это произведет в Европе успокоительное действие и

поддержит наш денежный курс, который в последнее время начал падать.

8 марта. Воскресенье. Сегодня, ровно неделю спустя после катастрофы 1 марта, в 2 часа пополудни назначено было заседание Совета министров под личным председательством нового императора. Тогда только, когда мы съехались в Зимний дворец, узнал я цель совещания. Предстояло обсудить окончательно представленное еще покойному государю и предварительно одобренное им заключение секретной комиссии, состоявшей под председательством бывшего наследника цесаревича, нынешнего императора, по представленной министром внутренних дел графом Лорис-Меликовым обширной программе новых законодательных вопросов, разработку которых имелось в виду возложить на особую комиссию с участием призванных из губерний представителей земства. В означенной секретной комиссии участвовали, кроме самого графа Лорис-Меликова, Валуев, князь Урусов, Абаза, Набоков и, кажется, еще несколько лиц. Дело велось в строгой тайне, но частным образом было известно, что в секретной комиссии предположения графа Лорис-Меликова были одобрены и составленный в этом смысле журнал последнего заседания утвержден покойным императором утром рокового дня 1 марта, за несколько часов до ужасного события. Для окончательного же решения такого важного дела предполагалось собрать в среду 4 марта Совет министров. Заседанию этому не суждено было состояться, и вот оно осуществилось только теперь, уже под председательством нового императора.

В числе собравшихся увидели мы не без некоторого недоумения еще двух новых лиц: генерал-адъютанта графа Сергея Григорьевича Строганова и генерал-адъютанта графа Эдуарда Трофимовича Баранова. Были также трое великих князей: Константин Николаевич и Михаил Николаевич и Владимир Александрович (примечательно отсутствие великого князя Николая Николаевича). Когда все уселись за длинный стол, государь объявил нам о предмете совещания и приказал графу Лорис-Меликову прочесть журнал бывшей секретной комиссии. [Можно было полагать, что мера эта уже наполовину одобрена новым императором, лично участвовавшим в прежнем совещании. Однако же с первых слов, сказанных им, мы уже могли заметить в нем колебание и опасение; можно догадываться, что на него уже повлияли тлетворные советы Победоносцева и других подобных ему реакционеров.] Только выслушав это чтение, большинство членов совета узнало сущность дела, подлежавшего обсуждению. Первоначально казалось, что заседание наше будет одной

формальностью, так как дело получило уже высочайшее одобрение как почившего царя, так и ныне царствующего государя, председательствовавшего в секретной комиссии и подписавшего ее заключение. Однако же вышло совсем иное, совершенно неожиданное для многих из нас.

Первым, к кому обратился государь с предложением высказать свое мнение, был граф Строганов. С первых слов его разрешилось наше недоумение относительно цели его присутствия в нашей среде: стало ясным, что в лице его появляется авторитетный представитель оппозиции против мнимого либерализма проводимых Лорис-Меликовым государственных мероприятий. Нежданно-негаданно услышали мы, что в предложенной программе мирных законодательных работ прозреваются призраки революции, конституции и всяких бед.

Выслушав с заметным сочувствием ультраконсервативную речь старого реакционера, государь обратился к Валуеву, который произнес красноречивую речь, конечно, в пользу обсуждаемых предположений. Как участник бывшей секретной комиссии, не мог он говорить иначе. Затем пришла моя очередь. Находя невозможным входить в обсуждение дела по существу, я высказал лишь убеждение в необходимости новых законодательных мер для довершения оставшихся недоконченными великих реформ почившего императора. Что касается самого порядка ведения работ при содействии представителей земства, то я напомнил, что почти все прежние реформы разрабатывались также с участием представителей местных интересов, и никаких неудобств от того не замечалось. В заключение высказано мною, что в настоящий момент более чем когда-либо своевременно возвестить предположенную программу законодательной деятельности – вслед за сделанным заявлением о направлении международной политики. Заявление это уже произвело весьма благоприятное впечатление в Европе; теперь Россия ждет такого же благотворного возвещения царской воли по внутреннему благоустройству государства. Оставить это ожидание неудовлетворенным гораздо опаснее, чем предложенный призыв к совету земских людей.

После меня говорил Маков в обратном смысле; он вторил графу Строганову, пугал последствиями предпринимаемой меры; причем употребил даже выражение «ограничение самодержавной власти»; но закончил пошлым выводом о необходимости зрелого и осторожного обсуждения предлагаемой меры во всех ее деталях.

Тогда министр финансов Абаза произнес прекрасную речь, в

которой, опровергнув намеки Макова на покушение ограничить самодержавную власть, объяснил, что, напротив, призыв к деятельности представителей от земства укрепит и поддержит авторитет правительства. Абаза привел в пример предстоящую и совершенно необходимую податную реформу, которую решительно невозможно совершить без содействия представителей от всех классов общества.

Несмотря на убедительные доводы Абазы, говоривший после него [тупоумный] министр путей сообщения Посьет подал голос против предположенных мероприятий как несвоевременных и закончил пошлыми же нападками вообще на так называемый «прогресс». Но всё сказанное Строгановым, Маковым и Посьетом было бледно и ничтожно сравнительно с длинной иезуитской речью, произнесенной Победоносцевым: это было уже не одно опровержение предложенных ныне мер, а прямое, огульное порицание всего, что было совершено в прошлое царствование; он осмелился назвать великие реформы императора Александра II преступною ошибкой! Речь Победоносцева, произнесенная с риторическим пафосом, казалась отголоском туманных теорий славянофильских; это было отрицание всего, что составляет основу европейской цивилизации.

Многие из нас не могли скрыть нервного вздрагивания от некоторых фраз фанатика-реакционера. Абаза первый поднял голос против опасных инсинуаций Победоносцева. Если всё сделанное до сих пор в видах улучшения в устройстве и благосостоянии России есть грубая и преступная ошибка, то надобно немедленно сменить всех настоящих министров, и какую же новую программу предложат порицатели всего совершившегося в славное царствование Александра II?

Затем говорили один за другим князь Урусов, Набоков, Андрей Сабуров, Сольский, князь Ливен – все в пользу предложенных мер. Сольский высказал смелую мысль, что армия чиновников составляет менее твердую опору самодержавия, чем представители всех сословий населения. Сабуров указывал на то, что все начавшиеся более 13 лет назад преступные покушения наших нигилистов имели то прискорбное влияние, что останавливали движение [правительства] на пути реформ и парализовали благие намерения государя; а через это само правительство как бы действовало на руку нигилистам, ближайшей целью которых и было производить неудовольствие и смуту в обществе, недоверие и охлаждение к правительству в народе. Что касается князя Урусова, то он сумел и в настоящем случае подлить воды и смягчить резкую постановку вопроса: он говорил о необходимости спокойного обсуждения

предположенных законодательных работ с устранением политического характера и с призывом к участию не представителей земств, а *лучших* людей.

Таким образом, князь Урусов, став в число защитников обсуждаемой меры, пришел к одному заключению с ярым противником ее – Маковым. Это открыло государю удобный выход из затруднительного положения между двумя противоположными воззрениями, в которое он был поставлен: между сочувствием к предположению большинства министров и запугиваниями графа Строганова и Победоносцева. [Впрочем, сам граф Строганов напоследок примкнул к заключению князя Урусова.]

Прежде окончательного решения государь обратился еще к своим дядям и брату. Великий князь Константин Николаевич, как и следовало ожидать, высказался совершенно в пользу предлагаемой меры; а великие князья Владимир Александрович и Михаил Николаевич, не входя в существо дела, ограничились заявлением о необходимости сделать «что-нибудь», не оставлять Россию в недоумении. Особенно настойчиво высказался в этом смысле великий князь Владимир Александрович, который, как видно по всему, призван к заметной роли в направлении нового царствования.

Итак, государь решил снова пересмотреть предложение графа Лорис-Меликова, сначала в особом немногочисленном совещании (председательство в этом совещании предложено было графу Строганову, но он уклонился от этой роли, сославшись на свои преклонные годы, и согласился принять только участие в числе членов), а потом и в Комитете министров. Такой исход дела показался нам[101] довольно успокоительным после испугавшей нас громовой речи Победоносцева. Тем не менее мы вышли из зала совещания в угнетенном настроении духа и нервном раздражении. Государь позвал к себе в кабинет одного Лорис-Меликова. Вслед за ним вошел туда и великий князь Владимир Александрович.

9 марта. Понедельник. Вчера вечером я получил от графа Лорис-Меликова уведомление о смене петербургского градоначальника генерал-майора Федорова и назначении на его место ковенского губернатора генерал-майора Баранова, бывшего моряка, исключенного по суду из морской службы. Об этой перемене уже объявлено сегодня в приказе. Сегодня же, на девятый день после кончины императора Александра II, отслужена утром в Петропавловской крепости панихида, на которой, однако же, я не мог присутствовать, чувствуя еще большую слабость в ногах, вследствие чрезмерного напряжения

сил в день церемонии 7-го числа.

После панихиды было общее собрание Государственного совета, очень короткое и незначительное. Я узнал, что предположенное вчера новое совещание соберется под председательством великого князя Владимира Александровича. Значит, я не ошибся в своем предположении на его счет.

10 марта. Вторник. Утром в обычный час явился я во дворец с докладом, а потом остался и при докладе Гирса. Я надеялся, что государь заговорит о бывшем в воскресенье совещании, и приготовился высказать ему всё, что давно было на душе и чего не решался высказать покойному государю, или, лучше сказать, не имел к тому случая. Однако ж и ныне надежда моя не сбылась, государь не вышел из круга моих военных докладов. С каждым днем мы с Гирсом более убеждаемся в преобладающем влиянии на дела великого князя Владимира Александровича, который притом выказывает чрезмерную самоуверенность.

Выйдя из государева кабинета, мы с Гирсом нашли в приемном зале многих иностранцев, приехавших представиться государю; между прочими – итальянский посол Нигра с депутацией итальянской, во главе которой прибыл адмирал Martin Franklin, очень любезный и вежливый старичок. Вместе с Гирсом я обошел всех прибывших иностранных принцев, которым отведены помещения в разных углах Зимнего дворца, и везде мы расписывались. Затем я оставил визитную карточку у германского посла [Швейница] по случаю дня рождения императора Вильгельма. По этому же случаю нашим трем полкам, которых германский император считается шефом, велели снять на нынешний день траур. Вечером ездил я в крепость на панихиду.

12 марта. Четверг. Доклад мой начался позже обыкновенного, потому что государь встречал (во дворце) наследного германского принца, а потом принимал еще принца Вюртембергского и других. Мне пришлось только доложить кое-что второпях: в соседний зал уже пришел наследный принц. Государь вызвал императрицу из ее комнат, чтобы она заняла германского принца, пока я доканчивал доклад. Когда я вышел из кабинета и проходил мимо наследного принца, он встал, подошел ко мне и очень радушно обнял меня. В это время в Малахитовой зале собралось уже множество иностранцев; свиты принцев Германского, Баварского, Вюртембергского; депутации шведская и голландская и посланник испанский. В числе этих лиц нашел я многих, уже знакомых, не говоря об испанском посланнике, маркизе Рибере, добром старичке, давно уже живущем в Петербурге, но, к сожалению, оставляющем нас.

Расписавшись у некоторых из вновь приехавших принцев,

возвратился домой.

Около трех часов приехал ко мне болгарский князь Александр и просидел у меня более часа. Обменявшись выражениями скорби по случаю кончины императора Александра II [которому князь Болгарский был, кажется, искренно предан], мы последовательно обсудили все вопросы, ныне занимающие князя, в особенности вопрос железнодорожный и замещение генерала Эрнрота в случае, если он решительно откажется от настоящей своей должности военного министра. Князь высказал свое пожелание, чтобы Эрнрот был назначен вместо Кумани дипломатическим нашим агентом в Софии, а в случае невозможности такого назначения состоял бы лично при князе. То и другое предположения сопряжены с затруднениями. Мы условились обсудить дело в субботу втроем с Гирсом.

Вечером я был в крепости на панихиде. Присутствовали все приехавшие иностранцы; в том числе наследные принцы германский, английский и датский.

В городе продолжаются аресты; ходят всякие рассказы и слухи о новых злодейских замыслах. Признано нужным в наступающую ночь произвести обыск даже в помещениях комендантского управления крепости, где заподозрен один из писарей управления.

13 марта. Пятница. Утром отправился я в полной форме и в ленте Черного орла к германскому наследному принцу, который помещен в комнатах так называемой второй, запасной половины Зимнего дворца. Мне пришлось довольно долго дожидаться окончания продолжительной беседы его с графом Петром Шуваловым, после которого и я имел довольно длинную аудиенцию. Предметом разговора были почти исключительно последние несчастные события. Я старался навести речь на необходимость каких-либо общеевропейских мер для ограждения существующего общественного и государственного строя от угрожающей опасности анархизма. Никакое правительство не в силах справиться у себя с подпольными злодеями, пока они имеют безопасные убежища в Швейцарии, Париже и Лондоне, откуда исходит главное направление всех злодейских замыслов и доставляются денежные средства. В этой борьбе заинтересованы все государства, а не одна Россия.

Наследный принц соглашался во всем, но, по мнению его, инициатива в этом деле зависит от русского правительства. Само собою разумеется, что в нашей беседе было высказано много фраз о взаимной дружбе императора Вильгельма и нашего покойного государя, о надеждах на дальнейшее продолжение тех же тесных и дружественных связей и т. п.

После германского принца я расписался у эрцгерцога австрийского Карла-Людвига, у баварского принца Арнульфа (сподвижника нашего в болгарском походе) и, наконец, у английского наследного принца [Альберта-Эдуарда], помещенного в Аничковом дворце.

14 марта. Суббота. После моего обычного доклада присутствовал я при докладе Гирса. Между прочим шла речь и о том, какие международные меры могли бы быть предложены для ограничения свободы, предоставленной в некоторых европейских государствах революционерам всех наций беспрепятственно и безнаказанно организовать самые злодейские преступления под эгидою политических целей. Я передал государю и Гирсу вчерашний мой разговор с наследным принцем германским. Великий князь Владимир Александрович сказал, что имеет мысли по этому предмету, которые желал бы высказать в особом совещании из съехавшихся в настоящее время послов наших.

После доклада мы с Гирсом пошли к князю Александру Болгарскому, с которым имели довольно продолжительное совещание, преимущественно относительно генерала Эрнрота и замещения должности дипломатического агента в Софии. Был у меня Петр Александрович Сабуров, посол наш в Берлине; мы имели продолжительный разговор как о том же вопросе дня, о котором упомянуто выше, так и о положении дел по заключению секретного договора с Германией и Австрией. Я описал ему в общих выражениях впечатление, произведенное на меня последними изменениями в проекте договора, предложенными бароном Хаймерле. Оказалось, что и Сабуров вполне разделяет мое мнение, что в каждом слове новой австрийской редакции проглядывает какая-нибудь замаскированная мысль, какой-нибудь своекорыстный замысел. При такой явной неискренности какую выгоду извлечем мы из этого договора? Мы только свяжем себе руки, а воспользуются этим только Германия и Австрия. Сам Сабуров, принявшийся так горячо за переговоры, заметно разочаровался.

Вечером был в крепости на панихиде.

15 марта. Воскресенье. Печальная церемония погребения императора Александра II совершилась установленным порядком. Обедня началась в 11 часов, а к двум часам всё было кончено. Новый государь сегодня же переселился опять в Аничков дворец. Иностранные гости разъезжаются завтра и послезавтра.

16 марта. Понедельник. Утром перед заседанием Государственного совета заехал ко мне граф Лорис-Меликов, чтобы потолковать с глазу на глаз о настоящем положении дел. Он высказывает серьезные опасения в отношении реакционной

партии, которая начинает образовываться около Победоносцева. К нему льнут всякие личности, желающие всплыть в новом течении. В числе таких, к удивлению, является и граф Николай Павлович Игнатьев. Другая партия, по словам Лорис-Меликова, группируется около графа Петра Шувалова. Новый градоначальник Баранов прилагает всю свою изворотливость, чтобы занять влиятельное положение. Вреднее всех может оказаться Победоносцев, который, злоупотребляя авторитетом старого учителя перед бывшими учениками[102], подносит молодому царю одну записку за другою со своими фарисейскими поучениями и иезуитскими советами. Однако же до сих пор государь, кажется, сдержанно относится к внушениям с разных сторон; к Лорис-Меликову продолжает пока показывать доверие.

Обсудив совершенно келейно настоящую постановку дел, мы с Лорис-Меликовым пришли к тому заключению, что оба должны еще некоторое время оставаться в выжидательном положении, пока не выяснится, который из двух противоположных путей будет выбран императором. Сообразно с этим выбором должны быть подобраны и деятели для нового царствования. Ни я, ни Лорис-Меликов, конечно, не останемся на своих местах, если возьмет верх партия Победоносцева и К°. Также и многие другие из лучших наших товарищей должны будут сойти со сцены. Какие же люди займут их места? Какая будет их программа? Реакция под маской народности и православия! [Верный путь к гибели для государства.]

После нашей беседы отправились мы в Государственный совет. Председатель, великий князь (с которым я сижу рядом), заговорил со мной вполголоса на ту же самую тему, которую мы только что обсуждали с Лорис-Меликовым. Великий князь высказал прямо, что и он сам, если дело пойдет далее тем же путем, каким идет теперь, должен будет сойти со сцены.

Вчера вышел манифест о назначении регентства в случае кончины царствующего ныне государя ранее совершеннолетия наследника престола. Во главе регентства в таком случае станет великий князь Владимир Александрович. Предназначение это согласуется и с указанием закона. Несмотря на то, манифест возбуждает толки в публике, незнакомой с нашими государственными законами.

Сегодня последовало высочайшее повеление упразднить странное разнородное Министерство «почт, телеграфов и духовных дел иностранных исповеданий», созданное только в прошлом году лично для Макова, к которому молодой государь очень не расположен. Оба департамента, из которых составилось это недолговечное министерство, возвратили в состав

Министерства внутренних дел.

Великий князь Константин Николаевич рассказал нам некоторые подробности происходившей сегодня церемонии поднесения государю ордена Подвязки наследным принцем Уэльским. При этом проделаны были пунктуально все обряды средневекового церемониала.

Перед обедом был у меня болгарский князь Александр, чтобы еще раз – надеюсь, в последний – переговорить о его делах, так как он уезжает завтра, вместе с другими немецкими принцами. Как раз перед его приездом явился ко мне известный Утин с письмом от флигель-адъютанта Шепелева из Вены по делу о болгарских железных дорогах[103]. Утин вместе с генералом Струве домогаются получить концессию на постройку линий от Софии: в одну сторону – на Ниш и Пирог, в другую – на Рущук, то есть тех именно линий, которые теперь поддерживает и русское правительство. Привезенное Утиным письмо подоспело очень кстати; я показал его князю Александру и предостерег его от новой предательской попытки австрийцев купно с Гиршем надуть добродушных болгар.

17 марта. Вторник. В первый раз доклад мой был довольно продолжителен, но исключительно по текущим дедам Военного министерства. После того присутствовал я при докладе Гирса по делам иностранной политики. Когда мы вышли из государева кабинета, все залы Аничкового дворца были уже заполнены массою представляющихся. Государь вышел вместе с императрицей; они обошли все залы и ко многим обращались с благосклонным словом.

Сегодня я крестил своего первого внука – Дмитрия Гершельмана.

19 марта. Четверг. После доклада у государя в Аничковом дворце ездил я в Министерство иностранных дел, где было условлено съехаться нам втроем с Сабуровым и Гирсом. Мы обсуждали последние предложения, заявленные бароном Хаймерле об изменениях в проекте тройственного договора. Во время нашего совещания вошел барон Жомини, который уже посвящен в тайну берлинских переговоров.

Совершенной неожиданностью для всего города стало напечатанное в газетах нынешнего дня объявление министра внутренних дел и градоначальника о выборах, назначенных сегодня же по всему городу, в члены вновь образуемого совета при градоначальнике. Это новое учреждение только что вчера утверждено государем, а сегодня уже с трех часов производятся по всему городу выборы. Околоточные обходят все дома и требуют не только от домовладельцев, но и от квартирантов

письменные указания кандидатов в выборные от околотка; из этих выборных предположено сделать новую выборку 25 членов совета.

Но что же это за небывалый совет? В чем заключается его компетенция? Говорят, что это изобретение энергичного нашего градоначальника. Не для того ли понадобилось ему такое учреждение, чтобы дать опору всем мерам, какие вздумает он принять по городу, и с другой стороны – чтобы сложить с него самого личную ответственность за эти меры? Достигнет ли цели – сомнительно; но, во всяком случае, ничем нельзя оправдать чрезмерную поспешность в распоряжении. Большинство столичных обывателей не успели даже прочесть объявления в газетах и крайне озадачены неожиданностью требования со стороны полиции. Не понимаю, как мог Лорис-Меликов допустить такую бессмысленную торопливость.

В городе усиливаются толки о переменах в личном составе высшего правительства. Говорят о замещении председателя Государственного совета великого князя Константина Николаевича братом его, Михаилом Николаевичем, о замене Набокова Победоносцевым, и проч., и проч. Мы уже привыкли к пустой городской болтовне; однако ж в настоящую эпоху неожиданностей многое из этой болтовни сбывается на деле.

20 марта. Пятница. По случаю двадцатого дня после кончины покойного государя отслужена в крепости панихида. Присутствовала вся царская семья, за исключением самого государя и императрицы. Во время службы граф Лорис-Меликов отвел меня в сторону, чтобы передать некоторые сведения, обнаруженные из допросов Рысакова[104] и других сообщников преступления. Число арестованных всё увеличивается, почему и отсрочен суд.

По всему видно, что революционная пропаганда уже получила значительное развитие.

Между тем в высшей сфере начинает обнаруживаться весьма неутешительное направление. Лорис-Меликов рассказывал мне, что государь убеждал его сойтись с Победоносцевым и намеревался на место Сабурова назначить министром народного просвещения – Делянова! Лорис-Меликов отговаривал от такого неудачного выбора: Делянов – человек[105] ограниченного ума и крайний ретроград. Удаление великого князя Константина Николаевича решено окончательно: он сам взял инициативу, и предложение его было принято немедленно. Таким образом, оправдывается то, что думал я вчера вечером: городские толки иногда сбываются.

В публике отнесутся сочувственно к удалению великого князя

Константина Николаевича; против него существует сильное предубеждение; ходит даже нелепая молва, будто бы он-то и есть скрытый корень заговоров против покойного императора. Такое предубеждение против великого князя можно отчасти приписать его резкому тону и бестактным выходкам; но существенная причина заключается в той злобе, которую навлек он на себя со стороны крепостников своим постоянным и горячим участием в великом деле освобождения крестьян и дальнейшего их устройства. В среде многочисленных наших ретроградов, явных и скрытых, великий князь Константин считается главным виновником всех ненавистных им либеральных мер и узаконений прошлого царствования.

Действительно, во всех важнейших делах, проходивших в течение 10–15 лет через Государственный совет, он, по званию председателя, был твердым и умелым руководителем. С настойчивостью и часто с увлечением проводил он, наперекор ретроградной оппозиции, всякую благую меру в смысле легальности и прогресса. В этом отношении великий князь Константин Николаевич оказал России такие заслуги, за которые, конечно, можно простить ему многие личные недостатки. Заменить его в председательском кресле в Государственном совете будет нелегко. [И кем намерены заменить его? Если младшим его братом Михаилом, как все давно уже говорят, то едва ли можно поздравить Россию с таким замещением. Великий князь Михаил Николаевич – человек бесхарактерный, без твердых политических убеждений и даже без государственных знаний. Им будут вертеть статс-секретари; на него будут иметь влияние и жена, и окружающие; думаю даже, что в заседаниях Совета он не в состоянии будет руководить серьезными прениями и можно опасаться, что Государственный совет еще более упадет в своем значении, особенно если возьмут верх русофильские воззрения Победоносцева и ему подобных.]

Сегодня вечером скончался комендант Петербургской крепости генерал-адъютант барон Майдель, после непродолжительной болезни, схваченной им во время церемоний погребения покойного государя. Это был в свое время боевой кавказский генерал.

21 марта. Суббота. Обычный доклад в Аничковом дворце. По наружности отношения мои с молодым императором и с великим князем Владимиром Александровичем совершенно хороши; царь учтив, внимателен; но тем не менее инстинктивно чувствуется, что нам не суждено долго трудиться вместе. Из головы моей не выходит мысль удалиться при первом удобном случае не только от должности, но и совсем от дел.

После своих докладов я присутствую по-прежнему и при докладах Гирса, которые, впрочем, ограничивались до сих пор преимущественно пустыми вопросами этикета о получаемых и отравляемых кабинетных письмах и т. п. Только слегка касались переговоров с Германией и Австрией, а также вопроса об общеевропейском соглашении относительно противодействия козням революционеров, социалистов и анархистов. Последний этот вопрос был сегодня обсуждаем в особом совещании [у государя], к которому были приглашены наличные послы наши в Берлине, Париже, Лондоне и Берне (Сабуров, князь Орлов, князь Лобанов и Гамбургер), а также барон Жомини. Можно надеяться, что дело это получит серьезное направление даже без нашей инициативы, судя по первым заявлениям берлинского и лондонского правительств. Энергичный голос князя Бисмарка и настроение берлинского Рейхстага одновременно с начатым в Лондоне судебным преследованием циничного провозглашения принципов разрушительных и антисоциальных дают надежду на практический результат, если только Франция, Швейцария и Австро-Венгрия воздержатся от всякой уступки перед крайней революционной партией.

Сегодня уже опубликован результат странных выборов, произведенных в четверг по всему городу: имена 25 лиц, из которых будет состоять совет при градоначальнике, и 25 кандидатов. Состав совета вышел довольно пестрый; более заметными членами являются: генерал Трепов, граф Воронцов-Дашков, командир Конной гвардии барон Фредерикс, член Государственного совета Заблоцкий и т. д. Что выйдет из этого нового учреждения? Судя по напечатанной сегодня же речи градоначальника Баранова к выбранным представителям от городских околотков, трудно ожидать чего-нибудь дельного. Речь эта до того пошла и бестактна, а предложенные Барановым на первый раз две меры до того непрактичны, что позволительно даже усомниться в уме нового градоначальника. По крайней мере напечатанное в нынешнем номере «Голоса» описание приема депутатов похоже на злую насмешку над градоначальником и напоминает юмористические рассказы Щедрина.

23 марта. Понедельник. В городе только и толков о странных распоряжениях градоначальника и его бестактных выходках. Он скоро сделается посмешищем всего города, несмотря на общее мрачное настроение. Вчера вечером было торжественное заседание Славянского благотворительного общества. Аксаков произнес восторженную речь, разумеется, в своем крайне русофильском духе. Те же туманные фразы, тот же пророческий мистицизм, то же пустозвонство, как и во всех

статьях и речах славянофильской школы. Адепты этой школы восхищаются; противники глумятся.

Сегодня в заседании Государственного совета председательствовал еще великий князь Константин Николаевич. Об удалении его ни от кого ничего не слышно, но он был бледен и в мрачном настроении. Кроме него, в заседании не было никого из великих князей.

24 марта. Вторник. При докладе моем государь объявил мне о своем намерении переехать в Гатчину и предложил мне приезжать туда с докладом только раз в неделю, по вторникам, так же как и Гирсу. Государь ни слова не говорит со мной о делах общих; только стороной узнаю о переменах, почти ежедневно происходящих в личном составе правительства. Так, сегодня решено замещение двух министров: на место Сабурова министром народного просвещения назначается барон Николаи, а на место князя Ливена министром государственных имуществ – граф Игнатьев. О последнем этом назначении я получил официальное уведомление от Танеева только поздно вечером, с приказанием завтра же утром представить указ и приказ. Не понимаю, для чего такая спешность. Что вызвало увольнение князя Ливена – мне неизвестно.

Назначение графа Игнатьева для всех совершенно неожиданно: менее всего готовился он к управлению государственными имуществами. О назначении же барона Николаи говорили и прежде; он считался кандидатом, потому что некогда был попечителем Кавказского, а потом Киевского учебных округов. [Тогда я знавал его в Тифлисе. Это человек неглупый, образованный, но тяжелый педант (?), доктринер, более консерватор и притом истый остзейский барон.] Ожидать от него нельзя ни деятельной инициативы, ни теплого сочувствия к делу русского народного образования.

Еще одна перемена в персонале, окружающем императора: на место генерал-адъютанта Рылеева комендантом Императорской главной квартиры назначен генерал-майор Свиты Литвинов. Удаления Рылеева надобно было ожидать: он [человек крайне ограниченный, можно сказать, тупой] был при покойном государе самым доверенным домашним человеком в негласной его семье; преемник его Литвинов [сколько я знаю его, – человек хороший, благодушный, честный, но] бесцветный, привыкший к роли дядьки при юных великих князьях.

Относительно градоначальника слышно, что доверие к его способностям уже поколебалось; принятые им бессмысленные меры – восстановление застав городских, оцепление всего города кавалерией и т. д. – будут отменены. Генерал Трепов в

негодовании на самодурство Баранова; он говорил мне, что намерен выйти из состава устроенного при градоначальнике странного совета. Вероятно, примеру его последуют и другие [кто похрабрее].

При докладе моем государь говорил о желании своем уменьшить, сколько возможно, Свиту. Достигнуть этого можно только постепенно, по мере производства флигель-адъютантов в генерал-майоры, генерал-майоров Свиты – в генерал-лейтенанты, а также по мере естественного отправления генерал-адъютантов *ad patres*[106]. Необходимое условие – надолго отказаться от назначения новых флигель-адъютантов, новых генерал-майоров Свиты и новых генерал-адъютантов. Государь еще говорил мне (уже вторично) о более строгом составлении кандидатских списков. Всё это очень хорошие намерения; но долго ли выдержим их на практике?

После доклада моего и совместного с Гирсом поехал в Петропавловскую лютеранскую церковь на отпевание покойного коменданта Петербургской крепости барона Майделя, а оттуда в Комитет министров. По окончании заседания этого комитета я председательствовал в заседании комитета Польского, которое, впрочем, было непродолжительно.

26 марта. Четверг. В первый раз случилось мне присутствовать в судебном заседании. Сегодня в Особом присутствии Сената начался суд над злодеями, участвовавшими в преступлении 1 марта. Отправившись туда после доклада (у государя), я застал конец чтения обвинительного акта и затем прослушал речи всех шести привлеченных к делу подсудимых: Желябова, Кибальчича, Рысакова, Михайлова, Перовской и еврейки Гельфман. По окончании последней речи Желябова, когда начался допрос свидетелей, я должен был уехать из суда.

Весьма занимательно было слушать этих несчастных фанатиков, спокойно и почти с хвастовством рассказывавших о своих злодейских проделках, как будто о каких-нибудь подвигах и заслугах. Более всех рисовался Желябов; это личность выдающаяся. Он прочел нам целую лекцию об организации социалистических кружков и развил бы всю теорию социалистов, если б председатель (сенатор Фукс) дал ему волю говорить. Желябов не отпирался от своего руководящего участия в покушениях на цареубийство: и в 1879 году под Александровом, и в подкопе на Малой Садовой, и, наконец, 1 марта на Екатерининском канале.

Перовская также выставляла себя с цинизмом деятельною участницей в целом ряде преступных деяний; настойчивость и жестокосердие, с которыми она действовала, поражали

противоположностью ее тщедушному и почти скромному виду. Хотя ей 20 лет, но она имеет вид неразвившейся еще девочки. Кибальчич говорил складно, с энергией, и обрисовал свою роль в организации заговора – специалиста-техника. Он прямо объявил, что по своему характеру не считает себя способным ни к активной роли, ни к убийству, но, сочувствуя цели социалистов-революционеров, принял на себя изготовление составов и снарядов, нужных для приведения в исполнение их замыслов.

Михайлов имел вид простого мастерового и выставлял себя борцом за освобождение рабочего люда от тяжкого гнета капиталистов, покровительствуемых правительством. Еврейка Гельфман говорила бесцветно; она не принимала непосредственного участия в преступлении 1 марта. Наконец, Рысаков, на вид мальчишка, говорил как школьник на экзамене. Очевидно было, что он поддался соблазну по легкомыслию и был послушным исполнителем распоряжений Желябова и Перовской.

Замечательно, что все подсудимые говорили прилично и очень складно; особенно же речист и самоуверен Желябов. Но вместе с тем из всего слышанного выводишь заключение, что перед нами на скамье подсудимых сидят пятеро случайно захваченных полицией и оказавшихся более или менее прикосновенными к преступным покушениям на цареубийство, но вовсе не главные виновники катастрофы 1 марта. Кроме Желябова и Перовской, были, несомненно, многие другие, не менее виновные, и даже имеющие гораздо более важное значение в революционной деятельности. И все они на свободе, остаются неизвестными, продолжают действовать в самом Петербурге. Они издеваются над полицией, да и как не издеваться над такими противниками, каков градоначальник Баранов и компания. В несколько дней его ничтожество совершенно разоблачилось; принятые им впопыхах бессмысленные меры уже отменены.

Сегодня при докладе государь заговорил об увольнении от должности финляндского генерал-губернатора графа Адлерберга 3-го (Николая Владимировича), который уже давно перестал почти заниматься делами и близок к размягчению мозга. Шернваль, докладывая государю о намерении графа Адлерберга проситься прочь, указал в числе кандидатов на графа Гейдена (начальника Главного штаба). Я счел себя вправе удостоверить государя в готовности графа принять это назначение, так как вчера он был у меня и заявил мне о своем желании получить назначение в Финляндию. О замещении графа Гейдена в Военном министерстве пока не было еще речи. Место начальника Главного штаба таково, что выбор лица на эту должность находится в тесной связи с вопросом о личности самого министра. Если мне

не суждено оставаться еще долго на своем месте, то и не мне приходится искать начальника Главного штаба.

27 марта. Пятница. Их величества переехали сегодня в Гатчину, ранее, чем предполагалось. Время переезда держали в тайне. Утро я посвятил посещению военно-учебных заведений, которые не пришлось мне видеть уже более шести недель. Перед обедом заехал ко мне граф Игнатьев, новый министр государственных имуществ. По обычаю своему, он наговорил очень много, в особенности о себе самом; о том, как ему предложили сначала место министра народного просвещения, а потом путей сообщения; как он решительно отклонил оба эти назначения; как, наконец, его уговаривал сам государь принять место министра государственных имуществ и проч., и проч. Между прочим он уверял меня, что сам слышал мнение государя обо мне; будто бы одно время шла даже речь о назначении меня председателем Государственного совета в случае удаления великого князя Константина Николаевича, но я настаивал на том, что мне пора на отдых и ни в каком случае не принял бы на себя нового, непосильного бремени.

28 марта. Суббота. Вторично был в заседании Особого присутствия Сената по делу о злодейском преступлении 1 марта. Заседание началось в 10 часов утра речью прокурора Муравьева. Я слушал его до двух часов и с сожалением должен был уехать, не дождавшись окончания этой превосходной речи. Муравьев – весьма талантливый молодей человек, в полном смысле слова оратор. По всем вероятиям, дело не окончится и сегодня.

Из заседания суда я заехал к Андрею Александровичу Сабурову, чтобы выразить ему, с каким сожалением узнал об увольнении его от должности министра народного просвещения. Он был явно тронут моим посещением.

Позже заезжал ко мне князь Орлов, проститься перед отъездом в Париж. Он близкий человек в Аничковом дворце; рассказывал мне кое-что о закулисных делах, о Победоносцеве и прочем; но, сколько можно судить по его словам, и ему ничего не известно о том, имеет ли новый император какой-либо план и программу.

Утром в суде, во время перерыва заседания, разговорился с государственным секретарем Перетцем, который подтвердил слухи, ходившие об удалении великого князя Константина Николаевича как от морского ведомства, так и председательства в Государственном совете. Оказывается, дело шло при посредничестве великого князя Владимира Александровича и решение вопроса отсрочено. Между дядей и племянником пока не было никаких резких объяснений. Перетц говорил мне о

затруднительности выбора преемника великому князю Константину Николаевичу и уверял, так же как вчера Игнатьев, что меня считают наиболее вероятным кандидатом. Я отвечал, что не могу и не должен принять такое назначение, если б мне и предложили.

29 марта. Воскресенье. В 6 часов утра постановлен приговор суда о шести преступниках 1 марта. Конечно, все они приговорены к повешению; но в городской публике возбуждены, по недоразумению, толки о том, зачем приговор об одной Перовской подвергнут отдельно высочайшему решению. В этом изъятии видят как бы намерение избавить подсудимую от смертной казни; немногим известно, что, по существующим общим законам, постановление суда о лишении дворянства не может быть приведено в исполнение без высочайшего на то соизволения и одним этим обстоятельством мотивирована оговорка суда относительно Перовской.

Много еще толкуют о недавней публичной лекции нашего юного философа Соловьева, возбудившего страшное негодование своей безумной при настоящих обстоятельствах речью о том, что русский царь, чтобы оставаться верным «идеалу русского народа», должен помиловать цареубийц. Выходка эта вызвала взрыв рукоплесканий и одобрения в большей части аудитории, наполненной молодежью обоего пола, заведомо сочувствующей социалистическим учениям. Зато из другой части слушателей некоторые чуть не избили [юродивого] философа.

30 марта. Понедельник. После общего собрания Государственного совета было заседание Особого присутствия по воинской повинности. По поводу контингента новобранцев при предстоящем осенью сего года призыве мне пришлось выдержать продолжительные прения: поступило заявление министра финансов о необходимости сокращения военной организации и численности армии. Прения эти, конечно, не могут иметь практического результата, кроме лишь занесения платонического желания министра финансов в журнал Особого присутствия.

Сегодня был приглашен к обеду у великого князя Михаила Николаевича запросто, в сюртуке. Кроме меня, был только генерал-лейтенант Павлов.

1 марта. Вторник. Первый мой доклад в Гатчине. Туда и обратно ездил я в экстренном поезде великого князя Владимира Александровича, вместе с Гирсом. Доклад мой сокращен до крайнего предела, так как заведен уже новый порядок: бóльшая часть изготовляемых в отделах министерства письменных докладов посылается ежедневно государю в подлиннике на его личное рассмотрение; для облегчения же ему труда каждый

доклад сопровождается коротенькой запиской, указывающей сущность дела, как бы заголовком. Сегодня же представил я подробную и объемистую ведомость всем делам, подлежавшим до сего времени высочайшему разрешению, чтобы государь мог сам указать, которые из этих дел угодно будет его величеству на будущее время изъять из означенной категории.

В Гатчине поражает приезжего вид дворца и парка, оцепленных несколькими рядами часовых, с добавлением привезенных из Петербурга полицейских чинов, конных разъездов, секретных агентов и проч., и проч. Дворец представляет вид тюрьмы; никого не пропускают без билета с фотографическим на обороте изображением предъявителя. Гатчина и без того хранила на себе мрачный, подавляющий отпечаток; теперь же она производит удручающее впечатление. Их величества живут в совершенном уединении. Объявлено, что государь будет принимать представляющихся лиц только по средам и пятницам.

3 апреля. Пятница. Утром, в 9 часу, на Семеновском плацу совершилась казнь пяти из шести преступников 1 марта, за исключением еврейки Гельфман, которая оказалась беременною, почему казнь ее отсрочена. Даже и повесить не сумели: Михайлов два раза сорвался с виселицы. Во время перевозки преступников по улицам были в некоторых местах беспорядки: толпа чуть не растерзала нескольких безумцев, вздумавших выказать свое сочувствие цареубийцам. Вообще, аресты продолжаются в большом числе. Во всех классах населения необыкновенно натянутое, нервное настроение. Все чего-то ожидают. А между тем ниоткуда не видно и не слышно проявления правительственной деятельности.

После посещения 3-й военной гимназии я был в заседании Кавалерской думы ордена Святого Георгия. Председательствовал великий князь Михаил Николаевич. Главным предметом совещания был вопрос об изменении установленного в уставе ордена двухнедельного срока для ходатайства ближайшего начальства о награждении этим орденом совершившего военный подвиг. Срок этот не соблюдался на практике: ходатайства о награде поступали иногда через многие годы после войны. Поэтому и последовало повеление покойного императора о пересмотре означенного вопроса в Кавалерской думе. Большинством голосов постановлено продлить срок до четырех недель. Дума, по обыкновению, имела заседание в Георгиевской зале Зимнего дворца.

Сегодня выехал из Петербурга английский посол граф Дефферин, получивший другое назначение – послом в

Константинополь. Все жалеют о нем: он держал себя честно, любезно и, сколько мог, содействовал восстановлению добрых отношений между Россией и Англией.

6 апреля. Понедельник. Вчера был утром у великого князя Михаила Николаевича, который пригласил меня, чтобы переговорить по какому-то важному делу. По секрету сказал он мне, что на днях государь совершенно неожиданно объявил ему о своем намерении удержать его в Петербурге и поручил, по совещании со мной, с бароном Николаи и графом Лорис-Меликовым сообразить, какое дать управление Кавказу на будущее время. При этом великий князь заявил разные предположения, подлежавшие обсуждению, и, между прочим, странную мысль о разделении Кавказа на северный и южный, с подчинением северного общему положению о русских губерниях. Я решительно высказался против этой мысли, которую уже гораздо прежде приходилось мне слышать в городе. После довольно продолжительного разговора великий князь сказал, что назначит совещание на неделе.

Таким образом, прежние слухи об увольнении великого князя Константина Николаевича от должности председателя Государственного совета и замещении его Михаилом Николаевичем подтверждаются; другое для него назначение в Петербурге трудно придумать. Не оправдается ли, чего доброго, и другое, столько раз повторявшееся в городской болтовне предположение о назначении меня на Кавказ? Но я твердо намерен, в случае предложения мне такого назначения, отказаться от него и просить об удалении совсем на отдых. Новое царствование начинается под такими предзнаменованиями, что ничего хорошего ожидать нельзя.

Сегодня бóльшую часть утра я посвятил осмотру картографических работ в военно-топографическом отделе Главного штаба. Ежегодно производившийся до сих пор осмотр этих работ самим государем в Зимнем дворце на этот раз отменен.

7 апреля. Вторник. Во второй раз ездил в Гатчину. По случаю говенья государя доклад мой начался только в 11½ часов и продолжался до часу, а затем я оставался еще некоторое время при докладе Гирса. У меня были довольно полновесные дела, накопившиеся за целую неделю. Государь объявил о своем решении отчислить графа Воронцова-Дашкова от должности начальника 2-й гвардейской пехотной дивизии по случаю возложенного на него поручения заведовать дворцовой охраной. Государь имеет вид спокойный, здоровый; каждый день много ходит в парке, но вдаль никуда еще не выезжал.

9 апреля. Четверг. Вчера у великого князя Михаила Николаевича было совещание, о котором предварял он меня при последнем свидании: по вопросу о том, не следует ли разделить Кавказское наместничество и Кавказский военный округ на две отдельные части; а если будет признано необходимым оставить и наместничество, и округ в настоящих пределах, то следует ли сохранить звание и права наместника, или можно привести гражданское управление на Кавказе в более скромные рамки? По какому-то недоразумению я не попал в это совещание и только сегодня узнал о нем. Великий князь даже в претензии на меня, хотя сам кругом виноват, потому что не известил меня о назначенном совещании.

Генерал-лейтенант Павлов приезжал ко мне вчера же утром, но не застал меня дома, а я сидел в Военном совете до шести часов. Сегодня в соборе Петропавловской крепости, куда съехались на панихиду по случаю сорокового дня кончины покойного государя, я встретился с великим князем и с Павловым. Последний потом приехал ко мне, чтобы от имени его высочества передать мне результаты вчерашнего совещания. Оказывается, в нем участвовали граф Лорис-Меликов, барон Николаи, граф Валуев, член Государственного совета Старицкий и генерал Павлов. Все участвовавшие высказались против раздвоения Кавказа. Что же касается наместничества, то, по-видимому, не пришли ни к какому категорическому разрешению вопроса, но большинство клонится к тому, чтобы в случае отмены самого звания «наместника» предоставить, однако же, главному начальнику края значительно бóльшие права, чем генерал-губернаторские.

На панихиде сегодня присутствовала вся царская фамилия, за исключением только их величеств.

Вечером заехал ко мне граф Лорис-Меликов и просидел до первого часа ночи. Он подтвердил слышанное утром от генерала Павлова сведение о вчерашнем совещании у великого князя и передал по этому поводу свои разговоры с государем относительно назначения меня наместником кавказским или председателем Государственного совета. Из этих разговоров могу вывести успокоительное заключение, что оба эти предположения минуют меня.

Граф Лорис-Меликов очень убеждал меня не покидать служебной деятельности, хотя сам признает теперешнее положение дел нестерпимым для министра, дорожащего общественным мнением. В будущем он видит довольно мрачную перспективу, в чем мы с ним совершенно сходимся. Александр Аггеевич Абаза также говорил Лорис-Меликову, что не останется

министром, если он, Лорис-Меликов, и я оставим наши места. В заключение граф рассказал мне кое-что о ходе розысков по политическим преступлениям и о результатах допроса вновь арестованных личностей. Показания их подтверждают предположение, что в речах Желябова и его сотоварищей было много хвастовства и преувеличения; что эта партия, так называемая «террористическая», вовсе не многочисленна и не богата денежными средствами; сила ее заключается лишь в характере и энергии немногих вожаков ее. Гораздо важнее для будущности государства то, что среда, сочувствующая революционной партии, умножается с каждым днем.

11 апреля. Ночь на 12-е, на Светлое воскресенье. Колокола гудят, зажигают на улицах плошки, экипажи катятся по мостовой. Мне же в первый раз приходится в эту ночь оставаться спокойно дома. В нынешнем году нет выхода при дворе; члены царской фамилии все в Гатчине, встречают праздник исключительно в своей семье.

Последние дни мои были отчасти посвящены говенью; сегодня был у причастия в церкви Главного штаба, вместе с дочерьми.

14 апреля. Вторник. Ездил в Гатчину, облекшись в парадную форму, чтобы явиться с поздравлением их величествам по случаю Пасхи. В Светлое воскресенье не было вовсе приема во дворце; даже из царской семьи, как оказалось, присутствовали при заутрене только братья государевы, а все прочие члены, не исключая и великого князя Михаила Николаевича, были приглашены туда лишь на второй день праздника. Сегодня же императрица принимала офицеров Кавалергардского полка, для которых в залах был накрыт завтрак. Прием этот несколько нарушил однообразную тишину гатчинской обители.

Окончив свой доклад у государя, я пошел к императрице и встретил ее на лестнице вместе с отъезжающими сегодня же за границу великою княгиней Марией Александровной (герцогиней Эдинбургской) и великим князем Сергеем Александровичем. Все они обошлись со мною любезно и поздравили меня с предстоящей свадьбой старшей моей дочери.

В Петербург возвратился я к двум часам пополудни вместе с Гирсом [который рассказал мне много любопытных закулисных тайн нового царствования. В рассказах этих мало утешительного и очень много крайне грустного. Чем более узнаешь и думаешь, тем более хотелось бы убежать от этой душной атмосферы, где ничего хорошего нельзя предвидеть вперед.]

15 апреля. Среда. Пользуясь свободным от служебных обязанностей праздничным днем, я навестил больного графа

Баранцова и потом заехал к Александру Аггеевичу Абазе, с которым имел продолжительный разговор о настоящем положении дел. Он сознает всю ненормальность порядка вещей, но считает нужным еще выждать некоторое время, прежде чем решаться сойти со сцены, в чем и я с ним согласен. Победоносцев, несмотря на свое влияние во дворце, чувствует, по-видимому, неловкость своего положения, он приезжал к графу Лорис-Меликову с объяснениями, уверяя, что его речь в пресловутом совещании 8 марта понята в превратном смысле.

17 апреля. Пятница. Утром был у меня граф Лорис-Меликов. Весьма продолжительный и любопытный разговор: он объявил мне, что во вторник, после моего доклада, будет у государя совещание, в котором примут участие великий князь Владимир Александрович, граф Лорис-Меликов, Абаза, Игнатьев, барон Николаи, Победоносцев и я. Государь положительно отказал Лорис-Меликову пригласить Валуева и князя Урусова. Предположенное совещание вызвано весьма серьезными объяснениями Лорис-Меликова с государем о необходимости так или иначе выйти наконец из настоящей неизвестности и замкнутости. Граф уговорил государя показаться в Петербурге, чтобы по крайней мере прекратить разные нелепые толки в народе, как например, будто царь содержится в плену, ранен и т. п.

Курьезные вещи рассказывал Лорис-Меликов о великом князе Константине Николаевиче, который уже помышлял о немедленном оставлении своих обоих постов и отъезде на юг, в Крым. Наконец, Лорис-Меликов предупредил меня, что, по всем вероятиям, будет сделано мне предложение занять место наместника и главнокомандующего на Кавказе. Известие это заставляет меня сильно призадуматься: должен ли я или нет отклонить от себя эту чашу?

Сегодня 50-летний юбилей графа Валуева; но я не знал об этом прежде и потому не поздравил юбиляра.

18 апреля. Суббота. Утром заехал к графу Валуеву, чтобы поздравить его со вчерашним юбилеем. Разговорились о теперешнем положении дел: те же сетования на инерцию высшего правительства, на зловредное влияние Победоносцева и т. д.

19 апреля. Воскресенье. Утром заехал ко мне великий князь Михаил Николаевич. Говорили о кавказских делах и результате бывшего у него на прошлой неделе совещания, по которому он будет иметь на днях доклад у государя. О кандидате для замещения великого князя на Кавказе не было речи.

20 апреля. Понедельник. Обычный прием в канцелярии Военного министерства; затем весьма короткое заседание

Государственного совета. По обыкновению, председательствовал великий князь Константин Николаевич.

Вечером граф Лорис-Меликов и я съехались у Александра Аггеевича Абазы, чтобы предварительно обменяться мыслями насчет завтрашнего совещания. Граф Лорис-Меликов очень разочарован; не предвидит ничего хорошего. Абаза советует завтра не вдаваться в обсуждение каких-либо частных вопросов, а стараться на первый раз установить правильное положение и круг деятельности министров, приняв за основание то убеждение, что сильная власть, столь необходимая при настоящих обстоятельствах, может быть проявлена единственно при том условии, если государь окружит себя министрами, к которым имеет полное доверие и через которых мог бы действовать без всякого посредствующего влияния. Очевидно, здесь подразумевается зловредное вмешательство во все дела Победоносцева и других закулисных личностей. Я, со своей стороны, добавил, что кроме личного доверия государя необходимо еще другое условие: чтобы министерство было однородное, чтобы все министры действовали в одном смысле, а не противодействовали один другому. Но все эти соображения наши могут разлететься в прах, если совещание получит иное направление, и затронуты будут какие-либо частные вопросы дня. Впрочем, я и не вижу в том невыгоды. Лучше сразу вывести дело начистоту, чтобы разъяснить наконец можем ли мы, с нашими понятиями и убеждениями, еще долее тянуть лямку, не зная, куда тянем.

21 апреля. Вторник. По случаю назначенного в Гатчине совещания мы, все приглашенные министры, отправились вместе с 9-часовым поездом: граф Лорис-Меликов, Абаза, граф Игнатьев, барон Николаи, Набоков, Победоносцев и я. По окончании моего доклада началось совещание. В нем участвовал и великий князь Владимир Александрович. Государь открыл совещание заявлением своего желания выслушать мнения наши о том, какие меры следует принять теперь же и какую программу для дальнейших действий. Прежде всего он обратился к графу Лорис-Меликову, который весьма толково и ловко изложил свое мнение о необходимости дальнейшего развития и довершения начатых в прошлое царствование реформ. После него была моя очередь: я подтвердил соображения графа Лорис-Меликова и развил их, указав притом, что в последние 14 лет застоя и реакции все строгости полицейские не только не подавили крамолу, но, напротив того, создали массу недовольных, среди которых злонамеренные люди набирают своих новобранцев.

После меня государь обратился к графу Игнатьеву, который

говорил почти в том же смысле, подтвердив общую мысль частными примерами. Затем Александр Аггеевич Абаза мастерски свел речь на те именно соображения, которые он выразил во вчерашней нашей предварительной беседе: он доказывал весьма смело и категорично, что действительная сила правительства выражается не «в кулаках», не в полицейском произволе, а в единстве и сплоченности министерства, в твердости плана его действий, в доверии государя к своим ближайшим советникам и органам. При этом Абаза прямо задел Победоносцева и его вредное закулисное влияние. Затем барон Николаи довольно долго и скучно развивал тему о необходимости действий систематических, без увлечений и без произвола. Министр юстиции Набоков также говорил о предстоящих по судебной части улучшениях и необходимости продолжения реформ.

Таким образом, все говорившие шесть министров высказались почти в одинаковом смысле. Оставалось последнее слово за Победоносцевым, и мы, конечно, с любопытством ждали, что же на сей раз будет прорицать этот авгур. К удивлению нашему, он заговорил совсем иным языком, чем в достопамятном совещании 8 марта; он даже начал было с того, что разделяет высказанные всеми прочими мнения о необходимости дальнейших улучшений в государственном строе; но вслед за тем сбился на свои нравоучения и прочел проповедь о правде, честности, ответственности и т. д. Эти теоретические, пустозвонные фразы вызвали снова возражения и со стороны графа Лорис-Меликова, и с моей, а главное – от Александра Аггеевича Абазы, который очень резко и категорично поставил снова вопрос о солидарности министерства, о бесполезности отвлеченных теоретических афоризмов и необходимости соглашения на практической почве. Тут было несколько раз упомянуто о пользе совещаний, подобных настоящему, в присутствии самого государя, о предварительных совещаниях между министрами, независимо от Комитета министров и прочее.

Государь во всё время только изредка прерывал речи отрывочными фразами; пробовал свести суждения к поставленному первоначально вопросу о том, что следует предпринять теперь же неотлагательно. Но высказавшееся совершенно неожиданно для нас самих единодушие в речах всех призванных министров отклонило совещание от предполагавшейся задачи. Под конец, однако же, великий князь Владимир Александрович выступил с подготовленным письменным предложением об учреждении Центральной следственной комиссии по всем делам о государственных преступлениях. Записка эта, неизвестно кем сочиненная, была тут

же прочитана вслух графом Лорис-Меликовым, который возражал против заявленной мысли, доложив, что у него уже приготовлен доклад относительно дальнейшего ведения следственных дел, а потому вопрос отложен до другого раза.

В заключение государь выразил свое желание, чтобы министры собирались по мере надобности для предварительных между собою совещаний по вопросам общего государственного интереса, дабы тем достигнуть желаемого единства в действиях; на первый же раз его величество предложил нам совместно обсудить те меры, которые признаются наиболее неотложными при настоящих обстоятельствах и для окончательного обсуждения которых будет назначено вторичное совещание в высочайшем присутствии.

Таким образом, сегодняшнее совещание оказалось успешнее, чем мы ожидали. В нем выказалось совершенно непривычное для нас единство в общем взгляде министров; даже Победоносцев – и тот приложил все старания, чтобы сгладить резкий диссонанс, отделивший его от всех прочих коллег. Не знаю, долго ли удержится эта гармония; продержится ли единство, когда действительно приступим к совещаниям по каждому конкретному вопросу. Во всяком случае, можно надеяться, что нынешнее совещание повлияет благотворно, на направление мыслей молодого императора.

25 апреля. Суббота. Вчера и сегодня заезжал ко мне граф Лорис-Меликов для передачи мне некоторых приказаний государя и, между прочим, разных предположений его относительно новых назначений. Предположения эти нельзя признать удачными; являются на сцену личности совершенно ничтожные, как например, князь Фердинанд Витгенштейн – пустейший кутила, ни к какому делу непригодный. Нам придется оспаривать некоторые из этих назначений. Но главным предметом беседы нашей был выбор преемника великому князю Михаилу Николаевичу. Лорис-Меликов убеждает меня не отказываться от этого назначения и в этих видах настаивает, чтобы не вводить теперь никаких изменений ни в устройстве управления Кавказского края, ни в титуле наместника и главнокомандующего. Я, однако же, остаюсь твердо при своем решении не принимать никакого нового назначения, каков бы ни был присвоенный ему почет.

Между тем, великий князь Михаил Николаевич вместе с бароном Николаи и генералом Павловым продолжает сочинять проект нового управления на Кавказе; наместника полагается обратить в главноначальствующего и поставить его наравне с генерал-губернаторами. Сегодня у великого князя было по этому

предмету совещание; в нем приняли участие: граф Лорис-Меликов, граф Валуев, барон Николаи, Старицкий и я. Большая часть времени прошла в прениях между графом Валуевым, бароном Николаи и Старицким о второстепенных подробностях будущей организации главного управления; только граф Лорис-Меликов вывел разговор на более широкую дорогу; он поднял вопрос об оставлении преемнику его высочества титула наместника, с предоставлением ему самому на месте и постепенно вводить в местном управлении те изменения, которые будут признаны возможными в видах удешевления его и объединения Кавказского края с остальною Россией. Окончательно пришли к заключению, чтобы несколько изменить редакцию составленной записки, предоставив вопрос о титуле непосредственному решению самого государя.

Сегодня же утром получил я от государя собственноручную записку с приказанием объявить, что дозволение носить бороды распространяется на всех военных без всяких изъятий.

Все последние дни по утрам ездил я по военно-учебным заведениям на экзамены, а вчера сверх того смотрел образцы нового военного обоза.

27 апреля. Понедельник. Утром был на экзамене по стратегии в дополнительном курсе Артиллерийской академии, а затем в заседании Государственного совета. Рассматривалось важное дело об уменьшении выкупной платы с крестьян в нечерноземных губерниях и об обязательном в течение нынешнего и будущего годов переходе на выкуп остающихся еще до сих пор временно-обязанных крестьян. От этих двух мер ожидается большое облегчение для крестьян и окончательное приведение в действие Положения 19 февраля 1861 года. Дело это было решено почти единогласно, за исключением одного только голоса, генерал-адъютанта Тимашева, который упорно отстаивал мнимое право помещиков, до сих пор, в течение 20 лет, не покончивших своих отношений с крестьянами, на получение полной выкупной ссуды без вычета 20%.

Речь Тимашева вызвала сильный и дельный отпор у министра финансов Абазы, поддержанного графом Лорис-Меликовым, Рейтерном и самим председателем совета великим князем Константином Николаевичем. Абаза с некоторою колкостью намекнул на то, что Тимашев, стоявший 20 лет тому назад в ряду самых ярых противников освобождения крестьян, теперь вдруг прикинулся защитником буквы закона 19 февраля 1861 года! Надобно отдать справедливость Государственному совету: при голосовании не нашлось ни одного члена, который поддержал бы протест Тимашева в защиту мнимых помещичьих прав.

28 апреля. Вторник. Утром ездил в Гатчину вместе с Гирсом и после доклада представлял государю выпущенных из Академии Генерального штаба 50 офицеров. Я ожидал, что при докладе государь заговорит о моем назначении на Кавказ, как предварял меня граф Лорис-Меликов; опасался также не совсем удобных объяснений по поводу некоторых предположенных государем неудачных назначений, но и на сей раз не было ни слова о чем-либо, выходящем из круга текущих дел.

В 9 часов вечера назначено было совещание у графа Лорис-Меликова. Собрались те же самые лица, которые участвовали в прошлый вторник в совещании в Гатчине, в том числе и великий князь Владимир Александрович. Нам прислана была предварительно программа совещания, состоявшая из четырех пунктов. Сначала были продолжительные суждения по записке, поданной в прошлый вторник великим князем Владимиром Александровичем, об учреждении [опять какой-то] высшей центральной следственной комиссии по государственным преступлениям.

Предположение это было совершенно разбито объяснениями графа Лорис-Меликова и Набокова; оба они указывали на прискорбные результаты подобных комиссий, которые неоднократно учреждались и в прежние времена и ныне сделались совсем ненужными при настоящем объединении разнородных полицейских учреждений и прекращении антагонизма между полицейскими и судебными учреждениями. Ни Победоносцев, ни великий князь не могли почти ничего сказать для поддержания предложенной мысли.

Совещание обратилось к другим предложенным графом Лорис-Меликовым частным мерам по ведомству государственной полиции, и после довольно продолжительных разглагольствований все эти меры были одобрены с некоторыми только оговорками. Самые же продолжительные и горячие прения возникли по двум последним пунктам программы нашего совещания, касавшимся земства. Это такая почва, на которой всего более разнообразны взгляды.

Однако же и тут удалось наконец достигнуть согласия как относительно предложенного Лорис-Меликовым пересмотра некоторых статей Положения о земских и городских учреждениях, так и по прежней его мысли о законодательной разработке предложенных уже земствами мер к улучшению благосостояния крестьянского населения. Даже щекотливый вопрос о привлечении земцев к этой законодательной работе как представителей местных интересов был одобрен всеми присутствовавшими, за исключением одного лишь

Победоносцева, который опять поднял общий вопрос о значении земства. Обычным своим докторальным, широковещательным тоном он опять стал доказывать вред выборного начала вообще и опасность привлечения «местных сил» и допускал только разве вызов экспертов по назначению самого правительства.

Мнение это так резко отделялось от общего убеждения прочих членов совещания, что великий князь Владимир Александрович предложил в виде компромисса на *первый раз* ограничиться призывом из губерний небольшого числа известных правительству дельных и благонадежных людей только для предварительного обсуждения призыва земцев к обработке известных законопроектов в тех случаях, когда правительство признает это полезным. На этом предложении и остановилось совещание.

Немыслимо было продолжать спор после того, что рассказал нам великий князь: в самое утро злополучного дня 1 марта покойный император, утвердив своею подписью представленный доклад секретной комиссии и выждав выхода Лорис-Меликова из кабинета, обратился к присутствовавшим великим князьям с такими словами: «Я дал свое согласие на это представление, хотя и не скрываю от себя, что мы идем по пути к конституции». Затрудняюсь объяснить, что именно в предположениях Лорис-Меликова могло показаться царю зародышем конституции; но понятно, что произнесенные им незадолго до мученической кончины вещие слова должны были глубоко запасть в мысли обоих молодых царевичей и приготовить почву к восприятию ретроградных теорий Победоносцева, Каткова и компании.

Совещание окончилось в первом часу ночи; великий князь Владимир Александрович уехал, и тут только вдруг узнаем мы с удивлением от министра юстиции, что на завтрашний день приготовлен высочайший манифест, который он и показал в печатном оттиске. Такая неожиданная новость поразила нас как громом. Какой манифест? Кем он изготовлен? С кем советовался государь? Сконфуженный Победоносцев объявил, что это произведение его пера; что вчера государь призвал его в Гатчину и приказал сочинить манифест, чтобы сегодня он был напечатан, а завтра, по прибытии государя в Петербург, обнародован.

Заявление это было как *un coup de théâtre*[107]. Как? После бывшего ровно неделю тому назад совещания в Гатчине, после положительно заявленного государем желания, чтобы впредь между министрами было полное согласие и единство, чтобы по всем важным вопросам они входили в предварительное между собою соглашение, вдруг является совершенным сюрпризом для всех нас такой важный государственный акт, как манифест

царский! Лорис-Меликов и Абаза в сильных выражениях высказали свое негодование и прямо заявили, что не могут оставаться министрами. Я присоединился к их мнению. Набоков, Игнатьев и барон Николаи, хотя сдержаннее, также высказали свое удивление. Победоносцев, бледный, смущенный, молчал, стоя как подсудимый перед судьями. Расстались мы в сильном волнении.

Помимо формальной стороны появления нового манифеста поразило нас и самое содержание его. Под оболочкою тяжелой риторической фразеологии ясно проглядывает главная цель – провозгласить торжественно, чтобы не ждали от самодержавной власти никаких уступок.

Появление такого манифеста было бы еще понятно на другой день после вступления на престол, вслед за ужасною катастрофой 1 марта, но что вызывает его теперь, по прошествии двух месяцев? [Большинству публики, людям поверхностным, манифест покажется несвоевременным, бессодержательным… Но другая часть, люди мыслящие, поймут суть дела: они увидят, что путем ‹далее следуют 2 строки, не поддающиеся прочтению› объявление твердого намерения молодого императора удержать всей силой самодержавные права своих предков. Все надежды отнимаются у людей благомыслящих на постепенное движение к лучшему, к более совершенному государственному устройству. *Lasciate ogni speranza*[108] – вот сущность нового манифеста. Страшно подумать, какое невыгодное впечатление произведет он в России и в Европе. Сколько людей, надеявшихся на достижение со временем мирным путем желанных целей, теперь отшатнутся от нас и примкнут к массе, сочувствующей революционерам.]

29 апреля. Среда. Их величества приезжали сегодня в Петербург, но не по прямой дороге из Гатчины, а кружным путем через Тосну и по Николаевской железной дороге. Парад на Марсовом поле прошел совершенно благополучно и даже, можно сказать, блистательно. Императрица с великой княгиней Марией Павловной в коляске *a la Domon*[109] объезжала линии войск за государем. После парада был обычный завтрак у принца Ольденбургского. Мне пришлось сидеть с правой стороны императрицы, которая была любезна и обходительна, так же как и государь. После завтрака их величества, несмотря на плывшие льдины, переехали на катере через Неву, чтобы поклониться могиле покойного императора. Затем они посетили временную часовню, построенную на месте катастрофы 1 марта, и в три часа отправились обратно в Гатчину по той же Николаевской железной дороге.

Таким образом, приезд в Петербург, возбуждавший такие

опасения, обошелся совершенно благополучно, а все ходившие по городу толки о мнимых покушениях оказались напрасными. На параде присутствовали чрезвычайные послы турецкий (Реуф-паша) и персидский (Сапихсалар Гусейн-хан).

Пресловутый манифест явился в прибавлении к «Правительственному Вестнику». Говорят, он всех озадачил. Толпа спрашивает, в чем дело. К чему и о чем манифест? Говорят, будто срывали даже манифест со стен. Граф Лорис-Меликов сказал мне на параде, что решился сегодня же послать письмо государю с просьбой об увольнении от должности и намерен завтра не ехать в Гатчину. Вечером же приехал ко мне Абаза и передал свой разговор с великим князем Владимиром Александровичем, который уже знал, что вчера, после его отъезда из совещания, что-то произошло между нами. Абаза высказал ему, как мы все были поражены и оскорблены процедурою с манифестом. Великий князь уговаривал не слишком принимать к сердцу. Но Абаза намерен поступить одинаково с графом Лорис-Меликовым: не ехать в пятницу с докладом, а послать завтра письмо к государю с просьбой об увольнении.

1 мая. Пятница. После обычного посещения некоторых из военно-учебных заведений заехал я к Абазе и графу Лорис-Меликову. Оба они объявили мне, что прошения их об увольнении от должностей приняты государем, но полученные ответы были выражены не в одинаковой форме. Графу Лорис-Меликову государь ответил собственноручным письмом, в благосклонном тоне, с выражением благодарности за оказанные услуги. Напротив, Абазе возвращено его письмо с надписью карандашом, в которой выражается довольно резко укор, что поводом к удалению от должности выставляется заявленное в манифесте намерение государя оберегать свои самодержавные права.

От Лорис-Меликова я узнал, что сегодня вызваны в Гатчину великий князь Владимир Александрович и генерал Игнатьев. Можно заключить из этого, что преемником графа Лорис-Меликова будет Игнатьев, что, конечно, произведет не очень благоприятное впечатление в Европе. Уже и теперь получаются сведения о падении нашего курса. А что будет, когда сделается известным удаление графа Лорис-Меликова и Абазы? Оба они пользовались хорошей репутацией и доверием, чего нельзя сказать о других министрах. Я решаюсь также оставить свой пост, но, по совету друзей, мне было бы неуместно связывать свое удаление с манифестом. Поневоле я должен несколько еще выждать; быть может, представится благовидный случай проситься на отдых, например, если мне предложено будет место

на Кавказе.

Из разговоров с Абазой и Лорис-Меликовым я узнал о некоторых новых обстоятельствах. В истории манифеста принял, по-видимому, деятельное участие [злокозненный] Катков, прискакавший в Петербург по вызову Победоносцева. Отовсюду слышно, что этот злополучный манифест производит самое невыгодное впечатление. Он даст обильную пищу заграничным врагам России; нигилисты наши [с восхищением] воспользуются им как материалом для своей подпольной литературы.

Вечером узнал, что товарищ министра финансов Бунге, ездивший в Гатчину с докладом вместо Абазы, передал последнему желание государя, чтобы Александр Аггеевич не оставлял должности до конца сессии Государственного совета (то есть на неделю с небольшим) и в будущую пятницу – день его доклада – приехал лично в Гатчину. Из этого можно заключить, что, быть может, в настроении государя произошла некоторая перемена, как бы смягчение, и возникло желание удержать Абазу. Действительно, заменить его нелегко: Бунге сам сказал государю, что считает себя теоретиком, не довольно подготовленным к самостоятельному управлению Министерством финансов. С другой стороны, можно полагать, что на государя подействовал разговор с великим князем Владимиром Александровичем, который, вероятно, передал царю всё, что слышал в среду от Абазы.

Одновременно с нашим министерским кризисом совершается странный и неожиданный для нас переворот в княжестве Болгарском[110]. Можно было всегда ожидать от князя Александра какого-нибудь рискованного шага, особенно после проезда его через Вену; но никак нельзя было думать, что такое решение будет внушено ему нашим же русским генералом – Эрнротом. Ко мне приезжал сегодня болгарин, полковник Кесяков, с настоятельной просьбой спасти Болгарию от угрожающей ей опасности анархии и попадания под прямое влияние Австрии. Но что могу я сделать при настоящем своем положении? [Хотя переворот в Болгарии задуман и исполнен без ведома русского правительства и даже вопреки нашим советам, однако же нельзя не сознавать, что сам государь, как и многие из окружающих, в душе одобрят решимость князя Болгарского и будут сочувствовать ниспровержению ненавистной им болгарской конституции, выработанной под опекой русского же правительства. Вот результат войны, стоившей нам многих десятков тысяч людей и целого миллиарда рублей.]

3 мая. Воскресенье. Вчера вечером скончался принц Петр Георгиевич Ольденбургский после непродолжительной болезни.

Сегодня был я на панихиде. Тело покойника лежало еще на кровати, усыпанное цветами. У многих из присутствовавших видны были непритворные слезы: принца будут оплакивать очень многие – как человека, посвятившего всю жизнь делу благотворительности и успевшего действительно сделать много добра. Добродетель его заставляет позабыть ограниченность его ума и крайнюю узость понятий. Он постоянно мечтал о водворении общего мира и вел настоящую пропаганду об упразднении армий. В этом смысле обращался он и к покойному нашему государю, и к императору Вильгельму, и к Наполеону III, и к Бисмарку, и к Тьеру и т. д. и жаловался, что никто не хотел понять его, никто не воспользовался его советами.

В течение утра сегодня приезжал ко мне два раза статс-секретарь Танеев [великий человек на малые дела] по случаю полученного им от государя приказания заготовить указы об увольнении от должности графа Лорис-Меликова, о замещении его графом Игнатьевым и о назначении на место последнего министром государственных имуществ статс-секретаря Островского. На панихиде встретил Игнатьева; ему, видимо, совестно и неловко.

4 мая. Понедельник. После обычного моего приема в канцелярии Военного министерства отправился в Государственный совет. Абаза присутствовал еще в этом заседании; об увольнении же графа Лорис-Меликова и назначении на его место Игнатьева указ уже подписан.

Государь приезжал на панихиду по скончавшемся принце Ольденбургском.

5 мая. Вторник. Сегодня я поехал в Гатчину с твердым намерением заговорить с государем об увольнении меня от должности. Ехал я туда в обществе с Гирсом, Игнатьевым и Островским. Последние двое представлялись в первый раз в своих новых званиях. Игнатьев не мог не заметить перемены в моем обращении с ним; едва приехали мы в Гатчину, он пришел ко мне с объяснениями, уверяя, что старался всеми силами отклонить от себя новое назначение, и при этом наговорил целый короб всякой лжи. Я отвечал откровенно, что дело не в назначении его, а в слухах, дошедших до меня, будто он заодно с Победоносцевым вел дело о злополучном манифесте и, стало быть, участвовал в прискорбной интриге против Лорис-Меликова. Игнатьев опровергал это подозрение.

По окончании доклада государю о текущих делах я завел речь о предполагавшемся назначении графа Гейдена в Финляндию и ходатайствовал о назначении его вместе с тем членом Государственного совета. Разговор этот навел государя на

объяснения, которых давно уже я ожидал: мне предложено было место наместника и главнокомандующего на Кавказе. Согласно принятому мною решению, я положительно отклонил это назначение, сославшись на свои лета, утомление физическое и нравственное, и просил уволить меня от настоящей должности военного министра. Государь сказал, что затрудняется в выборе лица для замещения великого князя Михаила Николаевича на Кавказе и в случае моего туда назначения предполагает сохранить за мной и звание наместника. Однако же я настоял на просьбе отпустить меня на отдых после 20-летнего управления министерством. Государь, выслушав меня кротко и спокойно, закончил разговор словами: «Дайте мне подумать и переговорить с Михаилом Николаевичем».

После того я оставался еще при докладе Гирса, и затем государь простился со мной совершенно любезно и без малейшего знака неудовольствия. По всему видно, что заявление мое не было для него неожиданностью.

6 мая. Среда. Целый день не выходил из дому, что редко бывает со мной. Утром принимал депутацию черногорскую, присланную для приветствования государя со вступлением на престол. Депутация состоит из 10 человек, все молодцы на подбор, все украшены нашими георгиевскими крестами. В голове – давнишний наш приятель Божидар Петрович и тесть князя Николая воевода Петр Вукотич. Беседа наша велась частью на русском и черногорском языках, частью – через Божидара Петровича на французском. Черногорцы в несколько приемов выражали мне признательность князя и народа черногорского за личное мое содействие снабжению их во время войны оружием и хлебом.

Заезжал ко мне граф Лорис-Меликов. Он уже очистил казенную квартиру и готовится к отъезду за границу; старается казаться веселым и довольным своею свободой; но беспрестанно проглядывают чувства негодования и скорби о теперешнем обороте дел. Действительно, с каждым днем узнаешь новые странные [сумасбродные] факты, не обещающие ничего доброго в будущем. В «Правительственном Вестнике» напечатан сегодня циркуляр нового министра внутренних дел, сочиненный, как говорят, вчера же в Гатчине. Простодушные люди говорили мне об этом новом документе с похвалой; я же нашел в нем одну риторику, только фразы, уместные более в проповеди, чем в министерском циркуляре. Граф Лорис-Меликов между прочим сказал мне, что Бунге получил от государя повеление неотлагательно вступить в управление Министерством финансов; надобно полагать, что насчет Абазы что-нибудь насплетничали.

Сплетни и интриги процветают.

С юга России продолжают приходить известия тревожные о народных буйствах и беспорядках: успокоится в одном месте, начинается в другом…[111] По многим признакам можно догадываться, что есть скрытая руководящая рука, которая мало-помалу может дать другое направление разнузданной массе.

7 мая. Четверг. В «Правительственном Вестнике» напечатано уже об увольнении Абазы и вступлении Бунге в управление Министерством финансов.

Великий князь Михаил Николаевич заехал ко мне, чтобы проститься перед отъездом на Кавказ, где он намерен пробыть около месяца. Узнав вчера от государя о моем отказе принять должность наместника и главнокомандующего, он упрекнул меня и уговаривал принять предлагаемую должность, уверяя, что мне там вовсе не будет трудно справиться и что в тамошнем порядке управления всё может быть оставлено без изменений. Я не мог, конечно, ответить, что было бы недобросовестно с моей стороны оставить управление краем в настоящем его расстройстве [в которое оно пришло за время его пребывания у власти], и оправдывал свой отказ утомлением, необходимостью отдыха. Однако ж воспользовался случаем, чтобы высказать великому князю опасения мои за военную часть, если преемник мой вздумает ломать всё, что было сделано в течение двадцатилетнего моего управления Военным министерством.

Намерение мое оставить пост военного министра уже сделалось известно многим. Ближайшие сотрудники мои уже встревожены, и сегодня я имел по этому случаю объяснения с графом Гейденом, графом Баранцовым, Кауфманом, Скворцовым и Философовым. Граф Гейден не остается ни в каком случае и нанял уже частную квартиру.

8 мая. Пятница. Похороны принца Ольденбургского. Процессия шла от дворца принца кружным путем, останавливаясь перед Училищем правоведения и Мариинской больницей, и достигла станции Балтийской железной дороги только во втором часу; отсюда гроб перевезен по железной дороге к Сергию[112], где и погребен в семейном склепе. Государь не присутствовал в процессии, а приехал из Гатчины прямо к Сергию, что было совершенно непредвиденно; узнали мы об этом, только съехавшись уже в назначенный час (10 часов утра) во дворец принца. Вся свита ехала верхом, как бы за государем. В толпе, собравшейся в огромном числе вдоль всех улиц, принимали за государя ехавшего за колесницей великого герцога Ольденбургского [Николая-Фридриха-Петра].

Погода была необыкновенно теплая; в полдень температура

доходила до +19°, но к вечеру понизилась чуть не до нуля.

По возвращении моем с церемонии посетили меня новый министр государственных имуществ Островский, граф Лорис-Меликов, новый испанский посланник Кампо-Саградо и прежний, оставляющий нас добродушный Рибера. С Островским я имел продолжительный разговор о теперешнем положении дел; он порицал и графа Лорис-Меликова, и особенно Абазу за то, что они оставили свои посты, и при этом заметил, что уход графа Лорис-Меликова был неизбежен якобы потому, что государь, встретив с его стороны противодействие изданию известного манифеста, потерял к нему доверие. Островский, очевидно, примкнул к группе гатчинских дельцов. [Не сомневаюсь, что мои откровенные заявления будут переданы куда следует и даже, вероятно, в искаженном виде, но мне бояться нечего: готовясь сойти со сцены, я могу оказать последнюю услугу отечеству, высказывая в высших влиятельных сферах полную правду.]

Граф Лорис-Меликов передал мне свой последний разговор с государем, которому он вчера откланивался. В разговоре этом его величество упоминал и обо мне, ставя меня заодно с графом Лорис-Меликовым и Абазой в число представителей воображаемой либеральной партии, не сочувствующей принципу самодержавия. Государь весьма откровенно высказал, что в настоящий момент, когда вся задача состоит именно «в укреплении самодержавной власти», мы трое непригодны ему, но впоследствии, когда настанет время приступить опять к государственным реформам, тогда и мы можем быть снова призваны к деятельности (?!).

Кроме того, государь говорил Лорис-Меликову о моем отказе от предложенной должности на Кавказе, не упомянув, однако же, что я вместе с тем просил увольнения от должности военного министра; а также упоминал о необходимости каких-то значительных преобразований в военном ведомстве, на которые я, конечно, не могу согласиться. Не имея повода усомниться в верности переданных мне Лорис-Меликовым разговоров, крайне удивляюсь, что государь не понял моих настойчивых просьб дать мне полный отдых. В том же смысле и великий князь Михаил Николаевич передавал мне свой разговор с государем обо мне. Стало быть, тут явное недоразумение, которое постараюсь скорее разъяснить.

Всё переданное мне графом Лорис-Меликовым окончательно укрепляет мое решение оставить служебную деятельность. Но как прискорбно знать вперед, что с уходом моим начнется в Военном министерстве ломка здания, стоившего двадцатилетних непрерывных трудов. В чем бы ни заключались замышляемые переделки в нашем военном устройстве, во всяком случае теперешнее стройное здание будет расшатано на десятки лет.

9 мая. Суббота. Утром ездил к великому князю Михаилу Николаевичу, чтобы проститься с ним; он уезжает на Кавказ сегодня вечером. Принял он меня вместе с графом Лорис-Меликовым, поэтому разговор был общий, бессодержательный. Позже заехал я к Александру Аггеевичу Абазе, который собирается ехать за границу на будущей неделе, откланявшись государю в будущий понедельник. Потом были у меня Бунге, по случаю назначения его управляющим Министерством финансов, и Обручев, который прочел мне полученное им письмо от флигель-адъютанта Шепелева из Вены касательно совершающегося в Болгарии переворота. Шепелев смотрит на эти события с очень мрачной точки зрения.

Дела болгарские невольно навели разговор с Обручевым на собственное наше современное положение, и когда мы затронули будущность, ожидающую военное ведомство с моим удалением, то оба были глубоко растроганы. В последние годы Обручев был для меня одним из самых полезных и даровитых сотрудников. Если с выходом моим устранят и его, если не воспользуются таким человеком, каких у нас очень немного, то будет и жалко для России, и постыдно для нового правительства.

11 мая. Понедельник. Сегодня последнее заседание настоящей сессии Государственного совета. Приехав туда, я заметил, что между некоторыми членами и статс-секретарями происходило какое-то шушуканье, и вскоре узнал, что речь шла о неожиданном решении государя по делу об уменьшении

выкупных платежей с бывших помещичьих крестьян. Государь решил согласно с мнением трех членов Соединенных департаментов (Игнатьева, Островского и Победоносцева) против большинства и вопреки единогласному мнению общего собрания! Такое решение произвело общее смущение и удивление: председатель совета великий князь Константин Николаевич сказал мне, что затрудняется даже формулировать высочайшую резолюцию, так как разногласие в департаментах по одной части дела не нашло места в окончательном постановлении общего собрания. Дело в том, что в этом собрании говорил против законопроекта (и то лишь по одной частности) только граф Шувалов, который при отобрании голосов не был никем поддержан. Игнатьев же и Островский даже не раскрывали рта, а Победоносцев вовсе не присутствовал в заседании; именно в этот самый понедельник он занимался в Гатчине сочинением пресловутого манифеста. По всем вероятиям, он и воспользовался случаем, чтобы растолковать дело по-своему.

Таким образом, внушения одного интригана переиначивают работу целой комиссии специалистов, прошедшую через Соединенные департаменты и единогласно одобренную общим собранием Государственного совета! Стоит ли после того рассуждать и спорить в заседаниях!

Великий князь Константин Николаевич сегодня же вечером уезжает в Крым. Он не скрывает своего негодования, хотя не теряет еще надежды на лучшие времена. «Теперь же, – сказал он мне, – человек, самого себя уважающий, не может здесь оставаться».

Сегодня утром Абаза откланялся государю, но мне еще неизвестно о том, как обошлось его представление.

Говорят, что место военного министра предлагали Альбединскому, который будто бы отказывается.

12 мая. Вторник. Сегодня при докладе моем государь был разговорчивее обыкновенного и даже обходительнее, несмотря на то, что мне пришлось по нескольким докладам, возвращенным от него вчера с отказами в разрешении, объяснить ему неправильность его резолюций и просить об изменении их. Довольно долго государь говорил о предположениях своих относительно перемен в форме обмундирования, и так как все эти предположения вообще клонятся к облегчению и упрощению военного костюма, то я и не мог иначе выражать свое мнение, как в смысле полного сочувствия. Но после всего я решился снова навести речь на свою просьбу об увольнении от должности. Государь, видимо, ожидал моего вопроса и сказал мне:

– Я очень сожалею, что должен лишиться вашей опытности.

Но что же делать? Не считаю себя вправе удерживать вас и понимаю, что вам нужно отдохнуть и поправить свои силы, истощенные 20-летним трудом.

– Могу ли я рассчитывать, что увольнение мое последует в скором времени?

– А как вы желали бы?

– Как только изволите признать возможным.

– Но кому же вы могли бы передать временно управление министерством?

– Обыкновенно при временных отлучках передавал я бóльшую часть своих обязанностей графу Гейдену, но в настоящее время граф Гейден сам просит об увольнении, о чем я уже ходатайствовал перед вашим величеством.

– Да, на это я уже и согласился, имею в виду назначить графа Гейдена членом Государственного совета, а потом – генерал-губернатором финляндским, но кто же старший после графа Гейдена?

– Всех старше, и даже старше самого графа Гейдена, граф Баранцов, а затем Исаков и Кауфман. Но позвольте доложить вашему величеству, что я нахожу крайне неудобным для хода дел передавать министерство кому-нибудь на короткое время; было бы гораздо лучше, если б ваше величество прямо назначили мне преемника, который и вступил бы во все права и обязанности министра.

– Но в настоящее время я не остановился еще ни на ком.

Несколько секунд молчания. Я был несколько удивлен, услышав о готовившемся уже в течение нескольких недель замещении меня, и решил прямо поставить вопрос.

– В городе много говорят об Альбединском.

– Да, я знаю; но мне кажется, что он не совсем годится на такую важную, обширную и сложную должность. Боюсь, что он несколько легко смотрит на дела.

– Однако же позвольте доложить вашему величеству, что Виленский округ был при нем образцовым округом: нигде войска не были доведены до такого совершенства в тактическом образовании; администрация ведена была примерно. Альбединский лично во всё вникает и обо всем заботится.

– Это справедливо, войска Виленского округа были очень хороши, но Альбединский нужен и в Варшаве. Кем же его там заменить? А я думал о другом – о Ванновском.

– Конечно, Ванновский дельный и умный генерал, но он моложе в чине весьма многих из начальствующих лиц в министерстве.

– Но ведь и вы сами при назначении министром были моложе

многих, даже чуть ли не были еще генерал-майором?

– Нет, я был уже несколько лет в чине генерал-лейтенанта, и старше меня в министерстве были только барон Ливен, занимавший тогда должность генерал-квартирмейстера, и Баранцов, который, впрочем, был тогда не прямым моим подчиненным в качестве начальника штаба генерал-фельдцейхмейстера. Барон Ливен вскоре после моего назначения и был причислен от должности с назначением в Государственный совет, а Баранцов и до сих пор остается моим подчиненным, хотя и старше меня. Но мы с ним всегда были на товарищеской и дружеской ноге.

– Полагаю, что Баранцов во всяком случае не пожелает остаться на своем месте, кто бы ни был назначен министром. Он уже очень устарел и слаб.

– Затем остаются еще полные генералы Исаков и Кауфман.

– Да, это просто беда, что у нас так много полных генералов: все генерал-губернаторы, начальники военных округов. Но ведь Исаков занимает совершенно самостоятельную должность.

– Нет, государь, он точно так же подчинен прямо министру, как и все другие начальники главных управлений. Скажу даже, что я лично весьма много входил в дела военно-учебных заведений и с любовью занимался этою частью. Я должен сказать, что сам имел виды на генерала Ванновского именно для замещения, на случай надобности, Исакова.

– Это правда, Ванновский был некогда начальником военного училища. Но он годился бы на всякое место.

– Первое и самое важное условие при выборе лица на должность военного министра, конечно, заключается в том, чтобы лицо это пользовалось полным доверием вашего величества.

– В этом-то отношении Ванновский вполне подходит; я близко узнал его, когда он был моим начальником штаба в Рущукском отряде. Тогда его упрекали только в том, что он тяжел для подчиненных. Но это, пожалуй, и не худо, а притом говорили, например, в свое время и о Дрентельне, будто он слишком строг и даже груб; а теперь находят его слишком добродушным и мягким.

– Если выбор вашего величества остановится окончательно на Ванновском, то я буду об одном убедительно просить – обратить милостивое ваше внимание на моих ближайших сотрудников, которые не могут остаться на теперешних своих местах. Позвольте надеяться, что ваше величество всех их пристроите достойным образом; все они усердно, полезно и много потрудились вместе со мною и, точно так же как и я, нуждаются в отдыхе. Притом нельзя не сознаться, что для пользы службы даже

нежелательно, чтобы должность была занята слишком долго одним лицом; необходимо по временам освежать персонал. Я сам на себе чувствую, что есть известный предел, долее которого человеку не следует оставаться на своем месте. Вот это и дает мне смелость настаивать на моем увольнении.

– Да, вы долго и много трудились; но вы имеете утешение в собственном сознании, что эти двадцать лет не прошли без пользы; все отдают справедливость тому, что сделано в эти двадцать лет. Армия наша и администрация совсем уже не те, какие были двадцать лет назад. Последняя война вполне это выказала. Осуждали, конечно, интендантскую часть, но вся беда была от несчастного этого товарищества, в котором Военное министерство совершенно неповинно; у меня в Рущукском отряде всё шло прекрасно, потому что товарищество было устранено. Всё же, что зависело от Военного министерства, оказалось вполне удовлетворительным.

– Мне отрадно слышать такую оценку; искренно желаю, чтобы всё то, чего не успел я сделать, было исполнено моим преемником.

– Надобно мне подумать, сообразить. Спишусь с Ванновским.

– Буду ожидать окончательных приказаний вашего величества.

На этом разговор прервался; государь позвонил и пригласил Гирса. Я не мог прийти в себя от изумления. Всё, что я слышал теперь от государя, не клеилось с тем, что слышал до сих пор, и в особенности с теми словами его, которые передавал мне граф Лорис-Меликов. [Неужели же он говорил мне неправду из каких-нибудь корыстных побуждений? Но нет, не могу допустить такого предположения. Но, с другой стороны, все-таки нельзя [?] заподозрить со стороны государя такую крайнюю [?] двуличность.] Как согласовать такие противоречия: с одной стороны, признается необходимым мое удаление с занимаемого поста, дабы предпринять какие-то коренные преобразования по военной части; с другой же – всё сделанное мною для лучшего устройства этой части восхваляется и выражается сожаление о моем удалении!

Доклад Гирса прошел обычным порядком. Поговорили о происшествиях в Болгарии и решили дать наставления предприимчивому князю и его главному советчику Эрнроту в смысле укрощения их наклонности к насильственным мерам. Мысль Эрнрота об образовании государственного совета «из иностранцев» положительно отвергается нашим правительством.

Прочитаны были новые депеши Сабурова о ходе переговоров его с Бисмарком и Хаймерле, а затем заготовленный Гирсом ответ

касательно предложенных Австрией новых перемен в редакции дополнительного к трактату акта. Государь по-прежнему не ожидает особенной пользы для нас от этих договоров; Австрия, очевидно, преследует свои эгоистические цели. Бисмарк успокаивает Сабурова, уверяя, что Австрия подавится, проглотив Боснию, Герцеговину и санджак Новобазарский. «L`Autriche a un grand appétit, mais une mauvaise digestion»[113]. Сабурову отвечают от нас: «Nous ne voulons pas servir les plats pour satisfaire l'appétit de l`Autriche»[114].

По окончании политической части доклада Гирса я встал и, когда государь подал мне руку, сказал ему:

– Итак, позвольте мне ожидать приказаний вашего величества по моей просьбе.

На что он ответил:

– Но я надеюсь, что вы еще приедете ко мне в будущий вторник, а может быть, я приглашу вас и раньше.

Я вышел из кабинета вполне довольный сегодняшним разговором. Таким образом, удаление мое со сцены решено бесповоротно, и притом ухожу без ссоры, без злобы. В соседней с кабинетом комнате ожидали казаки, одетые по новой форме. Я представил их государю и получил еще некоторые приказания.

Лишь только возвратился я в отведенную мне комнату Гатчинского дворца, приходит ко мне Гирс, совсем взволнованный. Слышанные им последние слова государя при выходе моем из кабинета изумили его. Хотя он прежде знал о моем намерении оставить место, однако же никак не думал, что дело так подвинулось к окончательной развязке. Гирс тронул меня своим искренним участием; он благодарил за дружеские отношения наши в продолжение более пяти лет совместной работы, в самые трудные для нашей дипломатии времена. Сам он остается в прежнем неловком, неопределенном служебном положении. Старый эгоист князь Горчаков намерен приехать в Петербург, и по всему видно, что вовсе не думает об оставлении своего поста. Со стороны же государя не заметно намерения решить вопрос: кто же, наконец, русский министр иностранных дел?

13 мая. Среда. Приезд старшей дочери моей Елизаветы из Закаспийского края, после целого года отсутствия.

В обычное время заседание Военного совета. Потом заехал я к графу Адлербергу, который присылал утром спросить, когда может застать меня, чтобы переговорить об одном деле. Я полагал, что он имеет передать мне какие-нибудь приказания государя, полученные вчера после моего доклада (я знал, что граф Адлерберг был вчера в Гатчине). Оказалось, что ему нужно

было переговорить со мной об увольнении от должности его брата графа Николая Владимировича, финляндского генерал-губернатора. Дело это окончательно решено, и мы только переговорили о порядке исполнения. Но затем разговорились о теперешнем положении дел и невольно вошли в самые откровенные излияния. Я рассказал подробно всё, что было со мной, а также с графом Лорис-Меликовым и Абазой.

Граф Адлерберг также рассказал мне то, что касалось его, и рассказ его был чрезвычайно любопытен. Выходит, что и ему пришлось испытать на себе довольно странные неожиданности. При одном из недавних докладов в Гатчине граф Александр Владимирович, по случаю объяснений с государем об увольнении от должности графа Николая Владимировича Адлерберга, решился спросить: «Не пора ли и мне просить об увольнении?» На это получил он самые успокоительные заверения, что оказал столько услуг царскому дому, считается другом семейства и т. д. Успокоенный этими любезностями, граф Адлерберг представил государю обычный свой годичный отчет о состоянии сумм, так заботливо, хотя и с грехом пополам, накопленных бароном Кистером в кассе Министерства двора. При этом он, конечно, надеялся получить такую же благодарность и похвалу, какие ежегодно получал в резолюциях покойного государя на прежних отчетах. Вместо того на другой день получает он обратно отчет с надписью: «Читал, но не могу сделать никакого заключения, не имея ясного понятия обо всем этом деле».

Вместе с тем получена записка государева приблизительно такого содержания: «После вчерашнего нашего разговора я обдумал и нахожу, что действительно для вас было бы удобнее теперь оставить должность министра двора, так как я считаю нужным сделать в этом ведомстве большие преобразования». Понятно, что граф Адлерберг был поражен и резолюцией на отчете, и еще более запиской. Как же согласовать их со вчерашними любезностями? [И как же замышлять преобразования в ведомстве, когда, по собственному сознанию, не знаешь дела?]

Граф все-таки поехал в Гатчину, как было назначено, и, разумеется, прямо заговорил о своем увольнении. К новому удивлению своему, он услышал такие речи: «Не принимайте вчерашнюю мою записку за требование, чтобы вы теперь же оставили место; нет причины торопиться, тем более что у вас на руках еще серьезная работа недоконченная; но я счел нужным только вас предварить теперь же, когда мы можем расстаться совершенно дружески, без всяких неприятностей; а кто знает, что может быть в будущем?!» Можно представить себе, какое

действие произвели подобные странные объяснения на человека, привыкшего с малолетства считаться человеком домашним, другом в царской семье.

Коснувшись этих отношений своих, граф Адлерберг рассказал мне некоторые весьма любопытные подробности о последних годах, или, лучше сказать, последнем годе жизни покойного императора и отношениях своих с княгиней Юрьевской. Граф Александр Владимирович убежден, что официальное положение его при дворе, несмотря на дружеские, почти братские отношения с императором Александром Николаевичем, сделалось невозможным: «Если б не было даже катастрофы 1 марта, то я все-таки не был бы теперь министром двора», – сказал граф Адлерберг.

Покойный государь был совершенно в руках княгини Юрьевской, которая довела бы государя до самых крайних безрассудств, до позора, а княгиня ненавидела графа Адлерберга и была озлоблена на него. Тут он рассказал мне первую свою странную встречу с этой женщиной и некоторые эпизоды, предшествовавшие браку покойного государя. Вот приблизительно его рассказ:

> «Покойный государь до самой кончины императрицы постоянно избегал всяких разговоров со мной относительно связи своей с княжной Долгорукой, и я вовсе не был с нею знаком. Конечно, мне было всё известно, но по какому-то чувству приличия, по какой-то утонченной деликатности при наших, могу сказать, дружеских отношениях с самого детства государь ничего мне не говорил об этом щекотливом предмете, а я показывал вид, что ничего не знаю. Доходило до того, что когда государь решился переместить княжну Долгорукую в Зимний дворец, он призвал к себе заведующего дворцом генерал-майора Дельсаля и отдал непосредственно ему все приказания, прибавив, чтобы мне ничего об этом не говорили. Само собою разумеется, что приказание это не могло быть исполнено в точности: Дельсаль не мог сделать без моего ведома никакого распоряжения. Тем не менее я был признателен государю за его деликатность в отношении ко мне.
>
> Так продолжалось до того времени, когда, с приближением сорокового дня после кончины императрицы, государь в первый раз решился заговорить со мной о княжне Долгорукой и вдруг, к великому моему изумлению, объявил о своем намерении вступить с нею в

брак. Я был крайне возмущен таким намерением, доказывал ему все вредные последствия его, отговаривал всеми возможными аргументами. Государь, со своей стороны, доказывал необходимость предположенного брака, считая себя обязанным к этому чувством чести, совести и религии. Он горячился, волновался, и горячий наш спор продолжался более часа. Казалось, мне удалось поколебать его. Но через несколько дней, когда минул сороковой день, государь при одном из моих докладов снова поразил меня, объявив свое решение не отлагать дольше исполнение намерения и совершить обряд немедленно, секретным образом. Я снова пытался отклонить его, представив всё неприличие такого поступка до истечения годичного срока после кончины императрицы.

Во всё время, что я говорил, государь сидел молча, бледный, смущенный, руки его дрожали; вдруг он встает и, не сказав ни слова, выходит в другую комнату. Я в полном недоумении соображаю, что остается мне сделать, и намереваюсь также уйти, как вдруг отворяется снова дверь, и входит женщина; за нею вижу фигуру государя, который, впустив княжну в кабинет, затворяет за нею дверь. Странное было мое положение – очутился лицом к лицу с женщиной, с которою приходилось мне говорить в первый раз и которая напустилась на меня с резкими упреками за то, что я отговариваю государя от исполнения долга чести. Я вынужден был возражать ей, так что между нами произошла бурная сцена, продолжавшаяся довольно долго.

Среди горячего нашего спора дверь в кабинет полураскрылась и показалась голова государя, который кротко спрашивает, пора ли ему войти. На это княжна с горячностью отвечает: „Нет, оставь нас докончить разговор“. Государь захлопнул снова дверь и только несколько времени спустя вошел в кабинет, когда сама княжна, излив всю свою злобу на меня, вышла из кабинета.

Вскоре после этой сцены совершился брак, и затем вы знаете, что было: поездка в Крым, тягостное для всех нас пребывание в Ливадии, затем с каждым днем всё усиливалось влияние княгини Юрьевской, злоба ее против меня и невыносимое мое положение. Трудно сказать, до чего могла бы довести государя эта женщина, нахальная и вместе с тем глупая и неразвитая! Вот

почему я и сказал, что мученическая кончина государя, быть может, предотвратила новые безрассудные поступки и спасла блестящее царствование от бесславного и унизительного финала».

Рассказ этот показался мне так любопытен, что я решился занести его в свой дневник. Быть может, через многие годы будущий историк воспользуется им как драгоценным материалом для изображения переживаемой нами эпохи.

Сегодня утром уехал за границу Абаза. Мне не удалось проститься с ним и узнать подробности последнего его свидания с государем. Но он поручил сестре своей Вере Аггеевне передать мне некоторые сведения. Государь старался быть любезным, объяснял необходимость манифеста, и, в оправдание своего решения помимо министров, сваливал вину на графа Лорис-Меликова, который будто бы сопротивлялся всякому подобному заявлению высочайшей воли. Это обвинение прежде уже доходило до Лорис-Меликова, который уверял, что никогда не было речи о каком-либо манифесте.

14 мая. Четверг. Утром было у меня совещание по вопросу о новой границе между Закаспийской нашей областью и Персией. Участвовали генерал Скобелев, Гирс, Мельников, Обручев, Анненков и Соболев. Совещание кончилось только к шести часам, и потому я пригласил Скобелева остаться отобедать в нашем семейном кружке, собравшемся по случаю годовщины свадьбы младшей моей дочери Гершельман.

Княгиня Юрьевская оказала неожиданную любезность Пирсу и мне: она прислала каждому из нас на память о покойном императоре пуговички, которые он обыкновенно носил на рукавах рубашки. Поеду завтра же благодарить за такое любезное внимание.

15 мая. Пятница. Утром ездил по разным делам, заехал в Зимний дворец, чтобы расписаться в книге княгини Юрьевской, и к графу Валуеву, чтобы переговорить с ним об исполнении данного мне как председательствующему в Комитете по делам Царства Польского высочайшего повеления относительно упразднения этого комитета.

Возвратившись домой, я нашел записку великой княгини Ольги Федоровны, приглашавшей меня к себе между 1 и 3 часами. Я немедленно же поехал к ней и просидел у нее более часа. Она возымела желание поговорить со мной о современных событиях и толках, без сомнения, чтобы сообщить самые свежие новости великому князю Михаилу Николаевичу прежде назначенного сегодня же переезда на дачу. Мы передали друг

другу, что знали и слышали.

16 мая. Суббота. Сегодня минуло ровно 20 лет с назначения меня управляющим Военным министерством. Я узнал об этом только по статье, помещенной в нынешнем номере газеты «Наше время».

Утром навестил в последний раз Инженерное училище и Пажеский корпус. Я не мог скрыть грусти своей, прощаясь с юношеством, к которому чувствую сердечное влечение. Когда я сошел с лестницы училища, собравшиеся в сенях юнкера внезапно подхватили меня и с криками «ура!» вынесли на руках и посадили в экипаж. Я был растроган до слез и расцеловал тех мальчиков, которые ближе теснились около меня. Признаюсь, что из всех частей оставляемого мною военного управления, более грустно мне покинуть военно-учебные заведения, которыми я занимаюсь с любовью.

Владимир Павлович Титов заехал ко мне, очевидно, с целью выпытать подробные сведения о нашем «министерском кризисе».

17 мая. Воскресенье. Начал заниматься укладкой вещей. К двум часам отправился в Военно-юридическую академию на публичный акт, назначенный по случаю первого выпуска окончивших курс 12 офицеров и 5 классных чинов.

Приезжал генерал Ванновский, чтобы передать мне вчерашний свой разговор с государем в Гатчине. Ванновскому положительно объявлено о назначении его на мое место и при этом было выражено требование, чтобы он первой своей целью поставил сокращение расходов на военную часть. Относительно замещения некоторых из оставляющих свои места начальников главных управлений государь, между прочим, коснулся замещения графа Гейдена и, к сожалению, выразил какое-то нерасположение к генералу Обручеву, на которого Ванновский указал как на кандидата в начальники Главного штаба. Несомненно, Обручев был очернен перед государем окружающей его грязной интригой. Хотят решительно оттолкнуть всех людей способных.

18 мая. Понедельник. Утром ездил в приготовительный пансион Николаевского кавалерийского училища, чтобы распроститься с юношами и начальством. Во всех заведениях нахожу трогательное сочувствие и выражения сожаления о моем удалении.

В Государственном совете прошло последнее собрание с подписанием журналов предшествующего заседания. Затем некоторые из министров под председательством графа Валуева собрались в помещении Комитета министров для предварительного обсуждения вопроса об упразднении Комитета

по делам Царства Польского. Вопрос этот назначен на завтрашнее заседание Комитета министров.

Сегодня утром приехал князь Сергей Шаховской, жених старшей моей дочери, и провел у нас бóльшую часть дня.

19 мая. Вторник. Главным предметом моего доклада сегодня были новые назначения и увольнения от должностей. Я испросил окончательные повеления относительно объявления в приказе как о себе самом, так и графе Гейдене, графе Адлерберге, генерале Ванновском. Представил его величеству доклад обо всех моих ближайших сотрудниках, чтобы вперед обеспечить почетное оставление ими занимаемых ныне должностей.

Государь был весьма любезен и по окончании доклада сказал мне, что просил бы меня, уходя из министерства, изложить мои мнения о том, какие было бы возможно сделать сокращения в военных расходах. Я объяснил государю, что в течение 20 лет много раз поднимался этот вопрос, и если б я видел какое-либо средство к разрешению задачи, то, конечно, давно привел бы в исполнение. Затем объяснил, что значительное уменьшение военной сметы не иначе возможно, как через значительное сокращение вооруженных наших сил; сокращение наличного в мирное время состава их неизбежно ведет и к пропорциональному уменьшению сил в военное время. Затем я спросил самого государя, в таком ли положении европейская политика, чтобы мы могли без опасений ослабить нашу военную силу, ввиду всё возрастающих и совершенствуемых сил наших западных соседей и всех других европейских государств. Государь не нашел никаких возражений, и разговор прекратился без всякого результата.

После моего доклада я присутствовал, по обыкновению, при докладе Гирса. Это *последний* мой доклад у государя. Засим мне остается только приехать еще раз в парадной форме, чтобы откланяться их величествам.

20 мая. Среда. Трогательное прощание с 1-й, 2-й и 3-й военными гимназиями и с прогимназией. Некоторые из воспитателей и преподавателей плакали; конечно, и я не мог не прослезиться.

Приступил к скучной работе укладки и уборки для очищения занимаемого мною казенного дома.

22 мая. Пятница. Генерал Ванновский приехал ко мне в 10 часов утра и вручил высочайший рескрипт, при котором пожалован мне знак с двойным портретом императоров Александра II и Александра III. Самый знак еще не изготовлен, но рескрипт редактирован в самых лестных для меня выражениях. Мы с Ванновским переговорили о порядке передачи дел, о

представлении нашем их величествам и т. д., и т. д.

В два часа была панихида в крепости по случаю годовщины кончины императрицы Марии Александровны. Встретился тут со многими лицами всех рангов и ведомств. Мне было приятно замечать общее сочувствие к моему образу действий: все как будто хотели выразить и сожаление о моем удалении со сцены, и одобрение моему решению уступить место свое другому. Подобные выражения получаю отовсюду и на словах, и письменно, в особенности от сослуживцев моих и воспитанников военно-учебных заведений. Являлись ко мне депутации от военных гимназий; просят у меня фотографических карточек.

23 мая. Суббота. Ездил в последний раз в Гатчину, чтобы откланяться их величествам. В одном со мной вагоне ехали граф Гейден, Ванновский, Баумгартен, Головнин, Оом и дочь моя Елизавета со своим женихом князем Шаховским. Прием государя был любезен, но холоден; он благодарил за мою службу; я же благодарил за милостивый рескрипт. Затем несколько минут продолжался разговор почти бессодержательный.

Прием императрицы был также благосклонный и также натянутый., Между прочим ее величество высказалась и насчет моего удаления со сцены: «Cela c'est fait avec tant de calme»[115]. Уже прежде доходило до меня, что в Гатчине довольны мною в особенности за то, что я ухожу «без скандала», так сказать, мирно, в противоположность резкости Абазы и графа Лорис-Меликова. В заключение приема, когда ее величество спросила, имею ли я намерение, отдохнув в Крыму, возвратиться в Петербург, я отвечал: «Cela dépendra des circonstances»[116].

Сегодня же представлялась государю текинская депутация, во главе которой стоит известный Тыкма-Сердар[117]. Но я не счел уже нужным присутствовать при этом представлении и вообще прекратил с нынешнего дня служебные свои занятия по министерству. [Теперь главная моя забота – укладка и сборы к отъезду.]

24 мая. Воскресенье. В 11 часов утра прощание с Военным министерством и представление старших чинов министерства генералу Ванновскому в залах канцелярии Военного министерства. После нескольких сказанных мною слов и прочтения прощального приказа я обошел членов Военного совета, начальников главных управлений и помощников их. Мне казалось, что многие были растроганы так же, как и я. Генерал Ванновский остался после моего отъезда, а я заехал расписаться у особ императорской фамилии, остающихся пока в городе. Множество лиц приезжало ко мне расписаться или оставить визитные карточки.

29 мая. Пятница. Свадьба моей дочери Елизаветы с князем Сергеем Шаховским. Все последние дни прошли в прощальных визитах, приготовлениях к свадьбе, хлопотах по укладке вещей для отправления в Крым. Отовсюду продолжаю получать заявления сочувствия и сожаления об оставлении мною должности военного министра. Я же всё более доволен и рад тому, что решился на этот шаг, слыша рассказы о том, что происходит в высшей официальной сфере.

30 мая. Суббота. Ездил в Царское Село откланяться великому князю Владимиру Александровичу. Провел часа два у Головнина на его даче в Софии.

31 мая. Воскресенье. Всё утро возился с укладкой; вечером же собралось обычное наше воскресное общество в большем числе, чем обыкновенно. Некоторые из гостей поднесли жене моей прекрасную серебряную вазу с букетом цветов; на вазе награвированы имена участвовавших в этом любезном приношении: граф Гейден и сын его Николай, граф Баранцов, Константин Иванович Домонтович, генералы Обручев, Драгомиров, Лаврентьев, Зыков, Лобко, князь Гагарин, князь Трубецкой, Веймарн, Брок, полковники Боголюбов, Арапов и Лярский, капитаны Мартынов, Евреинов и Хвощинский. В числе гостей сегодня был черногорец Божидар Петрович-Негош, который передал мне желание черногорской княгини увидеться со мной. Княгиня приехала только на днях за своей дочерью, окончившей курс в здешнем институте.

Нынешнее «воскресенье» наше – последнее в Петербурге; поэтому вечернее собрание имело характер прощальный.

3 июня. Среда. Все последние дни посвящены частью прощальным визитам, а большей частью – укладке и приготовлениям к отъезду. Сегодня между прочим был я у княгини Черногорской Милены, которая приняла меня весьма любезно, в несколько приемов передавала мне благодарность князя Николая за всё, что было сделано в пользу Черногории со стороны русского Военного министерства; рекомендовала мне своего сына, 10-летнего мальчика, наследника черногорского престола. Он имеет вид бойкого и умного ребенка; подошел ко мне с заученной речью на французском языке. Сама княгиня затрудняется говорить по-французски и часто сводит речь на свой родной язык. Но в этих случаях нам помогал Божидар Петрович, свободно выражающийся по-французски.

5 июня. Пятница. Вчерашний день в нашем доме имел печальный конец. Вечером собралось небольшое общество близких друзей, желавших провести с нами последний вечер перед нашим отъездом из Петербурга. В числе гостей была сестра

моя Мария Алексеевна Мордвинова; она казалась спокойною и даже в лучшем, чем обыкновенно, расположении духа. Около 11 часов вечера, когда она сидела вдвоем с моей женой и разговаривала с нею, вдруг схватилась за голову, привстала было со стула и мгновенно упала на пол без чувств. Послали за врачами в разные стороны, но долго никого из них не могли найти; приехавший наконец в исходе первого часа ночи доктор пробыл несколько минут, дал кое-какие наставления и уехал.

Между тем больная как будто очнулась; хотя не могла ни говорить, ни открыть глаз, но делала движения руками, головой, губами, как будто стараясь что-то сказать. К несчастию, это было только минутное облегчение; вслед за тем началась хрипота с явными признаками весьма тяжелой и продолжительной агонии. Только в исходе четвертого часа ночи бедная страдалица испустила последний вздох и умолкла навеки. За несколько минут до ее кончины прибыл муж ее, проживающий отдельно с незаконной семьей. Он пожелал, чтобы тело покойницы было немедленно перевезено в ее собственную квартиру. Тяжелое было чувство, когда бездыханный труп сестры втащили в наемную карету и увезли, как неодушевленную вещь.

Малолетняя дочь умершей спала спокойно и только утром узнала о постигшем ее несчастье. Сегодня мы ездили два раза, утром и вечером, поклониться праху покойной. Мне передали оставленные ею на мое имя пакеты, в которых я нашел два ее завещания и[118] несколько писем. Переписка эта оставляет грустное впечатление.

Кончина сестры заставляет отложить наш отъезд до понедельника. Похороны назначены в воскресенье.

7 июня. Воскресенье. Похороны сестры в Александро-Невской лавре. Вечером обычное собрание у нас было немногочисленно; приехали только ближайшие друзья.

15 июня. Понедельник. Симеиз. Вот я и в своем любезном приюте. Выехал из Петербурга в прошлый понедельник с большей частью семьи, оставив в Петербурге только жену с племянницей для окончательной укладки и очищения казенной квартиры. На вокзале Николаевской железной дороги собралось довольно много лиц, но проводы эти не имели вовсе официального характера, зато отличались неподдельным радушием. Многие глубоко тронули меня своим непритворным выражением сочувствия, иные – слезами и дружескими объятиями.

В Москве мы пробыли три дня в ожидании приезда жены, которая также хотела провести там один день, чтобы познакомиться со свекром и свекровью старшей нашей дочери, князем Владимиром Львовичем и княгинею Александрою

Павловною Шаховскими. Это вполне патриархальная и добродушная семья. Мы провели время в Москве в беспрерывных разъездах, в обществе Шаховских и Олсуфьевых, посетили могилы в Новодевичьем и Донском монастырях, любовались видом на Москву с Воробьевых гор и с Нескучного, осматривали величественный Храм Спасителя и т. д.

Три дня прошли незаметно. В пятницу, 12-го числа, выехал из Москвы уже со всею почти семьей, за исключением только сына и старшей дочери. (Зато присоединилась еще одна племянница, дочь покойной сестры Мордвиновой.) Вчера, в воскресенье, 14-го числа, приехали утром в Симферополь, где провели несколько часов у сына, а к ночи того же дня прибыли в Алушту. Здесь выждали рассвета и сегодня добрались в 11 часу утра до Симеиза.

18 июня. Четверг. Первые дни по приезде в Симеиз прошли в заботах первоначального домашнего устройства. Погода еще не очень жаркая. Вполне наслаждаюсь прелестью своего любимого уголка; забываю охотно всё, оставленное в Петербурге, кроме только того радушия, которое было мне выказано в последние дни перед отъездом, не только людьми близкими, но и многими из числа казавшихся мне совершенно равнодушными.

Прежде чем мы успели здесь устроиться, посетили нас вчера графиня Тизенгаузен с баронессой Ниной Карловной Пиллар (из Кореиза), а сегодня Горбуновы (из Ливадии).

Сегодня же ездил я в Орианду, к великому князю Константину Николаевичу. Я поспешил предупредить его посещение, возвещенное мне вчера баронессою Пиллар. Впрочем, не могло быть и сомнения в желании его скорее увидеться со мной, тем более что я привез ему и передал еще в понедельник, в проезд через Ялту, несколько пакетов от Головнина с такими бумагами, которых не мог он доверить почте. Великому князю, конечно, было желательно услышать от меня словесные пояснения полученных им от Головнина известий.

И действительно, великий князь был очень рад моему приезду. Я застал его среди негласной его семьи, с которою он живет в Орианде [вовсе не скрытно, подражая в этом отношении примеру своего брата, покойного государя, показывавшегося открыто с княгиней Юрьевской, а прежде княжной Долгорукой и детьми ее.] Однако же лишь только доложили обо мне, дамы и дети вышли в сад, а я остался вдвоем с великим князем. Он был в оригинальном костюме: широкие белые шаровары и бумажная белая рубашка, подпоясанная шнуром, составляли всё одеяние августейшего отшельника. [Великий князь извинился, что встречает меня в таком оригинальном костюме, конечно, очень удобном в жаркое время, но напоминавшем мне половых

московских трактиров.] После нескольких вопросов, касавшихся лично меня, моего путешествия, моей семьи, планов и прочего, великий князь, как и следовало ожидать, перешел к общим вопросам о происходившем в последнее время в Петербурге, или, вернее, в Гатчине и Александрии, а затем сам рассказал мне всё то, что касалось лично его самого и что, впрочем, уже большею частью было мне известно через Головнина. Великий князь сравнивал свое положение с моим и находил существенное различие: по его мнению, я сам добровольно сошел со сцены, и сошел с почетом; он же удален вопреки собственному намерению, прямым высочайшим повелением, переданным официально через Головнина.

Великий князь не скрывает своего огорчения и как будто удивляется устранению его от председательства в Государственном совете. «Я понимаю, – сказал он, – что племянник мой желал моего удаления от Морского министерства; по морской части мы явно расходились с ним во взглядах. Но что касается Государственного совета, то никогда между нами не было разномыслия. В продолжение всего времени, что наследник цесаревич сидел рядом со мной в Государственном совете, всегда подавал он голос вместе со мной. Поэтому я никак не мог ожидать, чтобы он устранил меня от общих дел государственных».

Я откровенно высказал свой взгляд как на устранение великого князя Константина Николаевича, так и на все прочие перемены в личном составе. По моему мнению, все эти перестановки вызываются двойственным побуждением: с одной стороны, переменою в общем направлении внутренней политики, с другой – личными симпатиями и антипатиями; всякая личность, которая почему-либо несочувственна или неудобна, устраняется, а на место ее ставится личность более подходящая, свой человек.

Более двух часов мы беседовали на эту тему. Великий князь говорил о своих планах на зиму: он отказывается от предполагавшегося приезда в Петербург в августе месяце, к предстоящему 25-летнему юбилею управления его морским ведомством, и помышляет о поездке за границу. Прощаясь со мной, он сказал: «Теперь мы с вами оба опальные; будем же здесь чаще сходиться и делиться своими грустными мыслями». Я отвечал, что грустно не наше личное положение «в опале», а то, что делается вдали и помимо нас; грустно, действительно, положение России.

24 июня. Среда. Дни проходят незаметно один за другим; в дружной семье не может быть скуки даже и тогда, когда нет никакого дела. Встаю в 7 часов утра; гуляю час в своих

очаровательных чаирах; в 8½ часов вся семья уже собрана за чайным столом; затем все расходятся по своим углам и занимаются своими делами. В это время я пишу письма, разбираю бумаги, привожу их в порядок. В час пополудни обед. Затем чтение – или общее вслух, или про себя, особняком. В 5 часов чай, затем прогулка; в 9 часов ужин, а в 11 часов общество уже расходится на ночлег.

Впрочем, редкий день проходит без посторонних посетителей. В соседстве с нами, в Мальцовском Симеизе, поселились на лето наши приятели Прянишниковы, муж с женой; надеемся пользоваться хотя бы изредка приятным пением соседа. Несколько дней провел у нас сын вместе с одним из офицеров его дивизиона князем Тумановым. Ездил и я к соседям: вчера в Кореиз к графине Тизенгаузен и графине Сумароковой-Эльстон, а сегодня к князю и княгине Воронцовым. Вчера, пока я был с женой в Кореизе, удостоил меня посещением великий князь Константин Николаевич; его приняли мои дочери. Он очень любезен; два раза присылал сказать мне, что имеет верные случаи для доставления писем и посылок в Петербург. Но мне не пришлось воспользоваться этими предложениями.

25 июня. Четверг. В прошлую ночь получил я телеграмму за подписью директора Чесменской военной богадельни генерала Гана, с приветом от членов Военного совета, собравшихся вчера в богадельне по случаю годового ее праздника и вспомнивших за завтраком о бывшем председателе совета. Глубоко тронуло меня это выражение сочувствия и доброй памяти недавних моих сотоварищей.

Сегодня ездил я вторично в Орианду, чтобы поблагодарить великого князя Константина Николаевича за его посещение Симеиза. Застал его в том же костюме, как и в первое посещение. Беседа наша, продолжавшаяся более часа, вращалась преимущественно вокруг общего положения дел в Петербурге, отношений между разными личностями высшей сферы и, между прочим, великих князей – дядей и братьев государя. По сведениям, получаемым в Орианде из Петербурга, великий князь Константин Николаевич полагает, что молодой государь желает вообще устранить от дел старших его летами дядей и будто бы на этом основании уже оставлена мысль о назначении председателем Государственного совета великого князя Михаила Николаевича. Есть слух, будто на эту должность будет назначен великий князь Владимир Александрович.

Также коснулись мы и отношения государя к великому князю Николаю Николаевичу; при этом собеседник мой оправдывал своего брата по делу о приписываемой ему неуместной статье в

«La nouvelle revue», окончательно поссорившей покойного государя с бывшим главнокомандующим действующей армией. Само собой разумеется, что Константин Николаевич основывает свои суждения на показаниях брата, который уверил его, что пресловутая статья была напечатана помимо великого князя Николая Николаевича и даже, «может быть, с враждебною против него целью». Но мне нетрудно было опровергнуть такое толкование положительными данными.

Не менее ошибочно мнение Константина Николаевича о существующих между нынешним государем и Николаем Николаевичем отношениях. Опять-таки основываясь на словах этого последнего, собеседник мой предполагает, что нынешний государь вовсе не выказывал ничего враждебного против Николая Николаевича. Да, может быть, и *не выказывал* прямо, сказал я, но это еще не значит, что расположен к своему дяде. Есть положительные факты, показывающие, что нынешний государь еще более раздражен против Николая Николаевича, чем был покойный император, который имел, как всем известно, сердце несравненно более мягкое. Припоминаю, что во время войны тогдашний начальник Рущукского отряда говорил и писал покойному императору насчет главнокомандующего, и те выражения, которыми он в письме своем из Гапсаля к Лорис-Меликову заклеймил образ действий своего дяди.

3 июля. Пятница. Давно не заглядывал в свой дневник, да и что мог бы я теперь заносить в него? Дневник мой мог еще иметь какое-нибудь значение, пока я был свидетелем и отчасти участником событий политических и общественных. Теперь же, удалившись от государственной деятельности в свой уединенный уголок, я стараюсь устраниться от всего, что творится в официальном мире, а потому и дневник мой по необходимости должен отныне войти в рамки домашней жизни.

Уединенная семейная жизнь, которую теперь я веду, совершенно соответствует моим вкусам и наклонностям. Счастье мое, что у меня нет и никогда не было честолюбия, а подавно – тщеславия. Официальное положение и почет всегда были для меня тягостны. В служебной деятельности, постоянно напряженной и непрерывной, никогда не было у меня других побуждений, кроме только чувства долга; но всегда мечтал я о том, чтобы когда-нибудь достигнуть спокойной и независимой частной жизни. В последние 20 лет крайне тяготили меня придворные обязанности, с которыми связано было звание военного министра. Громадная работа, которая велась в Военном министерстве, часто тормозилась этими обязанностями. Приходилось большею частью вести дела второпях, действовать и

говорить не всегда по своему убеждению, а применяясь к чужим взглядам; бороться с интригой, наговорами, сплетнями; встречать зачастую сопротивление от укоренившихся в царской семье и при дворе предрассудков и привычек.

Не думал я сам, что выдержу двадцать лет такой жизни. Не раз приходила мне мысль просить увольнения от должности; раза два было даже очень близко до разрыва; но пока был жив покойный император, решимость моя разбивалась о его благодушие и кротость. В последние же пять-шесть лет своей жизни он стал в такие близкие, добрые отношения ко мне, что немыслимо было покинуть его среди трудных, даже опасных обстоятельств того времени. Только несчастная кончина его могла освободить меня от почетной кабалы, и я не замедлил воспользоваться первым случаем, чтобы вырваться из душной атмосферы на чистый воздух. Теперь только я наконец дышу свободно, наслаждаюсь полной независимостью, принадлежу самому себе и семье своей.

4 июля. Суббота. Прочел я в «Revue des deux mondes» статью знакомого нам, русским, французского писателя Анатоля Леруа-Больё под заглавием: «L'empereur Alexandre II et la mission du nouveau Tsar»[119]. Статья заслуживает внимания. Автор, очевидно, пользовался хорошими источниками, чтобы так обрисовать личность покойного императора и объяснить многие явления его царствования личными свойствами его. Мне даже сдается, что пером французского автора водила рука человека русского, близко знакомого с петербургским обществом.

«Александр II был умен, благороден и великодушен, у него были высокие стремления, привитые ему наставниками… Он был прежде всего честен и предан благу своего отечества. Но в политике недостаточно одной только честности; необходимы ум, твердый характер и острый взгляд, который находит верный путь в любых обстоятельствах. Нужны решимость и упорство, чтобы двигаться к цели наперекор всем препятствиям.

Никто, однако, не станет отрицать, что Александр II не только сам не обладал этими качествами, но и не мог найти их в своих подданных – в министре, который мог бы стать его Ришелье или Бисмарком. Даже если бы такой человек и имелся бы в его окружении, русский император не смог бы найти его, а найдя, едва ли решился бы передать кому-нибудь из своих подданных бóльшую часть своей власти»[120].

«Он не любил давать власть людям слишком самостоятельным, – говорит Леруа-Больё, – боялся предоставить свободу действий и не возмущался ссорами своих подданных в делах, которые сам же им поручал. Хоть царь и жаждал покоя и

стремился обеспечить его себе, но он не испытывал неприязни к борьбе влияний и самолюбий; ему даже нравилось, что его министры борются между собой, мешают друг другу. Надо полагать, с его точки зрения, это было залогом некоего равновесия и внушало Александру II уверенность в полноте его власти».

> «Александр II часто поддавался влиянию разных факторов – общественных и личных, мужчин и женщин. Но, то ли по расчету, то ли по врожденной склонности, он старался не подпадать под чье-либо одно влияние. И если кто-то в его окружении до конца сохранил над ним власть, то это были люди, малопригодные для роли государственных деятелей и первых министров».

В приведенных выписках многое совершенно верно; многое могу я подтвердить, испытав на себе самом, как например, то, что говорит автор о розни между близкими к императору влиятельными лицами и министрами. Невольно вспоминаю при этом, сколько вынесено мною неприятностей и досады в борьбе с графом Петром Шуваловым, князем Барятинским, графом Дмитрием Толстым и т. д. Случалось также испытывать верность сказанного в последних приведенных строках – о закулисных влияниях лиц незначительных, придворной камарильи и т. п. Такими негласными влияниями объясняется неровность в обращении покойного императора: к одному и тому же лицу то выказывал он самое благосклонное расположение, то вдруг относился сдержанно, холодно. И только впоследствии иногда открывался ключ к разгадке этой перемены: обнаруживался какой-нибудь наговор, какая-нибудь сплетня, интрига. Впрочем, многие ли из властителей, даже из простых смертных, непричастны такому упреку?

Однако же в одном расхожусь я с автором французской статьи: он относит всё, рассказываемое им о покойном императоре, исключительно к его заботе об удержании власти в своих руках. Хотя Александр II действительно не чужд был ревности к своей власти, однако же едва ли можно приписывать именно этой черте всё, что говорится об образе действий императора в отношении министров и других влиятельных лиц. Мне кажется, что гораздо ближе объясняется образ действий Александра II другой чертой его – недостатком твердости характера и убеждений. Вот где корень и колебаний, замечаемых в ходе важнейших дел государственных, и непостоянства в отношениях личных, и, в особенности, недоверчивости ко всем, даже к самому себе. Недоверчивость эта должна была иногда

порождать неискренность, даже двуличность, фальшивость.

В этом отношении замечается в императоре Александре II много сходного с императором Александром I. Как дядя, так и племянник имели в характере много женственного: они легко поддавались случайным увлечениям, а следовательно, и частым разочарованиям. Ошибившись в нескольких лицах, они потеряли доверие ко всем людям вообще, сделались подозрительными. Не имея ни собственных твердых убеждений, ни проницательности в оценке людей, они пользовались антагонизмом между лицами разных партий как средством проверки одних другими.

Впрочем, на этом сходстве и останавливается сравнение племянника с дядей; далее видим между ними существенное различие: Александр I после благодушных и гуманных увлечений молодых лет впоследствии круто поворачивается вспять и кончает аракчеевщиной; Александр II, несмотря на невзгоды, испугавшие его и остановившие на полпути, остается до конца верен благим и гуманным внушениям своего мягкого сердца. Лицо, которое решается он в трудную пору облечь чрезвычайными полномочиями, призвано не к аракчеевскому терроризму, а к возобновлению прерванной деятельности на благо народа.

По поводу этого призвания к делу графа Лорис-Меликова Леруа-Больё пишет: «Не будь покушений последних лет и растерянности правительства перед нигилистами, Александр II никогда не допустил бы присутствия рядом с собой всевластного министра, каким был Лорис-Меликов». В этих строках автор вторично высказывает как бы упрек императору Александру II в том, что он не был расположен передать вполне свою власть в руки избранного лица. Но в этом случае едва ли можно разделять взгляд французского автора. Полагаю, что большинство русских разумных людей ставит императору Александру II не в упрек, а в заслугу то, что он в самых трудных обстоятельствах удержал бразды правления в своих руках, а не передал их кому-либо из министров. Россия не забыла временщиков при императрицах Анне и Елизавете, не забыла Аракчеева и едва ли была бы довольна появлением какого-нибудь доморощенного Ришелье, указываемого французским автором. Какой был ропот, какое неудовольствие во времена, когда был в силе граф Петр Шувалов! А ведь он не был формально облечен никакими полномочиями.

Надобно заметить и относительно Лорис-Меликова, что нет никакого основания приравнивать его положение в последние месяцы царствования Александра II к положению какого-нибудь «диктатора», даже первого министра: формально он был такой же министр, как все другие, только с некоторым расширением круга

действий, но без какой-либо самостоятельной власти. Ему не суждено было исполнить свою задачу; деятельность его была прервана при самом приступе к ней. Какое значение мог бы он действительно получить при дальнейшем развитии возложенного на него дела – осталось загадкой.

Еще нахожу не совсем верным взгляд французского автора в нижеследующих его строках: «В начале своего царствования наследник Николая I смело вступил на путь реформ; первые его шаги были, можно сказать, заранее намечены: освобождение крестьян, судебная реформа, реформа местного самоуправления. Но, дойдя до середины пути, Александр II оказался на одном из тех исторических перекрестков, где недостаточно одной доброй воли, чтобы не сбиться с пути. Бóльшую часть реформ, совместимых с самодержавием, он выполнил как будто бессознательно и, к своему великому удивлению, заметил, что речь уже идет о верховной власти, о великом двигателе русской истории, который можно было бы назвать ее единственной пружиной, – о самодержавии. Император не пожелал посягнуть на него. Хотя он сам не дорожил властью и постоянно обращался за содействием к нации, но он не решился на самом деле поделиться с нею властью. Никакой другой государь не смог бы сделать этого с бóльшим авторитетом, чем царь-освободитель. Но Александр II не захотел совершить этой попытки, считая, что зашел уже достаточно далеко; он остановился, предоставив своему сыну выполнение задачи, которую не решился взять на себя.

Не раз говорили об отречении Александра II; достоверно только то, что он сам считал свою задачу выполненной и всё более замыкался в занятиях частной жизни, забывая порой, что не всё дозволено тому, кому всё доступно. Он удовлетворял свои вкусы и желания, рискуя умалить престиж короны. Если же в самое последнее время император, как утверждают, пытался, повинуясь новым влияниям, совершить что-то в направлении, в котором толкало его общественное мнение, то, к несчастью, он слишком часто давал понять, что, пока он жив, Россия не может рассчитывать на какие-либо значительные преобразования. Это почти всеобщее убеждение с особенной силой сказалось в том ожесточении, с которым молодые фанатики предприняли покушение на жизнь престарелого императора».

Перечитывая приведенные строки, нахожу совершенно неверным мнение автора, будто реформы, начатые в первую половину царствования императора Александра II, остановились потому, что было уже сделано всё возможное при самодержавном образе правления. Начатые реформы остались недоконченными,

они даже были парализованы, искажены последующими правительственными мерами. И вот что произвело то расстройство, тот хаос, в котором очутилась Россия в последние годы жизни царя-освободителя. Если б каракозовский выстрел[121] не испугал государя, не послужил окружающим оружием для внушения ему всяких страхов, если б граф Петр Шувалов и его партия не воспользовались случаем, чтобы поворотить вспять всё дело, начатое под влиянием других личностей [в смысле разумно-либеральном], то, без сомнения, можно было бы сделать еще многое в том же направлении, вовсе не касаясь прерогатив самодержавия.

[Если действительно и предстояло рано или поздно коснуться этих основ, то время для того еще не наступило; оставалось еще сделать многое в сфере строго административной, и в этом отношении, конечно, не было никакой надобности прислушиваться к желаниям некоторых слишком нетерпеливых частей нашей так называемой интеллигенции, горячих голов передовой партии. Благоразумное большинство сознает несвоевременность конституционного переустройства в России. Напуганное проделками радикального меньшинства, оно желает пока только порядка и законности; оно даже готово поддержать власть самодержавную, если только эта власть действует разумно и на пути к прогрессу.

Что же касается крайних радикалов, так называемых нигилистов всех возможных оттенков, то удовлетворить их не могли бы и самые либеральные конституционные учреждения: идеал их – полное разрушение всего существующего строя государственного и общественного. Никакое правительство и никакими возможными в действительности реформами не может примирить их; возможно и желательно только отнять у них почву отвлечением от них массы людей умеренных и рассудительных, которая теперь возбуждена против правительства и в действительности представляет гораздо более опасный для государства элемент, чем несколько сотен горячих, отчаянных и безумных головорезов.]

Государь поддался влиянию таких личностей, которые с самого начала реформ смотрели на них враждебно, так же, как бояре XVII века смотрели на реформы Петра.

Император Александр II не обладал твердостью убеждений и железной силой воли своего предка, и потому запугать его было нетрудно. Царь-освободитель остановился в своих благих начинаниях, даже усомнился в пользе и своевременности того, что было уже совершено. Я склонен думать, что в этом отношении интриге графа Шувалова и компании помогли и негласные советы

из Берлина.

При всем том надобно отдать справедливость императору Александру II в том, что он в известных делах оставался верен избранному направлению, выдерживая долго напор противодействующих влияний. Так, например, в крестьянском деле он не поддался многим попыткам крепостников переделать совершившееся великое дело; так же стойко держался он в делах польских на пути, разработанном моим братом Николаем Милютиным.

После 15 лет реакции покойный император должен был убедиться в том, что одни строгости полицейские при полном произволе административном не ведут к добру: внутреннее положение России не только не улучшилось, но еще более расстроилось; крамола не угомонилась, а разрослась и ожесточилась; во всех слоях населения замечалось недовольство. Общий голос указывал на необходимость согласования и объединения действий правительства с целью водворения благоустройства и успокоения умов.

Для этого необходимо было прежде всего найти личность, способную к выполнению нелегкой задачи; выбор пал на графа Лорис-Меликова, человека умного, выказавшего в разных случаях свою энергию. В лице его соединены были звания министра внутренних дел и начальника высшей полиции; ему предоставили разработать программу предстоящей деятельности. Лорис-Меликов приступил к делу с полным сознанием того, что первой заботой должно быть восстановление законного порядка, и предложил целый ряд законодательных мер для удовлетворения насущных нужд разных классов населения.

Представленная им программа подверглась обсуждению целого комитета под председательством самого наследника престола, теперешнего императора, и была утверждена покойным императором за несколько часов до его кончины. Можно было надеяться, что возобновление законодательных работ, составляющих продолжение и довершение прерванных реформ, при содействии представителей местных интересов, способствовало бы как успокоению умов, так и подъему правительственного авторитета.

Выставлять предположения Лорис-Меликова первым шагом к конституции могли только те, кто и прежде запугивал императора Александра II и продолжают запугивать преемника его. Ни Лорис-Меликов, ни все, разделявшие его либеральные взгляды, не имели никаких конституционных замыслов, в которых их подозревали.

7 июля. Вторник. Нить моих размышлений и воспоминаний

по поводу статьи Леруа-Больё в «Revue des deux mondes» была прервана на несколько дней приездом гостей и получением первого транспорта вещей, перевезенных из Петербурга. Один день провели у нас Горбуновы и Прянишниковы; другие два дня сын мой, приезжавший из Симферополя; в прошлое же воскресенье посетил нас Черепанов, и, таким образом, приходилось с утра до вечера болтаться без дела. В числе привезенных из Петербурга вещей получил я свои картоны с бумагами, так что могу теперь приняться за разборку этих бумаг и приведение их в порядок. Работа эта потребует довольно продолжительного времени; но пока не приступил к ней, возвращусь к прерванному разбору статьи Леруа-Больё.

Автор весьма удачно характеризует в следующих строках произведенные покойным императором реформы: «…Все эти реформы, выработанные комиссиями в борьбе соперничающих влияний, были предприняты изолированно одна от другой, отрывочно, непоследовательно, без определенной программы. Речь шла о том, чтобы создать новую Россию. Но ее создавали на фундаменте старого здания, без общего плана, без предварительной идеи, без архитектора, способного руководить работой. Таким образом, вводя кое-где дорогостоящие новшества и одновременно пренебрегая ремонтом, делая повсюду новые пристройки к старым стенам, император Александр II после долгих трудов добился только того, что сделал из России эпохи реформ недостроенное и неудобное жилище, где почти одинаково плохо чувствовали себя и друзья, и враги нововведений.

Это отсутствие плана было не единственным недостатком. Другим, не менее серьезным, было отсутствие государственного деятеля, подобного Петру Великому или Фридриху II, отсутствие государя или министра, способного вести и направлять дела. Не видя, куда идет, не зная, чего хочет, правительство, предоставленное разным влияниям, страшилось своих собственных дел и старалось втихомолку отобрать розницей то, что было им когда-то торжественно дано оптом; оно беспрестанно впадало в противоречие со своими собственными законами, урезая реформы, рискуя совершенно остановить в них живые соки и уничтожить их плоды».

Читая эту строгую критику реформ императора Александра II, с прискорбием должен сознаться, что автор отчасти прав: действительно, каждая из ряда реформ совершалась сама по себе, трудами особых комиссий, без общей связи. Но ошибка автора в том, что он произносит приговор всем реформам огульно, упуская из виду, что царствование Александра II разделялось резко на два периода: первые годы – собственно период реформ, и

последующие годы – период реакции. Вся деятельность правительственная в этот второй и более продолжительный период заключалась в переделке и искажении работы первого периода. Взяли верх противники реформ, задавшиеся целью постепенно упразднить их. Какого же тут ожидать единства и стройного плана!

Автор справедливо указывает на неблагоприятные обстоятельства, омрачившие последние годы царствования Александра II (в особенности же на кончину императрицы Марии Александровны), а затем переходит к положению дел при воцарении Александра III, который, по мнению Леруа-Бельё, якобы упустил благоприятный момент, чтобы новыми разумными реформами предотвратить наступление общего неудовольствия и укротить ничтожную шайку подпольных революционеров. Из этих строк можно заключить, что французскому автору не были известны составленные еще при жизни Александра II и утвержденные им предположения Лорис-Меликова; ему неизвестно было, что предположения эти, подписанные самим наследником престола, снова подвергнуты были обсуждению в первые же дни по воцарении его и отвергнуты.

Затем автор продолжает: «…Но если благоприятный момент упущен, то разве из этого следует, что не надо ничего делать? Из того, что враги порядка вновь попытаются прибегнуть к бомбам и подкопам, что несколько фанатиков-революционеров, по большей части несовершеннолетних молокососов, ожесточенных перенесенными страданиями, не согласятся, вероятно, сложить оружие, несмотря на уступки правительства, разве из этого следует, что надо держаться за старый режим, который все уже считают отжившим? Разве это повод к возвращению строгого режима, который породил нигилизм и вызвал целый ряд ужасных покушений, не виданных еще историей? Наконец, разве это повод упорно заходить всё глубже в тупик, из которого нет выхода, вызывать всё новые преступления и оправдывать в глазах небольшой части населения злодеяния неисправимых заговорщиков? Разумеется, подобный образ действий не может послужить на пользу ни государю, ни династии».

Эти строки почти совпадают с мнениями, которые высказывались и мною, и некоторыми другими в совещаниях в присутствии молодого императора. Говорилось и то, что читаем в нижеследующих строках французской статьи: «Россия теперь переживает один из самых критических моментов своей истории; первые шаги государя, без сомнения, определят всё его царствование. Настоящее же положение не может продолжаться. Никто никогда не думал, что оно надолго переживет покойного

императора».

К сожалению, не все разделяют это мнение, и всего прискорбнее то, что не разделяет его сам преемник императора Александра II. Приведенные строки, очевидно, написаны, когда не могло еще сделаться общеизвестным, на какую точку зрения станет новый самодержец России. В этом отношении можно было бы ожидать чего-нибудь более определенного в статье, появившейся в позднейшем номере того же «Revue des deux mondes», вышедшем 1 июня: «L'empereur Alexandre III et les réformes politiques en Russie». Но статья эта далеко уступает первой статье. Автор ее не имел таких точных данных, как Леруа-Больё; он, по-видимому, ограничился выписками из появившейся недавно немецкой книжки: «Von Nicolaus I zu Alexander III» (Leipzig, 1881), приписываемой некоему Эккардту.

Поэтому немудрено, что и во французской статье проглядывает немецкий, несочувственный взгляд на либеральные стремления в России и совершившиеся уже в царствование покойного императора реформы. Большинство немцев всегда смотрит враждебно на всякий шаг вперед в нашем отечестве. Автор французской статьи ожидает чего-то хорошего от молодого нашего императора и сменившего графа Лорис-Меликова нового министра внутренних дел графа Игнатьева. Увидим.

19 июля. Воскресенье. Опять большой промежуток в моем дневнике. В продолжение этого антракта я занимался по утрам почти исключительно разборкой своего домашнего архива. Работа эта доставляет мне большое наслаждение: вся протекшая жизнь моя как бы воскресает в памяти; целый ряд забытых лиц и фактов проходит в воспоминаниях моих. С невыразимым удовольствием пробегаю письма матери и отца в лета моего детства, переписку с товарищами по службе, давнишние заметки о разных предполагавшихся ученых работах и прочее и прочее.

В последние же дни я получил несколько писем (ответных) из Петербурга: от Арапетова, Баранцова, Обручева и Головнина. Так как все эти письма получены по почте, то в них, конечно, не могло заключаться каких-либо интересных сведений о том, что делается в петербургских правительственных сферах. Но вчера прискакал сюда в Симеиз курьер Морского министерства с письмом от Гирса, который по приказанию государя и совершенно конфиденциально извещает меня об успешном окончании продолжавшихся так долго дипломатических переговоров с Германией и Австро-Венгрией.

Наконец тройственный договор, совершенно секретный, подписан и ратифицирован в том самом виде, в каком был уже при мне согласован с нашей стороны. Сегодня же я ответил Гирсу

и отправлю это письмо также с курьером Морского министерства, так как государь приказал Гирсу писать об этом не по почте. Курьезное предостережение со стороны самого царя! В письме своем я прошу Гирса выразить государю мою глубокую признательность за его внимание; оно действительно тронуло меня [тем более что я не ожидал его].

Гирса я поздравил с успехом, но вместе с тем не скрыл от него, что в заключенном договоре вижу темную точку – трехлетний срок, на котором настояла Австрия. Не значит ли это, что наша соседка имеет *des arrières pensées*[122], исполнение которых только откладывает, находя несвоевременным осуществить их в течение ближайших трех лет? Мне кажется, что такой короткий срок должен предостеречь нас от излишнего оптимизма и лишает нас возможности извлечь из заключенного договора всю ту выгоду для наших внутренних дел, какую могло бы доставить полное обеспечение наших политических интересов на более продолжительное время.

Всё это я счел нелишним откровенно сообщить Гирсу в предположении, что он, вероятно, покажет мое письмо самому государю; ибо опасаюсь, чтобы при настоящих заботах о сокращении бюджета не решились, заручившись заключенным договором, на слишком широкие сокращения наших боевых сил, доведенных с таким трудом до настоящего их состава. В этом отношении я вовсе не разделяю иллюзий покойного императора и наших дипломатов: заключенный договор вовсе не считаю твердым обеспечением наших интересов на Востоке. Может быть, при настоящей обстановке и нельзя было добиться ничего лучшего: мы видели, с какими трудностями удалось Бисмарку заставить Австро-Венгрию согласиться и на заключенный договор. Но именно в этом полунасильственном привлечении Австро-Венгрии к тройственному союзу и вижу непрочность его и возможность всяких неожиданностей в будущем.

30 июля. Четверг. Жизнь в Симеизе течет спокойно, но мы не можем жаловаться на чрезмерное однообразие и уединение: по временам заезжают к нам соседи; на днях приезжал сын из Симферополя, а теперь гостит свояченица, сестра моей жены, приехавшая из своего бессарабского имения. Между тем прибыли наши тяжести, отправленные из Петербурга морем; предстоит разбирать их и приводить в порядок библиотеку.

До сих пор почти исключительно занимаюсь своим маленьким архивом. Чтение старой переписки, старых бумаг времен юности и первых годов службы моей доставляет мне большое наслаждение. В памяти моей оживают образы и факты, давно уже забытые.

На досуге читаю Токвиля: «L'ancien régime et la révolution»[123]. Как многое в этом *ancien régime* Франции походит на теперешнее наше положение; как много для нас поучительного в изучении истории Западной Европы во времена, предшествовавшие Французской революции 1789 года! То же самое поразило меня, когда я читал известное сочинение Тэна: «Les origines de la France contemporaine»[124]. На каждой странице находил я сходство с нашими порядками и спрашивал себя, на чем же основывают наши русофилы и славянофилы свою теорию о каких-то мнимых особенностях русского народа, предназначенного будто бы Провидением идти своей исключительной дорогой к решению каких-то особых исторических задач? Если мы отстали почти на два столетия от Западной Европы, если продолжительное соприкосновение с Востоком и татарское иго оставили на нас глубокий неизгладимый отпечаток, если восточная церковь со своим византийским характером отчудила нас от римско-католической и протестантской Европы, то всё это не дает права утверждать, будто между нами и Европой нет ничего общего; будто всё у нас шло и должно идти иначе, чем в остальном цивилизованном мире, что Россия должна проложить путь к какой-то особой, неведомой до сих пор цивилизации. Все эти туманные умозрения Аксаковых, Хомяковых и последователей их рассеются как дым перед неотразимою логикой действительного исторического развития человечества.

7 августа. Пятница. В среду приехал к нам в Симеиз брат мой Борис. Неожиданное его появление было непродолжительно: сегодня он уже уехал, продолжая порученную ему начальством ревизию некоторых военно-окружных судов. В самую минуту его выезда, пока мы еще сидели за утренним чаем, посетил нас совершенно неожиданно князь Дондуков-Корсаков, одесский генерал-губернатор и командующий войсками Одесского округа. Он прибыл вчера из Одессы прямо в Алупку по случаю полученного им извещения об опасном положении нашего соседа князя Семена Михайловича Воронцова, которому, однако же, теперь легче, поэтому князь Дондуков завтра же возвращается в Одессу. Часа два он пробыл у нас и, по своему обычаю, не умолкал во всё время. Более всего распространялся он о возможности нового назначения его на Кавказ. [Хотя, по словам его, назначение это и пугает его, однако же нетрудно было подметить, что слухи об этом перемещении льстят его самолюбию.] О настоящем ходе дел в высших правительственных сферах он отзывается критически, жалуясь на крайнюю неопределенность направления и полную неизвестность видов

правительства.

9 августа. Воскресенье. Только сегодня дошло до нас известие о пожаре, истребившем в прошлую пятницу Ориандский дворец. Причина пожара пока еще неизвестна; говорят, что огонь начался на чердаке. Жаль это красивое здание, украшавшее живописную местность Орианды. По всем вероятиям, оно надолго останется руиной. Великий князь Константин Николаевич поселился в маленьком домике, известном под названием «адмиральского» и знаменитом тем, что тут император Александр I, как говорят, почувствовал первые приступы болезни, которая вскоре свела его в могилу.

Сегодня утром уехала от нас свояченица моя обратно в свое бессарабское имение.

10 августа. Понедельник. Ездил в Орианду, чтобы выразить великому князю Константину Николаевичу мое соболезнование о несчастии, постигшем его дворец. Остатки дворца представляют печальный вид; восстановить здание невозможно, пришлось бы строить заново.

На возвратном пути из Орианды заезжал я в Кореиз к графине Клейнмихель и потом к графине Тизенгаузен.

12 августа. Среда. Вчера уехала из Симеиза дочь моя Елена Гершельман с мужем и ребенком.

Сосед наш князь Воронцов, получив некоторое облегчение от тяжких страданий, решается предпринять путешествие в Одессу, а потом, быть может, и за границу. Завтра его перевезут предварительно в Массандру.

20 августа. Четверг. На днях получил я от князя Дондукова-Корсакова при письме печатный экземпляр представленной им министру внутренних дел записки с проектом преобразования губернской и уездной администрации. Об этом проекте он говорил мне при последнем нашем свидании. Прочел я записку с большим любопытством, потому что и сам не раз обдумывал этот вопрос, признавая разрешение его вполне своевременным [и неотложным]. Мне кажется, что князь Дондуков разрешает его довольно удачно, по крайней мере в главных основаниях.

22 августа. Суббота. Сегодня праздновался в Орианде 50-летний юбилей назначения великого князя Константина Николаевича генерал-адмиралом. По этому случаю и я облекся в парадную форму (от которой, признаться, уже успел отвыкнуть) и отправился утром в Орианду. Прибыв к адмиральскому домику около 10 часов утра, узнал, что великий князь еще не возвратился с купанья и прием назначен в полдень. Однако же не прошло и 10 минут, как появился юбиляр и немедленно же принял меня весьма любезно, запросто, в своем обычном костюме: простой

ситцевой рубашке, подпоясанной шнуром.

Мы поговорили около часа; он передал мне кое-какие сведения, привезенные Мансуровым (членом Государственного совета), приехавшим прямо из Москвы, собственно по случаю юбилея. В исходе 12 часа великий князь пошел одеваться, пригласив меня остаться к молебствию и завтраку.

Выйдя из домика, я нашел на лужайке под деревьями уже многих из приехавших моряков, в том числе адмиралов Козакевича, Головачева и тайного советника Пещурова, составлявших депутацию от морского ведомства. Ровно в полдень вышел из своего жилья великий князь и подошел прежде всего к морской депутации. Адмирал Козакевич представил юбиляру рескрипт и пожалованный ему медальон с портретами императоров Николая I и Александра II. Великий князь сам прочел вслух рескрипт, которым был явно растроган; затем принял поднесенный ему по общей подписке между бывшими подчиненными его складень и, наконец, от гвардейского морского экипажа серебряную позолоченную группу.

Великий князь обошел всех съехавшихся и был со всеми любезен. На несколько минут он возвратился в дом, чтобы пристегнуть на мундир вновь пожалованное украшение, в чем просил меня помочь ему. Пока камердинер хлопотал с мундиром, великий князь прочел вслух письмо, полученное им сегодня же от великого князя Алексея Александровича в ответ на письмо, которым генерал-адмирал счел приличным проститься с родным ему морским ведомством. Великий князь надеялся, что письмо это будет объявлено и заменит обычный прощальный приказ; к великому огорчению его, письмо осталось неопубликованным.

В половине первого часа юбиляр опять вышел к собравшейся перед его домом группе и началось молебствие, после которого все присутствующие приглашены были к столу, приготовленному под шатром среди густой зелени. Во всё время юбиляр был очень радушен и, когда встали из-за стола, со всеми любезно распростился, а меня поблагодарил за приезд на торжество.

2 сентября. Среда. Сегодня удостоил меня посещением великий князь Константин Николаевич. Он приехал около 4 часов с адъютантом своим, Римским-Корсаковым, и пробыл около часа; был любезен со всей моей семьей и сообщил нам несколько новостей, о которых мы еще не знали из газет. Между прочим он упомянул и о поездке государя морем в Данциг на свидание с императором Вильгельмом. Поездка эта, по-видимому, была для всех совершенною неожиданностью, тем более что в настоящее время гостят в Петергофе датские король и королева. Государя сопровождал Гирс, а с императором Вильгельмом был князь

Бисмарк; следовательно, свидание было не простой встречей родственников, но и заключало в себе какие-нибудь дипломатические объяснения, может быть, в связи с недавно заключенным секретным договором.

Более 10 дней не заглядывал я в свой дневник. Во всё это время я исключительно занимался своею библиотекой и продолжаю заниматься ею. Работа кропотливая и физически утомительная. Поэтому мало остается времени на чтение и даже на прогулку. Начал получать газету «Порядок» взамен «Голоса», издание которого приостановлено на полгода. Газета «Порядок» – орган серьезный, который, так же как и «Голос», ратует против ретроградных и подлых тенденций «Московских ведомостей». Катков более чем когда-либо разыгрывает роль какого-то правительственного авторитета. К сожалению, он находит сочувствие в значительной массе нашей пошлой публики, принимающей всякое слово его чуть не за евангельскую истину.

В «Отечественных записках» явилась новая сатирическая статья Щедрина (псевдоним Салтыкова), в которой зло бичуется нынешнее апатическое настроение русской публики, сбитой с толку[125] статьями московской ретроградной газеты и таинственным туманом, застилающим деятельность правительства.

7 сентября. Понедельник. Утром получил письмо от генерала Обручева, нынешнего начальника Главного штаба. Он с некоторым удовольствием сообщает, что все выработанные в Военном министерстве новые меры высочайше утверждены и, по выражению его, корабли спущены. Вечером же прочел я в «Инвалиде» целый ряд приказов по поводу этих пресловутых мер, имевших главной целью сокращение расходов. Приказы эти произвели на меня грустное впечатление: с одной стороны, вводятся какие-то совершенно ничтожные сокращения в штатах войск, не имеющие серьезного значения в финансовом отношении, но совсем невыгодные для войск; с другой же стороны, принимаются по местным войскам такие меры, которые ведут прямо к расстройству организации резервных войск, созданных с такими усилиями после последней войны, – меры, почти равносильные упразднению этих войск.

Резервные батальоны, предназначенные для формирования в случае войны 24 пехотных дивизий и, сверх того, оставляемых на местах 96 местных батальонов, ныне раздробляются поротно по уездным городам, обращаясь, в сущности, в местные команды.

Таким образом, в случае войны нельзя уже будет рассчитывать на скорое сформирование новых дивизий. Упразднение губернских воинских начальников с заменою их

какими-то новыми бригадными командирами не улучшит управления войсками. А уменьшение ежегодного контингента новобранцев и продление срока действительной службы неизбежно ведут к уменьшению числа людей в запасе. Недостаточность же таких людей для полной мобилизации армии полагается возместить введением нового разряда новобранцев – однолетних.

Меру эту мне предлагал несколько раз бывший начальник Главного штаба граф Гейден, но я упорно противился такому нововведению в уставе о воинской повинности и теперь не могу сочувствовать ей. Что же касается заявления в «Инвалиде» о том, что принятыми мерами достигнуто уменьшение военных расходов на 10 миллионов рублей и это дало возможность увеличить содержание строевых офицеров, то заявленное сбережение есть только цифра на бумаге, а увеличение офицерского содержания так ничтожно, что едва ли будет ощутительно для улучшения быта офицеров.

Вообще, я нахожу, что первые шаги нового военного министра и нового начальника Главного штаба нельзя признать удачными. Военное министерство в своих многолетних, настойчивых усилиях к приведению вооруженных сил России – насколько можно – в уровень с нашими западными соседями, как по количеству их, так и по готовности к быстрой мобилизации, сделало положительно шаг назад.

11 сентября. Пятница. Вчера отправил длинное письмо генералу Обручеву в ответ на его извещение о сделанных по Военному министерству новых распоряжениях, объявленных 30 августа. Я высказал откровенно свое мнение об этих мерах, хотя в кратких выражениях, не входя в подробности. Между тем, вчера же получил от Головнина вырезку из «Московских ведомостей», которые восхваляют новые меры и называют новое министерство военное «деловым», как бы считая прежнее неделовым.

Почтенный Александр Васильевич, всем интересующийся и во всё вникающий, просит меня высказать мое мнение по поводу статьи «Московских ведомостей». Я исполнил его желание и сегодня изложил довольно обстоятельно мое суждение, не стесняясь высказать полную правду. Головнин ежегодно прочитывал краткие отчеты, которые я представлял каждое 1 января покойному государю. Поэтому он, хотя и не военный, поймет суть дела лучше многих военных.

Сегодня же посетил меня генерал-адъютант князь Александр Константинович Имеретинский, приехавший из Петербурга в Крым на короткое время. Он привез мне еще письмо от Головнина и рассказал много интересного о том, что делается в Петербурге.

Между прочим узнал я от него, что там собирается в будущем месяце комиссия для обсуждения дальнейших преобразований по военному ведомству, вследствие выраженного государем при самом назначении генерала Ванновского непременного желания совершенно переделать всё существующее военное управление. Председателем комиссии назначен граф Коцебу, несмотря на то, что он, как говорят, с самого начала заявил себя противником всякой ломки. Из названных князем Имеретинским членов комиссии (в числе которых и он сам) почти все всегда высказывались сочувственно о существующей системе военного управления: Альбединский, Дрентельн, сам Коцебу знают практически механизм военно-окружного управления и не могут легкомысленно предложить разрушение этого механизма.

По словам князя Имеретинского, сам государь, по-видимому, не имеет ясного понятия об основных началах военной администрации: заявляя генералу Ванновскому свою волю относительно преобразования военного управления, он будто бы сказал, что хочет возвратиться к тому порядку, который существовал при императоре Александре I и который будто бы сходен с прусскою системой. Что же есть общего между этими двумя системами? И можно ли в настоящее время думать о возвращении к порядкам, существовавшим за 60 или 70 лет назад, давно уже отжившим и везде замененным новыми, лучшими порядками?

17 сентября. Четверг. Покончил я с устройством библиотеки и снова принимаюсь за разборку своего старого бумажного хлама. С большим интересом пробегаю эти воспоминания давно минувших лет; как будто возвращаюсь к временам молодости и кипучей деятельности. Многое уже забытое воскресает в памяти; как будто покойники восстают из своих могил. Более чем когда-либо жалею, что не вел своего дневника с молодых лет.

Вчера получил письмо от Алексея Васильевича Головнина с приложенною к нему курьезною выпискою из полученного им письма от великого князя Константина Николаевича, описывающего свое последнее посещение Симеиза. Головнин называет это письмо материалом для моей биографии. Сомневаюсь в том, чтобы когда-нибудь и кто-нибудь вздумал заниматься моей биографией; однако же почему не приложить этот документ к моему дневнику в виде *pièce justificative*[126].

25 сентября. Пятница. Сегодня ездил опять в Орианду и пробыл более часа у великого князя Константина Николаевича. От него узнал весьма странные новости из Петербурга, сообщенные ему некоторыми из многочисленных приезжих. Не хотелось бы верить всем этим рассказам.

На возвратном пути заехал к почтенной старушке графине Тизенгаузен.

Вчера уехала от нас племянница моя Мордвинова с приезжавшим за нею отцом ее, сенатором Мордвиновым.

29 сентября. Вторник. Поездка в Мшатку к Николаю Яковлевичу Данилевскому, частью – в экипаже, частью – верхом.

3 октября. Суббота. Получил от Обручева ответ на письмо, в котором высказывал ему откровенно свое мнение о недавних переменах по военному ведомству. Ответ уклончивый, дипломатический, очевидно, ему неловко; он не может ни защищать принятые новые меры, ни осуждать их. Поэтому он изворачивается следующими туманными фразами: «…Затем, искренноуважаемый Д. А., не тем масштабом вы меряете… Созданное вами здание такое грандиозное и фундаментальное, что исторический обозреватель и не заметит делаемых в нем поделок и переделок. Скажет лишь: въехали новые жильцы, тут сняли перегородку, здесь поставили; развесили иначе драпировку, кое-где подкрасили или перекрасили по своему вкусу. Палаццо же будет всё стоять, и все будут знать, как его звать».

Сказал бы я на это: хорошо, если б только драпировку перевешивали и перегородки переставляли; а, пожалуй, жильцы начнут так хозяйничать, что потом и не узнаешь фасада здания и всё оно обветшает и развалится. То, что до сих пор сделано, конечно, не есть еще подкоп, угрожающий прочности постройки, но все-таки это первый шаг к искажению здания. А что будет впоследствии, если войдут во вкус и будут продолжать ломать одну стену за другой, не отдавая себе ясного отчета в том, что творят?

Однако же я не намерен уже отвечать Обручеву, он, видимо, избегает категорического обсуждения затронутых вопросов. В заключение своего письма он подносит мне букет: «Понадобилось порыться в отчетах 60-х годов… Вот это назидательно, это история, и внесенные основания смело идут на суд».

Думаю, что порыться понадобилось по поводу назначения новой комиссии под председательством графа Коцебу. Любопытно знать, как эта комиссия поведет дело: будет ли она послушною и беспрекословною исполнительницей заявленной высшей воли – непременно переломать всё, созданное в последние 20 лет, или же сначала примется добросовестно за изучение истории этих 20-летних работ. Увидим.

Приехал к нам сегодня моряк князь Голицын, только что возвратившийся из кругосветного плавания на клипере «Разбойник».

6 октября. Вторник. Решительно не можем мы здесь жаловаться на глушь и безлюдье. Каждый почти день бывают посетители. Вчера после обеда приехал к нам неожиданный гость – итальянский военный агент в Петербурге маркиз Паллавичини, который после дальнего странствования по Волге и Кавказу заехал в Крым по пути в Италию. Это весьма милый молодой человек, внушавший мне более сочувствия, чем все другие бывшие у нас в разное время иностранные военные агенты.

Сегодня же, когда мы сидели еще за утренним чаем, снова навестил нас князь Дондуков-Корсаков, прибывший в Ялту с великим князем Константином Николаевичем после освящения в Севастополе Нижней церкви Святого Владимира, где погребены адмиралы Лазарев, Нахимов и Корнилов. Как всегда, князь Дондуков был любезен и неистощим в своих рассказах.

Погода у нас после продолжительного ненастья и холодов снова установилась теплая, прекрасная. Хотя по ночам бывает не более 10–11°, но днем на солнце ртуть поднимается до 34°. Все эти дни гуляю в кителе.

13 октября. Вторник. В газетах напечатаны известия об открытии заседаний вновь назначенной комиссии для обсуждения переустройства военного управления, о составе этой комиссии и предстоящих ей задачах. Заседания ее происходят в той самой зале Зимнего дворца, где происходили печальной памяти совещания 1873 года; в составе новой комиссии есть несколько лиц, участвовавших и в прежних совещаниях. Едва ли можно и теперь ожидать более полезных, чем тогда, результатов.

Программа комиссии очень обширна и показывает, что теперь будут подняты гласно такие вопросы, которые до сих пор считались лишь бредом небольшого числа людей, не имеющих ясного понятия о военной администрации. Например, ставится вопрос о расчленении военного центрального управления, с возвращением к порядкам, существовавшим во времена Александра I. Мысль эта не раз уже бродила и прежде, даже между особами высокопоставленными; но пока я был военным министром, она признавалась несбыточною. Воспрянула она гласно немедленно, лишь только решились мое удаление и назначение на мое место Ванновского.

Быть может, и лучше, что подобная мысль будет обсуждена гласно людьми компетентными и помимо моего участия. Если комиссия серьезно взглянет на предложенные ей вопросы и официально признает несообразность возвращения к порядкам, некогда уже испытанным и признанным негодными, то замолкнут наконец [глупые] толки и прекратится вредная для дела агитация. Если ж, напротив, комиссия поддастся давлению свыше

и утвердит своим авторитетом нелепую затею, заменив существующую стройную организацию нашего военного управления безобразным хаосом, то можно быть уверенным, что по прошествии немногих лет вторичный опыт снова выкажет непрактичность триумвирата и заставит по-прежнему объединить управление в одних руках. Придется только пожалеть о напрасном эксперименте.

Другое известие, принесенное газетами, – увольнение графа Валуева от председательства в Комитете министров и в других комитетах и замещение его Рейтерном. Приятель мой Головнин, препровождая ко мне вырезку из какой-то газеты с характеристикой красноречивого государственного мужа (прозванного некогда «колоннадой»), пишет мне следующее: «Увольнение Валуева составляет предмет многих толков. Сам он говорил мне, что когда вследствие отчета Ковалевского (сенатора, ревизовавшего Оренбургскую и Уфимскую губернии) действия его (Валуева) стали предметом рассмотрения особой комиссии под председательством князя Урусова, он не признал возможным оставаться председателем Комитета министров и потому письмом на имя государя, отправленным при другом письме великому князю Михаилу Николаевичу, просил увольнения, что немедленно и последовало.

Рассказывают, будто предполагалось записку Ковалевского представить Сенату, и тогда следовало бы предание суду Валуева, Крыжановского и некоторых других, но министр юстиции отклонил это и предложил учредить комиссию. Говорят также, что государь полагал уволить Валуева в чистую отставку, но Урусов упросил не делать этого в память благоволения к Валуеву покойного государя».

Но вот еще новость. На место Философова главным военным прокурором назначен князь Имеретинский. Назначение это крайне удивляет меня, не столько по неожиданности и странности выбора лица (к странным выборам мы уже привыкли), сколько потому, что сам князь Имеретинский принял такое назначение, к которому он вовсе не подготовлен. При настоящем устройстве военно-судной части должность главного военного прокурора непременно требует специального изучения. Без этого условия главный прокурор может наделать много ошибок и, во всяком случае, не может иметь нужного авторитета. [Князь Имеретинский – человек очень самолюбивый, с большими претензиями. Как согласился он выступить на этот новый, неизвестный ему путь? Правда, может быть, именно потому и согласился, что имеет о самом себе очень высокое мнение.] Неужели поводом к его назначению было то случайное

обстоятельство, что после последней войны князю Имеретинскому было мною поручено председательство в комиссии, назначенной для пересмотра порядка судопроизводства в военное время?

Сегодня утром посетил меня архиепископ херсонский Платон, приезжавший в Севастополь по случаю освящения храма, а теперь проживающий в Алупке, в доме князя Воронцова. Я имел уже прежде случай познакомиться с этим почтенным и умным иерархом, который приобрел известность во время епископства его в Риге, во время разгара борьбы немецких баронов против возникшего тогда стремления народа к обращению в православие. Немцы добились того, что преосвященный Платон был удален из Риги и назначен на Дон.

Я виделся с ним в первый раз в Петербурге, а потом в Новочеркасске во время двух путешествий моих в тот край. Преосвященный Платон, несмотря на свои 70 лет, еще бодрый старик, со светлою головой, ведет занимательную беседу и охотно рассказывает о пережитом им тяжелом времени обращения униатов в православие в Западном крае и борьбы с немцами в Прибалтийском.

20 октября. Вторник. Ездил я в Ориванду проститься с великим князем Константином Николаевичем, который на днях уезжает за границу. Не застав его дома, поехал в Ливадию, где великий князь слушал в дворцовой церкви панихиду по императрице Александре Федоровне. По окончании церковной службы великий князь, увидев меня, сказал, что намеревался прямо оттуда ехать ко мне в Симеиз. Вместо того мы поехали вместе назад в Ориванду, и я провел у него часа два, не заметив, как прошло это время. Он прочитал мне многие места из полученных им только накануне длинных писем Головнина, Сольского, Пешурова и дополнил рассказами о многом, происходящем в Петербурге.

Головнин подтверждает прежние сведения, о которых я уже слышал от великого князя, о странном обществе, образовавшемся в Петербурге под руководством Демидова, известного больше под именем князя Сан-Донато. Общество это уже весьма многочисленно и состоит из светских людей и гвардейских офицеров лучших фамилий, принадлежащих к так называемой *jeunesse dorée*[127].

Общество имеет целью тайными путями оберегать особу государя, говоря попросту, шпионство. Вот до чего дошло извращение нравов и понятий о чести в высших слоях петербургского общества[128]. Остроумный Щедрин (псевдоним Салтыкова) уже осмеял это чудовищное явление в своем третьем

«Письме к тетеньке», которое будет напечатано в «Отечественных записках» с большими выпусками.

В полученных великим князем письмах много говорится об увольнении графа Валуева и назначении Рейтерна, о ходе дел в комиссиях с экспертами, о первых заседаниях Государственного совета под председательством великого князя Михаила Николаевича и проч., и проч. Тон писем Головнина вообще неутешительный; у Сольского больше оптимизма.

Продолжительная наша беседа с великим князем кончилась маленьким спором относительно существующей системы военного управления: его высочество повторил фразу, которую много раз доводилось мне слышать, о мнимых недостатках военно-окружной системы, которая будто бы создана только для мирного времени в интересах хозяйственных управлений и в ущерб интересам строевым и чисто военным. Я в сотый или тысячный раз должен был доказывать великому князю всю неосновательность этого укоренившегося предубеждения, объяснять совершенно противоположное тому действительное значение военных округов, которые и созданы были, чтобы сблизить административную часть со строевою в местных управлениях и тем подготовить в мирное время элементы, нужные для быстрого формирования армий. Впрочем, великий князь и не оспаривал моего взгляда, а только высказал то, что сам слышал от противников военно-окружной системы. Мы расстались вполне дружественно и даже сердечно.

На возвратном пути из Орианды я заехал к графине Тизенгаузен, где нашел многочисленное общество, исключительно дамское. Баронесса Анна Карловна Пиллар прочла мне полученное ею письмо графа Александра Владимировича Адлерберга по поводу увольнения его от должности министра двора. Письмо написано очень трогательно и умно. Граф Адлерберг скорбит не об удалении своем из того положения, в котором он чуть не родился и прожил до самой старости, но о жесткой, почти грубой форме, в которой совершилось это удаление.

От нее же, баронессы Пиллар, узнал я, что в здешних местных газетах уже есть телеграфное известие о решении комиссии, обсуждающей военные реформы под председательством графа Коцебу, «оставить всё по-прежнему». Думаю, это известие относится только к первому из подлежащих рассмотрению комиссии вопросов – о раздроблении центрального управления Военного министерства. Если известие верно, то я напрасно дал себе труд на днях в длинном ответном письме Головкину объяснять всю несообразность означенного предположения. По-

видимому, оно возродилось (и не теперь только, а гораздо прежде) не столько из воспоминаний о прежней нашей организации времен Александра I, сколько из примера Пруссии. Но я слышал от великого князя Константина Николаевича, что кому-то из русских сам граф Мольтке выражал удивление свое, как могут в России помышлять о введении в военном управлении порядка, которого несостоятельность и неудобства так сильно ощущаются на опыте в самой Пруссии.

[**22 октября. Четверг.** Семейное событие. Дочь моя Надежда помолвлена за князя Евгения Юрьевича Голицына-Головкина.]

1 ноября. Воскресенье. Почти с каждой почтой получаю от добрейшего Алексея Васильевича Головнина целую кипу вырезанных из газет статеек, трактующих о вопросах, обсуждаемых ныне в особой высшей военной комиссии под председательством графа Коцебу, а также и вообще о действиях Военного министерства за время моего управления. Все присылаемые статьи вырезаны почти исключительно из двух газет: «Петербургских ведомостей» и «Страны». Первая из них, издаваемая Комаровым, бывшим офицером Генерального штаба и другом Черняева, давно уже заявила себя враждебною мне лично и всему Военному министерству; другая же – «Страна» – была до сих пор мне вовсе неизвестна; не знаю и теперь, кем она издается; это маленькая, дешевенькая газетка, которая, по всем вероятиям, много расходится в низших слоях читающей публики, а потому помещаемая в ней брань против меня и Военного министерства не проходит бесследно.

Названные две газеты помогают «Московским ведомостям» порочить всё сделанное в военном ведомстве во время 20-летнего моего управления. До сих пор я пренебрегал газетным лаем и никогда не входил в полемику. Но в настоящее время газетные статьи получают особое значение ввиду открыто поднятого вопроса о новом переустройстве военного управления. Опасаюсь, чтобы этот газетный лай не повлиял на комиссию, несмотря на то, что, по доходящим до меня слухам, значительное большинство ее членов положительно клонит к сохранению теперешней системы устройства как Военного министерства, так и военно-окружного управления.

В таком смысле уже появлялись некоторые известия в газетах и частных письмах. Вот что пишет мне старшая моя дочь Шаховская из Чернигова: «В Петербурге Сергей (муж ее) видел Скобелева и Павлова (начальника штаба Кавказского военного округа) и слышал от них много интересного о делах военной комиссии. Твое торжество полнее, чем когда-либо, и когда это выяснилось поразительным большинством голосов, Скобелев,

говорят, предложил послать тебе от имени комиссии приглашение руководить дальнейшими работами комиссии…»

Не знаю, в какой мере можно положиться на эти сведения; во всяком случае, однако же, достоверно, что большинство в комиссии высказалось в пользу созданной мною системы. Несмотря на то, враждебные мне газеты продолжают свой гам, цинически предупреждая, что большинство голосов в комиссии никакого значения не имеет, что голоса «бюрократов» (любимое выражение этих газет), сколько бы их не было, ничтожны перед голосом хотя бы одного «боевого генерала» и что окончательное решение не зависит от счета голосов. Последнее, к сожалению, может быть, и верно; и в прежнее царствование мы видали примеры, что в самых важных государственных вопросах утверждалось мнение двух-трех членов против всех прочих. Поэтому едва ли можно и теперь, несмотря на благоприятный оборот дела, оставлять вовсе без внимания самые ничтожные газетные статьи, которые не ограничиваются только рассуждениями о том или другом вопросе, но хлещут наобум по всему, что попадет им под руку.

Я должен сам себе признаться, что некоторые из доставленных мне статеек задели меня за живое; бессовестные писаки нашли средство запятнать всю мою 20-летнюю деятельность; после всей массы кипучей работы за это время теперь обвиняют министерство чуть не в бездействии. Даже все неудачи последней войны, все промахи августейшего главнокомандующего и его штаба сваливают на министерство, позабывая те похвалы, которые расточались во время самой кампании, когда самые записные враги мои должны были признать, что никогда еще русская армия не являлась на театр войны так хорошо подготовленною и снабженною. В то время ходила даже такая фраза, что война 1877 года была как бы экзаменом для Военного министерства и экзамен этот выдержан блистательно. Едва прошло с тех пор три года, и уже слышим совершенно противное: Военное министерство ничего не подготовило, ничего вовремя не сделало, во всем оно виновато. Неужели таков же будет и суд истории?

При всей моей решимости отстраниться от волнений и страстей официального мира, никакое философское спокойствие не в силах перенести равнодушно столько незаслуженных оскорблений, как за себя самого, так и за многих из бывших моих лучших сотрудников. Присланные мне газетные статьи так возмутили меня, что я было намеревался взяться за перо, чтобы написать резкое возражение, как советовал мне Головнин. Но, поразмыслив и успокоившись, сообразил, что унизительно было

бы мне прямо, от своего лица, входить в полемику с газетными писаками и что мое опровержение дойдет до публики слишком поздно. Я ограничился письмом генералу Обручеву, обратив его внимание на бессовестные и оскорбительные статьи газет и на вредное влияние, какое они могут иметь как на комиссию, так и в высших правительственных сферах; я предоставил ему самому решить, можно ли оставить подобные газетные выходки без всякого возражения.

При этом я также указал генералу Обручеву несколько статей «Петербургских ведомостей», трактующих недостатки Положения 1808 года о полевом управлении армии. Статьи эти замечательны тем, что в них встречаются те же мнения, даже те же фразы, которые были высказаны в записке князя Барятинского, поданной им государю в 1869 году, и отчасти повторены в его же записках 1873 года. Записки эти с собственноручными отметками покойного государя и возражениями Военного министерства хранятся в канцелярии министерства.

И вот теперь, по прошествии 12 лет, снова всплывают прежние нелепые обвинения Военного министерства в неограниченном властолюбии, в намерении будто бы принизить значение главнокомандующего армией, подчинить его министру и отстранить от государя. Очевидно, что авторы явившихся ныне статей принадлежат к той же шайке интриганов, которая в 1869 и 1873 годах орудовала под знаменем фельдмаршала князя Барятинского. После неудачного его похода против Военного министерства окружавшая фельдмаршала шайка притихла, но теперь, видно, признала время удобным, чтобы снова поднять свою бессовестную голову.

2 ноября. Понедельник. Вчера только отправил письмо Обручеву с горькими сетованиями на то, что ни один голос не поднимается в печати в опровержение появляющихся почти ежедневно оскорбительных для Военного министерства газетных статей, а сегодня получаю номер «Порядка», в котором нахожу бойко написанную заметку по поводу нахальных и возмутительных выходок как «Петербургских ведомостей», так и московских. О статьях «Страны» не упоминается; вероятно, писавший заметку в «Порядке» пренебрегал такою газеткой или даже не знал о ее существовании. Заметка в «Порядке» не есть обстоятельное опровержение всей лжи и пустословия, подобранных с замечательным цинизмом в «Петербургских ведомостях», но хорошо и то, что дан наконец щелчок этим нахалам. В заметке сделан очень ловко намек на близкое родство появившихся ныне в «Петербургских ведомостях» статей с давно забытыми словоизвержениями покойного «Русского мира».

[**5 ноября. Четверг.** Отъезд князя Евгения Голицына из Симеиза за границу. Предполагавшийся брак с дочерью Надеждой не состоится: она решилась сегодня же утром объявить ему об этом. Лучше теперь же разойтись, чем потом горевать. Но мне жаль его: человек хороший, добрый, честный, чрезвычайно мягкого характера или, лучше сказать, вовсе бесхарактерный, до крайности застенчивый, безответный[?] Мне рассказывали об этом друзья его.]

12 ноября. Четверг. Неутомимый корреспондент мой, добрейший Алексей Васильевич Головнин продолжает с каждой почтой присылать мне вырезки из газет и сообщать кое-какие сведения о петербургских толках. Полемика по поводу военных реформ разгорелась не на шутку. В «Порядке» явилось несколько бойких статей против нахальных выходок «Петербургских ведомостей». Также и «Новое время» в нескольких статьях расточает щедрые похвалы моей деятельности вообще, отделяя мою личность от вопросов, возбужденных в комиссии и в печати.

«Петербургские ведомости» же, после задорных нападок на всё существующее в военном устройстве, начинают высказывать сомнение в том, что осуществится желаемая ими ломка, и уже прямо предсказывают, что и новый военный министр не в силах будет переделать этот ненавистный им строй. В последних статьях названной газеты нет уже прежней нахальной самоуверенности, а проглядывает безнадежность в успехе поднятого вновь похода.

Из писем Головнина, Баранцова и других видно, что в комиссии графа Коцебу действительно сильное большинство высказалось в пользу сохранения существующего военного устройства, хотя рядом с этим заключением большинства, вероятно, будет представлено несколько других мнений разных фракций меньшинства. По сведениям, мною полученным, все три великих князя (то есть оба фельдмаршала и Владимир Александрович), а также граф Коцебу, Ванновский, Дрентельн и Альбединский стали решительно на стороне большинства, чего, признаться, я не ожидал. Зато, столь же неожиданно для меня, в ряды противников моих стали Драгомиров и Рооп.

Головнин пишет, что нахальство статей в «Петербургских ведомостях» произвело в публике обратное действие, «возбудив общее негодование и омерзение». Сегодня должно быть последнее заседание комиссии, после которого приглашенные члены немедленно разъедутся. Стало быть, вскоре узнаем несколько обстоятельнее результат происходивших в комиссии продолжительных прений.

Между тем мне вздумалось приняться самому за перо и

разъяснить совершенно спокойно, вполне объективно все те недоразумения и ошибочные понятия, которые высказываются как в газетной полемике, так и в публике касательно существующего военного устройства. Я принялся за эту работу исподволь: во время своих утренних прогулок набрасываю карандашом свои мысли, чтобы потом пополнить их фактическими и цифирными справками, какие окажутся у меня под рукой. Стараюсь придать своему изложению характер дидактический и отнюдь не полемический.

Несколько времени тому назад получил я поздравительную телеграмму от генерала Бобровского с адресом: «Почетному президенту Военно-юридической академии». Не совсем поняв, с чем меня поздравляют, я ответил, благодаря в общих выражениях. Потом уже прочел в газетах, что вследствие единогласного постановления конференции академической испрошено было высочайшее соизволение на присвоение мне звания почетного президента Академии, а тайному советнику Философову – почетного члена; вместе с тем решено поместить в одной из зал Академии мой портрет. Только сегодня получил я наконец официальное уведомление об этом новом, лестном для меня знаке внимания. Решение конференции в особенности приятно мне теперь, когда я сошел со сцены. Оно делает честь конференции и доказывает, что пословица *Les absents ont toujours tort*[129] не всегда справедлива.

21 ноября. Суббота. На днях получил письмо от генерала Обручева, который сообщает мне об окончании занятий комиссии, обсуждавшей вопросы о военных реформах, и о результатах продолжительных ее дебатов. Результат не очень утешительный. Хотя по обоим вопросам (о министерстве и об округах) большинство голосов на стороне существующего порядка, но с такими оговорками, что ничего доброго в окончательном решении ожидать нельзя. Старик Коцебу не выдержал характера и под конец поддался влиянию газетной полемики, а еще вероятнее – влияниям из Гатчины. Обручев пишет в крайне мрачном настроении; сам не надеется удержаться на своем месте.

Продолжаю получать частые письма от своего друга Головнина; присылка газетных вырезок с некоторого времени прекратилась; по-видимому, и самая полемика замолкла, хотя в «Порядке» еще и в последних номерах являлись статьи и «известия» о последних заседаниях комиссии – и по-прежнему в смысле, приязненном мне. Головнин продолжает настаивать на необходимости напечатания обстоятельной статьи для разъяснения военных вопросов, возбудивших столько споров и

шуму; он находит нужным вразумить не только военную молодежь, но и людей более солидных и чиновных, смутно понимающих дело и легко поддающихся впечатлению прочитанных газетных статей. Головнин уговаривает меня приняться за перо.

После некоторого колебания я решился последовать его совету и в течение последней недели, во время ежедневных моих одиночных прогулок то в Алупку, то в Лиман набросал карандашом свои мысли по поводу всего высказанного в печати сумбура относительно преобразований Военного министерства и военных округов. Из этих заметок вышла довольно полновесная статья. Сегодня я закончил эту работу и завтра отправлю ее по почте Головнину, с предоставлением ему распорядиться по собственному его соображению.

Южный берег окончательно опустел; туристов почти уже не видно. В четверг уехали наши кореизские соседи – графиня Тизенгаузен с баронессой Пиллар. Между тем погода в иные дни бывает еще прекрасная, особенно по утрам. Мои прогулки между утренним чаем и обедом доставляют мне большое удовольствие.

29 ноября. Воскресенье. Головин продолжает с каждой почтой присылать мне вырезки из газет, как будто для того, чтобы не давать мне наслаждаться моим уединенным спокойствием. В газетах продолжается ярая полемика по поводу возбужденных вопросов о военных реформах. В некоторых статьях как будто выгораживают меня, нападая только на некоторые из сделанных мною по военной части реформ; в других же прямо нападают на меня с возмутительным цинизмом. Полученные вчера статьи этого рода до того бессовестны и гнусны, что я не имел охоты прочитать их все и бросил в огонь.

Более интересны были некоторые из печатных записок, поданных членами бывшей комиссии о военных реформах. В двух из них – великого князя Владимира Александровича и генерал-адъютанта Альбединского – прямо высказано мнение в пользу сохранения военно-окружной системы и объясняется весьма дельно, почему невозможно у нас применить прусскую систему территориальных корпусов. В записке генерал-лейтенанта Софиано, хотя и посвященной специально вопросу об артиллерии, также высказывается положительно мнение о выгодах и достоинствах нашей военно-окружной системы. В том же смысле и еще категоричнее описывает Скобелев выгоды военно-окружного устройства, хотя и предлагает, со своей стороны, некоторые изменения в частностях положения.

В записках генералов Лобко, Якимовича и генерал-адъютанта Черткова (Григория) главная мысль та, чтоб не ломать

существующего, не имея в виду чего-либо уже выработанного и положительно лучшего. Лобко в особенности умно развивает соображения о невыгодных последствиях неустойчивости в нашем военном устройстве. Затем, в прочих записках (великого князя Николая Николаевича, графа Тотлебена, графа Шувалова 2-го, генерал-адъютанта Радецкого, отчасти генерал-лейтенанта Роопа) высказываются такие противоположные мнения, предлагаются такие фантастические, необдуманные желания о переустройстве нашей военной администрации, что беспристрастный и здравый ум должен из них вывести заключение скорее в пользу существующей военно-окружной системы, чем против нее. В каждой записке, отдельно взятой, встречаются поразительные противоречия, необдуманность и путаница в понятиях.

Если б я имел ранее в руках эти записки, то изложил бы несколько иначе некоторые места в своей статье, посланной на прошлой неделе Головнину; я выставил бы рельефнее и резче нелепость некоторых из заявленных предположений. Но после всей гнусной полемики в газетах, после прочтения сегодня мнений наших военных авторитетов все эти толки и пустословия до того мне надоели, до того внушают мне отвращение, что я решаюсь больше не заниматься ими, ничего больше не читать по этому предмету и, тем более, не продолжать начатой работы для разъяснения поднятых вопросов. Постараюсь снова замкнуться в свою уединенную деревенскую жизнь, оставаясь в стороне от всего, что творится в петербургском омуте. Пусть делают глупости; чем будет глупее, тем, может быть, скорее образумятся.

В таком смысле я писал сегодня Головнину, возвращая ему присланный им для прочтения оттиск не пропущенной цензурою статьи Салтыкова (Щедрина), одного из «Писем к тетеньке». Это одна из самых злых сатир его на современнее настроение в Петербурге. Смешно и в то же время крайне грустно.

Узнал из газет о смерти графа Николая Николаевича Муравьева-Амурского. Еще один из старых моих приятелей молодости сошел в могилу. Я познакомился с ним 42 года тому назад в первую поездку мою на Кавказ. Тогда он был полковником (кажется, даже подполковником), состоял при генерале Головине и принимал деятельное участие в военных действиях на береговой линии. Он всегда щеголял своим либерализмом, даже в те времена, когда это было небезопасно. Несмотря на то, он в молодых еще летах и невысоком чине получил место генерал-губернатора Восточной Сибири, где и выказал свои административные способности, кипучую деятельность и энергию. Ему и Игнатьеву (Николаю Павловичу) принадлежит честь приобретения Амурского края.

У Муравьева было много хороших качеств для администратора, но, конечно, были и недостатки: несколько легкое отношение к делу, много для блеска, для популярности и фаворитизм. По увольнении его от должности генерал-губернатора и назначении членом Государственного совета мы снова сошлись и сблизились. Но он недолго оставался в Петербурге: состояние здоровья давало ему законный повод переселиться за границу, и вот около 20 лет, что он проживал в Париже, изредка только показываясь на короткое время в Петербурге. В последние годы он заметно опустился и физически, и умственно. Продолжительная жизнь за границей в полном бездействии имела на него неизбежное влияние и наложила на него отпечаток недовольного эмигранта.

3 декабря. Четверг. Еще одного близкого мне человека похитила смерть. Прочел в газетах о кончине генерал-адъютанта графа Бориса Алексеевича Перовского. Это был отличный, честный и благородный человек, один из немногих, с кем я был до последнего времени в товарищеских отношениях. Мы вместе учились в бывшем Московском университетском пансионе; он вышел годом прежде меня, не закончив курса, и поступил в тогдашнюю Школу гвардейских подпрапорщиков и юнкеров, откуда в один год со мною произведен был офицером в Кавалергардский полк. Он родной брат Льва Алексеевича и Василия Алексеевича Перовских; несмотря на то, что с молодых лет ему пришлось быть при дворе, он сохранил простоту и обходительность хорошего, доброго человека.

Мои с ним товарищеские связи укрепились в первую мою поездку на Кавказ в 1839 году: мы были неразлучны во всё продолжение экспедиции под Ахульго, жили в одной палатке, потом вместе ездили в Тифлис и вместе возвратились в Петербург. Несколько лет состоял он при покойном наследнике цесаревиче Николае Александровиче, а после кончины его – при великом князе Владимире Александровиче. Оба молодых великих князя сердечно любили его и уважали.

Перовский, женатый на Булгаковой, был примерным семьянином. В прошлую весну его постигла тяжелая болезнь, но он, по-видимому, поправился и начал выезжать именно в то время, когда я готовился уехать навсегда из Петербурга. Мы встретились с ним случайно у какого-то подъезда; я вошел к нему в карету, чтобы проститься с ним. Он сказал, что собирается также ехать за границу, что врачи посылают его на юг, и простился со мною так задушевно, что слезы показались у него из глаз. «Да, любезный друг, вероятно, мы прощаемся уже навсегда». Предчувствие его сбылось скорее, чем мы оба могли ожидать. Он

скончался в Канне.

6 декабря. Воскресенье. Получил весьма любезную телеграмму из Нижнего от командира Староингерманландского пехотного полка полковника Беклемишева, по случаю празднуемого сегодня полкового праздника. Получать подобные телеграммы не было для меня редкостью, пока я был министром; но теперь телеграмма эта имеет для меня совсем другую цену; она тронула меня как выражение доброй памяти, совершенно бескорыстное.

27 декабря. Воскресенье. Три недели пропуска в дневнике моем. Кажется, никогда еще не бывало такого продолжительного антракта. Настоящая моя жизнь течет так однообразно и безмятежно, что становится почти излишним продолжать дневник. День мой начинается всегда с большой пешеходной прогулки, иногда с одной из дочерей; погода стоит восхитительная; например, сегодня днем было до 13 градусов тепла по Реомюру в тени, и я вполне наслаждаюсь такою благодатью. Затем ранний обед, а потом большую часть дня провожу за своим письменным бюро: перечитываю письма и бумаги, сохранившиеся от прежних времен, и понемногу привожу в порядок свои воспоминания. По вечерам читаю газеты, журналы и кое-какие книги.

На днях Головнин прислал мне оттиск моей статьи, которая будет помещена в январской книжке «Вестника Европы» под заглавием «Военные реформы императора Александра II». Головнин в каждом письме своем упрекает меня, что я отказался продолжать статью, и подкрепляет свое мнение выпиской из полученного им письма от великого князя Константина Николаевича. Они придают слишком большую важность моим статьям; сам я вовсе не ожидаю, чтобы мои посильные объяснения переубедили кого-либо из моих противников. Я уже высказал в прежних своих письмах к Головнину, почему именно нахожу невозможным продолжать начатую работу.

30 декабря. Среда. Получил весьма любезное письмо от Стасюлевича, редактора «Вестника Европы», с изъявлением благодарности за статью мою, помещенную в первом номере этого журнала на будущий, 1882 год, и самую книжку.

Узнал из газет о смерти Андрея Парфеновича Заблоцкого, одного из самых давнишних приятелей моих. Знакомство наше началось с того времени, когда я, молодым еще офицером, жил в Петербурге вместе с братом Николаем. Заблоцкий был тогда в нашем приятельском кружке, и с тех пор сохранились постоянные между нами сношения. Особенно в последнее время мне приходилось иметь с ним общее дело: в качестве

душеприказчиков по завещанию дяди моего графа Павла Дмитриевича Киселева мы вместе распоряжались постройкой памятника в Москве, в Донском монастыре, и составлением биографии. На то и другое были завешаны покойником особые суммы (по 10 тысяч рублей).

Только в истекающем году мы привели оба дела к совершенному окончанию: обеспечили на будущее время сохранность памятника и только что выпустили в свет составленную Заблоцким биографию. На заглавном листке выставлен 1882 год, до которого, однако же, не суждено было автору дожить. Он скончался 24 декабря. Грустно становится, когда уходят с этого света один за другим все спутники жизни и уносят с собой последние следы молодых лет. Впрочем, Андрей Парфенович Заблоцкий был значительно старше меня летами и в последние годы постоянно хворал.

Завтра последний день 1881 года, года тяжелого для всей России. Трагическая катастрофа 1 марта произвела резкий перелом в нашей государственной и общественной жизни. Разочарование, которым можно характеризовать общее настроение в последние годы прошлого царствования, с первых же дней нового царствования сменилось полною безнадежностью.

1881 год и в личном моем положении, и в семейной моей жизни – год крутого перелома.

1882 год

1 февраля. Понедельник. Прошел целым месяц нового года, и мне ни разу не вздумалось раскрыть свой дневник. Приходила даже мысль – не прекратить ли его совсем? Не следовало ли прекратить восемь месяцев тому назад, когда я сошел с официального поприща? И в самом деле: стоит ли вести дневник, в который нечего вносить, кроме домашних мелочей и личных впечатлений?

Так, за весь истекший месяц я мог бы только записать, например, что 5 января жена моя отправилась в Петербург и потом в Чернигов для свидания с двумя замужними дочерьми, самою старшею и самою младшею; что последняя переехала на жительство в Оренбург, где муж ее получил место начальника юнкерского училища; что почти всё время мы пользовались здесь, на Южном берегу, прелестною погодой; наконец, что на днях мы были встревожены чуть не вспыхнувшим в доме пожаром вследствие неисправности камина… Всё это, конечно, не стоило бы занесения в дневник, на который я до сих пор смотрел как на сборник показаний свидетеля на допросе будущего историка. А будет ли историк дорожить показаниями старика, удалившегося от дел государственных в уединенный уголок, чтобы любоваться только морем, голубым небом, прелестью вечнозеленой растительности, человека, поставившего себе целью отрешиться от всего, что происходит в официальном мире?

Однако же, поразмыслив ближе, прихожу к тому заключению, что и заметки отшельника бывают небесполезны; а тот, кто был многие годы близким очевидцем и отчасти действующим лицом в событиях государственных, не может разом оторваться от своего прошлого и безусловно стереть в своей памяти все следы минувшей деятельности. Вот почему мне кажется, что и в теперешнем моем положении, как бы ни старался я уединиться, не раз представится мне случай занести в свой дневник какую-либо черточку, пригодную для будущего летописца.

На этот раз могу сказать, что, несмотря на всю сдержанность моих петербургских корреспондентов (опасающихся писать по почте что-либо нецензурное), во всех письмах, во всех доходящих разными путями известиях проглядывает общее неудовольствие в обществе, какое-то тяжелое чувство неизвестности, недоверия к нынешнему правительству, опасения неожиданных, крутых мер. Желание во что бы ни стало всё сокращать и уничтожать под предлогом уменьшения расходов угрожает приведением в расстройство существующих учреждений без замены их чем-либо

новым, обдуманным и обсужденным в узаконенном порядке. Большое число лиц, оставляемых за штатом или лишаемых средств существования, плодит число недовольных и держит всех в тревожном ожидании.

Преобладание в настоящее время в высших сферах партии катковской также имеет весьма невыгодное влияние на общее настроение. Так называемая либеральная часть печати подвергается систематическому преследованию; лучшие газеты этого оттенка прекращают свою работу на более или менее продолжительное время. Так, до 9 января прекращено было издание «Голоса», а с 9 января прекратилось издание «Порядка»; обе эти газеты были противниками московских газет. Вот уже две недели, что я не получаю ни одной газеты, кроме «Инвалида». «Голос», только что воскреснувший, уже получил предостережение. Министерство как будто задалось целью убить всякую конкуренцию «Московским ведомостям». В то же время разнеслись слухи, будто бы Катков назначается членом Государственного совета. По этому случаю явилось в «Московских ведомостях» комичное объявление, что «Каткову никогда *не предлагали* (sic!) быть членом Государственного совета»; но в то же время читаю в газетах о производстве его «за отличие» из статских советников прямо в тайные советники. За какие же это «отличия»? Не напоминает ли подобная странность времена императора Павла?

В первой книжке «Вестника Европы» нынешнего года напечатана моя статья, озаглавленная редакцией «Военные реформы императора Александра II». Головнин пишет мне, что об этой статье много говорят и, как кажется, догадываются, кто автор ее. На днях получил я от самого издателя «Вестника Европы» Стасюлевича письмо, в котором он выражает свое сожаление о том, что я отказываюсь продолжать свою статью, и рассказывает слышанное им в самом Управлении по делам печати: будто высшим начальством было поручено специальному военному цензору генерал-майору Мацневу представить свое заключение о том, не вредна ли моя статья; на что Мацнев ответил, что ему «неизвестно имя автора», но что он может, судя по содержанию, сказать, что «автор ее – непременно человек, близко знающий дело, о котором говорит вполне добросовестно, и что такие статьи могут быть только в высшей степени полезны». Вот всё, что на это время известно мне относительно последствий напечатанной статьи моей.

В числе газетных статей, касающихся военного ведомства, являются снова нападки на военно-учебные заведения и в особенности на военные гимназии, которые давно уже

ненавистны господину Каткову. На днях получил я письмо от одного из лучших педагогов, инспектора классов 1-й Петербургской военной гимназии Рогова, который высказывает отчаяние свое и всех своих сослуживцев по поводу слухов о готовящихся преобразованиях в военно-учебных заведениях, и с негодованием спрашивает: неужели уничтожат военные гимназии в угоду Каткову? Да, если осуществятся дикие замыслы, о которых толкуют, если в самом деле уничтожат или исказят лучшие из имеющихся у нас средних учебных и воспитательных заведений, то это будет преступление, святотатство. Меня глубоко огорчает самая возможность такого посягательства. Я написал об этом Исакову, в надежде, что, быть может, он найдет возможность вызвать на защиту военно-учебных заведений бывшего некогда главным начальником их великого князя Михаила Николаевича.

Вопрос кавказский разрешен наконец в том смысле, в каком имелось в виду еще в бытность мою в Петербурге: князь Дондуков-Корсаков назначен командующим войсками (а не главнокомандующим) Кавказского округа и главноначальствующим гражданскою частью, с предоставлением ему самому входить с представлениями о тех изменениях, которые он найдет возможным постепенно вводить в гражданском управлении края, в видах объединения его с общим управлением в других частях империи. Такое решение вопроса самое разумное; но я не могу не припомнить, как государь отозвался о князе Дондукове-Корсакове, когда при последнем разговоре о Кавказе я назвал его в числе кандидатов для замещения великого князя Михаила Николаевича.

В числе разных известий из Петербурга Головнин сообщает мне о случившемся с князем Суворовым в самом заседании Государственного совета нервном ударе и об ожидаемой смерти графа Литке. По поводу последнего этого известия Головнин, в беседе с бароном Николаи, возымел странную мысль предложить меня в кандидаты на должность президента Академии наук. Я немедленно отклонил эту честь, снова заявив положительно, что при нынешних обстоятельствах я не приму никакой должности и более всего желаю оставаться в настоящем своем спокойном и уединенном положении.

6 февраля. Суббота. Из полученных сегодня газет узнаю о кончине князя Суворова. Он умер 31 января, на 79 году жизни. Если следовать латинской поговорке *De mortui aut bene, aut nihil*[130], то пришлось бы мне ничего не сказать о покойнике. Но с такою поговоркой была бы невозможна история. Поэтому я выскажу в коротких словах мое мнение о внуке знаменитого

нашего полководца: это гнилой человек, крайне тщеславный и в сущности пустой. Он очень дорожил популярностью и для того брал под свое покровительство без разбора всякого, кто только обращался к нему. При дворе он разыгрывал роль Баярда, а вместе с тем заискивал в каждом лакее и конюхе. При покойном государе и особенно при императрице Суворов держал себя как друг семейства, сиживал в детской великих князей с няньками и ревновал каждого, кто мог с ним конкурировать на этом пути. Он был завистлив до смешного в отношении наград и почестей. Беспрестанно чем-нибудь обижался, и достаточно было самого пустого случая, чтоб он рассорился с человеком, с которым находился в лучших отношениях.

Но, к чести его, он был не злопамятен; так же легко мирился, как и ссорился. Мне случалось попеременно то пользоваться его особенным расположением, то навлекать его гнев, и всегда по самым пустым поводам. Впрочем, узнав близко этот характер, я не придавал никакого значения ни его благосклонности, ни его гневу, и в этом отношении обращался с ним как с балованным ребенком. К тому же, нельзя было не смотреть на него с некоторым состраданием, зная, сколько горя перенес он от своей семьи. В последние годы он жил даже в нужде, но никогда не давал заметить это и не жаловался.

13 февраля. Суббота. Получил от Исакова ответ на мой вопрос относительно слухов о переменах в военно-учебных заведениях. Ответ в успокоительном смысле; однако же оказывается все-таки, что слухи не лишены основания: всё, что сообщал мне Рогов, заключается в ряде вопросов, заданных Ванновским начальству военно-учебных заведений. Исаков надеется, что объяснения, которые будут даны по каждому пункту, убедят военного министра в неосновательности поднимаемых им предположений. [И обещает со своей стороны следить за этим делом.] Увидим, возьмут ли верх благоразумие и правда или самодурство. Во всяком случае, я доволен уже тем, что письмо мое к Исакову было не лишним: никто не может лучше его помешать какому-нибудь нелепому распоряжению по военно-учебным заведениям.

Сегодня вечером жена возвратилась из своей поездки в Петербург и Чернигов.

14 февраля. Воскресенье. Получил два любопытных письма от генерала Баранцова и Кавелина. Оба они воспользовались случаем (поездкою моей жены), чтобы сообщить мне такие сведения, о которых писать по почте невозможно. Баранцов пишет о каком-то странно составленном комитете под председательством генерал-адъютанта графа Баранова, для

проверки за прежние годы расходов Военного министерства. Комиссия, как кажется, имеет целью расследовать, не было ли излишних и напрасных расходов, и приступила для первого раза к разбору смет артиллерийского ведомства. Баранцов полагает, что комиссия не нашла и не найдет ничего, что могло бы оправдать распускаемые гнусные клеветы насчет этого управления.

Кавелин же в длинном письме изображает настоящее хаотическое положение России, самодурство теперешних заправил, общее неудовольствие; но в конце концов приходит к тому заключению, что настоящий момент есть эпоха нашего перерождения; что русское общество будто бы приучается самостоятельно мыслить и ни на кого, кроме самого себя, не надеяться и не рассчитывать. «Почти все убеждены, – говорит он, – что самодержавие кончило свои дни».

Сам Кавелин не разделяет этого мнения; он, как и прежде, убежден в возможности и даже необходимости сохранения в России самодержавия, но в другой, более разумной обстановке. «Так или иначе, при нас или после нас, а правда возьмем свое. Я не верю в попечительное, отечески о нас пекущееся Провидение; но твердо верю в логику фактов, которая с железною, беспощадною последовательностью проводит в жизнь законы явлений и выводы из данных, не останавливаясь ни перед чем в мире».

В этих строках высказывается Кавелин во всем его свете как идеалист, вечно юный умом и сердцем.

19 февраля. Пятница. Газеты всей Европы наполнены толками по поводу неудачных и странных речей Скобелева – петербургской и парижской[131].

Не могу себе объяснить, что побудило нашего героя к такой выходке. Трудно допустить, чтобы то была простая невоздержность на язык, необдуманная, безрассудная болтовня. С другой же стороны, неужели он намеренно поднял такой переполох во всей Европе только ради ребяческого желания занять собою внимание на несколько дней? Конечно, подобная эксцентрическая выходка не может встревожить ни берлинское, ни венское правительства при существующих отношениях между тремя империями.

Тем не менее самое возбуждение общественного мнения такими речами, какие произнесены Скобелевым, выказывает больное место в настоящем политическом положении Европы и те черные точки, которых надобно опасаться в будущем. Любопытно знать, как отнесутся к выходкам Скобелева в Петербурге.

В «Инвалиде» продолжают появляться приказы о переменах в

формах обмундирования. Теперь дошла очередь и до нас – Свиты государевой. Нас, генерал-адъютантов, также переодевают по образцу кучерскому.

25 февраля. Четверг. Несколько дней тому назад Головнин прислал мне целую коллекцию печатных записок по вопросу о преобразовании реальных училищ и просил меня сообщить ему мое мнение по этому предмету. Дело это мне близкое и всегда меня интересовало; поэтому я охотно и добросовестно исполнил желание моего корреспондента. Рассмотрев внимательно присланные записки, в которых изложены собранные Министерством народного просвещения отзывы разных лиц, я с удовольствием нашел в них почти единогласное подтверждение моего мнения, высказанного при самом рассмотрении проекта графа Толстого десять лет тому назад: сочиненные им тогда реальные училища никуда не годны из-за того, что им придан характер специально-прикладной, или профессиональный. Граф Толстой и компания имели главною целью унизить реальное образование и не допустить, чтоб оно могло стать в конкуренцию с излюбленным им классическим курсом гимназий. Надо отдать справедливость – цель эта достигнута вполне.

Напечатанные теперь мнения о том, в чем именно должно заключаться преобразование реальных училищ, отличаются крайним разнообразием; но огромное большинство голосов находит необходимым дать этим заведениям характер общеобразовательный, а не профессиональный. Исходя из того же начала, я изложил свои предположения по этому вопросу, с приложением даже расписания уроков; сегодня отправил длинное письмо Головнину. Полагаю, что оно будет показано барону Николаи.

1 марта. Понедельник. Вот минул ровно год со времени страшного события, которое до сих пор представляется в памяти каким-то чудовищным кошмаром. Только год, и сколько уже перемен с тех пор, сколько тяжелых, грустных впечатлений, какое изменение в общем настроении и духе времени! Что может значить в судьбах многих миллионов исчезновение одной личности и появление другой на ее месте!

В эту первую годовщину несчастного события я со своею семьей ходил утром в Алупку к обедне, после которой была панихида. Церковь была полна; много было простого народа, рабочих; и в этой простой, скромной обстановке молитва об успокоении души царя-освободителя, царя-мученика отзывалась в сердце несравненно глубже, чем пышные, официальные церемонии при дворе.

6 марта. Суббота. Генерал-адъютант Ванновский прислал

мне при письме печатный экземпляр справки, составленной по его приказанию по поводу печатавшихся газетных статей о чрезвычайном будто бы увеличении в течение последнего двадцатилетия в военном ведомстве личного состава управлений и переписки. В письме упомянуто, что государь, по представлении ему этой справки, повелел разослать экземпляры членам бывшей под председательством генерал-адъютанта графа Коцебу комиссии и напечатать в «Инвалиде».

Справка эта, разумеется, приводит к выводу, совершенно противоположному тем нареканиям, которые столько раз уже поднимались на Военное министерство (то есть против меня) относительно мнимого усложнения администрации, развития бюрократизма, расположения переписки, централизации и т. д., и т. д. На поверку выходит совершенно наоборот: в центральных управлениях (в министерстве) за означенный период число чинов убавилось с 1575 до 1266, а число бумаг, входящих и исходящих вместе – с 633 887 до 517 414 (в 1875 году, то есть перед последней войной, было даже всего 454 072). В военно-окружных же управлениях сравнительно с упраздненными управлениями, существовавшими в 1861 году, число чинов убавилось с 4202 до 2890.

Все эти цифры не новость для меня; они приводились и прежде в разных случаях. Но странно, что военному министру не пришла мысль о собрании этих данных прежде заседаний комиссии графа Коцебу, в которой столько было говорено о необходимости преобразования всего военного управления под впечатлением печатавшихся в то время недобросовестных и тенденциозных газетных статей. Присылка мне настоящей справки есть первое проявление внимания и любезности ко мне со стороны моего преемника в должности военного министра, и, конечно, я буду благодарить его за эту любезность; но хотелось бы высказать ему при этом, что не худо было бы поручить, кому следует, составить и представить выше подобные же фактические справки и по другим столь же голословным и несправедливым нареканиям на Военное министерство за тот же двадцатилетний период. По всем вероятиям, эти справки во многом повлияли бы на прения в комиссии графа Коцебу и ускромнили газетных борзописцев.

Сегодня же получил длинное письмо от брата Бориса, который сообщает мне подробные сведения о ходе дел в военно-судном ведомстве со времени назначения генерал-адъютанта князя Имеретинского на пост главного военного прокурора. Сведения эти весьма характерно изображают личность самого князя Имеретинского и существующие ныне, по-видимому, во

всех частях управления тенденции. Прискорбно личное положение моего брата, который считает себя так непрочным в должности своей (помощника гласного военного прокурора), что готовится подать в отставку и, стало быть, остаться почти без средств существования.

22 марта. Понедельник. Только что отправил письмо Головнину с дополнительными моими соображениями по вопросу о реальных училищах, в ответ на сообщенный мне при последнем его письме отзыв барона Николаи на мое мнение о лучшем решении этого вопроса. Я писал Головнину, что, понимая вполне шаткое положение барона Николаи и необходимость осторожности в этом деле, я думаю, что при таких условиях лучше бы и не возбуждать вопроса о преобразовании реальных училищ до тех пор, пока не переменятся обстоятельства в благоприятном для дела смысле. Иначе всякая теперешняя полумера отсрочила бы надолго полную реформу.

Едва письмо мое было сдано на почту, как получаю номер газеты и, к ужасу своему, узнаю, что барон Николаи уже уволен от должности министра и на место его назначен – Делянов! Это почти то же, как если бы назначен был Катков; это восстановление ненавистного для всей России министерства графа Толстого. Между прежним режимом и будущим будет различие только в подкладке: у Толстого подкладкою была желчь; у Делянова будет идиотизм. Бедная Россия!

1 апреля. Четверг. После довольно продолжительного перерыва корреспонденции с Головниным (последнее письмо его было от 12 марта) получил от него письмо, в котором (как и следовало ожидать) упоминается об увольнении от должности барона Николаи, а вместе с тем и об удалении Грота от заведования тюремным делом. Оба они вынуждены были сами просить об увольнении, выведенные из терпения графом Игнатьевым, о котором Головнин отзывается как о первом министре, всемогущем в настоящее время. Головнин удивляется, как Игнатьев, слывущий умным человеком, лишил себя таких полезных и надежных «орудий» в нынешнее трудное время. Я же нисколько тому не удивляюсь: Игнатьев – человек хитрый, а не умный; человек с понятиями узкими, односторонними; такие люди, каковы Грот и барон Николаи, не могли быть ему по душе. Это не поклонники Каткова и Аксакова.

Получил от генерала Банковского письмо с приложением экземпляра печатной записки князя Имеретинского о предполагаемых изменениях в устройстве военно-судной части: записка очень коротенькая и недостаточно определенно высказывает, в чем именно предполагается изменить

существующий состав военных судов и порядок их делопроизводства; намечены только желания, задачи. Многое можно было бы сказать и против этих общих мыслей; но я полагаю не отвечать и не сообщать Ванновскому моего мнения, во-первых, потому, что мое мнение будет глас вопиющего в пустыне, а, во-вторых, потому, что нахожу обращение Ванновского ко мне несколько бесцеремонным по форме: письмо его, очевидно, написано в виде циркуляра ко всем тем начальствующим лицам, от которых требуется заключение по означенной записке; притом с назначением даже месячного срока для ответа и с оговоркой, что и впредь должен быть соблюдаем тот же срок для отзывов по запискам, которые будут сообщаться по частным вопросам предположенного преобразования. Бесцеремонно!

10 апреля. Суббота. В прошлую ночь приехал в Симеиз мой сын, пробывший около шести недель в Петербурге. Поездка его не осталась без результата: ему удалось отстоять Крымский дивизион, которому угрожало упразднение из видов экономии. Представленные им объяснения, подкрепленные моим письмом к генералу Обручеву, убедили военного министра и самого государя в том, что нерасчетливо из-за ничтожного сбережения в расходах возбуждать в здешнем татарском населении неудовольствие и недоверие к данному еще так недавно царскому слову. Рассказы сына о том, как идут дела в Петербурге, а также и привезенные им любопытные письма от Головнина и брата Бориса раскрывают жалкую картину неспособности нынешнего правительства и угнетенного настроения общества. Интриги, отсутствие мысли и знания дела, какая-то безнадежность в будущем – вот отличительные черты настоящего времени. Во всех головах – сумбур.

Сын привез дорогие для меня вещи, назначенные мне на память о покойном императоре: его мундир (гвардейской артиллерии) с каской и карманные английские часы.

21 апреля. Среда. Общество наше в Симеизе временно умножилось: на прошлой неделе (14-го числа) приехали из Москвы граф Олсуфьев (Адам Васильевич) с женой и дочерью, а вчера – племянница Дина Евгеньевна Понсэ из Бессарабии, где она провела всю зиму у отца в деревне.

22 апреля. Четверг. Олсуфьевы, получив сегодня утром по телеграфу известие, что сыновья, оставшиеся в Москве, заболели оба тифом, немедленно решили выехать отсюда обратно в Москву, отказавшись от предполагавшихся поездок по берегу Крыма. Они уехали крайне встревоженные и огорченные.

6 мая. Четверг. Сегодня получил из Ташкента печальное

известие о смерти Константина Петровича Кауфмана. Он прожил более года после случившегося с ним удара, но во всё это время был почти без языка. Жаль этого человека: некогда он был моим близким помощником, занимая должность начальника канцелярии Военного министерства; отношения наши были тогда почти дружеские; они продолжались по назначении его генерал-губернатором в Вильну и командующим войсками Виленского военного округа. Я поддерживал его, сколько мог, против интриганов, старавшихся повредить ему во мнении покойного государя. Хотя мне не удалось помешать увольнению его от должности виленского генерал-губернатора, однако же вскоре после того, по моему настоянию, он был назначен туркестанским генерал-губернатором и командующим войсками округа. На этом посту он оказал немало услуг, которые, однако же, не вполне были оценены.

Константин Петрович был человек деловой, работящий, благонамеренный. Были у него, конечно, и свои слабые стороны, подававшие повод к насмешкам: он был падок на внешние почести, хотел разыгрывать роль царька. В последние годы отношения мои с ним несколько изменились, не знаю, впрочем, почему; переписка наша прекратилась, или, лучше сказать, ограничилась исключительно официальными сношениями.

Почтенный мой корреспондент Головнин продолжает сообщать мне всякие сведения из Петербурга, снабжать разными записками и газетными вырезками. Сегодня получил я от него толстый пакет, отправленный им с камердинером великого князя Константина Николаевича. Кроме печатных записок по делам Государственного совета, Головнин сообщает мне любопытные сведения о ходе дел в высшей правительственной сфере. В описываемых им прениях в Государственном совете и Комитете министров вполне выказались неспособность и бессилие теперешнего состава правительства. [Бунге, от которого так много ожидали, оказался плохим администратором, трусливым и угодливым перед сильными; Игнатьев поддерживает свою славу беззастенчивого хвастуна.] «Тяжело живется, – пишет Головнин, – река времен несет ладью, именуемую Россией, и нет кормчего, а сидят гребцы неумелые».

Письмо Головнина подтверждает то, что я прочел уже в газетах по поводу бывшего 27 апреля праздновании 25-летнего юбилея деятельности Сергея Петровича Боткина; в описании обеда, данного по этому случаю, упоминается о сочувственных выражениях публики при чтении поздравительных телеграмм графа Лорис-Меликова и моей. Головнин дает этим заявлениям такое пояснение: «Весь фестиваль вышел похвалой прошлого

царствования и деятелей того времени; Боткин оказался оказией, чтоб высказаться».

7 мая. Пятница. Еще вчера вечером дошли слухи о смерти князя Семена Михайловича Воронцова; сегодня же утром я получил из Алупки письменное извещение о том, что будет в тамошней церкви заупокойная литургия и панихида. Я отправился туда со своей семьей и нашел там приехавших из Кореиза графиню Сумарокову-Эльстон с дочерью и сыном, графиню Клейнмихель и Гончарову. По окончании службы графиня Сумарокова-Эльстон приехала к нам в Симеиз и осталась к обеду, а вечером посетила нас другая кореизская соседка, госпожа Абрамова, с дочерью. Судя по телеграфным известиям, можно полагать, что смерть князя Воронцова была скоропостижная, кажется, от разрыва сердца.

13 мая. Четверг. В понедельник приехал к нам в Симеиз сын мой, только что возвратившийся с Кавказа, а вчера утром он уже отправился на пароходе в Севастополь. Сегодня посетил нас новый губернатор Всеволожский, которого мы знавали еще юношей в Тифлисе. Объезжая Южный берег, он заехал в Симеиз, отобедал у нас и уехал обратно в Ялту.

В среду приехал в Орианду великий князь Константин Николаевич, проживший всю зиму в Париже.

14 мая. Пятница. Ездил в Ялту и оттуда в Орианду к великому князю Константину Николаевичу. Он показался мне более спокойным, чем был в прошлом году, как будто примирился со своим положением; доволен своим пребыванием в Париже; намерен и впредь проводить там зимы, пока обстоятельства не изменятся, а в Крым приезжать на летнее время. Он говорит, что в Петербурге жить без определенного дела ему невозможно, в чем, конечно, я вполне с ним согласен. Великий князь уже гласно заявляет о своей незаконной семье, которая была всё время при нем за границей;

даже при выходе на берег в Ялте он был со своею «дамой», к общему скандалу всей ялтинской публики.

Я провел у него часа два, и время это пролетело незаметно, так много было о чем нам обменяться мыслями. Впрочем, мне пришлось больше слушать, чем говорить.

На возвратном пути заехал я к графине Тизенгаузен и племяннице ее Нине Карловне Пиллар, приехавшим на днях из Петербурга в Крым.

18 мая. Вторник. Сегодня посетил меня великий князь Константин Николаевич с господином Голенко, управляющим его имениями.

21 мая. Пятница. Ездил в Орианду поздравить именинника,

великого князя Константина Николаевича, который пригласил меня отобедать запросто в сюртуке. Я нашел там довольно большое общество: из Петербурга приехали к этому дню адмирал Попов и Кази; из Севастополя генералы Аллер – корпусной командир, и барон Корф – начальник дивизии, адмирал Никонов и полковник Авинов; из Ялты приглашены были адмирал граф Путятин, барон Врангель (городской голова), Зафиропуло (исправник). Обедали под большим навесом.

Хозяин был очень любезен, разговор шел без малейшего стеснения, а по окончании обеда великий князь предложил мне зайти к нему в занимаемый им скромный домик. Он прочел мне полученные с адмиралом Поповым весьма любопытные письма Головнина и Сольского, которые откровенно сообщают великому князю современные сведения из петербургской официальной сферы. Его высочество пополнил эти известия некоторыми своими рассказами.

Вот, между прочим, эпизод, слышанный им от княгини Юрьевской, из последних часов жизни покойного государя. По ее словам, государь перед самым выездом своим 1 марта к разводу, подписал будто бы указ (?) о тех мерах, которые были предположены тогда особою комиссией под председательством наследника цесаревича (нынешнего государя) по мысли генерала Лорис-Меликова. Совсем уже одетый, в мундире лейб-гвардии Саперного батальона, государь вошел к ней, княгине Юрьевской, держа в руках бумагу, и сказал ей: «Вот важный шаг для будущности России; этот акт будет завтра опубликован».

Затем он приказал камердинеру передать эту бумагу графу Лорис-Меликову, ожидавшему ее внизу в сенях дворца. Означенный акт (формального значения которого она не могла точно определить) был в тот же день отослан графом Лорис-Меликовым в редакцию «Правительственного Вестника» для напечатания.

Однако же после разразившейся вслед за тем катастрофы Лорис-Меликов счел нелишним вечером отправиться в Аничков дворец и спросить приказания нового императора, не следует ли остановить опубликование указа. Молодой государь приказал печатать, сказав, что эта последняя воля покойного императора должна быть приведена в исполнение. Но в два часа ночи, к удивлению Лорис-Меликова, получил он из Аничкова дворца повеление приостановить печатание, а затем решено было подвергнуть предположенные и уже утвержденные покойным государем важные меры новому обсуждению.

Таков рассказ княгини Юрьевской; великий князь сомневается в том, что покойным государем был уже подписан

указ, и полагает, что в «Правительственном Вестнике» на первый раз имелось в виду напечатать только нечто вроде официальной статьи или объявления о предположенных мерах. Однако же княгиня Юрьевская положительно утверждает, что видела своими глазами на показанной ей покойным государем бумаге его подпись чернилами. Очень может быть, что княгиня Юрьевская действительно видела подпись государя, но не под указом или манифестом, а под резолюцией сверху доклада. Впрочем, сомнение это мог бы разъяснить граф Лорис-Меликов.

Великий князь дал мне для прочтения полученную им только что вышедшую книжку: «Alexandre II. Details inédits sur sa vie intime et sa mort, par V. Laferté»[132]. Говорят, что она написана по рассказам самой княгини Юрьевской.

Головнин прислал и мне с адмиралом Поповым целую коллекцию вырезок из разных газет, где достается и ему, Головнину, и мне, да и многим другим.

На возвратном пути из Орианды заехал я к графине Тизенгаузен и графине Сумароковой-Эльстон. Здесь еще наслышался разных новостей. Я так привык к уединенной, отшельнической жизни, что, видев сегодня множество лиц и наслышавшись стольких новостей, чувствую себя как в чаду. По возвращении домой узнал, что к нам в Симеиз заезжали возвращавшиеся в Севастополь ориандские гости – Аллер, барон Корф, Никонов и Авинов.

22 мая. Суббота. Сегодня годовщина моего увольнения от должности военного министра. Вот ровно год, что я наслаждаюсь спокойствием и независимостью частного человека, прелестью уединенной сельской жизни; принадлежу наконец самому себе и своей семье. Многие предвещали мне, что я соскучусь в бездействии, привыкнув с молодых лет к напряженной служебной деятельности; но так могут судить люди, мало знающие меня. Постоянную напряженную деятельность поддерживали во мне исключительно чувство долга и желание быть полезным. Лишь только я увидел, что мои взгляды и убеждения уже не согласуются с новой обстановкой и потому дальнейшая моя деятельность служебная не может приносить пользы, я поспешил удалиться со сцены и с тех пор благословляю свою судьбу.

При настоящем ходе дел, при нынешних деятелях в высшем правительстве мое положение в Петербурге, даже и в качестве простого безответственного свидетеля, было бы невыносимо и унизительно. Признаюсь, мне приходилось не раз ставить самому себе вопрос: не поступаю ли я эгоистично? Не упрекнут ли меня в малодушии и отсутствии патриотизма? Но чем более обсуждаю эти вопросы, тем более убеждаюсь, что всякое мое участие в

служебных делах при настоящих условиях было бы бесплодно, и совесть моя вполне успокаивается. Передо мною живые примеры: Александр Аггеевич Абаза, занявший свое кресло в Государственном совете, принужден сказываться больным для того только, чтобы не присутствовать в заседании при решении дел, направляемых противно его личным убеждениям; граф Лорис-Меликов, теперь возвратившийся в Петербург, уезжает обратно за границу. Приезд его подал повод к разным толкам, надеждам, предположениям и уже вызвал злые выходки со стороны властвующей партии; тут же приплели и меня, распустив слух также о моем возвращении в Петербург. Упаси бог попасть снова в этот омут.

22 мая есть также годовщина смерти императрицы Марии Александровны. Всего прошло два года с того времени, как ее не стало, а сколько с тех пор событий и перемен! Кажется, как будто мы пережили десяток лет.

23 мая. Воскресенье. На днях получил я по почте из-за границы майскую книжку журнала «Le nouvelle revue». Так как я не абонирован на это издание, то мне показалась странною присылка этой книжки неизвестно от кого. Первая статья, отмеченная большим крестом, карандашом, озаглавлена: «Que faire? Réponse a l'auteur de „la situation en Russie“»[133]. Мне не случилось прочесть прежде помещенной в том же журнале статьи, на которую теперь является «ответ», но было известно, что статью эту приписывали барону Жомини, чему я не верю, зная, что она написана в смысле славянофильском.

Я поспешил прочесть присланную мне теперь статью неизвестного автора и был возмущен до глубины души этим гнусным пасквилем на Россию и в особенности на всё, что было совершено покойным государем. Неизвестный автор начинает с того, что не признает славянского происхождения нашего и причисляет русский народ к татарскому племени. Затем все наши теперешние бедствия объясняет преждевременными и неуместными реформами; при этом обвиняет почти всех государственных людей прошлого царствования. Но более всех достается мне: автор взводит на меня тяжкие преступления, приписывая мне содействие нигилизму; мало того, обвиняя меня даже в том, что я, покровительствуя Артиллерийской и Медико-хирургической академиям, чуть не способствовал изобретению тех адских снарядов, которые были орудием цареубийства. Автор увлекается своей злобой до того, что позорит всю русскую армию, будто бы доведенную мною до такого упадка, что в последнюю войну она оказалась во всех отношениях ниже турецкой! Что это за безобразие! Хотелось бы сказать автору: «Ври да знай же меру».

Но кто же может быть творцом такого гнусного пасквиля? Автор говорит в начале статьи, что он уже десять лет оставил служебную деятельность, не имев сил выносить долее то пагубное, по его мнению, направление, которое было дано делам правительственным в последние двадцать лет. Приходит мне на мысль доктор Цион, который был участником в составлении и напечатании в том же журнале «La nouvelle revue» пресловутой статьи, восхвалявшей подвиги великого князя Николая Николаевича и сваливавшей всю вину наших неудач в последнюю войну на покойного государя и на Военное министерство. Доктор Цион еще недавно в издаваемой им газете «Le Gaulois» выставлял меня покровителем материализма и нигилизма и при этом приводил на мой счет такие анекдотические факты, которых никогда не было в действительности. Так и в появившейся теперь статье приписываются мне снова слова и поступки вовсе небывалые. Такое сходство в приемах редакции и навело меня на предположение, что автор вновь появившейся статьи не кто другой, как тот же доктор Цион…

В письме, отправленном сегодня к Головнину, излив всё свое негодование на этот гнусный пасквиль, я спрашиваю его, не сочтет ли уместным само правительство возбудить против журнала госпожи Adam судебное преследование за «диффамацию» русских правительственных лиц, так как в статье затрагивается честь не только экс-министров, но и теперешних деятелей: сам граф Игнатьев обвиняется прямо в подстрекательстве антиеврейских побоищ!

Сегодня приезжал ко мне из Орианды адмирал Попов, знаменитый изобретением [злосчастных] «поповок». В течение последнего года или двух лет Попов страшно постарел, как будто лет на десять. В разговоре его заметны следы случившегося с ним года полтора назад апоплексического удара.

24 мая. Понедельник. Прочел данную мне великим князем Константином Николаевичем книжку «Alexandre II» par V. Laferté. Очевидно, она составлена по рассказам княгини Юрьевской и, вероятно, еще кого-нибудь из близких к ней, притом составлена неискусно. Бросается в глаза тщеславное желание женщины выставить себя в роли ангела-хранителя покойного царя-мученика и подготовить *une position*[134] своему сыну. Это безусловный панегирик покойному государю; отзывы о многих из окружавших его – большею частью незаслуженные похвалы; в том числе посвящено и мне несколько страниц. Примечательно, что во всей книжке ни разу не упоминается о покойной императрице.

25 мая. Вторник. В печати было много толков о вышедшей недавно в Берлине брошюре: «Les vrais intérêts du monde slave et la

paix Européenne. Réponse au gén. Skobelew, par le c-te Pierre Koutousow»[135]. Экземпляр этой брошюры прислан мне Головниным. Нельзя не разделять взгляда автора на безумный шовинизм той партии, глашатаем которой вдруг явился Скобелев, хотя русскому человеку и тяжело признаваться самому себе в верности представленной автором брошюры печальной картины приниженного и печального положения России. Особенно обидно провозглашать эти прискорбные истины перед иностранною, европейскою публикой; это нечто вроде всенародной исповеди, самобичевания, покаяния. В некоторых местах этого обличения автор даже чересчур уж строг к своему отечеству, как например, в его обидной выходке против нашей армии: «Русской армии совершенно необходимо вооружение, по крайней мере столь же совершенное, как вооружение турок в последнюю войну; ей нужны талантливые стратеги, как, например, в германской армии, и, наконец, некий минимум честности со стороны военного управления и интендантства (стр. 12)».

Вот какой приговор мы сами, русские, выносим себе перед всею Европой за последнюю войну, оконченную блистательно под стенами Константинополя! И кто же обвинители нашей чудесной армии? Мы же сами, военные, распустившие несправедливые, преувеличенные слухи о превосходстве над нами противников наших. Если не успели мы до 1876 года перевооружить всю нашу армию новыми усовершенствованными ружьями и крупповскими пушками, если главнокомандующим нашим были сделаны промахи под Плевной, если по окончании войны пришлось отдать под суд некоторых интендантских чиновников, то разве этого достаточно, чтобы провозгласить перед Европой нашу военную несостоятельность? Если б в армии французской или немецкой, или во всякой другой оказалось вдвое более неудач и недостатков, чем у нас в последнюю войну, то я уверен, что ни француз, ни немец не стали бы так разглашать о них. «Toute vérité n'est pas bonne à dire»[136].

28 мая. Пятница. В последней книжке «Revue des deux mondes» помещена статья Леруа-Больё под заглавием «La Russie sous le Tsar Alexandre III»[137]. Автор известен уже многими своими статьями о России; недавно издал он первый том большого сочинения: «L'Empire des Tsars». Он имеет хорошие и верные данные, почерпнутые им во время продолжительных пребываний в нашем отечестве. Может быть, ему помогают и некоторые из русских.

В новой статье своей автор изображает существующую в настоящее время неурядицу в нашем государственном устройстве, и, как ни печальна эта картина, надобно поневоле

сознаться, что в общих чертах она верна. В ней довольно близко к истине выставлены несообразности и противоречия в реформах прошлого царствования, но без той злой, желчной наглости, которою отличается статья, помещенная в «La nouvelle revue» того же 15 мая. Леруа-Больё приписывает наши неудачи и бедствия не либеральному духу реформ Александра II, а колебаниям, отступлениям, искажению сделанных реформ во вторую половину его царствования. Ни одна реформа не была добросовестно приведена в исполнение, ни одна не получила полного развития; начатое в первые годы было расстроено и подкопано в последние; деятелям либеральным противопоставлялись ретрограды.

Понятно, что статья, написанная в подобном смысле, не понравилась «Московским ведомостям», в которых уже явилась против нее ироническая выходка. Автор отзывается об императоре Александре III и его стремлениях даже с сочувствием; весьма сдержанно упоминает о наших теперешних славянофильских теориях; но тем не менее статья эта придется не по вкусу в наших теперешних правительственных сферах.

30 мая. Воскресенье. Великий князь Алексей Александрович, объезжая порты Черного моря, не мог миновать Севастополь и не заехать хоть на несколько часов к своему дяде. Он прибыл в Ялту сегодня утром; оттуда в экипаже отправился в Орианду; затем оба великих князя были у обедни в Ливадии, а после завтрака поехали прокатиться в Симеиз. Я был озадачен неожиданным посещением обоих великих князей. Они пробыли у меня более часа; оба были очень любезны, но заметно было, что им как-то неловко одному перед другим. Великий князь Константин Николаевич даже прямо высказал мне *a parte*, что привез ко мне своего племянника, чтобы целый день не оставаться с ним с глазу на глаз. От меня они намеревались ехать через Кореиз, чтобы навестить старушку графиню Тизенгаузен. Вечером же сегодня Алексей Александрович отправляется дальше в Батум.

31 мая. Понедельник. И в нашем скромном уголке почти не проходит дня без посетителей. Сегодня опять приезжал из Орианды адмирал Попов; говорил о своих изобретениях; жаловался, что знаменитые его «поповки» не оценены по неразумению и интриге; что надобно умереть, чтобы быть признанным великим человеком и т. д.

Беседа наша была прервана приездом графини Клейнмихель и соседки ее Гончаровой, урожденной Озеровой.

2 июня. Среда. В Петербурге перемена декорации: Игнатьев уволен от должности министра внутренних дел; на место его – граф Дмитрий Толстой!!! Что Игнатьев уволен, пробыв ровно год

министром и в большой милости, тому нечего удивляться; но такого преемника ему никто, конечно, не ожидал. Назначение это не только странно, оно чудовищно. По всем вероятиям, это опять кунштюк Каткова и Победоносцева; главный мотив их – наложить строгую узду на печать, враждебную Каткову и компании. Граф Дмитрий Толстой сделался ненавистным для всей России, притом он – олицетворенная неспособность; справиться с таким обширным министерством, каково Министерство внутренних дел, и при настоящих обстоятельствах он, конечно, не в силах, даже и под руководством Каткова.

10 июня. Четверг. Генерал Ванновский прислал мне литографированный экземпляр представленного им краткого отчета (или всеподданнейшего доклада) за прошедший 1881 год. В отчете этом не отделены действия Военного министерства за первые пять месяцев, то есть за время моего управления, от действий за последующие семь месяцев управления моего преемника. Весь отчет не отличается от моих отчетов за все предшествующие двадцать лет ни по форме и порядку изложения, ни даже по слогу, так что, очевидно, редакция принадлежит той же руке, которая под моим руководством исполняла эту работу за последние годы (генерал-майор Лобко, заменивший генерал-майора Аничкова). Даже и по содержанию бóльшая часть отделов нового отчета составляет совершенно продолжение прежних отчетов: излагаются действия, начатые или исполненные за мое время, и предположения, имевшиеся в виду и при мне; заявляются надобности, о которых и я неоднократно повторял в своих отчетах.

Только в первых трех отделах, обнимающих собственно круг действий Главного штаба, и во вступительной статье заявляются новые виды и предположения, как бы в изменение прежних, и, к сожалению, тут-то во многом и не могу я разделять взгляд моего преемника. Многие из предположенных новых мер или изменений, как в устройстве и организации войск, так и в управлениях, кажутся мне нежелательными, напрасными, шагом назад. Однако же и в этой части отчета оказывается, что предполагаемые изменения в войсках и управлениях далеко не представляют такой радикальной ломки, о какой была речь первоначально. Система военных округов сохраняется с незначительным только изменением, притом весьма неудачным, в установлении прав главного начальника округа в отношении к расположенным в округе полевым войскам, и с пустою оговоркой о том, что со временем имеется в виду согласовать военно-окружную систему с корпусной, по образцу прусскому. Оговорку эту я считаю пустою потому, что никакого согласования тут быть

не может.

В устройстве же Военного министерства высказываются предположения, которых я решительно не одобряю.

Главный штаб опять рассекается на две части: управление Генерального штаба и инспекторскую часть, с восстановлением и прежних нелепых званий генерал-квартирмейстера и дежурного генерала. Из ведения военного министра изымаются дела по личным вопросам о назначениях на высшие (генеральские) должности: по делам этим докладчиком государя будет заведующий Императорскою главною квартирой, в подражание прусскому образцу. Нововведение это я нахожу нелепым и несообразным.

Еще предполагается учредить главное военно-санитарное управление, взамен теперешнего военно-медицинского и главного военно-госпитального комитета. Против этого предположения я не стану возражать, тем более что ту же самую мысль и я имел; даже не раз возбуждал вопрос о таком учреждении, в котором сосредоточивались бы дела по устройству и заведованию всей госпитальной и лазаретной частью, но всякий раз встречал оппозицию со стороны врачебного персонала, который, естественно, опасался утратить обособленность специального медицинского ведомства. Однако же эта мысль была уже проведена мною в начатой при мне работе по переделке положения о полевом управлении в армии. Если же соединение в одном отдельном управлении госпитальной и медицинской части было бы введено в план организации полевого управления армии в военное время, то естественно было бы потом применить ту же мысль и к организации центрального управления, то есть в министерстве.

Но что более всего бросается в глаза в отчете генерала Ванновского за 1881 год, это противоречие между выраженною во вступительной статье основною целью его – сократить военную смету, достигнуть всевозможных сбережений в облегчение государственного казначейства, и всем последующим изложением всех отделов отчета, в которых заявляется о целом ряде неотложных нужд военного ведомства, требующих весьма крупных добавочных денежных средств и чрезвычайных ассигнований. Даже и за истекший год уже вытребованы из государственного казначейства такие значительные сверхсметные ассигнования, каких я не решился бы требовать [при настоящих воплях о расстройстве наших финансов].

Говорю это вовсе не в виде осуждения; напротив, я остаюсь и теперь в полном убеждении, что без весьма значительных денежных средств нет возможности достигнуть надлежащего

обеспечения внешней безопасности России, ввиду колоссальных вооружений наших соседей; но если убеждение это разделяет и мой преемник, как видно из представленного им отчета, то зачем же отзываться критически о военном бюджете прежних лет и обещать в будущем сбережения и сокращения в расходах. Тут явное противоречие: указывается цель и в то же время дорога в противоположную сторону. Тут явно нет ни логики, ни искренности.

12 июня. Суббота. Ездил в Орианду повидаться с великим князем Константином Николаевичем; просидел у него более двух часов, которые пролетели незаметно в откровенной беседе, разумеется, преимущественно о полученных известиях из Петербурга. Относительно назначения графа Толстого на место графа Игнатьева мы не сходимся во взглядах. Великий князь, всегда покровительствовавший графу Толстому и давший ему ход в службе, ожидает как будто полезных для дела результатов от твердости характера и самостоятельности нового министра внутренних дел, в противоположность «шатанию» графа Игнатьева вследствие известной его изворотливости и лживости. Почти в том же смысле высказывается и Головнин в своем письме ко мне, привезенном новым адъютантом великого князя Литвиновым.

Я же высказал его высочеству свое откровенное мнение о графе Толстом: «правдивым» я не могу его признать после всей той фальши и умышленного извращения фактов, которые он имел привычку использовать в своей страстной борьбе как по вопросу о классическом и реальном образовании, так и по другим вопросам, по которым мне случалось быть с ним в антагонизме. Что же касается твердости характера, то качество это иногда трудно разграничить с упрямством, да и во всяком случае это такого рода качество, которое может иметь и благотворное, и весьма вредное приложение к делу, смотря по тому, в какую сторону направлена деятельность человека.

Твердость же и самостоятельность графа Толстого доселе выказывались только в том, что он с упрямством и даже злостью настойчиво шел по дороге, указанной Катковым. Если ныне и в звании министра внутренних дел пойдет он по тому же катковскому указанию, то едва ли можно будет радоваться его твердости характера и едва ли в его образе действий можно будет видеть благодетельную для России самостоятельность министра. Сам великий князь не отвергал, что граф Толстой всегда выказывал пренебрежение к общественному мнению и ставил себе в достоинство идти наперекор ему. Чего же можно ожидать хорошего от такого министра?

На возвратном пути из Орианды я заехал в Кореиз, к графине Тизенгаузен и к Абрамовой. У графини те же разговоры о графе Толстом, которого здесь не щадят, зато отстаивают свергнутого министра: граф Игнатьев в близком родстве с графиней Тизенгаузен по жене. Возвратившись домой уже вечером, я нашел тут Горбунова, только что возвратившегося из Петербурга для сдачи своей должности новому управляющему Ливадией. Бедный Горбунов лишился места и остается без средств существования благодаря подлой интриге. Рассказы его обо всей этой проделке с ним, о порядке дел в теперешнем Министерстве двора истинно возмутительны. Несмотря на сильную поддержку генерала Рихтера и многих других высокопоставленных лиц, вся честная и усердная служба Горбунова запятнана легкомысленными и несправедливыми обвинениями, клеветами и подозрениями. Представленные им оправдания или объяснения, хотя и признаны удовлетворительными, не могут, однако же, поправить предрешенного над ним заочно приговора. Пожалуй, и тут найдут образец твердого характера в лице графа Воронцова-Дашкова, который, дав водить себя за нос всяким прощелыгам (извиняюсь в выражении) и раз поддавшись гнусной их интриге, настаивает с упрямством на своем несправедливом решении участи честного и усердного труженика.

18 июня. Пятница. Неожиданное посещение Галахова, который привез в Крым больного сына. Отобедав у меня в Симеизе, они оба, отец и сын, отправились посоветоваться с доктором Кошлаковым, который поселился в соседнем с нами имении Мальцова.

26 июня. Суббота. Ездил я в Орианду к великому князю Константину Николаевичу. Ничего нового от него не слышал.

Вчера вечером получил телеграмму из Москвы от бывшего моего адъютанта Лярского о внезапной смерти генерала Скобелева. По всем вероятиям, он приезжал в Москву по случаю выставки. По последним же газетным сведениям, он был в Вильне и исправлял должность командующего войсками округа за отсутствием генерала Тотлебена. Можно пожалеть о преждевременной смерти Скобелева: он был еще молод, кипел жаждой деятельности и честолюбием, обладал, несомненно, блистательными боевыми качествами, хотя и нельзя сочувствовать ему как человеку. У него честолюбие преобладало над всеми прочими свойствами ума и сердца настолько, что для достижения своих честолюбивых целей он считал все средства и пути позволительными, в чем признавался сам с некоторым цинизмом.

Любопытно мнение, высказанное покойным Константином

Петровичем Кауфманом в 1870 году, в письме ко мне от 30 сентября, в ответ на мой вопрос о качествах Скобелева, который в то время был еще ротмистром, только что кончил курс в Академии Генерального штаба и состоял в распоряжении командующего войсками Туркестанского округа. Кауфман писал мне: «Скобелев весьма исполнителен и усерден; берется за дело с увлечением, энергически, но не в такой же степени „преследователен“. Призвание его – полевая служба в войсках: он имеет много данных к успеху в этом роде деятельности; в административной же должности едва ли долго выдержит. Вообще, человек способный, но не довольно еще аккуратен. Непомерное честолюбие, желание выскочить, отличиться от других побуждают его смотреть снисходительно на средства.

Он подорвал доверие мое к нему неправдою, которой даже похваляется. Товарищи ненавидят его; у него одна история за другою, и в историях этих он был неправ. Про него распустили слух, что он трус; но это неправда. Последствием этого слуха было то, что Скобелев выдержал дуэль с двумя офицерами, одну за другою, и готов был продолжать с другими, если б не был остановлен».

Характеристика эта впоследствии выказалась довольно верной. Скобелев тогда же, в октябре 1870 года, узнав о начавшейся войне между Пруссией и Францией, рвался принять в ней участие и уехал из Туркестанского края. Я был тогда атакован со всех сторон: и матерью Скобелева, и сестрой ее графиней Адлерберг, и самим графом Александром Владимировичем, просившими о командировании пылкого ротмистра в прусскую армию. Но ходатайства эти не могли быть удовлетворены; Скобелев возвратился в Туркестанский край, где оказал многие отличия, получал одну награду за другой до тех пор, пока не свернул ему шею флигель-адъютант князь Долгорукий, командированный в Ташкент по особому высочайшему повелению в I876 году и привезший оттуда рассказы о предосудительном поведении Скобелева. Князь Долгорукий, брат будущей княгини Юрьевской, пользовался особенным покровительством государя.

Скобелев, занимавший уже в то время пост начальника Ферганской области в чине генерал-майора Свиты е. в., был смещен с должности, вызван в Петербург и попал в такую немилость, что в начале войны 1877 года не смел даже показываться государю и скромно состоял вместе со своим отцом при штабе главнокомандующего армией. Кампания 1877 года быстро выдвинула его вперед: начав ее с небольшим казачьим отрядом, Скобелев кончил в 1878 году в звании корпусного командира, в чине генерал-лейтенанта и с Георгием 2-й степени.

Экспедиция Ахалтекинская 1880–1881 годов, закончившаяся блистательно штурмом Геок-Тепе, еще белее возвысила боевую славу Скобелева.

Тем не менее новый император, выказывавший особенное нерасположение к Скобелеву, принял холодно возвратившегося победителя текинцев. Роль корпусного командира в мирное время и жизнь в захолустье (в Могилеве) мало удовлетворяли воинственные инстинкты Скобелева. Я убежден, что он искал выхода из этого несвойственного его характеру и честолюбию положения; по всем вероятиям, ему хотелось чем-нибудь обратить на себя благосклонное внимание императора, и вот чем я объясняю себе последние странные его выходки – речи в Петербурге и Париже, поднявшие такую тревогу в Германии и во всей Европе. Быть может, однако же, в известной доле следует приписать эти эксцентрические выходки влиянию неумеренных вакханалий, которым он сильно предавался и которые, по всем вероятиям, ускорили его смерть. В полученной вчера телеграмме сказано, что он умер от разрыва сердца.

10 июля. Суббота. Газеты наполнены почти исключительно тремя предметами: египетскими делами (которые сильно усложняются благодаря нерешительности и колебаниям европейской дипломатии), почестями покойному Скобелеву и страшной катастрофой на Московско-Курской железной дороге. Скобелеву воздают почести царские, считают его смерть чуть не народным бедствием; панегиристы ставят его наравне с Цезарем, Наполеоном, Суворовым, одним словом, увлечение полное. Это уже известная черта нашего характера: русский человек всегда любит хватить через край. А в то же время в публике шепчут на ухо, что ведь, в сущности, покойник был вовсе не идеальная личность; что самая смерть его в публичном доме, после оргии, есть факт мало назидательный. Почитатели Скобелева хранят этот факт в глубокой тайне.

Из-за катастрофы с поездом близ Черни все отзываются с ужасом и негодованием на управление Московско-Курской железной дороги. Пишут, что правлению ее было давно известно ненадежное состояние Кукуевской насыпи, под которой проведена труба для пропуска воды, накопляющейся в широком овраге или ложбине. Труба оказалась недостаточною для пропуска воды и была повреждена, а вследствие того, под влиянием случившегося в ночь на 30 июня сильного ливня, вся насыпь осела и глинистое ее полотно начало ползти, обратилось в какую-то полужидкую грязь, в которой и были погребены 6 или 7 вагонов поезда с сидевшими в них пассажирами. Страшная смерть быть заживо погребенными в тине! Число погибших еще

не приведено в известность: по одним расчетам – около 60, по другим – до 170… [После катастрофы правление дороги показывает столь же мало заботливости и распорядительности, как и прежде.]

Сегодня же узнали мы о страшном преступлении, совершенном на нашем Южном берегу, в шести верстах от Ялты, близ Магарача. В ночь на 9 июля семейство Сабининых, жившее особняком, зверски умерщвлено, и дом сожжен. Одна из сестер Сабининых, Марфа, проживающая отдельно от семьи вместе с баронессою Марией Петровной Фредерикс (бывшей некогда любимой фрейлиной императриц Александры Федоровны и потом Марии Александровны), в устроенной ими обеими общине для вспомоществования бедным больным, в расстоянии какой-нибудь полуверсты от собственного дома Сабининых, прибежала на место совершившегося преступления, когда всё было уже кончено. Она нашла еще в живых одну из сестер, но обгорелую, изуродованную и с веревкой на шее. Уцелела еще одна сестра, Мария, уехавшая недавно в Харьков. Небывалое в здешней стороне преступление произвело страшное впечатление в населении; толков много; догадкам разного рода нет конца. Кто предполагает просто преступление разбойничье, грабеж; кто – мщение и ненависть к семье Сабининых. Надобно выждать, что покажет следствие.

16 июля. Пятница. Сегодня ездил в Ялту и оттуда в общину баронессы Фредерикс и Марфы Сабининой. Нашел у них и сестру Марию Сабинину, приехавшую из Харькова. Третья сестра, Александра, найденная еще живою на пожарище, прожила всего 3 дня в страшных страданиях и вчера похоронена. Видел я и самое пепелище; наслушался много рассказов о подробностях преступления. Каждый день на месте происходят допросы чинами прокурорского надзора, в присутствии самого губернатора Всеволожского, прискакавшего из Симферополя немедленно по получении телеграммы о преступлении 9-го числа.

Полиция вся на ногах: в одно время со мной приехали в Джемьету множество разных лиц судебного ведомства и полиции. Но там не узнал я никаких новых положительных данных, по которым можно было бы напасть на след преступников. По возвращении же оттуда в Ялту я заехал в Эдинбургскую гостиницу, чтоб отдать визит губернатору; застал у него одного из лиц судебного ведомства – Анастасьева, соседа Сабининых, и услышал самые неожиданные сведения, которые дают совершенно новый оборот всему делу, если только приводимые факты подтвердятся на следствии. Возникает будто бы страшное подозрение на ту из уцелевших сестер Сабининых, Марию,

которая была в отсутствии, в Харькове, да еще на одну темную личность, некоего Пелисье, проживавшего по временам у своего брата, управителя имения, того именно Анастасьева, которого я застал у Всеволожского.

Я изумился, услышав такое предположение; чтобы женщина решилась так зверски погубить мать и сестер и сжечь их дом только из-за того, чтобы выместить какую-то на них злобу и воспользоваться ничтожным наследством! Просто невероятно. Однако же губернатор приводит некоторые поразительные факты в подтверждение подозрения и сам до того убежден в действительности предположения, что надеется сегодня же положительно констатировать виновность сестры Марии Сабининой и названного выше орудия ее – Пелисье.

Всеволожский уговаривал меня остаться на несколько часов в Ялте, чтоб узнать о результате предстоящего сегодня допроса. Однако же я не мог и не желал терять времени, а на возвратном пути из Ялты домой заехал в Ливадию к Горбунову и преемнику его, подполковнику Плецу, а потом в Кореиз к графине Тизенгаузен. И тут и там, конечно, один только разговор – о деле Сабининых.

17 июля. Суббота. Сегодня весь вечер провели у нас в Симеизе губернатор Всеволожский и его жена; они уехали после ужина при свете полной луны. Ночь была великолепная. Разговор, конечно, более всего вращался около сабининского трагического происшествия; но до сих пор расследование не привело еще к положительным результатам.

28 июля. Среда. Прочел в «Инвалиде» приказ по военному ведомству о переименовании военных гимназий в кадетские корпуса. Хотя с первого взгляда кажется, что перемена названия не имеет никакого существенного значения, однако же в моих глазах это переименование есть не только первый шаг к замышляемой ломке, но и само по себе может служить признаком взглядов, господствующих ныне в высших сферах. В самом приказе переименование это мотивировано желанием сохранить память о прежних кадетских корпусах, оказавших вековые заслуги и давших России столько доблестных питомцев. Стало быть, как бы выражается сожаление об упразднении этих заведений и позабывается всё то, что заставило двадцать лет тому назад коренным образом преобразовать их. Притом прямо высказано, что новые кадетские корпуса руководствуются существующими для военных гимназий положениями «впредь до изменения их законодательным порядком». Это уже ясно и положительно.

Переименование, во всяком случае, будет приятно Каткову; быть может, даже оно и внушено им: он добился того, чтобы

священное в его глазах название «гимназия» не было прилагаемо к ненавистному для него учебному заведению чисто реального характера. Всего же прискорбнее видеть и в этом частном и, по-видимому, несущественном распоряжении общее стремление к отмене всех реформ предшествующего царствования.

13 августа. Пятница. Ездил я в Орианду и провел около часа в беседе с великим князем Константином Николаевичем. Говорили более всего о прискорбном направлении нынешнего правительства нашего, поставившего себе задачей во что бы ни стало отменять и переделывать всё наповал, что только было совершено в прошлое царствование. Великий князь также порицает переименование военных гимназий в кадетские корпуса. По этому предмету появились уже многие статьи в газетах: есть, конечно, такие, которые восхваляют прежние кадетские корпуса и одобряют настоящее распоряжение; но в изданиях более независимых довольно откровенно напоминается о том, какую славу имели корпуса и почему решено было 20 лет тому назад их преобразовать. К сожалению, новые поколения не справляются с опытом предшествующих поколений и воображают, что улучшают современное, возвращаясь к старому, уже отжившему и признанному в свое время негодным.

Николай Николаевич Обручев в длинном письме сообщает мне о некоторых работах, ныне готовящихся в Главном штабе. К сожалению, из всех этих работ я не могу ничего одобрить. Переформирование кавалерии имеет главною целью привести полки в 6-эскадронный состав. Против этого я ничего бы не возражал, тем более что всегда сознавал недостаточность у нас конницы сравнительно с другими армиями. Если я ничего не предпринимал для увеличения численности нашей кавалерии (за исключением разных мер, принятых в видах улучшения казачьей нашей конницы), то потому именно, что не видел возможности увеличить бюджет Военного министерства, на который и без того уже так сильно вопили.

Теперь же задумали достигнуть усиления кавалерии, не прибавляя ни копейки к расходам на ее содержание! И вот как решается эта неразрешимая задача, эта квадратура круга: нынешние запасные эскадроны присоединяются к действующим полкам, которые затем рассекаются на 6 эскадронов в каждом, с уменьшением состава их до 12 рядов и без прибавки офицеров; обязанности же запасных эскадронов возлагаются на нынешние ремонтные команды! Не есть ли это фокус, обман самих себя? Конечно, полки не останутся в 12-рядном составе; через год или два будет, несомненно, заявлена необходимость довести их снова до 16-рядного состава, и тогда потребуют на это новые суммы.

Точно так же докажут, что нельзя обойтись ни настоящим числом офицеров в полках, ни составом ремонтных команд для исполнения возлагаемых на них обязанностей. Но какое кому дело, что будет через год или два; лишь бы теперь вывернуться.

И с предположенным переформированием кавалерийских полков все-таки у нас будет недостаточно кавалерии, а между тем в числе мер к получению денежных средств на переформирование решено упразднить Башкирский полк, который был так устроен, что в случае войны давал возможность быстро сформировать целую дивизию легкой полурегулярной кавалерии. С упразднением запасных эскадронов мы лишаемся и возможности формировать в военное время резервные полки.

Другая работа, о которой пишет мне Обручев и которую еще менее могу я одобрить, – хотят опять разделить Главный штаб на два отдельных управления: Генерального штаба и инспекторское; [чуть ли не даже намерены] восстановить прежние нелепые названия генерал-квартирмейстера и дежурного генерала. Какая надобность в этой ломке? И можно ли чем-либо оправдать возвращение к старому, 20 лет тому назад похороненному?

7 сентября. Среда. Почти целый месяц не открывал своего дневника. Время бежало незаметно, без всяких выдающихся случаев в моей однообразной деревенской жизни. Однообразие это нарушалось только посещениями некоторых гостей, с которыми приходилось проводить целые дни. Кроме гостившего у нас младшего сына графа Гейдена и приехавшей на время племянницы моей Мордвиновой, навестили нас в течение этого месяца Николай Федорович Козлянинов со своей семьей, Анатолий Федорович Кони, князь Юрий Оболенский с женой, кореизские соседки наши: графиня Тизенгаузен с баронессой Пиллар и графиня Сумарокова-Эльстон с младшей дочерью. Особенно приятно было свидеться с петербургским нашим приятелем Александром Ивановичем Лаврентьевым (редактором «Инвалида» и «Военного сборника»), который провел около месяца в своем имении за Ялтой. Он был у нас два раза с женой и сестрой; мы также навестили его в Наташине.

Сегодня же неожиданно приехал капитан 1-го ранга Рогуля, имя которого сделалось довольно известно в последнюю Турецкую войну по поводу действий наших моряков на Дунае. Он привез мне из Орианды несколько объемистых пакетов, присланных моим бесценным корреспондентом Головниным через адмирала Попова, который опять прискакал в Крым по случаю завтрашнего дня рождения великого князя Константина Николаевича. Капитан Рогуля теперь живет в своем именин под Бахчисараем без всяких служебных обязанностей, как и многие

другие моряки, считавшиеся на лучшем счету в прежнее время. Во флоте так же много недовольных настоящим порядком дел, как и во всех других ведомствах и родах службы. Присланные мне Головниным разные записки и вырезки из газет я не успел еще рассмотреть.

Вечером же сегодня посетил нас только что приехавший ближайший наш сосед Сергей Иванович Мальцов, такой же живой, кипятящийся, как и прежде, несмотря на его восьмой десяток лет.

8 сентября. Четверг. Бóльшую часть дня рождения великого князя Константина Николаевича провел я в Орианде. После обедни в Ливадийской церкви я в числе других собравшихся лиц был приглашен к завтраку. Кроме съехавшихся, по обыкновению, моряков (адмиралы Попов, Никонов, Пещуров и проч., и проч.), встретился я со многими из петербургских приезжих на осенний сезон в Ялту: князем Дмитрием Мирским, министром государственных имуществ Островским, новым товарищем (только что назначенным) министра народного просвещения князем Михаилом Волконским и другими. За завтраком сидел между хозяином и Островским.

Не стесняясь присутствием за столом многочисленных и самых разнородных гостей, великий князь заводил разговоры весьма щекотливые о современном ходе дел [и громко выражал свое неодобрение тем порядком, которым теперь решаются весьма серьезные законодательные меры по линии Государственного совета. В особенности его высочество восставал против новых правил о печати, проведенных графом Толстым через Комитет министров. Великий князь осуждал при этом недостаток *courage civique*[138] в министрах и отсутствие единства между ними.]

Мы с Островским старались свести речь на другие предметы; однако же и сам Островский сообщил нам при этом некоторые не лишенные интереса сведения о закулисных действиях в высшей правительственной среде. Между прочим рассказал он, что Игнатьев, представив государю записку о Земском соборе, настаивал на неотлагательном объявлении об этом новом учреждении в день 6 мая на том будто бы основании, что 6 же мая был открыт последний из бывших на Руси земских соборов; а к тому же и прошлогодний достопамятный циркуляр его, Игнатьева, по вступлении в должность министра внутренних дел был также помечен днем 6 мая.

Эти ребяческие соображения, как видно из рассказа Островского, не убедили государя в необходимости торопиться в таком важном деле; он решился собрать совещание для

обсуждения его. Тогда Игнатьев стал просить государя возвратить ему записку и не давать ей хода; однако же совещание состоялось, и неожиданно для самого Игнатьева поднятый им вопрос о Земском соборе предложен на обсуждение. Тут Игнатьев начал было вывертываться и хитрить до того, что государь два раза сказал ему, что он говорит теперь или говорил прежде *неправду* и что его собственные объяснения выказывают крайнее *легкомыслие*. По словам Островского, совещание это произвело на всех присутствовавших самое тяжелое впечатление; никогда еще ни один министр не попадал в такое жалкое, унизительное положение перед товарищами своими. Совещание это и решило окончательно удаление Игнатьева.

Сосед наш Мальцов – дядя Игнатьеву – до сих пор всегда восхищался своим племянником; но теперь и он восстал на него, признает, что он наделал много глупостей и ему не следовало вовсе принимать Министерство внутренних дел.

Новое назначение князя Волконского товарищем Делянова не обещает ничего хорошего. Они оба будут заодно послушными орудиями Каткова.

11 сентября. Суббота. Вчера утром приехал в свое имение Ай-Тодор великий князь Михаил Николаевич со всей своей семьей, за исключением лишь старшего сына Николая Михайловича, который держит экзамен для поступления в Академию Генерального штаба. Сегодня я был у их высочеств. Они приняли меня весьма любезно, удержали к завтраку; я провел у них незаметно в разговорах более трех часов. От них только я узнал о внезапной поездке государя с императрицею в Москву, откуда они должны сегодня же возвратиться в Петергоф. Поездка эта была предпринята совершенно внезапно, так что накануне еще никто не знал о намерении их величеств.

18 сентября. Суббота. Сегодня случайно съехались у меня великие князья Константин Николаевич и Михаил Николаевич; последний приехал с молодым великим князем Михаилом Михайловичем, а первый с адмиралом Поповым и Голенкой. Они застали у меня довольно оживленное общество: сын мой с адъютантом командуемого им Крымского дивизиона князем Тумановым и инженер-капитан Житков собирались уже уехать из Симеиза; дочь графини Сумароковой-Эльстон приехала провести день с моими дочерьми и осталась у нас ночевать. Великие князья были очень любезны и оставались часа два. Константин Николаевич, приехавший несколько позже, оставшись вдвоем со мною после отъезда Михаила Николаевича, передал мне некоторые сведения, вновь полученные им из Петербурга.

Вчера получил я при письме управляющего Императорской

главной квартирой генерал-адъютанта Рихтера картину, изображающую кабинет покойного императора. В письме сказано, что картина посылается мне по высочайшему повелению. Присылка эта весьма приятна мне: изображение кабинета покойного государя со всеми подробностями его обстановки оживляет в моей памяти воспоминание о ежедневных, в течение 20 лет, близких отношениях моих к покойному императору.

20 сентября. Понедельник. По приглашению великого князя Михаила Николаевича я сегодня завтракал у него в Ай-Тодоре, а на возвратном пути заехал к больной графине Тизенгаузен. Великий князь и великая княгиня были очень разговорчивы и любезны; пригласили меня и на следующие понедельники завтракать у них.

Вечером посетил меня адмирал Попов. Он передал мне приглашение от великого князя Константина Николаевича на завтрашний обед.

22 сентября. Среда. Вчера обедал я в Орианде у великого князя Константина Николаевича с великим князем Михаилом Николаевичем и всею его семьей. Обед начался в 7 часов вечера, а после обеда я должен был занимать великую княгиню беседою, пока остальное общество занялось картами, так что не было возможности уехать из Орианды ранее 10 часов. Ночь была темная, пасмурная; а потому я решился вместо возвращения в Симеиз переночевать в Ялте, в гостинице, и воспользоваться случаем, чтобы отдать визит старому моему товарищу Козлянинову и его семье. К тому же, на следующее утро, то есть сегодня, назначен был отъезд племянницы моей Мордвиновой на пароходе, отходящем в 8 часов утра в Севастополь. Проводив ее на пароход, я возвратился к обеду домой.

После тишины и спокойствия, к которым я привык в Симеизе, мне как-то странно очутиться вдруг среди суетливого движения и пестрой толпы Ялтинской набережной, особенно в час отправления парохода. Тут наталкиваешься на самые разнообразные личности, знакомые и полузнакомые; услышишь тысячу пустяков, которые впускаешь в одно ухо, чтобы выпустить в другое. Настоящий калейдоскоп. Не менее странно мне кажется снова попасть в общество царской семьи. Однако же я должен отдать справедливость обоим великим князьям Константину Николаевичу и Михаилу Николаевичу, так же как и великой княгине Ольге Федоровне; они держат себя так просто, благодушно, что с ними не чувствую я никакого принуждения или стеснения; в обществе их ничто не напоминает ненавистной придворной атмосферы.

Особенно великая княгиня, некогда не жаловавшая меня и не

отличающаяся добродушием, теперь чрезвычайно со мною любезна, разговорчива и откровенна. Припоминая прежние натянутые отношения мои к великим князьям и великим княгиням вообще, могу объяснить теперешнюю их благосклонность только разве тем, что они видят во мне человека, сошедшего окончательно со сцены, инвалида эпохи, канувшей в вечность. В глазах их я должен теперь представляться чем-то вроде старого, заброшенного портрета, напоминающего прошлое время.

Газеты и письма наполнены известиями о пребывании государя и императрицы в Москве, где, как пишут, внезапный приезд их произвел необычайный энтузиазм. Из частных же писем видно, что во время пребывания их величеств в Москве были приняты и необычайные меры для охранения их: пишут и говорят, будто набрано было до 12 тысяч человек, долженствовавших изображать собою восторженную толпу везде на пути царственной четы.

27 сентября. Понедельник. Вчера великий князь Михаил Николаевич с великой княгиней Ольгой Федоровной, катаясь перед обедом, заехали в Симеиз, чтобы напомнить мне о приглашении своем на понедельники к их завтраку. Сегодня я приехал к ним несколько ранее назначенного часа; великая княгиня, немедленно приняв меня, предложила мне прочесть у нее же в кабинете только что полученную ею брошюру на французском языке, напечатанную в Баден-Бадене в виде ответа на вышедшую несколько времени тому назад книжку под заглавием «Les dernières heures de l'Empereur Alexandre II», par Laferté. Книжка эта, написанная чуть ли не под диктовку княгини Юрьевской с целью прославления ее, возбудила справедливое негодование в неизвестном авторе означенной брошюры. Предполагают, что она написана князем Александром Васильчиковым. (Впоследствии оказалось, что настоящий автор брошюры – графиня Александра Андреевна Толстая.) Она состоит всего из 15 страниц, но написана бойко и сильно.

После завтрака я провел около часа с великим князем в беседе о разных предметах. Между прочим говорили мы о так называемой охранной дружине, в голове которой, как говорят, стоят великий князь Владимир Александрович и граф Воронцов-Дашков. Я откровенно высказал свое несочувствие к подобному «секретному» обществу, противному даже нашим основным законам. Великий князь, соглашаясь со мною в принципе, старался, однако же, оправдать эту странную меру высокою ее целью, на что я возразил, что хорошая цель не оправдывает дурного средства.

Говорили мы также о некоторых других возбужденных в последнее время вопросах, о странном способе ведения дел и неопределенности направления в деятельности правительственной. Я не стеснялся высказывать мои мнения со всею откровенностью и не встречал возражений со стороны моего собеседника.

28 сентября. Вторник. Получил по телеграфу печальное известие о кончине моего доброго друга Александра Алексеевича Баранцова. Он умер вчера вечером от отека легких. Хотя можно было давно уже ожидать его кончины, однако же известие это глубоко огорчает меня. Я лишаюсь одного из немногих друзей, с которым был на товарищеской ноге с самого поступления на службу и которого истинно любил и уважал. Это был человек с редким сердцем, деятельный, горячо преданный своему служебному долгу и крайне впечатлительный. Он не мог равнодушно перенести удаления своего от управления возлюбленной артиллерией. С того времени он впал в хандру и ослабел физически, так что едва мог ходить. Все письма, полученные мною от него в течение года, дышат какою-то безнадежною грустью.

Великий князь Михаил Николаевич известил меня, что завтра утром будет панихида по нашем общем друге. Баранцов был искренно и душевно предан его высочеству.

29 сентября. Среда. В маленькой домовой церкви в имении великого князя Михаила Николаевича совершена была панихида по нашем добром Александре Алексеевиче Баранцове. Кроме семейства великого князя присутствовали только генерал-майор Петерс, адъютант Баранов и я. По окончании панихиды его высочество пригласил меня остаться к завтраку, а потом завязалась довольно продолжительная беседа. Великий князь расспрашивал меня о некоторых подробностях нашей политики перед последнею войной, во время ее и по окончании, то есть по поводу Берлинского конгресса. Многое из рассказанного мною было совершенно неизвестно его высочеству.

4 октября. Понедельник. Приехав сегодня в Ай-Тодор, я неожиданно очутился в многочисленном обществе, съехавшемся по случаю дня рождения великого князя Михаила Михайловича. Кроме великого князя Константина Николаевича, приехавшего со своим адъютантом, баронессы Фредерикс и протоиерея Базарова (проживающего временно в [селении] Никита у своего сына, директора этого заведения[139]), прибыли из Севастополя и Симферополя корпусный командир генерал Аллер, начальник дивизии генерал-адъютант барон Корф, начальник корпусной артиллерии генерал-лейтенант Филимонов и депутация от

Брестского пехотного полка, шефом которого состоит великий князь Михаил Михайлович.

По окончании обедни все присутствующие были приглашены к завтраку, после которого гости курящие собрались в кабинете великого князя, а я перешел в кабинет великой княгини с великим князем Константином Николаевичем и баронессой Марией Петровной Фредерикс. Завязался довольно занимательный разговор. Великие князья откровенно высказывали свои мнения о настоящем ненормальном положении дел, о стремлении к ломке всего существующего в нашем государственном устройстве – не для улучшения и исправления, а чтобы возвратиться к прежним, уже испытанным порядкам, давно признанным несостоятельными. Молодое поколение в императорской фамилии представляет совершенную противоположность предшествующим поколениям: насколько последние отличались привязанностью к традициям и привычкам прежнего времени, напоминавшего их собственную молодость, настолько же новое поколение с каким-то озлоблением вспоминает обо всей обстановке, среди которой оно выросло. Отсюда безотчетное желание переиначить всё существующее, хотя бы для того только, чтобы возвратиться к существовавшему когда-то и уже забытому.

Странное это явление объясняется самым воспитанием, данным нынешнему государю, так же как и великим князьям Владимиру Александровичу и Алексею Александровичу, которые сохранили о годах своей юности впечатления самые тяжелые и безотрадные. Все заботы, вся нежность родительская были сосредоточены на первородном наследнике престола великом князе Николае Александровиче, преждевременная смерть которого была великою, невознаградимою потерею для России.

На возвратном пути из Ай-Тодора я заехал к почтенной старушке графине Тизенгаузен и к баронессе Пиллар, всё еще больной вследствие повреждения ноги.

11 октября. Понедельник. Опять ездил в Ай-Тодор к великому князю Михаилу Николаевичу. После завтрака он читал мне письмо, полученное им от генерал-лейтенанта Павлова, начальника штаба Кавказского военного округа. Павлов изображает самую печальную картину теперешнего положения дел в крае и представляет образ действий князя Дондукова-Корсакова в неприглядном виде. Великий князь также сообщил мне полученное им из Петербурга сведение о сделанном по военному ведомству распоряжении изъять полевую артиллерию из заведования начальника артиллерии округа. Странное распоряжение это сделано вопреки мнению его высочества

генерал-фельдцейхмейстера. Вообще, у великого князя, при всей его сдержанности, все-таки просвечивает неудовольствие теперешним ходом дел в Петербурге.

13 октября. Среда. Опять ездил в Ай-Тодор по случаю дня рождения великого князя Михаила Николаевича. Сегодня ему минуло 50 лет и столько же со времени назначения его шефом лейб-гвардии конно-гренадерского и гренадерского Таврического полков и зачисления в лейб-гвардии Преображенский полк и Гвардейскую конную артиллерию. От названных полков и артиллерии прибыли депутации. Великий князь принимал их перед обедней, а после обедни все съехавшиеся гости приглашены были к завтраку.

14 октября. Четверг. Сегодня посетил меня великий князь Михаил Николаевич со старшим из находящихся здесь сыновей Михаилом Михайловичем. Не могу достаточно нахвалиться его обхождением и любезностью. Вечером ездил я в Кореиз проститься с графиней Тизенгаузен и Ниной Карловной Пиллар, которые уезжают в субботу вместе с великим князем и его семейством. Добрая старушка с грустью расстается с Крымом, предчувствуя, что, по всем вероятиям, уже не доживет до будущей весны.

16 октября. Суббота. Утром ездил в последний раз в Ай-Тодор проститься с великим князем Михаилом Николаевичем и великою княгиней Ольгой Федоровной, перед самым отъездом их. Пароход «Эльбрус» ожидал их в Ялте и прошел мимо Симеиза около часа пополудни. Их высочества распростились со мной очень радушно и оставили во мне самое приятное впечатление.

В разговоре нашем зашла речь о положении великого князя Константина Николаевича, о раздраженном его настроении в отношении государя. Великий князь Михаил Николаевич, как мне показалось, несколько обвинял своего брата в том, что он относился к своему племяннику от самого малолетства его и почти до воцарения «как к мальчишке». Когда я сказал, что это все-таки не оправдывает бесцеремонного устранения великого князя Константина Николаевича от всех должностей, великий князь Михаил Николаевич заметил, что и тут Константин Николаевич с каким-то странным упорством сам настаивал на том, чтобы быть не уволенным по собственной инициативе, а, по его собственному выражению, «прогнанным». Великий князь Михаил Николаевич выражал свое прискорбие о том, что старший из членов царской семьи сам себя поставил в положение «изгнанника».

Не принимая на себя оправдывать в чем-либо великого князя Константина Николаевича, я, однако же, не мог не заметить, что

его настоящее положение действительно тягостно и прискорбно, но выйти из этого положения зависит уже не от него.

После обеда, когда я с приехавшим ко мне графом Ностицем занят был выбором *point-de-vue*[140] для фотографического снятия видов нашего жилья, приехал ко мне великий князь Константин Николаевич, чтобы проститься перед отъездом его из Крыма, назначенным в будущую среду. От него узнал я, что в Петербурге опять были студенческие волнения по случаю происходившего на днях торжественного открытия построенного Поляковым дома для общежития студентов, названного «Коллегией императора Александра II». Большинство студентов восстало против тех немногих товарищей, которые участвовали в поднесении Полякову благодарственного адреса. Впрочем, этот адрес, так же как и произнесенная Деляновым по тому же случаю речь, показались мне до такой степени неуместными, даже неприличными, что по прочтении их в газетах я тогда же предсказал неудачу задуманного дела, хотя по существу весьма полезного.

Великий князь Константин Николаевич из разговоров со своим братом Михаилом Николаевичем вынес то впечатление, что он хотя и признает ненормальность настоящего положения дел в высших сферах, старается, однако же, так сказать, приводить «обстоятельства облегчающие», *atténuer*[141], ослабить строгость суждений о правительственных мерах последнего времени. Даже относительно пресловутой охранной дружины он находит побуждение похвальное. Таков уже вообще его характер. В этом отношении, так же как и во многом другом, два брата вовсе не схожи между собою.

Приехавший из Петербурга камердинер великого князя Константина Николаевича привез мне целую кипу любопытных писем, газетных вырезок и записок от Головнина, Грота, Кавелина и Семенова. В них сообщается многое, о чем немыслимо было бы писать по почте. В особенности любопытно длинное письмо Кавелина. Получил я также от графа Эдуарда Трофимовича Баранова печатные записки о результате трудов председательствуемой им комиссии по исследованию железнодорожного дела при письме, в котором просит о доставлении ему моих замечаний и мнений.

18 октября. Понедельник. Ездил я в Орианду проститься с великим князем Константином Николаевичем, который отправляется в будущую среду прямо в Одессу и оттуда в Италию, где проведет зиму с сыном своим Константином. Более часа провел я с великим князем в самой занимательной беседе о настоящем положении дел, о семейных его отношениях, о плане

путешествия и проч., и проч. Прощание наше было самое задушевное.

4 ноября. Четверг. Сегодня утром уехала из Симеиза жена с двумя младшими дочерьми Надей и Марусей; они едут через Москву в Оренбург навестить младшую замужнюю дочь Гершельман по случаю предстоящих ее родов. Симеизский наш дом опустел; я остался вдвоем с Олей. Под вечер посетил нас Данилевский, Николай Яковлевич, который остался переночевать.

17 ноября. Среда. Получил приятную телеграмму из Оренбурга о благополучном разрешении младшей дочери моей Гершельман [дочерью. Как камень свалился с плеч.]

28 ноября. Воскресенье. Сегодня годовщина памятного для нас дня взятия Плевны. По этому случаю я обменялся телеграммами с графом Адлербергом, который всякий год напоминает мне о данном мною в шутку обещании выкурить в этот день папиросу. Сегодня же Академия Генерального штаба празднует свой 50-летний юбилей. Я поздравил Академию телеграммой и, в свою очередь, получил телеграммы из Харькова и Оренбурга от прежних сотоварищей по Генеральному штабу. Во главе подписавших эти телеграммы стоят генерал-адъютант Радецкий, командующий войсками Харьковского округа, и генерал-лейтенант Астафьев, военный губернатор оренбургский и атаман Оренбургского казачьего войска.

Теперь я редко раскрываю свой дневник, что вполне естественно при моем уединенном и однообразном образе жизни. Почти никого не вижу из посторонних и бóльшую часть времени провожу с рабочими по случаю исправлений и перестроек в доме. От семьи из Оренбурга получаю известия вполне успокоительные.

29 ноября. Понедельник. В дополнение к полученным вчера двум телеграммам по случаю юбилея Академии Генерального штаба сегодня получил я еще целый ряд самых сочувственных приветствий от сотоварищей моих по Генеральному штабу, из которых некоторые были моими учениками в Академии, а другие – в близких со мною служебных отношениях. Наиболее выдающаяся телеграмма – из Петербурга, от Конференции Академии и наличных офицеров Генерального штаба, всего в числе 117 подписей; другие – из Вильны, Киева, Одессы, Тифлиса, Чернигова. Истинно отрадны мне эти, с разных углов России приходящие заявления внимания и сочувствия к человеку отжившему, сошедшему со сцены, перед которым, стало быть, никто уже не имеет нужды заискивать. Это лучшее утешение в старости, среди стольких грустных разочарований.

6 декабря. Понедельник. Печальный день: утром получил из Оренбурга телеграмму о неожиданной смерти моей младшей

дочери, дорогой Лели. Не могу объяснить себе причину такого внезапного оборота в ее здоровье на двадцатый день после благополучных родов. Последние известия, в письме от 26-го числа, были совершенно благоприятные. Чем неожиданнее удар, тем он тяжелее. Из всех дочерей моих она была самая здоровая и вместе с тем самая счастливая: она была вполне довольна своим семейным положением, нежно любила мужа и была им любима; во всех отношениях это было прелестное существо. И вот ее уж нет! [Нет сил даже отдать самому себе отчет в удручающих чувствах тяжкого горя.]

7 декабря. Вторник. Утром была заупокойная обедня и панихида в церкви Алупки.

23 декабря. Четверг. Как будто мало одного горя. Надо же было, на беду, чтобы в одно время с кончиной одной дочери другая схватила оспу. 9-го числа жена уведомила по телеграфу, что по причине серьезной болезни Маруси отложена до ее выздоровления перевозка тела покойной Лели в Москву, где предположено похоронить ее в Новодевичьем монастыре, близ могил моей матери, брата Николая и других младших моих братьев, умерших в малолетстве. Последующие известия о ходе болезни Маруси были довольно успокоительные; но вдруг сегодня вечером – телеграмма из Оренбурга с новым горестным известием: жена также захворала и лежит уже третий день в постели. Боюсь, чтобы эта болезнь не сделалась серьезной. Заболевшую оспой Марусю отделили от сестры, но жена поместилась с больною и ходила за ней. Страшно подумать, что она могла также заразиться оспой, несмотря на то, что ей (и Наде) в это самое время была сделана операция оспопрививания. Не знаю даже – благоразумно ли было это оспопрививание в то время? Во всяком случае, сегодняшняя телеграмма была страшным для меня ударом. Не буду спокоен до получения новых известий.

27 декабря. Понедельник. В самое Рождество был я обрадован двумя успокоительными телеграммами из Оренбурга насчет болезни жены; как будто тяжелый камень спал с плеч. Но недолго длилось мое душевное успокоение. Сегодня утром новая, удручающая телеграмма из Оренбурга: оказывается, у жены воспаление легких; Федя Гершельман и Надя зовут меня в Оренбург; значит, положение серьезное. Сердце обливается кровью. Завтра же еду с Ольгой в Оренбург.

На этой печальной странице заканчиваю свой дневник 1882 года.

Аннотированный указатель

Абаза Александр Аггеевич (1821–1895), действ. тайн. сов., министр финансов (1880–1881), член Государственного совета.

Абдул-Гамид (1842–1918), турецкий султан.

Абдурахман Автобачи, сановник Кокандского ханства, один из руководителей Кокандского восстания (1873–1876).

Авинов Федор Александрович (1835–1903), полковник.

Адлерберг Александр Владимирович (1819–1889), граф, генерал от инфантерии, командующий Императорской главной квартирой (1861), министр Императорского двора и уделов (1870–1881), член Государственного совета.

Адлерберг Николай Владимирович (1819–1892), граф, генерал от инфантерии, генерал-губернатор Великого княжества Финляндского (1866–1881).

Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886), публицист, один из лидеров славянофильского движения.

Александр II (1818–1881), император (1855–1881).

Александр III (1845–1894), император (1881–1894).

Александр Гессен-Дармштадский (1823–1888), принц, русский генерал от кавалерии.

Александра Иосифовна (1830–1919), вел. кн…, жена вел. кн. Константина Николаевича.

Александра Федоровна (1798–1860), императрица, жена Николая I.

Алексей Александрович (1850–1908), вел. кн., четвертый сын Александра II; генерал-адъютант (1880), главный начальник флота и Морского ведомства (1881–1905), адмирал (1888), член Государственного совета.

Аллер Александр Самойлович (1824–1895), генерал от инфантерии, член Военного совета.

Альбединский Петр Павлович (1825–1883), генерал-адъютант, генерал-губернатор лифляндский, эстляндский и курляндский (1866–1870), виленский, ковенский и гродненский (1874–1880), варшавский (1880).

Альфред-Эрнест-Альберт (1844–1900), герцог Эдинбургский, второй сын королевы Виктории.

Анастасия Михайловна (1860–1922), вел. кн., дочь вел. кн. Михаила Николаевича, жена Фридриха-Франца III.

Андраши Дьюла (1823–1890), граф, министр иностранных дел и Императорского двора Австро-Венгрии (1869–1879).

Аничков Виктор Михайлович (1830–1877), генерал-майор, профессор Николаевской академии Генштаба.

Анненков Михаил Николаевич (1835–1899), генерал-майор, управляющий делами Главного военно-тюремного комитета.

Анучин Дмитрий Гаврилович (1833–1900), генерал-лейтенант, генерал-губернатор Восточной Сибири.

Арапов Иван Андреевич (1844–1913), полковник (1874), генерал-лейтенант (1905), адъютант Д. А. Милютина (1866).

Арнульф Франц Иосиф (1852–1907), баварский принц, генерал пехоты.

Баранов Николай Михайлович (1836–1901), генерал-лейтенант, изобретатель скорострельного оружия, градоначальник С. – Петербурга (1881), нижегородский губернатор (1882).

Баранов Эдуард Трофимович (1811–1884), граф, генерал от инфантерии, председатель Департамента государственной экономии Государственного совета (1881).

Баранцов Александр Алексеевич (1810–1882), генерал-адъютант, начальник Главного артиллерийского управления (1863–1881).

Бисмарк Отто-Эдуард-Леопольд (1815–1898), князь, германский канцлер (1863–1881).

Бистром Родриг Григорьевич (1809–1886), генерал от инфантерии, помощник главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа (1868–1874), член Военного совета.

Бобриков Георгий Иванович (1840–1924), генерал-майор, член Военно-ученого комитета (1881).

Боголюбов Андрей Андреевич (1841–1909), генерал от инфантерии, губернатор Закаспийской области.

Боткин Сергей Петрович (1832–1889), доктор медицины, почетный лейб-медик (1873).

Братиану Ион (1821–1891), глава либеральной партии Румынии.

Бунге Николай Христианович (1823–1895), экономист, товарищ министра финансов, министр финансов (1881–1886).

Бютцов Евгений Карлович (1837–1904), тайн. сов., посланник в Китае (1873–1883), в Греции (1884–1889), в Иране (1889–1897), в Швеции (1897–1904).

Ваддингтон Вильям Генри (1826–1894), министр иностранных дел Франции (1877), президент Совета министров (1879).

Валуев Петр Александрович (1815–1890), граф, курляндский губернатор (1853–1858), министр внутренних дел

(1861–1868), министр государственных имуществ (1872–1879), председатель Комитета министров, член Государственного совета.

Ванновский Петр Семенович (1822–1904), генерал, военный министр (1881–1898), министр народного просвещения (1901–1902).

Величко Филадельф Кириллович (1833–1898), полковник, управляющий делами Мобилизационного комитета (1875).

Вердер Бернгард-Франц-Вильгельм (1823–1907), прусский генерал пехоты, дипломат германского посольства в С. – Петербурге (1869–1886), берлинский губернатор (1886), германский посол в С. – Петербурге (1892–1895).

Виктория (1819–1901), королева Великобритании.

Вильгельм I (1797–1888), король Прусский (1861), император Германии (1871–1888).

Виталис-паша [Виктор Виталис] (1825–1899), генерал-майор Османской армии.

Витгенштейн Фердинанд Карлович (1834–1888), светл. князь, генерал-майор Свиты е. и. в.

Владимир Александрович (1847–1909), вел. кн., третий сын Александра II, генерал-адъютант (1872), генерал от инфантерии (1880), главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1884–1905).

Волконский Михаил Сергеевич (1832–1909), князь, товарищ министра народного просвещения (1882–1896), член Государственного совета.

Воронцов Семен Михайлович (1823–1882), граф, генерал от инфантерии.

Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837–1916), граф, министр императорского двора и уделов (1881–1897), наместник на Кавказе (1905–1916).

Воронцова Мария Васильевна (1819–1895), княгиня, фрейлина, жена С. М. Воронцова.

Всеволожский Андрей Никитич (1840–1893), действ. ст. сов., нижегородский вице-губернатор (1876). таврический губернатор (1882).

Ган Александр Федорович (1809–1895), барон, генерал от инфантерии, член Военного совета (1878), директор Николаевской Чесменской богадельни (1880).

Гейден Логгин Логгинович (1806–1901), граф, адмирал, член Государственного совета.

Гейден Николай Федорович (1856–1919), граф, старший сын Ф. Л. Гейдена, адъютант военного министра (1878).

Гейден Федор Логгинович (1821–1900), граф, генерал-адъютант, начальник Главного штаба (1866–1881).

Гельфман Геся Мировна (1852–1882), террористка, член организации «Народная воля».

Георг I (1845–1913), король Греции (1863), сын короля Дании Кристиана IX.

Гершельман Федор Константинович (1853 – не ранее 1927), генерал-лейтенант, член Военного совета.

Гика Ион (1817–1897), князь, румынский политический деятель.

Гирс Николай Карлович (1820–1895), действ. тайн. сов., чрезвычайный посланник России в Персии (1863–1867), в Швейцарии (1867–1872), в Швеции и Норвегии (1872–1875), товарищ министра иностранных дел и управляющий Азиатским департаментом (1875–1882), министр иностранных дел (1882–1895).

Гладстон Уильям Юарт (1809–1898), премьер-министр Великобритании (1868–1874, 1880–1885, 1886, 1892–1894).

Глинка-Маврин Борис Григорьевич (1810–1895), генерал от инфантерии, командующий войсками Казанского военного округа (1867).

Голенко Константин Петрович (1823–1894), управляющий имениями вел. кн. Константина Николаевича.

Голицын Григорий Сергеевич (1838–1907), князь, генерал-майор, военный губернатор Уральской области (1876).

Голицын-Головкин Евгений Юрьевич (1845–1888), князь, капитан 2-го ранга, старший офицер на клипере «Разбойник» (1878–1881).

Головнин Александр Васильевич (1821–1886), министр народного просвещения (1851–1866), член Государственного совета.

Горбунов Николай Павлович, управляющий царским имением в Ливадии.

Горлов Александр Павлович (1830–1905), генерал-лейтенант, инспектор местных арсеналов (1882).

Горчаков Александр Михайлович (1798–1883), светл. кн., канцлер, министр иностранных дел (1856–1882).

Горчаков Михаил Александрович (1839–1897), князь, дипломат, посланник в Швейцарии, Саксонии и Испании.

Грант Уллис-Сидней (1822–1885), президент США.

Грейг Самуил Алексеевич (1827–1887), генерал-адъютант, государственный контролер (1874–1878), министр финансов (1878–1880), член Государственного совета.

Гренвиль Джордж-Левесон-Гоуэр (1815–1891), граф,

министр иностранных дел Великобритании (1851–1852, 1870–1874, 1880–1885).

Грот Константин Карлович (1815–1897), самарский губернатор (1853–1861), член комиссии по устройству крестьянских учреждений (1861–1863), директор департамента податей и сборов Министерства финансов (1861–1869), председатель Комиссии по тюремной реформе (1877), член Государственного совета.

Гумберт [Умберто] I (1844–1900), король Италии (1878–1900).

Гурко Иосиф Владимирович (1828–1901), генерал от кавалерии, петербургский генерал-губернатор (1879–1880), варшавский генерал-губернатор (1883–1884), член Государственного совета.

Гурчин Витольд Викентьевич (1831–1887), генерал-лейтенант, командующий местными войсками Кавказского военного округа.

Гусейн-хан [Мирза Гусейн-хан Сипахсалар] (1836–1881), великий визирь Персии (1877).

Давыдов Александр Петрович (1838–1885), камергер, генеральный консул в Софии (1878), советник посольства в Лондоне (1880), посол в Японии (1883).

Дадиан-Мингрельский Николай Давыдович (1847–1889), светл. кн., генерал-майор.

Данилевский Николай Яковлевич (1822–1885), публицист, естествоиспытатель.

Дерби Эдуард-Генрих-Стенли (1826–1893), лорд, министр иностранных дел Великобритании (1868–1878).

Дервиш-паша Ибрагим (1817–1896).

Дефферин Фредерик (1826–1902), английский посол в России (1879–1881), в Турции (1881).

Дизраэли Бенджамин, **граф Биконсфильд** (1804–1881), премьер-министр Великобритании (1868, 1874–1880).

Долгорукая Екатерина Михайловна (княгиня Юрьевская) (1817–1922), морганатическая жена Александра II (1880).

Долгоруков Владимир Андреевич (1810–1891), князь, московский генерал-губернатор (1865–1891).

Домонтович Михаил Алексеевич (1830–1902). генерал-лейтенант, военный историк, тырновский губернатор (1877).

Дондуков-Корсаков Александр Михайлович (1820–1893), князь, генерал-адъютант, киевский, подольский и волынский генерал-губернатор (1869–1878), командующий русским оккупационным корпусом в Болгарии (1879–1880), наместник на

Кавказе (1882–1890).

Драгомиров Михаил Иванович (1830–1905), генерал от инфантерии, начальник Академии Генштаба (1878–1889), киевский, подольский и волынский генерал-губернатор (1898), член Государственного совета.

Дрентельн Александр Романович (1820–1888), генерал от инфантерии, шеф жандармов и начальник III Отделения с. е. и. в. канцелярии (1878–1880), киевский, подольский и волынский генерал-губернатор и командующий войсками Киевского военного округа (1881).

Екатерина Михайловна (1827–1894), вел. кн., дочь вел. кн. Михаила Павловича, жена Георга Мекленбург-Стрелицкого.

Желябов Андрей Иванович (1851–1331), террорист, член организации «Народная воля».

Жомини Александр Генрихович (1817–1888), барон, действ. тайн. сов., старший советник Министерства иностранных дел.

Заблоцкий-Десятовский Андрей Парфенович (1807–1881), статс-секретарь, член ученого комитета Министерства финансов, член Государственного совета.

Зеленый Александр Алексеевич (1818–1880), генерал-адъютант, министр государственных имуществ (1862–1872), член Государственного совета.

Зиновьев Иван Алексеевич (1835–1917), дипломат, русский посланник в Персии (1876–1883).

Зуров Александр Елпидифорович (1837–1902), генерал-лейтенант, гродненский губернатор (1870–1878), губернатор С. – Петербурга (1878–1880).

Игнатьев Алексей Павлович (1842–1906), граф, генерал от кавалерии, генерал-губернатор Восточной Сибири (1885), член Государственного совета.

Игнатьев Николай Павлович (1832–1908), граф, генерал-адъютант, директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел (1861–1864), посол в Турции (1864–1877), министр внутренних дел (1881–1882), член Государственного совета.

Игнатьев Павел Николаевич (1797–1879), граф, генерал-адъютант, председатель Комитета министров (1872–1879).

Измаил-паша (1830–1895), хедиф Египта (1863–1879).

Имеретинский Александр Константинович (1837–1900), светл. кн., генерал-адъютант, член Государственного совета.

Ионин Александр Семенович (1837–1900), действ. тайн. сов., дипломат, писатель.

Исаков Николай Васильевич (1821–1891), генерал-адъютант, начальник Главного управления военно-учебных заведений (1863).

Кавелин Константин Дмитриевич (1818–1885), историк и публицист.

Казнаков Николай Геннадьевич (1824–1885), генерал от инфантерии, генерал-губернатор Западной Сибири (1875–1881).

Кальноки Густав, (1832–1898), граф, австрийский дипломат, посол в Петербурге (1880), министр иностранных дел (1881).

Каравелов Петко (1840–1903), премьер-министр Болгарии (1880–1881).

Карл-Александр (1818–1901), вел. герцог Саксен-Веймар-Эйзенахский.

Катков Михаил Никифорович (1818–1887), редактор газеты «Московские ведомости».

Кауфман Константин Петрович (1818–1882), генерал-адъютант, туркестанский генерал-губернатор (1867–1882).

Кауфман Михаил Петрович (1822–1902), генерал-адъютант, начальник Главного интендантского управления Военного министерства (1866–1879).

Кесяков Константин Искрович (1839–1900), генерал-майор.

Кёне Борис Васильевич (1817–1886), археолог, начальник гербового отделения департамента герольдии.

Кибальчич Николай Иванович (1853–1881), террорист, член организации «Народная воля».

Киттары Модест Яковлевич (1825–1880), тайн. сов., химик, профессор Московского университета.

Клейнмихель Екатерина Петровна (1846–1924), графиня.

Ковальский Иван Мартынович (1850–1878), революционер-народник.

Когэлничану Михаил (1817–1891), министр иностранных дел Румынии (1876–1878).

Козлянинов Николай Федорович (1818–1892), генерал от инфантерии, член Военного совета, командующий войсками Киевского военного округа (1869).

Константин Николаевич (1827–1892), вел. кн., второй сын Николая I, председатель Государственного совета (1865–1881).

Константин Константинович (1858–1915), вел. кн., второй сын вел. кн. Константина Николаевича.

Корф Александр Николаевич (1833–1903), барон, генерал-инспектор кавалерии, член Главного комитета по устройству и

образованию войск (1881–1884).

Костанда Апостол Спиридонович (1817–1898), генерал-адъютант, главнокомандующий войсками Петербургского военного округа (1879–1888).

Коцебу Павел Евстафьевич (1801–1884), генерал-адъютант, варшавский генерал-губернатор (1874–1880), член Государственного совета.

Крыжановский Николай Андреевич (1818–1888), генерал-адъютант, оренбургский генерал-губернатор (1855–1881).

Кумани Алексей Михайлович (1829–1897), стат. сов., генеральный консул в Париже (1876–1880), в Софии (1880–1881).

Куммерау Макс Эммануилович (?-1880), подполковник, военный агент в Константинополе (1879–1880).

Куропаткии Алексей Николаевич (1848–1925), генерал-майор, участник Туркестанского похода.

Кутайсов Павел Ипполитович (1839–1911), генерал-майор, военный атташе в Лондоне (1871), нижегородский губернатор (1873–1880).

Лазарев Иван Давыдович (1821–1879), генерал-адъютант, начальник экспедиции в Туркмению (1879).

Лазарев Михаил Петрович (1788–1851), адмирал.

Лангенау Фердинанд (1817–1881), барон, австрийский посол в России.

Ле Фло Адольф (1804–1887), французский дипломат.

Левашов Владимир Васильевич (1834–1898), генерал-майор, одесский градоначальник (1876–1878).

Лейярд Остин Генри (1817–1884), английский посол в Стамбуле (1877–1880).

Леруа-Больё Пьер-Поль (1843–1916), французский экономист.

Лесовский Степан Степанович (1817–1884), адмирал, помощник управляющего Морским министерством (1869–1880).

Ливен Андрей Александрович (1839–1913), светл. кн., управляющий Министерством государственных имуществ, член Государственного совета.

Ливен Вильгельм Карлович (1800–1880), барон, генерал-квартирмейстер Главного штаба (1855–1861), генерал от инфантерии (1861), обер-егермейстер двора е. и. в. (1871).

Лобанов-Ростовский Алексей Борисович (1824–1896), князь, товарищ министра внутренних дел (1867–1878), посол в Константинополе (1878–1879), Лондоне (1879–1882), в Вене (1882–1895), министр иностранных дел (1895).

Ломакин Николай Павлович (1830–1902), генерал-майор,

участник Хивинского похода, тифлисский воинский начальник (1881–1884).

Лобко Павел Львович (1838–1895), генерал от инфантерии, государственный контролер, член Государственного совета.

Лорис-Меликов Михаил Тариелович (1825–1888), граф, генерал-адъютант, министр внутренних дел (1880–1881).

Лофтус Огастус Уильям (1817–1904), лорд, британский посол в России (1871–1879).

Лярский [Вонлярлярский] Владимир Михайлович (1852–1946), штаб-ротмистр, ординарец вел. кн. Николая Николаевича (старшего).

Майдель Егор Иванович (1817–1881), барон, генерал-адъютант, комендант С. – Петербургской крепости (1876).

Маков Лев Саввич (1830–1883), министр внутренних дел (1878–1880), министр почт, телеграфов и департамента духовных дел иностранных исповеданий (1880–1881), член Государственного совета.

Мальцов Сергей Иванович (1810–1893), генерал-майор, промышленник.

Мантейфель Эдвин-Карл-Рохус (1809–1885), граф, дипломат, генерал-фельдмаршал германской армии (1876–1878).

Мария Александровна (1824–1880), императрица, жена Александра II.

Мария Александровна (1853–1920), вел. кн., дочь Александра II, жена принца Альфреда Эдинбургского.

Мария Павловна (1854–1920), вел. кн., жена вел. кн. Владимира Александровича.

Мезенцов Николай Владимирович (1827–1878), генерал-адъютант, начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III Отделением с. е. и. в. канцелярии (1864), шеф жандармов (1876).

Мельников Александр Александрович (1827–1913), вице-директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел (1875), посол в Персии (1883–1886).

Меншиков Владимир Александрович (1815–1893), светл. кн., генерал от кавалерии.

Мехмет-Рюшди-паша (1809–1882), великий визирь Османской империи.

Мещеринов Григорий Васильевич (1827–1901), генерал-адъютант, генерал-губернатор Западной Сибири (1880–1881).

Милютин Алексей Дмитриевич (1845–1904), сын Д. А. Милютина, флигель-адъютант, курский губернатор (1892–1902).

Милютин Борис Алексеевич (1830–1886), тайн. сов.,

товарищ военного прокурора (1875).

Милютин Николай Алексеевич (1818–1872), директор хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, статс-секретарь по делам Царства Польского (1864–1866).

Милютина (в замуж. Гершельман) Елена Дмитриевна (1857–1882), младшая дочь Д. А. Милютина.

Милютина (в замуж. Шаховская) Елизавета Дмитриевна (1844–1938), старшая дочь Д. А. Милютина, фрейлина императрицы Марии Александровны.

Милютина (в замуж. Долгорукая) Надежда Дмитриевна (1850–1913), дочь Д. А. Милютина.

Милютина Наталья Михайловна (1821–1912), урожд. Понсэ, жена Д. А. Милютина.

Милютина Ольга Дмитриевна (1848–1926), дочь Д. А. Милютина.

Мирский, князь, см. Святополк-Мирский.

Михаил Михайлович (1861–1929), вел. кн., второй сын вел. кн. Михаила Николаевича.

Михаил Николаевич (1832–1909), вел. кн., сын Николая I, наместник на Кавказе и главнокомандующий Кавказской армией (1863–1881).

Михайлов Адриан Федорович (1853–1929), террорист, член организации «Земля и воля».

Мольтке Хельмут-Карл-Бернгард (1800–1891), граф, фельдмаршал германской армии.

Мордвинова (в замужестве Салова) Александра Семеновна (1866 – около 1903), племянница Д. А. Милютина.

Муравьев Николай Валерьянович (1859–1908), прокурор Петербургской судебной палаты (1881–1884).

Мухтар-паша [Ахмед-Мухтар-паша] (1832–1919), губернатор Крита.

Набоков Дмитрий Николаевич (1826–1904), управляющий с. е. и. в. канцелярией по делам Царства Польского (1867–1876).

Намык-паша (1804–1892), государственный деятель Османской империи, военный министр (1872), член меджлиса (1877).

Насреддин (1831–1896), персидский шах.

Нелидов Александр Иванович (1835–1910), действ. тайн. сов., посол в Италии (1897–1903) и во Франции (1907–1910).

Непокойчицкий Артур Адамович (1813–1881), генерал-адъютант, председатель Особой временной комиссии по управлению Медико-хирургической академией и председатель Военно-кодификационного комитета (1874), член Военного

совета.

Нигра Константин (1827–1907), граф ди Вилла-Кастельнуово, политик, итальянский посол в России (1876–1881).

Никитин Александр Павлович (1824–1891), генерал-лейтенант, командир 2-го армейского корпуса.

Николаи Александр Павлович (1831–1899), барон, статс-секретарь, министр народного просвещения, член Государственного совета.

Николай I (1796–1855), император (1825–1855).

Николай (Никола I Петрович-Негош) (1841–1921), князь Черногории (1860–1910).

Николай Александрович (1843–1865), вел. кн., старший сын Александра II.

Николай Константинович (1850–1894), вел. кн., сын вел. кн. Константина Николаевича.

Николай Николаевич (1831–1891), вел. кн., генерал-фельдмаршал, третий сын Николая I; главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1867), главнокомандующий действующей армией на Балканах (1877–1878), член Государственного совета.

Николай Михайлович (1859–1918), вел. кн., сын вел. кн. Михаила Николаевича.

Николай-Фридрих-Петр (1827–1900), вел. герцог Ольденбургский.

Никонов Андрей Иванович (1811–1891), адмирал, градоначальник Севастополя (1876).

Новиков Евгений Петрович (1826–1903), действ. тайн. сов. дипломат, историк, писатель.

Обручев Николай Николаевич (1830–1904), генерал-майор, профессор Николаевской академии Генштаба, начальник Главного штаба (1881–1898).

Ольга Константиновна (1851–1926), дочь вел. кн. Константина Николаевича, жена короля Греции Георга I.

Ольга Федоровна (1838–1891), вел. кн., жена вел. кн. Михаила Николаевича.

Ольденбургский Петр Георгиевич (1812–1881), принц, генерал от инфантерии, главноуправляющий IV Отделения с. е. и. в. канцелярии (1861–1881), член Государственного совета.

Ону Михаил Константинович (1835–1901), действ. ст. сов., посол в Греции (1889).

Орлов Николай Алексеевич (1827–1885), князь, генерал-адъютант, посол в Австрии (1869–1870), в Англии (1870–1871), во Франции (1871–1884).

Осман-паша (1837–1900), генерал, военный министр Турции.

Островский Михаил Николаевич (1827–1901), действ. ст. сов., министр государственных имуществ (1881–1893).

Павел Александрович (1860–1919), вел. кн., младший сын Александра II.

Павлов Платон Петрович (1834–1904), генерал от инфантерии, начальник штаба Кавказской армии (1875), член Государственного совета.

Пален Константин Иванович (1833–1912), граф, министр юстиции (1867–1878).

Панютин Степан Федорович (1822–1885), статс-секретарь, уполномоченный Красного Креста в Черногории (1876).

Паренсов Петр Дмитриевич (1843–1914), генерал от инфантерии, военный министр Болгарии.

Перетц Егор Абрамович (1833–1899), государственный секретарь (1878).

Перовская Софья Львовна (1853–1881), террористка, член организации «Народная воля».

Петрович-Негош Божидар [Божо] (1847–1927), воевода, брат князя Черногории Николы I.

Пещуров Алексей Алексеевич (1834–1891), вице-адмирал, управляющий Морским министерством (1880–1882), николаевский губернатор (1882).

Пиллар фон Пильхау Нина (Анна) Карловна (1832–1885), баронесса, фрейлина.

Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) обер-прокурор Св. Синода (1880), член Государственного совета.

Попов Андрей Александрович (1881–1898), адмирал, член кораблестроительного отделения Морского технического комитета.

Посьет Константин Николаевич (1819–1899), генерал-адъютант, адмирал, министр путей сообщения (1874–1888), член Государственного совета.

Пржевальский Николай Михайлович (1839–1888), путешественник, исследователь Центральной Азии.

Прянишников Ипполит Петрович (1847–1921), оперный певец, педагог.

Пущин Михаил Николаевич (1842–1878), ротмистр, герой Русско-турецкой войны, адъютант военного министра (1863).

Радецкий Федор Федорович (1820–1890), генерал от инфантерии, руководитель обороны Шипки, член Государственного совета.

Радовиц Иозеф-Мария (младший) (1839–1912), немецкий дипломат, посланник в Афинах (1872), в С. – Петербурге (1875).

Раулинсон Генри (1810–1895), британский дипломат, президент Географического королевского общества (1874–1875), президент Азиатского королевского общества (1878–1881).

Рейсс-Кёстрицкий Генрих VII (1825–1906), принц, германский посол в России (1871), в Турции (1877), в Австрии (1878).

Рейтерн Михаил Христофорович (1820–1890), статс-секретарь, министр финансов (1862–1878).

Реуф-паша, турецкий посол в России (1881).

Рихтер Оттон Борисович (1830–1908), генерал от инфантерии, командующий Императорской главной квартирой (1881), член Государственного совета.

Рогов Павел Игнатьевич (1833–1892), педагог, инспектор классов 1-й Петербургской военной гимназии.

Рооп Христофор Христофорович (1831–1917), генерал-лейтенант, командир 6-го армейского корпуса.

Россель Одо Уильям Леопольд (1829–1884), английский пэр, дипломат.

Ростовцев Николай Яковлевич (1831–1897), граф, флигель-адъютант, главный распорядитель при вел. кн. Николае Константиновиче (1877–1880).

Рылеев Александр Михайлович (1830–1907), генерал-лейтенант, комендант Императорской главной квартиры.

Рысаков Николай Иванович (1831–1881), террорист, член организации «Народная воля».

Сабуров Андрей Александрович (1838–1916), министр народного просвещения (1880–1881), член Государственного совета.

Сабуров Петр Александрович (1835–1918), дипломат, посол в Греции (1870–1879), в Германии (1879–1884), член Государственного совета.

Савфет-паша (1815–1883), главный министр Османской империи.

Святополк-Мирский Дмитрий Иванович (1825–1899), князь, генерал-адъютант, помощник главнокомандующего Кавказской армией, член Государственного совета (1880).

Селиверстов Николай Дмитриевич (1830–1890), генерал-майор, пензенский губернатор (1867–1872).

Сергей Александрович (1857–1905), вел. кн., сын Александра I, московский генерал-губернатор.

Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–1882), генерал-

адъютант, военный губернатор Ферганской области (1876), участник Русско-турецкой войны и Ахалтекинской экспедиции.

Скобелева Ольга Николаевна (1823–1880), мать М. Д. Скобелева, во время Русско-турецкой войны возглавляла болгарский отдел Общества Красного Креста.

Солсбери Роберт-Сесил (1830–1903), маркиз, британский политический деятель.

Сольский Дмитрий Мартынович (1833–1910), действ. тайн. сов., государственный контролер (1878–1889).

Старицкий Егор Павлович (1825–1899), член Департамента гражданских и духовных дел и Департамента законов (1879).

Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826–1911), редактор журнала «Вестник Европы».

Стоилов Константин (1862–1901), председатель Совета министров Болгарии.

Столетов Николай Григорьевич (1831–1912), генерал от инфантерии, начальник Болгарского ополчения во время Русско-турецкой войны.

Столыпин Аркадий Дмитриевич (1822–1899), генерал-лейтенант, генерал-губернатор Восточной Румелии.

Строганов Сергей Григорьевич (1794–1882), граф, генерал от кавалерии, московский генерал-губернатор (1859), член Государственного совета.

Струве Аманд Егорович (1835–1898), инженер, предприниматель.

Струве Густав Егорович (1834–1882), инженер, брат А. Е. Струве.

Стюарт Дмитрий Федорович (1838–1902), дипломатический агент в Бухаресте, министр-резидент при князе Румынском (1878).

Суворов Александр Аркадьевич (1804–1882), князь Италийский, граф Рымникский, внук А. С. Суворова; генерал-адъютант, рижский военный губернатор, лифляндский, эстляндский и курляндский генерал-губернатор (1848–1861), петербургский генерал-губернатор (1861–1866), член Государственного совета.

Сулейман-паша (1838–1883), турецкий генерал, главнокомандующий вооруженными силами Европейской Турции (1877).

Сумарокова-Эльстон Елена Сергеевна (1830–1901), графиня, жена Ф. Н. Сумарокова-Эльстон.

Танеев Сергей Александрович (1821–1889), управляющий I Отделением с. е. и. в. канцелярии, член Государственного совета.

Тергукасов [Тер-Гукасов] Арзас Артемьевич (1819–1881), генерал-лейтенант, командир 2-го Кавказского корпуса.

Тизенгаузен Екатерина Федоровна (1803–1888), графиня, фрейлина.

Тимашев Александр Егорович (1818–1893), генерал от кавалерии, начальник штаба Корпуса жандармов и управляющий III Отделением (1856–1861), министр внутренних дел (1868–1878).

Тимлер Александр Карлович (1837–1896), генерал-майор, военный министр Болгарии (1880).

Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889), граф, обер-прокурор Св. Синода (1865–1880), министр народного просвещения (1866–1880), министр внутренних дел и шеф жандармов (1882–1889), член Государственного совета.

Тотлебен Эдуард Иванович (1818–1884), генерал-адъютант, военный инженер, товарищ генерал-инспектора по инженерной части (1863), временный одесский генерал-губернатор (1879–1880), виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор (1880).

Трепов Федор Федорович (1812–1889), генерал от кавалерии, градоначальник С.-Петербурга (1873–1878).

Трубецкой Александр Васильевич (1813–1889), полковник.

Убри Павел Петрович (1820–1896), граф, действ. тайн. сов., дипломат, посол в Австро-Венгрии (1879–1882).

Узатис Алексей Алексеевич (1852–1880), адъютант М. Д. Скобелева, капитан румелийской милиции.

Урусов Сергей Николаевич (1816–1883), князь, статс-секретарь, главноуправляющий II Отделением с. е. и. в. канцелярии, член Государственного совета.

Фадеев Ростислав Андреевич (1824–1883), генерал-майор, военный писатель и публицист.

Фельдман Федор Александрович (1835–1902), генерал-майор, военный атташе посольства в Вене (1876–1880).

Философов Владимир Дмитриевич (1820–1894), статс-секретарь, главный военный прокурор и начальник Военно-судного управления, член Государственного совета.

Франц-Иосиф I (1830–1916), австрийский император (1848–1916).

Фредерикс Владимир Борисович (1838–1927), барон, флигель-адъютант при Александре II, командир л.-гв. Конного полка.

Фредерикс Лев Александрович (1839–1904), генерал-майор,

военный агент в Париже (1876–1899).

Фредерикс Мария Петровна (1832–1903/1908), баронесса, фрейлина императрицы Александры Федоровны и Марии Александровны.

Фридрих-Вильгельм (1831–1888), кронпринц, германский император Фридрих III (1888).

Фридрих-Франц II (1823–1883), великий герцог Мекленбург-Шверинский, генерал-фельдмаршал русской службы (1873).

Фридрих-Франц III (1851–1897), великий герцог Мекленбург-Шверинский.

Хаймерле Генрих-Карл (1828–1881), барон, дипломат, министр иностранных дел Австро-Венгрии (1879–1881).

Цертелев Алексей Николаевич (1848–1883), дипломат, писатель, управляющий консульствами в Адрианополе, Филиппополе.

Черевин Петр Александрович (1837–1896), генерал-лейтенант, товарищ министра внутренних дел (1880–1881).

Черкасский Владимир Александрович (1824–1878), князь, московский городской голова (1869–1871), уполномоченный Красного Креста в Болгарии (1877).

Черняев Михаил Григорьевич (1828–1898), генерал-майор, военный губернатор Туркестанской области (1865–1866), редактор-издатель газеты «Русский мир» (1875), командующий Главной сербской армией (1876), туркестанский генерал-губернатор (1882–1884).

Чертков Михаил Иванович (1829–1905), генерал-адъютант, киевский, подольский и волынский генерал-губернатор (1877–1878), член Государственного совета.

Чун Хоу, дипломат, посол Китая в России.

Шакир-паша, Ахмед-Джеват (1851–1900), турецкий посол в России (1879–1881).

Шаховской Сергей Владимирович (1852–1894), князь, представитель Красного Креста в Болгарии, Румынии (1877–1878), черниговский губернатор (1881–1885).

Шанзи Антуан-Эжен-Альфред (1823–1883), французский генерал, посол в России (1879–1882).

Швейниц Ганс-Лотар (1822–1901), прусский генерал, германский посол в Австрии (1871–1876), в России (1876–1893).

Шепелев Александр Александрович (1841–1887), полковник, губернатор Филиппополя (1877–1878).

Шернваль-Валлен Эмилий Карлович (1806–1890), барон, тайн. сов., статс-секретарь Великого княжества Финляндского (1875–1881).

Шир-Али-хан (1869–1878), эмир Афганистана (1868–1879).

Шувалов Павел Андреевич (1830–1908), генерал-лейтенант, командующий Гвардейским корпусом, посол в Берлине (1885–1894).

Шувалов Петр Андреевич (1827–1889), граф, генерал от кавалерии, начальник III Отделения и шеф жандармов (1866–1874), посол в Лондоне (1874–1879), член Государственного совета.

Эрнрот Казимир Густавович (1833–1919), генерал-лейтенант, военный министр Болгарии (1880–1881), статс-секретарь Великого княжества Финляндии (1882).

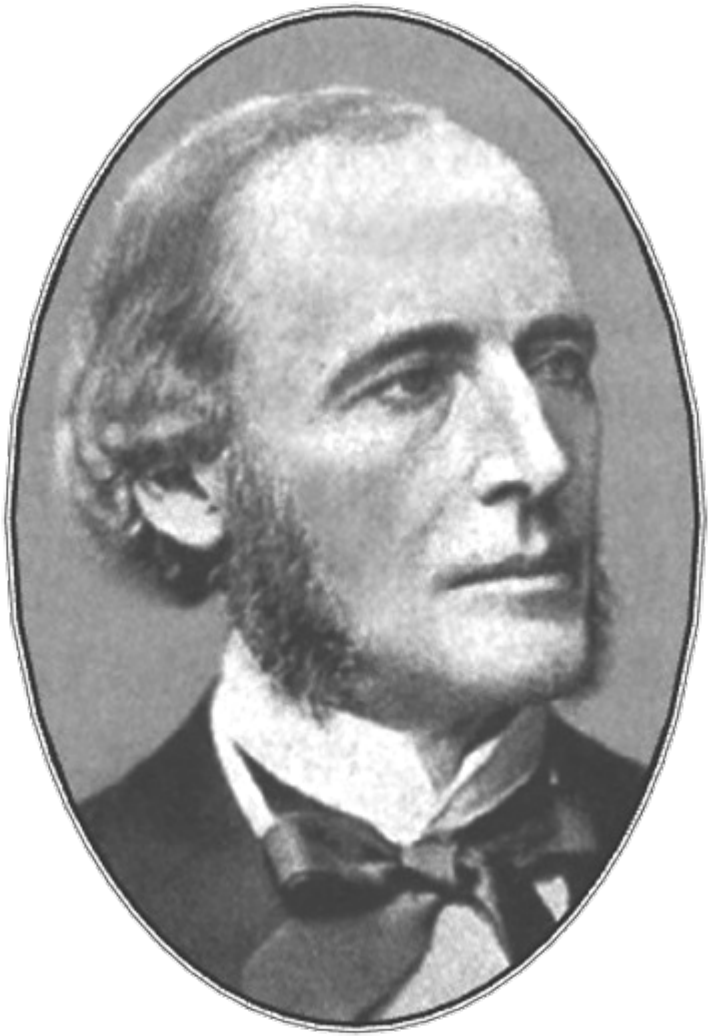
Юрьевская, княгиня – см. Долгорукая Е. М.

Якуб-хан (1849–1923), эмир Афганистана (1879–1880).

Иллюстрации

Михаил Тариэлович Лорис-Меликов

Александр Аггеевич Абаза



Александр Генрихович Жомини

Николай Карлович Гирс

Абдул-Гамид

Вильгельм I и Бисмарк

Великий князь Николай Николаевич (старший)

Великий князь Михаил Николаевич

Александр II, Екатерина Долгорукая и их дети

Владимир Андреевич Долгоруков

Федор Федорович Трепов

Эдуард Иванович Тотлебен

Петр Александрович Валуев

Великий князь Константин Николаевич

Великая княгиня Александра Иосифовна

Михаил Дмитриевич Скобелев

Александр Романович Дрентельн

Петр Семенович Ванновский

Петр Павлович Альбединский

Константин Петрович Победоносцев

Иван Давыдович Делянов

Дмитрий Андреевич Толстой

Михаил Никифорович Катков

Император Александр III

Императрица Мария Федоровна

Справа налево: вел. кн. Георгий, вел. княжна Ксения, вел. кн. цесаревич Николай, Мария Федоровна, вел. кн. Михаил, Александр III держит вел. княжну Ольгу

notes

Примечания

1

«Что турецкие войска хотя бы не концентрируются в этом пункте». – *Прим. ред.*

пунктам, в особенности возбуждающим его недоумение.

Ныне Пловдив. – *Прим. ред.*

4

Амбаркация – посадка на суда войск, а также погрузка провизии и боевых принадлежностей. – *Прим. ред.*

5

взять.

6

О союзе трех императоров рассказывалось в первом томе. – *Прим. ред.*

Указ. – *Прим. ред.*

8

Административная единица в Турции, меньше вилайета. – *Прим. ред.*

«Буду сговорчив». – *Прим. ред.*

10

Речь идет о Мехмет-Рюшди-паше, великом визире с прозападными взглядами по прозвищу Мютерджим («переводчик»). – *Прим. ред.*

требования.

«Нет, ради бога, это невозможно!» – *Прим. ред.*

13

«Не можем» (*лат.*) – формула категорического отказа. – *Прим. ред.*

обрадовало всех.

15

«Я уже много раз говорил, государь, что вы есть сирена». – *Прим. ред.*

неверной.

даже большинство, в том числе многие дамы высшего общества и сановники.

В чрезвычайную миссию. – *Прим. ред.*

19

Ону Михаил Константинович – драгоман (переводчик и посредник) русского посольства в Константинополе. – *Прим. ред.*

Визирь. – *Прим. ред.*

«Пообедал – хорошо» – *Прим. ред.*

требует.

Внутри заколдованного круга. – *Прим. ред.*

24

Предыдущее покушение было совершено 11 мая, и тогда император остался невредим, но в этот раз он получил несколько тяжелых ранений. – *Прим. ред.*

крайнее нахальство и бессовестность.

Делал хорошую мину при плохой игре. – *Прим. ред.*

27

Не ведает сомнений. – *Прим. ред.*

28

Царский валик – искусственный курган прямоугольной формы, предназначенный для наблюдения за маневрами. – *Прим. ред.*

имеет нахальство оправдывать.

30

Мины Уайтхеда – это общее название семейства торпед («самодвижущихся мин»), сконструированных английским инженером Робертом Уайтхедом. – *Прим. ред.*

31

Область на северо-востоке современной Турции, граничащая с Батумским округом. – *Прим. ред.*

32

Вскоре после окончания военных действий в мусульманских селах, расположенных в районе Родопских гор, началось Родопское восстание. Его вдохновляли турецкие власти и английская агентура, а основной контингент составляли башибузуки и черкесы из разбитой армии Сулейман-паши. Восставшие грабили и разоряли болгарское население, и против них направили части русских войск, однако полностью восстание подавить не удалось. На Берлинском конгрессе лорд Солсбери довел до сведения конгресса информацию о беспорядках в Родопском округе, и международная комиссия была создана по его предложению. – *Прим. ред.*

33

Речь идет об армянском населении, не желавшем оставаться под турецким владычеством. – *Прим. ред.*

Афганский эмир (1869–1878) Шир-Али-хан. – *Прим. ред.*

35

Речь идет о восстаниях 1878 года, вызванных протестом против турецкого владычества. – *Прим. ред.*

Комиссия, определяющая направление границы между государствами путем переговоров. – *Прим. ред.*

37

Джиованни Пассаннанте (1849–1910), совершивший покушение, кричал: «Да здравствует Орсини!» – *Прим. ред.*

поверхностен.

39

Ташкисен – болгарское село у Орхание, которое, вместе с прилегающими к нему высотами, 17 декабря 1877 года захватили русские войска. – *Прим. ред.*

К докладу (*лат.*). – *Прим. ред.*

преждевременно.

Речь идет о запрете на ввоз скота из России. – *Прим. ред.*

двуличном образе действий как самого князя Дондукова, так и большей части подчиненных его.

44

«Меня бы оскорбила подобная лесть, будь я на вашем месте. Он явно над вами издевается». – *Прим. ред.*

45

Деятельность Адольфа Шмидта – чиновника Оттоманского банка – вызывала возмущение болгарского населения. – *Прим. ред.*

финансовыми соображениями.

поколебать.

Был одного со мною мнения. – *Прим. ред.*

Целостность Оттоманской империи. – *Прим. ред.*

Соловьев Александр Константинович (1846–1879) – революционер-народник. – *Прим. ред.*

51

Чаир – это горная поляна с высаженными на ней плодовыми деревьями. – *Прим. ред.*

Приятное безделье (*итал.*) – *Прим. ред.*

Обычные гости. – *Прим. ред.*

человеком искренно преданным.

в честолюбивых затеях всегда вразрез честным стремлениям России.

Вся эта запись сделана автором позднее. – *Прим. ред.*

Государственный переворот. – *Прим. ред.*

наследника.

быстром повороте его заверений.

Ковать железо, пока горячо. – *Прим. ред.*

по поводу неудачного состава.

62

Варцин – селение в Западной Померании, владение князя Бисмарка. – *Прим. ред.*

63

Бекер-паша [Валентайн Бейкер] (1827–1887) – англичанин, генерал-лейтенант оттоманской службы, принявший активное участие в войне. – *Прим. ред.*

Удара. – *Прим. ред.*

65

«Мой портфель пуст, разрешите Гирсу опорожнить свой». – *Прим. ред.*

диктаторская выходка.

своего любезного барона.

68

Капитан Николай Баранов, прославившийся в Русско-турецкую войну, был обвинен в прессе лейтенантом Рожественским в «постыдном бегстве», подал на него жалобу в Морское министерство и был предан суду «за неприличные и оскорбительные выражения», использованные в этой записке, а затем уволен. – *Прим. ред.*

Морское судоходное общество, основанное, ввиду угрожавшей войны, в 1878 году на добровольные пожертвования. – *Прим. ред.*

смелых.

71

Тексты депеш представлены сразу в переводе с французского. – *Прим. ред.*

Герман Грюзон (1821–1895) – автор первой панцирной башни из закаленного чугуна. – *Прим. ред.*

«Я ничего не хочу делать за спиной у канцлера». – *Прим. ред.*

Им нужны развязанные руки. – *Прим. ред.*

75

В дореволюционной России специальные пенсии уволенным в отставку государственным служащим. – *Прим. ред.*

76

Лев Николаевич Гартман (1850–1908) – революционер-народник, участвовал в подготовке покушения на Александра II: в сентябре купил дом за Рогожской заставой, откуда осуществлялся подкоп под полотно железной дороги. После неудачи со взрывом бежал за границу, был выслежен Охранным отделением и, по требованию русского правительства, арестован в Париже 22 января 1880 года. – *Прим. ред.*

77

Шарль Фрейсине (1828–1823) – в тот период министр иностранных дел Франции. – *Прим. ред.*

Главному начальнику артиллерии. – *Прим. ред.*

79

Генри Кресвик Раулинсон [Роулинсон] – британский археолог, лингвист и дипломат; сторонник «активной» политики Великобритании в Азии и противник расширения русских азиатских владений. – *Прим. ред.*

80

Макс Эммануилович Куммерау, военный агент в Константинополе, погибший там от руки фанатика-турка. – *Прим. ред.*

Хотя бы зондировать почву. – *Прим. ред.*

радость.

может быть, из приличия.

Полицейские шпионы. – *Прим. ред.*

Внезапно (*лат.*) – *Прим. ред.*

86

– Скажите, дорогой граф, правда ли, что вы враг Германии и хотите начать с нами войну? – Надеюсь, ваша светлость не верит этому, потому что надо быть идиотом, чтобы хотеть войны с Германией, особенно при современных обстоятельствах. – *Прим. ред.*

87

Напомним, что речь идет о бывшем после Китая в России, осужденном за подписание Ливадийского договора, не ратифицированного китайским правительством. – *Прим. ред.*

Кояндер Александр Иванович – секретарь в дипломатической миссии в Пекине. – *Прим. ред*.

89

Цзэн Цзицзэ (1839–1890) был хоу, то есть маркизом в европейской традиции. – *Прим. ред.*

Дурное расположение духа. – *Прим. ред.*

Путаница. – *Прим. ред.*

Молодцев. – *Прим. ред.*

Визирем Османской империи. – *Прим. ред.*

самодуром.

разглагольствований.

Имеется в виду неудачная экспедиция к Геок-Тепе под руководством Лазарева и Ломакина (август 1879 года). – *Прим. ред.*

Дословно (*англ.*). – *Прим. ред.*

Состязание великодуший. – *Прим. ред.*

99

Дело было, вероятно, в том, что ранение (по воспоминаниям врача-писателя Александра Васильевича Щербака) было совсем легким. «…Ранения в действительности не было, а был скорее ушиб, не требовавший в первое время даже перевязки… Ушиб вражьей пулей, надо полагать, был настолько силен, что генерал Анненков впоследствии долго носил руку на повязке». (А. Щербак, «Ахалтекинская экспедиция генерала Скобелева в 1880–1881 гг.»). – *Прим. ред.*

100

Речь идет о первых столкновениях буров и англичан. – *Прим. ред.*

еще сносным.

бомбардирует государя пошлыми записками с глупыми советами.

103

Утин Евгений Исаакович (1843–1894) – публицист, участник Болгарской кампании, автор нашумевшей тогда книги «Письма из Болгарии». – *Прим. ред.*

Рысаков Николай Иванович – один из двух непосредственных участников убийства Александра II. – *Прим. ред*.

глупый.

К праотцам (*англ.*) – *Прим. ред.*

Театральный трюк. – *Прим. ред.*

Оставь надежду (*итал.*). – *Прим. ред.*

109

Коляска, которой правят с коня, без козел. – *Прим. ред.*

110

28 апреля князь Александр распустил народное собрание. – *Прим. ред.*

Имеются в виду еврейские погромы, начавшиеся в это время в южных городах – Киеве, Одессе и т. д. – *Прим. ред.*

Имеется в виду Сергиева пустынь (под Петербургом), где находится усыпальница князей Ольденбургских. – *Прим. ред*.

113

«У Австрии хороший аппетит, но плохое пищеварение». – *Прим. ред.*

114

«Мы не хотим подавать Австрии блюда, чтобы удовлетворять ее аппетит». – *Прим. ред.*

«Всё прошло спокойно». – *Прим. ред.*

«Смотря по обстоятельствам». – *Прим. ред*.

117

Начальник вооруженных сил текинцев в Ахалтекинской экспедиции. – *Прим. ред.*

много писем ее мужа.

«Император Александр II и миссия нового царя». – *Прим. ред.*

Отрывки из статьи здесь приводятся в переводе. – *Прим. ред*.

121

Каракозов Дмитрий Владимирович (1840–1866) 4 апреля 1866 года стрелял в Александра II у ворот Летнего сада и промахнулся. – *Прим. ред.*

Задние мысли. – *Прим. ред.*

«Старый порядок и революция». – *Прим. ред.*

«Происхождение современной Франции». – *Прим. ред.*

ультра-русофильскими прорицаниями московской прессы.

Оправдательного документа. – *Прим. ред.*

Золотой молодежи. – *Прим. ред.*

128

Речь идет о тайном обществе «Священная дружина», созданном для борьбы с революционерами-террористами и просуществовавшем до конца 1882 года. – *Прим. ред.*

Отсутствующие всегда виноваты. – *Прим. ред.*

О мертвых хорошо или ничего. – *Прим. ред.*

131

12 января 1882 года генерал Скобелев на обеде в ресторане Бореля в честь годовщины штурма и взятия Геок-Тепе произнес речь, носившую славянофильский характер и направленную против Германии и Австро-Венгрии. Управляющий Министерством иностранных дел Гирс передал австрийскому правительству изъявления своего сожаления по поводу этой застольной речи. В начале февраля к находившемуся в Париже Скобелеву явилась делегация сербских студентов с благодарностью за речь, произнесенную 12 января. В ответ на это Скобелев снова выступил с заявлением, направленным против немцев. – *Прим. ред.*

132

В. Лаферте. «Александр II. Неизданные материалы о его личной жизни и его смерти». Книга переиздана в 2016 году в «Захарове». – *Прим. ред.*

133

«Что делать? Ответ автору „Положения в России“». – *Прим. ред.*

Положение. – *Прим. ред.*

135

«Истинные интересы славянства и мир в Европе. Ответ генералу Скобелеву графа Петра Кутузова». – *Прим. ред.*

136

Не всякую правду можно говорить (франц. пословица). – *Прим. ред.*

«Россия при царе Александре III». – *Прим. ред.*

Гражданского мужества. – *Прим. ред.*

139

Речь идет об Базарове Александре Ивановиче (1845–1907), директоре Никитского ботанического сада. – *Прим. ред.*

Позиции. – *Прим. ред.*

Смягчить. – *Прим. ред.*